

LOGICA SOCIALIS

Макс ВЕБЕР
ИСТОРИЯ
ХОЗЯЙСТВА
ГОРОД

КАНОН-ПРЕСС-Ц

ЦФС

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ

МАКС ВЕБЕР

ГОРОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА и ШКОЛА
ПЕТРОГРАД,

1923

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН
МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

МАКС
ВЕБЕР

ИСТОРИЯ
ХОЗЯЙСТВА
ГОРОД

МОСКВА
КАНОН-ПРЕСС-Ц
КУЧКОВО ПОЛЕ
2001

УДК 316
ББК 60.5
В26

LOGICA SOCIALIS:
СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Серия основана в 1998 году Центром Фундаментальной
Социологии и издается под общей редакцией
С. П. Баньковской, Н. Д. Саркитова и А. Ф. Филиппова

Ответственные редакторы
Г. Э. Кучков и Н. Д. Саркитов

Вебер М.

В26 История хозяйства. Город / Пер. с нем.; Под ред.
И. Гревса; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. — М.:
«КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 576 с.
(Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации
Центра Фундаментальной Социологии»).

Очередная книга большой серии «Публикации ЦФС» (малая се-
рия «LOGICA SOCIALIS») представляет собой вторую книгу двухтом-
ника, в который входят три весьма важных для понимания творче-
ства М. Вебера труда по исторической социологии: «Аграрная исто-
рия Древнего мира», «История хозяйства» и «Город».

Во вторую книгу включены «История хозяйства» и «Город».

Книга предназначена для социологов, философов, историков, эконо-
мистов и всех изучающих эти дисциплины.

ISBN 5-93354-009-9

УДК 316
ББК 60.5

© Г. Э. Кучков. Комментарии, 2001
© Н. Д. Саркитов. Комментарии, 2001
© Название серии LOGICA SOCIALIS является
зарегистрированным товарным знаком, 1998
© Издательство «КАНОН-пресс-Ц». Составление,
оформление серии, знак серии, 1998.

ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Основные понятия

Ср. *Max Weber*, *Wirtschaft und Gesellschaft*, I. Teil Tübingen, 1921; кроме того, *A. Amonn*, *Objekt und Grundbegriffe d. theoret. Nationalökonomie*, Wien, 1912; *J. B. Esslen*, *Nutzen und Kosten als Grundlage der reinen Wirtschaftstheorie*, см. *Schmollers Jahrb.* XLII (1918); *W. Sombart*, *Der moderne Kapitalismus*, 4. Aufl. 1921, 2 bde. München und Leipzig, («Современный капитализм», Пг. 1923 г., пер. с 5-го нем. изд., 1922).

А. Мы называем какую-нибудь деятельность хозяйственной, поскольку она направлена на заботу о желаемых полезных действиях или на возможность их достижения*. *Всякая* деятельность может быть направлена хозяйственно, например, даже деятельность художника или военачальника (последнего, поскольку принимаются во внимание материальные цели и средства для подготовки и осуществления войны). «Хозяйством» в узком смысле слова называется, однако, только *мирное* пользование распорядительной властью, которая *прежде всего* направлена на хозяйственные цели. Одним из признаков распорядительной власти является использование собственной рабочей силы. Раб, подгоняемый кнутом, есть инструмент, хозяйственное орудие господина; но он не хозяйствует сам; так же и рабочий на фабрике, который там может быть только чисто техническим орудием труда, между тем как в собственном доме

---

* При этом имеется в виду не «вещественное благо», как таковое, но всегда лишь возможность его применения как перевозной, двигательной, переносной силы и т. п. Полезные действия всегда единичные действия: не «лошадь» как таковая — в этой связи и в этом смысле — является предметом хозяйства, но только ее единичные полезные действия. Полезные действия предметов мы называем для краткости «благами», человеческие полезные действия — «услугами».

он «хозяйствует». Признак мирного труда при этом неотъемлем, так как, хотя и каждый вид активного насилия (разбой, война, революция) может быть направлен на хозяйственные цели, но они подлежат совсем другим закономерностям, чем «забота», осуществляемая мирными средствами. Во всяком случае, за каждым хозяйством стоит и, согласно указаниям исторического опыта, должным образом стояло начало принуждения — ныне государственного, в прежние эпохи личного, часто сословного. Но это насилие мы не называем хозяйствованием; оно является только средством для исполнения хозяйственных намерений. Далее важно отметить, что хозяйство всегда обусловлено *недостаточностью имеющихся средств* и всегда принимает это во внимание. Чтобы иметь возможность удовлетворить стремление к полезным действиям, нужно «хозяйственно» распорядиться данными в ограниченном количестве средствами*. Отсюда и вытекает (не всегда осуществляющаяся полностью) тенденция к «рационализированию» хозяйственной работы. Под *хозяйством* мы, наконец, также понимаем деятельность, объединенно руководимую силой собственной распорядительной власти хозяйствующего субъекта, поскольку она определяется заботой о полезных действиях или возможностях полезного действия. «Хозяйственная единица» («хозяйственный союз») при этом, поскольку деятельность обеспечивается единым, извне более или менее замкнутым союзом, всегда оказывается автокефальной, т. е. такой, которая сама определяет для себя руководящий круг лиц; это — прежде всего направленный на хозяйство *союз*, деятельность которого не носит случайного характера, но протекает непрерывно. Существенна здесь прежде всего *основная* хозяйственная ориентировка, которая характеризует *хозяйственный* союз как таковой. Этому противоположны все союзы, которые хотя и «принимают участие» в «хозяйственной жизни», но сами по себе не являются хозяйственными союзами, потому ли, что они прежде всего ставят себе другие цели и лишь во вторую очередь цели экономические («хозяйствующие союзы»), потому ли, что они сами

* Вместе с тем «хозяйствование» всегда означает сравнение различных прикладных *целей* и выбор между ними, между тем как *техническая* мысль имеет дело с выбором *средств* для достижения поставленной цели. (Ср. A. Voigt, в Technische Ökonomik Wirtschaft u. Recht der Gegenwart, I, Tübingen. 1912).

не хозяйствуют, но скорее ограничиваются тем, что подчиняют известным общим правилам хозяйственную деятельность других, «формально нормируют ее» («организующие союзы») или конкретно вмешиваются в нее, чтобы «материально упорядочивать» («хозяйственно-регулирующие союзы»). Один и тот же союз может, смотря по обстоятельствам, принадлежать к нескольким из этих типов.

Б. Хозяйственная деятельность может стремиться: 1. К *планомерному распределению находящихся в ее распоряжении полезных действий* а) между настоящим и будущим, б) между многими возможными видами приложения самой себя в настоящем; 2. К *планомерному добыванию и обработке еще не готовых для потребления, но располагаемых ею благ и услуг («производство»)*; 3. К *приобретению распорядительной власти или участия в ней над полезностями*, поскольку они, готовые к употреблению или нет, находятся в распоряжении чужого хозяйства. В последнем случае средствами деятельности, если она, в соответствии со смыслом хозяйствования, является мирной, служит или образование хозяйственно регулирующего союза теми, кто обладает правом распоряжения, или обмен.

Хозяйственно-регулирующий союз может быть:

1. *Союзом управления («плановым хозяйством»)*. Это выражение должно обозначать единое руководство хозяйством, существование некой группы хозяйственных единиц, планомерно руководимой штабом людей, планомерно в отношении к добыванию, приложению и распределению полезностей (примеры этого дают «военно-хозяйственные организации» в последнюю мировую войну). Деятельность единичных предприятий, участвующих в союзе, направляется общим планом главного штаба.

2. *Регулирующим союзом* в котором отсутствует единое управление всеми отдельными действиями, но который все же стремится к исключению взаимной конкуренции, направляя работу отдельных вошедших в него хозяйств. Существенные средства для этого: *ограничение потребления и добывания*. Рыболовные, пастбищные, лесные товарищества, цехи — вот далеко не единственные примеры, рационализации частью сырья, частью пределов сбыта и тем самым, косвенно, потребления. Сюда же принадлежат во многих отношениях также «картели» новейшего времени.

Обмен может быть случайным и рыночным:

1. *Случайный обмен.* В таком виде он существует с исконных времен. Излишки вымениваются спорадически, но центр тяжести обеспечения лежит в собственном производстве.

2. *Рыночный обмен.* Основывается на том, что все одинаково стремятся к предложению, и спрос существует также всеобщий, т. е. соответствует возможностям рынка. Там где рыночный обмен господствует над хозяйством, мы говорим о *меновом хозяйстве.*

Всякий обмен основывается на мирной борьбе людей между собой, *на борьбе за цены*; человек торгуется с партнером *по мене* и может возникнуть *конкуренция* (против других стремящихся к той же меновой цели). Дело разрешается компромиссом, который заканчивает борьбу к выгоде одного или нескольких участников.

Обмен может быть *регулируемым только формально*, как в свободном капиталистическом хозяйстве, или также *материально* (это и будет урегулированный обмен в узком смысле слова) через гильдии, цехи, через монополистов-предпринимателей или государей и притом с очень различных точек зрения (например, ради повышения или понижения цен, обеспечения населения и т. д.).

Обмен может быть *натуральным* или *денежным*. Только при последнем становится технически возможным опираться в торговле на «шансы рынка» в смысле именно менового хозяйства.

В. Средством обмена является предмет, который может быть принят вместо других каким-нибудь кругом людей, как нечто установленное (т. е. постоянно возвращающееся и ходящее в неограниченном количестве) только потому, что люди определенно знают и ждут возможности снова пустить его же в обмен. Средство обмена не безусловно тождественно со средством *уплаты*. Средство уплаты, в сущности, есть только общепринятая форма для исполнения хозяйственных обязательств, т. е. погашения «долгов»; но не все долги проистекают из меновых сделок; не таковы, например, обязательства по выплате податей, налогов, приданого. Не каждое средство уплаты, которое выступает перед нами в истории хозяйства, служило также и средством обмена, так, например, в Африке крупный рогатый скот был средством уплаты, но не средством обмена. Не всякое средство обмена, в местности, где оно имеет силу, действует так-

же неограниченно и как средство уплаты. Монгольские ханы выпускали для своих подданных бумажные деньги, но не принимали их в уплату налогов. Не всякое средство уплаты является таковым для всех возможных обязательств. Известные золотые монеты временно принимались в Австрии лишь в уплату таможенных пошлин. Не всякое средство обмена было всегда в истории применимо при всех видах обмена, например, женщин можно было в Африке покупать не за деньги-раковины, но только за рогатый скот.

Деньги — это такое средство уплаты, которое вместе с тем является и средством обмена в определенном кругу людей, и которому можно, посредством раздробления на части с определенной «нарицательной стоимостью», придать такой вид, чтобы с его помощью производить расчеты. Но такая техническая функция не связывалась с тем, чтобы предмету была придана определенная внешняя форма. Гамбургские банковские расписки, первообразом которых были определенные китайские бумаги подобного рода, гарантировались, например, вкладами серебра, все равно, в каком виде; но в обмен за них получались деньги.

Хозяйство без употребления денег мы называем натуральным, хозяйство с употреблением денег — денежным.

Натуральным хозяйством может быть хозяйство, потребности которого удовлетворяются без всякого обмена; так устраивал дело, например, помещик, перелавивший удовлетворение своих нужд на единичные крестьянские хозяйства; таков же «ойкос»¹, замкнутое домовое хозяйство*; но в чистом виде оно реально всегда было редким исключением. Или оно может оставаться *натуральным хозяйством*, даже когда прибегают к хозяйственному обмену, но не знают денег. Во вполне цельном виде такая форма хозяйства также нигде не встречается, но осуществляется лишь приблизительно. В Древнем Египте одно время господствовало хозяйство с *денежными расчетами* и *натуральной меной*; некоторое количество благ непосредственно менялось на другие, но предварительно оба оценивались на деньги.

Денежное хозяйство делает возможным личный и временный *перерыв между двумя половинами менового акта* (продажи и купли), *освобождение от определенности вещественных знаков обмена*, с помощью чего впервые создает-

* См. ниже.

ся расширение рынка, т. е. увеличение шансов рынка. *Эмансипация хозяйственной деятельности от положения данной минуты*, благодаря которой можно спекулировать по поводу будущего положения рынка, также стала возможна только благодаря оценке шансов обмена обеими сторонами на деньги (на денежный счет). Эта функция денег — осуществлять возможность расчета, устанавливать общий знаменатель, к которому могут быть отнесены все блага, имеет громадное значение. Только этим была дана первая предпосылка для *рационального расчета в хозяйственной деятельности*, стал мыслим торговый «расчет». Только эта функция денег делает возможным для хозяйства, ожидающего дохода, ориентироваться исключительно на шансы рынка, а для «домашнего хозяйства» заранее намечать свой «хозяйственный план» расходования имеющихся в его распоряжении денежных сумм, руководствуясь «предельной полезностью» этих сумм.

Г. Основные типы всякого хозяйствования — это *домоводство* и *предприятие*, которые, правда, связаны между собой переходными ступенями, но в чистой форме логически противоположны. *Домашнее хозяйство* направляется на удовлетворение собственных потребностей, будут ли то потребности государства, личности или союза потребителей. Напротив, *предприятие* управляется возможностями прибыли, специально меновой прибыли. Основными категориями домашнего хозяйства, поскольку уже существует денежное обращение, являются *имущество* и *доход*. Конечно, можно говорить и о натуральном доходе и о натуральном имуществе. Но к общему знаменателю имущество и доход приводятся лишь тогда, когда они оценены на деньги, и об имуществе, как единстве, можно вообще говорить впервые только на почве менового хозяйства, основанного на денежных расчетах. В этом смысле *доход* означает возможность того, что определенное, оцененное на деньги количество благ поступит в распоряжение хозяйства в течение определенного периода; напротив, *имущество* обозначает владение денежно ценными благами, которые находятся в распоряжении домашнего хозяйства для длительного пользования или для получения дохода. Наконец, *предприятие* означает такое направленное на обогащение хозяйство, которое опирается на шансы рынка, чтобы получить меновую прибыль. Предприятие в этом смысле мо-

жет быть единичным, случайным, как, например, отдельные морские экспедиции, из которых, однако, выросла *комменда* (*commenda*), форма капиталистического товарищества в раннем Средневековье²; оно может строиться и как постоянный промысел. Каждое предприятие рассчитано на *прибыль*, т. е. на то, что будет достигнут излишек по сравнению с денежной оценкой затраченных на предприятие средств. Оно работает по *расчету капитала*, т. е. составляется *баланс*, к которому приводятся все единичные правила в области «калькуляции» т. е. определения шансов на меновую прибыль. *Расчет капитала* означает, что блага вкладываются в предприятие по денежной расценке и после окончания предприятия или установленного хозяйственного периода подсчитывается денежная прибыль или убыток (путем сравнения начальной и конечной ценности капитала). Поскольку этот расчет становится всеобщим, на него и тем самым на шансы рынка ориентируются обмен благ и их производство.

Процесс домашнего хозяйства и процесс хозяйства приобретательского (либо прибыльного, доходного) ныне *разделились* и протекают каждый в отдельности непрерывным рядом действий. Еще в XIV и XV вв., например, в доме Медичи*³, такого разделения не было. Ныне оно — закон, и хотя существовали домашние хозяйства, не вполне отделенные от торгово-промышленных предприятий — так было, например, у визирей⁴ арабского халифата — все-таки решающим признаком является их разделение в ведении книг, т. е. в хозяйственных расчетах: только то, что попадало в книгах под черту баланса, как прибыль, притекало в единичные домашние хозяйства, и это одинаково — как в предприятии отдельного лица, так и в акционерном обществе. Доходное хозяйство хозяйствует в основе иначе, чем домашнее, поскольку оно направляется не к предельной полезности, а к прибыльности (которая, со своей стороны, опять-таки зависит в конечном счете от соотношения предельных полезностей у последних потребителей). Вместе с тем денежный расчет как в домашнем, так и в доходном предприятии, зависит, в конце концов, от шансов рынка, т. е. мирной борьбы людей между собой. Следовательно, деньги вовсе не неподвижный масштаб, подобный всякому

* См. ниже.

другому измерительному прибору; цена денег, по которой производятся все оценки, есть *компромисс* (равнодействующая) *шансов борьбы* на рынке, так что мера оценок, без которой не может жить капиталистический расчет, рождается только из борьбы людей на рынке. Отсюда проистекает «формальная» рациональность денежного хозяйства по сравнению со всяким «натуральным» хозяйством (замкнутым или меновым — безразлично). Оно означает наивысшую возможную «расчетливость», совершеннейший подсчет всех уже осуществленных и ожидаемых в будущем шансов прибыли и убытка. Формально-рациональная основа капиталистического расчета не может быть заменена никаким иначе организованным методом расчета, даже самой развитой формой натурального расчета, с «универсальной статистикой» на месте калькуляции, как предлагает устроить социализм. Если должен быть устранен расчет капитала, это может быть достигнуто рационально только в случае изобретения такого технического средства, которое в состоянии дать столь же всеобщее употребительный общий знаменатель, как деньги и специально денежная цена.

Типы расчленения хозяйственных функций

Основным фактом нынешней (как и всякой «развитой») хозяйственной жизни является *расчленение профессий*, дифференциация людей по произвольным призваниям.

Профессия или призвание, как термин экономической науки, есть постоянное выполнение определенных функций одним лицом, как основание его обеспечения или заработка. Она может осуществляться внутри союза (поместья, деревни, города) или ради обмена на рынке (трудовом рынке, вещном рынке). Разделение профессий существовало не всегда, по крайней мере, не всегда в нынешних масштабах.

С хозяйственной точки зрения человеческие профессии могут быть *распорядительными* или *исполнительными*. Последние мы называем «*трудом*», первые — *распоряжением* над трудом. Виды последнего различны, и их можно разделить как технически, по характеру распределения единичных функций (внутри хозяйства) между отдельными работниками и их взаимоотношению между собой, так и эконо-

мически, по характеру распределения функций между различными хозяйствами и их отношениям между собой*.

А. Возможности *технического распределения и сочетания функций труда* («разделение труда» и «объединение труда») могут различаться или по виду функций, которые соединяет в себе одно лицо, или по виду совместного действия *нескольких лиц*, или по виду взаимодействия работника (или работников) с *вещественными средствами работы* (производства, транспорта, потребления)**.

1. Функции *отдельного* работника при технической специализации могут быть *комбинированы* так, что один и тот же работник выполняет качественно различные действия (например, сельскохозяйственную работу и отхожую, странствующую работу), или *дифференцированы* так, что качественно различные функции могут выполняться различными лицами. Такая дифференциация может опять же осуществляться по виду *конечного результата*, как «*обособление занятий*» (например, в средневековом ремесле), или как *специализация на дополнительных функциях*, т. е. раздробление единой профессии на взаимно поддерживающие друг друга операции, как, например, на современной фабрике («разложение (разделение) труда»).

2. *Соединение различных функций* в одно целое осуществляется или через *накопление функций*, или через *связывание* их соответственно тому, соединяются ли однородные или качественно разнородные функции для достижения одного и того же результата. В обоих случаях мы имеем дело с *техническим порядком функций*, протекающих независимо друг от друга, т. е. «параллельно», или совершающихся так, что они объединяются в единое общее дело***.

---

* Первый случай наблюдается в домашнем хозяйстве какого-нибудь господя или на фабрике, где отдельные функции специализированы между отдельными работниками, но не разделены между разными хозяйствами. Пример второго случая дает задача работы (der Verlag), организация которой в текстильной промышленности основана именно на разделении между различными хозяйствами функций, комбинируемых вместе в конечном результате.

** Ср. К. Бюхер. Возникновение народного хозяйства. Пг., 1923 г. 5-е рус. изд. т. 1. E. Durkheim. De la division du travail social. Paris. 1893. (Есть рус. пер).

*** Примером обобществления действия при скоплении труда может служить процесс переноски или перетаскивания больших грузов многими лицами, при соединении труда — отчасти, оркестр музыкантов.

3. При разделении по виду сочетания с *вещественными орудиями труда* (средствами производства) мы получаем чисто обслуживающие функции и затем еще функции добычания, доставки или транспортировки вещественных благ. Каждая обработка вещественных благ обычно предполагает существование, с одной стороны, носителей природных или механических источников силы или, по крайней мере, оборудования для труда, например, мастерских, с другой стороны, самих *орудий труда*: инструментов, аппаратов, машин. *Инструменты* — это такие вспомогательные средства работы, которые приспособлены к органическим актам деятельности человека. В противоположность этому термину *аппаратами* мы обозначаем такие орудия труда, которым «служит» человек, к которым он до некоторой степени приспособливает свои действия. Наконец, *машины* — это механизированные, т. е. самодействующие аппараты («автоматы», в полном смысле слова). Значение аппаратов заключается не в их специальном способе работы, который независим от ее органических условий, но в том, что чрезвычайно важно для хозяйства, основанного на рациональном расчете капитала, — в возможности *рассчитать их функции*. Употребление механизированных аппаратов связано с предпосылкой экономически действенной, т. е. покупательно сильной *потребности масс*; только там, где такая имеется, могут выгодно применяться аппараты.

Б. Экономические возможности при распоряжении процессом труда различны, как по роду разделения функций между отдельными хозяйствами, так и по роду того, как складывается владение отдельными экономическими средствами, т. е. порядок собственности*.

Отношения между соединением и разделением функций в экономической области складываются так же, как в технической. Возможна: 1) *связь функций внутри одного хозяйственного единства с технической специализацией и техническим комбинированием*. Это хозяйственное единство может быть или *домашним хозяйством*, хотя бы и большим (такова домашняя община южных славян, задруга⁵, которая эпизодически ведет внешний обмен, т. е. главным образом организована для внутреннего хозяйст

* Например, оно зависит от того, как присваиваются рабочие места работниками: наследственно, на время, или пожизненно; присвоены ли материальные средства производства и кому именно и т. д.

ния) или же *доходным хозяйством* (примеры: фабрика, которая знает специализацию и соединение функций, как единое хозяйство внутри себя, или стоящее над ней «смешанное предприятие», которое связывает вместе, например, угольную горнодобывающую промышленность и обработку железа, или трест, т. е. руководимая финансистами монополистами более или менее объединенная комбинация различных хозяйств, связанных между собой только интересами прибыли). Наконец, оно может перейти к 2) *специализированному разделению функций между многими более или менее самостоятельными хозяйствами*. При этом может проявиться или *полная хозяйственная автономия* единичных хозяйств, т. е. разделение функций между вполне независимыми хозяйствами — типичный пример: меновое хозяйство XIX в. — *частичная гетерономия*⁶, при которой единичные хозяйства, хотя и автономны во многих вопросах, но их хозяйственная деятельность направляется стоящим над ними *союзом*. При этом опять открываются различные возможности в связи с тем, носит ли этот союз *домашне-хозяйственный* или *доходно-хозяйственный* характер. В первом случае он ведет хозяйство, руководствуясь точкой зрения удовлетворения потребностей своих сочленов. Его организация может быть построенной в виде *товарищества*, как в индийской деревне, где ремесленники не автономны, но являются снабженными землей наймитами деревенской общины и выполняют свою работу даром или за общее возмещение (*демиургическое*⁷ хозяйство). Или она является *барской*, как в средневековом помещицьем хозяйстве, в котором господин возлагает определенные функции на самостоятельные в остальных отношениях хозяйства, рядом с которыми стоит господский дом, как высшее хозяйство. С другой стороны, если руководящий союз является доходным хозяйством, характер соединения функций опять же может быть или корпоративным, или господским: корпоративным внутри *картеля* (в широком смысле слова)⁸, господским, если над отдельными хозяйствами стоит *доходное хозяйство* какого-нибудь господина, предпринимателя, например, раздатчика или скупщика работы над зависящими от него крестьянами-кустарями или ремесленниками.

В. Присвоение, т. е. порядок и форма собственности.

Собственность в смысле экономической науки не тождественна с юридическим понятием о ней. Для экономиче-

ской науки собственностью является, например, также право на заказы, которое может быть наследственным, отчуждаемым, делимым, и которое индийское право действительно рассматривает как вид собственности.

Быть присвоенными, т. е. являться предметом собственности, могут также возможности приложения труда, т. е. рабочие места и связанные с ними шансы на заработок, вещественные средства производства, руководящие положения, например, предпринимательское.

1. В присвоении рабочих мест возможны такие противоположные случаи: с одной стороны, отсутствие присвоения рабочего места — единичное лицо свободно продает свою рабочую силу, следовательно существует свободный рынок труда; с другой стороны, прикрепление личности работника, который вместе с тем становится несвободным рабочим или рабом, к рабочему месту, т. е. к владельцу его, как некоего предмета. В этом втором случае открываются такие возможности: приложение несвободного труда к домашнему хозяйству (так было в Западной Европе до XVI в.); пользование несвободным трудом, как источником ренты (как в античном мире: господин дает рабу свободу труда и заработка и налагает на него за это оброк); пользование несвободным трудом, как рабочей силой (карфагенские и римские латифундии, плантации, обрабатывавшиеся неграми в Соединенных Штатах). Между двумя этими крайностями существует много переходных ступеней. Наконец, возможно прикрепление рабочего места к работнику и притом или к отдельным работникам, или (как правило) к союзу их (урегулированному рабочему союзу). Союз этот может достигать разных степеней замкнутости. Он может прикреплять в разной степени рабочие места к отдельным работникам в соответствии с родом регулирования профессий и их выгод, которых он требует, причем крайним случаем является наследственное прикрепление (например, места ремесленников в индийских кастах, должности при княжеском дворе, крестьянские участки в поместье); минимальной степени прикрепления соответствует исключение возможности расчета работника в любое время (новейшая система промышленных советов может быть означает начало «права» фабричного рабочего на рабочее место). Кроме рабочего места союз может регулировать: процесс работы (например, запрещение изнурения ученика в средневековом

цехе), *качество работы* (например, в вестфальском льняном ткачестве вплоть до XIX столетия), *вознаграждение* (таксы цен, часто минимум цен для ограничения конкуренции), *пределы заработка* (район хождения по домам для трубочистов). Также и между этими крайностями лежат многочисленные переходные ступени, вплоть до полного отказа от регулирования профессиональных обязанностей и выгод.

2. *Присвоение вещественных средств производства* может происходить равным образом различно:

а) в пользу *рабочих*, отдельных или какого-нибудь союза. *Присвоение отдельными рабочими* приводит к различным результатам, смотря по тому, используются ли средства производства для *домашнего хозяйства* на собственное потребление или (специально в случае типичного мелкого капитализма) *с целью прибыли* на рынке. *Присвоение союзом* может быть пропорциональным или *коммунистическим*, в соответствии с тем, происходят ли расчеты по доходу от пользования, или просто практикуется общее пользование; обычно соединяются обе системы. Пользование, в свою очередь, может быть домашним или доходным (домашним, например, в коммунистической форме, как в русском «мире»*) с присвоением по участию в древнегерманском аграрном строе, по выручке в русской артели, которая хотела присвоить средства производства в собственность рабочих)**.

б) Присвоение может также осуществляться в пользу *владельца*, который не тождественен с рабочим; тогда выступает *отделение рабочего от средств производства*. И здесь обнаруживаются различия в зависимости от рода использования присвоенных средств производства их владельцем. Он может: а) применять их *патримониально*⁹ в собственном домашнем хозяйстве (крупное хозяйство египетского фараона в Новом царстве¹⁰, который был собственником всей земли, за исключением храмовых имений); б) наоборот, присвоенные средства производства могут быть ис-

* Автор в недостаточной мере выясняет формы древнерусского общинного землевладения в крестьянских «мирах», так что к примерам его из этой области надо относиться с осторожностью (*Прим. ред. рус. пер.*).

** Здесь принцип приобретательства не устранялся, так что получается такой социализм, который ставит новый класс собственников на место старого.

пользованы с целью прибыли в собственном деле, как капитал (капиталистическое предприятие); γ) наконец, возможно доходное использование с помощью сдачи *внаем*, который может быть предоставлен другим домашним хозяйствам (например, своим колонам¹¹ от античного помещика) или лицам, которые преследуют здесь цели прибыли, причем мыслим такой случай, когда *лицо, сдающее внаем*, само предоставляет съемщикам некоторые средства производства (например, инвентарь мелким арендаторам, *resolium*¹² рабам), или, наконец, *предпринимателю для капиталистического* использования — в этом случае происходит отделение владельца от предпринимателя.

3. Кроме присвоения рабочих мест и вещественных средств производства может совершаться также *присвоение руководящих мест*. Оно обычно идет рука об руку с отделением рабочего от средств производства, ибо даже одно арендное владение ими создает уже функцию предпринимателя. Присвоение может распространяться и на работников (рабство).

Возможные *взаимоотношения владельца и руководителя предприятием* таковы: разделение или тождество личностей. В первом случае владельцы могут быть заинтересованы в *доходе с имущества*, которое они стараются использовать как домашнее хозяйство — таков тип современных «рантье» — или *интересоваться особенно прибылью*, как, например, банки, которые вкладывают часть располагаемых ими средств в промышленные предприятия.

Во всяком случае, последствием присвоения руководящих мест владельцами является *отделение домашнего хозяйства от доходного предприятия*; это характернейшая черта современного хозяйственного строя, даже принудительно осуществляемая законодательством. Для доходного предприятия решающее значение имеет ориентация на принцип прибыльности. Но наличие присвоения средств производства рядом с функционированием доходного предприятия приводит к следствию, что личные имущественные интересы, т. е. интересы иррационального порядка, принимают участие в образовании доходного предприятия. В особенности это выступает там, где имеет место отделение предпринимателя от владельца, так как в таком случае присвоенные средства производства могут становиться предметом частной спекуляции или даже предметом спекулятив-

ной политики банков и трестов, так что здесь опять-таки дают о себе знать иррациональные влияния, хотя бы они были влияниями приобретательской спекулятивной природы.

Характер хозяйственной истории

Из предыдущего изложения следует ряд выводов, важных для *задач истории хозяйства*. Она должна ближайшим образом исследовать *смену различных видов разделения и соединения экономических функций* во времени. Ее первый вопрос гласит: как в определенную эпоху *разделялись, специализировались и комбинировались хозяйственные функции*, технически и экономически и, наконец, принимая во внимание их связь с порядком собственности? После этого вопроса, который развертывает перед нами тотчас же проблему «классов» и вообще общественного строя, следует поставить другой: идет ли при этом речь о *домашне-хозяйственном* или о *доходном* использовании присвоенных функций и возможностей? Тем самым дана третья проблема: отношение *рациональности и иррациональности* в хозяйственной жизни. Современный хозяйственный строй именно рационализирован в высокой степени, благодаря влиянию бухгалтерии; в известном смысле и в известных границах, вся история хозяйства есть история ныне достигнувшего победы экономического *рационализма*, основанного на вычислении и расчете.

В более ранние периоды истории степень хозяйственного рационализма намечается различно. В начале стоит *традиционность*: держатся за старину, удерживают переданные по наследству навыки и передают их следующим эпохам, даже в том случае, если их прежнее значение давно утрачено. Только медленно было преодолено такое состояние. Благодаря этому история хозяйства должна считаться также с *элементами внеэкономического порядка*. К таковым относятся: магические и религиозные моменты — стремление к благам *спасающим*, моменты политические — стремление к *власти*, сословные интересы — стремление к *чести*.

Ныне хозяйство, поскольку оно строится как хозяйство для прибыли (доходное), в принципе экономически автономно, основано только на хозяйственных точках зрения и в высокой степени расчетливо, рационально. Но постоянно

в такую формальную рациональность вторгаются мощные материальные иррациональности, созданные прежде всего разделением дохода, которое между прочим приводит к распределению благ, материально иррациональному (если его рассматривать с точки зрения, например, материально «наилучшего возможного обеспечения благ»), далее, благодаря домашне-хозяйственным интересам, природа которых, с точки зрения доходного предприятия, остается иррациональной. Однако, хозяйство не есть единственная сфера культуры, в которой разыгрывается борьба между формальной и материальной рациональностью. Правовая жизнь тоже знает такую борьбу в споре между формальным применением права и материальным чувством справедливости*. Не иначе обстоит дело и в искусстве: противоположность между «классическим» и неклассическим искусством основывается в конечном счете на противоречии, в которое впадает материальная потребность выражения с имеющимися для этого формальными средствами).

Наконец, следует еще подчеркнуть, что история хозяйства (и вся история «классовой борьбы») образует почву, без познания которой немислимо плодотворное исследование ни одной из великих областей культуры.

Библиографические пособия и общие обзоры

P. Herre, Quellenkunde zur Weltgeschichte, Leipzig, 1910.

Dahmann-Waitz, Quellenkunde der deutschen Geschichte, 8. Aufl., hrsg. von *P. Herre*, Leipzig, 1912.

G. Monod, Bibliographie de l'histoire de France, depuis les origines jusqu'en 1789, Paris, 1888.

Ch. Gross, The sources and literature of English history from the earliest times to about 1485, 2 ed., London, 1915.

Библиографическая статья в *The Cambridge modern history*, 13 vls., Cambridge, 1907—1923 und *The Cambridge medieval history*, Cambridge 1911 ff. (пока вышло 3 тома, до середины XIX века). — Библиографические указания далее *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, hrsg. von *Joh. Conrad, Ludw. Elster, Wilh. Lexis*, Edg. Loening, 3. Aufl., 8 Bde.,

* Борьба Фридриха Великого¹³ с его юристами возникла от того, что их формализм столкнулся с его решениями, продиктованными точкой зрения пользы для целей управления и общего блага.

Jena, 1903—1911, 4 Aufl., hrsg. von L. Elster, Ad. Weber, Fr. Wieser, Jena, 1921 ff., cv. *Wörterbuch der Volkswirtschaft*, hrsg. von L. Elster, 2 Bde., Jena, 1911. — *Богатый критический обзор литературы* дает В. Зомбарт. «Современный капитализм». Пер. с 5-го нем. изд. Пг., 1923 г.

* * *

Bibliographie der Sozialwissenschaften, Bd. 1—14, Dresden, Berlin, 1905—1918; fortgesetzt als *Sozialwissenschaftliches Literaturblatt*, Berlin, 1922 ff.

* * *

Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Gerg. von B. Hildebrand, fortges. von J. Conrad, herausg. von L. Elster, Jena, 1863 ff.

Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich, F. v. Holtzendorf und L. Brentano, позднее G. Schmoller, теперь H. Schumacher und A. Spiethoff, München und Leipzig, 1877 ff.

Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, begr. von W. Sombart, M. Weber und E. Jaffe, jetzt hrsg. von Jos. Schumpeter, Alfr. Weber und E. Lederer, Tübingen, 1904 ff., это — тома 19—31 des *Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik*, hrsg. von H. Braun, Tübingen, 1888 ff.

Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, hrsg. von St. Bauer, C. Grünberg, L. M. Hartmann und E. Szanto, Bände, Freiburg, Berlin, 1893—1900. — *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, herausg. von St. Bauer, G. von Below, L. M. Hartmann und K. Kasser, Leipzig, 1903 ff.

* * *

W. Gunningham, *An Essay on western civilisation in its economic aspects*, 2 vls. Cambridge, 1893—1900.

Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, 1.—5. Bd., Stuttgart, 1884—1903, 3. Aufl., Stuttgart und Berlin, 1910 ff.

O. Neurath, *Antike Wirtschaftsgeschichte*, 2 Aufl., Leipzig, 1918.

K. J. Beloch, *Griechische Geschichte*, 3 Bde., Strassburg 1893—1904, 2. Aufl. 1912 ff. (Рус. пер. с 1-го нем. изд.).

М. Ковалевский. *Экономический рост Европы*. в 3 т., М., 1898—1903.

H. Sieveking, *Grundzüge der neueren Wirtschaftsgeschichte*, vom 17 Jahrhundert bis zur Gegenwart, 3. Aufl., Leipzig, Berlin, 1921.

G. Vicomte d'Avenel, *Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en general 1200—1800*, 6 vol., Paris, 1896—1920.

K. Th. von Inama-Aternegg, *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*, 3. Dde., Leipzig, 1879—1901, 1. Bd. 2. Aufl. 1909.

K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Untersuchungen über die Entwicklung der materiellen Kultur des platten Landes auf Grund der Quellen zunächst des Mosellandes, 4 Bde. Leipzig, 1886.

R. Kötzschke, Grundzüge der deutschen Wirtschaftsgeschichte bis zum 17. Jahrhundert, 2. Aufl., Leipzig und Berlin, 1921.

E. Levasseur, Histoire des classes ouvrières en France, 2. Aufl., 2 Bde., Paris, 1900—1901.

В. Эшли. Экономическая история Англии. М., 1899.

G. Bodnitz, Englische Wirtschaftsgeschichte, 1. Bd., Jena, 1918.

W. Cunningham. The growth of English industry and commerce during the early and middle ages. 5. Aufl., 2 Bde., Cambridge, 1910.

Он же: The growth of English industry and commerce in modern times. 4. ed., 2 vls., Cambridge, 1907.

Th. Pogers, Six centuries of works and wages. The history of English labour. London, 1901. (Рус. пер.: История труда и заработной платы в Англии).

T. Fukuda. Die gesellschaftliche und wirtschaftliche Entwicklung in Japan. Stuttgart, 1900.

N. Ping-Hua Lee, The economic history of China, New York, 1921.

* * *

M. Weber, Wirtschaft und Gesellschaft (Grundriss der Sozialökonomik, III. Abt.), Tübingen. 1922.

* * *

См. на русском языке также: *И. М. Кулишер*. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Изд. 6-е. Пг., 1922 (с обширной библиографией).

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО,
РОД, ДЕРЕВНЯ И ПОМЕСТЬЕ
(АГРАРНЫЙ СТРОЙ)

A. Meitzen. Siedelung und Agrarwesen der West- und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven, 4 Bde. Berlin, 1896. (Ср. для критики: *G. F. Knapp.* Siedelung und Agrarwesen nach A. Meitzen, in: Grundherrschaft und Rittergut, 101 ff.).

M. Weber. «Agrargeschichte, Altertum» в Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl., I, 52 ff. Jena, 1909.

**§ 1. Типы аграрного строя
и проблемы аграрного коммунизма***

Если прежде всего обратиться к национально-немецкому аграрному строю, как он является перед нами в XVII столетии, чтобы затем проследить его назад вглубь прошлого до древнейших времен, от которых остаются лишь скудные и плохо освещенные источники, мы вынуждены ограничиться территорией, первоначально заселенной германцами. Таким образом отпадает: прежняя славянская область к востоку от Эльбы и Заалы¹, прежняя римская по

---

* Мысль об исконном аграрном коммунизме, стоявшем якобы в начале развития, прежде всего была выдвинута исследованиями о древнейшем германском хозяйственном строе. Особенно твердо обосновали это воззрение на древнейшую германскую земельную общину, которое позже стало почти общим достоянием науки, следующие ученые: *G. Hansen.* Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit (Nenes staatsbürgerliches Magazin III (1835) и IV (1837), повторно в «Agrarhistorischen Abhandlungen», 1880—1884, затем *G. Maurer.* Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hef-, Dorf- und Stadtverfassung. München, 1854. (Ср. *H. Brunner.* Deutsche Rechtsgeschichte, 1 Bd., 2 Aufl. Leipzig, 1906, *R. Schröder.* Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 6 Aufl. Leipzig, 1919). Аналогии древнейшему немецкому аграрному строю находились частью в русских порядках, частью в Азии, именно в Индии. См. *W. Roscher.* Haben unsere deutschen Vorfahren zu Ta-

ту сторону пограничного вала (*limes*), также рейнская область, Гессен и вообще южная Германия к югу от линии, которую можно (приблизительно) провести от границы Гессена вплоть почти до Регенсбурга², наконец, части земель, первоначально заселенных кельтами, на запад от Везера³.

Заселение этой области исконно германской оседлости происходило деревнями, а не отдельными дворами. Соединительных дорог между деревнями первоначально почти не было, потому что каждая деревня существовала самостоятельно для себя и не имела никакой нужды в связи с соседями. Даже позже дороги не пролагались правильно (как положено), но протаптывались сообразно потребности и снова исчезали из года в год, пока постепенно, с течением столетий, не возникла дорожная повинность (сервитут⁴), которая падала на отдельные земельные владения. Современная кар-

citus Zeit ihre Landwirtschaft nach dem Driefeldsysteme getrieben? Leipziger Sitzungsberichte X, 1858, A. v. Haxthausen. Studien über die inneren Zustände, des Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russland, 3 Bde. Hannover, 1847—1852; H. Maine. Village-Communities in the East and West. L., 1871). Это привело к представлению, что с земельной общины начинается всякое аграрное развитие; сильнее всего теория эта развивалась в работе Э. Лавелэ «О собственности». Р., 1874 (есть рус. пер.). В новейшее время, однако, возникло сильное течение, которое находит частную собственность на землю и развитие крупного землевладения уже в древнейшие, доступные нашему исследованию периоды, как германского, так и всякого другого хозяйства: ср. W. Denman-Ross. The theory of the village community. Cambridge, 1880; Он же. The early history of landholding among the Germans. Boston, 1883; F. Seebohm. The English village community. L., 1883. 4. Aufl., 1890; нем. пер. Th v Bunsen. Heidelberg, 1885; L. Dargun. Ursprung und Entwicklungsgeschichte des Eigentums, Zeitschr. f. vergleichende Rechtswissenschaft V, (1884); N.-D. Fustel de Coulanges. Le problème des origines de la propriété foncière, Revue des questions historiques XLV, (1889), повторно: Questions historiques, P., 1893; Он же. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, 2 т., 3-е изд. P., 1912; F. W. Maitland. The survival of archaic communities Law Quarterly Review IX (1893), повторно: Collected papers, 2 vls. Cambridge, 1911; W. Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. Leipzig, 1896 (ср. G. Knapp. Grundherrschaft und Rittergut. Leipzig, 1897); R. Hildebrand. Recht und Sitte auf den primitiven wirtschaftlichen Kulturstufen. 2. Aufl. Jena, 1907; A. Dopsch. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung aus der Zeit von Caesar bis auf Karl d. Gr., 2 Bde. Wien, 1918—1920. — Чтобы ориентироваться в вопросе о происхождении и течении означенной научной контрверзы, см. F. Rächfahl. Zur Geschichte des Grundeigentums (Jahrb. f. Nationalökonomie und Statistik LXXIV [1900]); G. v. Below. Das kurze Leben einer vielgenannten Theorie, in: Probleme der Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1920. Специально для заключения спора о древнейшем аграрном строе см. работу автора настоящей книги: M. Weber. Der Streit um der Charakter der altgermanischen Socialverfassung, Jahrb. f. Nationalökonomie und Statistik LXXIII (1904).

та генерального штаба сохраняет, поэтому, для данной местности вид неправильной сети, узлами которой являются деревни.

Если представить схему территории древней германской деревни в виде концентрических кругов, то первое, самое внутреннее, кольцо, включит совершенно неправильно разбросанные дворовые усадьбы; между ними ветвятся соединительные дороги.

Кольцо II обозначает огороженную садовую землю (Wurt), разделенную на столько частей, сколько было дворов в деревне первоначально.

Кольцо III — пашня (ср. ниже), IV — пастбище («альменда»⁵). Каждое домохозяйство имеет право выгонять на пастбище равное количество скота; в остальных отношениях оно не находится в общем владении, но поделено на твердо обозначенные участки.

Так же обстоит дело и с лесом (V), который, впрочем, не всегда принадлежит деревне; и здесь также право на рубку дров, сбор хвороста, свиного корма и т. д. поделено на равных началах между жителями деревни. Дом, двор и учас-

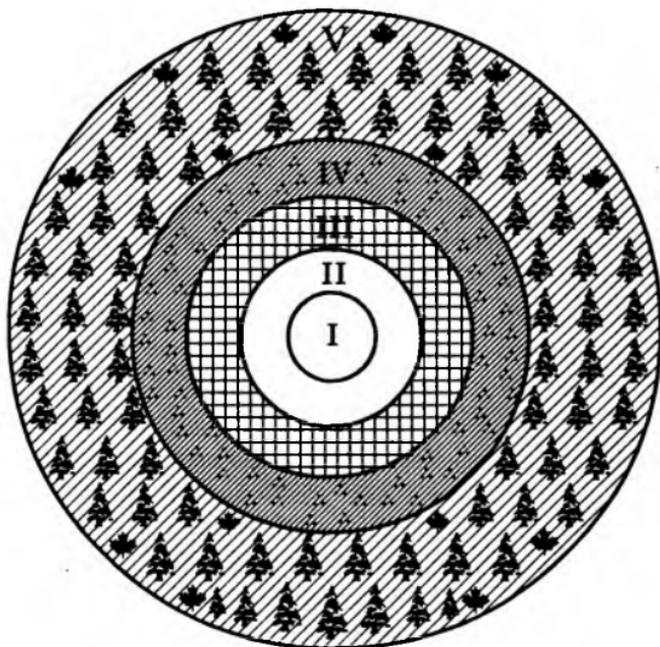

Схема германской деревни

тие отдельных лиц во владении садовой землей, пашней (см. ниже), альмендой и лесом именуется вместе «гуфой» (этимологически связано с *Habe, haben*)*.

Пашня разделена на некоторое количество частей, «*конов*» («*Gewanne*»); последние опять распадаются на полосы, не всегда одинаковой ширины и часто удивительно узкие. Каждый крестьянин деревни владеет такой полосой в каждом коне, так что все участки пашни первоначально одинаковой величины. Основано это деление на коны на стремлении дать членам общины равное участие в различных по качеству частях земли; чересполосное владение, которое проистекало отсюда, открывало еще то дальнейшее преимущество, что при стихийных бедствиях, вроде градобития, все оказывались одинаково пострадавшими и для отдельных лиц уменьшался риск.

Разделение на длинные полосы (между тем, как у римлян, например, господствовали квадраты) связано с особенностями *германского плуга*. Плуг (соха) в начальные времена повсюду представляет собою мотыгообразный инструмент, который ведут рукой, а позже влекут скотом; он лишь слегка разрывает землю и оставляет борозды на пашне. Все народы, которые остались при мотыжном плуге, были вынуждены пахать поле вдоль и накрест, если они хотели действительно взрыхлить землю. Поэтому наиболее подходящим для этого разделением пашни было деление на квадраты, которое мы видим в Италии со времен Цезаря⁶, и которое еще ныне нам показывают карты Кампаньи⁷, составленные генеральным штабом, на которых мы можем легко провести границы отдельных участков на основании этого внешнего признака. Напротив, германский плуг, насколько мы можем его проследить в прошлом, состоял из ножа, который вырезает землю вертикально, потом лемеха, который режет горизонтально, и, наконец, из приделанной справа направляющей доски, которая его поворачивает. Этот плуг делал излишним пахоту накрест. Для его применения было наиболее подходящим деление на длинные полосы. Площадь отдельной полосы измерялась при этом (по общему правилу) пространством, которое мо-

* По аналогии с русскими древними отношениями, это можно назвать «наделом» или, может быть, «сохой», хотя последнее слово скорее применимо к обозначению права члена общины на пахотные земли. (Прим. ред. рус. пер.).

жет за день вспахать один бык (работающий не до истощения, а ровно столько, чтобы сохранить работоспособность на последующие дни); отсюда произошло слово «морген» (древне-германская мера длины от «утро» или «день»), т. е. «дневная работа».

Такое разделение полей должно было с течением времени сильно перепутаться, так как плуг (с направляющей доской справа) обнаруживал тенденцию сдвигаться влево. Благодаря этому борозды становились неправильными и так как, первоначально по крайней мере, межевые знаки между отдельными полями отсутствовали (были проведены только пограничные борозды), легко запахивались участки чужих полос. Первоначальный распорядок восстанавливался *полевыми присяжными* с жезлом, позднее так называемым канавным циркулем, как в Шлезвиг-Голштинии⁸ с помощью выравнивания обмерным канатом.

Так как между отдельными участками не было никаких дорог, обработка пашни могла происходить только по общему плану и одновременно. Обычно она производилась по трехпольной системе*, которая была наиболее распространенной, но никоим образом не древнейшей формой хозяйства в Германии; временем ее введения должен считаться по меньшей мере VIII в., так как она упоминается уже в документе рейнского монастыря Лорш (около 770 г.), как нечто само собой предполагающееся.

Трехпольное хозяйство состоит в том, что вся деревенская пашня делится на три части, из которых первая засеивается озимыми злаками, вторая одновременно предназначается для яровых, третья оставляется под паром и (по крайней мере, в историческое время) унавоживается. Каждый год полосы по очереди меняют свое назначение, так что занятая озимыми на следующий год засеивается яровыми, еще на следующий остается под паром и соответственно остальные. Для скота на зиму заготавливается стойловой корм, летом он идет на пастбище. При таком порядке хозяйства исключена возможность того, чтобы отдельный человек предпринял нечто отличное от всей деревенской общины: его действия принудительно определяются ею. Деревенский староста твердо устанавливал, когда надо сеять

* G. Hausen. Zur Geschichte der Feldsysteme in Deutschland (Agrarhistorische Abhandlungen I) 152; Th. v. d. Goltz. Geschichte der deutschen Landwirtschaft, 2 Bde. Berlin, 1902—1903.

и когда жать, он распоряжался, чтобы засеянные хлебом части пашни были отгорожены от паровых, по окончании же жатвы загородки снимались; кто не воспользовался днем общей жатвы, был обречен на то, что общинный скот, выпущенный на паровое поле, потопчет его посев.

Гуфы были *присвоены* отдельным лицам даже в наследственную собственность*. Они могли быть различной величины и почти в каждой деревне были разные. Часто, как нечто вроде нормальной меры, принималась площадь в срок дней труда; столько земли считалось необходимым, чтобы прокормить среднюю семью. Из гуфы были выделены в свободное хозяйствование дворовые усадьбы и садовая земля. Дом давал приют малой семье из родителей, детей, иногда также и взрослых сыновей. Отдельному лицу принадлежала дальше и доля в пашне; в общем же смысле поле считалось собственностью общины гуфовладельцев, т. е. совокупности полноправных членов деревенского союза. К нему принадлежал только тот, кто мог назвать своим какой-нибудь участок в каждой из трех частей пашни. Кто не имел его или имел не на каждом поле, не считался его членом.

Общая марка⁹ (die gemeine Mark), которая состояла из леса и пустошей и которую следует отличать от деревенской альменды, принадлежала не деревенскому союзу (Dorfverband), но союзу более обширному (Gauverband). Она принадлежала союзу нескольких деревень. Начало и первоначаль-

* *Устройство гуф* стало в новейшее время предметом спора, который некоторыми связывается с вопросом о первоначальном общинном землевладении у германцев. Прежнее воззрение видело в гуфе результат и воплощение общности полей. См. *G. Waitz. Über die altdeutsche Hufe. Göttingen, 1854* (повторено в *Gesammelte Abhandlungen, 1. Bd., hrsg. K. von Zeumer. Göttingen, 1896*); *G. Hanssen. Die Ackerflur der Dörfer* (повторено в *Agrarhistorische Abhandlungen, 2 Bd.*); *A. Meitzen. a. a. O. 72 ff*; недавно *K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur germanisch-lawischen Altertumskunde. 1. Abt.: Dir Grosshufen der Nordgermanen. Braunschweig, 1905*. В противоположность этому за поместную форму, как первоначальную, высказались: *W. Wittich. Указ. соч. С. 87. 120. G. Garo. Die Hufe, in: Deutsche Geschichtsblätter IV, 1903* (повторено в: *Beiträge zur älteren deutschen Wirtschafts- und Verfassungsgeschichte. Leipzig, 1905*); о гуфе, как первоначально специфическом учреждении салических франков, распространенном королевской властью на всю Германию, толкует: *K. Rübel. Die Franken, ihr Eroberungs- und Siedlungssystem im deutschen Volkslande. Bielefeld — Leipzig, 1904*. См. к этому вопросу в целом сжатое, хорошо ориентирующие изображения у *R. Röttschke* (см. выше библиогр. пособия) и *A. Dopsch. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, I Bd., 2 Aufl. 1921. С. 329 и след.*

ный облик этого «маркового союза» (Markgenossenschaft) остаются темны, во всяком случае он древнее, чем государственное деление страны на области (Gauе) при Каролингах¹⁰, и он не тождественен с организацией «сотен». Внутри общей марки существовала должность высшего маркового старосты (наследственно приуроченная к определенному двору или усадьбе; ею обычно завладевал король или помещик); кроме того, был «дровяной суд», собрание уполномоченных от полных «гуфников» входивших в марку деревень.

Принципиально и первоначально в таком хозяйственном порядке господствовало строгое равенство членов. Но оно должно было неизбежно нарушаться, вследствие различного числа детей, при дележе наследства: рядом с полными «гуфниками» возникли владельцы полугуфы и четверти гуфы. Кроме того, гуфники не были единственными жителями деревни. К ним присоединялись другие группы населения, например, младшие сыновья, которые не наследовали дворовых усадеб. Они могли занимать в полевом кольце еще не занятую территорию и получали право пастбы скота: и то, и другое за плату (гуфные деньги, пастбищные деньги); кроме того, отец мог предоставить им место на садовой земле для постройки дома. Извне приходили ремесленники и другие работники, которые стояли вне гуфного союза. Благодаря этому образовалось разделение между крестьянами и другим классом жителей деревни, которые назывались в южной Германии «зельднерами» или «домовиками» (Häusler), на севере — «приселенцами» или «коссэтами». Эти последние принадлежали к деревне только в силу своей собственности на дом, но не имели никакого участка в пашне; однако они могли приобрести право на такое участие, если крестьянин, с согласия деревенского старосты или помещика (первоначально всего рода), продавал им кусок своей пахотной доли или если им уступали кусок альменды. Такие мелкие надель назывались «прокатными полями» (walzende Aecker), на них не падали определенные обязательства владения гуфами, они не подлежали компетенции *низшего суда* и были свободно отчуждаемы, но зато их владельцы не имели никакого участия в правах полных гуфников. Число этих людей с ограниченными правами было немалое; случалось, что пашня до половины занималась такими «прокатными полями».

Таким образом, крестьянское население распадалось на два различных слоя по характеру землевладения: полных гуфников, с разными низшими их категориями, и стоящих вне гуфного союза. Но над полными гуфниками также образовался особый владетельный слой, земельные участки которого стояли равным образом вне гуфного союза. Уже в самую древнюю эпоху существования германского аграрного устройства отдельное лицо (поскольку в распоряжении деревни имелся излишек земли) могло распахать и огородить занятую и обработанную им пустошь; пока оно ее возделывало, эта «заимка» (*Bifang*) принадлежала ему, в противном случае отходила обратно в общую марку. Устройство таких «бифангов» предполагало определенное владение скотом и рабами и было поэтому обычно возможно только для короля, князей и земельной знати. Кроме того, король мог отдавать на сторону землю в пределах марки, над которой он присвоил себе право верховного начальника; однако, эта отдача происходила на других условиях, чем присвоение гуфной земли: здесь шла речь о куске леса, отделенном определенными границами, который первоначально был расчищен под плуг данным лицом; зато новая земля попадала в более благоприятные правовые условия, поскольку она освобождалась от принудительного севооборота. При отмеривании этого участка применялась особая мера поверхности: королевская гуфа, прямоугольник в 48—50 гектаров.

Древнегерманская форма оседлости с системой «народных гуф» широко распространилась за пределы области между Эльбой и Везером. Она проникла в следующие страны: Скандинавию (Норвегию до Бергена, Швецию до Далэлена, датские острова и Ютландию), Англию со времени поселения англосаксов и датчан (это так называемая система открытых полей — *open fieldsystem*), почти всю северную Францию, большую часть Бельгии, особенно Брабант. Северная Бельгия, Фландрия и часть Голландии принадлежали к области салических франков, где господствовала другая форма поселения (см. ниже). В южной Германии надо причислить к полосе распространения описанного порядка следующие территории: область между Дунаем, Иллером и Лехом, часть Бадена и Вюртемберга, равно как часть Верхней Баварии, например, окрестности Мюнхена, в особенности Айблингский край¹¹. Вместе с расширением

колонизации древнегерманская форма оседлости проникла также за Эльбу на восток, однако, в более упорядоченном виде: с целью принять возможно большее число жителей, поселенцы строились большими *деревнями, расположенными улицей*, на выгодных правах владения и с возможно большей свободой хозяйства. Дворовые усадьбы не насаживались неправильными кучами рядом друг с другом, но вытягивались правильной линией справа и слева вдоль деревенской улицы, каждая на своей гуфе (или около нее); гуфы длинными полосами лежали непосредственно друг возле друга. Но и здесь было удержано разделение на коны и вместе с тем принудительный севооборот на пашне.

При таком распространении германского типа оседлости за пределы его первоначальной области обнаруживаются все же важные *различия*. Наиболее резко выступают они в Вестфалии¹². Вестфалия разделена Везером на две области резко отличающихся друг от друга типов оседлости. У правого берега реки внезапно прекращается германский порядок поселения, на запад от нее начинается территория поселений *отдельными дворами*. Деревни и альменды нет, чересполосица заметна лишь в ограниченном объеме. Отдельные дворы принимают участие в общей марке, которая первоначально представляет собой невозделанную землю. Путем расчистки на ней возникают новые поля; последние полосами отдаются участникам марки, которые именуются «эрбексенами» («*Erbexen*»), в наследственное владение. На общую марку допускаются, при помощи выделения участков и за выкуп, еще другие поселенцы, которые соответствуют «коссэтам» восточных областей, ремесленники, мелкие крестьяне, работники, которые стоят к «эрбексенам» в отношении съемщиков или обязаны работами для них. Вестфальский «*Erbexen*», который в среднем владеет приблизительно 200 моргенов, как видно из описания этого типа оседлости, хозяйственно гораздо самостоятельнее, чем крестьянин на чересполосице. Господство подворной системы простирается от Везера до голландского побережья и захватывает главные части области салических франков*¹³.

На юго-востоке область германской оседлости соприкасается с областью альпийского хозяйства и оседлости южных славян.

* D. Philippi. Die Erbehen in der sächsischwestfälischen Mark. Halle, 1920.

Альпийское хозяйство* всецело основано на скотоводстве и использовании пастбищ. Альменда приобретает тут особое господствующее значение, все хозяйственные правила относятся к рационализированию выгод при участии в деле пользования альмендой правомочными хозяйствами. По такой системе (Stuhlung, Segung) альпийский выгон делится на некое число участков (Stösse), которые представляют собой площадь пастбища, достаточную для содержания в течение года одной головы скота.

Хозяйственную единицу у южных славян, в Сербии, Банате, а также в Кроации¹⁴, образует не деревенская, но домовая община, *задруга*** . Она представляет собой сообща хозяйствующую большую семью, вплоть до правнуков, работающих под руководством домовладыки; часто в нее входят много вступивших в брак пар; она охватывает обычно 40—80 человек, которые не всегда живут под одной крышей, но хозяйничают в области добывания и потребления целой домовою общиной с общим котлом.

На юго-западе германский аграрный строй столкнулся с остатками римского деления полей, в котором центром является барский двор, окруженный мелкими хозяйствами зависимых колонов. В большей части Нижней Баварии, Бадена и Вюртемберга произошло частичное смешение обеих систем. Особенно на высотах, в холмистых местностях, заметно ослабление старогерманской системы. Здесь встречается и чересполосица, но также и обратный порядок: пашня деревни распадается на замкнутые участки, внутри которых выделено владение отдельных лиц; равенство частей не соблюдается и вообще не видно никакого распределительного основного начала. Происхождение этого подворного раздела (*Weileraufteilung* по Мейтцену¹⁵) неизвестно; может быть, его следует объяснить сдачей земли внаем несвободным.

Происхождение специфически германского аграрного строя практически неизвестно. В эпоху Каролингов он уже

* См.: A. v. Miaskowski. *Verfassung der Land-, Alpen und Forstwirtschaft der Schweiz*. Basel, 1878; *он же*. *Die schweizerische Almend*. Leipzig, 1879; F. G. Stebler. *Handbuch für Alp- und Weidewirtschaft*. Berlin, 1903.

** Древность ее оспаривается. Против мнения J. Peisker'a *Die serbische Zadruga*, *Zeitschr. für Social- und Wirtschaftsgeschichte* VII (1900), который видит в ней продукт византийской податной системы, высказывается M. Markovic. *Die serbische Hauskommunion*. Leipzig, 1903; M. Wlainatz. *Die agrarrechtlichen Verhältnisse des mittelalterlichen Serbiens*. Jena, 1903.

утвердился. Неразделение конов на равные полосы слишком рационально, чтобы можно было считать его исконным. Мейтцен проследил, что ему предшествовал другой порядок так называемых *лагерморгенов*; лагерморген означал пространство, которое может вскопать один земледелец с одной упряжкой в течение утра: участки эти могли существенно различаться по плодородию почвы, расположению поля, отдаленности от жилья и т. п. Лагерморген образовывал основу кона, который везде, где сохранился такой порядок раздела, имел неправильную форму в отличие от геометрической, которую придадо ему позднейшее деление на полосы равной ширины*.

Первоначальный германский тип заселения ныне более уже не существует. Его *разложение* началось очень рано, однако, не вследствие перестройки его самими крестьянами, которым это было бы не по плечу, но вследствие натиска сверху. Крестьянин рано попал в зависимость от политического или земельного владыки; к тому же он, как владелец «народной» гуфы, был в хозяйственном и военном отношении слабее владельца «королевской» гуфы. Со времен установления «вечного местного» мира возрос интерес рыцарства к ведению хозяйства. Пробужденный этим рационализм некоторой части помещиков разрушил древний аграрный строй, особенно в южной Германии. Имперское аббатство Кемптен¹⁶, например, с XVI столетия начи-

* В новейшее время пытались доказывать, что германский аграрный строй вырос из *военных* оснований. См. спор между *S. Rietschel. Untersuchungen zur Geschichte der germanischen Hundertschaft, Zeitschr. der Savigny-Stiftung, Germ. Abt. XXVIII, 1967* и *Cl. Frhr. von Schwerin. Zur Hundertschaftsfrage, там же, XXIX, 1908*. Эта теория утверждает, что аграрное устройство вышло из сотни, которая была одновременно единицей разделения войска и группой, состоявшей круглым счетом из ста гуфовладельцев, наделы которых, по меньшей мере, вчетверо больше позднейших гуф. Владельцы этих участков были вооруженными людьми, так как они жили доходами от труда своих крепостных и потому были наследственными воинами. Гуфа была, как позже англо-саксонский *gaid* (*hyde*), идеальной служилой земельной единицей, которая обязывала поставить вполне вооруженного всадника; из этого гуфного строя рациональным путем выросли будто бы народные гуфы, когда крупные гуфники стали делить свои гуфы на четыре, восемь или десять частей. Против такого толкования можно возразить, что конь германского народного гуфного строя не возникли рационально, а образовались естественно из «лагерморгенов». Но с другой стороны, остается затруднительным объяснить, почему в северной Франции гуфный строй существовал лишь там, куда простирались завоевания салических франков, но не оставил следов в области, исконно ими занятой.

нает производить так называемые «сплочения» (*Vereinödungen*), которые оно продолжает до XVIII столетия. Пашня разделяется по-новому, и крестьянин помещается на так называемом отдельном дворе, большей частью приблизительно в середине его теперь сплошного владения. В северной Германии устранила древнее разделение пашни государственная власть в XIX столетии, в Пруссии это произошло с применением грубого насилия. Указ о разделении общинной земли 1821 г., который вынудил введение плодopеменной системы, прошел под влиянием идей либерализма против чересполосицы, общей марки и альменды. Общность владения (чересполосица) была устранена принудительной концентрацией, альменда поделена. Крестьянин был насильственно поставлен в положение индивидуального хозяина. В южной Германии удовлетворялись так называемым *очищением пашни*. Была проложена сеть дорог между отдельными ее частями; при этом также часто имели место разные случаи обмена отдельными участками, чтобы достигнуть приблизительно сплоченного расположения частей поля данного владельца. Альменда продолжала существовать, но так как перешли к стойловому содержанию скота, она была часто обращена в пашню, которая служила для доставления дополнительного дохода отдельным жителям деревни или для прокормления престарелых. Особого успеха такое развитие достигло в Бадене; здесь население крепко прониклось стремлением прочно укрепиться на местах, благодаря выгоды такого устройства, и это привело к чрезвычайно высокой густоте заселения, так что даже для того, чтобы достигнуть его разрежения, пришлось установить премии эмигрантам и, наконец, в отдельных местах предприняты были попытки разделить старых поселенцев, издавна пользовавшихся альмендой, и вновь прибывших, на особые альмендные общины (внутри общин деревенских).

В германском аграрном строе часто усматривали отзвуки первобытного, якобы у всех народов существовавшего *аграрного коммунизма*, и искали в других странах примеры, которые позволяли бы, восходя выше через голову германского аграрного строя, восстановить нигде и никогда исторически не наблюдавшиеся ступени. Стремясь к этому, думали, между прочим, найти их следы в шотланд-

ском аграрном строе*, господствовавшем до битвы при Куллодене (1746)¹⁷, в системе «Runridge», нечто подобное древнегерманскому, облегчающее обратные заключения к более давней эпохе. Правда, в Шотландии также существовало деление пашни на полосы, которые образовывали чересполосицу, существовала также альменда, и тут наблюдается сходство с Германией; но эти полосы ежегодно или через несколько лет переделывались сызнова, так что практиковалось в ослабленном виде деревенское общинное пользование, чего не было в системе германских лагерморгенов, которая является древнейшей доступной нам формой немецкого деления пашни. Рядом с этим и часто в связи с этим на гаэльской и шотландской территории практиковался «*Syvvar*», обычай *совместной запашки*. Земля, долгое время запущенная под траву, поднималась тяжелым плугом, с упряжкой в восемь быков. Для этой цели собирались владельцы быков и собственник тяжелого плуга (обычно деревенский кузнец) и работали вместе с пахарем и погонщиком быков. Дележка происходила перед жатвой на корню или урожай делился после общей жатвы. При этом шотландский аграрный строй отличался от германского еще и тем, что там пояс пахотной земли в свою очередь распадался надвое: внутренний уваживался и возделывался по трехпольной системе, внешний делился на пять или семь частей, из которых каждый год только одна запахивалась, между тем как прочие запускались под траву и служили пастбищами. Пахотно-пастбищный характер этого аграрного устройства объясняет постоянное образование плуговых союзов, которые действовали на внешнем поясе, между тем как на внутреннем отдельный шотландец хозяйничал так же индивидуально, как и германский крестьянин. Шотландский аграрный строй сравнительно молод и предполагает наличие значительного предварительного роста площади обработанной под пашню земли. *Первоначальный кельтский строй мы можем изучать в Ирландии*. Здесь

* См. для кельтского аграрного строя вообще: E. O' Curry. On the manners and customs of the ancient Irish. Предисл. W. K. Sullivan. L., 1873; H. S. Maine. Village communities, 3 ed., L., 1876; W. F. Skene. Celtic Scotland, 2. Aufl., 3. Bde. Edinburgh, 1886—1890; F. Seebahn. The English village community, 4. ed. L., 1890, нем. пер. Heidelberg, 1885; A. Meitzen a. a. O. I, 174 ff.; M. J. Bonn. Die englische Kolonisation in Irland, I (Stuttgart — Berlin, 1906).

хозяйство вначале было всецело занято скотоводством, так как, благодаря климатическим условиям, скот там может круглый год оставаться вне двора. Пастбище принадлежало домовому общине (*tàte*), глава которой обычно владел свыше чем тремя сотнями голов скота. Около 600 г. в Ирландии сильно увеличивается полеводство. Но и после этого земля не присваивалась надолго отдельным лицам, самое большее пожизненно. Раздел производил начальник (*tanaist*); такой порядок *tanistri* — держался еще в XI столетии.

Так как древнейшая форма кельтского хозяйства, которую мы можем узнать, построена на исключительном преобладании скотоводства, от нее и от шотландской системы *Suvvag* нельзя делать никаких заключений к древнейшей ступени германского хозяйства, ибо известное нам типично-германское аграрное устройство могло возникнуть только в такой период, когда выросла уже приблизительно одинаковая потребность в хлебопашестве, как и в скотоводстве. Возможно, что оно только слагалось во времена Цезаря, и, вероятно, во времена Тацита¹⁸ господствовало пастбищно-полевое хозяйство; однако, с отображением ситуации обоими римскими писателями оперировать вообще трудно; а слова Тацита требуют особо осторожного отношения, ввиду их риторической окраски.

Резко противоположен германским аграрным порядкам строй *русского мира* (общины)*. Он господствовал в Восточной России, но и здесь только во внутренних губерниях; напротив, его не было никогда на Украине и в Белоруссии. Деревни или села русского мира, выстроенные улицей, были часто очень велики, доходили до 3—5 тыс. жителей. Огород и поле лежат за двором, новые семьи селятся в конце ряда дворов. Кроме владения пашней практикуется пользование альмендой. Пашня разделена на коньки, они в свою очередь на полосы. В отличие от германского аграрного строя в русской общине размер полос не твердо рассчитывается навсегда по числу дворов, но устанавливается, сколько едоков или рабочих рук содержится в каждом дворе. Их

* См. J. v. Keussler. Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, 3 Tle. Riga — St. Petersburg, 1876—1887; Wlad. Simhovitsh. Die Feldgemeinschaft in Russland. Jena, 1898; А. Чупнов. Die Feldgemeinschaft, eine morphologische Untersuchung. Strassburg, 1902; М. Вебер. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland 68 ff. (Archiv f. Sozialwissenschaft und Sozialpolitik XXII (1906) 296 ff.).

количеством определяется число отведенных полос. Таким образом владение было не постоянное, но временное. Порядок предусматривал 12-летние периоды переделов, фактически они происходили чаще, через один, три, шесть лет. Притязание на землю, право на землю (*надел*), принадлежало отдельным душам и регулировалось не домовою, но сельской общиной. Право на надел сохранялось на вечные времена. Даже фабричный рабочий, предок которого ряд поколений тому назад выселился в город, мог всегда вернуться и предъявить свои права; наоборот, никто не мог выделиться из общины без ее согласия. Право на надел выражалось в периодическом требовании передела. Но равенство всех односельчан существовало обычно лишь в теории, так как почти никогда не набиралось на сходе достаточного большинства голосов для передела. За новое наделение выступали сильно размножившиеся семьи, но появлялись другие интересы, которые им противостояли. Решение мира было демократическим только по видимости; на деле оно часто определялось капиталистическими мотивами. Нуждаясь в инвентаре, отдельные хозяйства, хотя и в разной степени, попадали в долговую зависимость от деревенской аристократии, *кулаков*, которые держали в руках массу неимущих, ссужая их деньгами. Смотря по тому, были ли они заинтересованы оставить своих должников без ничего или дать им землю, они направляли решение мира, когда рассматривался вопрос о переделе.

Относительно *воздействия общинного землевладения на хозяйственную жизнь*, в России высказывались до его разложения два взгляда. Одни видели в нем, в противоположность индивидуалистическому аграрному строю, спасение крестьянского хозяйства; в праве каждого выселившегося из деревни работника вернуться и потребовать назад свою долю находили решение социального вопроса. Они допускали, что всякий агрономический и иной прогресс наталкивался при этом порядке на препятствия и совершался медленно, но утверждали, что зато благодаря праву на «надел» всякий сразу воспользуется улучшениями. Противная сторона оценивала *мир*, как препятствие для всякого прогресса вообще и как прочнейшую опору реакционной царской политики. Растущая угроза социальной революции в начале XX столетия привела правительство к нанесению удара земельной общине. Столыпин в своем аграрном

законодательстве предоставил крестьянам право (1906—1907)¹⁹ на определенных условиях выходить из мира и требовать, чтобы им выделялся участок (хутор), который затем уже больше не вовлекался в переделы. Участок должен был быть выделен в форме сплоченного целого, как единый кусок земли, так что, подобно алльгадской хуторской реформе, деревни в принципе раздроблялись, отдельный крестьянин садился среди своей земли и хозяйничал индивидуально. Таким образом было достигнуто то, чего добивался уже в свое министерство граф Витте²⁰: разрушение «мира», между тем, как либеральные партии никогда на это не решались или как, например, «кадеты²¹» верили в возможность его реформировать. Ближайшим результатом аграрной реформы Столыпина было то, что более зажиточные крестьяне, более сильные в экономическом отношении своим капиталом, и те, которые владели большей площадью земли, чем полагалось по сравнению с числом их «едоков», вышли из мира, и русское крестьянство раскололось на две половины. Одна из них — класс богатых крупных крестьян — выделилась и перешла к подворному хозяйству, другая, гораздо более многочисленная, которая осталась в общине, владела слишком малым количеством земли и была лишена возможности переделов и, значит, обречена на безнадежную пролетаризацию. Вторая группа возненавидела первую, считая ее насильником над божественным правом мира; первая тем самым была безусловно заинтересована в прочности устанавливающегося нового строя и, если бы не мировая война, она образовала бы новую опору и сплоченную гвардию царизма.

По вопросу о *возникновении земельной общины*, в русской науке не установилось единого мнения. Согласно наиболее широко распространенному воззрению, она вовсе не представляет первобытный порядок, но является продуктом податной политики государства и крепостного права. До 1907 г. не только отдельные члены мира имели право требовать «надел» от деревни, но и, обратно, деревня имела неотъемлемое право рассчитывать на использование их рабочей силы. Даже тогда, когда крестьянин с позволения деревенского старосты уезжал и обращался к совсем другой профессии, община могла его в каждый момент вызвать обратно, чтобы возложить на него его долю в общих повинностях. Последние состояли главным образом в по-

гашении выкупной ссуды за освобождение от крепостничества и причитающейся части государственных податей. На хорошей почве крестьянину удавалось приобретать излишек по сравнению с падавшей на него долей налогов; поэтому городской рабочий нередко был заинтересован в том, чтобы незваным вернуться в деревню; в таком случае община часто платила ему отступное за отказ от пользования наделом. Но если сумма податей была слишком высока, а где-нибудь представлялся лучший заработок, тем самым возрастало податное бремя для оставшихся, так как община была обременена круговой порукой. В таком случае мир принуждал своих членов возвращаться и снова браться за крестьянское дело, так что солидарность ограничивала индивида в его свободных стремлениях и становилась продолжением крепостного права, собственно в пользу мира и отмененного: крестьянин перестал быть крепостным барина, но зато оказывался закрепощен «миром».

Русское крепостное право было исключительно сурово. Крестьян подвергали истязаниям; приказчики ежегодно по произволу соединяли пары, достигшие брачного возраста, и наделяли их землей. Власть помещика ограничивалась только традиционным обычаем; не существовало никакого прочного закона; господин мог ежеминутно каждого звать на барский двор или в поле на работу. В период крепостного права совершались переделы земли: на плохой почве по числу рабочих рук в крестьянском домохозяйстве, на хорошей — по числу едоков. Обязанности по земле превышали право на землю, причем как в том, так и в другом случае община солидарно отвечала перед помещиком за исправность платежей. Одновременно русское помещичье хозяйство вплоть до последнего времени пользовалось крестьянами даже в том отношении, что само не обеспечивало себя почти никаким инвентарем, но помещичья земля в общем правиле обрабатывалась крестьянским инвентарем и крестьянскими лошадьми. Земля сдавалась крестьянам в аренду или обрабатывалась под собственным управлением помещичьего управляющего имением, предъявлявшего требования на использование крестьянских упряжек. Круговая ответственность по отношению к помещику и крепостничество существовали с XVI и XVII столетий. Из них выводили и самый обычай переделов земли.

Система переделов не существовала на Украине и в тех частях России, особенно западных, которые еще не находились под властью Москвы в XVI и XVII столетиях. Здесь господствовало подворное землевладение.

На таком же начале круговой ответственности покоилось хозяйство голландской ост-индской компании* в ее владениях. Она возлагала на *Desa*, т. е. общину, круговую поруку по внесению подати рисом и табаком. Последствием такого обязательства было то, что община принуждала отдельных лиц оставаться в деревне, чтобы помогать остальным уплатить налог. С отменой круговой ответственности в XIX в., принудительная община была обречена на упадок. В хозяйстве применялись две системы культуры риса: «сухая», которая была малопродуктивна (*Tegal*), и мокрая (*Sawah*), при которой поля обводились плотинами и разрезались внутри на части канавами, чтобы задерживать убывание свежей пролившейся или собранной старой дождевой воды. Кто устраивал *Sawah*, приобретал наследственное, неотчуждаемое право собственности. На землях *Tegal* господствовала запашка, похожая на шотландское полевое и пастбищное хозяйство на внешнем поясе. Деревня расчищала почву сообща, но обрабатывали участки и жали крестьяне порознь. Расчищенная земля приносила урожай три или четыре года, а затем надолго запускаясь под траву и деревня меняла свое местожительство, чтобы расчищать новую землю. Более древние формы отношений ясно указывают нам, что только хищническая или насильственная политика голландской ост-индской компании привела к возникновению переделов.

Введенная компанией система в 30-х гг. XIX столетия уступила место новому порядку (*Kultur-Stelsel*); каждое лицо должно было обрабатывать пятую часть своей земли в пользу государства, причем ему предписывалось, что именно следует выращивать. И эта система исчезла в течение XIX в., уступив место рациональному хозяйству.

По указаниям китайских классиков, подобная же система одно время господствовала в *Kumae*. Пашня делилась на куски -- по девять квадратов; из них внешние представлялись отдельным семьям, а самый внутренний счи-

* P. J. Veth. Java, geografisch, ethnologisch, historisch. Neue Auflage von J. F. Snellermann und J. F. Niermeyer, 4 Bde., Haarlem, 1912; S. van Brakel. De hollandsche handelscompagnien der 17-e eeuw, s-Gravenhage, 1908.

тался собственностью императора. Семьи получали земли только в пользование, после смерти домохозяина происходил передел. Эта система имела только временное значение и практиковалась лишь поблизости от больших рек, где была возможна обводняемая культура риса. И в этом случае аграрно-общинный строй был также введен государством в фискальных интересах, а не возник из древнейших основ. Первоначальным китайским хозяйственным строем было, как мы знаем, родовое хозяйство, которое и доньше сохраняет силу в китайской деревне, где каждый род имеет свой маленький храм для культа предков, свою школу, совместно хозяйничает и сообща обрабатывает пашню.

Последний пример будто бы «коммунистического» аграрного строя дает *Индия**. Здесь известно два различных вида деревенского устройства. Общим для обоих является наличие деревенской альменды и деревенского «вурта», т. е. садовой площади, которая соответствует той части пашни в германском аграрном строе, на которой сидели зельднеры и домовники. Здесь живут ремесленники, служители храмов (которые сравнительно с брахманами²² играют подчиненную роль), цирюльники, стиральщицы и прочие ручные работники деревни (это — деревенский *establishment*) на положении демиургов²³: они ничего не получают за свои единичные услуги, но работают даром за землю или за часть жатвы**. Различия между отдельными деревнями наблюдаются в положении владельцев земли. В деревнях — *raiyatwari* — господствует индивидуальное владение землей и исполняются индивидуальные податные обязанности. Во главе стоит деревенский староста. Крестьяне не получают доли в общей пустоши, которая принадлежит царьку (радже). Кто хочет расчистить новую почву, должен платить ему за разрешение. Другой тип представлен деревнями, которыми распоряжаются *joint-body* — союзы из нескольких привилегированных господ, деревенской аристократии «полногуб-

* Ср. различные «Reports» индийской переписи, в особенности же 1901 г., Калькутта, 1913 (полный перечень многочисленных «Reports» различных чиновников индийского управления представляет *The Indian Yearbook* [1921]. С. 763; *B. H. Baden Powell. The Landsystems of British India*, 3 Bde. Oxford, 1892; *он же. The origin and growth of communities in India*. L., 1908; *M. Weber. Ibid.*, II. С. 77.

** Однако, неподвижность индийских отношений объясняется не практикой этих учреждений, как думает Карл Маркс, но характером кастового строя, так же, как в Китае родовым хозяйством.

ников»; деревенского старосты здесь нет. Эти наследственные владельцы (*Erbexen*) раздают землю, им принадлежит пустошь — общая марка: таким образом они становятся между действительно хозяйствующим человеком и раджей. Внутри последней категории, в свою очередь, различается два вида деревень. Или это — деревня *pattidari*: владение землей здесь долевое (надельное) и постоянное; после смерти владельца его часть переходит к потомкам и сородичам и, при повторных наследствах, дробится дальше. Или перед нами является деревня *bhayachara*: здесь земля принадлежит отдельным дворам соответственно их работоспособности или по рангу их владельцев. Наконец, существуют деревни, над которыми господствует одно лицо, как помещик и откупщик подати; это — деревни *zamindari*; из такого собственно помещичьего владения путем дробления образовались и указанные деревни *pattidari*. Особенностью индийских отношений является то, что между распорядителями подати и крестьянами вклинивалось большое число людей, которые присваивали себе различные виды ренты, так как подати там сдавались и пересдавались на откуп. Нередко таким образом возникали целые цепи из четырех и пяти получателей ренты. Между таковыми и группой крестьян-владельцев развивается кажущийся коммунизм. Там, где тяглые крестьяне хозяйничают коммунистически, они делают жатву, но не землю, доход разделяется между соучастствующими собственниками. Так что и здесь причины возникновения земельной общины — фискального порядка.

В Германии также хотели видеть остатки первобытного аграрного коммунизма в *дворовых союзах* (*Gehöferschaften*) мозельской области, пока К. Лампрехт²⁴ не установил их истинный характер*. Общее владение дворов состоит в настоящее время главным образом из леса, раньше оно состояло также из лугов и пашен, которые распределялись наподобие конов (*Gewanne*), впрочем, с повторяющимися переделами и жеребьевками. Однако и оно не является чем-либо исконным, но родилось из помещичьих отношений. Первоначально это была «помещичья экономия», которая обра-

* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter I, 442 ff. Ср. дальше F. Rörig. Zur Entstehung des Agrarkommunismus der Gehöferschaften. Westdeutsche Zeitschr. t. Geschichte und Kunst, Ergänzungsheft XIII (1906) 70 ff.; W. Deling. Hauberge und Haubergsgenossenschaften des Sieerlandes. Breslau, 1900.

батывалась мелкими крестьянами, участниками в общей марке. Так как, в конце концов, помещики-рыцари оказались не в состоянии сами вести хозяйство и считали выгодным возбудить собственнический интерес в крестьянах, они предоставили им землю под обязательством общего оброка. Таким образом и здесь выступает принцип круговой ответственности. Члены возникшей таким образом общины разделяли между собой землю окончательно или решали производить периодическую жеребьевку. Всеми этими примерами обнаруживается недоказанность в полном виде теории Лавеле^{*25}, который думает, что в начале развития землевладения стоял всегда *аграрный коммунизм* в смысле общинной обработки, а не только в смысле общинного владения землей — две вещи, которые надо хорошо отличать одну от другой. На деле обработка поля всеми сообща, оказывается, не была первоначальным порядком. В науке по этому вопросу высказывались резко противоположные взгляды. В то время как социалистические писатели считают, что возникновение собственности было грехопадением, либеральные историки возводят ее существование возможно дальше, вплоть до времен предполагаемых предков человека. Поистине же нельзя высказать ничего определенного о первобытном хозяйстве человека, а если искать ответ на основании сравнения с порядками, господствующими у народов, не затронутых европейской культурой, мы не найдем нигде единообразия, но повсюду откроем сильнейшие различия, даже противоположности.

В совершенно *первобытном аграрном строе* господствует так называемая *мотыжная культура*. Нет ни плуга, ни упряжного скота; пахотный инструмент — заостренный кол; мужчина ходит с ним по пашне и сверлит дыры, в которые женщина кладет клубни**. С этим могут, однако, со-

* De la propriété, et ses formes primitives. P., 1874. (Есть рус. пер.) Статья «Feldgemeinschaft» Handwörterbuch der Staatswissenschaften IV (составлена А. Meitzen'ом) дает хорошо ориентирующий обзор распространения этой формы хозяйства в различных странах.

** Главная противоположность между развитием аграрного хозяйства в Европе и в некоторых азиатских областях заключается в том, что первоначально ни китайцы, ни яванское население не знают молочного хозяйства, между тем как у нас в Европе, оно существует уже во времена Гомера. С другой стороны, у индийцев не бьют скота со времен тамошнего Средневековья, еще и донныне высшие касты отвергают потребление мяса. Молочный и убойный скот, таким образом, не разводится в очень обширной части Азии.

единиться совсем различные хозяйственные порядки. У гуатосов внутренней Бразилии существуют рядом, — причем нет необходимости предполагать, что этому предшествовали другие формы трудовых отношений — индивидуальное хозяйствование отдельных домов, без специализированного разделения труда между ними, ограниченная специализация труда внутри каждого дома и, наконец, ограниченный обмен между племенами. Противоположную крайность представляет собой *накопление трудовой силы внутри одного гигантского дома*; таков, например, «длинный дом ирокезов»²⁶. Здесь женщины под начальством жены вождя все сгоняются вместе, начальница распределяет работу, и плоды труда делятся ею между отдельными семьями. Мужчина является воином и охотником, он берет на себя особо тяжелые работы: расчистку земли, постройку хижин, наконец, присмотр за скотом; эта последняя работа считалась первоначально почетной, потому что приручение животных требует силы, позднее такая оценка условно поддерживается традицией. Аналогичные порядки, мы видим, распространены по всей земле, в особенности у негритянских племен; повсюду полевая работа лежит на женщинах.

§ 2. Присвоение земли и общинные союзы. Род

А. Виды присвоения

Формы присвоения земли столь же разнообразны, как внешние формы аграрного строя вообще. Носителем присвоения повсюду первоначально является домовая община, но различие заключается в том, есть ли это отдельная семья, как задруга южных славян, или более обширный союз, вроде «длинного дома» ирокезов.

Присвоение осуществляется по двум различным направлениям. Или вещественные объекты труда, особенно земля, рассматриваются, как *трудовые орудия*, тогда их часто присваивает женщина и ее род. Или земля считается почвой, *взятой копьем*, завоеванной, и она защищается мужчиной; в этом случае она присваивается мужским родом или иным союзом мужчин. Во всяком случае в способах

первобытного присвоения и разделения труда решающую роль играет не только экономический интерес, но также военные, религиозные и магические основания.

Отдельное лицо в прошлом постоянно должно было считаться со *множественностью союзов*, к которым оно принадлежало. Такими союзами были:

1. *Домовый союз*. Структура его может быть различна, но он прежде всего является союзом потребителей. Домовому союзу могли принадлежать также и вещественные средства производства, особенно движимое имущество. Затем внутри него могло происходить дальнейшее присвоение, например, оружия и мужской утвари мужчинами с особым наследованием, украшений и женской утвари — женщинами.

2. *Родовая община (Sippe)*²⁷. Она также является в различной мере носительницей присвоения. Она могла быть субъектом владения землей; во всяком случае, сородичи сохраняют, как остаток этого первоначально далеко шедшего права присвоения, определенные права на владения отдельных домовых общин, право возражения и первой покупки при отчуждениях. Далее родовая община берет на себя защиту безопасности индивида. Она практикует обязанность мстить и хранит право мести, претендует на участие в выкупах и на распоряжение женщинами, принадлежащими к роду, вместе с тем и на часть выкупа за невесту. Род может быть мужским или женским по филиации²⁸. Если носительницей права присвоения собственности и других прав является родовая община мужчины, мы говорим об *отцовском*, в противном случае — о *материнском* потомстве.

3. *Магический (религиозный) союз*. Важнейший из союзов такого рода есть *тотем*²⁹, который возникал во времена господства определенного типа анимистских верований.

4. *Союз сельский или марковый*, основанный на хозяйственном мотиве.

5. *Политический союз*. Он защищает страну, на территории которой расположена деревня, а потому обладает далеко идущими правами в отношении заселения этой страны и сверх того имеет право ожидать от индивида еще выполнения военных и судебных обязанностей, которым с другой стороны соответствует определенное право индиви-

да*; далее он обладает правом наложения повинностей и податей.

Индивиду, далее, при известных обстоятельствах приходится считаться:

6. С «землевладкой» (Grundherr)**, если земля, на которой он хозяйствует, не принадлежит ему самому.

7. С хозяином (Leibherr), если он не свободен лично, но является собственностью другого.

Каждый отдельный германский крестьянин, например, в прошлом должен был считаться с землевладельцем-государем, с ближайшим господином и с судьей, из которых то один, то другой предъявляли особые требования на его услуги. В зависимости от того, были ли различны эти лица или они сливались в одном лице, различным образом складывалось аграрное развитие: в первом случае, когда владыки соперничали друг с другом, это благоприятствовало свободе крестьянина, в последнем случае — его несвободе.

Б. Домовая община и род

В наше время домовая община семейного хозяйства нормально является *малой семьей*, т. е. группой, состоящей из родителей и детей. Она покоится на законном единобрачном союзе, рассчитанном как союз постоянный. Хозяйство такой малой семьи ныне является в существенных отношениях потребителем союзом и отличается от доходного хозяйства, по меньшей мере, способом ведения книг. Внутри семьи существует индивидуальная распорядительная власть главы дома по отношению к отдельному имуществу жены и детей. Родство признается как с отцовской, так и с материнской стороны; значение его, однако, ограничивается областью предполагаемого наследственного права. Понятие рода (Sippe) в древнем смысле ныне потеряло жиз-

* Ср. существовавшее вплоть до крестьянской войны эпохи Реформации право сельчан носить оружие. Обязанностям свободного человека таким образом соответствует определенное право.

** Немецкий термин Grundherr очень выразительно соединяет в себе понятие *помещик* и *государь*, особенно характерное для эпох с развивающейся «феодализацией отношений». В дальнейшем обычно слово это переводится просто «помещик» (для избежания громоздкости выражения «помещик-государь»), или говорится «господин», когда надо подчеркнуть его «власть». Во французской терминологии, обыкновенно, употребляется слово *seigneur*, но в нем исчезает конкретное указание на признак «владения», отмечается лишь «власть». — *Прим. ред. рус. пер.*

ненность; остатки его можно еще увидеть в праве боковых родственников на наследство. И здесь возникает вопрос о древности и путях возникновения подобных отношений*.

Социалистическая теория исходит из признания нескольких ступеней в развитии брака. Согласно ее воззрению первоначальным состоянием было некое *беспорядочное половое смешение* внутри орды (*эндогамия*³⁰), соответствовавшее полному отсутствию частной собственности. Доказательство для такого допущения видят в различных предполагаемых пережитках этого первобытного состояния: в религиозных установлениях оргиастического характера у первобытных народов, в оргиях мясоедения, потребления алкоголя и наркотиков, во время которых рушатся все границы полового общения; в той добрачной свободе половых сношений также и для женщины, которая существует у различных народов, в половой разнузданности иеродулок³¹ Древнего Востока, которые отдавались безразлично всякому; наконец, в существовавших в различных местах — например, и у израильтян, обычай *левирата*³² — привилегий ближайшего сородича брать в жены вдову умершего и через то ему наследовать, в чем видят остаток первобытной эндогамии, которая постепенно перешла в притязание на одну определенную женщину. Второй ступенью развития, по социалистической теории, является *групповой брак*. Определенные общественные союзы (род, племя) состоят в брачных отношениях с другими, так что каждый мужчина одного считается мужем каждой женщины другого. Следом (результатом) существования такой формы считается отсутствие у индейских племен Америки других обозначений

* Исследование вопроса восходит к книге *J. J. Bachofen. Das Mutterrecht. 1861.* Выдвинутая им теория происхождения семьи из «материнского права» представлена работами: *Л. Морган. Первобытное общество. 1871,* рус. пер. 1900, и *Г. С. Мэн. Древнее право. 1861,* рус. пер. 1873. Эта теория и легла в основу *социалистических работ: А. Бебель. Женщина и социализм. 1883; Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1884; Н. Сипов. Zur Urgeschichte der Ehe und Familie. 1912.* Реакцию против теории «материнского права» являют работы: *Е. Гроссе. Формы семьи и хозяйства. 1896,* рус. пер. 1900. Ср. стоящую на уровне научного положения вопроса и беспристрастно написанную книгу — *Marianne Weber. Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung. Tübingen, 1907.* Ср. еще *W. Wundt. Volkerpsychologie, 7. u. 8 Bd. Leipzig, 1907.* — *J. Kohler. Zur Urgeschichte der Ehe. Stuttgart, 1897* (из: *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 12 Bd.*) рассматривает прежде всего явления, связанные с тотемизмом.

родства, кроме слов «отец» и «мать», которые применяются к любому человеку определенного возраста; указываются также единичные случаи существования таких групповых брачных отношений на островах Южного океана³³, где известная группа мужчин обладает одновременно или последовательно правом половых сношений с одной женщиной, или группа женщин с одним мужчиной. Дальнейшей переходной стадией, по социалистической теории, является *материнское право*. Согласно этой теории в те времена, когда причинная зависимость между половым актом и рождением была еще неясна, домовая община состояла не из семей, но из материнских групп; только материнский род имел ритуальное и правовое значение. Эта ступень выводится из широко распространенного обычая *авункулата*³⁴, при котором брат матери является защитником женщины и дети ему наследуют. Дальнейшей всеобщей стадией считается *матриархат*, при котором внутри определенных групп место их начальника занимает исключительно женщинами, и женщина является в особенности хозяйственной руководительницей домовой общины. Отсюда переход к *отцовскому праву* совершается через распространенный во всем мире обычай *брака умыканием*, причем в связи с этим, начиная с определенной стадии развития, половое смешение воспрещается на ритуальных основаниях и вместо эндогамии основным правилом делается *экзогамия*³⁵, т. е. допущение половых сношений лишь с женщинами из других групп; это достигается по большей части насильственным добыванием жен извне. Отсюда дальше развивается *брак-купля*. Доказательства такой последовательности развития находили в том, что даже у многочисленных культурных народов, которые давно перешли к договорному браку, брачные церемонии строятся на фикции насильственного увоза. Наконец, переход к *отцовскому праву* и к законному *единобрачию*, по социалистической теории, тесно связан с возникновением частной собственности и со стремлением мужчины обеспечить себе законных наследников. Вместе с тем совершается великое грехопадение; отныне рядом друг с другом стоят единоебрачие и проституция.

Такова теория материнского права и основанное на ней учение социалистических историков. Несмотря на свою несостоятельность в отдельных подробностях, она, как целое,

является вкладом в разъяснение вопроса. Здесь еще раз подтвердилась старая истина о том, что воодушевленное заблуждение часто оказывается для науки плодотворнее, чем бездушный педантизм. *Критика* теории должна ближайшим образом обратить внимание на схему развития проституции, причем, разумеется, следует устранить из исследования всякую *этическую* оценку.

Под *проституцией* мы разумеем половую отдачу себя за вознаграждение, ради заработка и в виде доходного промысла. В таком смысле проституция никоим образом не является продуктом единобрачия и частной собственности, но есть явление гораздо более древнее. Нет ни одной эпохи в истории и ни одной ступени развития, где бы нельзя было ее отыскать. Она редко обнаруживается у народов исламской веры; не замечаем мы ее и у некоторых дикарей; зато и наказания за гомосексуальную и гетеросексуальную проституцию встречаются также у таких народов, которыми пользовались, как доказательством правильности своей теории социалистические писатели, потому что у них нет частной собственности. Проституция постоянно и повсюду встречается как доходный промысел с классовой обособленностью проституток и по большей части с положением их, как париев, за исключением одного вида, именно сакральной проституции. Между такой профессиональной проституцией и очень разнообразными формами брака возможно расположить очень различные виды длительных или временных половых сношений, как переходные типы, которые далеко не все безусловно являются запрещенными в правовом или нравственном смысле. Между тем как в наши дни договор о половом наслаждении вне брака является недействительным по причине его позорности, *turpi causa*, в птолемеевском Египте³⁶ царица свобода половых договоров, женщина соглашалась отдаваться за обеспечение продовольствием, и в случае непредоставления последнего за женщиной признавалась юридическая возможность обжалования, в подобных же случаях ей предоставлялись известные права наследования и другие права*.

Проституция выступает, однако, не только в форме беспорядочной самоотдачи, но встречается и в сакрально уре-

* См. *Joh. Nietzold*. Die Ehe in Aegypten zur ptolemäisch-römischen Zeit (Leipzig, 1903).

гулированной форме, как *ритуальная проституция*, например, иеродулок в Индии и на Древнем Востоке. Это были храмовые рабыни, обязанные функционировать в богослужении, часть которого состоит в оргиях с их участием; рядом с этим практикуется также отдача иеродулок всякому желающему за вознаграждение. Институт иеродулок восходит к сакральным источникам, объясняется анимистскими колдованиями сексуального характера, которые в условиях возрастающего экстатического возбуждения заканчиваются половым сношением.

Половой акт, как чародейская операция для приобретения плодородия полей, очень распространен у земледельческих народов: половая оргия иногда производилась прямо на пашне, с той целью, чтобы таким образом повысить ее производительность. Из участия в этом сакраментальном акте возникла в Индии профессия баядерок, которые, как свободные гетеры³⁷, играли значительную роль в индийской культурной жизни, подобно эллинским гетерам, но и они, несмотря на благоприятные условия своего существования, считались изъятыми из состава честных групп общества и потому, как показывают нам индийские драмы о баядерках, они считали высшей ступенью счастья, если божественное чудо возвышало их до весьма угнетенного тогда положения замужней женщины. Рядом с иеродулками в Вавилоне, как и в Иерусалиме, были храмовые проститутки, в собственном смысле слова, которыми пользовались особенно странствующие купцы, положение их было благоприятно, так как их ремесло, не говоря уже о его сакральном оргиастическом характере, просто содействовало материальным выгодам храма. *Борьбу с публично узаконенной проституцией* и ее источником, оргиастикой, вели пророки и жрецы великих религий искупления: Заратустра³⁸, брахманы, а также пророки Ветхого Завета. Борьба эта велась частью на религиозно-этических основаниях; это было дело тех, кто хотел углубить внутреннюю жизнь человека и видел в разнузданной эротике сильнейшее препятствие для действительности религиозных мотивов. Кроме того, здесь играло роль культовое соперничество: древнеизраильский бог был богом гор, а не хтоническим божеством, подобным Ваалу³⁹, и пророки видели в оргиастах Ваала своих опаснейших конкурентов. Рядом со жрецами и священниками в этой борьбе, повсюду где возникало национальное госу-

дарство, особенно в Риме, выступала полицейская власть; она страшилась революционных движений в низших слоях, которые могли возбуждаться оргиастическими массовыми эмоциями. Однако и после устранения подозрительной для государства оргиастики проституция продолжала существовать, но как бы выброшенная из нормального общества и не узаконенная. В средние века, несмотря на церковное осуждение, она пользовалась даже официальным признаком и сложилась в цеховую организацию. В Японии вплоть до настоящего времени временная проституция девушек в чайных домах не только не позорит их, но делает их особо желанными для брака. Переворот в судьбе проституции произошел впервые в конце XV в., вследствие сильного взрыва половых болезней после похода Карла VIII Французского в Неаполь⁴⁰. Тогда и началось запираение проституток; до тех пор они жили в смягченном режиме, как евреи в гетто. Взрывы аскетических стремлений в протестантизме, особенно в кальвинизме, также обрушились на проституцию; практика католической церкви была спокойнее и осторожнее. Результаты получились приблизительно те же, что в мусульманстве и талмудизме, которые тоже предписывали борьбу с оргиастикой.

Рассмотрение внебрачных половых отношений учит нас отличать от проституции *половую распущенность женщин*. Половая распущенность мужчин издавна считалась сама собой понятной, она осуждена впервые тремя великими монотеистическими религиями, в иудействе, впрочем, впервые только Талмудом⁴¹. Первоначально существовавшая половая распущенность *женщин* выражалась в том, что например, у арабов еще во время Магомета продолжали существовать *браки на время* за продовольствие и *пробные браки* (последние имели место также в Египте и в других странах), даже в то время, когда уже сложился постоянный брак. Даже девушки из почетных семейств не хотели подвергаться суровой зависимости жены в домашней жизни патриархальной семьи*, но крепко держались за половую свободу и, живя в родительском доме, заключали с мужчинами договоры о половой связи по соглашению на разные

* См. J. Ficker. Über nähere Verwandtschaft zwischen gotischspanischen und norwegisch-isländischen Recht, Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 2. Erg.-Bd. S. 478 ff., und: Untersuchungen zur Erbenfolge der östergermanischen Reiche, III, 393 ff., 405 ff., 409 ff.

сроки. Рядом с этим примером личной половой распущенности можно поставить тот факт, что женщина могла быть отдаваема родом внаем за продовольствие, ради дохода. Упомянем еще о так называемом браке по гостеприимству, т. е. обязательной отдаче жены и дочерей особо уважаемым гостям. Наконец, развился *конкубинат* (гражданское сожителство)⁴², который тем отличался от брака, что не считался вполне действительным для определения правового положения детей. Он обуславливался главным образом словесным неравенством и развивался, как форма семейного союза между неравноправными, пока господствовала сословная эндогамия. Во времена Римской империи конкубинат был совершенно признан правом, особенно для солдат, которым запрещались браки, и для сенаторов, у которых брачный рынок был ограничен по сословным причинам. Он удерживается в средние века и впервые только Пятый Латеранский собор⁴³ абсолютно запретил его в 1615 г. В реформированной церкви он был запрещен с самого начала. С тех пор он исчез на Западе, как признанное правом учреждение.

Дальнейшее исследование социалистической теории материнского права приводит нас к тому, что мы вообще вряд ли можем доказать *всеобщую* повторяемость устанавливаемых ею последовательных ступеней в половых отношениях. Половое *смещение*, поскольку оно вообще существует, является или случайным фактом оргиастического характера или продуктом упадка более древнего, весьма сурового регулирования половых связей. Относительно *материнского права* следует добавить вот какое наблюдение: история анимистических религий вообще показывает, что причинная зависимость между актом совокупления и рождением первоначально не была понятна. Поэтому, именно кровная связь между отцом и детьми не играет вначале никакой роли; еще доньше у отсталых племен внебрачные дети живут по праву матери. Но чистые материнские группы, в которых дети живут только с матерью, без отца, распространены отнюдь не всюду; они появляются только при совершенно определенных условиях. *Эндогамия внутри дома* встречается, как аристократический обычай для поддержания чистоты крови, например, у Птолемеев*⁴⁴. Преимуществ-

* Браки между братьями и сестрами практиковались в Египте уже в древнейшие времена — см. *Ed Meyer. Geschichte des Altertums* 3 Aufl 1,

венное право рода, чтобы девушка перед браком с чужаком сначала отдавалась родовичам или их право было выкуплено, объясняется имущественной дифференциацией и является предохранительным средством от раздробления родового добра. *Левират* вырастает также не из первобытных отношений, но основание его покоится в стремлении группы избежать прекращения своей мужской линии из военных и религиозных соображений, чтобы не сиротел земельный «жребий» воина и не забывалось почитание умерших предков. Когда наступает сословная дифференциация, является и сословная эндогамия, так что дочери предоставляются в первую очередь сочленам по определенному политическому и хозяйственному союзу. То же самое в более широком круге осуществляла греческая демократия, чтобы имущество не ускользало из общины-полиса и шансы на государственную карьеру монополизировались полноправными гражданами, между тем как прием в число последних старались ограничить. Эндогамия встречается, наконец, и как *гипергамия* там, где выросло очень строгое сословное расслоение, например, в среде индийских каст. Если мужчина высшей касты обычно вступает в половые сношения с низшими и женится на ком угодно, то девушке из высшей касты это запрещено. Поэтому, женщина низшей касты продается за деньги, а для девушки высшей касты, которую сватают уже в детском возрасте, ищут мужа за выкуп; этот муж женится одновременно на многих женщинах и кормится при переездах рисом их отцов. Только английское правительство положило конец этому порядку, потребовав от номинальных супругов предоставления содержания вверенным их попечению женщинам. Вообще, где имеется эндогамия, можно заранее принять, что она представляет собой явление упадка, а не переходную стадию развития. *Экзогамия* в доме, за редкими исключениями, существует всегда и повсюду. Она возникает из стремления противодействовать мужской ревности внутри дома и из наблюдения того факта, что совместное воспитание не дает достаточно сильных поводов для развития половому влечению. Как родовая экзогамия, она обычно обусловлена анимистскими представлениями, которые относятся к системе

тотемизма. Однако, не доказано, что она распространена во всем мире, хотя и встречается в таких независимых друг от друга областях, как Америка и Индийский архипелаг. *Брак умыканием* повсюду рассматривается, как незаконное действие по отношению к затронутому им роду; он дает право на кровную месть и выкуп, но одновременно считается богатырским деянием.

Признаком *законного брака по отцовскому праву* является тот факт, что с точки зрения определенного союза полноправными считаются только дети определенной жены данного мужа. Такой союз может быть: 1) *Домашней общиной*: только брачные дети обладают правом наследования, но не дети побочных жен и konkubin. 2) *Родовой группой*: только брачные дети участвуют в кровной мести, выкупе и наследовании от родовичей. 3) *Военным союзом*: только брачные дети владеют правом носить оружие, имеют доли в добыче и завоеванной земле, право присвоения земли. 4) *Словным союзом*: только брачные дети считаются сословно полноправными. 5) *Религиозным союзом*: только полноправные потомки способны поддерживать культ предков и только от них боги принимают жертвы. Возможные противоположности законного брака по отцовскому праву таковы: 1) *Чистые материнские группы*: нет отца, как законно признанного главы; родство существует только между матерью и детьми, а также родственниками матери. Чистая материнская группа встречается в особенности там, где имеются и союзы мужчин (см. ниже). 2) *Чистые отцовские группы*: все дети одного отца считаются равноценными, также и дети от побочных жен, konkubin и рабынь, равно и приемные; как они, так и жены, подчинены его неограниченной власти. Из этого состояния развивается законный брак по отцовскому праву. 3) *Следование праву матери, хотя существует домашнее сожительство обоих родителей*, так что дети принадлежат к роду матери, но не отца; это состояние встречается там, где господствует тотемизм, и еще как пережиток устройства мужского дома (см. ниже).

В. Хозяйственная и внехозяйственная обусловленность развития семьи

Чтобы понять эту обусловленность, нужно вникнуть в обстановку *первобытного хозяйства* вообще.

Прежняя, ходячая в науке *схема трех друг друга закономерно сменяющих ступеней хозяйства* — охоты, пастушества и земледелия, — ныне поколеблена. Ни народы чисто охотничьи, ни чистые кочевники, если они вообще еще встречаются и не вступают в обмен между собой или с народами земледельческими, уже не являются чисто первобытными. Первобытно, напротив, кочевое земледелие, которое выступает как мотыжная обработка, обычно в связи с охотой. Мотыжная обработка есть земледелие без домашнего скота, в особенности без рабочего скота. Появление плуга уже обозначает переход к земледелию в нашем смысле. Попытки приручения животных делаются с очень раннего времени. Сначала приручают скот, годный для работ. Позже доходит очередь до молочного скота; еще ныне, особенно в Восточной Азии, есть области, население которых не знает об употреблении молока (см. выше); потом наступает черед убойного скота. Случайный убой, конечно, явление старое; он происходит в ритуальной форме, при оргиях мясоедения. Наконец, приручаются и дрессируются животные с военными целями. С XVI в. до Р. Х. мы встречаем лошадь, которая является в степи верховым животным, повсюду же в иных местах упряжным, и открывает своим появлением эпоху богатырских боев на колесницах, общих всем народам от Китая и Индии до Ирландии.

Мотыжное земледелие могло производиться индивидуально малыми семьями или, с накоплением труда, путем соединения семейных общин; в последнем случае оно занимает сотни людей. Этот вид обработки почвы знаменует уже известное улучшение техники. *Охота* должна была с самого начала вестись сообща; однако, это сотрудничество оставалось случайным. *Скотоводство* могло и даже должно было практиковаться индивидуально; во всяком случае, скотоводческие общины не могли быть слишком велики, так как при экстенсивном хозяйстве имеет место рассеяние по обширным пространствам. Наконец, экстенсивное земледелие могло практиковаться в любой форме, только расчистка требовала общего труда.

С этими различиями хозяйственных форм переплетается *разделение труда между полами*. Первоначально, в соответствии с трудностью работ, на женщину падали возделывание пашни и жатва. Когда же тяжелая работа на поле плугом сменила мотыгу, пришлось за пашню взяться мужчи-

не. Работой внутри дома, центр тяжести которой лежал в ткачестве, была занята исключительно женщина. Мужчины же был занят охотой, содержанием домашнего скота, поскольку речь шла о крупных рогатых породах (за мелким скотом ухаживала опять-таки женщина), работой над деревом, обработкой металлов и, наконец, прежде всего войной. Женщина работала непрерывно, мужчина порывами. Только с большой постепенностью, по мере увеличения тяжести и интенсивности работы, в постоянных видах труда принял участие и мужчина.

Из взаимодействия этих форм образовалось *два типа* трудовых соединений: с одной стороны, домашняя и пахотная работа, с другой стороны — охота и война. В первых женщина играет решающую роль и на этом часто покоится ее почетное положение; нередко на ее долю выпадает даже исключительное руководство. Дом женщин с самого начала был домом труда, тогда как сообщество для охоты и войны было делом мужского союза. Но был ли главой дома мужчина или женщина, как у индейцев, в нем всегда существовала традиционная подчиненность, а с другой стороны — патриархальный порядок внутри дома. Напротив, общение для войны и охоты осуществлялось под руководством вождя, избранного для этой цели; выбор вождя определялся не его родственными связями, но исключительно военными и иными личными качествами: это был свободно избранный военачальник со свободно подобранной дружиной.

Рядом с домашней общиной, среди которой совершается хозяйственный труд женщины, существует *дом мужчины**. В определенную эпоху жизни, примерно от 25 до 30 лет, мужчины живут вне семьи, в отдельном доме. Отсюда организуется война, охота, колдовство и выделка оружия или других важных железных предметов обихода. Молодежь нередко похищает для себя женщин, и притом совместно, так что такой брак умыканием носит полиандрический⁴⁵ характер. Женщине воспрещен вход в дома мужчин, ради сохранения его тайн; обычно ее предупреждают о близости этого дома разными устрашающими действиями; таков, например, дук-дук у островитян Южного океана. Обычно с существованием дома мужчин связан обычай авункулата,

* H Schurtz. Altersklassen und Männerbunde. Berlin, 1902.

не всегда, но очень часто счет родства по матери и постоянно родовая экзогамия. Обыкновенно также вся совокупность мужчин делится на возрастные классы. С определенного возраста мужчины уходят назад в деревню к женам. Обычно при доме мужчин развивается новициат: в определенном возрасте мальчиков берут из семьи, подвергают магическим обрядам (в частности обрезанию), посвящают в союз юности и принимают в дом мужчин. Дом этот — казарма, военное учреждение, в период упадка из него могут возникать всевозможные причудливые сообщества, например, клубы колдунов или различные тайные союзы вроде итальянской каморры. Спартанский ἀνδρείον, греческая *фратрия*, римская *курия* (*curia*)⁴⁶ — вот примеры домов мужчин.

Это первобытное военное учреждение появлялось не всюду, но там, где оно существовало, оно быстро приходило в упадок, или вследствие потери воинственности, или вследствие усовершенствования военной техники в направлении, которое благоприятствовало единоборству с употреблением тяжелого оружия и требовало специальной тренировки бойца. Особенно повлиял в этом смысле бой на колесницах и на коне. Последствия были обычно таковы, что мужчина вступал в семью, соединялся с женой, и военная защита обеспечивалась уже не коммунистическим домом мужчин, но тем, что каждому отдельному воину доставался земельный участок, который ему давал средства снарядиться. Тем самым и кровная связь приобретала более решающее значение; вместе с ней повсюду в мире формируется разными путями первобытная теология анимизма, веры в духов.

В доме мужчин вероятно следует искать зарождения *тотемизма**, покоящегося на анимистской основе, хотя он позднее остается свободным от него. Тотем — это зверь, растение, камень, произведение человеческого труда, вообще какой-нибудь предмет, который считается одержимым духом; сочлены по тотему считаются находящимися в мистическом общении с этим духом. Если тотем — животное, его нельзя убивать, ибо он кровь от крови всего общества; отсюда проистекают определенные ритуальные запреты в пище.

* J G Frazer. Totemism and Exogamy. L., 1910; *Varii auctores*. Das Problem des Totemismus, Anthropol IX (1914), X/XI (1915/16), XII/ XIII (1917/18), XIV/XV (1919/20); E. Durkheim. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P., 1912.

Сообщники по тотему образуют культовый союз мира, сочлены которого не должны воевать друг с другом; они соблюдают экзогамию, ибо брак между членами одного тотема считается кровосмешением и тяжко наказуется, а потому они состоят в брачных соглашениях с другими тотемными союзами. Союз тотема в этом смысле есть ритуальный союз, который часто причудливо переплетается с семейными и политическими сообществами. Хотя отдельный отец живет в общем доме вместе с женой и детьми, счет родства почти всюду ведется по матери, так что дети принадлежат к материнскому роду и остаются отцу даже ритуально чужды. В *этом-то* и заключается фактическая основа так называемого материнского права, которое вместе с тотемизмом является пережитком эпохи домов мужчин. Напротив, где последнего нет, там господствует чисто отеческая группа или отеческая группа с материнской преемственностью родства.

Борьба между возникавшим отцовским и старым материнским правом решалась порядком, согласно которому присваивалась земля. Присвоение совершалось на чисто экономических основаниях, т. е. земля считалась местом работы женщины, или на основаниях военных, т. е. земля рассматривалась как приобретенная и защищаемая копьем, т. е. добром мужчины. Если женщина несла на себе главное бремя по обработке земли, то земля переходила к брату матери, как опекуну детей. Напротив, если она считалась даром оружия, на нее притязал военный союз; дети считались по отцу, дальнейшим последствием было исключение женщин из права на землю. Союз стремился поддержать экономические основания для боеспособности сочленов, удерживая земельные жеребья⁴⁷ внутри отцовского рода. Из такого стремления вырос левират, как и *право наследования на дочерей*, которое охватывало в себе и право и обязанность ближайшего родственника жениться на единственной оставшейся в живых дочери какого-нибудь рода, как это особенно практиковалось в Греции. Тот же вопрос о главенстве отеческого или материнского права мог разрешиться и другим путем, т. е. на основании индивидуальных имущественных отношений. Среди экономически равных людей, вероятно, древнейшей формой заключения браков был *обмен женщинами**, в особенности между домашними

* См. кн. Бытия 34, 8 сл.

союзами, когда братья одного взаимно обменивались сестрами другого.

При дифференцировании владения женщина, как рабочая сила, превращается в объект ценности и покупается, как рабочий скот. Кто не может ее купить, должен за нее отслужить или надолго остаться в ее доме. Браки *куплей и отработкой*, одни со счетом родства по отцу, другие по матери, могут также существовать рядом друг с другом и даже в одном домохозяйстве; ни один из этих обычаев не наблюдается во всеобщем распространении. Женщина при этом остается всегда под сильной рукой мужа, который ее купил, независимо от того, живет ли она в своей семье или в семье мужа. Браки *куплей и отработкой* могут быть одинаково как *полиандрией*, так и *полигамией*⁴⁸. Если земельный собственник покупает сколько ему угодно жен, то немущие, в особенности братья, объединяются для общей покупки жены.

По ту сторону этих отношений стоит *групповой брак*, который развился, может быть, из постоянных брачных договоров (картелей) с магической санкцией между различными тотемическими или семейными общинами, причем мужчина брал последовательно или одновременно в жены нескольких сестер, вообще некоторое количество женщин из другой семейной общины, иногда во владение всей своей общины. Групповой брак встречается только эпизодически и никоим образом не является всеобщей необходимой переходной ступенью в развитии брака.

Купленная жена обычно находится под *неограниченной, патриархальной* властью мужа. Эта верховная власть его исконно древняя. В принципе она всегда присутствует и свойственна уже первобытным народам.

Г. Развитие рода

Развитие «рода» (Sippe — последнее слово обозначает кровное родство, оно соответствует галльскому слову «клан» и тождественно римскому *proles*) — протекает следующими путями.

Прежде всего надо различать разные виды родов.

1. Род в смысле *магического* (религиозного) родства его членов между собой, с запрещениями некоторых видов пищи, предписаниями, устанавливающими определенное ри-

туальное поведение по отношению друг к другу и т. д. Такими родами являются *тотемы*.

2. *Военные роды (фратрии)* — это союзы, которые исторически существовали в домах мужчин. Опекунство над своей молодежью, которую они практикуют, тесно опутывает ее жизнь: тот из юношей, кто не хочет подчиняться правилам новопришедшего в дом мужчины и подвергнуться связанному с ним аскетическим упражнениям и испытаниям мужества, становится на языке древних народов «женщиной» и потому не пользуется политическими и тесно с ними связанными экономическими преимуществами мужчины. Военный род сохраняет следы своего прежнего значения еще долго после исчезновения домов мужчин; в Афинах, например, фратрия превращается в деление общества, участие в котором дает лицу гражданские права.

3. *Род, как круг родства определенной степени*. Здесь решающую роль играет мужской состав группы, о котором только и идет речь ниже. Его функции: он осуществляет обязанность кровной мести над чужими обидчиками, он является носителем собственности на землю там, где она является завоеванной мечом; по китайскому, еврейскому, древнегерманскому праву, родственникам по мужской линии (агнатам⁴⁹) еще в исторические времена принадлежит *право возражать* против отчуждения земли в руки чужих для рода людей. «Мужской род» с таким значением есть, однако, специальное привилегированное и частное учреждение; только боеспособный мужчина, т. е. мужчина могущий физически и экономически защитить себя, тот, кто в состоянии себя вооружить, принадлежит к роду; кто этого не может сделать, отдается покровительству господина, который его защищает, но зато им и распоряжается. Таким образом, принадлежность к роду агнатов практически становится преимуществом состоятельных групп.

Род может быть *организованным* или *неорганизованным*. Первобытное его состояние есть нечто среднее между этими типами. Во главе рода обычно стоял старейшина; впрочем, он часто исчезает в историческое время. В принципе он только первый между равными, он действует как третейский судья при спорах внутри рода, в его руках находится право раздела земли между сородичами; но последнее происходит, во всяком случае, не по его произволу, а согласно традиции, так что сородичи или получают в основе одинаковое

участие, или неравенство их урегулировано определенным образом. Тип старейшины рода — арабский шейх, который может воздействовать на своих только убеждением и добрым примером, как и у германцев тацитовские *principes*⁵⁰ тоже действовали больше примером, чем приказанием.

Судьбы родового строя были очень различны. На Западе он совершенно исчез, на Востоке удержался почти в полном виде. Еще в античном мире *φυλαί* и *gentis*⁵¹ играли видную роль; каждый античный город первоначально составляется из родов, не из индивидов. Индивид в Греции принадлежит к городу только как член рода, военного союза (фратрии) и союза для распределения повинностей (филы); то же наблюдается в Индии, в высших кастах; особенно в касте воинов принадлежность к роду обязательна, тогда как член низших или позже возникших каст является только участником *девака*, т. е. тотемического союза. Здесь значение рода покоится на том, что наделение землей отдельных лиц совершается в виде пожалования главой рода. Благодарность происхождения становится принципом наделения землей: не потому, что люди владеют землей, считаются они знатными, но, наоборот, потому, что принадлежат к знатному роду, имеют они прирожденное право на долю земли. Между тем на Западе в феодальной системе пожалование земли ее господином происходит независимо от рода и родства, и верность вассала есть связь личная. В Китае еще донныне существует полукоммунистическое родовое хозяйство. Род владеет школами и магазинами внутри деревень, наблюдает за правильной обработкой полей, участвует в наследовании и ответственен перед судом за проступки своих сочленов; все экономическое существование индивида покоится на его принадлежности к роду; кредит обычно и всегда основывается на доверии к роду.

Разложение рода совершается под влиянием двух сил. Одной из них была религиозная мощь *пророчества*. Пророк ищет себе общину, не обращая внимания на родовую связь. Слова Христа: «Не мир пришел я принести, но меч. Ибо я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью» (Матф. 10, 34—35) и «Кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, тот не может быть моим учеником» (Лук. 14, 26) содержат мысль *всякого* пророчества относительно родовых связей. В средние века церковь стремилась унич-

тожить родовое право наследования, чтобы получить себе землю по завещаниям. Этот пример не стоит одиноко. В иудаизме определенные влияния действовали совершенно аналогично. Вплоть до плена род у евреев оставался в силе. После изгнания и простолюдины всюду вносятся в родовые регистры, которые уже раньше существовали для знатных родов. Но это родовое деление у евреев скоро исчезло вероятно потому, что такие группы по своему военному происхождению потеряли всякие корни в «демилитаризированном» государстве, и оставалась в силе только принадлежность к вероисповедному союзу (по рождению или по личному вступлению в него). Другой силой, которая способствовала разложению рода, была государственная *бюрократия*. В древности мы находим ее очень влиятельной в Новом царстве в Египте. Там уже нет никаких следов родовой организации, потому что государство ее не допускало; господствует одинаковое положение мужчины и женщины, свобода полового договора; дети обычно носят имя матери. Власть царя боялась здесь власти рода, как политической конкуренции, и потому покровительствовала возникновению бюрократии, так что результат получился иной, чем в Китае, где государственная власть не обладала достаточной силой, чтобы сломить мощь рода.

Д. Развитие домашней общины

Первобытная домашняя община не обязательно находится под знаком полного коммунизма. Часто в ней встречается уже широкое присвоение собственности даже на детей; особенно присваиваются, далее, железные орудия и продукты ткачества; встречается и особое право наследования от женщины к женщине и от мужчины к мужчине; может существовать безусловная власть отца, как нормальное состояние или, наоборот, ослабление ее благодаря воздействию других союзов, например, тотема или материнского рода.

От первобытной домашней общины, поскольку в ней вообще практикуется коммунизм (сфера его ограничивается областью потребления, но не присвоения), ведут разные пути к другим формам развития.

Малая семья может развиваться в *большое домохозяйство*, притом общинное или господское, как домохозяйство, оікоэ; помещика или князя. Первое случалось повсюду, где по

экономическим причинам создавалось скопление труда, между тем как развитие в направлении господского хозяйства было обусловлено в значительной степени политическими мотивами.

Из домашнего союза у южных славян развилась *зэдруга*, в Альпах — *общинное хозяйство*. В обоих случаях руководитель домохозяйства — по большей части выборный и по большей части также сменяемый. Первоначально существует полный коммунизм в приобретенных благих; удалившийся от работы не имеет никакой доли в общем владении. Позже в иных местах, например, в средневековой Сицилии и на Востоке, совершается развитие в том направлении, что домашняя община не остается вполне коммунистической, но основывается на разделении частей дохода или имущества до такой степени, что отдельный член ее может в любое время потребовать выдела, получить свою долю и идти, куда хочет.

Типичной формой развития в направлении *господского* хозяйства является *патриархальный* строй. Для него характерно, что собственность принадлежит исключительно отдельному лицу, домовладыке, от которого никто не имеет права потребовать отчета; господствует неограниченная пожизненная и наследственная деспотия отца дома. Она простирается на жену, детей, рабов, скот, орудия труда, на *familia rescupiaque* древнеримского права, которое вообще являет нам этот тип в классической завершенности. *Dominium* здесь абсолютно и, если по отношению к жене это право собственности именуется *manus*, по отношению к детям — *potestas*⁵², то здесь только разновидности одного и того же явления. Право домовладыки, в определенных ритуальных границах, доходит до права убить и продать жену, до права убить и отдать внаем детей. Отец дома по вавилонскому, римскому, древнегерманскому праву может присоединить к родным детям и приемных на совершенно одинаковых правах. Между женой и рабыней, женой и наложницей не существует никакого различия; нет также различия между признанными детьми и рабами; первые только потому именуется *liberi*⁵³, что единственным признаком, отличающим их от рабов, является для них возможность со временем стать домовладыками. Наконец, при этом поддерживается чисто *агнатическое* родство. Такие формы часто встречаются у скотоводов; мы находим их и там, где индивидуаль-

но воюющее всадничество превращается в военное сословие или где устанавливается культ предков, который не надо смешивать с культом мертвых* и который является в сущности сочетанием культа мертвых с требованием их принадлежности к роду. На этом, например, в Китае и Риме покоилась неразрушимость отцовской власти.

В первоначальной цельности патриархальное домохозяйство нигде больше не удержалось. Крушение его совершалось благодаря сословной эндогамии; знатные роды выдавали дочерей только за равных и одновременно требовали, чтобы этим женам отдавалось первенство перед рабынями. Кроме того, поскольку женщина переставала быть рабочей силой, — что также совершалось прежде всего среди знати, — мужчина переставал покупать ее, как таковую. Поэтому род, который хотел выдать замуж одну из дочерей, должен был давать ей приданое, чтобы обеспечить соответствующий ее сословию образ жизни. На этом воздействии сословного принципа сложилось различие между законным единобрачием и патриархальным правом отца. Брак с приданным стал нормальным браком, причем род ставил условием, чтобы данная жена была главной женой, и чтобы только ее дети наследовали имущество. Не интерес мужа иметь законных наследников его собственности вызвал такое развитие форм семьи, как понимает социалистическая теория, — ибо этот интерес мог быть удовлетворен любым способом, — но интерес женщины обеспечить своим детям собственность мужа. Однако, это никоим образом не приводило необходимо к единобрачию. По большей части, полигамия продолжала практиковаться: рядом с главной женой были побочные, дети которых пользовались лишь ограниченными правами наследования или не имели никаких.

Моногамия, как исключительная форма брака, насколько мы знаем, возникла впервые в Риме; она была ритуально обусловлена формой римского культа предков и, в отличие от греков, у которых она, правда, была известна, но часто держалась слабо, римляне твердо сохраняли моногамию. К укреплению ее позднее присоединилась религиозная сила христианских предписаний. По примеру христианства и иудейство, однако только с эпохи Каролингов, осуществило

---

* Может существовать культ мертвых без культа предков, как например, в Египте.

моногамию. Законный брак отделил наложницу от жены. Но женский род шел еще дальше в ограждении интересов жены. Впервые в Риме была проведена в жизнь *полная эмансипация жены от мужа в личном и экономическом отношении*; создан был так называемый *свободный брак*, который мог быть расторгнут обеими сторонами в любое время; женщина сохраняла при этом свободное распоряжение своим имуществом, но зато, в случае расторжения брака, лишалась всяких прав на детей. Даже законодательство Юстиниана⁵⁴ не могло устранить этого порядка. Происхождение законного брака от брака с приданым долгое время давало себя знать в том, что в некоторых правовых системах различается брак с приданым и, брак без приданого, например, у египтян (ἔγγραφος — ἄγραφος νόμος)* и у средневековых евреев.

§ 3. Возникновение господской собственности

Малая семья могла стать исходным пунктом для развития домашней общины, но из нее же могло образоваться *господское крупное домохозяйство*. С точки зрения экономической, оно прежде всего является носителем *сельскохозяйственной* господской собственности и вместе с тем *поместной сеньориальности*⁵⁵.

Выделение формы владения, которая лежит в основе этого вида хозяйства, обуславливается различными источниками. Одним из них является значение *достоинства вождя*, причем вождь мог быть главой рода или военным предводителем. В руках *главы рода* находилось право раздела землепользования между сородичами. Из этого традиционно установившегося положения часто рождалось присвоение власти господина, становившейся наследственной. Почтение, которое внушает к себе семья, отмеченная такой наследственной благодатью, выражалось в подарках, в помощи при обработке поля и постройке дома; из них развивались податные обязанности. *Военный вождь* мог стать но-

* L. Mitteis und U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. II 1,200 сл.

сителем господской собственности, путем выделения ему особого владения внутри общественной группы или вследствие внешнего завоевания. Повсюду он заявлял притязание на лучшую долю добычи и завоеванной земли; его дружина преимущественно претендовала на отвод ей земли во владение. Эта господская земля была обычно землей, которая (как, например, в древнегерманском хозяйственном строе) была свободна от обязательств нормального наделного порядка владения в общине. Напротив, она обрабатывалась с помощью владельцев остальных полей.

Внутри общины дифференциация барского землевладения совершалась путем возникновения сословия профессиональных воинов, которое было тесно связано с ростом *военной техники* и улучшением вооружения. И то, и другое было недостижимо для людей экономически зависимых. Поэтому, выделялись такие слои, которые по размерам своего владения стали носителями военного искусства и могли сами снарядить себя, в отличие от тех, которые этого не в силах были делать и потому не могли сохранить полной свободы. Развитие военной техники шло рука об руку с усложнением *техники земледелия*. Результатом явилась возрастающая связанность обыкновенных крестьян со своим хозяйством. Дальнейшая дифференциация совершалась таким образом, что высшие, сами себя снаряжающие и военно обученные слои в разных размерах накапливали владения-добычу, благодаря своему военному умению, и заявляли притязание на принудительные или добровольные (через перекупку земельных наделов) услуги и дары или поборы с военно-неприспособленных, которые не могли тягаться с ними.

Другим путем подобной внутренней дифференциации видов владения является завоевание и *подчинение вражеского населения*. Первоначально побежденных врагов убивали, иногда даже в каннибальских пирах. Только позднее развивается применение их рабочей силы и они обращаются в крепостных с обязательными их поборами. Так возникает слой господ, владельцев крепостных, которые направляют труд людей, попавших в их собственность, на расчистку и обработку своих земель, что недостижимо для отдельных простых свободных людей. Слой рабов или крепостных мог эксплуатироваться коллективно всей общиной, так что они обращались на возделывание ее земель, как от-

части илоты⁵⁶ в Спарте, или это происходило на началах индивидуальных, в результате чего они оказывались прикрепленными к отдельному крепостному владельцу для обработки его собственности. Таков путь возникновения *знати завоевателей*.

Рядом с завоеванием и внутренней дифференциацией выступает *добровольная отдача безоружных под власть вооруженных*. Если такие нуждались в защите, они признавали господина своим *патроном* (в Риме) или *сеньором*⁵⁷ (у франков в эпоху Меровингов⁵⁸) и получали за это от него представительство перед судом, например, во франкском праве, представительство на судебном поединке или свидетельство господина вместо поручительства рода. Зато они оказывали ему услуги и несли обязанности, целью которых, однако, была не прямо хозяйственная их эксплуатация; они могли привлекаться только к выполнению службы достойной свободного человека, к чему также относилась военная служба. В позднейшие времена римской республики, например, сенаторские фамилии таким путем снаряжали сотни клиентов и колонов против Цезаря.

Четвертой формой возникновения господской собственности было *образование помещичьей оседлости или хозяйства*. Вождь, который располагает множеством зависимых людей и рабочего скота, в состоянии расчистить пустошь в гораздо больших размерах, чем простой крестьянин. Но расчищенная земля присваивалась тем, конечно, кто ее расчистил, в тех пределах, сколько он мог захватить плугом. Таким образом выделение различий в состояниях по количеству живых рабочих рук, где только оно проявлялось, шло косвенно на пользу присвоения новых земель господским слоем. (Примером использования преимуществ хозяйственного положения служит использование патрициями права оккупации римского *ager publicus*⁵⁹.)

Помещичья земля, которая была вновь расчищена, обычно эксплуатировалась путем *сдачи в аренду*. Съемщиками являлись чужаки, например, ремесленники, которые иногда находились под защитой короля или вождя, или люди обедневшие. Поскольку речь идет о последних, мы находим у кочевых народов и сдачу им в аренду скота, но обычно именно укрепляется в форме поселения на господской земле с обязательством оброков и барщин; это так называемый *колонат*, который встречается на всем Востоке, в

Италии, Галлии и, несомненно, также у германцев. *Суды деньгами и зерном* также часто становились средством для накопления людей и земли. Поэтому рядом с колонами и рабами в античном хозяйстве большую роль играли и задолжавшие *кабальные* люди, *пехи*⁶⁰.

Часто при образовании таких отношений смешиваются вместе категории зависимости, которые первоначально основывались на родовых порядках, с теми, которые возникали из господской власти. Для безземельных и чужаков, стоявших под защитой господина, родовая принадлежность уже не имела значения с самого начала; но и различия сородичей, членов общины или колена, постепенно сливались в одну категорию *сидящих на господской земле*.

Дальнейшим источником возникновения господской собственности была *магическая благодать*. Во многих случаях вождь происходил не из военных предводителей, а из заклинателей дождя. Но он также мог налагать заклятие на определенные предметы и тогда «*табу*» защищало их от всякого нападения. Аристократия магов создала таким путем жреческую собственность и уже жрец совпадал с князем, он пользовался, особенно на островах Южного океана, верой в *табу*, чтобы обеспечить свою частную собственность.

Шестой возможностью возникновения собственности была *торговля*. Регулирование внешней торговли первоначально находилось всецело в руках вождя, который мог направлять ее в интересах членов союза, но он сделал ее источником собственного дохода, повышая пошлины, которые вначале были только вознаграждением за защиту, оказываемую им иноплеменным купцам, представляя — разумеется, за вознаграждение — права на рынок и охраняя обмен на рынке. Часто затем вождь переходит к *собственной торговле*, которая становится монопольной, по мере того как он лишает этого права своих сельских братьев и сородичей. Таким образом, он приобретает средства давать деньги взаймы и тем превращать членов своего собственного рода или общины в кабальных рабов и дальше накапливать в своих руках землю.

Торговля вождя может развиваться в двух направлениях. Или регулирование торговли, а вместе с тем и монополия, остается в руках *одного* вождя, или выступает *совместное поселение* многих вождей, образование торговой груп-

пы; в последнем случае возникает город с торговым патрициатом, т. е. привилегированным слоем, положение которого основывается на накоплении имущества путем доходного обмена. Первый случай обычен у некоторых негритянских племен, например, на берегах Камеруна; в большом масштабе монополизация торговли в пользу одного лица была осуществлена в Древнем Египте: могущество фараонов основывалось, главным образом, на их торговой монополии. Нечто подобное наблюдается и у Киренских царей⁶¹, позднее отчасти у средневековых крупных феодальных владельцев. Второй случай — возникновение городского слоя господ — типичен для античности и раннего Средневековья: в Генуе и в Венеции на Риаальто⁶² поселившиеся там сплоченно фамилии стали единственными полноправными гражданами. Они финансировали купцов, не принимая сами участия в торговле, но только предоставляя им кредит и т. п. Следствием этого была задолженность прочих слоев, особенно крестьян, городскому патрициату. Рядом с княжеским землевладением возникает таким образом и патрицианское землевладение Древнего мира. Античность предстает перед нами как сеть береговых городов с патрицианскими крупными землевладельцами-господами, заинтересованными в торговле. Вплоть до эллинистической эпохи античная культура остается береговой культурой. Ни один город этого раннего периода не расположен далее, как на расстоянии дня пути от моря; там именно утверждают жительство земельные магнаты с их зависимыми поселенцами.

Господская собственность может иметь также *фискальные* корни в строе налогов и повинностей государства и в таком случае возникают две возможности. Или образуется *централизованное собственное хозяйство князя с отделением в нем главы управления от средств самого правительственного дела*, так что политическая власть не принадлежит никому, кроме князя, или *управление становится собственностью целого сословия*, и рядом с собственным хозяйством князя возникают хозяйства его вассалов, откупщиков податей или чиновников, которым предоставляется земля и которые оплачивают все издержки управления из своего имущества. В зависимости от преобладания одной или другой из этих систем, совершенно различно формируется политический и социальный строй. Торжест-

во той или другой возможности главным образом зависит от хозяйственных условий. Восток и Запад здесь очень типично различны. Для восточного хозяйства (Китай, Передняя Азия, Египет) решающую роль играла *культура орошения*, для Запада — *культура лесов*, возникшая через расчистку.

Культура орошения на Востоке возникла непосредственно из первобытной монополевой обработки, без применения скота. Рядом с ней развилась садовая культура с орошением из великих рек: Евфрата и Тигра в Месопотамии, Нила в Египте. Орошение и его урегулирование предполагало организованное плановое хозяйство, из которого возникло *крупное хозяйство царей Переднего Востока*, наиболее последовательно развернувшееся в новом фиванском царстве в Египте⁶³. Военные походы ассирийских и вавилонских царей, которые предпринимались ими вместе с дружиной, образовавшейся еще во времена существования домов мужчин, в первую очередь были охотой за людьми, для доставления человеческого материала на постройку каналов и обработку полос в пустыне*. Царь держал в руках регулирование пользования водой, но для этого он нуждался в бюрократии. Строительная и водяная бюрократия Египта и Месопотамии, возникновение которой также объясняется экономически, древнейшая в мире. Она остается в составе царского личного хозяйства. Отдельные чиновники — рабы и клиенты царя, так же как и солдаты, на которых нередко налагают клейма, чтобы помешать побегам. Податное хозяйство царя — натуральное хозяйство, т. е. он налагает на подданных натуральные оброки, которые (в Египте) накапливаются в складах и оттуда выдаются чиновникам и рабочим. Древнейшая форма оплаты чиновника есть натуральное продовольствование. Результатом этой системы было в Египте закрепощение сельского населения за царем. Оно выражается в общих барщинных обязанностях всех подданных и круговой поруке деревни за следуемые с нее поступления, наконец, в выросшей отсюда системе, которая при Птолемах⁶⁴ назывались *ιδία*: отдельный крестьянин прикрепляется не только к своему участку, но и к своей деревне и, если он не мог показать места своей *ιδία*, то считался вне закона (беглым). Эта система го-

* Этим объясняется также судьба израильтян в Египте.

сподствует не только в Египте, но также в Месопотамии и в Японии, где мы встречаем ее под названием *Ku-bun-den*. И в том, и в другом случае положение крестьян очень похоже на условия, сложившиеся внутри русского «мира».

Из барщины подданных возникло постепенное *денежное хозяйство государя*. Его развитие идет также разными путями: то это личное хозяйство и собственная торговля князя, то князь обращает политически подчиненные ему трудовые силы на промышленное производство уже не для собственных потребностей, но на сбыт, как было в Египте и в Вавилонии. Торговля и ремесленное производство на рынок образуют при этом подсобные промыслы большого домохозяйства, нет никакого разделения между домохозяйством и доходным промыслом. Это та форма хозяйства, которую Родбертус обозначил, как *ойкосное хозяйство**⁶⁵.

Ойкосное хозяйство могло, в свою очередь, явиться исходным пунктом для различных организационных возможностей. Одной из них была египетская система *зерновых жиробанков*⁶⁶. Фараон владел хлебными складами, рассеянными по всей стране. Крестьяне не только приносили туда свои платежи натурой, но сдавали туда весь свой урожай, получая взамен чеки, которые они могли снова обратить в деньги**. Другой возможностью было возникновение государевых денежных налогов, которые уже предполагают, однако, значительное проникновение денежного обращения во все частное хозяйство, определенный уровень доходных предприятий и рынок, по крайней мере, для внутренней торговли, как это было в птолемеевском Египте. Трудно было, однако, установить бюджет при тогдашнем состоянии техники управления. Владыка постоянно старался, поэтому, переложить риск просчета на чужие плечи, взимание налогов сдавалось на откуп предпринимателям или чиновникам, а то и просто передавалось непосредственно солдатам, которые сами из этих же налогов брали свое жалованье. Наконец, сбор налогов иногда перелagался на земельных господ. Этот переход права взимать налоги в руки частных властей объяснялся недостатком удовлетворительного государственного аппарата, причины чего корре-

* См. его исследование: *Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus in Jahr f Nationalökonomie u. Statistik IV (1865)*.

** *Preisigke, Girowesen im griechischen Agypten. 1910.*

нились, в свою очередь, в низком моральном уровне служилого персонала.

Откуп налогов предпринимателями в широких размерах практиковался в Индии*. Так каждый *заминдар*⁶⁷ (откупщик податей) имел тенденцию превратиться в помещика. Набор рекрутов тоже поручался предпринимателю *яджирдару*, который был обязан поставить определенный контингент, набиравшийся безразлично из всяких элементов; этот *яджирдар* равным образом старался превратиться в крупного землевладельца. В аналогичном положении находились особые пожалованные землей государственные уполномоченные: являясь совершенно независимыми сверху и снизу, в положении, подобном в свое время Валленштейну⁶⁸, они тоже поставляли рекрутов. При передаче *сбора налогов служилым людям* владыка договаривался с ними о получении твердой оптовой суммы, всякий излишек принадлежал чиновнику, на него же содержался и исполнительный персонал. Такова система раннего мандаринского управления в Китае (при переходе к новейшей налоговой системе статистика неожиданно обнаружила крайне быстрый прирост числа душ населения, которое мандарины⁶⁹ умышленно понижали); таково же было хозяйничанье сатрапов древнего Востока. Третьей возможностью государственного денежного хозяйства является *передача сбора податей солдатам*. Такова обычная практика государств-банкротов; происходит это тогда, когда правитель не в силах платить солдатам жалованье. В этом заключалось перерождение отношений в царстве халифов под властью турецких солдат с X столетия. Солдаты выросли там в военную знать, так как центральное правительство действительно не могло больше распоряжаться налогами и нашло выход лишь в том, что передало их сбор воинским отрядам.

Эти три формы присвоения первоначально государственных денежных доходов и поставки рекрутов, — предпринимателями, чиновниками или солдатами — стали основанием *на Востоке феодальной системы*, которая возникла из вырождения денежного хозяйства, из технической неспособности государства осуществить сбор податей через собственные органы. Результатом был вторичный *рационализированный аграрный коммунизм*, круговая ответственность

* М. Weber, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, II. стр. 69.

крестьянских общин перед откупщиками податей, чиновниками или солдатами, земельная община и прикрепление к земле. Противоположность этого развития западному ясно выступает в том, что на Востоке не возникло никакого *господского барщинного хозяйства*, но зато утвердилось выжимание поборов. Кроме того, постоянно возможен упадочный *переход к натуральному хозяйству*, как только явятся малейшие затруднения при превращении в деньги поборов, доставляемых крестьянами в натуральных продуктах. Поэтому восточные государства крайне легко попадали из состояния по видимости высокой и богато развитой культуры в состояние чистого натурального хозяйства.

Как четвертую и последнюю форму использования правительственных доходов, мы находим *передачу их сбора крупному помещику-сеньору*. Государь таким образом избавляет себя от обязанности содержать собственный административный аппарат, но возлагает добывание податных сумм, иногда и поставку рекрутов, уже на готовые силы частного характера. Так было в Римском государстве, когда в императорскую эпоху культура переместилась с морских берегов внутрь страны и империя из союза преимущественно приморских городов превратилась в континентальное государство. Внутренние области знали только натурально хозяйствующее помещичье землевладение. В сферу его деятельности перешел теперь сбор податей и поставка рекрутов. Крупные землевладельцы, *possessores*, вплоть до Юстиниана оставались руководящим сословием. Зависимые люди, которыми они распоряжались, давали им возможность вносить налоги, в то время как императорская бюрократия не могла вырасти так, чтобы удовлетворить нуждам выросшего государства. В отношении техники управления этот порядок отличается тем, что рядом с *муниципиями*⁷⁰ выступают *территории*, во главе которых стоят землевладельцы, ответственные перед государством за подати и рекрутов. На этом основывается развитие *колоната* в Западной Европе, между тем как на Востоке он столь же стар, как указанные выше *ιδία**. Мысль, лежащая в основе колоната, была перенесена Диоклетианом⁷¹ на всю империю: каждый приписывался с тех пор к податному округу, который он не мог покинуть самовольно; начальником этого

* L. Mitteis и U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I. 26 сл.

округа в большинстве случаев являлся землевладелец; так как центр тяжести культуры в империи переместился из прибрежных областей внутрь страны.

Особый случай развития тех же форм представляет *возникновение господской собственности в колониях*. Первоначально интерес к приобретению колоний был чисто фискальный, именно колониальный государственный капитализм. Цель его, денежная эксплуатация, достигалась, если завоеватель облагал завоеванных туземцев денежными поборами или натуральными оброками, особенно колониальными продуктами и пряностями. Государство при этом обычно передавало непосредственную эксплуатацию колоний частным торговым компаниям (примеры: британская Ост-индская и голландская Ост-индская компании). Тогда вожди делались носителями круговой ответственности, а первоначально свободные крестьяне становились их крепостными; развивалось обязательное земледелие, земельная община, право и обязанность переделов. Другой формой развития господской собственности в колониях была *индивидуальная раздача земли господам*. Типичный пример представляет *энкомьенда**⁷² в испанской Южной Америке. Она является земельным пожалованием с правом привлекать индейцев к принудительным поборам, работам и барщинам; в такой форме она просуществовала до начала XIX столетия.

Присвоению государственных, денежно-хозяйственных, фискальных прав на Востоке противостоит на Западе (и в Японии) *натурально-хозяйственная феодальная система*, возникновение господской собственности путем пожалования ленов**⁷³. Обычное следствие феодальной системы — образование всаднического, рыцарского сословия, благодаря передаче земельных владений и господских прав людям, которые готовы взять на себя вассальные обязанности. Феодальная система встречается в двух формах, в зависимости от того, передается ли господская власть как *пребенда*⁷⁴ или как *лен*. Как пожалование в виде пребенды ха-

* A. von Humboldt, *Essaie politique sur le royaume de la Nouvelle-Espagne*, 2. ed. 6 vol., Paris, 1826—1827, deutsch 5 Bde, Stuttgart 1809—1814. A. Helps, *The Spanish conquest in America*, 4 vls., London, 1855—1861. P. Leroy-Beaulieu, *De la colonisation chez les peuples modernes*, 3d., Paris? 1886, 12 ff — *Encomienda* предполагает предварительную систему *repartimientos*, т. е. раздачу индейцев по определенному числу душ таким «господам».

** M. Weber, *Wirtschaft und Geseleschaft*, 1922, ст. 724.

рактерна система турецких раздач*. Она не знает в принципе постоянного присвоения индивидуальных владений, но только их пожизненное предоставление во временное вознаграждение за воинские услуги; пожалование оценивается по доходу и предоставляется в соответствии с рангом, происхождением и военной должностью. Все подробности регулирует Высокая Порта, как нечто вроде верховного ленного управления, наподобие франкских майордоматов⁷⁵. К этой системе близка система, первоначально практиковавшаяся у японцев**. Япония с X в. перешла от системы *Ki-bun-den* к пребендной ленной системе. Сёгун⁷⁶ был вассалом и коронным полководцем императора; с помощью своего управления (*ba-ku-fu*) он расценивал землю по ее доходу в рисе и предоставлял, как пребенды, своим вассалам, даймё, которые передавали их в свою очередь своим министрам, самураям⁷⁷. Позже установилась наследственность ленов. Но как пережиток первоначальной зависимости от сёгуна сохранился его контроль над управлением даймё, которые тоже наблюдали за своими вассалами.

Русская феодальная система*** ближе к европейской. В России ленное пожалование (*поместье*) давалось за определенную службу царю с ответственностью за поступление податей. Владельцы должны были занимать гражданские должности и командные места в войске; это было правило, которое отменила только Екатерина II. Преобразование поземельной подати в подушную при Петре Великом привело к тому, что помещик стал отвечать за подати по числу душ, которые числились в его имении на основании периодических ревизий. Влияние этой системы на аграрный строй уже описано выше.

Рядом с Японией — *средневековый Запад***** является областью, где феодализм развился в наиболее чистой фор-

* P. A. v. Tischendorf, Das Lehenswesen in den moslemischen Staaten, insbesondere im Osmanischen Reiche. Leipzig, 1872; L. v. Ranke, Die Osmanen und die spanische Monarchie im 16. und 17. Jahrhundert, Leipzig, 1877 (= Sämtl. Werke 35—36).

** См. отмеченную выше книгу Т. Fukunda.

*** См. П. Н. Милоков, Очерки по истории русской культуры (Weber ссылается на немецкий перевод Davidson'a 2 Bde. Leipzig, 1898—1901).

Ср. указанную у него литературу и специально работы Н. П. Павлова-Сильванского о феодалных началах в древней Руси (см. слово *Феодализм в России* в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона 1-е изд. 70-й полутом).

**** См. указ. литературы у Н. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte II, стр. 207, 242; R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 6-е изд., стр. 167, 429;

ме. Его подготовили отношения позднеимперской империи и земельный строй, который уже там вырастал в полуфеодальные формы. Вместе с ними слились земельные права германских вождей. Расширение и значение помещичьего землевладения чрезвычайно усиливается благодаря расчистке и завоеванию (победоносную дружину нужно было снабжать землей) и, наконец, благодаря массовой коммендации; только лишившийся владения или неспособный себя снарядить крестьянин был принужден, вследствие совершенствования и удорожания военной техники, отдавать себя в подчинение (*obsequium*) к хозяйственно более сильному. К этому присоединились широкие передачи земли в пользу церкви. Но решающее значение имело здесь вторжение арабов и необходимость противопоставить франкскую конницу арабской. Карл Мартелл⁷⁸ предпринял широкую секуляризацию церковных имуществ, чтобы приобрести себе, с помощью этих имений, которые отдавались как *beneficia*⁷⁹, обученное войско из всадников-вассалов, члены которого могли сами себя снарядить, как тяжело вооруженная конница. Потом постепенно, кроме земли, стали отдаваться в лен также государственные должности и права.

§ 4. Крупное сеньориальное землевладение (поместье-государство)*

Внутреннее развитие господской собственности, особенно крупного помещичьего землевладения на Западе, обусловлено прежде всего политическими и сословными отношениями. Власть «господина» складывается из трех составных частей: *владения землей* (помещичья власть), *владения людьми* (серваж⁸⁰), *присвоения политических прав* (узурпацией или пожалованием), в особенности же *судебной власти*; эта последняя стала всего важнее для развития феодализма во всем Западе.

или обобщающие обзоры у P. Vinogradoff, *Origins of feudalism* в Cambridge mediaeval history II, стр. 631 и «Feudalism», там же, III, с. 458.

* K. Th. Inama-Sternegg, «Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften während der Karolingerzeit, 1878; W. Wittich, *Die Grundherrschaften in Nordwestdeutschland im früheren Mittelalter*, Leipzig, 1903; M. Sering, *Erbrecht und Agrarverfassung in Schleswig-Holstein*, Berlin, 1908; A. Dopsch, *Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit*, 2. Aufl., 2 Bde.,

Повсюду помещик-«господин» (сеньор) стремится к *иммунитету* от государственной власти. Чиновнику государя запрещается вступать на территорию этого «сеньора», а если и разрешается, он должен обратиться к господину за утверждением своих начальственных полномочий (права собирать поборы и производить военный набор). С этой отрицательной стороной иммунитета связывалась положительная: по меньшей мере, применение части тех прав, какие принадлежали чиновнику по государственному полномочию, оказалось уступлено иммунизированному владыке. В этой форме иммунитет существовал не только во франкском королевстве, но в Вавилоне, Древнем Египте, Римской империи*. Решающее значение имеет присвоение судебной власти. Помещик (Grundherr) и владелец людей постоянно стремится к ней. В царстве халифов это ему не удалось: государственная подсудность действовала здесь постоянно, без перерыва. Напротив, на Западе стремления помещиков достигли гораздо большего успеха. Первоначально господин обладает неограниченной судебной властью только над «своими» людьми, напротив, свободных судит только государственный суд, между тем крепостные, остающиеся подсудными государственному суду по уголовным делам, уже давно не могут обойтись без правовой помощи господина в суде. Это различие между свободными и несвободными стерлось с течением времени; власть господина над сервами слабела, зато власть над свободными крепла. От X до XIII сто-

Weimar, 1921—22; P. Vinogradoff, указанные работы. — H. Sée, Les classes rurales et le régime doménial en France, Paris, 1901. — F. Seebohm, The English village community, 4. ed., London, 1890; P. Vinogradoff, Villainage in England, Oxford, 1892; он же, The growth of the manor, 2. ed., London, 1911; F. W. Maitland, Domesday book and beyond, Cambridge, 1897; F. Pollock and F. W. Maitland, The history of English law before the time of Edward I., 2. Aufl., 2 Bde, Cambridge, 1898. Библ. указ. см. сщс R. Kötshke, Wirtschaftsgeschichte 80 f. и R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte 217 ff., 453 ff. Нужно постоянно иметь ввиду труды *Фюстель-де-Куланжа* (особенно 2-й, 4-й, 5-й и 6-й тома сго «Истории Общественного строя древней Франции» и работы *Ф.шжа* (L. Flach, Les origines de l'ancienne France, 4 тома, 1885 и сл.). *Люшера* (Manuel des institutions françaises), Общее руководство по истории французского права P. Viollet, A. Esmein (посл. изд. 1913 г.) и других. Указания на французскую литературу по феодальной эпохе в соответствующих томах «Histoire de France» под ред. E. Lavisse. Ст. И. М. Гревса «Феодализм» в «Энциклопедическом Словаре Брокгауза-Эфрона» (70-й полутом. *Дополн. ред. рус. пер.*).

* Фюстель де Куланжем показано, насколько такое утверждение преувеличено относительно Римской империи: там не было легально признанного иммунитета. *Прим. ред. рус. пер.*

летий возрастает вмешательство государственных судов в отношении сервов; в уголовных делах они часто появляются перед государственным судом. Вообще от VIII до XII столетий их положение неуклонно повышается. С окончанием больших завоеваний слабеет торговля рабами, затрудняется снабжение невольничьего рынка. Одновременно потребность в рабах, вследствие новых расчисток, возрастает. Чтобы добыть и удержать рабов, помещик вынужден неуклонно улучшать их положение. В отличие от античного *possessor'a*⁸¹ средневековый помещик был прежде всего не сельский хозяин, а воин; поэтому ему было трудно наблюдать за своими несвободными слугами, положение которых улучшалось уже одно это обстоятельство. С другой стороны, его власть над свободными усиливалась по военно-техническим причинам (см. выше) и вела к расширению домового власти господина, первоначально ограниченной пределами *familia*, на всю территорию поместья-сеньории.

Различию между свободными и несвободными людьми соответствовало различие между *свободными и несвободными отношениями при съеме земли*. Сюда относятся *прекарий и бенефиций*.

Прекарии есть предоставление чего-либо на основании просьбы, исходящей от свободных людей любого социального положения. Первоначально прекарий может быть снят во всякое время, но постепенно превращается в договор, возобновляемый через каждые пять лет, фактически пожизненный и часто наследственный. *Бенефиций* есть предоставление земли за службу, первоначально любую, иногда даже за оброк. Позже возникает различие между бенефицием свободного вассала, который обязался феодальной службой, и свободного простого человека, который взял на себя службу на барском дворе. К этим свободным отношениям пожалования следует присоединить третье, уступку *земли для поселения*, которую помещик отдает под расчистку за твердый ценз и обычно в наследственное владение (*Erbzinsleihe*). Позже последняя проникала и в города.

Всем этим формам пожалования, которые развились на почве земель, стоявших вне самого барского «домена» (личного его хозяйства)⁸², противостоит непосредственный *барский двор* с зависящей от него барщинной землей; образ его на франкской почве дает *Capitulare de villis* Карла Велико-

го*⁸³. В состав барского двора (или, лучше, *домена*) входила земля, эксплуатировавшаяся по инициативе самого господина, *terra salica*, на которой велось непосредственно хозяйство барского двора, и *terra indominicata*, господские полосы внутри свободных крестьянских деревень — в отличие от надельной земли крестьян. Крестьянские участки делились на *mansi serviles* с неограниченным количеством поборов и *mansi ingenuiles*, повинности которых были точно определены, выражалось ли это в предоставлении помещику рабочих рук или упряжек в течение целого года, или только в работе по жатве и пахоте у него на полях. Натуральные платежи и весь доход домена, который если он был королевскими имением, назывался *fiscus*, собирались в господские склады и потреблялись в первую очередь для нужд войска и двора, излишек шел на продажу.

Сильное смещение в положении свободных и несвободных людей обнаруживается из факта образования *замкнутых округов* власти помещичьей и судейской. Этому препятствовала вначале разбросанность поместных владений; например, Фульдский монастырь⁸⁴ владел разбросанными поместьями числом около тысячи. Уже в раннем Средневековье помещики-судьи стремятся округлить свои владения. Отчасти это оказалось возможным благодаря развитию так называемой реальной зависимости: господин отказывался отдать в обработку кусок земли, если съемщик не соглашался одновременно закрепоститься**. С другой стороны, благодаря тому что в пределах округа, подчиненного помещичьей власти, и в господском дворе жили вместе свободные и несвободные люди, развилось особое «поместное право» (*Hofrecht*), которое достигло расцвета в XIII столетии. Между тем как первоначально судебная власть господина распространялась только на несвободных членов его *familia*, а вне ее она получала силу по данной королем привилегии только в имунитетной области, в своем «дворе» ему при-

* См. против попытки А. Dopsch'a (Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingenzeit I 26 ff.) рассматривать *Capitulare de villis*, как специальный земельный устав для Аквитании, объяснения. G. Baist, Zur Interpretation der Brevium exempla und des Capitulare de villis, Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte XII (1914), 22 ff. und von J. Jud und L. Spitzer, Zur Lokalisierung des sog. Capitulare de villis, Wörter und Sachen VI (1914—1915) 116 ff. Ср. в русской литературе работу Грацианского *Capitulare de villis*.

** R. Rörig, Luft macht eigen см. Festgabe für G. Seeliger (Leipzig, 1920) стр. 51.

ходилось считаться с людьми разных сословий, которые оказывали ему одинаковые услуги. Свободные, находившиеся среди них, добивались, чтобы господин образовал по соглашению со своими захребетниками⁸⁵ особый «дворовый» суд, в котором зависимые от него люди исполняли обязанности заседателей, шеффенов⁸⁶. Этим у господина отнималась абсолютная свобода налагать тяготы на своих захребетников, повинности были нормированы «обычаем» (подобно тому, как во время последней революции в Германии солдатский совет пытался определить обязанности по отношению к офицеру). С другой стороны, между X и XII столетиями укрепляется принцип, что уже по самому факту помещичьего владения *ipso jure*⁸⁷ захребетник становится подсуден соответствующему господину.

Последствием такого развития было *ослабление* свободы одних и *несвободы* других захребетников. Ослабление свободы было политически обусловлено судебной властью господина и безоружностью свободных, создавшейся благодаря их прикреплению к барскому хозяйству; ослабление несвободы вызвано было возрастающим спросом на крестьян для расчисток лесов, а в Германии и для колонизации на востоке. То и другое давало несвободному возможность ускользать от власти господина и принуждало господ предоставлять несвободным более благоприятные условия. Кроме того постепенно прекращалась работоторговля, а значит и привоз рабов, поэтому с оставшимися несвободными слугами приходилось обращаться мягче. В том же направлении, к улучшению положения захребетников, действовало политическое положение помещиков. Господин не был сельским хозяином, но воином по призванию, он был не в силах сам вести хозяйство рационально; он не мог допустить чрезмерного колебания своих доходов, но склонялся к традиционному закреплению платежей со своих захребетников и тем самым к соглашению с ними.

Таким образом, средневековое крестьянское сословие сильно дифференцировалось внутри, но власть господина и поместное право удерживали всех вместе. Рядом с зависимыми слоями крестьянства существовали свободные крестьяне вне связи с хозяйством господского двора, сидевшие на свободной *наследственной цензиве* (над ними господин не имел судебной власти), существовали и прямо *свобод-*

ные собственники*. Совсем они никогда не исчезали, но большими группами встречались только в отдельных местностях, например, в Норвегии, где никогда не развивалась феодальная система, как «одальбауеры» (рядом с которыми стояли безземельные, несвободные и зависимые от свободных крестьян люди); затем в низменностях у Северного моря (Фрисландия, Дитмаршен), отчасти в Альпах (Тироль, Швейцария), в Англии, наконец, в некоторых местах России, как «панцирные» крестьяне и однодворцы; позднее к ним прибавились казаки, как плебейское солдатское сословие, с малыми крестьянскими наделами («ленами»).

Последствием развития феодальной (ленной) системы было то, что государи перешли к взиманию налогов; рядом друг с другом оказались дворянская свобода от налогов и обязанность платить их для безоружных крестьян. Чтобы возвысить боеспособность страны, французское ленное право выдвинуло положение: *nulle terre sans seigneur*, которое первоначально должно было обеспечить известное число дальнейших пожалований для снабжения военных сил; на сходном основании покоилась у германского короля необходимость вновь отдавать каждый освободившийся лен**. Эта дифференциация по податным обязанностям послужила исходным пунктом появления интереса к сохранению крестьянской земли у местных государей; они не могли допустить отчуждения из казны свободных крестьянских наделов, потому что оно уменьшало размеры подчиненной государству податной области. Поэтому государи перешли к системе охраны крестьян и запрещали знати включение крестьянских наделов в свои имения. Хозяйственно это приводило к следующим результатам: 1) крупное домохозяйство помещика и мелкое домохозяйство крестьянина сохранялись рядом. Повинности крестьян первоначально служили только собственным потребностям господина и потому могли быть закреплены обычаем. У крестьян не было никакого интереса хозяйственно извлекать из земли больше, чем было нужно для их собственного пропитания и сколько было безусловно необходимо для исполнения ими

* См. E. v. Amira, Grundriss des germanischen Rechts (3-е изд. 1913), стр. 124 и у Kötzschke в цитир. сочинении.

** [В «Wirtschaft und Gesellschaft» с. 149 Max Weber объясняет это гораздо удачнее, как правило, служившее интересам членов сословия и ими проведенное в жизнь.

повинностей. Еще менее заинтересован был помещик повышать поборы, пока он не производил на сбыт. Образ жизни помещика и крестьян не очень сильно различались между собой. Поэтому, «емкость его желудка полагала предел эксплуатации крестьян» (слова К. Маркса). Традицией определенные повинности крестьян были к тому же защищены поместным правом и соглашениями. 2) С тех пор как государство в податных интересах стало поддерживать крестьян, в дело вмешались юристы, особенно во Франции; в Германии же *римское право* при этом вовсе не привело, как думали многие, к разрушению древнего крестьянского права, но, напротив, было применено на пользу крестьян против дворянства. 3) *Прикрепление крестьян к земле*, поскольку существовало крепостное право или в силу податной обязанности, если господин отвечал за их подати, в возрастающей мере узурпировалось дворянством. *Право* крестьянского *отхода* всегда означало отход без земли, причем крестьянин должен был поставить заместителя. 4) *Право крестьян на землю* чрезвычайно *дифференцировалось*. По отношению к несвободным господин имел право возвращения земли в свои владения в случае смерти крестьянина. Если он отказывался воспользоваться этим правом, потому что у него было мало крестьян, он собирал, по крайней мере, поборы по смерти, лучшую голову скота и т. п. Свободные крестьяне были или съемщиками и в таком случае они могли быть удалены в любой момент, или наследственными оброчниками, и тогда сгонять их было нельзя. В обоих случаях правовое положение было ясным, но нередко вмешивалась государственная власть, воспрещала удаление (так называемое мызное право). Зависимые, которые передали себя господину, будучи первоначально свободными, находились у господина в отношениях крепостничества; наоборот, господин не мог просто прогонять «ласситов», но должен был согласно, например, Саксонскому Зерцалу⁸⁸, выплачивать им небольшую сумму деньгами. 5) Обычно господин захватывал общую пустошь, часто также и пастбище. Первоначально военный вождь был распорядителем всей незанятой земли. *Присвоение «марки» и деревенской альменды*⁸⁹ развилось в течение Средневековья из права господина регулировать пользование ими. Крестьянская война XVI столетия в Германии была в первую очередь направлена против этой узурпации, а не против чрезмерной высо-

ты поборов. Крестьяне требовали свободного пастбища и свободного пользования лесом, что не могло быть осуществлено, ибо на земле стало уже тесно и в таком случае дело бы кончилось гибельным обезлесением страны, как случилось на Сицилии. 6) Помещик присвоил себе многочисленные *монопольные права* на мельницу, пивоварню, пекарню. Такие монополии (банналитеты⁹⁰) возникали первоначально без всякого сопротивления, ибо только помещик был в состоянии построить мельницу и другие мастерские; только позднее применялось угнетающее принуждение при пользовании ими. Кроме того господин владел многочисленными монополиями в области охоты и транспорта. Они выросли из обязательств по отношению к военному вождю, позднее верховному судье, но были использованы для хозяйственных целей.

Использование подчиненных крестьян господином свершалось во всем мире — за двумя исключениями, о которых сказано будет ниже, при рассмотрении капитализма внутри поместья*, в том смысле, что на них смотрели не как на рабочую силу, но как на плательщиков ренты. Причина этого открывается в хозяйственной неподвижности господина: ему не хватало инициативы перейти к созиданию собственного крупного производства, в которое крестьяне могли бы войти, как рабочая сила. Кроме того, господин, покуда рыцарская конница образовывала ядро войска, был связан своими вассальными обязанностями и потому был хозяйственно непроемчив, между тем как крестьянин был еще негоден к военной службе. У господина не было своего инвентаря, и риск за его приобретение он охотнее перекладывал на крестьян. К этому, внутри Европы, присоединялась еще связанность господина поместным правом, между тем как в Азии господин, поскольку он перешел к производству на сбыт, не мог более рассчитывать на достаточную защиту своих привилегий, так как там не было ничего подобного римскому праву, и потому вообще не развилось барское поместье в настоящем смысле.

Господин получал следующие ренты: 1) *Оброки*, которые свободными крестьянами вносились с имущества, а крепостными с души. 2) *Пошлины за передачу в другие руки*, от внесения которых был поставлен в зависимость акт про-

---

* См. § 6.

даже крестьянского имени. 3) *Пошлины на наследство и на брачные разрешения*, т. е. за предоставление права передать «выпавшую из рук» умершего в руки высшего владельца землю потомкам или позволение крестьянской дочери выйти замуж вне пределов судебного округа или его поместья. 4) *Права на лесные и на пастбищные сборы*, например, на свинной корм в лесу. 5) Косвенно перелажавшуюся на крестьян перевозку грузов, а также строительство мостов и дорог. Собираение всех этих поборов и повинностей первоначально осуществлялось через управителей. Эта система является типичной для поместий южной и западной Германии, Франции и вообще древнейшей формой помещичьего строя. Эта система предполагает разбросанное владение; над отдельными группами крестьянских хозяйств, ему подчиненных, рассеянных по всей стране, господин сажал управляющего («виллика»), который собирал натуральные оброки и денежные платежи с порученных его наблюдению крестьян и принуждал их выполнять свои обязанности*.

§ 5. Положение крестьян в отдельных странах Запада до возникновения капитализма

*Франция**.*

Первоначально «рабы» (*serfs*) и полусвободные стоят рядом. Рабы могут быть *serfs de corps*; они несут услуги в неограниченных размерах, господину над ними предоставлены все права, кроме прав жизни и смерти; или это *serfs de main morte*, обязанности которых определены и которые сохраняют право ухода, причем господин при осуществлении ими этого права и в случае смерти может вернуть их землю в свой домен. Полусвободные крестьяне, *вилланы*⁹¹, имеют

* W. Willich, Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland, Leipzig, 1896.

** L. Deslile, Études sur la conduite de la classe agricole et de l'état de l'agriculture en Normandie pendant le moyen âge, Paris, Evreux 1851; K. Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftslebens im 11. Jahrhundert, Leipzig, 1881; E. Bonnemère, Histoire des paysans depuis la fin du moyen âge jusqu'à nos jours, 4. Aufl., 3 Bde., Paris, 1896; F. Wolters, Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich 1700—1790, Leipzig, 1905; ср. раньше указанные сочинения H. Sée (Стр. 55, прим. 1), G. d'Avenel и E. Levasseur (Стр. 17).

право отчуждения земли и несут твердо определенные повинности и платежи, как знак их первоначальной независимости. Эти отношения подверглись сильным изменением вследствие двух обстоятельств. Сначала значительно уменьшилось число полных сервов, благодаря массовым отпускам на волю, уже в XII и XIII столетиях. Отпуски происходили одновременно с появлением денежного хозяйства и в связи с ним. Этого требовал собственный интерес господина, так как свободные крестьяне могли быть обложены значительно высшими поборами. Другой причиной было возникновение крестьянских союзов. Деревня конституировалась в общину, которая брала на себя круговую ответственность по уплате господину рент, за что ей предоставлялась полная автономия управления, которая была поддержана королями. Обе стороны извлекали из этого выгоду: господин потому, что мог считаться в силу этого только с одним единственным должником; крестьяне потому, что силы их заметно вырастали: одно время их союзы даже добивались представительства в Генеральных Штатах. Дворянство принимало перемену тем охотнее, чем больше оно превращалось, в отличие от тогдашнего прусского юнкерства, в придворную знать, образуя слой получателей рент, живущих далеко от деревни. Оно уже не представляло собой организаторов труда, в каком бы то ни было смысле, и было вычеркнуто из хозяйственного строя страны в одну ночь во время революции.

*Италия**

Первоначальный аграрный строй рано изменился здесь благодаря тому, что городское гражданство скупало землю или экспроприировало собственников во время политических смут. Итальянский город очень скоро отменил крепостничество, ограничил повинности и поборы с крестьян и ввел дольщину (съемку из части) первоначально не с капиталистическими целями, но для покрытия собственных потребностей. Дольщики были обязаны доставлять продукты к столу городских патрициев, так что на каждого падала доставка особого вида продуктов; инвентарь обычно давал горожанин, владеющий капиталом, но не желающий хо-

* G. Arias. Il sistema della costituzione economica e sociale italiana nell'età dei comuni. Turin, 1905; R. Caggese. Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, I. bd., Florenz, 1907; G. Dietzel. Über Wesen und Bedeutung des Teilbaus (Mezzadria) in Italien, Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft XL (1884), XLI (1885).

зьяничать капиталистически. Дольщина отличает Италию и южную Францию от других стран Европы.

*Германия**.

Северо-западная и юго-западная Германия и прилегающие к ним части северной Франции составляют главную область «вилликационной» системы⁹² управления поместья с рассеянным владением. Но в дальнейшем развитие аграрного строя в юго-западных и северо-западных землях пошло совершенно различно. В юго-западной Германии вилликационная система распалась, права господина, как владельца крепостных и обладателя судебных прав, превратились в простые права собирателя рент; лишь относительно небольшие барщины и сборы при наследстве остались за господином, как пережиток старины. Рейнский и юго-западный крестьянин благодаря этому стал фактически свободно располагать собой, мог отчуждать и наследовать свои владения. Произошло это прежде всего потому, что здесь большой силы достигло феодализирование землевладения с преобладанием очень дробных поместий. В одной деревне часто сидело несколько помещиков. Землевладение, суд, крепостное право попадали в различные руки, и крестьяне могли играть на таких противоречиях. Единственное, что удалось провести помещикам западной и юго-западной Германии — это присвоение больших частей общей марки (лесных угодий), и в гораздо меньшем объеме также захват альменды (выгонов). В северо-западной Германии вилликационное управление было разрушено самими помещиками. С тех пор, как они увидели возможность сбыта своих продуктов, они были заинтересованы в возрастании доходов и в существовании крестьянских хозяйств, способных работать на сбыт. Во времена Саксонского Зеркала и уже непосредственно перед ним, произошли массовые отпуски «латов» на волю; освобожденная земля была сдана в аренду

* *Th. Knapp*, *Gesamelte Beiträge zur Rechts und Wirtschaftsgeschichte*, vornehmlich des deutschen Bauernstandes, Tübingen, 1902; *E. Gothein*, *Die Lage des Bauernstandes am Ende des Mittelalters*, vornehmlich in Südwestdeutschland, *Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst* IV (1885) 1 ff., *on же*, *Die Hofverfassung auf dem Schwarzwald*, *Zeitschr. für Geschichte des Oberrheins* XL (1886) 257 ff., *Th. Ludwig*, *Der badische Bauer im 18. Jahrhundert*, Strassburg, 1896; *S. Haussmann*, *Die grundherrliche Verfassung Bayerus in der zweiten Hälfte des 18 Jahrhunderts*, Strassburg, 1888; *H. Wopfner*, *Die Lage Tirols zur Ausgang des Mittelalters und die Ursachen des Banernkrieges*, 1908; *W. Wittich* (см. выше). *G. F. Knapp*, *Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in der alteren Teilen Preussens*, 2 Tle, 1887; (рус. пер. *Г. Кнapp*, *История освобождения крестьян в Пруссии*). Дальнейшая литература у *Kötzschke*, ук. соч., стр. 137, 184.

свободным съемщикам, так называемым мызникам; их участки, при сильном содействии государственной власти, которая защищала мызников от неоправданных поборов, стали наследственными. Если помещик хотел «отмызить» владельца, государство принуждало его поставить на место изгнанного другого мызника, чтобы не уменьшались налоговые поступления. Выгода помещиков увеличивать число больших хозяйств съемщиков привела к *праву наследования* с обязательством передавать двор в руки только одного наследника. Обычно ценз мызника был натуральным, а на место барщины выступил денежный оброк. В некоторых частях Вестфалии удержалось крепостничество, но только в том смысле, что помещик имел право забирать себе часть наследства при смерти крестьянина. На *юго-востоке* (Бавария, Верхний Пфальц, южный Вюртемберг) с укреплением крестьянского владельческого права дело часто обстояло очень плохо. Различали «наследственное поселение» и «крепостной договор», подзащитный лен и полный. Последний был только пожизненным и господину принадлежало право, в случае смерти крестьянина, повышать поборы или передавать участок другому. Но господин обладал обычно также и правом ближайшего наследования. Платежи состояли из десятин и поборов за перемену владельца; их размер изменялся в зависимости от того, было ли имение наследственным или ненаследственным. Барщины было очень мало. Крепостничество оставалось общераспространенным вплоть до XVIII столетия, однако фактически оно выражалось лишь в очень низком, различно вычисляемом обязательстве платежей господину, который часто не совпадал с самим помещиком, владельцем земли, на которой крестьянин сидел. На востоке Германии вплоть до XVI столетия положение крестьян было особенно благоприятным. Крестьяне обычно сидели на наследственно-цензовом праве, не несли никакой барщины и обладали личной свободой. Относительно большие массы поместий сосредоточились в руках дворян, которые с самого начала были пожалованы большими участками, часто по три-четыре в одной деревне. Судебная власть и помещичья власть в значительной части совпадали. Эти особенности быта позднее облегчили принуждение крестьян к барщине и дали возникнуть крупным предприятиям из больших «гуф», где дворянство само хозяйничало.

В Англии* существовали *villains in gross*, рабы, и *villains regardant* — зависимые. Они все были прикреплены к земле, но являлись членами судебной общины. Существовало сильно развитое поместное право, которое и затрудняло помещикам возможность угнетать крестьян и повышать их платежи. Помещичья и судебная власть были тождественны и во время нормандского завоевания: вассалам были переданы в лен замкнутые округа. Но в противовес помещику стояла твердая государственная власть; английские короли обладали сильной верховной властью и их ученые юристы пользовались большим могуществом, которое они прилагали к тому, чтобы защищать крестьян от помещиков.

§ 6. Капиталистическая эволюция помещичьего землевладения

Поместный (феодальный) строй, возникнув при значительном содействии военных моментов и главным образом рассчитанный на то, чтобы обеспечить существование господ путем использования зависимой земли и зависимых рабочих сил, заключал в себе также сильные мотивы для *капиталистического развития*; оно проявилось в двух формах: плантационном и крупнопомещичьем хозяйствах.

А. Плантаторство

Плантаторство есть предприятие с принудительным трудом, работающее специально на сбыт и производящее садовые продукты. Плантационное хозяйство возникло повсеместно путем завоевания, особенно в колониях и там, где возможность господского землевладения соединялась с благоприятными условиями для садовой культуры. Продуктами плантаций в новейшее время были: сахар, табак, кофе, хлопок, в древности — вино и масло. Развитие его обыкновенно проходит сначала через стадию *полу-плантаторства*. Регулируется только сбыт и концентрируется в одних руках, производство предоставляется отдельным несвободным рабочим, как принудительный труд с круговой ответственностью общины, обязательным возделыванием земли и пла-

* См. указания литературы выше, стр 77—78.

тежами владельцу полу-плантации, в качестве которого выступает колониальная компания. Эти условия господствуют в Южной Америке вплоть до революции в начале XIX столетия, в североамериканских колониях Англии вплоть до их отпадения от метрополии.

Полное плантаторство встречается, отдельными эпизодами, во всем мире. Но два раза оно нашло себе классическое выражение: в античных карфагено-римских плантациях и в негритянских плантациях южных штатов Американского Союза в XIX столетии. Полное плантаторство работает с помощью дисциплинированного, несвободного труда. Здесь не существует рядом, как в барском поместье, хозяйство помещика и отдельные малые хозяйства крестьян; зависимые рабочие согнаны вместе и заперты в казарму. Главная трудность предприятия заключается в рекрутировании рабочих. Рабочие бессемейны и не пополняются сами собой. Существование таких плантаций зависит от охоты за рабами, от того, существует ли такая охота на войне или осуществляется в виде периодических набегов на большую область охоты за рабами, например, эксплуатация, как невольников, негров Африки. *Античное плантаторство** сформировалось в Карфагене и там же было научно обосновано (Магоном, как в римской литературе Катонем, Варроном, Колумеллой)⁹³. Предварительным условием его была возможность постоянно находить покупных рабов на рынке. Продуктами римских плантаций были масло и вино. В барском поместье мы находим рядом *колонов*, свободных мелких съемщиков и рабов. Колоны обрабатывают поля инвентарем, который им дал господин, это группа рабочих, а не крестьян в нынешнем смысле. Рабы безбрачны и лишены собственности, они собраны в казармы с ночлежкой, лазаретом, карцером. Они работают под суровой, чисто воинской муштрой, выходят на работу утром по вызову сомкну-

* M. Weber, Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staatsund Privatrecht, Stuttgart, 1891; A. Schulten, Die römischen Grundherrschaften, Weimar, 1896; R. His, Die Domänen der römischen Kaiserzeit, Leipzig, 1896; Éd. Beaudoin, Les grands domaines dans l'empire romain, Nouvelle revue historique de droit français et étranger XXI (1897); K. Mitteis, Zur Geschichte der Erbpacht im Altertum, Abh. der Sächs. Gesellschaft der Wissensch. 1901; Специально о колонатах см. «Agrargeschichte» (M. Weber) und «Kolonat» (M. Rostowzew) в «Handwörterbuch», 3. Aufl., с библиографией, ср. N. D. Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, Paris, 1885, (рус. пер. под ред. И. М. Гревса), и M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Leipzig und Berlin, 1910.

тым строем, а идя с работы сдают утварь и одежду в особое помещение. Единственное исключение составляет *vilicus*, надсмотрщик, который владеет пекулием⁹⁴, и у него есть *contubernalis*, т. е. он может вступать в брак с рабыней и еще имеет право пасти скот на господском пастбище. Труднейшей проблемой была забота о рабском приросте. Так как он не был достаточным при случайности половых связей рабов, владельцы старались увеличить количество рождений, предоставляя рабыне свободу после третьего ребенка. Это общее правило оказалось тщетным, так как отпущенных на свободу ждала проституция. Затруднения господина, который жил в городе, возрастали перед лицом постоянной нужды в рабах. С тех пор как по прекращении больших войн, в начале империи, возможность постоянного пополнения рабов исчезла, рабская казарма (*ergastulum*)⁹⁵ была обречена на исчезновение. Ограничение рабского рынка действовало так же, как недостаток добычи угля на современную индустрию. Римское плантаторство поэтому изменило свой характер, так как одновременно передвинулся внутрь страны центр античной культуры, между тем как существование рабского хозяйства было тесно связано с близостью побережья и возможностями сбыта. Вместе с этим переходом центра тяжести культур внутрь континента, где господствовало традиционное помещичье хозяйство и соответствующие транспортные условия, и вместе с утверждением мира, который принесла империя, пришлось перейти к другой системе. Мы видим, что во времена поздней империи рабы, поскольку они занимались сельскими работами, получали семью и были посажены на *mansi serviles*, с другой стороны, колонны были обложены рядом с оброками еще и барщиной, и обе группы сравнивались. Крупные *possessores* господствуют в хозяйстве и в обществе империи. Денежное хозяйство и городское устройство приходят в упадок; общие условия приближаются к натурально-хозяйственной стадии.

Аналогичные затруднения возникли в южных штатах Североамериканского Союза. Плантации возникли здесь как раз тогда, когда произошли крупные изменения в технике хлопчатобумажной промышленности. В последней трети XVIII столетия в Англии были изобретены бумагопрядильная (1768—1769) и ткацкая машины (1785), а в Соеди-

ненных Штатах — машина для очистки хлопка; только последняя дала возможность полного использования урожая хлопка. Вместе с тем развилось массовое производство льна и шерсти. Однако, возможность массового производства хлопчатобумажного товара, вследствие машинной переработки урожая хлопка, привела к совершенно разным результатам в Европе и Америке; В Европе хлопчатая бумага дала толчок к организации свободного труда — первая крупная фабрика развилась в Ланкашире в Англии — в Америке она стала носителем рабства.

В XVI и XVII столетия для массового производства пытались использовать индейцев, но они оказались негодными для этого. Тогда перешли к ввозу рабов-негров. Но безбрачные рабы не размножались, и торговля рабами была запрещена в ряде штатов Новой Англии, так что уже через одно поколение — в конце XVIII столетия — наступил острый недостаток в неграх. Применение труда бедных переселенцев, которые старались возместить своей работой на плантациях значительные издержки по переезду, не дало удовлетворительных результатов. Тогда схватились за другое средство — разводить негров, — которое столь систематически практиковалось в некоторых южных штатах, что даже стали различать штаты разведения и штаты потребления негров. Одновременно, однако, разгорелась борьба из-за земли, на которой должна была быть применена работа негров. Необходимой предпосылкой для такого применения была низкая цена на землю и возможность постоянно захватывать в работу новые земли. Ибо если рабочая сила была дорога, земля должна была быть дешева; кроме того, хозяйство с помощью негров было хищническим, так как негры, которым нельзя было доверить никакого нового инструмента, хозяйничали примитивными орудиями. Среди таких условий началась борьба между штатами свободного и несвободного труда. При этом обнаружился удивительный факт, что только дополнительное орудие производства, «раб», одно приносило ренту, ибо сама земля вообще еще не давала никакой ренты. Политически эта борьба была схваткой капиталистических слоев Севера с плантаторской аристократией Юга. На стороне первых стояли свободные фермеры, на стороне же плантаторов было и то белое население Юга, которое вовсе не владело рабами, — «бедный

белый сброд» (*«poor white trash»*), — так как они боялись освобождения негров из соображений сословного престижа и видели в них конкурентов*.

Рабство доходно только тогда, когда оно поддерживается строжайшей дисциплиной и связано с безоглядной эксплуатацией. Дальнейшими предпосылками его существования является возможность дешевого добывания и питания рабов и экстенсивная хищническая культура, которая в свою очередь предполагает неограниченный запас земли. Когда рабы стали дороги и порядок их безбрачия больше нельзя было поддерживать, пало античное плантаторство и вместе с ним рабство. Христианство в этом отношении не оказало обычно приписываемого ему влияния, скорее повлияли стойки-императоры, которые начали защищать семью и семейные принципы и вместе с тем допустили браки рабов. В Америке идейно сильно повлияли на уничтожение рабства квакеры⁹⁶. Окончательно судьба рабства негров была, однако, решена с того момента, когда конгресс (1787 года) запретил ввоз рабов после 1808 г. и когда земли, находившейся в распоряжении американских поселенцев, начало не хватать. Превращение рабского хозяйства в систему аренды отчасти, вероятно, завершилось бы и без гражданской войны, которая вспыхнула только благодаря выходу южных штатов из союза. Неудачная хозяйственная политика северян-победителей, которые открыто давали преимущества неграм, имела то последствие, что после отозвания их войск негры почти повсюду были лишены права голоса, и воцарилось строго кастовое отделение черных от белых. Негры стали арендаторами-издольщиками и впали в долги. Так как железные дороги зависели от крупного землевладения белых, можно было затруднить неграм обмен, и их свобода передвижения оставалась лишь на бумаге. Таким образом, эмансипация рабов привела беспорядочным образом к состоянию, которое могло бы более органически наступить само собой, когда был бы исчерпан фактор «земля».

* J. E. Cairnes, *The Slave Power, its character, career and probable designs*, New York, 1862; E. von Halle, *Baumwollproduktion und Pflanzungswirtschaft in den nord-amerikanischen Südstaaten*, 2 Bds., Leipzig, 1897, 1906; H. J. Nieboer, *Slavery as an industrial system*, The Hague, 1900; B. Du Bois, *The suppression of the African slave trade*, New York, 1904; G. Knapp, *Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit*, 2. Aufl., Leipzig, 1909. 1. ff.

Б. Помещичье хозяйство

Помещичьим хозяйством мы называем крупное капиталистическое производство ориентированное на сбыт, которое основывается или исключительно на скотоводстве, или исключительно на земледелии, или на комбинации того и другого.

Если центр тяжести ложится на экстенсивное *скотоводство*, то предприятие может существовать без капитала, как в римской *Кампанье*. (См. W. Sombart, Die römische Campagna. Leipzig, 1885). Там господствует латифундиальное хозяйство, начала которого, вероятно, восходят ко временам барониальных распрей в феодальную эпоху церковного государства. Большие римские знатные фамилии являются помещиками Кампаньи, рядом с ними стоят арендаторы, которые разводят большие стада скота, главным образом для снабжения Рима молоком. Крестьяне, напротив, экспропрированы и вытеснены.

Крупное скотоводство с *малым приложением капитала* господствует также в пампасах *Южной Америки* и в *Шотландии*. В Шотландии крестьяне также экспропрированы. Английская политика (после уничтожения шотландской независимости битвой при Куллодене 1746 г.) стала рассматривать древних начальников кланов, как лендлордов, а членов кланов, как их держателей (*tenants*). В итоге лендлорды, как собственники, сочли себя вправе в течение XVIII и XIX столетий прогонять крестьян и превращать землю в охотничьи угодья и пастбища.

Интенсивное капиталистическое пастбищное хозяйство образовалось в Англии вместе с развитием английской шерстяной промышленности и ее поощрения английскими королями (с XIV столетия), которые преследовали при этом податные цели и сначала покровительствовали вывозу шерсти в сыром виде, а потом обеспечению местного потребления шерстяной мануфактурой*. Вместе с тем в Англии началось превращение альменды в овечьи пастбища (ого-

* E. Nasse, Über die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des 16. Jahrhunderts in England, Bonne, 1869; P. Vinogradoff, The growth of the manor, 2. Aufl., London, 1911; G. Brodnicz, Englische Wirtschaftsgeschichte, 1. Bd., Jena, 1918; W. Hasbach, Die englischen Landarbeiter in der den letzten hundert Jahren und die Einhegungen, Leipzig, 1894; H. Levy, Entstehung und Ruckgang des landwirtschaftlichen Grossbetriebs in England, Berlin, 1904; и еще выше названные работы Ashley, Rogers, Cunningham.

раживание — *enclosure*) усилиями помещика, который считал себя верховным собственником альменды. Мало того, он массами скупал земли у крестьян или заключал с ними договоры, в силу которых они делались крупными фермерами и переходили к скотоводству. Результатом этого процесса, который протекал с XV по XVII столетия и против которого в XVIII в. поднималась агитация как среди населения, так и у писателей по социальному вопросу, явилось возникновение капиталистического класса крупных арендаторов, члены которого брали на себя аренду с минимумом рабочей силы и по большей части разводили овец для шерстяной промышленности.

При другой форме помещичьего хозяйства центр тяжести лежит в *производстве хлеба*. Примером этого служит Англия в течение 150 лет, предшествовавших отмене хлебных пошлин при Роберте Пиле⁹⁷. До тех пор при покровительственной системе и премиях за экспорт мелкие крестьяне массами выселялись, чтобы очистить место для рационального производства с арендаторами. Пастбищное фермерское хозяйство и хлебное фермерское хозяйство то стояли тогда рядом обособленно, то практиковались совместно. Это состояние продолжалось, пока не пали хлебные охранительные пошлины, вследствие агитации пуритан⁹⁸ и английского рабочего класса. Земледелие больше не приносило дохода и приложение рабочих сил к земледельческому хозяйству стало излишним. Английская деревня сильно обезлюдела, между тем как в Ирландии удержалось мелкое арендное хозяйство, при одновременном колоссальном развитии землевладения *лендлордов*⁹⁹.

Совершенную противоположность Англии представляет Россия*. Здесь еще в XVI столетии существовали рабы (холопы), но большая масса крестьян состояла из свободных арендаторов-дольщиков, которые отдавали помещику половину своего дохода. Помещик имел право согнать их ежегодно, но редко пользовался этим правом. Так как, однако, помещики предпочитали стабильные денежные поступления колеблющимся натуральным сборам, они переводили крестьян на твердый оброк. Вместе с тем они пытались распространить и на свободных съемщиков барщину, которая

* W Engelmann. Die Leibeigenschaft in Russland. 1884 (Рус. пер. Энгельманн. История крепостного права); E. V. Stern. Die russische Agrarfrage und die russische Revolution. 1918]

первоначально была обязательна только для холопов. Впереди в этом процессе шли монастырские вотчины, которые хозяйствовало особенно тщательно. Развивавшееся денежное хозяйство имело своим последствием сильную задолженность крестьян. Достаточно было одного плохого урожая, чтобы создать задолженность, вместе с которой крестьяне теряли свою свободу. С конца XVI в. цари основывали свою мощь и всю административную организацию государства на служилом дворянстве. Но этому порядку угрожала опасность, ибо крупные помещики могли предлагать крестьянам наиболее благоприятные условия аренды, так что у мелкого дворянства наступила нужда в крестьянах. Царская политика стремилась защитить мелкое дворянство против крупного. Этой цели послужил указ царя Бориса Годунова от 1597 г., по которому арендный договор был объявлен нерасторжимым, крестьянин же оказался прикрепленным к земле. Он был включен в податный список, что привело, в свою очередь, к политике охраны крестьян со стороны господ. С переходом к подушной подати при Петре Великом исчезло прежнее различие между свободным крестьянином и холопом. Оба были прикреплены к земле и над обоими помещик имел неограниченную власть. Крестьянин был столь же бесправен, как и римский раб. В 1713 г. помещики приобрели формальное право наказывать крестьян кнутом, приказчик имения соединял брачные пары по своему усмотрению, высота поборов и рекрутский набор также зависели от произвола помещиков. Помещик обладал правом ссылать строптивых крестьян в Сибирь и мог в любой момент отнять добро у крестьянина, хотя некоторым и удавалось утаить свое имущество и достигнуть значительного благосостояния. Суда, где крестьянин мог бы искать управы, не существовало. Крестьянин был эксплуатируем господином, как источник ренты или как рабочая сила; первое в — центральной России, второе, напротив, в западных губерниях, где существовали возможности экспорта. Таковы были условия, при которых русский крестьянин вступил в XIX в.

В *Германии* западная часть, где продолжается рентное крупное землевладение, резко отличается от восточной части с *Австрией*, где долго господствует барщинное хозяйство*. Первоначально, однако, положение крестьян здесь,

* G. v. Below: *Territorium und Stadt*, 1900, стр. 1—94; ср. и приведенную нами в данной книге литературу. Общее обозрение у *W. Wittich: Grundriss der Social-*

как и там, было почти одинаково, на востоке даже несколько благоприятнее. Восток не знал* вначале никакого крепостничества; там развивалось лучшее земельное право Германии, крестьяне сидели на больших «гуфах» (по мере старой королевской гуфы); вытеснение крестьян было запрещено государственной властью со времен Фридриха Вильгельма I Прусского и Марии Терезии¹⁰⁰, так как крестьянин был плательщиком налогов и рекрутом. Это было также запрещено в Ганновере и Вестфалии; напротив, на Рейне, в юго-западной Германии и Баварии оно допускалось. И все же это течение приняло громадные размеры именно в Австрии, а не на западе и юге. Причины этого различны. После Тридцатилетней войны¹⁰¹, которая страшно уменьшила крестьянское население, крестьянские надель, гуфы на западе были заняты снова, на востоке, напротив, присоединены к поместью. На западе** и юге господствовала разбросанность владений, на востоке существовали замкнутые большие дворянские участки. На юге и западе, даже там, где существовали большие замкнутые владения дворянства, не возникало больших помещичьих хозяйств. Здесь власть над землей, владение людьми и власть судебная были отделены друг от друга и крестьянин мог играть на этой противоположности, между тем как в Австрии право на эти виды власти было единым замкнутым леном. Это обстоятельство облегчало вытеснение или привлечение крестьян к барщине, хотя первоначально на это притязал обладатель судейской власти, но не помещик***. Наконец, на востоке было меньше церковных владений, чем на западе, а церковь по традиции относилась к крестьянам более заботливо, чем светский землевладелец; на востоке, даже там, где в руках церкви были большие владения, как, например, в Австрии, у монастырей, церковь хотя и хозяйничала рациональнее, чем светские владельцы, но не столь заинтересована была в производстве и сбыте****. Решающее значение в такой противоположности между востоком и западом играло *различие рыночных отношений*. Помещичье крупное хозяйство

ökonomie VII (1914), стр. 1 и в «Handwörterbuch» V 5 (1911) стр. 208 (статья «Gutsherrschaft»).

* Ср. выше стр. 89.

** Ср. выше стр. 88.

*** Ср. выше стр. 89.

**** L. Brentano. Erbrechtspolitik. Alte und neue Feudalität (Stuttgart. 1899).

возникало там, где местный рынок не мог поглотить производимую массу хлебной продукции и, поэтому, можно было их экспортировать за границу. Но так как гамбургский купец не мог сам покупать хлеб у отдельных крестьян в Марке или Силезии¹⁰², переход к крупному хозяйству напрашивался сам собой. От крестьян юга и запада, напротив, близко лежали города, куда они могли сбывать свои продукты. Поэтому, помещик мог здесь использовать крестьянина, как источник ренты, напротив, на востоке — только как рабочую силу; параллельно с постепенным поредением городов на карте, возрастала густота помещичьих экономий. Наконец, сыграло роль еще поместное право запада и юга и порожденный им большой традиционализм, который благоприятствовал раз поселившимся в данной местности крестьянам. Правда, утверждали, что крестьянская война в западной и южной Германии повлияла на это развитие; хотя она кончилась поражением крестьян, но подействовала как проигранная всеобщая стачка, являясь грозным призраком для помещиков. В Англии, однако, была своя крестьянская война в XIV столетии и там дело дошло до полной экспроприации крестьян. Если Польша и восток Германии не видели крестьянских восстаний, то надо иметь в виду, что эти восстания, как и все революции, не могли вообще вспыхнуть там, где положение нуждающихся в революции совсем угнетенное, но, напротив, лишь там, где они уже достигли определенного уровня самосознания.

Техническим выражением для обозначения отношений крестьянина к помещику на востоке была не крепостная зависимость, но *наследственное подданство*. Крестьянин принадлежит имению, продается и покупается вместе с ним. В Германии, к востоку от Эльбы, рядом с крестьянами княжеских доменов — которые были весьма обширны и, например, в Мекленбурге¹⁰³ занимали половину всей земельной площади — стояли крестьяне частных владельцев. Их владельческие права были очень различны. Немецкие крестьяне искони обладали очень благоприятными владельческими условиями, они сидели на наследственном чиншевом¹⁰⁴ праве на своей земле. Напротив, владельческие права славянских крестьян были очень необеспечены. Последствием было то, что в местностях, где славян было большинство, ухудшались и владельческие права немецких крестьян. Таким образом произошло то, что масса крестьян на восто-

ке в XVIII столетии сидела на правах ласситов; крестьянин стал принадлежностью имения. У него нет никакого прочного наследственного права, не всегда было даже право пожизненного владения, и все же он был прикреплен к земле и мог оставить имение только с дозволения помещика и с одновременным представлением заместителя. У него были обязательные повинности дворового; следовательно, он не только должен был оказывать услуги сам, но и предоставлять своих выросших детей в качестве челяди в дом господина, если даже этот последний был только арендатором домена. Господин мог принудить каждого лассита занять назначенный крестьянский двор. Наконец, господин имел право увеличивать барщинные повинности и когда угодно согнать крестьянина, но по этому пункту против него решительно выступала власть государей. Государь восточной Германии создали охрану крестьян, они запрещали снос существующих крестьянских усадеб в Пруссии и Австрии, конечно, не ради самого крестьянина, а чтобы сохранить крестьянские усадьбы: крестьянин был рекрутом и плательщиком налогов. Однако, охрана крестьян находила место лишь там, где утвердилась сильная государственная власть: в Мекленбурге, в шведской передней Померании, в Гольштинском графстве возникли компактные крупные экономии¹⁰⁵.

Крупное помещичье хозяйство на восток от Эльбы (ок. 1890 г.)* было сезонным производством, сельскохозяйственные работы различно распределялись по временам года; зима давала земледельческим работам подсобный ремесленный труд, упадок которого в позднейшие времена был одной из главных причин бедствия рабочих. Работники и девушки для постоянных дворовых услуг находились в имении круглый год. Кроме того была еще другая категория земледельческих рабочих, которые назывались *instleute*¹⁰⁶. То были женатые рабочие с собственным домашним обзаведением; в Силезии¹⁰⁷ они помещались вместе, в больших казармах. Они работали по годовому контракту, который мог быть прекращен каждой из сторон в любое время. Их вознаграждение состояло или в определенном количестве продовольствия с небольшой денежной прибавкой, или в натуральных получках меняющейся величины, в доле продуктов мельничного помола или молотьбы. При молотьбе,

* М. Weber, Die Verhältnisse der Landarbeiter im ostelbischen Deutschland, Leipzig, 1892.

которая производилась ручным способом и продолжалась целую зиму, доля эта обычно составляла от шестого до десятого снопа. Эта работа принадлежала им монопольно, помещик не мог передавать ее кому-нибудь другому. Кроме того, пока существовало трехполье, они имели на каждом из трех полей имения по участку пашни, обработанному для них помещиком, и еще садовую землю, на которой они выращивали картофель. Денежное вознаграждение их было ничтожно, но они откармливали свиней на продажу и сбывали излишек своей доли урожая. Благодаря этому они были заинтересованы в высоких ценах на свиней и хлеб и таким образом их экономические интересы отчасти совпадали с помещичьими, между тем как оплачиваемые деньгами сельскохозяйственные рабочие-пролетарии были заинтересованы в низких ценах. Крупный инвентарь давал барин, но цеп и косу поставлял сам инстман. Для жатвы барин нуждался еще в помощи чужих работников, странствующих батраков (так называемых «ландсбергских резаков») или батраков, нанятых в деревне. Но кроме того инстман, если он не хотел сокращать свою заработную плату, должен был поставить летом по крайней мере одну, во время жатвы даже две вспомогательных рабочих силы. Обычно он выбирал для этого свою жену или детей, так что вся семья состояла в наемно-рабочем отношении к помещику. Свобода контракта, которая существовала в индустрии, применялась также к странствующим рабочим и инстманам из наследственно подданных крестьян, места которых были неурегулированы*. Значительная перемена в их положении, по сравнению с временами наследственной зависимости, состояла в том, что хозяйничал тогда помещик без собственной упряжки и инвентаря, пользуясь ручным трудом и упряжками крестьян, так что не произошло еще отделения рабочего от средств производства.

Подобным же образом были организованы помещичьи экономии в *Польше и Белоруссии*, странах экспорта, которые посылали свой хлеб на мировой рынок с помощью судоходства по Висле и Мемелю¹⁰⁸, между тем как внутри России господа предпочитали сдавать землю в аренду крестьянам, которые таким образом удерживали в своих руках средства производства.

* См. нижс.

Всем этим сложным формам взаимной зависимости между помещиком и крестьянином, использованию первыми последних, как источника ренты или как рабочей силы, наконец, связи крестьянина с землей и в том и в другом случае, прежде всего положило конец *разложению помещного аграрного строя*. Оно означало собой *личное освобождение крестьянина и сельского рабочего* и вместе с тем установление свободы передвижения, *устранение связанности оборота крестьянской земли* крестьянским общинным хозяйством и правами помещика и, наоборот, помещичьей земли — правами крестьянина, поскольку они существовали там, где практиковалась защита крестьянина. Это могло произойти или через *экспроприацию крестьян*, которые освобождались без земли (так было в Англии, Мекленбурге, передней Померании, отчасти в Силезии), или через *экспроприацию помещика*, который терял свою землю, между тем как крестьяне освобождались с землей (во Франции и в юго-восточной Германии, вообще повсюду, где господствовало рентное крупное землевладение, а также в значительной части Польши, благодаря вмешательству русского правительства) или, наконец, путем компромисса, согласно которому крестьяне получали при освобождении только *часть* земли. Последнее случилось там, где существовала помещичья организация труда, которая не могла быть заменена сразу: так, например, прусское государство пользовалось услугами ландратов¹⁰⁹, обеспеченных своими именьями, так как оно было слишком бедно, чтобы заменить их чиновниками на жаловании. Разложение помещичьего аграрного строя сделало, далее, возможным *устранение патримониальной юстиции* помещика, *особых помещичьих* и *господских прав*, наконец, всякой политической или сакральной связанности земли *ленными обязательствами* или так называемой *мертвой рукой*. Последнее означало собой: *законы об амортизации*, которые коснулись церковных владений (например, в Баварии), *устранение или ограничение фидеикомиссов*¹¹⁰ (именно в Англии), наконец, *устранение фискальных привилегий* барской земли, свободы от податей и других политических прав, что в Пруссии было осуществлено налоговым законодательством 60-х годов XIX в. Все это были различные возможности; результат зависел от вопроса, *кто* будет экспроприирован, — помещик или крестьянин, а если последний, — то с землей или без земли.

Решающие силы, приводившие в разложение поместный строй, действовали изнутри поместья и были в первую очередь экономическими. Это были *возможности и выгоды сбыта*, как для крестьян, так и для помещиков, и постоянное *расширение рынка для продуктов земледелия*, благодаря развитию денежного хозяйства. Но эти факторы не приводили все же вообще к разложению поместного строя, а если и приводили, то исключительно в интересах барина, который экспроприировал крестьян и пользовался захваченной у них землей, чтобы завести на ней крупное производство. Другие интересы должны были присоединиться *извне: интерес к рынку* вновь возникшей городской буржуазии, которой было выгодно ослабление и подрыв именно помещичьего землевладения, ибо оно ставило преграду ее стремлениям к сбыту. Город и городская хозяйственная политика, с одной стороны, и помещичье землевладение, с другой, были противниками друг друга не потому, что здесь существовало чистое натуральное хозяйство, а там, напротив, чистое денежное хозяйство; помещичье хозяйство производило в значительной мере на рынок, без возможности сбыта помещики не могли бы получить с крестьян никаких денежных платежей. Однако, помещичье владение, уже благодаря самому факту крестьянских услуг и поборов с крестьян, ставило преграды развитию покупательной способности сельского населения, так как оно мешало крестьянам отдавать всю свою рабочую силу производству на рынок и тем самым задерживало развитие у них покупательной способности. Поэтому, городская буржуазия стала противником помещиков. К этому присоединилась заинтересованность возникающего капитализма в *создании свободного рынка труда*, чему помещичье хозяйство ставило препятствия, благодаря прикреплению крестьян к земле, между тем как первые чисто капиталистические промышленные предприятия старались использовать именно сельскую рабочую силу, поскольку они хотели ускользнуть от контроля цехов. *Интересы капитала в приобретении земли* тоже действовали в направлении враждебном помещикам, поскольку тенденция капиталистических слоев вкладывать в землю нажитое состояние и тем самым подниматься в сословно-привилегированный слой землевладельцев-помещиков, требовала освобождения земли от ленных обязательств. Наконец, в этом процессе принимал участие еще *фискальный*

интерес государства, которое рассчитывало, что уничтожение помещичьего строя повысит податную силу деревни.

Таковы различные *возможности* разложения поместно-хозяйственного порядка. В отдельных странах оно совершалось очень своеобразно*.

В *Китае* в III в. до н. э. была отменена феодальная система и осуществлена частная собственность. Ши-хуан-ди¹¹¹, первый император из династии Цинь, основал свое могущество не на ленном, а на патримониальном войске, которое содержалось платежами подданных. Китайские гуманисты, предшественники позднейших конфуцианцев, стояли при этом на стороне монархии и сыграли ту же рационализирующую роль, что и гуманисты в Европе. С тех пор фискальная политика Китая изменялась бесчисленное количество раз**. Она колебалась между противоположными системами податного и литургического¹¹² государства; государства, которое оплачивает войско и чиновников из налогов, используя подданных, как источник их получения, и такого, которое эксплуатирует их, как рабочую силу, покрывая свои нужды тем, что оно возлагает на определенные классы ответственность за натуральные повинности подобно тому, как делала Римская империя во времена Диоклетиана, образуя для этой цели принудительные корпорации. Поскольку проводилась та или другая система, подданные были формально свободны или становились государственными рабочими, которых китайское государство эксплуатировало таким же образом, как в Западной Европе помещики эксплуатировали крестьян, в тех местностях, где они пользовались ими, как рабочей силой, а не как источником ренты. В последнем случае исчезала частная собственность. Вводилось обязательное земледелие, прикрепление к земле и переделы. Конечным результатом этого развития в Китае было в начале XVIII в. устранение литургического государственного принципа в пользу налоговой системы с уплатой государству поборов, рядом с которым еще сохранялись незначительные остатки государственных барщин. Поборы

* См. статью «*Bauernbefreiung*» в «*Handwörterbuch*» II, 541 (*G. Knapp*'а и др.) и в «*Wörterbuch der Volkswirtschaft*», I, 365 (*J. C. Fuchs*'а).

** См. *Н. И. Кохановский*, Землевладение и земледелие в Китае (в «*Известиях Восточного Института*» 1907—1908, т. XXIII, 2) *А. И. Иванов*, Ванг-ли-Ши и его реформы (СПб., 1906). — Удовлетворительной немецкой литературы не существует. Краткий обзор в: *M. Weber. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, I, 350 ff.

текли в карманы мандаринов, платежи которых двору были твердо фиксированы, между тем как они сами шли так далеко, как только могли, повышая налоги с крестьян. Это, однако, было труднее заметить там, где могущество рода было настолько сильным, что каждый чиновник должен был считаться с настроением китайского крестьянства. В результате свобода крестьян значительно расширилась. Конечно, существуют еще держатели, но они лично свободны и платят только умеренный чинш.

В Индии* помещичье землевладение существует поныне. Оно вообще возникло довольно поздно, как спутник откупа налогов. Английское законодательство защищает крестьян, ранее бесправных, подобно тому, как законодательство Гладстона¹¹³ защищало крестьян ирландских, укрепляя за ними владельческие права на их участки и борясь с произвольным повышением традиционных поборов. Однако, в общем оно лишь отчасти разрушило раньше существовавший порядок.

На Ближнем Востоке также существует еще помещичье землевладение: однако, только в ослабленной форме, так как исчезло древнефеодальное войско. Коренные изменения в Персии и других странах остаются только на бумаге; в Турции до сих пор остается институт «вакуфа»**¹¹⁴, который мешает обновлению земельных отношений.

В Японии «Средневековье» доходит до 1861 г., когда произошло крушение господства знати и поместный строй был устранен отменой феодальных, вотчинных прав***. Носители феодальной системы, самураи, обеднели и обратились к трудовой жизни; из их рядов развились японские капиталисты.

В области Средиземного моря помещичье землевладение было устранено в античном мире**** только в области непосредственного владычества больших городов, например, Рима и Афин. Городское гражданство противостояло сельской знати, рядом с этим развилась противоположность между горожанином-кредитором и сельчанином-должником. Эта обстановка, в связи с необходимостью привлекать широкие

* См. литературу в примеч. на стр. 43.

** См. ниже стр. 116.

*** С. Rathgen, *Japans Volkswirtschaft und Staatshaushalt*, 1891; *Fukunda* (стр. 18); J. Ota-Nitobe, *Über den japanischen Grundbesitz*, 1890.

**** См. литературу в статье М. Weber, *Agrargeschichte* («Handwörterbuch»).

массы крестьян к военной службе, привела в Греции к тому, что правительство постаралось обеспечить гопплитов¹¹⁵ свободным владением землей. Таков был смысл так называемого законодательства тиранов, например, солоновского¹¹⁶: знатные воинские роды были вынуждены вступать в союзы из крестьян. Законодательство Клисфена (около 500)¹¹⁷ понимало под демократией такой порядок, когда каждый афинянин, который желал пользоваться гражданскими правами, был обязан приписаться к дему (δῆμος), т. е. к сельской группе, подобно тому, как в итальянских демократиях Средневековья знать была принуждена вступать в цехи. Этим наносился удар помещицкому землевладению с его разбросанными участками и могуществом знатных, которые до этого стояли вне деревень и над ними. Знатный воин теперь владел таким же правом голоса, как каждый крестьянин. Одновременно везде была устранена чересполосица. К сходным результатам для аграрного строя приводила сословная борьба и в *Риме*. При разделении полей, они распределялись на квадраты по 200 югеров¹¹⁸ каждый. На границах каждого земельного участка оставлялась дерновая межа, которая не могла быть запахиваемой; межи (*limites*) являются общими дорогами, которые также не должны были уничтожаться, чтобы сохранить доступ ко всякому полю. Земля чрезвычайно легко передавалась из рук в руки. Это аграрное право должно было быть осознано в эпоху Двенадцати таблиц¹¹⁹ и вылилось сразу в определенную форму. Оно соответствовало интересам городского населения, которое смотрело на сельскохозяйственное сельское владение знати совершенно так, как на земельный участок городского строителя-спекулянта, и тенденциозно уничтожало всякое различие между землей и движимостью. Вне собственно городских территорий, античное помещицье землевладение остается, однако, неприкосновенным. Так как античная культура (вплоть до Александра Великого на востоке и Августа¹²⁰ на западе) оставалась береговой культурой, помещицье землевладение продолжало существовать внутри страны, и позже могло выдвинуться вперед и, наконец, завоевало всю Римскую империю, оставаясь господствующим в Италии в первой половине Средневековья. Только *купеческие итальянские городские республики*, прежде всего Флоренция, снова вступили на путь освобождения крестьян. Однако, вскоре они политически обесправили крестьян в

пользу городских консулов¹²¹, совета, свободных профессий, торговых цехов и только синьории¹²² снова оперлись на крестьян поверх городского населения. Но все-таки города освобождали крестьян, чтобы покупать землю и вырваться из-под власти родовитой знати*.

В Англии** никогда не совершалось освобождения крестьян законодательством. Средневековое право формально существует еще доныне; только при Карле II¹²³ была отменена ленная зависимость и вся подчиненная ленной зависимости земля превратилась в полную собственность, *free simple*. Исключение составили только земли копигольдеров (*copyholder*)¹²⁴ — владения прежних крепостных крестьян, на которые в руках помещика не осталось никаких грамот о пожаловании, но копия каковых вносилась в земельную книгу поместья. В Англии помещичье землевладение было уничтожено фактом наличия рынка, и процесс совершался только изнутри. Этому соответствовала экспроприация крестьян в пользу помещиков; крестьяне стали свободными, но лишились земли.

Во Франции*** развитие пошло как раз в противоположном направлении. Революция здесь подготовила падение феодальной системы одним ударом, в ночь на 4 августа. Но принятое тогда решение нуждалось еще в истолковании. Законодательство Конвента дало это толкование, объявив, что всякое обременение крестьянского владения поборами в пользу помещика заключает феодальный характер, и провозгласило их уничтоженными без всякого выкупа. Кроме того, государство конфисковало большие массы эмигрантских и церковных имений, которые и были проданы горожанам и крестьянам. Но так как уже задолго до устранения феодальных повинностей существовало равенство прав наследников и раздел натуральных доходов, конечным результатом было то, что Франция в противоположность Англии стала страной средних и мелких крестьян-собственни-

* См. выше стр. 87—88.

** См. библиогр. указ. на стр. 95.

*** *H. Doniol*, La révolution française et la féodalité. Paris, 1874; *A. Lichtenberger*, Le socialisme et la révolution française, Paris, 1899; *Jos. Schoelkens*, Erbrecht und Bodenverteilung in Frankreich vor und nach der Revolution, Neuss, 1900; *P. Darmstädter*, О распределении земли во Франции до 1789, в «Festgabe, K. Th. von Heigel gewidmet», München, 1903; *M. Kowalewsky*, La France économique et sociale à la veille de la révolution, 1 Bd., Paris, 1909; *F. Wolters*, см. стр. 60, пр. 1. См. *Н. И. Кареев*, Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции.

ков. Собственность крестьян была укреплена экспроприацией помещиков. Она была возможна, так как французский помещик был придворным, а вовсе не сельским хозяином, он искал средств к жизни в занятии официальных и чиновничьих мест, доходных должностей, на которые это сословие отчасти предъявляло монопольные права. Таким образом, была разрушена только система рентных отношений, но не организация труда.

Сходным образом, только менее революционно и с разной постепенностью, совершалось то же развитие в *южной и западной Германии**. В Бадене освобождение крестьян началось уже в 1783 г., при маркграфе Карле-Фридрихе¹²⁵, находившемся под влиянием физиократов. Решающее значение имело то, что южно-немецкие государства, после войны за освобождение, перешли к системе писанных конституций: крепостничество несовместимо с конституционным государством. Повсеместно были устранены произвольные барщины, поборы и услуги, носившие характер личного закрепощения, в Баварии они отменены уже в 1808 г. (подтверждено конституцией 1818 г.). Установлена была свобода передвижения крестьян и создано благоприятное для них владение почти во всей южной и западной Германии в течение 20-х и 30-х годов; только в Баварии пришлось ждать существенных результатов до 1848 г. Тогда были устранены последние остатки обременения крестьян при содействии государственных кредитных установлений, с помощью денежного выкупа. Например, в Баварии все личные повинности были отменены без вознаграждения, другие обращены в денежные взносы и объявлены погашаемыми; одновременно были окончательно упразднены феодальные обязательства. Таким образом, в южной Германии помещик был экспроприрован, земля, занятая крестьянами, перешла в их собственность, все развитие было подобно французскому, только совершалось медленнее и путем законодательства.

Иначе протекал этот процесс на *востоке Европы*: в Австрии, в восточных провинциях Пруссии, в России и Польше. Если бы здесь взяли за дело так, как во Франции, то был бы разрушен существовавший трудовой строй и на его месте водворился бы только хаос. Может быть было бы возможно

* См. вышеуказанную литер., стр. 88.

содействовать распадению барских поместий на крестьянские владения, подобно Дании, но было невозможно просто объявить уничтоженными все феодальные тяготы. В барских хозяйствах на востоке не было ни инвентаря, ни рабочего скота, не было там и сельского пролетариата, существовали только мелкие владельцы, связанные трудовыми и гужевыми повинностями. Их труд обслуживал землю барина и эта организация сельского хозяйства не могла быть отменена сразу. Дальнейшее затруднение состояло в том, что не было никакого чиновничьего сословия для управления областями, регулирование жизни там было возложено на поместное дворянство, которое несло чиновничьи должности, как почетные, бесплатно. Тот резкий переход от одного порядка к другому, который произошел во Франции, облегченный там существованием штата чиновников-юристов, здесь был невозможен, как невозможен он был и в Англии с ее аристократическими мировыми судьями*.

Если считать охрану и поддержку крестьянина настоящей целью аграрного законодательства, то можно сказать, что реформа была образцовым образом совершена в Австрии, во всяком случае лучше, чем в Пруссии. Австрийские государи, в особенности Карл VI¹²⁶ и Мария Терезия, обладали гораздо большим пониманием положения вещей, чем, например, Фридрих Великий (о котором его отец утверждал, что он не умеет заключить арендного договора и при этом надуть арендатора).

В Австрии**, за исключением Тироля, где преобладало свободное крестьянство, существовали рядом наследственное подданство и земельное верховенство. Помещичьи экономики, пользовавшиеся крестьянами как рабочей силой, были особенно широко распространены и в Моравии, Чехии, Силезии, нижней Австрии и Галиции¹²⁷; в остальных областях господствовало преимущественно рентное помещичье хозяйство. В Венгрии были перемешаны друг с другом арендные и барщинные отношения. В наибольшей мере личная несвобода господствовала в Галиции и Венгрии. Различались *рустикалисты*, которые были занесены в кадастр,

* См. выше: стр. 90.

** К. Grünberg, Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien, 2 Tle., Leipzig, 1894; он же, Studien zur österr. Agrargeschichte, Leipzig 1901; Emil Kun, Sozialhistorische Beiträge zur Landarbeiterfrage in Ungarn, Jena, 1903.

как обязанные уплачивать оброки, и *доминикалисты*, которые сидели на непосредственно помещичьей земле (Salland) и были свободны от поборов. Рустикалисты находились отчасти в лучшем положении; они, как и доминикалисты, опять распадались на выкупившихся и невыкупившихся. Владение последних могло быть от них отобрано в любое время, между тем как первые сидели на наследственном праве. Со второй половины XVII в. начинается натиск капиталистических интересов на этот аграрный строй. В процесс вмешивается государство при Леопольде I²⁸, сначала чисто фискальным образом в форме *принудительного кадастра*: нужно было твердо знать, с какой земли можно вообще собрать налоги. Когда эта мера оказалась бесплодной, перешли к *упорядочению барщины путем указов* (1680—1738). Это было законодательство об охране труда: было твердо установлено, какое наивысшее количество труда можно требовать с крестьянина. Однако, сноса крестьянских дворов это не прекратило. Поэтому Мария Терезия перешла к *податной ректификации*, которая должна была уменьшить соблазн сноса, так как помещик делался ответственным за подати вместо сведенных с земли крестьян. Но и эта мера не оказалась достаточной. Тогда (1750) императрица прямо запретила снос, но ей ничего не удалось добиться. Наконец, в 1770—1771 гг. она провела *регулирование уставных грамот*: поместья должны были представлять обязательные уставные грамоты, в которых было окончательно нормировано каждое крестьянское владение с его обязательствами. Одновременно крестьянам было предоставлено право выкупаться и таким образом приобретать наследственное владение. Эта мера тотчас провалилась в Венгрии, но в Австрии, напротив, имела заметный успех. Она была первой попыткой точно установить число наличных крестьян и защитить их от аграрного капитализма; однако, она не вела к разрушению прежнего аграрного строя: крестьянин охранялся, но и помещики удерживали свои позиции. На революционный путь вступило впервые законодательство Иосифа II²⁹. Он прежде всего отменил крепостничество и гарантировал крестьянам все, что вытекало из этого общего принципа: свободу передвижения, свободу профессий и заключения браков, освобождение от принудительной службы и челяди. Он твердо предоставил крестьянам собственность на их наделы и решился на нечто совершенно новое в по-

ложении о податях и уставных грамотах 1789 г. Прежнему барщинному и натуральному хозяйству поместий должен был быть положен конец: все барщины и поборы были переведены в неизменно-денежные суммы; впредь и помещик должен был вносить государству денежные платежи. Однако, эта попытка одним ударом перейти к налоговому государству не удалась. Крестьяне оказались не в состоянии выручить со своих продуктов такой излишек, чтобы иметь возможность уплачивать денежные сборы, и хозяйство помещиков было в корне подорвано. Поднялась буря, принудившая императора на смертном одре взять назад большую часть своих реформ. Только в 1848 г. в результате революции все основные тягости крестьян были отменены, частью с вознаграждением, частью без него. Что касается вознаграждения, то австрийское государство прежде всего приняло очень низкий тариф выкупа повинностей и кроме того создало кредитные учреждения, которые помогли освобождению. Это законодательство было венцом стремлений Марии Терезии и Иосифа II.

В Пруссии* существовало резкое различие между крестьянами государственных доменов и частно-владельческими крестьянами. Для крестьян на доменах уже Фридрих Великий смог достичь очень обстоятельных охранных постановлений. Прежде всего, он отменил принудительные услуги на помещичьем дворе, потом в 1777 г. объявил наследственными крестьянские владения. Фридрих Вильгельм III¹³⁰ в 1799 г. принципиально высказался за отмену барщины; при заключении арендного договора каждый новый арендатор домена должен был определенно отказаться от притязания на них. Таким образом, на доменах постепенно подготовлялся новый трудовой строй. Кроме того, крестьянам было предоставлено право выкупа земли в собственность за относительно скромное вознаграждение. Всем этим мерам сочувствовало чиновничество не только вследствие прибыли, которую приносила государству выкупная сумма, но и потому, что достижение свободной собственности погашало притязания доменных крестьян по отношению к государству и облегчало бремя администрации. Гораздо труднее была задача по отношению к частновладельческим

* G. F. Knapp, Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in der älteren Teilen Preussens, 2 Tle, 1897; *ou же* Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit, 2-c изд. 1909; G. Dessmann, Geschichte der schlesischen Agrarverfassung, 1904.

крестьянам. Фридрих Великий хотел отменить крепостное право, но натолкнулся на (формально убедительное) возражение, что крепостного права в Пруссии не существует, а есть только наследственное подданство. Королю не удалось ничего добиться вследствие противодействия дворян и чиновничества, вышедшего из их же рядов. Только катастрофа при Йене и Тильзитский мир¹³¹ привели к решительному повороту. В 1807 г. наследственное подданство было отменено. Вопрос заключался в том, что делать с землей, которая находилась у крестьян в ласситском владении. В прусском чиновничестве мнения разделились. Предстояло выбрать одно из двух. Или постараться получить с каждого участка земли возможно большее количество продуктов, в таком случае осуществлялся аграрный строй по образцу английского, который тогда являл собой наивысшую степень сельскохозяйственной интенсивности; но это приходилось окупить обезлюдением деревни, такова была мысль обер-президента Штейна и его кружка¹³². Или значение придавалось максимальному количеству крестьянского населения, тогда приходилось уже отказаться от подражания Англии и ее интенсивной культуре. После долгих совещаний появился *эдикт о регулировании* 1816 г. Он представлял собой компромисс между политикой в интересах правительства и охраной крестьян. В первую очередь регулированию подлежали крестьяне, обладавшие упряжным скотом, между тем как мелкие крестьяне были фактически исключены из него, так как помещики объявили, что они не в состоянии обойтись без труда их рук. Но крестьяне с упряжным скотом подлежали регулированию только в том случае, если они сидели на крестьянской земле, внесенной в кадастр, и занимали ее с 1763 г. То обстоятельство, что за основание был принят именно этот год, год окончания Семилетней войны¹³³, означало, что регулированию подлежал минимум крестьянских владений. Регулирование производилось по особому ходатайству. Крестьянин получал право собственности на свой участок, освобождался от всяких услуг и поборов, но зато терял все прежние права по отношению к барскому имению. Вместе с тем он отказывался от права на помощь от помещика в случае нужды и при восстановлении построек, от пользования пастбищем и лесом, наконец, от помещичьей защиты при взносе податей. Но, главное, крестьянин должен был уступить помещику треть на-

следственного и половину ненаследственного владения. Этот способ регулирования давал помещику исключительные преимущества. Правда, ему приходилось раздобывать себе инвентарь и рабочий скот, но зато он удерживал трудовые услуги коссаэтов, освобождался от прав крестьянина на пастбище и мог округлить свои владения, так как одновременно было отменено запрещение сноса крестьян. Не подлежащие регулированию крестьяне с обязательным трудом могли быть сразу лишены своих владений. В Силезии, где дворянство было особенно могущественным, оно обеспечило себе еще разные исключения в свою пользу, между тем как в Познани, где надо было прижать польских помещиков, было объявлено подлежащим регулированию все крестьянство.

Только после 1848 г. прусское законодательство сделало последний шаг. В 1850 г. *все крестьянские тяготы были объявлены подлежащими отмене*. Все крестьяне, за исключением поденщиков, подлежали теперь регулированию, и все тяготы, которые лежали на крестьянских наделах, вследствие ли регулирования или независимо от него, как, например, наследственная аренда, наследственный чин и т. п., были объявлены подлежащими отмене. Однако, в промежуточный период мелкие крестьянские наделы уже давно были захвачены помещиками.

Общий итог развития Пруссии таков: и число крестьян, и размеры крестьянской земли уменьшались. С 1850 г. совершалась возрастающая *пролетаризация сельских рабочих сил*. Решающим фактором было повышение цен на землю. Прежнее снабжение инстантов земель не давало более ренты; было отменено участие в молотье и помоле и за это выдали денежное вознаграждение. Важно то, что благодаря введению культуры сахарной свеклы сельское хозяйство прератилось в сезонное производство, которое осуществлялось только с помощью странствующих рабочих, так называемых «саксонских ходоков»*, также приходивших из польских провинций, из русской Польши и Галиции. Им не надо было ни строить особых рабочих жилищ, ни отводить земли, их можно было запихнуть в казармы и удовлетворить таким продовольствием, от которого бы отказался всякий немецкий рабочий. Так бродячее батрачество

* См. К. Kärger. Die Sachsengänger, Berlin 1890.

все более сменяло прежних крепких на земле крестьян и местных рабочих, связанных с землей и помещиком общностью интересов в самом процессе работы*.

В России** еще Александр I заговорил об освобождении крестьян, но сделал он так же мало, как и Николай I. понадобилось крымское поражение, чтобы решительно двинуть этот вопрос. Александр II боялся революции и после долгих совещаний выпустил великий Манифест 1861 г. об освобождении крестьян. Вопрос о наделении землей был разрешен таким образом, что был установлен минимум и максимум земельного владения на душу (надел) для отдельных областей империи; надел этот колебался между тремя и семью гектарами. Однако, помещик мог отказаться регулировать дело таким образом, если он соглашался уступить даром четверть минимального надела. Таким образом, он фактически завладевал семьями работников-пролетариев, которые всецело зависели от заработков в его имении. Иначе крестьянин получал надел только за выкуп. Выкуп был тем выше, чем меньше был участок земли, причем законодательство основывалось на соображениях о лучших качествах почвы и ее доходности. Кроме того, на определенное переходное время были сохранены крестьянские барщины, и выкуп платежей был поставлен в зависимость от согласия помещика. Это стало источником растущей задолженности крестьян по отношению к помещикам. Выкупные платежи были относительно очень высоки, они расщивались по 6% на 48 лет и еще платились, когда вспыхнула революция 1905—1907 гг. Благоприятнее было положение удельных и государственных крестьян, которые были освобождены с полным владением землей. Освобождение крестьян совершилось в России только частично: они были освобождены от помещика, но не от круговой ответственности перед общиной. По отношению к общине закрепощение осталось. Крестьянин не имел свободы передвижения, мир мог призвать обратно каждого, кто происходил из данной деревни, кем бы он ни стал. Это право продолжало существовать, потому что правительство видело в так называемом

* См. выше, стр. 89.

** См. *W. G. Smirkovitsch, Bauerbetreuung (Russland) in Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, 3-е изд., II. По всем пунктам, относящимся к России, необходимо самостоятельно иметь в виду особую русскую научную литературу. См. библиограф. указания у *А. А. Корнилова*, *Русская история XIX в.* (2-е изд. М., М. В. Сабашникова).

аграрном коммунизме консервативное начало и тем самым поддержку для царской власти против либерализма.

Иначе действовало русское правительство в западных губерниях, особенно в *Польше** руководствуясь политическими соображениями. В Польше уже кодекс Наполеона¹³⁴ отменил крепостничество, однако, земля, в случае отхода крестьянина, переходила к помещику. Это правило, которое привело к массовому уничтожению крестьян как класса, было снова отменено в 1846 г. Тогда освобождение польских крестьян, как общее правило, было осуществлено русским правительством против польского дворянства, которое было главной силой восстания 1863 г. Таким способом надеялись привязать крестьян к русской политике. Поэтому при урегулировании поземельных отношений принимались во внимание исключительно заявления крестьян. Освобождение было фактически ограблением польского дворянства; в особенности повели отсюда начало многочисленные крестьянские сервитуты в лесах и пастбищах.

Результатом разрушения помещичьего землевладения и является *современный аграрный строй*. Иногда крестьяне освобождались от земли и земля от крестьян (Англия), иногда крестьяне освобождались лишь от помещиков (Франция), иногда применялась смешанная система (в Центральной Европе, при этом чем дальше к востоку, тем более отношения походят на английские).

На способ окончательного оформления отношений имело существенное влияние *наследственное право*. В этом пункте заметна резкая противоположность прежде всего между Англией и Францией. В Англии всеобщим правом наследования земли стало феодальное наследственное право с *первородством*. Старший сын как у помещиков, так и у крестьян, один наследует всю землю. Во Франции уже при старом порядке общим правилом был равный дележ земли, гражданский кодекс сделал его обязательным. В Германии существуют резкие противоположности. Там, где практикуется единонаследие, применяется не первородство в английском смысле, но право *ближайшего наследника*; ближайший наследник, к которому переходит земля, должен обеспечить других наследников. Право ближайшего

* A. J. F. C. Graf Rostowski, Die Entwicklung der bäuerlichen Verhältnisse im Königreich Polen, Jena, 1896. K. v. Gaszchynski, Die Entwicklung der bäuerlichen Selbständigkeit im Königreich Polen. München, 1905.

наследника утвердилось отчасти по чисто техническим причинам, например, в больших имениях или в больших шварцвальдских крестьянских участках, так как здесь невозможен натуральный раздел, или оно обосновано исторически и ведет свое происхождение из времен вотчинного землевладения, которое было заинтересовано в существовании платежеспособных, неразделенных крестьянских дворов. В России мы находим земельную общину вплоть до реформы Столыпина (1907): крестьянин получает свой земельный участок не от родителей, но от сельской общины.

Новейшее законодательство совершенно отменило ленный союз. В некотором отношении он замещен *фидеикоммиссами**. Они встречаются раньше всего в форме своеобразных учреждений в Византийской империи с XII в. Чтобы защитить землю от захватов, императоры передавали ее церкви, и земля получала тем самым сакральный характер. Цель, на которую обращала ее церковь — например, поддержка существования определенного числа монахов, — была ясно определена, но остающаяся рента в размере девяти десятых удерживалась навсегда за семьей жертвователя. Отсюда в мире ислама возник *вакуф*: передача земли якобы в пользу мечети или на другую благочестивую цель должна была на деле обеспечить семье ренту, причем султан уже не мог облагать землю налогами. Арабы перенесли институт фидеикоммисса в Испанию, откуда его заимствовала Англия и Германия. В Англии против него поднялся протест, но юриспруденция выработала эквивалент в институте *entails*¹³⁵. Так назывались участки, которым особый договор гарантирует неделимость и неотчуждаемость при переходе от одного поколения к другому, так что исключается изменение порядка владения ими на время жизни владельцев. Таким способом в Англии большая часть земли сосредоточивалась в руках небольшого числа семей, между тем как в Пруссии еще недавно на положении фидеикоммиссов находилась одна шестнадцатая часть земли. Во Франции фамильные договоры влияют в сходном направлении. В результате связанное фидеикоммиссами латифундиальное владение существует в Англии, Шотландии, Ирландии, кроме того (до 1918 г.) в некоторых частях Силезии и в пределах прежней австро-венгерской монархии, в малых размерах в

* См. выше указ. соч. L. Brentano, стр. 98.

некоторых частях Германии, где, впрочем, больше преобладают формы среднего землевладения.

Способ, каким развивался аграрный строй и как было разрушено помещичье землевладение, приводит к исключительным, далеко идущим последствиям для развития не только поземельных отношений, но и политических отношений вообще, особенно для вопроса, существует ли в стране *землевладельческая аристократия* и как она сложилась. Аристократ в социологическом смысле есть человек, который благодаря своему экономическому положению может в ряде поколений отдаваться политике и жить для нее, не имея необходимости жить от нее, т. е. это владелец ренты; но это последнее условие неосуществимо для тех слов, которые, трудясь для поддержания самого себя и семьи, остаются привязанными к определенному занятию, будь то предприниматели или рабочие. В частности, среди сельского общества полным аристократом является только владелец земельной ренты. Страной, в которой существует такая аристократия, является в Европе собственно только Англия, в меньшей мере прежняя Австрия. Напротив, во Франции экспроприация помещиков привела к *урбанизации политики*, причем уже не сельская аристократия, но городская плутократия¹³⁶ оказалась достаточно независимой от заработка, чтобы жить для политики. Аграрное развитие Германии сохранило только редкий слой получателей земельных рент, свободно располагающих собой для политики, особенно в восточных провинциях Пруссии, где дальше всего пошла экспроприация крестьян. Однако, большинство прусского юнкерства отнюдь не представляет собой аристократического слоя, подобно английским лендлордам. Оно является «бюргерски» сельским средним сословием с феодальным отпечатком, который оно сохраняет из прошлого. Члены этого сословия, как сельские предприниматели, в повседневной хозяйственной борьбе вплетены в интересы рынка. Вместе с падением хлебных цен с 70-х годов прошлого века и с подъемом требований бытовой жизни судьба их парализовала, ибо величина «рыцарского имени» в 400—500 моргенов не может поддержать аристократического, господского существования. Отсюда выясняется чрезвычайная острота борьбы интересов, среди которой стояли и стоят члены этого слоя, и их положение в политической жизни.

Вместе с разрушением поместного строя, а также остатков прежнего общинного землевладения, осуществлявшегося с помощью связывания и раздела угодий и т. д., — полностью была проведена в жизнь система личной собственности на землю. Одновременно с течением веков изменился в вышеописанном направлении строй общества, а домашний союз настолько сузился, что носителями индивидуальной собственности могут быть отец с матерью и детьми, между тем как прежде это было технически неосуществимо. Домашняя община и во внутреннем своем устройстве прошла через глубокие изменения, именно в двух отношениях: путем ограничения ее деятельности *функцией потребления* и постепенным распространением на него *хозяйственного расчета*. С развитием наследственного права выступало, все прогрессируя, на месте первоначальной полной общности в имуществе *различение между собственностью мужа и жены и раздел по расчету*. Такое двоякое перерождение было связано с *развитием промышленности и торговли*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ГОРНОЕ ДЕЛО, ДО НАСТУПЛЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

К введению в историю промышленности: *H. Boos*. *Gesch. der rheinischen Städttekultur*, III, Berlin, 1899. С. 3—376; *K. Th. v. Inama-Sternegg*. *Grundriss der germ. Philologie*, III, Strassburg, 1902. S. 23 ff.; *W. J. Ashley* (см. стр. 17); его же: *Early history of the english woollen industry*, L., 1887; *G. Schmoller*. *Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre*, 1 Bd., 11. und 12 Tausend, München, 1913 bis 1919; *H. de B. Gibbins*. *Industrial history of England*, 7. Aufl., L., 1912; Ср. *B. Зомбарт*. *Современный капитализм* (4 тома; готовится рус. пер.).

§ 1. Основные формы расчленения промышленности

K. Bücher, ст. «Gewerbe» в *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, он же, «Возникновение народного хозяйства». т. I. Пг., 1923. 5-е изд.

В техническом смысле под промышленностью разумеют переработку сырого материала, в связи с чем первоначальное добывание продуктов, равно как и горное дело, из понятия промышленности обыкновенно исключаются. Однако, нам придется рассматривать в дальнейшем и горное дело, так как определение «промышленность» будет охватывать те виды экономической деятельности, которые нельзя отнести к сельскому хозяйству, торговле и транспорту.

Промышленность, рассматриваемая экономически, как переработка сырого материала, выступает всюду первоначально как *труд для собственной потребности домово́й общины*. В этом случае речь идет о подсобной промышленной работе. Она начинает нас интересовать с того лишь момента, когда производство поднимается выше *потребно-*

сти домашнего хозяйства. Работа эта может производиться для чужого хозяйства, главным образом для господского, руками зависимых людей; в таком случае нужды производящего хозяйства покрываются продуктами из других (крестьянских) хозяйств. Подсобная промышленная работа может производиться и для деревни. Такой случай мы наблюдаем в индийской деревне. Ремесленниками являются здесь мелкие крестьяне, которых не может прокормить сполна их собственный надел земли; они назначаются деревней и находятся в распоряжении каждого нуждающегося в ремесленной работе человека; они подчинены деревне, от которой получают плату натурой или деньгами. Здесь речь идет о работе «демиургов».

Вторым видом переработки сырья, которое производится не для потребностей собственного хозяйства, является *производство ради заработка*, т. е. ремесло. Сущность *ремесла* есть производство в каких-либо размерах промышленной работы, требующей специальных знаний; работа эта выполняется либо путем разделения по профессиям, либо путем технической специализации, безразлично, будет ли это свободный или несвободный труд для потребностей господина, общины или за собственный счет.

Первоначально, как мы видим, ремесленный труд возникает для удовлетворения собственных потребностей замкнутого домашнего хозяйства. Здесь всего чаще встречается, как старейший вид специализации вообще, строгое разделение труда между полями*. На долю женщины прежде всего падает исключительно земледелие; она является старейшим земледельцем. Но она отнюдь не занимает столь высокого положения, как это приписывает древним германцам фантазия Тацита: в старой Англии совращение женщины рассматривалось, как простое повреждение вещи, которое можно ликвидировать деньгами. Женщина была сельской рабыней; на ней лежала вся обработка поля и вся деятельность, связанная с утилизацией растений, собранных в этом поле; кроме того, изготовление посуды, в которой варилась пища и, наконец, широкая область текстильного труда (плетение циновок, прядение и ткачество). В области ткачества встречаются, правда, характерные исключения: в Египте, как справедливо бросилось в глаза Геродоту¹, за ткацким стан-

* Ср. выше стр. 43 прим. 1, приведенную там литературу.

ком сидели мужчины (несвободные); такая форма развития выступила всюду, где управление станком требовало большой силы, или где мужчина был освобожден от военных обязанностей. С другой стороны, мужчине доставался весь труд, связанный с войной, охотой и скотоводством, следовательно, также обработка металлов, изготовление кожи и, наконец, приготовление мяса. Это последнее занятие считалось ритуальным актом; мясную пищу употребляли первоначально только во время религиозных пиров, на которые принципиально допускались одни лишь мужчины: женщина получала только остатки.

Промышленная работа на соединенных началах встречается искони в случайной форме, особенно при постройке жилищ. Эта работа настолько трудна, что отдельная семья, а в особенности один человек, не в состоянии ее выполнить. Она производилась, следовательно, всей деревней в виде одолжения на началах взаимности (помочи)*, за нее угощали выпивкой, как и поныне в Польше; затем в очень отдаленные времена также устраивалась работа в пользу главы племени, кроме того она применялась к постройке судов (кораблей) союзами, добровольно соединявшимися для этой цели, которые благодаря этому получали удобный случай для пиратства. Наконец, иногда объединялось значительное количество свободных людей для совместной добычи металлов; обработка железа, впрочем, относительно позднее явление; сначала дома строили без металлических гвоздей; альпийские дома, несмотря на тяжесть снежного покрова, делались с плоской крышей, за неимением металлических гвоздей для постройки крыши остроконечной.

Как видно из распространения помочи (Bittarbeit), при ранней специализации труда еще отнюдь не устанавливались профессии, требующие обучения. На специальные умения в первобытное время смотрят скорее как на нечто, связанное со сверхъестественными силами; им предшествует вера в вещи, которых отдельный человек может достигнуть только магическим путем. В особенности применимо это к врачебной профессии: «лекарь» — древнейшая профессия. Вообще всякое ремесло, требующее большой выучки, считалось первоначально находящимся под влиянием колдовства; в особенности кузнецы были окружены магическим

* «Помочь» — наше крестьянское название такого рода работ. — *Ред.*

ореолом, вследствие того, что часть их искусства казалось чем-то таинственным и сами они окружали его тайной. Профессии, требующие специальной выучки, возникают затем в большом хозяйстве главы племени или крупного владельца; последний был в состоянии воспитывать и обучать людей в определенном направлении и имел потребности, для удовлетворения которых необходима была работа, требующая выучки. Профессия, требующая предварительного обучения, могла, наконец, получить развитие благодаря выгоде, получаемой от обмена. Решающим является при этом вопрос: имеет ли промышленность доступ к рынку? А также вопрос: кто продает конечный продукт производства, после того как он прошел через руки целого ряда ремесленников? — Вопросы, с которыми связана борьба цехов и их разложение. Профессиональный работник, специалист, предварительно обученный, может прежде всего работать свободно на рынок. В качестве мелкого предпринимателя он выносит на рынок продукт своего труда. Этот крайний случай мы можем обозначить, как «рыночную работу». Здесь предполагается, что производитель имеет власть распоряжаться сырьем и орудиями труда. При этом допускается возможность, что сырье, а иногда и орудия производства, доставляются ему каким-нибудь сообществом; так, средневековые цехи совместно закупали в значительном количестве известные сырые материалы (железо, шерсть) и распределяли их между собой для того, чтобы не нарушить равенства сочленов. В противоположном случае ремесленник находится на службе у других людей в качестве наемного рабочего; это бывает тогда, когда у него нет собственности на материалы и орудия труда, и он выносит на рынок только свою рабочую силу, но не ее продукт. Среднее место занимает ремесленник, работающий на заказ. Он может иногда быть собственником сырых материалов и орудий производства. Тут возможны опять-таки два случая: либо он продает потребителю (который может быть и торговцем, получающим от него продукт), тогда мы можем говорить о «свободном производстве на заказчика» (*freie Kundenproduktion*); или он работает по заказу предпринимателя, имеющего монополию на его рабочую силу. Очень часто это является следствием задолженности предпринимателю или вызывается фактической невозможностью добраться до рынка, как, например, при экспортной торговле в средние века. Такой

порядок называют системой *скупки* (Verlagssystem): ремесленник является здесь закабаленным кустарем.

Вторая возможность заключается в том, что сырье и средства производства или одно из них, но, главным образом сырье, доставляются заказчиком. Этот заказчик является потребителем; тогда можно говорить о наемной работе на заказ (Kundenlohnwerk). Последний случай состоит в том, что в качестве заказчика выступает предприниматель, который заказывает с целью получить барыш. Это бывает в крупной промышленности с работой, раздаваемой по домам рабочих. Тогда один возле другого стоят предприниматель-купец, закупающий (хотя и не всегда) сырой материал, а иногда доставляющий также и орудия производства, и закабаленный в своей домашней промышленности наемный рабочий, который не может выносить свой продукт на рынок самостоятельно, за отсутствием соответствующей организации ремесла.

По роду отношения рабочего к месту работы можно различать следующие положения. Работа производится в *собственном жилище*. Тогда ремесленник может быть «товаропроизводителем» (Preiswerker'ом), самостоятельно устанавливающим цену на свой продукт, или же он может быть «работающим на дому» («Heimwerk»), «наемным рабочим, на заказ» («Kundenlohnwerk»), который действует по заказу потребителя или же, наконец, он трудится у себя как «рабочий домашней промышленности» на предпринимателя. Иначе обстоит дело, если работа производится за пределами *собственного жилища*. Тогда она может быть «временной работой» (Störarbeit) в доме потребителя, как это и сейчас распространено среди швей и портних, занимающихся починкой; временная работа была первоначально всегда странствующей работой. Или же речь идет о «приходящем» ремесле — (Anbringungsgewerbe), которым по самой его природе нельзя заниматься у себя дома, как, например, мясное дело. Или же, наконец, мастерская представляет из себя *эргастерий*² и поэтому как таковая *отделена от жилища рабочего*.

Эргастерий не должен быть необходимо «фабрикой»*; но может быть базарно-ремесленным помещением, где мастерская и место продажи совпадают, или может заниматься

* Как думает Эд. Мейер. Рабство в древности.

сообща несколькими рабочими или принадлежать, наконец, господину, который в качестве предпринимателя заставляет там работать своих рабов, причем или сам сбывает продукт, или же предоставляет продажу рабам за соответствующий сбор с них*. Характер эргастерия ярче всего выражен в современной *мастерской предпринимателя*, где рабочий работает для предпринимателя, который ему предписывает условия работы и платит ему заработную плату.

Присвоение «оборудования» (Anlage), иначе говоря основного, постоянного капитала, под которым следует подразумевать помещения и средства производства, если эти последние не входят в понятие инструментов, может производиться различным способом. Возможно, что в оборудовании не встречается никакой надобности; тогда мы имеем дело с чистым ремеслом, как в средневековом цеховом хозяйстве; отсутствие оборудованного помещения настолько характерно для этого хозяйства, что как только оно начинает возникать, цеховое хозяйство подвергается опасности разложения. Но возможно, что существует оборудование, построенное и пущенное в ход сообществом (деревенским, городским или ремесленным). Такие случаи часты и встречаются опять-таки в средние века, причем цехи сами обеспечивают оборудование. Затем мы встречаем господские оборудованные мастерские, которыми ремесленники могут пользоваться за вознаграждение; например, монастырь строит валяльную мельницу и допускает свободных рабочих пользоваться ею. Далее возможно, что собственник не только предоставляет в распоряжение свободных рабочих господское оборудование, но в силу своей власти принуждает ремесленников изготавливать у себя продукты, которые сбывает сам; тогда это домашнее ремесло (*Oikenhandwerk*), которое, начинаясь со времен фараонов, встречается в самых различных формах вплоть до средневекового производства князей, помещиков-сеньоров и монастырей. В то время как при «домашнем ремесле» хозяйство не отделено от предприятия и это последнее является лишь *подсобным* промыслом предпри-

* О рабском труде в древности см. ниже, на стр. 89; об античной промышленности (особенно об эргастерии): *K. Grunberg. «Sklaverei» // Handwörterbuch VII, 356 ff.; K. Bücher. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1922. S. i ff., 179 ff.; G. Salvati. Le capitalisme dans le monde antique. Études sur l'histoire de l'économie romaine. P., 1906. P. Guiraud. La main d'œuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. P., 1900. E. Cicotti. Il tramontò della schiavitù nel antico Turin, 1899. A. Mauri. I cittadini lavoratori dell' Attica nei secoli, V. et IV. a. C. Milano, 1895.*

нимателя, совсем иное положение получается при *затрате предпринимателем основного капитала*. Здесь работа производится с помощью средств производства предпринимателя и вследствие этого требует «мастерской» дисциплины. Оборудование мастерской предпринимателем фигурирует как основной капитал, составляющий статью в расчетах предпринимателя; сосредоточение его в руках отдельного человека послужило причиной разложения цехового устройства.

§ 2. Ступени развития промысла и горного дела

Исходным пунктом развития здесь является домовый промысел, служащий для собственных потребностей мелкого или крупного домового хозяйства*. Отсюда получается возможность развития промышленности общинно-родовой, которая может возникнуть вследствие того, что род либо племя обладают монополией или на определенный сырой материал или на определенную специальность или профессию**. Общинно-родовой промысел практикуется вначале, как желанный побочный доход, позже приобретает более широкие размеры и ведется с целью получения чистого барыша. Это значит, что (как на одной, так и на другой ступени развития) продукт домашнего труда, изготовленный при помощи орудий и из сырого материала, принадлежащих домашней общине, выносится на рынок, так что в стене замкнутого домового хозяйства прорубается окно, ведущее во внешний мир. При этом монополия на *сырой материал* может образоваться вследствие исключительного нахождения определенных родов камня, металла или волокнистых веществ (всего чаще залежи соли или металла или глины) в пределах области рода или племени; как следствие использования их может возникнуть прежде всего *странствующая торговля*. Торговля может производиться

* K. Bücher. Arbeit und Rhythmus. 5. Aufl. Leipzig, 1919; A. Vierkandt. Naturvölker und Kulturvölker. Leipzig, 1896. S. 120 ff., 260 ff.; H. Schurtz. Urgeschichte der Kultur. Leipzig, 1900, S. 158 ff., 215 ff., 269 ff., 307, 534 ff.; E. Hahn. Die Entstehung der wirtschaftlichen Arbeit. Heidelberg, 1908; F. Stuhlmann. Handwerk und Industrie in Ostafrika. Hamburg, 1910.

** B. K. von den Steinen. Unter den Naturvölkern Zentralbrasiens. Berlin, 1894.

самими ремесленниками, как это встречается у некоторых бразильских племен и у русских кустарей, которые в одно время года изготавливают продукт в качестве крестьян, а в другое обрабатывают его и продают в разнос. Или же приобретается монополия (очень часто в области шерстяной промышленности с художественными достоинствами) на *высокие виды изготавливаемого продукта*, причем рабочие владеют секретом производства или приобретенной техникой искусства, которые попросту не передаются. Этот случай представляет собой своеобразный вид работы на рынок, при которой ремесло благодаря обладанию землей становится монополией и передается из рода в род и из племени в племя по наследству, как дар богов. Происходит межплеменная специализация производства. Она может остановиться на этой ступени развития, ограничившись обменом продуктов между соседними географическими областями, — как это происходит в Африке, — или же может развиваться дальше. Пример одного из возможных путей развития дает *образование каст в Индии**. Племенные промыслы, располагавшиеся первоначально в горизонтальном порядке рядом, теперь, вследствие объединения отдельных племен под одним владычеством, наслаиваются друг над другом вертикально, и межплеменное разделение труда происходит между подданными одной и той же власти. Первоначальная этническая обособленность между различными племенами выражается теперь в кастовом строе и отчужденности каст, которые не смеют вместе принимать пищу, заключать между собой браки и в праве принимать друг от друга лишь определенные услуги. Кастовый порядок имел громадное влияние на весь общественный строй Индии, потому что закреплялся обрядностью, а вместе с тем и религией. Он сделал ремесло неподвижным, исключив возможность применения изобретений, и задерживал возникновение промышленности на капиталистической основе. Введение каких-либо технических изобретений было бы возможным только при условии образования новой касты на самом низу кастовой лестницы. И если Коммунистический манифест говорит о про-

* E. Senart. Les castes dans l'Inde. Les faits et le système, 1896; R. Fick. Die sociale Gliederung im nordöstlichen Indien zu Buddas Zeit, 1897; A. K. Comaraswamy. The Indian craftsman, 1909; B. H. Baden-Powell, ср. выше, стр. 30; «The Indian Empire», 4 т. 1908—1909 г., (систематический справочный труд); M. Weber. Ges. Ansätze zur Religionssoziologie, II. S. 1, 91 и сл.

летарии, что он может завоевать мир, терять же ему нечего, кроме своих цепей³, то одинаково можно высказать об индийце*, с той лишь разницей, что освободиться от своих цепей он может только в потустороннем мире, исполняя свои кастовые обязанности в здешнем. Каждая индийская каста предавалась занятиям, твердо установленным традицией; кто оставлял традиционный способ производства своей касты, тот не только изгонялся из нее и превращался в парию, но и терял свои надежды на потусторонний мир, а именно надежду возродиться в последующей жизни членом высшей касты. Вот почему индийский кастовый строй превратился в самую консервативную систему в социальном и хозяйственном отношении. Лишь под английским влиянием в нем постепенно были пробиты бреши, и капитализм также начал совершать здесь свое медленное победное шествие.

Вторая возможность, которая открывается на ступени межплеменного обмена, это развитие *специализации для рынка*. Так возникает местное разделение профессий, которое уже перестает быть таким образом межплеменным; оно может происходить *демуургически*, следовательно, пока без приспособления к рынку; деревня или крупный владелец собирает ремесленников, большей частью иноплеменных, и обязывает их работать для деревни или дома (о́кос). Сюда принадлежат, например, деревенские промыслы** в Индии, а в Германии еще в XIV в. господин поместья вынужден был заботиться о том, чтобы его деревенские мастерские были заняты ремесленниками. Здесь мы встречаем *местную специализацию для собственных потребностей*, с которой обычно связано наследственное присвоение мастерских.

Из нее выходит известный род местной специализации, которая в конечном счете ведет к *специализации для рынка*. Предварительной ее ступенью является *локализованная специализация деревенской или барской промышлен-*

* M. Weber, Gesammelte Aufsätze, II, 121.

** Ср. выше стр. 30—31 и след. Нечто подобное относится к польским пагосzczысу, несвободным людям, поселенным вместе в деревнях возле королевского замка и обязанным исполнять ремесленные работы для населения замка, за что их наделяют землей; ср. F. Rachfahl, Die Organisation der Gesamtschleissensverwaltung von dem Dreissigjährigen Kriege, с. 26; M. J. Warszawski, Entwicklung der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in Polen und die Bauernfrage im Jahrhundert, 1914.

ности. В деревне* находятся, с одной стороны, крестьяне, с другой — господа, которые поселяют в своих дворах ремесленников, чтобы те работали для потребностей барина за вознаграждение (часть урожая и т. д.). Это представляет противоположность специализации для рынка, ибо здесь отсутствует обмен. Кроме того, такая специализация несет еще на себе оболочку межплеменной специализации, причем ремесленники являются чужаками, а рядом с ними стоят выбитые из колеи крестьяне, которые не могут более вести самостоятельного крестьянского хозяйства, так как им не хватает для этого земли.

Иным способом производится господская эксплуатация ремесленников в *крупном домовом специализированном производстве* местных владетельных князей или сеньоров для личных или политических целей. Здесь также имеет место специализация без обмена. На отдельных ремесленников или на целые группы их возлагается определенная работа для нужд господина. В античном мире такое положение было широко распространено; наряду с *officia*, местами должностных лиц в крупном хозяйстве, например, с должностью кассира обычно из рабов, появляются *artificia*, ремесленные мастерские. Они состоят большей частью также из рабов и включают в себе определенные категории ремесленников среди *familia rustica* (то есть, землевладельческих рабов), которые работают для собственных потребностей больших имений: кузнецов, металлистов, каменщиков, плотников, текстильных рабочих, особенно женщин в гинекеях (*γυναικείον*)⁴, мукомолов, пекарей, поваров. Но они встречаются также в городских хозяйствах крупных господ, в распоряжении которых находится большое количество рабов. Известен список императрицы Ливии⁵, жены Августа, который включает портных, работников по дереву, строительных рабочих и других ремесленников, работающих для гардероба и других личных потребностей императрицы**. Нечто подобное встречается при индийских княжеских дворах и в Китае, а также в средневековых феодальных поместьях, как светских, так и монастырских.

* H. Duncker, Das mittelalterliche Dorfgewerbe nach Weistumsüberlieferungen, 1903, S. Kummer, Das mittelalterliche Banngewerbe, 1907.

** Ср. Monumentum libertorum et servorum Liviae Augustae, CIL, VI n. 3926—4326, а также H. Willrich, Livia (Leipzig 1911) 72

Рядом с ремесленниками, работающими для потребностей владельца, стоят другие, работающие для его политических целей. Пример в широком масштабе представляет управление фараонов в Новом царстве после изгнания гиксосов⁶. Мы находим здесь систему складов, пополняемых натуральной податью подданных и кроме того далеко идущую промышленную специализацию для домашних и политических потребностей царя*. Чиновник получает из такого склада вознаграждение натурой; ему назначается, следовательно, определенный паек, и ассигнации на него ходят подобно современным государственным облигациям. Эти полочки зиждуются отчасти на крестьянском труде, отчасти на специализированной домашней работе. В больших домашних хозяйствах Ближнего Востока впервые развилось и поддерживалось также ручное производство предметов роскоши. Египетские и месопотамские цари заставляли обученных в своих мастерских и находящихся в их власти ремесленников изготавливать чудесные произведения древнего восточного искусства и тем дали выполнить домовому производству важную культурно-историческую миссию.

Чтобы из этого состояния стал возможен *переход к производству на заказчика и на рынок* должен был появиться круг платежеспособных покупателей, должно было совершиться, по крайней мере в известных размерах, развитие менового хозяйства. И здесь, при возникновении ремесла в недрах домашнего производства, произошло то же самое, что и при развитии крестьянства. Князь, помещик, рабовладелец могли по желанию пользоваться обученными рабочими как трудовой силой и создавать при их помощи продукт для рынка или же эксплуатировать их как источник ренты. В первом случае, когда владелец становился предпринимателем и пользовался несвободными людьми как рабочей силой, мы находим, как в античном мире, так и в средние века, что господин нуждается в ком-либо, кто заботится о сбыте. Таким лицом является *negotiator*, торговец, занимающий должность назначенного приказчика в княжеском

* F. Preisigke, (выше, стр. 51) und W. Spiegelberg, Demotische Papyri der Strassburger Bibliothek, Strassburg, 1902. Данец: Ed. Meyer, Geschichte des Altertum, I, выше стр. 16; A. Erman, Agypten und agyptisches Leben im Altertum, 2 Bde., Tübingen 1885 bis 1887; neu bearbeitet von H. Ranke, Tübingen, 1922; R. Thurnwald, Staat und Wirtschaft im alten Aegypten, Zeitschrift für Sozialwissenschaft IV, 1901.

или каком-либо ином хозяйстве. Способы, какими господин может использовать людей как рабочую силу в таком случае различны. Он может пользоваться ими как *несвободными домашними работниками*. Люди остаются жить в своем жилище и должны доставлять господину определенное количество продуктов. Они могут производить их из собственного материала или из доставляемого господином. В античном мире такие формы были широко распространены: таким путем попадали на рынок продукты ткацкого и гончарного искусства; большей частью они изготовлялись в женской половине дома — *γυναικείον*. В средние века так возникла льняная промышленность в Силезии и Чехии. Господин является здесь, так сказать, «задателем» ремесленника. Или господин может перейти к *производству в мастерских*. В античном мире в числе побочных промыслов крупных землевладельцев* мы находим кирпичные заводы, добычу песка и каменоломни; далее мы встречаем большие гинекеи, в которых рабыни занимаются пряжей и тканьем, а в эпоху Каролингов так называемый *genisium*** . Особенно большие размеры приняло промышленное производство в мастерских средневековых монастырских хозяйств, в пивоварнях, валяльнях, винокурнях бенедиктинцев, картезианцев и т. д. Кроме сельского побочного промысла мы находим также городские ремесленные производства с несвободным трудом. В то время как при сельском производстве помещик сбывает продукт, доставляет его при помощи несвободной силы на торговый рынок, в городе обыкновенно купец на свой капитал создает предприятия с несвободными рабочими. В античном мире такое положение вещей было широко распространено. Так, например, Демосфен⁷ сообщает***, что он получил от отца в наследство два эргастерия, оружейную мастерскую и мастерскую для изготовления кроватей (которые в то время являлись не предметом необходимости, но предметом роскоши) — факт этот объясняется тем, что отец его занимался ввозом слоновой кости, которая вставлялась как в рукоят-

* H. Gummerus, Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach Werken Cato, Varro und Columella, 1906; Th. Mommsen, Röm. Geschichte, I, гл. XII.

** Так называлась подобная же казарма на барском дворе, в которой большие группы женщин усаживались за текстильные работы в пользу барина (Прим. ред.).

*** A. Schäfer. Demosthenes und seine Zeit, I, 1856, стр. 242.

ки мечей, так и в кровати; вследствие несостоятельности своих должников, занимавшихся этим ремеслом, он присвоил заложенные ему их мастерские вместе с рабами. Далее Лисий⁸ упоминает о «фабрике» щитов с работавшей в ней сотней рабов. В обоих случаях мы находим производство, с одной стороны, для нужд тонкого высшего слоя общества, с другой стороны, для военных целей. Но ни в коем случае здесь не может быть и речи о «фабрике» в современном значении этого слова, но лишь об эргастерии. Что из себя представляет последний, идет ли речь о несвободном или корпоративном соединении труда, следует внимательно рассматривать в каждом отдельном случае. Если эргастерий является крупным производством при помощи рабского труда для рынка, то в сущности в нем осуществляется скорее скопление труда, чем его разделение или сочетание. Здесь сидело рядом много рабочих, самостоятельно изготавливающих однородный продукт. Над ними стоял надзиратель, который платил своему господину двойной оброк и был заинтересован лишь в том, чтобы продукт по возможности получался однородным. О крупном производстве в современном значении этого слова при таких обстоятельствах не могло быть и речи, ибо в эргастерии, который не должен был непременно принадлежать господину, хотя мог и принадлежать ему, не было основного, постоянного капитала; причина, мешавшая превратить такое производство в современную фабрику, коренилась также и в особенности рабовладения: капитал в виде живой человеческой силы потребляет в громадных размерах как раз в то время, когда останавливается сбыт, и, кроме того, в буквальном смысле слова иначе, чем основной капитал, состоящий из машин. Рабы представляют собой материал особенно непрочный и подверженный риску; если раб умирал, то это означало прямую потерю в противоположность современному положению, когда риск за опасности, которым подвержена жизнь человека, возложена на самого рабочего. Рабы могли также убежать, в особенности в военное время и особенно охотно делали это во время военных неудач; когда в эпоху Пелопонесской войны пали Афины⁹, весь капитал, заключавшийся в рабах, был уничтожен. Кроме того, цены на рабов колебались удивительным образом во время войн, которые для античного мира были нормальным состоянием. Греческий город ведет

постоянную войну; заключение продолжительного мира считалось преступлением; мир заключают на определенный срок, подобно тому как сейчас заключаются торговые договоры. В Риме война была таким же обыденным явлением, только в военное время рабы были дешевы, в мирное же время цены на них сильно поднимались. С этим персоналом, приобретенным иногда очень дорогой ценой, рабовладелец мог поступать по своему выбору: или селить рабов в казармы, или содержать их с семьями. Во втором случае предстояло дать женщинам иную работу, чем мужчинам, поэтому господин не мог специализировать свое производство, но должен был устраивать различные отрасли его и соединять их в своем «доме». Если он старался провести специализацию во что бы то ни стало, то каждый смертный случай среди рабов мог явиться роковым. Кроме того, имело значение отсутствие личной заинтересованности у рабов; только при самом варварском обращении удавалось извлечь из них то количество работы, которую свободный рабочий по соглашению выполняет теперь шутя. Поэтому крупные производства при помощи рабов являлись редкими исключениями. Они появлялись в истории только в тех случаях, когда данная отрасль производства пользовалась исключительной монополией. Пример России показывает, что фабрики, где работали крепостные, находились в полной зависимости от такой монополии, и как только она падала, они погибали от конкуренции свободного труда*.

Очень часто, правда, эргастерий в античном мире обозначал нечто иное: господин являлся не предпринимателем, но получателем ренты и пользовался силой рабов как ее источником. Он прежде всего заставлял раба обучиться ремеслу и если не отдавал его внаем третьему лицу, то разрешал работать на рынок самостоятельно или наниматься на работу, или же, наконец, предоставлял ему свободно заниматься своим ремеслом, но во всех этих случаях облагал его сбором; тогда перед нами открывается экономически свободное, но лично несвободное ремесло. В таком случае раб или сам владел определенным фондом, или господин ссужал ему этот фонд (*peculium*), чтобы он мог вести торговлю или заниматься мелким ремеслом. Пробуждавшаяся благодаря этому личная заинтересованность раба, а

* М. Туган-Барановский, История русской фабрики.

стало быть и повышение производительности его труда, приводили, по Плинию¹⁰, к тем последствиям, что господин предоставлял ему свободу завещания. Таким путем эксплуатировалась в древнем мире значительная масса рабов. Подобное положение мы находим в средние века, а также в России, и всюду встречаем также техническое слово для обозначения ренты; это и доказывает, что речь идет не о чем-то исключительном, но о совершенно нормальных отношениях (аглофорá, крепостной ценз, оброк).

Предпосылкой для того, чтобы при такого рода эксплуатации рабов господин их пришел к решению предоставить им самостоятельный труд, было наличие не какого-нибудь неопределенного, но местного рынка, на котором рабы могли продавать продукт своего труда или свою рабочую силу. Если в античном мире и в средние века способы производства имели одинаковую исходную точку и вначале были похожими, но затем идут совсем различными путями, то основание этого лежит в *совершенно различных условиях образования рынка в той и в другой культуре*. В древнем мире рабы остались во власти своих господ, в средние века они стали свободными; в средние века существует широкий слой свободных ремесленников, которых не знает античный мир*. Основаниями этого являются: 1. Различие нужд потребления в Западной Европе по сравнению со всеми другими странами мира. Надо ясно себе представить, в чем нуждалось японское или греческое хозяйство. Японец живет в доме, построенном из дерева и бумаги; циновки внутри и деревянная подпорка для головы, образующая вместе с тем и кровать, посуда и некоторое количество гончарных изделий составляют все убранство. До нас дошел протокол публичного аукциона имущества осужденного греческого аристократа, может быть, Алкивиада¹¹; обстановка отличается невероятно ограниченным количеством предметов; произведения искусства играют в ней главную роль. Домашняя утварь средневекового патриция, наоборот, гораздо более громоздка и носит более утилитарный характер. Такое различие обуславливается разным климатом. В то время, как в Италии и поныне можно обойтись без отопления, а кровать в античном мире считалась предметом роскоши и

* Это положение выражено слишком категорически: они были и в Греции, и в Риме. В Греции свободное ремесло даже достигло большого развития (в Риме менее) (Прим. ред.).

чаще всего люди ложились спать просто на землю, завернувшись в плащ, на севере Европы употребляли печи и кровати; самой старой цеховой грамотой является грамота цеха ткачей перинного тика¹² в Кёльне. Нельзя сказать, что греки ходили обнаженными: часть их тела была покрыта; но их потребность в одежде не может идти ни в какое сравнение с потребностями средневекового европейца. Наконец, опять же в силу климатических условий, немецкий аппетит был больше, чем у южан: Данте упоминает о «немецкой стране обжор». Как только явилась возможность удовлетворить эти потребности, у нас должно было в силу закона о пределах потребления развиться более обширное производство, чем в античном мире. Развитие это произошло между X и XII вв. — 2. *Разнородность рынка по сравнению с античностью.* (Расширение рынка.) В Северной Европе с X до XII столетия было гораздо больше покупателей, имеющих возможность платить за промышленные продукты, чем в античных странах. Античная культура была береговой культурой. Ни один значительный город не находился дальше однодневного пути от берега. Правда, страна, лежащая за этой узкой береговой полосой, была втянута в меновое хозяйство; но она не являлась прилегающей континентальной территорией, которая бы обладала высокой покупательной силой, потому что пребывала в стадии натурального хозяйства. Кроме того, античная культура основывалась на рабстве. Когда она проникла внутрь страны и стала превращаться в континентальную культуру, прекратился подвоз рабов. Поэтому помещики старались сохранять независимость от рынка, удовлетворяя свои потребности собственными рабочими силами. Эта «автаркия»¹³ домового хозяйства, которая, по предположению Родбертуса*, была присуща всему античному миру, в действительности представляет собой явление только поздней античности и достигает высшего развития в эпоху Каролингов. Ближайшим образом она приводила к ограничению рынка; позднее к этому присоединились еще фискальные мероприятия**. Весь процесс обозначал постепенный возврат к натуральному хозяйству. В средние века, наоборот, рынок с X в. начал увеличиваться, ибо покупательная способность

* Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus I. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik IV (1865), 341 и сл.

** М. Вебер. Agrargeschichte, Altertum.

крестьян возросла. Зависимость их становилась менее тяжелой, контроль господина потерял свою действенность и именно потому, что интенсивность сельского хозяйства делала большие успехи, а господин, связанный, как рыцарь, военными обязанностями, не имел возможности пользоваться этими успехами, он вынужден был потому предоставлять весь излишек земельной ренты крестьянам. Такое положение дел способствовало расцвету ремесла. Наступил период «рыночных концессий», основания городов, которые в XII и XIII вв. появляются и на востоке. С хозяйственной точки зрения то были спекуляции владетельных князей: князь стремился приобрести подданных, способных платить хорошие подати, и основывал поэтому города и рынки как поселения людей, которые покупали и продавали. Не всегда такие спекуляции оказывались успешными. Польской знати, по большей части, они не удались, когда возраставший антисемитизм погнал евреев на восток и она хотела использовать это движение для развития городов. — 3. *Малая доходность рабства, как формы производства.* Рабство приносило доход хозяйству лишь в том случае, если содержание рабов обходилось дешево. На севере этого не было и поэтому здесь их неохотно эксплуатировали в качестве источника ренты. — 4. *Совершенно особенная неустойчивость условий рабовладения на севере.* Беглые рабы на севере находили себе всегда где-нибудь приют. В то время не существовало уголовного розыска, и владельцы сманивали друг у друга крепостных; беглые поэтому немногим рисковали, так как могли найти убежище у другого господина или в городе. — 5. *Захват власти городами.* Императоры в особенности дарили городам привилегии, откуда возник принцип: «городской воздух делает человека свободным». Он гласил, что всякий, откуда бы он ни пришел и к какому бы званию ни принадлежал, становился горожанином, если поселялся в городе. Городское сословие и сложилось отчасти из таких пришлых элементов. Отчасти то были знатные, отчасти купцы, отчасти крепостные, а также обученные ремесленники.

Этому развитию благоприятствовала все возраставшая слабость государственной власти и вызванная этим обособленность городов, которые обладали силой и могли позволить себе просто издеваться над своими господами. Но принцип «городской воздух делает человека свободным» встречал сопротивление. Императоры, с одной стороны, должны

были обещать князьям, что они будут препятствовать городам домогаться все новых привилегий; с другой стороны, нужда в деньгах заставляла их расширять эти привилегии. Это была борьба за власть, в которой политическая сила князей, покровительствовавших городам, в конечном счете восторжествовала над экономической силой помещиков-господ, заинтересованных в сохранении крепостных, плативших им оброк.

Ремесленники, которые селились в городах в силу таких привилегий, были различного происхождения и находились в различном правовом положении. В редких случаях они становились полноправными гражданами, владеющими свободной от обязательств землей; часть их составляли оброчные крепостные, платящие ценз¹⁴ какому-нибудь господину — в городе или вне города. Третью категорию составляли подчиненные люди, лично свободные, но состоявшие клиентами полноправного горожанина, который выступал за них перед судом и по отношению к которому они несли повинности за его защиту.

Кроме того, в городах были барские двory, которые владели собственными ремесленниками и устраивали собственный порядок ремесленного производства. Но не следует думать, что организация свободного городского ремесленного труда выросла из помещичьей организации*. Обычно ремесленники принадлежали различным господам, кроме того над ним стоял сеньор в городе или в деревне**. Только сам город мог сделаться источником самостоятельной, общей ремесленной организации; поэтому случалось так, что сеньор, которому принадлежал город, исключал своих крепостных ремесленников из привилегий, дарованных им городу, не желая, чтобы они перешли в свободное состояние городских ремесленников.

Свободные ремесленники не обладали основным капиталом. Они владели только инструментами; им недоставало, стало быть, капиталистического расчета. Почти всегда они являлись наемными рабочими, которые несли на рынок

* См. ниже стр. 144 и след.

** Удобные немецкие выражение *Stadtherr* и *Grundherr* могут у нас переводиться, собственно говоря, общим словом — сеньор, ибо эти отношения вытекают из феодального права: сеньоры владели и поместьями, и городами. Чаще, впрочем, в роли «господ городов» являлись территориальные князья, либо короли, или даже император. (Прим. ред.)

свою рабочую силу, а не продукт своего труда. Оставались ли они наемными рабочими или становились товаропроизводителями, зависело от состояния рынка.

Наемная работа ремесленников распространялась там, где работа производится для очень состоятельного слоя общества, работа на рынок там, где работают на широкие массы. Масса покупает отдельные готовые товары; поэтому, развитие покупательной способности больших масс послужило развитию капитализма. Здесь нельзя, однако, провести вполне строгого разграничения. Ремесленники на заказ и товаропроизводители встречаются одновременно рядом. Но в массе ремесленники в раннем периоде Средневековья, в античном мире, в Индии и Китае, так же как и в Германии, являются наемными рабочими. Они могут при этом заниматься ремеслом у себя на дому, или в доме заказчика; это зависело от дороговизны материала. Золото, серебро, шелк, дорогое сукно заказчики не давали ремесленникам на руки, но заставляли их приходить к себе, во избежание хищения и утаивания материала. Поэтому отхожий труд был особенно распространен в области потребления высших слоев общества. Домашними работниками, наоборот, были те, чьи орудия производства были дороги или трудно переносимы, следовательно, пекари, ткачи, давильщики винограда, мельники: у них мы уже находим начатки основного капитала. Между наемным трудом и производством на продажу существуют промежуточные ступени, которые определяются обстоятельствами или обычаями. Но судя по терминологии, во всяком случае, преобладает ремесленный труд по найму: *ἐχθότης μισθός*, *mercennarius*. Все эти выражения указывают на наем, а не на цену. Также и постановления диоклетиановского «эдикта о ценах»¹⁵ указывают в том же направлении на таксы найма, а не цен.

§ 3. Цеховое ремесло

Th. Reil, Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Agypten, Leipzig 1913; *M. Хвостов*, Организация промышленности и торговли в греческом и римском Египте. Казань, 1914; *U. Wilken*, Griechische Ostraka, 1, Bd., Leipzig 1899; *E. Rodocanachi*, Les corporations ouvrières à Rome, 2 Bde., Paris 1894; *I. P. Waltzing*, Etudes historiques sur les corporations professionnelles chez les Romains, Brüssel 1895/1900; *A. Doren*, Studien aus

der Florentiner Wirtschaftsgeschichte, I, Bd., Stuttgart 1901; G. von Schönberg, Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftgewerbes im Mittelalter, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik IX (1868); K. Bücher, Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im 14 und 15. Jahrhundert, I, Bd., Tübingen, 1886; K. Th. von Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 3, Teil, Leipzig 1901; G. Brodnitz, Englische Wirtschaftsgeschichte, I, Bd., Jena 1918.

Цехом называется союз ремесленников, специализированных по роду их профессии. Деятельность его направлена на две цели: *регулирование работы* внутри цеха и *монополизацию* ее вне его. Он достигает этого, обязывая вступать в цех всех, кто в данном месте занимается данным ремеслом.

Цехи, как *несвободная* организация, существовали в поздней античности, а также в Египте, Индии и Китае; это — так называемые *литургические*¹⁶ цехи. Они сложились в силу того, что удовлетворение политических потребностей отдельного государя или общины было возложено на отдельные промышленные группы и с этой целью промышленность была расчленена по профессиям. Высказывалось предположение, что и индийские касты произошли из подобных цехов. В действительности они возникли таким путем, что государство, ведущее финансовое управление на основе натурального хозяйства, покрывало свою потребность натуральным обложением промышленности. В ранний период античного мира литургический цех устанавливался в особенности для промышленности, важной в военном отношении. В войске Римской республики рядом с центуриями всадников стоит *centuria fabrum*¹⁷, т. е. ремесленников для его хозяйственных нужд. Позднейшее римское государство нуждалось в подвозе хлеба, чтобы поддерживать в городском населении спокойствие. Для этой цели была создана организация *навикулариев*¹⁸, на которую было возложено судостроение. Фискальные причины привели к тому, что в последние столетия существования империи почти все хозяйство было организовано литургически, при помощи принудительных ассоциаций.

Цехи встречаются в форме *ритуальной*. Не все касты в Индии были цехами в собственном смысле, но очень многие являлись ритуальными цехами. Там, где существовали касты, не существовало кроме них никаких цехов; в них не было и надобности, ибо сущность кастового строя заключа-

ется в том, что различные отрасли производства возлагаются на определенные касты.

Третьим видом цеха является *свободное объединение*. Оно характерно для средних веков. Начало его лежит, быть может, в позднем античном периоде; по крайней мере, в романизованном позднейшем эллинизме замечаются начатки союзов с цеховым характером. Странствующий ремесленник появляется впервые в начале нашей эры. Без него сильно замедлилось бы распространение христианства*; в начале оно и было религией странствующих ремесленников, к которым принадлежит также апостол Павел. Его слова: «кто не работает, тот да не ест»¹⁹, являются специфическим выражением ремесленнической этики.

Античный мир знал только начатки свободных цехов; в общем же античное ремесленное производство, насколько мы можем видеть, носит черты наследственно освященного родового производства (поскольку оно не было связано с домовым). Цеховой дух совершенно отсутствует в античной демократии, она является прямой противоположностью демократии цеховой: над колоннами Эрехтейона²⁰ отдельно друг от друга трудились афинские граждане, свободные метеки и рабы. Причинами являются отчасти политические, но по большей части экономические особенности; рабы и свободные граждане не имели также права принимать участие в одном и том же культе. Кроме того, свободный цех отсутствует и там, где содержится кастовый порядок, ибо он там является совершенно излишним; ничтожное значение получает он и там, где господствует хозяйство родовой общины (например, в Китае). Отдельный городской ремесленник принадлежит к какой-нибудь деревне; и наоборот, здесь мы не встречаем особого городского права ни в Пекине, ни в других городах, поэтому нет также и цехов, тесно связанных с городским строем.

Наоборот, цехи встречаются в исламе; там дело доходило даже до цеховых революций, хотя и редко, как, например, в Бухаре.

Дух западного средневекового цеха всего проще характеризуется выражением: политика цехов есть политика про-

* В этом смысле гораздо сильнее было влияние передвижения военных сил, ибо передвижение ремесленников были недостаточно многочисленны. *Прим. ред.*

довольствия. Она означает урегулирование хорошего прокормления членов цеха, несмотря на повышенную конкуренцию, вследствие сужения площади питания: отдельный член цеха должен получать традиционное продовольствие и тем поддерживать существование; это понятие традиционного питания является подобием современных living-wages²¹.

Какими способами старался цех достичь этой цели?

Внутренняя цеховая политика стремилась всеми мыслимыми средствами установить равные шансы для всех членов цеха, подобно тому, как стремились этого достичь крестьяне путем раздела полей. Чтобы осуществить это равенство, следовало воспрепятствовать развитию мощи капитализма, особенно, не допускать неравномерного роста капитала у отдельных мастеров и вытекающего отсюда неравенства; один мастер не должен был возвышаться над другим. С этой целью регулировался процесс работы: ни один мастер не должен был работать иначе, чем установлено традицией. Цех контролирует качество товаров; контролирует и устанавливает количество принимаемых учеников и рабочих; регулирует, по возможности сообща, получение сырого материала, поскольку уже существовало производство на рынок; кроме того цех или город закупал сырой материал и распределял его между отдельными мастерами; как только произошел переход к производству на рынок, и ремесленник, как капиталист-лилипут, приобрел возможность самостоятельно закупать сырой материал, цех начал требовать (начиная с XIV в.) доказательства состоятельности. Кто не имел состояния, мог быть использован другими, как наемный рабочий. Как только сужалась площадь питания, цех становился замкнутым и устанавливалось предельное число мастеров (но к такому выходу прибегали лишь в некоторых местах). Наконец, были урегулированы взаимоотношения между отдельными ремесленниками. Цех прилагал усилия к тому, чтобы сырой продукт проделывал как можно более длинный путь внутри отдельного хозяйства, и чтобы отдельный рабочий удерживал в своих руках изготавливаемый предмет как можно дольше. Работа распределялась, поэтому, на основе расчленения отраслей, а не технической специализации. В производстве одежды, например, производство прокладывало себе путь от сырого льна до готового платья, не проходя в поперечном разрезе через отдельные производства прядильщиков, ткачей, кра-

сильщиков, суконщиков и т. д.; но насколько это было в их власти, цехи стремились направить специализацию на конечный продукт: один работник изготовлял брюки, другой куртки. Поэтому, в средневековых списках цехов мы находим двести различных цехов там, где по нашему мнению, с точки зрения техники, достаточно было бы от двух до трех дюжин. Тогда очень справедливо опасались, что при поперечном рассечении процесса производства последний ремесленник, стоящий к рынку ближе всего, низведет остальных на степень наемных рабочих и подчинит их себе экономически.

Вот до какой степени проводит цех продовольственную политику (обеспеченный минимум); но он кроме того хочет установить равные шансы дохода для товарищей и укрепить их на долгое время. С этой целью должна быть ограничена свободная конкуренция. Поэтому, цехи регламентировали: *а) технику производства*, точно определяя количество работников, а в особенности учеников, которыми имел право располагать каждый сочлен; именно там, где ученичество угрожало выродиться в пользование дешевой рабочей силой, количество учеников ограничивалось одним или двумя для каждого мастера; *б) род сырого материала*; особенно в производствах, где сплавляли металлы (например, у литейщиков колоколов), существовал довольно строгий контроль сплава для поддержания высокого качества изготавливаемых предметов и для искоренения недобросовестной конкуренции; *в) технику производства и изготовления товаров*, следовательно, например, способ приготовления солода, изготовления кожи, апретуры²², окраски и т. д.; *г) они контролировали род применяемых инструментов*; отдельный цех приписывал себе регулярно постоянную монополию на определенный род инструментов, которыми имел право пользоваться только он один; род этих инструментов устанавливался традицией; *д) качество продукта*, прежде чем он мог попасть на рынок. — Цехи регулировали, кроме того и *экономику производства*: 1) в смысле ограничения капитала, чтобы внутри цеха не могло развиваться предпринимательство, которое превзошло бы остальных мастеров и принудило их служить ему. Этой цели служило запрещение сотрудничества с чужими, стоящими вне цеха; но проводилось это редко; 2) допущенным в цех мастерам была запрещена работа для других мастеров, чтобы они не низ-

вели их на степень подмастерьев; также и работа для купцов, которая должна была непосредственно привести к системе скупки и закабаления. Цеховой ремесленник, который был наемным рабочим, должен был сдавать свой продукт, как платную работу по заказу. Для товаропроизводителя идеалом являлось предложение продукта на свободном рынке, в виде товара; 3) цехи контролировали закупку материала; они запрещали предварительную закупку, т. е. ни один член цеха не имел права запастись сырьем раньше других. Нередко существовало право выкупа: всякий член цеха в случае недостатка сырого материала имел право требовать от товарища, чтобы тот ему уступил свой материал по себестоимости; 4) цехи препятствовали также предварительной продаже; с этой целью они часто прибегали к насилию над рынком и обостряли его тем, что запрещали уступку в цене и сманивание этим заказчиков; этим ставился предел торгу; 5) они запрещали продажу чужих продуктов; если ремесленник нарушал это запрещение, он считался купцом и не принадлежал больше к цеху; 6) они регулировали сбыт при помощи установления твердых цен, исходя из той точки зрения, что этим обеспечивается питание.

Внешняя цеховая политика является чистой политической монополией. 1. Цех стремится и достигает того, чтобы в очень многих случаях в его руки попадала промышленная полиция в делах цеха, и он поддерживает также промышленный суд, иначе ему нельзя проводить контроль техники и производства для поддержки равенства между членами. 2. Та же политика стремится достигнуть и обыкновенно достигает принудительности цеховой организации, по крайней мере, формально, хотя фактически ее часто обходят. 3. В очень многих случаях она же достигает цеховой территориальной власти; такое стремление было повсеместным, но полных результатов цехи добились лишь в Германии, в Англии этого совсем не удалось провести, Франция и Италия остановились на промежуточной ступени. Цеховая власть или юстиция обозначает областную монополию. В пределах территории, на которую цех распространяет силу своей власти, запрещается всякий промысел, кроме цехового. Это мероприятие направлено против странствующего промысла, который в значительной мере искореняется цехами, и против деревенского промысла; как только цехи

захватили в свои руки власть в городе, первым стремлением их было уничтожить конкуренцию в деревне. 4. В случае перехода продукта из одного цеха в другой, цехи устанавливали таксу; внутри цехов цена была минимальной, вне цехов устанавливалась на началах монополии. 5. Для того, чтобы цеховые мероприятия могли успешно осуществляться в жизни, дифференциация труда должна была производиться по возможности путем расщепления процесса труда, а не разделения его, т. е., как уже было указано, один и тот же рабочий изготовлял специализированный конечный продукт с начала до конца собственными силами. Всеми этими мероприятиями цехи препятствовали возникновению крупных производств внутри цехового. Но чему они *не могли* помешать — так это возникновению кабалы, а следовательно, зависимости ремесленника от торговца.

Как поздние результаты цехового развития, к указанному присоединяются еще дальнейшие правила. Они предполагают, что цех уже дошел до крайнего предела в использовании области потребления, и только разделение труда между местностями, капиталистическое производство, расширение рынка могли создать новые источники приобретения. Прежде всего цехи все более и более затрудняли доступ к званию мастера. Цели же этой они достигали установлением «образцового продукта» (*Meisterstück, chef d'oeuvre*). Это явилось результатом сравнительно поздней ступени развития, так как начиная с XV в. для «образцового продукта» были поставлены очень высокие экономические требования. С точки зрения целесообразности производства его изготовление не имело никакого значения или даже было связано с бессмысленными условиями; но это требование для получения «мастерства» ставило неодолимое препятствие на пути вступления в цех малосостоятельных работников в качестве полноправных членов. Кроме требования «пробного образцового продукта», мастера, сделавшиеся товаропроизводителями, достигли монопольного положения тем, что от всякого нового мастера спрашивалось удостоверение в обладании известным минимальным капиталом.

Только в это время появилась организация порядка ученичества и подмастерьев, которая является специальной отличительной чертой цехового устройства в континентальной Европе. Вначале устанавливается срок обучения и постепенно увеличивается в Англии до семи лет (в других

местах он достигал пяти, в Германии по большей части трех лет). После того как ученик заканчивал обучение, он становился подмастерьем и на него налагался также обязательный срок пребывания в таком положении. В Германии это правило привело к появлению странствующих подмастерьев. Подмастерья вынуждены были некоторое время менять место, прежде чем они получали возможность утвердиться где-либо в качестве мастера; явление это было неизвестно Франции и безусловно Англии. Наконец, цех прибегал нередко к замыканию (ограничению) количества мастеров определенной наивысшей обязательной цифрой. Это мероприятие проводилось не только и не всегда в интересах экономической монополии цехов, но часто также властью города, городского сеньора или городского совета, именно в том случае, если последние опасались, что слишком большое количество мастеров уменьшит работоспособность в тех отраслях производства, которые имели жизненно важное значение с военной или продовольственной точки зрения. С таким замыканием связана была тенденция к наследственной апроприации²³ звания мастеров. Вытекающее отсюда предпочтение в пользу сыновей мастеров, а также их зятьев при утверждении их в цехе, представляет собой явление, распространенное во всех странах в средние века, хотя в полной мере подобное не проводилось нигде. Здесь нашел себе выражение мелкокапиталистический характер некоторых отраслей ремесла в позднем Средневековье. Тому же соответствует возникновение института подмастерьев. Правда, он возникает не только там, где ремесло практикуется для продажи на рынке, и где необходимо наличие известного капитала для закупки сырья и для производства, но всего чаще там, где происходило замыкание количества мастеров.

§ 4. Возникновение западных цехов

В крупных хозяйствах территориальных сеньоров и государей, мы видели, что наряду с *officia* стояли *artificia*, которые должны были удовлетворять хозяйственным и политическим потребностям*. Образовались ли цехи из этих земле-

* Ср. выше стр. 128.

владельческих организаций? Так называемая «феодалная» или «поместная» теория*, происхождения цехов отвечает на этот вопрос утвердительно. Ее взгляды сводятся к следующему: в поместьях, как уже было показано, ремесленники держались для собственных нужд — то была феодальная организация, входящая в понятие феодального права. Благодаря разрешению рынков начинается эпоха денежного хозяйства. Землевладельцы считают для себя выгодным устраивать рынки на своей земле, потому что это дает им возможность взимать пошлины с купцов. Отсюда возникает для крепостного, до тех пор работавшего исключительно в пользу землевладельца, возможность сбыта, которой он и пользуется. Дальнейшей ступенью развития является город. Обыкновенно он основывается в силу привилегии, данной императором государю или помещику-сеньору. Он пользуется им, превращая своих связанных поместным правом ремесленников в источник ренты. Поэтому он организует ремесленников в цехи и, имея в виду политические цели, придает им военный характер или же приспособляет к потребностям домашнего хозяйства. Следовательно, цехи являются первоначально официальными организациями городского сеньора (*magisteria*). Тогда начинается (как третья ступень) эпоха объединения цехов. Ремесленники, объединенные этой вотчинной организацией**, вступают в союз и становятся экономически самостоятельными после того как работой для рынка они приобрели себе наличные деньги. Начинается борьба за рынок и автономию; цехи постепенно одерживают верх и, наконец, вследствие воздействия денежного хозяйства, вотчинник теряет свои

* Самыми выдающимися представителями были: *K. W. Nitzsch*, *Ministrialität und Bürgertum*, Leipzig 1859 и *G. Schmoller*, *Die Strassburger Tucher- und Weberzunft*, Strassburg 1879—1881; новейшими ее защитниками можно назвать: *R. Eberstadt*, *Magisterium und Fraternitas*. Leipzig. 1897 и *Der Ursprung der Zunftwesens und die älteren Handwerkeverbände des Mittelalters*, Leipzig 1900), *P. Sander*, *Zur Verständigung über das mittelalterliche Zunftproblem* (*Schmollers Jahrbuch XXVIII*, 1901), *G. Seeliger*, *Die sociale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter*, Leipzig 1908, *P. Зомбард*, *Современный капитализм* и *A. Dopsch*, *Wirtsch. und sociale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung II* стр. 394.

** Обращаем внимание на то, что два термина — «поместье» и «вотчина» не используются здесь в тех специально разных значениях, какие они приобрели в старо-русском праве. Слова *поместье* и *вотчина* могут употребляться синонимично для передачи немецкого понятия *Grundherrschaft*. Слово «вотчинный» лишь сильнее выражает замкнутый характер феодального права. (*Прим. ред.*)

привилегии. Теория эта в целом неприемлема*. В ней упущено из виду, что обладатель политической власти не всегда был тождественен с землевладельцем (вотчинником), а основание города постоянно связывалось с передачей права на юрисдикцию тому лицу, которое получало городскую привилегию. Такой обладатель юстиции (*Gerichtsherr*), в силу своей публично-правовой власти, имел возможность возложить на обитателей подвластного ему округа точно те же повинности, что и вотчинник (*Grundherr*) на зависимых людей (хотя с известными ограничениями, поскольку ему приходилось зазывать поселенцев путем возможного уменьшения сборов). Поэтому, часто мы видим в руках политического властителя те повинности, которыми пользуются обычно только вотчинники, имеющие крепостных («*Grundoder Leibeig*»); поэтому, уплата в случае смерти крестьянина лучшей штуки скота и уступка части в его наследстве не всегда являются надежными признаками крепостного состояния. Городские сеньоры тоже пользовались такими «правами» и не от крепостных или зависимых людей поместья. Ремесленники, следовательно, не должны были принадлежать непременно к числу их крепостных людей. Еще менее фактически оправдано положение, что цеховые организации возникли на почве «поместного» права. На самом деле мы встречаем несколько «барских дворов» в одном и том же городе, но в то же время внутри его чувствуется тенденция к общему объединению, впоследствии принявшему форму цехов. Не может быть и речи о том, что какая-либо форма поместного права послужила основанием для такого объединения. Часто землевладельцы старались даже исключить из цехов подчиненных им ремесленников, принадлежавших к их мастерским, *artificia*. Далее нельзя доказать, что союзы, которые мы находим до появления цехов, например *fraternitates* (братства) вошли в состав цехов. Последние были религиозными союзами, цехи же были ассоциациями светского происхождения. Правда, нам известны многочисленные примеры того, как религиозные союзы впоследствии послужили ячейками для образования светских объединений. Но здесь можно доказать, что цехи были светскими организациями первоначально и только в эпоху позднего средневековья, особенно после установления процессии

* G. v. Below, *Territorium und Stadt*, 1900.

в праздник «тела Господня», стали обнаруживать притязания на религиозное значение. Наконец, теория «вотчинного» происхождения цехов вообще совершенно переоценивает власть землевладельцев. Где власть их не была связана с правом юрисдикции, там она была относительно ничтожной.

Фактическое влияние поместного права на развитие промышленности и цехов действовало совершенно в иной области, а не там, где его видит феодальная теория (Hofrechtstheorie) происхождения цехов. В связи с разрешением рынков и при сохранении технических традиций, шедших от античного мира, оно способствовало созданию индивидуально обученного ремесленника, свободного от домашних и родовых связей. Поэтому оно принадлежит к числу элементов, препятствовавших на западе развитию домашней родовой и племенной промышленности (как в Китае и Индии). Это произошло оттого, что античная культура двигалась от морского берега вглубь страны. Внутри страны возникают города, которые становятся носителями специализированной и работающей на местный рынок ремесленной промышленности, в то время как межплеменный обмен вытесняется. «Ойкосное» хозяйство воспитывает хорошо обученных ремесленников; так как они начинают работать для сбыта, крепостные рабочие стремятся в города, чтобы производить для рынка. Цехи проводили эту тенденцию дальше и помогли ей одержать победу. Там, где цехи не одержали верха или же где их вообще не было, сохранилась замкнутая домашняя и племенная промышленность, например, в России.

На вопрос, кто появился на Западе раньше, *свободный* или *несвободный* ремесленник, нельзя дать общего ответа. Несомненно лишь, что несвободный ремесленник упоминается в источниках ранее, чем свободный. Далее, первоначально упоминается очень мало видов ремесла; в Салической правде²⁴ встречается только *faber*²⁵, который мог быть одинаково кузнецом, столяром или каким-либо другим рабочим. В Южной Европе уже в VI в. упоминаются свободные ремесленники, на севере — в VIII в.; начиная с эпохи Каролингов, они встречаются чаще.

Наоборот, цех появляется впервые на городской почве. Чтобы выяснить его возникновение, мы должны себе наглядно представить, что состав населения в средневековом

городе был разнообразным и привилегиями его пользовались не только жители свободного происхождения; большинство их было несвободно. С другой же стороны, повинности, платившиеся господину города, сходные часто с поместными или крепостническими, не были непременно обусловлены несвободным состоянием плательщика. Во всяком случае несомненно, что значительная часть городских ремесленников, быть может, и большинство, произошла от несвободных; в качестве *mercator* 'a²⁶ — технически это слово было равнозначно горожанину — допускался лишь тот, кто производил рыночный продукт и доставлял его на рынок как товар; большинство ремесленников первоначально находились в состоянии зависимости; наконец, ремесленник, поскольку и пока он оставался несвободным, подчинялся суду помещика-сеньора, но лишь в делах, подлежащих ведению этого суда, следовательно, поскольку и пока он имел надел на земле поместья и обязан был исполнять повинности по отношению к его сеньору; дела же, касавшиеся рынка, находились в ведении не поместного суда, а суда старост или городского суда, которому был подчинен ремесленник, не оттого, что он был свободным или несвободным, но поскольку он был *mercator* и, как таковой, являлся участником городской жизни.

В Италии, начиная с поздней римской эпохи, цехи, по видимому, существовали непрерывно*. Зато на севере невозможно себе представить цеха, права которого не были бы основаны на привилегиях, данных властью господина города; ведь только он один имел возможность предоставить принудительные права, необходимые для осуществления цеховой жизни. Цехам предшествовали, по всей вероятности, различного рода частные объединения, но мы о них ничего точно не знаем.

Первоначально сеньоры, которым принадлежали города, сохраняли за собой по отношению к цехам различные права; прежде всего они требовали права назначения старшин в силу того, что цехи несли по отношению к городу повинности военного и экономического характера (подати); имея в виду экономические, полицейские и военные интересы, сеньоры часто вмешивались в самую глубь промыш-

* L. M. Hartmann. Urkunde einer römischen Gärtnergenossenschaft vom Jahre 1030, Freiburg 1892; он же, Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter, Gotha 1904.

ленной жизни цехов. Все эти права сеньора, которому принадлежал город, цехи отвоевывали позднее революционным путем или выкупали за деньги у владельца. Вообще с самого начала им суждена была борьба. Они борются: прежде всего за право самостоятельно выбирать своих старшин и создавать свои уставы, иначе они были бы не в силах вести свою монопольную политику; далее — материально за принуждение вступать в цехи каждого, желавшего заниматься данным ремеслом, что им в большинстве случаев легко удавалось, так как это было в интересах самого господина; затем борются против налагаемых на них тягот, обязательных работ (сеньору и городскому совету) оброков (земельных и личных), полицейских штрафов (уже в 1099 г. в Майнце борьба ткачей за освобождение от трудовых повинностей окончилось в их пользу); они стараются скинуть с себя арендные платы, которыми их принудительно облагали; часто борьба кончалась тем, что цех откупался от всего этого денежной суммой, за которую он отвечал общей поручкой. Наконец, цехи борются против патронатной зависимости, особенно против заместительства их патронами перед судом и за политическое равноправие с городскими патрициями.

После одержанной в этой борьбе победы начинается специфически цеховая экономическая политика с тенденцией провести цеховую монополию. Противниками ее являлись прежде всего потребители. Они были неорганизованны, как сейчас и как всегда. Но их представителем мог быть город или местный государь, которые оба сильно противодействовали цеховой монополии. В интересах лучшего снабжения городских потребителей, город часто оставлял за собой право, несмотря на замкнутость цеха, назначать «вольных мастеров». Далее, город подчинил своему широкому контролю пищевую промышленность, учреждая городские бойни, мясные лавки, мельницы и пекарни, очень часто обязывая цеховых ремесленников обслуживать эти учреждения*. Такое право было тем легче осуществить, что цехи в первое время работали, во всяком случае, без основного капитала. Город боролся, затем, с преобладанием цехов путем установления максимальной рабочей платы и максимальных цен, между

* См., напр., *B. G. Adler, Die Fleischteuerungspolitik der deutschen Städte beim Ausgang des Mittelalters, Tübingen 1893.*

тем как цех устанавливал минимальную рабочую плату и минимальные цены. Цех должен был также бороться и с конкурентами. К ним принадлежали крепостные, в особенности монастырские ремесленники в деревне, но также и в городе. Монастыри, в противоположность светским сеньорам, связанным условиями военной жизни, и благодаря рационально поставленному хозяйству имели возможность устраивать различные мастерские и накапливать значительное имущество. Поскольку они работали на городской рынок, они являлись значительными соперниками для цехов. Последние вели против них ожесточенную борьбу. Еще во времена Реформации конкуренция монастырской промышленности являлась одним из побуждений, толкавших горожан стать на сторону Лютера²⁷. Наряду с этим идет борьба против деревенских ремесленников вообще, свободных и несвободных, занимающихся домашним и отхожим промыслом. В этой борьбе обычно деревенские ремесленники шли против цехового ремесла вместе с купцами. И все же мы наблюдаем в итоге явный упадок промышленности, домашней и родовой. В третью очередь борьба цехов была направлена против рабочих, которые еще не были мастерами, в тех случаях, когда цех принимал меры, чтобы в какой-нибудь форме ограничить число мастеров, замкнуть цех, или прибегал к средствам, затрудняющим получение звания мастера; сюда относится запрещение работать на свой собственный счет, а не на мастера, запрещение жить в собственном жилище (потому что иначе нельзя было контролировать подмастерьев и подчинять их домашней дисциплине) и связанное с этим запрещение жениться, прежде чем подмастерье не сделается мастером. Конечно, последнего запрета нельзя было провести на деле; наоборот, сложился особый разряд женатых подмастерьев. Цех ведет, далее, борьбу с купцами, особенно с розничными торговцами, которые снабжали городской рынок и доставляли продукты оттуда, где они производились всего дешевле. Розничная продажа была менее рискованной, чем оптовая, и давала верную прибыль. Розничные торговцы, в числе которых суконщики составляли типичную группу, были друзьями деревенских и врагами городских ремесленников, и борьба между ними и цехами является одной из наиболее ожесточенных схваток известных Средневековью. Наряду с борьбой против розничных торговцев ведется борьба внутри

одного и того же цеха и между отдельными цехами. Прежде всего там, где в цехе, наряду с ремесленниками, владеющими капиталом, встречались и ремесленники, лишенные его: в таких случаях открывалась возможность лишенному капиталу превратиться в домашнего работника, подчиненного владельцу капитала; затем происходили столкновения между цехами, владеющими капиталом и лишенными его, в пределах одного и того же производства. Родину этой борьбы, которая в Германии, Фландрии и Италии приводила к кровавым цеховым революциям, в то время как во Франции дело дошло только один раз до крупного взрыва, а в Англии переход к капиталистической системе производства произошел почти без революционного насилия — эту родину надо искать там, где производственный процесс дифференцируется слоями, а не путем расщепления на отрасли. Особенно в текстильной промышленности, где друг с другом рядом стояли ткачи, шерстобиты, красильщики, суконщики и т. д., возник вопрос, кто же из этих различных представителей отдельных стадий производства принудит остальных предоставить ему рынок, отдать большую часть прибыли и самих себя в его распоряжение в качестве домашних работников. Очень часто в подобных случаях победителями оставались шерстобиты (валяльщики) и принуждали всех остальных согласиться на то, чтобы они закупали сырой материал, приготавливали его и выносили на рынок, как готовый продукт. В других случаях выступали суконщики и ткачи, в Лондоне портные принудили представителей всех остальных предшествующих стадий производства пойти к ним на службу. В Англии, поэтому, в «цехах» появляются и сидят состоятельные господа, которые сами не прикасаются к прямому ремесленному труду. Часто борьба кончалась компромиссом, который все же в конце концов приводил к тому, что рынком овладевали носители какой-нибудь из производственных стадий. Типичным примером в этом отношении являются события, происшедшие в Золингене*²⁸; кузнецы, выделыватели мечей и их шлифовщики заключили в 1487 г. между собой после долгой борьбы договор, в силу которого для всех трех цехов рынок оставался свободным. В конце концов, рынком все-таки овладел один из них. В большинстве случаев

* A. Thun, Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter, 2 Teile Leipzig, 1879.

в этой борьбе рынком завладевали специалисты конечной стадии производственного процесса, ибо они легче других могли выйти на потребителя. Это всегда бывало в том случае, если определенный, окончательно обработанный продукт приобретал особенно хороший сбыт; так во время войн седельщики обладали наибольшими шансами подчинить себе простых кожевников. Или же победителем оставалась стадия производства с наибольшим капиталом: кто мог пользоваться самыми дорогими орудиями производства, тот мог принудить остальных работать на него.

§ 5. Разложение цехов и развитие системы скупки

G. Schmoller, Die Strassburger Tucher-und Weberzunft, Strassb. 1879; *A. Abram*, Social England in the 15 century, London 1909, 1—1, 117—130; *G. Unwin*, Industrial organisation in the 16 and 17 centuries, London 1904; Les métiers et les corporations de la ville de Paris, XIII siècle. Le Livre des métiers d'*Etienne Boileau*, publié par *R. de Lespinasse* et *F. Bonnardot*, Paris 1880; *É. Martin-Saint-Léon*. Histoire des corporations de métiers, 2. изд., Paris 1909; *G. Fagniez*, L'économie sociale de la France sous Henri IV, Paris 1897; *E. Gothein*, Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes, 1. Bd., Strassburg 1892; *L. Brentano*, Die Arbeitergilden der Gegenwart, 1. Bd., Leipzig 1871.

Наблюдаемое в конце Средневековья разложение цехов совершается в форме разнообразных процессов.

1. Происходит превращение ремесленников внутри цеха в купцов и скупщиков; мастера, обладающие хозяйственными средствами и способностями, закупают сырой материал, поручают работу другим членам цеха, заставляя их выполнять производственные функции, и продают готовый продукт. Это противоречит цеховой организации. Однако, подобный процесс типичен для английского цехового развития. Особенно в Лондоне и других больших городах, несмотря на ожесточенную борьбу цеховой демократии против «олдерменов»²⁹, цехи превратились в торговые союзы (*livery-companies*), в которых равноправными считались только сочлены, производившие для рынка, в то время как опустившиеся на степень наемных и домашних рабочих теряли право голоса при выборах и благодаря этому не могли

участвовать в цеховом контроле*. Однако, лишь такой поворот давал возможность развития техники, в то время как господство цеховой демократии обрекало ее на застой. В Германии мы не встречаем подобной формы развития; если там ремесленник превращался в скупщика, то он переменил свой цех и переходил к лавочникам, портным или констаблям (знатным купцам, занимавшимся ввозом и вывозом).

2. Происходит усиление одного цеха за счет других. Подобно тому, как внутри многих цехов выделяются мастера-купцы, так и целый ремесленный цех может превратиться в торговый и подчинить себе остальные. Это возможно там, где производственный процесс разделяется как бы в поперечных разрезах. Примеры этого мы находим в Англии (*merchant-tailors*)³⁰ и в других местах. Именно XIV столетие было временем борьбы одних цехов за свою независимость от других. Часто оба процесса протекают рядом: внутри отдельных цехов часть мастеров превращается в купцов и одновременно некоторые цехи развиваются в торговые организации. Симптомом этого процесса всегда бывает слияние цехов. Оно встречается в Англии и Франции, но не в Германии. Противоположность этого процесса составляет расщепление цехов и образование единого союза купцов, как особенно часто повторяется в XV и XVI вв.: например, торговцы шерстобитного, ткацкого и красильного цехов заключают между собой союз и сообща руководят всем данным ремесленным производством; так совершенно разнородные производственные процессы оказываются объединенными на почве мелкого производства.

3. Там, где сырой материал очень дорог и ввоз его требует значительного капитала, цехи подпадают под зависимость от импортеров. В Италии** толчок к этому процессу дал ввоз шелка — так было в Перудже³¹, — на севере повлиял ввоз янтаря. То же действие производит появление новых сырых материалов; таково было влияние хлопка; как только он сделался предметом первой необходимости, наряду с цехами или же путем их преобразования, возникли

* B. H. Hauser, *Ouvriers du temps passé*, 2-е изд. Paris, 1906, стр. 119.

** R. Broglio d' Ajano, *Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters*, Stuttgart 1893; H. Sieveking, *Die Geneser Seidenindustrie im 15. Jahrh.*, Schmollers Jahrb. XXI, 1897.

который направлял всю историю немецкого хозяйства. Каждый немецкий город вел самостоятельную цеховую политику, пока был в состоянии, и даже в то время, когда уже вошел в состав государственной территории. Наоборот, в Англии и Франции города очень рано перестали вести самостоятельную хозяйственную политику, потому что автономия их была урезана. Английские города могли легко удовлетвориться тем, что получили своих представителей в парламенте, а в XIV и XV вв. (в противоположность более позднему времени) даже значительное большинство парламентских представителей происходило из городских кругов. В эпоху Столетней войны с Францией³⁴, парламент руководил английской политикой, и объединившиеся в нем промышленники вели рациональную единообразную экономическую линию. В XVII в. устанавливается единообразная рабочая плата, от мировых судей отнимается право устанавливать таксу на наемную плату и передается в центральную инстанцию, наконец, облегчаются условия вступления в цех; это симптом того, что капиталистическое купечество, преобладавшее в цехах и посылавшее представителей в парламент, захватило власть в свои руки. В противоположность этому в Германии города, вошедшие в состав государственной территории княжеств, сохранили цеховую политику в своих руках; правда, государи в интересах порядка и спокойствия контролировали цехи, но производили этот контроль умеренно и уважая старину, в духе прежней цеховой политики. Поэтому, в решающий период XVI и XVII вв. цехи сохранили свое существование; их замыкание могло совершиться, а поток капитализма, освобожденного от уз, пронесшись через Англию, Нидерланды и, в более слабой степени, через Францию, оставил Германию на заднем плане: она так же мало принимала участие в раннем капиталистическом движении конца средних веков и начала нового времени, как несколько столетий тому назад и в рыцарском движении.

Второе характерное отклонение вытекает из различия в напряженности социальных взаимоотношений. В Германии на исходе средних веков мы встречаем союзы, стачки и восстания, совершаемые подмастерьями*. В Англии и Франции они постепенно становятся все реже, потому что там

* G. Schanz, Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände, Leipz. 1877.

готовых фабрикатов. Своеобразной чертой этого развития является то, что система скупки усиливается благодаря деревенским ткачам и городским купцам. Английские цехи превратились главным образом в торговые союзы и могли себе позволить в конце Средневековья привлекать деревенских ремесленников. С этих пор заготовщик и красильщик жили в городе, а ткач — в деревне. Внутри городских торговых цехов возгорелась, наконец, борьба между красильщиками и заготовщиками, с одной стороны, и экспортерами, с другой. Экспортный капитал и капитал предпринимателей-скупщиков разделились в области шерстяного производства при королеве Елизавете³³ и в XVII в. шла борьба между их противоречивыми интересами; вместе с тем, с другой стороны, капитал скупщиков должен был бороться с цехами, что было первой борьбой между промышленным и торговым капиталом. Это положение, которое впоследствии становится характерным для всех отраслей крупной английской промышленности, послужило причиной того, что английские цехи окончательно потеряли всякое влияние на развитие производства.

Дальнейший ход развития в Англии и во Франции пошел иными путями, чем в Германии, именно вследствие различных отношений между капиталом и цеховым ремеслом. В Англии, особенно же во Франции, переход к системе скупки составляет общее явление. Сопротивление этому процессу прекратилось автоматически, без какого-либо вмешательства сверху. Вследствие этого в Англии с XIV в. рабочих сменяют мелкие мастера. Нечто совершенно обратное произошло в Германии. В Англии процесс развития, описанный выше, несет с собой гибель старого цехового духа. Там, где мы встречаем смешение и слияние различных цехов, действительным фактором процесса является купечество, которое не хочет стеснять себя рамками цеха. Поэтому, внутри цехов оно объединяется и исключает оттуда мастеров, не имеющих капитала. При этом формально цехи сохранялись еще долгое время; избирательное право в лондонском Сити, которое было ни чем иным, как организацией богатых патрициев, является остатком цехового строя. В Германии мы наблюдаем обратный процесс развития. Здесь, вследствие сужения площади питания, возростала замкнутость цехов; в том же направлении действовали и политические моменты. В Англии нет городского партикуляризма,

предприятия для скупки; это имело место в Германии где в этом развитии значительное участие принимали Фуггеры³².

4. Цехи попадают в зависимость от *купцов-экспортеров*. Только в ранней стадии хозяйственной жизни промышленность могла самостоятельно сбывать свои продукты. Но как только промышленность по существу или в сильной степени становилась в зависимости от экспорта, без скупщика нельзя было обойтись. Отдельный цеховой ремесленник не удовлетворял требованиям экспорта. Зато купец, владеющий необходимым капиталом, один только знал условия и возможности сбыта и смотрел на это, как на свою профессиональную тайну.

Гнездом системы скупки сделалась текстильная индустрия*; возникновение ее скрывается в глубине раннего Средневековья. Начиная с XI в., происходит борьба шерсти со льном, подобно тому как в XVII и XVIII вв. будет бороться шерсть с хлопком и последний победит. Карл Великий носил только полотняную одежду, а позднее, вместе с возраставшим ослаблением войн, росла потребность в шерсти, но одновременно с корчеванием леса под пахотную землю исчезали пушные звери, так что меха становились все дороже. Шерстяной продукт явно преобладает на средневековом рынке; всюду во Франции, Англии, Италии он играет главную роль. Правда, шерсть отчасти перерабатывается в деревне, но она же затем делается основой величия и хозяйственного расцвета средневекового города: во главе городских революций во Флоренции идут цехи суконщиков. Здесь мы уже в раннюю пору встречаем признаки системы скупки. Еще в XIII в. отдельные скупщики шерсти в Париже работают для определенного постоянного рынка на ярмарках в Шампани. В широких размерах мы встречаем затем ту же систему во Фландрии, позже в Англии, где фландрская шерстяная промышленность вызвала массовое производство шерсти; вообще шерсть в форме сырого материала, полуготового и готового продукта, определяет ход развития английского хозяйства. Уже в XIII и XIV вв. Англия вывозит некрашенные и неготовые полуфабрикаты. По требованию красильщиков и заготовщиков одежды английская шерстяная промышленность обращается к экспорту

* L. Duchesne, Révolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre, Paris 1900; P. Pirenne, Geschichte Belgiens, 1—4. bd., Gotha 1899—1913; J. Burnley, The history of wool and wool combing, London, 1889; A. Doren, указ. соч.

подмастерьев привлекала к себе мнимая самостоятельность мелкого домашнего мастера, работающего у себя непосредственно на скупщика. В Германии, наоборот, такой кажущейся самостоятельности не было, так как там не существовало скупщиков и последствием замкнутости цехов было установление враждебных отношений между мастерами и подмастерьями.

Ранняя западно-европейская капиталистическая скупочная система не всегда и не обязательно развивалась из ремесла (всего менее в Германии, гораздо более в Англии), но очень часто возникала *наряду* с ремеслом, причем она привлекала вместо городской деревенскую рабочую силу или же создавала другие отрасли промышленности, благодаря появлению новых сырых материалов (в особенности хлопка). При этом ремесло боролось со скупочной системой, насколько это было в его власти, гораздо сильнее и удержалось дольше, чем в Англии и во Франции.

Типичными моментами скупочного производства (*Verlags-system*) являются: 1. Чисто фактическая монополия скупки предпринимателем по отношению к ремесленнику (кустарю). Скупочная монополия возникает вследствие задолженности работника: скупщик принуждает ремесленника отдавать продукт исключительно ему одному на том основании, что он, в качестве купца, лучше знает потребителя. Следовательно, скупочная монополия связана через скупщика с монополией продажи и монополизацией рынка предпринимателем; только он один знает, где окончательно сбывается товар. 2. Доставка сырого материала скупщиком. Она нередка, но не всегда, с самого начала бывает связана с монополией скупки у предпринимателя. Эта форма развития достигалась на Западе временами, во внеевропейских же странах только редко. 3. Контроль над процессом производства. Скупщик заинтересован в нем потому, что ему нужен, по возможности, продукт одинакового качества. Таким образом нередко доставка сырого материала ремесленнику связывается с доставкой полуфабрикатов, как, например, в XIX в. вестфальские льняные ткачи должны были изготовлять основу и пряжу установленного образца. 4. С этим нередко, но и не очень часто, была связана доставка скупщиком орудий производства — в Англии уже начиная с XVI в., на континенте же это распространялось медленнее. В общем это отношение ограничилось текстильной промышлен-

ностью; следует массовый заказ ткацких станков для скупщиков, которые потом отдают их в пользование рабочим на дом; таким путем у рабочего отнимаются все средства производства и вместе с тем предприниматель старается захватить в свои руки монополию на сбыт товара. 5. Скупщик переходит к комбинированию различных процессов производства в одних руках (но это случается не очень часто и скорее всего в текстильной промышленности): он закупает сырой материал и передает его отдельным рабочим, у которых продукт и остается до окончательной обработки. Когда эта стадия достигнута, ремесленник вновь попадает под власть хозяина в том же смысле, как и ойкосный ремесленник, с той лишь разницей, что он получает денежное вознаграждение, а место крупного домашнего хозяйства занимает крупный предприниматель, производящий для рынка.

Скупочная система просуществовала очень долго благодаря *слабому развитию основного капитала*: в ткацком ремесле он сводится к ткацкому станку (в прядильном до изобретения механической прядильной машины он был еще ничтожнее). Он оставался во владении отдельных рабочих; отдельные составные его части были децентрализованы, а не концентрированы, как в современной фабрике, и поэтому сам по себе он не имел существенного значения.

Несмотря на широкое распространение такого нового вида домашней промышленности по всему миру, последний момент ее — доставка орудий производства и влияние скупщика на отдельные моменты производства — достигался вне пределов Запада сравнительно редко. Насколько известно, из античного мира до нас не дошло никаких следов такой организации обрабатывающей промышленности*, в то время как она встречается в Китае и Индии. Там, где она господствует, может несмотря на это, формально существовать и ремесленное мастерство. Может даже сохраняться цех с подмастерьями и учениками; но он лишается первоначального смысла: или он превращается в цех домашних работников (но не в современную мастерскую, а только предвестницу ее), или внутри цеха происходит разделение на домашних ремесленников и наемных рабочих.

Мы находим домашнюю промышленность в виде использования несвободной рабочей силы предпринимателями-

* H Francotte, L'industrie dans l'ancienne Grèce, 2 vol. Bruxelles, 1900—1901.

скупщиками, распространенной по всему миру в рамках помещного, монастырского и храмового хозяйства. В свободной форме оно встречается, как эксплуатация ремесленной работы крестьян; крестьянин постепенно превращается в домашнего промышленного рабочего, производящего для рынка. Такую форму развития промышленности приняла главным образом в России. «Кустарь» первоначально выносит лично на рынок или продает в розницу по мелочам через третье лицо только излишек своего домашнего производства: здесь мы встречаем крестьянское домовое ремесло, которое не прокладывает пути к промышленности племенной или местной, но переходит в систему скупки. То же явление мы встречаем на Востоке и в Азии; на Востоке, правда, оно было сильно смягчено системой базаров: мастерская ремесленника отделяется от его жилища и помещается очень близко от общего центрального места продажи, чтобы по возможности избежать зависимости от купца; это, до известной степени, является усилением средневековой системы цехов.

Кроме зависимости крестьян от скупщика, мы встречаем также зависимость от него городских ремесленников. Лучшим примером этого служит Китай; но здесь род сам продает продукт, произведенный его членами, так что связь с производством родовой общины препятствует развитию «скупной промышленности». В Индии касты не допускали полного порабощения ремесленника купцом. Купец не имел возможности уже в очень ранний период захватить в свои руки средства производства, как в других местах, потому что касты владели ими наследственно. Несмотря на это, система отдачи работы кустарям развилась и здесь в примитивной форме. Последняя и главная причина того, что в этих странах, по сравнению с Европой, дело остановилось в своем развитии, заключается в существовании несвободных рабочих и религиозной традиционности Китая и Индии.

§ 6. Производство в мастерских. Фабрика и ее предшественники

E. Levasseur, см. выше стр. 17; *R. W. C. Teylor*, Introduction to a History of the Factory System, London 1896; *A. Julin*, Les grands fabriques en Belgique vers le milieu du 18 siècle (Mémoires publiés par l'académie royale des sciences,

63); G. Martin, La grande industrie sous le règne de Louis XIV, Paris 1899; Его же, La grande industrie en France sous le règne de Louis XV, Paris 1900; O. Pringsheim, Beiträge zur wirtschaftlichen Entwicklungsgeschichte der Vereinigten Niederlande im 17 und 18 Jahrhundert, Leipzig 1890; J. F. Thorold-Rogers, Six centuries of work and wages: the history of English labour, 2. изд. London 1912; В. Зомбарт. Современный капитализм. Русс., пер. с 5-го нем. изд. 2 т. Пгр. 1923 г.; G. F. Steffen, Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter. 1 Bd., Stuttgart 1901; A. des Gillenls, Histoire et régime de la grande industrie en France aux 17. et 18 siècles, Paris 1898; L. Mosnier, Origines et développement de la grande industrie en France. Paris 1898; K. Prihram, Geschichte der österreichischen Gewerhepolitik von 1740—1860, 1 Bd., Leipzig 1907.

Работа в мастерских, под которой в противоположность работе на дому надо подразумевать обособление домашнего хозяйства от промышленности, развивается в истории различными путями. Формы эти следующие:

1. *Обособленные небольшие мастерские.* Они встречаются всегда и везде; особенно система базаров, с соединением в одном месте большого количества мастерских для облегчения производства, основана именно на таком обособлении. 2. *Эргастерий.* Он также был широко распространен; в средние века он обозначался словом *fabrica*. Выражение это многозначно и может одинаково прилагаться к какому-нибудь подвалу, нанятому товариществом для мастерской, так же как и к поместной ремесленной оборудованной мастерской с правом банналитета. 3. *Несвободное производство в мастерских крупных размеров.* Оно часто встречается в истории хозяйства и в довольно разнообразных формах; наибольшего же развития оно достигло в позднюю эпоху египетской истории. Произошло оно, несомненно, из колоссального ойкаса фараона; оттуда же, по-видимому, развились отдельные мастерские с наемной работой; первыми подобными производственными единицами были верхнеегипетские хлопчатобумажные мастерские в эпоху позднего эллинизма; но более точное суждение можно высказать только после ознакомления с источниками византийской и мусульманской культуры. Возможно, что такие мастерские существовали также в Индии и Китае и они же типичны для России; но здесь они являются подражанием западно-европейским образцам*. Прежняя наука, а также Карл Маркс, любили подчеркивать различия между фабрикой и

* Сравн. указанный выше на стр. 92 труд М. И. Туган-Барановского.

мануфактурой. Согласно такому взгляду мануфактурой называлась работающая мастерская со свободным трудом, не располагавшая механической силой, но соединявшая рабочих в одном помещении и дисциплинировавшая их труд. Но вряд ли правильно держаться такого казуистического различия. Фабрика является скорее всего промышленной мастерской со свободным трудом и с основным капиталом. Формы воплощения основного капитала не имеют здесь значения: это может быть и дорогой ворот с конной тягой или водяной силой. Решающим является то, что предприниматель работает с основным капиталом, так как с этим неизбежно связана капиталистическая система. Фабрика в этом смысле представляет собой, следовательно, капиталистическую организацию производственного процесса, т. е. организацию специализированного и комбинированного труда в мастерской с использованием основного капитала и одновременно с капиталистическим расчетом.

Экономически необходимым условием для возникновения *фабрики* в этом смысле и для ее существования является *массовый и постоянный сбыт*, следовательно, определенная организация рынка. Непостоянный рынок для предпринимателей неприемлем, так как риск конъюнктуры покоится на его плечах; если ему принадлежат, например, ткацкие станки, то он должен вычислить их стоимость, не рассчитывая на возможность при неблагоприятных условиях выбросить ткачей на улицу. Рынок, на который он рассчитывает, должен быть не только широким, но также и относительно постоянным. Для этого опять необходима известное наличие покупательной денежной силы.

Денежное хозяйство должно достигнуть соответствующей степени развития, чтобы была возможность рассчитывать на определенный сбыт. Вторым предварительным условием является относительно *дешевая техника производственного процесса*. Такое требование обуславливается основным капиталом, потому что он вынуждает предпринимателя продолжать производство даже при неблагоприятных условиях; если же он дает работу кустарным ремесленникам, то сваливает на них убыток, останавливая (в текстильной промышленности) их станки. Но чтобы найти постоянный рынок, производство должно быть более дешевым, чем традиционная техника домашней промышленности и кустарная промышленность.

Наконец, возникновение фабрики связано с определенной социальной предпосылкой: наличием достаточного количества свободных рабочих; она не может быть основана на рабском труде.

Необходимую для современной фабрики *свободную рабочую силу* можно было найти в достаточном количестве только в Западной Европе, так что возникновение фабричной системы была возможно только здесь. Эта масса рабочих образовалась в классической стране позднейшего фабричного капитализма, в Англии, благодаря обезземеливанию крестьян. Англия, вследствие своего островного положения, не нуждалась в большой армии, но могла довольствоваться небольшим хорошо обученным наемным войском и ополчением, собираемым по необходимости. Поэтому ей не была знакома защита крестьян, и несмотря на то, что она очень рано стала объединенным государством и могла вести единую хозяйственную политику, она превратилась в классическую страну обезземеливания крестьян. Брошенная тем самым на рынок огромная рабочая сила сделала возможным развитие как системы скупки, так и малого мастерства, а позже фабричного производства. Пролетаризация сельского населения еще в XVI в. создала такую массу безработных, что Англии пришлось уже тогда разрешать проблему призрения бедных. В то время, как в Англии фабричные мастерские возникли до некоторой степени сами собой, на континенте государство вынуждено было создавать их по заранее определенному плану*. Начиная с конца XV в., одновременно с присвоением всех источников заработка, увеличивается нужда и проблема нищеты выдвигается все более настойчиво. Поэтому в Германии первые фабрики появляются, как учреждения для призрения бедных и рабочих и носят принудительный характер. Возникновение мастерских здесь является просто функцией роста народонаселения при тогдашней хозяйственной системе: когда цех оказался не в состоянии обеспечить населению необходимых средств существования, стал возможным переход к системе мастерских.

Предшественники фабричной системы на Западе. Цеховое производство представляет собой промышленность без

* Поэтому из английских источников мы узнаем о возникновении мастерских гораздо меньше, чем из континентальных, так как там государство не было вынуждено заботиться об их развитии.

основного капитала и не нуждается, поэтому, в больших расходах по оборудованию. Но уже в средние века существовали отрасли промышленности, требовавшие такового. Эти производства были так организованы, что оборудование производилось сообща городом или цехом или же одним помещиком-сеньором. До средних веков (и вне Европы) существовали уже оборудования оikosного хозяйства.

К таким промышленным оборудованьям в типе мастерских, которые стоят рядом с цеховым ремеслом, относятся:

1. Различного рода *мельницы**. Они первоначально строились сеньорами или господами города; в особенности это относится к водяным мельницам, на которые затем владелец, в силу водной регалии³⁶, распространял право собственности. Обыкновенно они соединялись с правом банналитета: иначе не было бы возможным их существование. В большинстве случаев они находились во владении монастырей, светских собственников, городов или территориальных государей: маркграфы Бранденбургские³⁶ владели в 1337 г. в Неймарке не менее, чем 56 мельницами. Мельницы были небольшого размера; но их постройка все еще превышала средства отдельных мукомолов. Отчасти они приобретались городами. Обыкновенно они отдавались тогда государями или городами в аренду, часто наследственную. Производство было всегда мелким. Все это относится не только к зерновым мельницам, но также и лесопильным, маслобойным, валяльным и т. д. Иногда князь или город отдавали мельницу в наем городским патрициям и так возникал городской мельничный патрициат. Около конца XIII в. в Кёльне патриции, владевшие тринадцатью мельницами, соединились в товарищество, распределявшее прибыль пропорционально участию; однако, от акционерной компании оно отличалось тем, что пользовалось мельницами, отдавая их в наем, следовательно эксплуатировало их, как источник ренты.

2. *Пекарни*. Только вотчинные, монастырские, городские и княжеские пекарни могли быть оборудованы с техническим совершенством, требующим больших расходов. Сначала они были построены для собственных потребностей; впоследствии же служили, как отдававшиеся в аренду пекарни и составляли банналитет.

* C. Koehne, Das Recht der Mühlen bis zum Ende Karolingerzeit, Breslau, 1904; Ed. Schulte, Das Gewerberecht der deutschen Weistümer, Heidelberg, 1909.

3. *Пивоварение**. Большинство пивоварен носило первоначально сеньориальный характер и, снабженные банналитетом, они предназначались для покрытия потребностей хозяйства поместья. Впоследствии князья стали отдавать пивоварни в аренду и вообще повели производство на концессионных началах; это произошло в то время, когда начался массовый сбыт пива и возникла опасность, что большое количество стоящих близко одна от другой пивоварен не будет приносить достаточного дохода для уплаты сбора. В городах, кроме приготовления домашнего пива, существует пивоваренный банналитет, который обнаруживает, что это предприятие приносит барыш, следовательно, пивоварение было рассчитано на сбыт. Право пользования пивоварней составляло одно из важных преимуществ патрициев. С прогрессом пивоваренной техники, прибавлением хмеля, приготовлением густого пива при помощи более крепкой варки, явился особый вид права на пивоварение, которое было присвоено отдельным семьям городских патрициев, сумевших раньше всех перейти к таким усовершенствованным способам производства. Рядом с этим стояло право свободной варки; каждый горожанин, обладавший правом на пивоварение, мог пользоваться городской пивоварней. Таким образом и в пивоваренной промышленности мы видим предприятия без основного капитала, но с производством на общинных началах.

4. *Литейная промышленность*. Она сделалась крайне важной после изобретения огнестрельного оружия. Италия со своими *bombardieri* шла впереди остальных западных государств. Первоначально литейные мастерские были городскими учреждениями, так как города раньше всех стали применять артиллерию, причем Флоренция шла впереди всех. От городов артиллерию переняли княжеские войска и таким образом возникли княжеские литейные мастерские. Но как городские, так и княжеские литейные мастерские не были капиталистическими предприятиями, а служили лично хозяйственным и военно-политическим интересам владельца и работали без наличия основного капитала.

5. *Молотобойные мастерские*. Они возникли вместе с упорядочением обработки железа. Наиболее значительное

* Ср., напр., J. Grewe, Das Brangewerbe der Stadt Münster bas zum Ende der fürstbischöflichen Herrschaft im lahre 1802, Leipzig, 1908.

оборудование появилось в области горной промышленности, в рудниках и при добыче соли.

Все эти производственные единицы эксплуатировались общинно-хозяйственным, а не капиталистическим способом. *Частно-хозяйственное* оборудование, соответствующее первой ступени в развитии основного капитала, следовательно, требовавшее сосредоточения в руках одного предпринимателя и мастерской, и орудий производства, и сырого материала (так что для полной картины современной фабрики не достаёт только ещё больших машин и механических источников силы), единично встречается в XVI, может быть уже в XV столетии, но для XIV — оно маловероятно. Прежде всего появляется промышленность с концентрацией труда. Такое производство, очень сходное с эргастерием, существовало всегда и во все времена. Но то, о котором сейчас идет речь, в отличие от эргастерия является промышленностью со свободным трудом. Правда, дело нигде не обходилось без давления нужды. У рабочих, вступавших в подобные предприятия, не было свободы выбора, так как они абсолютно не могли доставать самостоятельно работу и орудия производства; впоследствии в целях призрения бедных стали насильно втискивать людей в такие предприятия. Организацию подобной мастерской, а именно текстильной, описывает нам одно английское стихотворное произведение XVI в.* В мастерской собрано двести ткацких станков; они принадлежат владельцу мастерской, который является и предпринимателем; он доставляет также сырой материал и присваивает продукт. Ткачи работают за наемную плату, причем упоминается также о детском труде и работе подмастерьев; это первые зачатки концентрации труда. Для пропитания работников предприниматель содержит целый штаб рабочих, изготавливающих пищевые продукты: мясников, пекарей и т. п. Предприятие прославлялось как мировое чудо; даже король посещал его. Но в 1555 г., по жалобам цеховых ремесленников, он запретил всякую подобную концентрацию. То что подобное запрещение могло последовать, очень характерно для хозяйственных отношений того времени. Уже в XVIII в. не могло быть и речи о возможности закрытия крупных промышленных

* Самое интересное место напечатано у В. Элли. Экономическая история Англии. М., 1899.

предприятий, хотя бы с точки зрения фискальных и экономико-политических интересов государства. Но тогда это было еще возможно; ибо с внешней стороны описанное предприятие отличалось от кустарно-капиталистической промышленности только тем, что ткацкие станки были собраны в помещении владельца. Для предпринимателя это было связано с большими преимуществами; впервые явилась возможность дисциплинировать труд; можно было контролировать однородность качества продукта и его количество. Для рабочего, разумеется, это было невыгодно (что и сейчас составляет причину ненависти к фабричному труду), и он подчинялся только под давлением обстоятельств. Но указанное преимущество было соединено для предпринимателя с большим риском; когда в качестве скупщика он отдавал ткацкие станки внаем, возможность, что они будут сразу разрушены вследствие несчастной случайности или человеческими руками, была гораздо менее вероятной, чем при концентрации их в одном помещении; саботаж и бунт также были менее вероятны. В общем все дело представляло собой, однако, еще только объединение мелких единиц производства в одном помещении. Поэтому, так легко могло в 1543 г. появиться в Англии запрещение держать более двух станков; так разрушался только эргастерий, но не организация специализированного и комбинированного труда.

Новые течения выступили с силой только вместе с *технической специализацией и соединением труда* и одновременно с использованием *иными источниками силы, кроме живой силы человека*. Предприятия, в которых применяется специализация и соединение труда, в XVI в. являются еще редким исключением; для XVII и XVIII вв. стремление к их устройству становится уже типичным. В качестве внечеловеческих источников силы выступает сначала сила животных (конный ворот), позже силы природы, а именно: прежде всего вода, затем воздух; голландские ветряные мельницы служили первоначально для осушения полей³⁷. Там, где мы встречаем соединенными вместе рабочую дисциплину в мастерской, техническую специализацию, соединение труда и использование источников внечеловеческой силы, мы непосредственно находимся перед возникновением *современной фабрики*. Первый толчок к этому развитию дала горная промышленность, раньше всех приме-

нившая воду, как источник силы; именно она пустила в ход процесс капиталистического развития.

Необходимым предварительным условием для перехода производства в мастерской к специализации и комбинированию труда, с применением основного капитала, служило, кроме всего прочего, как мы уже видели, наличие постоянного рынка с определенным минимальным спросом. Этим объясняется, почему мы прежде всего встречаем такое крупное специализированное производство с внутренним разделением труда и основным капиталом в предприятиях, работающих для *политических целей*. Первыми предшественниками их являются княжеские монетные дворы в средние века; в виду необходимости контроля это производство отличалось строго замкнутым характером; монетки, носящие название «домочадцев» (Hausgenossen), работают при помощи очень простых орудий производства; но встречаются мастерские с широкой внутренней специализацией труда. Здесь мы уже открываем отдельные признаки позднейшей фабрики. В крупном размере и с более высокой степенью развития техники и организации подобные предприятия основывались для производства оружия, затем для изготовления форменной одежды, с тех пор как постепенно входило в обычай, чтобы государь обмундировывал армию. Введение форменной одежды указывает на массовую потребность в военной амуниции и обмундировании и, наоборот, фабричное производство ее могло возникнуть лишь после того, как войны создали рынки. Наконец, к этой группе принадлежат еще другие предприятия для военных нужд, и на первом месте пороховые заводы. Наряду с потребностями войска стоит потребность в *предметах роскоши*, обеспечивающая верный сбыт. Она создает фабрики гобеленов и ковров (после крестовых походов при княжеских дворах входит в обычай украшать ими, по примеру восточных дворов, прежде остававшиеся голыми стены и полы), золотых и фарфоровых изделий (китайские императорские эргастерии послужили здесь образцом для княжеских мануфактур на Западе), оконных и зеркальных стекол, бархата, шелка, вообще тонких тканей, мыла (происхождение его относительно позднее; в античном мире его заменяли растительные масла) и сахара — все для потребления высших слоев общества. Второй разряд подобных

предприятий служит целям демократизации роскоши и удовлетворению потребностей к роскоши в широких массах путем подражания производству, предназначенному для высших. Кто не может достать гобеленов и не в силах оплатить предметы искусства, захочет все же оклеить стены бумагой. Отсюда весьма рано возникают фабрики обоев. Далее сюда относится приготовление синьки, крахмала и цикория: масса при помощи суррогатов создает себе замену предметов роскоши, которыми пользуются высшие слои общества.

Для всех этих продуктов, за исключением перечисленных в конце, рынок еще очень ограничен. Его составляют рыцарские круги, владеющие замками или домохозяйствами, подобными замковым. Поэтому вся эта промышленность могла быть жизнеспособной, только опираясь на монополию и государственную концессию. Правовое положение новых отраслей промышленности было непрочным по сравнению с цехами. Они противоречили цеховому духу и казались, поэтому, для цехов подозрительными. Если они не поддерживались государством или, по крайней мере, не получали от него субсидии, то старались приобрести хотя бы значительные привилегии или концессии. Государство их давало, во-первых, для того, чтобы обеспечить потребности господских хозяйств, затем в целях призрения излишка населения, которое не могло больше найти приюта внутри цехов и, наконец, на основании фискальных причин, чтобы поднять платежеспособность населения вообще.

Так Франсуа I³⁸ основал во Франции фабрику оружия в Сент-Этьене и фабрику обоев в Фонтенбло. Этим начинается серия привилегированных *manufactures royales* (королевских мануфактур) для удовлетворения государственных нужд и потребностей высших слоев в предметах роскоши. Промышленное развитие Франции, которое здесь начинается, в дни Кольбера³⁹ принимает другую форму. Роль государства была облегчена тем, что здесь, как и в Англии, существовали места, свободные от цехов, так как цеховая организация распространялась не всегда на весь город, где находился цех; например, значительная часть Парижа лежала вне области цеховых монополий, так что в этом «*milieu privilégié*» («привилегированная территория») могли быть основаны предшественники современной фабрики, не вызывая против себя никаких возражений.

В Англии цехи составляли чисто городские организации; за пределы города цеховое право не распространялось. Поэтому, фабричная промышленность по примеру кустарной промышленности и производства в мастерских, основывалась в местах, которые не были городами, и потому до билля о реформе 1832 г.⁴⁰ промышленность не имела представителей в парламенте. Впрочем, в Англии до конца XVIII в. мы не встречаем почти никаких сведений о подобных мануфактурах. Однако, несомненно, они существовали. Причиной этого служит скорее всего то обстоятельство, что мануфактура могла здесь обойтись без государственной поддержки, так как могущество цехов было уже настолько подорвано, что для борьбы с ними не требовалось больше никаких привилегий. Кроме того, надо признать, что переход к фабричному производству совершился бы здесь быстрее, если бы положение дел было таким же, как и в Германии, и если бы не существовало возможности более дешево производить при системе мелкого мастерства.

В Нидерландах нам также почти ничего не известно о государственных привилегиях. Тем не менее в Амстердаме, Гаарлеме, Утрехте⁴¹ в сравнительно раннюю эпоху было основано гугенотами⁴² много фабрик (для изготовления зеркал, шелка и бархата).

В Австрии, с одной стороны, правительство в XVII в. пыталось время от времени привлекать фабрикантов при помощи привилегий, которые должны были дать им защиту от цехов; с другой стороны, мы встречаем там фабрики, основанные крупными феодальными сеньорами, из которых первой была шелковая фабрика графов Синцендорфов в Чехии.

В Германии первая мануфактура возникает на городской почве, а именно, в XVI в. в Цюрихе; гугеноты-эмигранты производили здесь и шелк и парчу. Затем быстро последовало широкое распространение их в немецких городах. В Аугсбурге в 1573 г. мы встречаем производство сахара, а в 1592 г. — золотой парчи, в 1593 г. в Нюрнберге — мыла, в 1649 г. — красильню в Аннаберге, в 1676 г. — мануфактуру тонких тканей в Саксонии, в 1686 г. — суконные мануфактуры в Галле и Магдебурге⁴³, в 1698 г. — в Аугсбурге промышленное изготовление золотой проволоки, наконец, в XVIII в. повсеместно — фарфоровые мануфактуры, отчасти княжеские, отчасти субсидируемые князьями.

Следует обратить внимание на получающийся отсюда общий вывод, что фабрика возникла *не из ремесла* и не за счет его, но прежде всего *наряду* с ним. Сперва она захватила новые формы производства или новые продукты, например, хлопок, фарфор, золотую парчу или же различные суррогаты, все продукты, которые не изготовлялись цеховым ремеслом и которыми она могла составить им конкуренцию. Массовые захваты со стороны фабрики в сфере ремесла, относятся в сущности только к XIX в., подобно тому как захваты ее в области кустарной системы, а именно текстильной промышленности, произошли в XVIII столетии. Несмотря на это, ремесло боролось против фабрики и предшествовавших ей замкнутых мастерских и боролось по принципиальным основаниям, так как видело в новой форме производства угрозу для себя. Фабрика возникла точно так же не из системы скупки, но *наряду* с ней. Вопрос о том, что будет — кустарная промышленность или фабрика, решался основным капиталом. Там, где нет нужды в основном капитале, кустарная промышленность продолжается и до нашего времени. Там, где он был необходим, возникла фабрика, но не из кустарной промышленности, а благодаря тому, что оборудование, принадлежавшее первоначально сеньору или городу, переходило к предпринимателю, и благодаря тому, что доставка продукта на рынок совершалась путем частной инициативы. В заключение следует обратить внимание на то, что современная фабрика не создана одной машиной, но что существует взаимодействие между обоими явлениями. Машинное производство прежде всего пользовалось силой животных: даже первая прядильная машина Аркрайта (1768 г.)⁴⁴ приводилась в движение лошадьми. Специализация работы и дисциплинирование внутри мастерской составили, однако, условие, даже дали толчок к усиленному применению и усовершенствованию машин. За изобретение новых машин назначались премии. Принцип их — поднятие воды огнем — заимствован у горной промышленности и основан на применении парового двигателя. Экономически появление машины означало установление правильной калькуляции издержек производства.

Возникновение современной фабрики привело к необычайно широким последствиям как для *предпринимателя*, так и для *рабочих*.

Образование мануфактур уже до применения машин означало сосредоточение рабочих в мастерской, которая не была ни их собственным жилищем, ни жилищем потребителя. Концентрация рабочей силы в какой-нибудь форме существовала всегда. Но в античности продукт производится по приказанию фараона или территориального господина для его политических целей или потребностей его крупного домового хозяйства. Теперь же хозяином рабочих является собственник мастерской, предприниматель, работающий на рынок. В начале Нового времени концентрация рабочих в мастерской происходила отчасти в принудительном еще порядке: на фабрику насильно затаскивали бедных, бесприютных и преступников, а в рудниках Ньюкасла рабочие носили на шее железные кольца еще до XVIII в.*⁴⁶ Но как раз в XVIII в. несвободный труд всюду был заменен трудом по договору. Это означало: сбережение капитала, так как отпадала нужда в капитале для покупки рабов; сваливание риска капиталом на плечи рабочего, тогда как смерть раба для хозяина была потерей капитала; отпадение заботы о потомстве рабов, в то время как рабовладельческое производство потерпело крушение именно в вопросе семейного поддержания породы рабов; возможность рационального разложения труда, которое стремится к чисто технической целесообразности и, несмотря на то, что предвестники его появлялись уже раньше, было возведено в принцип лишь благодаря концентрации труда в мастерской; наконец, утверждается возможность точной калькуляции, которая опять таки могла быть создана только соединением мастерской и свободного труда.

Несмотря на все эти благоприятные обстоятельства для развития производства в мастерских, последнее было и оставалось сначала шатким и во многих местах опять исчезло, например, в Италии и особенно в Испании, где оно изображено на известном полотне Веласкеса, но где впоследствии, однако, пропадет. До первой половины XVIII в. оно еще не превратилось в неизбежную и необходимую форму для покрытия общих потребностей. Но можно считать твердо установленным, что и до наступления века машин производство нигде не достигло такого развития, как на западе Ев-

* G. F. Steffen, см. выше стр. 111; L. Brentano, выше стр. 106; L. Lallemand, Histoire de la charité, 4 т. Paris, 1912; L. M. Leonard, The early history of english poor relief, London, 1900.

ропы в начале Нового времени. Ниже изложены причины, благодаря которым в других странах развитие пошло иным путем.

Индия обладала высоко развитой техникой производства. Но здесь путь к развитию западной фабрики преграждали касты, которые считались нечистыми одна по отношению к другой. Правда, индийская религия не доходит до того, чтобы запрещать работу членам различных каст в одной и той же мастерской. Господствовал принцип: «мастерская — место чистое». И если мастерская не развилась однако в фабрику, то виновата здесь отчасти кастовая отчужденность. Ведь подобная мастерская казалась бы верхом аномалии. Все попытки ввести фабричную систему даже в джутовом производстве до XIX в. встречали большие затруднения. Даже после того, как пошатнулись кастовые законы, препятствием служило отсутствие у индийцев рабочей дисциплины. Каждая каста держалась собственных обычаев, соблюдала особые перерывы в работе, имела свои праздничные дни. — В *Китае* деревенская, родовая связь была необыкновенно сильна. Работа в мастерских является там общим семейным хозяйством. Высшей ступенью развития в Китае была только система кустарной скупки. Производство с концентрированным трудом создавали только императоры или ленные князья, главным образом фарфоровые мануфактуры с крепостными рабочими для собственных потребностей, в незначительной мере для сбыта, в большинстве случаев с постоянным производством. — Для *античного мира* характерной чертой является политическая шаткость рабского капитала. Ему известен был рабский эргастерий, но он был связан с затруднениями и риском. Хозяин предпочитал, поэтому, пользоваться рабом не как прямой рабочей силой, но как источником ренты. Если мы внимательно взглядем в античные рабские хозяйства, то увидим, что рабы самых различных отраслей ремесла в них перемешаны таким образом, что создать при их помощи современное мануфактурное производство было бы невозможно. Это в конце концов понятно. Как сейчас люди помещают свое имущество в бумаги различных предприятий, так и в древности собственники людей вынуждены были во избежание риска заставлять работать ремесленников по различным специальностям. В итоге рабовладение препятствовало развитию крупных производств. — В раннем *Средне-*

вековье несвободного труда в промышленности или совсем не было, или он практиковался в незначительном размере; правда, он вновь стал отдаваться на рынок, но в небольшом объеме. Далее чувствовался острый недостаток в капитале, и денежное имущество не могло быть превращено в капитал. Наконец, крестьяне и обученные ремеслу свободные рабочие имели возможность приобрести самостоятельность по причинам, противоположным античным, ибо свободные рабочие, благодаря колонизации, могли найти приют в Восточной Европе и получить защиту от прежнего хозяина. Поэтому, в раннем Средневековье было очень трудно создать крупное производство. Здесь влияла также все возрастающая зависимость от ремесленного права, в особенности цехового права. Однако, не будь даже этих препятствий, помехой являлось бы отсутствие достаточно широкого рынка для сбыта. И даже в тех случаях, когда мы встречаем первоначально крупное производство, оно постепенно приходит в упадок, подобно крупным сельским хозяйствам в эпоху Каролингов. Хотя и было положено основание ремесленному фабричному производству в королевских «фискалах» и монастырях, но и оно не удержалось. Всюду производство в мастерских стало еще более редким, чем в начале Нового времени, где оно также могло развиваться только в виде княжеского предприятия или на основе княжеской привилегии. Во всех случаях отсутствовала специфическая техника мастерской. Она постепенно стала возникать в XVI и XVII вв., окончательно же оформилась лишь с введением машинного производства. Толчок этому дала *горная промышленность*.

§ 7. Горное дело до образования новейшего капитализма

Горное дело начало развиваться на поверхности земли. Дёрновый железняк и озерная железная руда, добываемые в Африке, и наносный золотой песок, добываемый в Египте, составляли, вероятно, главные продукты в первобытное время. Как только перешли к подземной добыче и начали прокладывать шахты и штольни, появилась необходимость в усиленном труде и значительном техническом оборудова-

нии. Горное производство подвержено всевозможным случайностям и нельзя было никогда предвидеть, насколько выгодна разработка жилы и оправдаются ли значительные *текущие* расходы, связанные с горной подземной промышленностью. Если такие расходы не производились, горный промысел приходил в упадок и шахтам грозила опасность «захлебнуться». Вследствие этого работа в шахтах организовывалась ассоциациями. Там, где это осуществлялось, наряду с *правами* участников предприятия возникали и *обязанности* их по отношению к товарищам: отдельный товарищ не мог выйти из предприятия, не подвергнув тем опасности шахту соседа.

Единицы производства были вначале мелкими: в раннем Средневековье обычно в одной и той же шахте работало не более двух-пяти рабочих.

Что касается *правовых проблем*, возникавших на почве горного промысла, то на первом месте стоит вопрос: кто имеет право на горный промысел в данной местности. Ответы на него могут быть различными. Возможно, прежде всего, что правом этим располагает «*марка*», местная сельская община, хотя источники не дают в этом отношении никаких точных сведений. Можно предполагать, далее, что в противоположность племенному производству право на такие чрезвычайные природные богатства присваивалось *главе племени*; но и этого нельзя утверждать, по крайней мере, для Европы.

В эпохи, о которых мы можем судить не по одним только догадкам, правовое положение может принять двоякую форму. Или право разработки считается *pars fundi*, частью собственности на землю: кто владел поверхностью земли (*superficies*), тот располагал и тем, что находилось в ее недрах; здесь учитывалось, однако, не крестьянское землевладение, но лишь помещичье. Или все связанное с недрами богатство составляет *регалию*; политический владыка, следовательно, обладатель судейской власти, королевский вассал или сам король располагает этим правом; никто, даже сеньор-владелец, не мог производить работ без концессии со стороны политической власти; заинтересованность же политической власти в регалии основана была прежде всего на необходимости обладания благородными металлами для чеканки монет. Другие возможности открывались, когда принимались во внимание права *первого отыскавшего* за-

лежь, кому бы ни принадлежало право на рудные богатства, собственнику земли или составляло регалию. В настоящее время господствует принцип свободы горного промысла. Она дает каждому право делать изыскания, при условии выполнения известных формальностей, уполномочивает нашедшего жилу приступить к разработке пласта и без согласия владельца земли, только за определенное возмещение причиненных убытков. Современная свобода горного промысла могла возникнуть скорее на почве государственной регалии, чем на почве права поместного. Если бы право принадлежало владельцу, то он лишал бы всякого возможности делать изыскания, между тем как государь, обладатель регалии, при некоторых условиях мог быть заинтересован в том, чтобы привлечь к делу возможно большие рабочие силы*.

Исторически формы *горного права* и *горного производства* развивались, в частности, следующим образом.

Относительно древнейших внеевропейских производств в Индии и Египте мы располагаем очень немногими сведениями, например, о горном промысле на Синае⁴⁶, который вели еще древнейшие фараоны**. Несколько больше известна нам организация античного *греко-римского* горного промысла. Серебряные рудники Лавриона составляли собственность афинского государства. Оно сдавало их в аренду и делило прибыль между гражданами. Афинский флот, одержавший победу при Саламине⁴⁷, был создан на средства, образовавшиеся благодаря отказу граждан получать свою долю дохода в течение целого ряда лет. Как велось производство, мы не знаем. Здесь возможно только обратное за-

* Спор в науке о различных источниках западной горной промышленности развивался в том же направлении, что и спор о возникновении свободного ремесла. *G. Schmoller*, Die deutsche Bergwerksverfassung von 1400—1600 («Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung X»), в *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft* XV (1891) выводит организацию средневековой горной промышленности из сеньориального права: горные предприниматели были «людьми» сеньора. На противоположной точке зрения стоит *Ad. Arndt*, Zur Geschichte und Theorie des Bergregals und der Bergfreiheit, Halle, 1879, который выводит все развитие из регалий. Без всяких предвзятых мнений рассматривают вопрос — *E. Gothein*, Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. 1. Bd. Strasburg 1892; *C. Neuburg*, Goslars Bergbau bis 1552, Hannover, 1892; *A. Zycha*, Das Recht des ältesten deutschen Bergbaues bis ins 13. Jahrhundert, Berlin, 1899; *он же*, Das böhmische Bergrecht des Mittelalter auf Grundlage des Bergrechts von Iglau, 2 Bde., Berlin, 1900.

** *K. Fietzler*, Steinbrüche und Bergwerke im ptolemäischen und römischen Ägypten, Leipzig, 1910 (особ. стр. 56 и 110).

ключение, исходя из того факта, что весьма состоятельные лица впоследствии владели рабами, обученными горному делу: Никий⁴⁸, полководец в эпоху Пелопонесской войны, держал их до тысячи и отдавал внаем крупным арендаторам государственных рудников*.

Разноречивы указания источников и о римских формах производства. С одной стороны, пандектам⁴⁹ известно осуждение на работу в рудниках в виде наказания, так что, видимо, пользование осужденными или купленными рабами было нормальным явлением. С другой стороны, должен был существовать все же какой-либо подбор; нам известно, по крайней мере, что рабы, совершившие в рудниках какое-либо преступление, подвергались бичеванию и изгонялись оттуда. Во всяком случае, можно считать достоверным, что найденный в Португалии *lex metalli Vipascensis* адриановской эпохи^{**50}, указывает уже на свободный труд, или, по крайней мере, не рабский. Рудник этот составлял собственность императора. Отсюда нельзя делать заключение, что существовала и горная регалия; но императоры свободно распоряжались провинциями и охотно накладывали свою руку на горные промыслы. Техника, обусловленная текстом *lex metalli Vipascensis*, противоречит тому, что известно из других античных источников; например, у Плиния мы видим, что для выкачивания воды стояла цепь рабов, через которую передавались ведра со дна рудника до его поверхности. В Випаске, наоборот, для той же цели были уже проложены штольни вместе с подъемными шахтами. К античным традициям восходит и постройка средневековых штолен. Но и во многих других отношениях *lex metalli Vipascensis* напоминает поздние средневековые порядки. Рудники подчинялись императорскому прокуратору, которому соответствует горный мастер сеньора в средние века. Далее, в нем практиковалась обязательная работа. Отдельное лицо получало право рыть в земле пять различных колодцев (*putei*); в средние века им соответствует наивысшее число шахт равное пяти. Мы должны допустить, что он обязан был

* K. Riezler, Über Finanzen und Monopole im alten Griechenland, Berlin, 1907: U. Wilcken, Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft, in Schmollers Jahrbuch XLV (1921).

** Напечатан у Bruns-Grandenwitz, Fontes iuris Romani antiqui I, 239 и сл. только отрывок, который был известен до 1906 г. Ср. Corp. inscr. lat., II, стр. 788 с комментарием. См. J. B. Mispoulet, Le régime des mines à l'époque romaine et au moyen-âge, Paris, 1908.

производить работу во всех пяти. Если он не пользовался своим правом в течение определенного короткого времени (оно было более коротким, чем в средние века), то лишался права на свою долю и ее мог взять всякий, кто был готов продолжать дело. Мы находим далее, что при начале разработки рудника должна была производиться уплата за право пользования. Если она не поступала, рудник становился свободным. Часть его площади удерживалась фиском (как позднее и в раннем Средневековье), которому следовало отдавать также часть добытого сырого материала, а именно, половину (в средние века доля эта постепенно снизилась до одной седьмой и даже ниже). Предприятие ведется через товарищество (*societas*); всякий новый участник мог войти в него. Ассоциация эта была связана с обязанностью делать известные взносы для сооружения штолен и шахт. Неуплата вела за собой потерю права.

В средние века Германия занимала первое место среди других стран в добывании благородных металлов, в Англии же добывалось особенно много олова. Сначала мы встречаем здесь королевские рудники, но не в силу присвоенной ему общей горной регалии, а потому, что королю принадлежала данная рудная земля, как, например, при Раммельсберге (возле Гослара) в X в.⁵¹ Наряду с этим в королевских реках производилась промывка золота, которая разрешалась королем за известную пошлину, но опять все-таки не в силу горной регалии, но в силу его права обладания большими водными путями. Передача королем горного права встречается впервые при Генрихе II⁵², но опять не в силу горной регалии, а при пожаловании земли монастырям. Обычно монастырям жаловалась часть того, что король мог сохранить себе в силу верховного права распоряжения территорией. Первоначально король получал десятую часть всех горных продуктов. Право это обычно жаловалось частным лицам. Только монастырям уже в XI в. это право передавалось короной, ибо речь шла о государственном имуществе.

Политика государственной власти в горном деле переходит в дальнейшую стадию при Гогенштауфенах⁵³. Понятие горной регалии, которое ложится уже в основание мероприятий Конрада III⁵⁴, ясно формулируется Фридрихом Бар-

* C. Neuburg, там же.

бароссой:⁵⁵ оно гласит, что никто не может иметь *licentia fo-diendi* (права рыть недра земли) без концессии короля, которому отделяется за это известная часть добычи. С тех пор и сеньоры нуждались в королевской концессии. Такое положение скоро упрочилось; Саксонское Зерцало говорит о королевской горной регалии, как о чем-то твердо установленном. Но теоретическое притязание на горную регалию немедленно привело к конфликтам королей с местными князьями. Горную регалию впервые признала за отдельными князьями золотая булла (1356)⁵⁶.

Борьба за рудники между короной и князьями происходит и в других странах. В Венгрии король в этом смысле подчинился магнатам; если он хотел разрабатывать рудники, то должен был покупать соответствующую землю. В Сицилии, где еще Роже I⁵⁷ признавал недра собственностью землевладельца, королевская власть во второй половине XII в. провела в жизнь свое притязание на горную регалию. Во Франции и Англии развитие идет в обратном порядке. Во Франции** бароны отстаивали горное право как *pars fundi* приблизительно до 1400 г. Дальше победу одерживает корона и остается абсолютным владельцем регалии до революции, которая объявляет все рудники национальной собственностью. В Англии*** король Иоанн⁵⁸ объявляет свое притязание на общую горную регалию, особенно на важные оловянные рудники. Но в 1305 г. корона должна была признать, что король не имеет права ставить горную промышленность в зависимость от даваемых им концессий. В XVI в. при Елизавете регалия ограничивалась фактически благородными металлами; все остальные рудники считались за *pars fundi* и возникающая каменноугольная промышленность оставалась свободной от притязаний королей на регалию. При Карле I⁵⁹ развитие еще раз поколебалось; но в конце концов корона была окончательно побеждена: все горные богатства сделались собственностью землевладельцев (лендлордов).

В Германии свобода горного промысла, т. е. право свободы рудных изысканий, возникло не из прав сельской общи-

* *Inama-Sternegg*, там же, т. II, III.; *K. Wutke*, Studien über die Entwicklung des Bergregals in Schlesien. Berlin, 1896; *L. Beck*, Geschichte des Eisens, 5 т. 1892—1903.

** *A. Hanauer*, Etudes économiques sur l'Alsace ancienne et moderne, 2 т., Paris, 1876—1878.

*** Ср. выше называвшуюся работу *G. Unwin*.

ны, марки, но из «освобожденных гор» («*gefreiter Berg*»). Они представляли собой область, содержащую залежи горных пород, в которой добывание руды разрешается сеньором-владельцем. Промыслы на Раммельсберге еще в X в. были королевским предприятием. В XI в. король передал их городу Гослару и монастырю Валькенриду. Монастырь, в свою очередь, раздавал за известную плату право производить разработку и добычу. Подобным же образом в 1185 г. епископ Трентский предоставлял право разрабатывать свои серебряные рудники членам горного товарищества, составленного из свободных рабочих*. Эта форма развития, напоминающая городские и рыночные привилегии того времени, покоилась на чрезвычайно сильном положении, захваченном в жизни свободными, хорошо обученными рабочими с XI по XIV вв. Специалисты горнорабочие были редки и держали в своих руках монопольную ценность. Отдельные территориальные власти конкурировали друг с другом, чтобы привлечь их к себе, обещая им различные преимущества. К таким преимуществам принадлежала также свобода горного промысла, право производить разработку в известном объеме. На основе этого развития немецкое Средневековье можно разделить на следующие эпохи.

Развитие шло, по-видимому, от концентрированного *собственного производства* самой сильной власти, хотя мы встречаем иногда и крестьян, уплачивающих сборы за горный промысел. Первой и наиболее важной эпохой является завоевание горнорабочими крепкого правового положения. Следствием его явилась все расширявшаяся апроприация рудников рабочими и усиливавшаяся экспроприация территориального властителя, который получает только подать и пользуется своими горными сокровищами как источником ренты. Владельцем предприятия становится теперь *товарищеский союз рабочих*. Они делят свои барыши, как крестьяне свои гуфы, т. е. по возможности соблюдая принцип равенства. Возникает «горная община», как союз участников в горном деле, т. е. тех, кто работает в рудниках (впоследствии тех, кто дает в них работу), впрочем, исключая самого владельца горного участка. Община является представительницей своих членов во внешних сношении-

* *M. v. Wolfstrigl-Wolfskron*, Die Tiroler Erzbergbaue von 1301 bis 1665, Innsbruck, 1903. Cp. еще *O. Hoppe*, Silberbergbau zu Scheeberg bis 1500, Heidelberg, 1908.

ях и порукой для хозяина в уплате сборов. В итоге создавалась ответственность отдельных членов горной общины, «горных рабочих» за расходы горного производства. Последнее вначале было главным образом мелким производством. Максимум, который мог обслужить отдельный горнорабочий, было семь шахт; сами шахты представляли собой простые ямы. Пока рабочий разрабатывал шахту, он оставался ее владельцем; если же он прекращал производство, хотя бы на короткое время, он терял свою собственность. Так как горная община солидарно гарантировала уплату сбора, высший собственник рудника окончательно бросал собственное производство. Его право на подать, т. е. его доля, постепенно понизилась с половины всей добычи до седьмой и, наконец, до девятой части.

Следующая эпоха — эпоха начинающейся *дифференциации* между рабочими. Образуется слой горнопромышленников, которые не принимают участия в работе, и другой слой, который работает и находится в зависимости от неработающих; следовательно, появляется форма развития, аналогичная той, какая указана выше в форме работы кустарей на заказ предпринимателей. Такое положение дел мы находим в XIII в. во многих местах, хотя оно и не является еще господствующим. Ограничение участия в получке остается пока в силе. Поэтому, крупный капитализм еще не мог развиваться (хотя значительный доход за короткое время был возможен); здесь образуется лишь присвоение мелких рент.

Третью эпоху определяет *возрастающая потребность в капитале*. Она была обусловлена необходимостью расширить применение штолен. Явилась надобность в целях вентиляции и отвода воды рыть все более глубокие штольни; значение их могло оправдаться лишь впоследствии, но предварительные крупные затраты требовались немедленно. Именно вместе с этим в среду горнорабочих вступает капиталист.

Четвертой стадией была *концентрация торговли рудой*. Первоначально каждый отдельный горнорабочий получал свою часть добычи натурой и мог свободно ею распоряжаться. Напротив, торговец рудой имел возможность овладеть всем добытым продуктом. Влияние его росло, и появление крупных торговцев рудой типично именно для XVI в.

Под давлением этих обстоятельств все производство добычи руды *переходит в руки союза горнорабочих, как цело-*

го, причем рабочие этим путем стремились найти защиту против власти скупщика руды. Это привело к другому последствию, а именно: союз стал руководителем всего дела, тогда как первоначально отдельный мастер производил разработку по собственному усмотрению. Дальнейшим следствием было то, что товарищество конструировалось в форме ассоциации капиталистов с определенным капиталистическим расчетом, а добыча и взносы мастеров проходили теперь через кассу горного товарищества. Таким образом, пришли к расчету по периодическим бюджетам: каждому отдельному рабочему записывались статьи дохода и расхода.

В подробностях постепенное развитие форм производства вплоть до современного капитализма идет следующим путем*. Благодаря объединению мастеров, владелец (сеньор) вынужден отказаться от вмешательства в производство; они закрывают его управителям доступ в шахты; только товарищества имеют право контролировать друг друга. Необходимость продолжать производство остается в силе, но уже не в интересах господина, а в интересах товарищества, несущего ответственность за уплату сборов; здесь замечают большое сходство с русским «миром», когда отдельные лица, несмотря на уничтожение крепостной зависимости от помещика, остались прикрепленными к земле. Далее, твердо устанавливается апроприация горными мастерами прав на добычу. Неясным здесь является вопрос, в какой именно форме выражалось их участие, выделялись ли первоначально каждому реальные участки промысла, которые только впоследствии превратились в идеальные пай («кухе»), или дело происходило иначе. К горной общине принадлежат все наемные рабочие, к мастерам, наоборот, только собственники паев. Когда именно стали возникать товарищества, трудно сказать, но достоверно известно, что члены горной общины и мастера, активные участники, не одно и то же. — После того как горнорабочие получили в собственность не только средства производства, но и сырой материал, среди них начался процесс дифференциации и наступило то разложение, которое в конце концов и привело к капитализму. Повывившийся спрос на горнорабочих вызвал большой их при-

* E. Gothein, *Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes*, I. Bd., Strassburg, 1893; O. Hué, *Die Bergarbeiter*, I. Bd., Stuttgart, 1910; J. Striender, *Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen*, München, 1914; W. Möllenberg, *Eroberung des Weltmarktes durch das Mansfeldische Kupfer*, Gotha, 1911.

ток. Но старые рабочие перестали принимать в свою среду новичков; последние сделались «не товарищами», а наемными рабочими, и находились на службе в качестве подмастерьев у отдельных мастеров, которые их оплачивали за свой счет. Так появляются соработники и после внешнего дифференцирования начинается внутреннее. Из различия в положении отдельного рабочего в горном производстве возникло различие в правах на промысел. Возрастающая потребность в специализации привела к возрастающему спросу на ковщиков руды. Они превратились скоро в наемных рабочих, которые наряду с рабочей платой получали еще установленную долю дохода от производства. Содействовала дифференцированию также и различная доходность шахт. Первоначально имел силу тот цеховой принцип, что товариществу принадлежит право рассматривать особенно доходную шахту как принадлежащую всему целому, чтобы добычей от нее могли пользоваться все его члены. Но такой порядок не утвердился. Шансы отдельных горнорабочих сделались все более случайными. Одни пользовались колоссальными доходами, другие влачили полуголодное существование. Дифференцированию способствовала и все возрастающая свобода передачи отдельными лицами своих долей участия, причем этим правом пользовались члены товарищества, занимающие в деле главенствующее положение. Так в тесную среду горной общины могли проникнуть участниками чистые капиталисты. Завершился же весь процесс благодаря потребности в капитале, которая обострялась вместе с углублением рудников. Все необходимое становилось устройством водоотливных штолен и иные дорожные приспособления для работ. Усилившаяся нужда в капитале привела, во-первых, к тому, что одни только состоятельные члены товарищества могли удержать (и удержали) за собой полное право собственности на горное предприятие, а во-вторых, что новыми участниками дела становились только лица, имеющие капитал. С этих пор и горнопромышленное товарищество само начало накапливать имущество. Первоначально оно было юридическим лицом без всякого имущества; отдельный горнорабочий должен был заботиться о своей шахте и нести расходы; товарищество же вмешивалось в том случае, если он не исполнял своего обязательства продолжать разработку. Теперь оно само, наоборот, должно было удовлетворять потребности в капита-

ле, так как надо было одновременно сооружать штольни для стока воды и шахты для разработки пластов, в то время как первоначально сооружение штолен и шахт было разделено между различными товариществами, которым за это обеспечивалась часть дохода от горного промысла. Такой раздел дохода был бельмом на глазу у мастеров. Они стремились постепенно захватить в свои руки и самые штольни. Товарищество шахтеров тогда превращалось в капиталиста. Но теперь, как и прежде, отдельный мастер должен был сам нести необходимые для его шахты затраты и издержки; главная функция его и заключалась в содержании шахты, раз он сам уже не принимал прямого участия в непосредственной работе. Как прежде, так и теперь он должен был самостоятельно находить рабочих, заключать с ними договоры и расплачиваться с ними. Положение это становилось все менее целесообразным, ибо разные шахты требовали неодинаковых издержек. Рабочие были в состоянии все вместе сплоченно действовать против отдельных мастеров. Поэтому в конце концов все товарищество взяло в свои руки наем и оплату затрат и расходов по разработке шахт и стало вести общий счет, первоначально за неделю, впоследствии за год. Отдельный мастер должен был только производить свой взнос и имел право на долю прибыли, вначале натурой. Процесс развития закончился тем, что товарищества стали продавать весь добытый продукт и выплачивать отдельным членам товарищества долю прибыли.

При такой форме развития отпали те мероприятия, при помощи которых мастера некогда пытались не допускать в своей среде неравенства. Так отпало, например, запрещение скученности многих участков или паев, которых первоначально в одних руках не могло быть сосредоточено больше трех; все эти ограничения должны были постепенно исчезать по мере того, как товарищество стало брать в свои руки общее ведение дел, по мере того, как площади стали систематически расширяться и все чаще эти увеличенные площади отдавались отдельным участникам, между тем как прежде доступ свободных рабочих к рытью без всякого выбора приводил к нерациональной технике и нерациональному оборудованию шахт. Далее, стало возрастать слияние товариществ с целью систематизирования предприятия и прекращения работы в неодоходных шахтах, как, например, мы наблюдаем в Фрейбергской горной промышленно-

сти⁶⁰ уже в конце XV в. Все это были явления, напоминающие многими чертами историю цехов. Когда процесс развития дошел до этой ступени, в XVI в. в него вмешались государи, владельцы регалий, в союзе с горными рабочими. Последние, которые находились в зависимости от мелкокапиталистических мастеров-предпринимателей, страдали благодаря нерациональности и случайному характеру ведения предприятий, так же как и отдельные мастера, и в то же время благодаря этому уменьшались доходы владельца регалий. В результате вмешательства собственников регалий, что произошло как в интересах доходности предприятия, так и в интересах рабочих, были созданы единообразные своды или уставы для горной промышленности (промысловые законы), которые дали толчок к развитию торговли рудой. Эти законы являются непосредственными предвестниками капиталистического развития; все они стоят на точке зрения чисто технически и экономически построенного крупного производства. Основой для первоначального развития служило своеобразное положение горной общины и цеховая организация рабочих. В противоположность ей владельцами регалий теперь было создано рационально разработанное горное предприятие, капиталистическая форма эксплуатации на идеальных паях Кухе (первоначально число кукс установлено было 128), которое связано было с уплатой взноса и правом на часть прибыли; теперь само предприятие, как нечто единое, нанимало рабочих и имело дело со скупщиками руды.

Наряду с рудниками самостоятельное положение занимали *горные заводы*. Как и рудники, они принадлежат к числу предприятий, которые относительно рано приняли крупный характер. Для горных заводов необходим был древесный уголь. Поэтому крупные лесовладельцы, следовательно, светские сеньоры и монастыри, в раннюю эпоху являлись типичными владельцами горных заводов. Иногда, но не в большинстве случаев, горные заводы и рудники вместе принадлежали одному владельцу. До XIV в. господствовало мелкое производство, так что, например, один английский монастырь мог иметь не менее сорока мелких предприятий. Но именно на монастырской почве выросли первые крупные горные заводы. В тех случаях, когда горные заводы и рудники находились в различных руках, между ними протискивались *скупщики руды*. С самого начала они

образуют цех, который ведет войну с товариществами горных мастеров. В своих торговых делах они отличались большой бесцеремонностью; но на их союзы мы должны смотреть, как на зародыш первых гигантских монополий, которые появляются в конце XV и начале XVI вв.

В заключение мы должны обратить внимание на *каменный уголь*, это чрезвычайно ценное минеральное богатство Западной Европы, которому предстояла такая богатая будущность. Уже в средние века он постепенно приобретает значение. Мы видим, что первые каменноугольные шахты были созданы монастырями; такие предприятия в Лимбурге появляются в XII в., в Ньюкасле в XIII, и Ньюкасл уже в XIV перешел к производству для сбыта; в XV в. возникла добыча каменного угля в области Саар⁶¹. Но все эти предприятия работали еще для нужд потребителя, а не производителя. В Лондоне еще в XIV в. держалось запрещение жечь каменный уголь, потому что это заражало воздух. Запрет не привел к желаемому результату: английский вывоз каменного угля так сильно вырос, что должны были быть установлены особые должностные лица для взвешивания его при погрузке на суда.

Эксплуатация железоплавильных заводов с помощью каменного угля (вместо древесного) стала распространенной только в XVI в. Тогда началось чреватое блестящей судьбой соединение железа с углем. Очень ясно обнаружилась и необходимость углубления шахт. Тогда в технике дела встал новый вопрос: как может быть *поднята вода огнем*? Мысль о *новейшей паровой машине* выросла из устройства штолен в горном деле.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТОВАРНОЕ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

E. Eulenburg, Ideen und Problem in der deutschen Handelsgeschichtsforschung, см.: Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre, Gustav Schmoller zur 70. Wiederkehr seines Geburtstages dargebracht, 2. Teil, Leipzig, 1908.

O. Noël, Histoire du commerce du monde depuis les temps les plus reculés, 3 vol., Paris, 1891—1906; *Ch. Letourneau*, L'évolution du commerce dans les diverses races humaines. Paris, 1897 (есть рус. пер.): *R. Larice*, Storia del commercio, 2 ed. Milano, 1910; *G. Luzzato*, Lezioni di storia del commercio, Padua, 1921; *E. Specht*, Die Handelsgeschichte des Altertums. 3. (einz) Bd., Leipzig, 1905—1906; *N. Reichesberg*, Die Entstehung der modernen Verkehrswirtschaft, Bern, 1916; *H. Pigeonneau*, Histoire du commerce de la France, Paris, 1887; *É. Levasseur*, Histoire du commerce de la France, 2 Teile, Paris 1911—1912; *H. Pirenne*, Villes, marchés et marchands au moyen-âge, Revue historique LXVII (1898); *A. Schulte*, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien mit Ausschluss von Venedig, 2 Bde., Leipzig, 1900; *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant au moyen-âge, éd. française par *F. Raynaud*, 2 Bde., Leipzig, 1885; *A. Schaube*, Handels-geschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebietes bis zum Ende der Kreuzzüge, München und Berlin, 1906; *G. Yver*, Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au 13. et au 14. siècles, Paris, 1903; *G. Schanz*, Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters, 2 Bde., Leipzig, 1881; History of domestic and foreign commerce of the United States, 2 vol., Washington, 1915 (с исчерпывающей библиографией по хозяйственной истории Америки).

L. Goldschmidt, Universalgeschichte des Handelsrechts, I Bd., Stuttgart, 1891; *P. Huvelin*, L'histoire du droit commercial, Paris, 1904 (с библиографией); *P. Rehme*, Geschichte des Handelsrechtes, Leipzig, 1914.

§ 1. Исходные точки развития торговли

На начальных ступенях своего развития торговля представляет межплеменное явление; она не производится между членами одного и того же племени или одной общины: об-

ращаясь только к инородцу, она в древнейших формах общества оказывается фактом из области внеплеменной жизни. При этом она может возникать как следствие межплеменной специализации в производстве. В таком случае торговля бывает или торговлей племени самих производителей или разносным торгом продуктами чужого племени. Но все же древнейший вид обмена всегда остается меновым торгом между чужеплеменниками. Если племя само торгует своими продуктами, то обмен может выступать в различных формах. Обычно он развивается в виде *побочного занятия* крестьян и кустарей, а именно в виде сезонного промысла. Из этой стадии возникает *разносный* и розничный торг, как самостоятельная профессия. Образуются племенные общины, не занимающиеся уже ничем иным, кроме торговли; но при этом бывает, что потребители и сами являются за продуктами к племени-промышленнику. Другая возможность — это возникновение *кастовой торговли*; классическую форму ее дает Индия. Там торговля монополизируется ритуально в руках отдельных каст, в частности особой кастой «банья». Наряду с этой торговлей, производимой на замкнутой этнической основе, стоит другая, тоже ритуально замкнутая, но уже в пределах секты; суть здесь в том, что ритуально-магические действия фактически исключают членов секты из всех других профессий. Так обстояло дело с индийской кастой «джайна». Ее членам воспрещалось убивать какое бы то ни было живое существо, прежде всего, слабое существо. Поэтому они не могут быть воинами, не могут заниматься многими ремеслами, например такими, при которых употребляется огонь, так как при этом могут погибнуть насекомые; они не смеют выходить в дождь, потому что в лужах они могли бы раздавить червяка и т. д. Таким образом для них не остается никакого другого занятия, кроме оседлой торговли на базаре. При этом их честность пользовалась такой же известностью, как плутовство представителей касты банья.

Мы не найдем существенного различия в развитии *еврейского народа*, как племени торговцев-париев. До изгнания внутри еврейского народа существовали всякого рода сословия, — воины, крестьяне, ремесленники, а также, в небольшом количестве, торговцы. Влияние пророков и последствия рассеяния превратили оседлый, работающий на своей земле народ в странствующее племя, и ритуал исклю-

чал уже впредь всякого рода прочную земледельческую оседлость. Тот, кто строго придерживался еврейского ритуала, не мог быть сельским хозяином. Таким образом евреи превратились в народ *горожан-париев*, и противоположность между фарисейскими «святыми» и незнающим закона сельским населением очень ясно заметна еще в евангелии*. При этом повороте к торговому делу особенно предпочиталась торговля денежная, потому что она одна предоставляла возможность всецело отдаваться изучению закона. Стало быть, главным образом ритуальные основания толкнули евреев к торговле, в частности, к торговле денежной, которая и явилась для них таким образом ритуально замкнутым племенным или народным делом.

Вторая возможность, представлявшаяся развитию торговли, это возникновение *торговли господ*, причем общественный слой господ и является ее носителем. Крупные земельные собственники скорее всего могли напасть на мысль — что фактически везде и случалось — сбывать на рынок *излишки хозяйственных продуктов своих владений*. С этой целью они создали профессиональных купцов в качестве своих подручников. Сюда относится *actor* в античности, который вел дела от имени землевладельца, а также средневековый *negotiator***, который за предоставление ему феода, оклада натурой и т. п. сбывал на рынок произведения монастырского поместья; в Германии последнего, правда, с достоверностью нельзя обнаружить, но в других странах он повсюду встречается. *Actor* и *negotiator* не торговцы в современном смысле слова: они зависимые приказчики. Другой вид господской торговли вытекал из *бесправия иноплеменного торговца*, повсюду нуждавшегося в покровительстве, которое он мог находить только у политической власти. Она предоставляла такое право в виде концессии за вознаграждение. Такие концессии торговцам давали на самом деле и средневековые государи, взимая с них за это пошлины. Из такого покровительства торговцам часто развивалась и *самостоятельная торговля вождей и государей*, как, например, на всех берегах Африки, где племенные вожди монополизировали посредническую торговлю и сами занимались ею. На торговой монополии покоилось их

* Ср.: М. Вебер, *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, III, стр. 351 и 403.

** Ср. выше стр. 129—131.

могущество; с ее крушением пало и оно. Другой формой торговли к которой переходили государи, является *торговля под видом подарков*. В Древнем Востоке политические державы, если не находились между собой в состоянии войны, поддерживали друг с другом добрые отношения путем дарения подарков. Особенно явно тель-эль-амарнские таблицы из эпохи после 1400 г. до Р. Хр.¹ указывают на оживленный обмен подарками между фараонами и властителями Передней Азии. Объектом правильного обмена служили золото и боевые колесницы, с одной стороны, а с другой — лошади и рабы. Первоначально господствовало свободное дарение. Происходившие при этом многочисленные нарушения чести и верности привели постепенно к установлению определенно равноценных взаимных подарков, так что при обмене их получался точный торговый расчет. Наконец, во многие моменты истории хозяйства мы находим *личную торговлю государей* по собственному почину*. Очень древние примеры для этого дают в громадном масштабе египетские фараоны, занимавшиеся в качестве судовладельцев ввозом и вывозом, а позднее дожи² Венеции в первые времена существования их города и, наконец, правители многочисленных патримониальных государств Азии и Европы, как, например, Габсбурги³ (еще в XVIII в.). Эта торговля могла производиться или в форме собственной регалии, причем вел ее сам государь, или же он мог передать свою монополию в качестве концессии или отдать на откуп. Последними мероприятиями он давал уже толчок к образованию *самостоятельного профессионального купечества*.

§ 2. Технические предпосылки товарного (торгового) транспорта

Ср. статьи «Verkehrsmittel» und «wege» (F. C. Huber) и «Verkehrswesen im deutsch. Mittelalter (Th. Sommerlad) в «Handwörterbuch» VIII, 3-е изд. (с обильными указаниями литературы); W. Götz «Die «Verkehrswege im Dienste des Welthandels, Штуттгарт, 1883; O. T. Mason, Primitive travel and transportation, Нью-Йорк, 1897; C. Merkel, Die Ingenieurtechnik im Altertum, Берлин, 1899; E. Gasner, Zum deutsch. Strassenwesen von der

* Она таким образом может возникнуть не только из защиты иноплеменных торговцев.

ältesten Zeit bis zur Mitte des 17 Jhd., Лейпциг, 1889; *F. Rauers*, Zur Gesch. d. alten Handelsstrassen in Deutschland, Гота, 1908; *P. H. Scheffel*, Verkehrsgeschichte der Alpen, 2 т. т. Берлин 1908—1913; *W. Lotz*, Die Verkehrsentwicklung in Deutschl. seit 1800, 4-е изд. Лейпциг, 1920 — *W. L. Lindsay*, History of merchant shipping and of ancient commerce, 4 тт., Лондон, 1874—1876; *W. Vogel*, Gesch. d. deutsch. Sebschiffahrt, I т., Берлин, 1915; *F. Podestá*, Il porto di Genova dalle origini fino alla caduta della republica Genovese, Генуя, 1913.

Предпосылкой существования самостоятельного класса профессиональных торговцев является наличие определенных технических условий. Прежде всего должны существовать *урегулированные и как-либо заранее определенные возможности транспорта*. Правда, первоначально и в течение очень долгого времени их надобно представлять себе только в чрезвычайно примитивном виде. Не только во времена ассириян и вавилонян в Месопотамии употреблялись для переправы через реки лишь наполненные воздухом козьи шкуры, но еще в эпоху ислама кожаные меха долгое время играли в речном судоходстве первенствующую роль. *На суше* торговец до глубокого средневековья должен был довольствоваться следующими средствами транспорта: собственной спиной, на которой он таскал товары до XIII в., и вьючными животными или двухколесной тележкой, запряженной одним, реже двумя животными, причем ему приходилось пользоваться такими путями сообщения, которые нельзя назвать дорогами в современном смысле. Только на Востоке и внутри Африки, по-видимому, уже довольно рано появляется караванная торговля, применяющая в качестве носильщиков рабов. Но обычно и там больше всего в ходу был вьючный скот. При этом типичным вьючным животным на юге является осел или мул, верблюды на египетских памятниках обнаруживаются только очень поздно, еще позднее лошадь, которая первоначально служит лишь для войны и только в более позднее время находит применение и в качестве транспортного средства. Подобными же примитивными средствами передвижения должна пользоваться торговля и *на море*. В античном мире, а также в начале средневековья обычно пользовались лишь весельной лодкой, первоначальное устройство которой мы должны себе представлять очень несовершенным; упоминаются канаты, которыми скреплялись составлявшие лодку или плот отдельные доски или бревна, чтобы они не распадались. Парусное

плавание, правда, восходит так далеко в древние времена, что эпоху его изобретения нельзя установить; но его не следует представлять себе таким, какое практикуется ныне. Первоначально паруса служили лишь вспомогательным средством для плавания на веслах при благоприятном ветре, а лавирование против ветра, повидимому, не было еще известно даже раннему средневековью; в Эдде⁴ содержится лишь слабый намек на это, и очень сомнительно, можно ли приписывать первое применение лавирования Андреа Дориа⁵, как того хочет средневековое предание*. Мы знаем из Гомера, а также из более поздних источников, будто корабли были тогда настолько невелики, что их каждый вечер при высадке на сушу можно было вытаскивать на берег. Якорь в античную эпоху лишь очень медленно превращался из простого тяжелого камня в снаряд ныне употребительной формы. Таким образом, плавание на кораблях первоначально было лишь чисто береговым; плавание в открытом море — нововведение александрийской эпохи, которое было связано с наблюдениями над муссонами; причем только арабы первые сделали попытку с их помощью достигнуть Индии прямо через открытое море. Приборы для определения места на море у греков были крайне несовершенны; то были: годометр, который, подобно песочным часам, высыпал шарики, количество которых указывало на число пройденных миль, и затем богис (βολίς) для установления глубины. Астролябия изобретена в александрийскую эпоху; в то же время появились первые маяки. Судостроение средневековой Европы, как и у арабов, в техническом отношении далеко отстало от искусства китайской навигации. Буссоль и компас, применявшиеся в Китае уже в III и IV вв., становятся известными в Европе только спустя тысячелетие. Правда, после введения компаса начинается быстрое развитие судостроения, как на Средиземном, так и на Северном и Балтийском морях. Постоянный руль за кормой входит в общее употребление с XIII столетия. Правила судостроения являлись тайным искусством; они бывали предметом открытого обсуждения на съездах ганзейских городов⁶, которые становились таким образом, поборниками прогресса. Решающим

* [Первое точно удостоверенное известие о лавировании, повидимому, содержится в реляции о плавании флота немецко-фризских крестоносцев вдоль испанского берега в 1189 г.; она приведена у W. Vogel, *Geschichte der deutschen Seeschiffahrt*, I, стр. 515, примеч. 5].

моментом явились, наконец, усовершенствования в судоходной астрономии, введенные арабами и занесенные евреями в Испанию, где в XIII в. Альфонс X⁷ приказал разработать таблицы, названные по его имени. Компасные карты стали известными только с XIV в. Когда после этого на Западе открылись плаванья через океан, то перед населением его стали задачи, для решения которых имелись тогда лишь очень скудные средства. На севере Полярная звезда была единственной твердой опорой для астрономических наблюдений, в то время как на юге средством для ориентации долгое время служил один Южный Крест. Америго Веспуччи⁸ определял градусы долготы по состоянию луны; в начале XVI в. перешли к установлению долготы при помощи часов, уже настолько усовершенствованных, что можно было приблизительно определять градус долготы, руководствуясь различной высотой солнца по сравнению с полднем. Квадрант, с помощью которого удобно было определять широту, был впервые применен, как кажется, в 1594 г.

Скорость плаванья соответствовала всем указанным условиям судоходства. Разница, получившаяся после замены весельной лодки парусным кораблем, была чрезвычайно велика. Все же в античную эпоху путь Гибралтар—Остия требовал 8—10 дней, так же как и рейс Мессина—Александрия⁹. Но с тех пор как в XVI и XVII вв. у англичан развилось рациональное парусное плавание, встречались парусные корабли, которые не слишком отставали от позднейших пароходов средней скорости, хотя быстрота их хода продолжала зависеть от ветра.

§ 3. Формы организации товарного обращения и торговли

А. Иноземный торговец

Первоначально морская торговля везде была одновременно и *морским разбоем*: в древнейшее время военный корабль, разбойничий корабль и купеческий ничем не отличались друг от друга. Дифференциация произошла таким путем, что военное судно выделилось из купеческого, а не наоборот, причем увеличение числа весельных рядов и дру-

гие нововведения поставили его на такую ступень технического развития, что, ввиду его стоимости и незначительной вместимости для груза, он не мог уже более служить коммерческим целям. В самой далекой древности в Египте фараон и храмы были первыми и единственными судовладельцами, так что частновладельческого судоходства там мы вовсе не находим. Зато оно стало отличительной чертой эллинов уже в гомеровскую эпоху; оно же было характерно для финикийян. Первоначально у греков корабли находились, правда, в руках городского царя и служили как для меновой торговли, так и для морского разбоя. Но он не мог препятствовать тому, чтобы рядом с ним вырастали знатные роды, принявшие также участие в судовладении и, в конце концов, терпевшие царя только как первого среди равных.

В Риме в древнейшее время морская торговля была одним из главных источников могущества города. Мы только не знаем точно, каких размеров достигало судостроение и вместе с ним активная торговля. Ясно, во всяком случае, что на этом поприще римляне не могли тягаться с Карфагеном. Позднее их торговля представляется все же пассивной. После Пунических войн¹⁰ впервые появилось римское частновладельческое судоходство. Но римская политика настолько держалась континентальности, что первоначально для сенатора считалось даже неприличным быть судовладельцем; во времена республики, даже еще в эпоху империи, ему запрещалось иметь большее количество кораблей, чем было необходимо для сбыта излишков собственного производства его имений.

Мы не знаем, как в древности было организовано судоходство в экономическом отношении. Достоверно только все возрастающее применение рабов в качестве двигательной силы. Руководящие должности на кораблях занимали обученные специалисты-ремесленники. Мы находим на эллинских и римских кораблях капитана, рулевого, флейтиста, который своей игрой задавал гребцам такт. Об отношении между судовладельцами и купцами мы также не имеем ясного представления. Первоначально судовладельцы были одновременно и купцами; но вскоре особая профессиональная группа морских торговцев, занимающихся внешней торговлей, — (ἔμποροι) — появляется и в греческих городах. Впрочем, эта внешняя торговля была, вероятно, очень

незначительна. Когда дело касалось предметов массового потребления, особенно доставки хлеба для больших городов древнего мира, забота ложилась на государственное хозяйство. В Афинах судовладельцы были обязаны привозить в свой город хлеб в виде обратного груза; в Риме государство приняло на себя оборудование судов и доставку хлеба и регулировало дело до поздних времен империи. Империя, правда, принесла мир и безопасность для мореплавания и тем самым благоприятствовала морской торговле; но такое положение не упрочилось и просуществовало недолго. Дело в том, что финансовые потребности императоров, вызванные необходимостью держать на границах постоянное войско, вынуждали их к организации государственных задач в виде обязательных повинностей (литургий). Все чаще расходы покрывались не столько посредством наложения податей, сколько иным путем: фиск¹¹ организовывал отдельные профессиональные группы в своего рода принудительные корпорации и возлагал на них различные виды тягловых работ в пользу государства. За это они получали монополию на соответствующий промысел. Эта система привела также к литургическому использованию судоходства, и отсюда скоро началось его постепенное падение. В III в. пришел в упадок частный торговый флот, а одновременно с ним и военный, и тогда наступил новый расцвет морского разбоя.

Что касается учреждений, созданных в древнем мире потребностью в *правовых формах торговли*, то для знакомства с этим вопросом мы располагаем лишь скудными указаниями. Нам известна *lex Rhodia de iactu* относительно корабельного сброса*. Она показывает, что в большинстве случаев на одном судне перевозились товары многих купцов. Если в случае несчастья с кораблем необходимо было выбросить часть груза за борт, то все участники терпели убыток сообща. Другой институт того же рода, морская ссуда (*foenus nauticum*), перешедшая из античного в средневековый мир, является следствием того, что морская торговля была сопряжена с чрезвычайно большим риском. Если выдавалась ссуда под идущие морем товары, то ни должник,

* Ср. *L. Goldschmidt, Lex Rhodia und Agermanament*, в «*Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht*», XXXV (1889); *H. Kreller, Lex Rhodia, Untersuchungen zur Quellengeschichte des römischen Seerechtes*, там же LXXXV (1921).

ни кредитор, в случае гибели корабля, не могли рассчитывать на возмещение убытков. Поэтому они делили между собой риск таким путем, что заимодавец получал чрезвычайно высокий процент — вероятно 30% — но зато рисковал всей суммой и должен был соглашаться на соответствующую скидку при частичной гибели груза. Из судебных речей аттических ораторов — Демосфена и других — мы узнаем, что в силу морской ссуды заимодавец получал возможность в широких размерах забирать в свои руки управление судоходством. Он предписывал командиру судна и маршрут, и продолжительность путешествия, и место сбыта товаров. Нашедшая здесь выражение сильная зависимость морских купцов от капиталистов позволяет предполагать, что сами купцы не обладали большими капиталами. Чрезвычайно часто в морской ссуде под один корабль участвует несколько заимодавцев с целью разделения риска. Далее часто случается, что раб кредитора сопровождает транспорт через море в качестве контролера; это тоже признак зависимости транспортного дела от ссужающих деньги капиталистов. Морская ссуда была в ходу на протяжении всего периода древней истории, пока Юстиниан не запретил ее, как особый вид ростовщичества. Это запрещение не могло долго продолжаться, но все же привело к тому, что формы морского кредита изменились.

Условия морской торговли в эпоху *средних веков* остаются неясными. В соответствии с докапиталистическим развитием, верфи являлись городским имуществом и отдавались в аренду цеховым судостроителям. Морская торговля носила менее выраженный капиталистический характер, чем в древности. Она обычно производилась в форме ассоциации всех заинтересованных в одном торговом предприятии лиц и групп. В продолжение всего средневековья, ввиду громадности риска, почти ни одно судно не строилось на счет одного предпринимателя, а всегда для компании нескольких лиц: господствует *паевое судовладение*. Однако, отдельные пайщики участвуют во владении нескольких кораблей. Как судостроение и судовладение, так и отдельное морское предприятие является объектом деятельности целой ассоциации. В состав ее входили хозяин судна, капитан, экипаж и путешествующие купцы. Все они объединены в одно товарищество, все везут свои товары, причем

купцы, вместо того чтобы ехать самим, иногда отправляют зависимых от них заместителей. Риск несетя сообщая, барыш и убыток делятся по определенной раскладке.

Рядом с таким товариществом, основанным на общности риска, выступала *морская ссуда* капиталиста. Средневековые купцы любили ею пользоваться; она была им выгодна тем, что давала возможность закупать товар и одновременно сваливать риск на заимодавца. По *constitutum usus*¹² пизанского морского права указанный процент доходил до 35%; с некоторыми колебаниями он колебался вокруг этой нормы и в других местностях. В отдельных случаях производилась тарификация отдельных товаров по степеням опасности.

Первоначально все купцы, входившие в состав товарищества общего риска, сами ездили со своими товарами; то были мелкие торговцы, продававшие свой товар в розницу. Но этот обычай мало-помалу выходит из употребления. Вместо него появляется *commenda** и, по-видимому, одновременно *societas maris*¹³. Она обнаруживается как в вавилонском и арабском, так и в итальянском праве, а с некоторыми изменениями и в ганзейском, и состоит в том, что из двух членов одной ассоциации один остается в родном портовом городе, а другой везет товар за море. Вначале эти взаимоотношения носили характер личной услуги: один из нескольких купцов по очереди перевозил и сбывал товары остальных товарищей. Впоследствии это превратилось в способ пускать деньги в рост. Капиталистами являлись отчасти профессиональные торговцы, отчасти также, особенно на юге, случайные обладатели денег (например, знатные граждане), желавшие выгодно вложить свои излишки в торговое дело. Сделка совершалась таким образом, что отправлявшийся в плавание *socius*¹⁴ получал с собой деньги или же товар, оцененный в деньгах; этот вклад составлял торговый капитал и носил техническое наименование *commenda*. Товар сбывался за морем; на выручку приобретался новый и, по возвращении в родную гавань, оценивался и продавался. Дележ барыша производился следующим образом. Если оставшийся дома *socius* вложил в дело весь капитал, то он получал прибыли; если же и путешествующий *socius* вкладывал свою долю, (обычно практиковалось отношение

* Ср. W. Silberschmidt, Die Commenda in ihrer frühesten Entwicklung, Würzburg, 1884.

$\frac{2}{3} : \frac{1}{3}$), то дележ производился поровну. Характерная черта этой сделки состоит в том, что здесь впервые появляется капиталистический расчет; основному капиталу противопоставляется конечный итог выручки, излишек которого вычисляется в виде денежной прибыли и делится между участниками. Но по форме своей это еще не длительное капиталистическое предприятие, а всего только отдельная торговая операция, при которой по поводу каждой сделки производится особый расчет. Такой порядок господствовал в морской торговле в течение всего Средневековья, даже после перехода к капиталистическому длительному производству расчет производился по *отдельным* операциям.

Обороты* средневековой торговли, если измерять их современными масштабами, были прямо ничтожны; она велась почти исключительно *мелкими торговцами*, работавшими с небольшим количеством товаров. В 1277 г. английский вывоз шерсти составлял 30 тысяч двойных центнеров. В этом общем количестве участвовало 250 купцов, так что на каждого приходилось в год по 120 двойных центнеров. Средний размер фондов, вложенных в одну комманду в XII в. составлял в Генуе тысячу германских имперских марок серебром, в XIV в. в пределах Ганзейского союза было запрещено принимать больше одной комманды, а общая сумма и здесь была не выше. Годовой оборот между Англией и Ганзой исчислялся в эпоху высшего расцвета этой торговли в 15 тысяч марок. Для Ревеля¹⁵ можно проследить эти отношения по таможенным регистрам; в 1369 г. в снаряжении двенадцати отходивших оттуда кораблей участвовало 178 купцов, каждый из которых отправлял товары средним числом на 1.600 германских имперских марок (по довоенному курсу). В Венеции типичный корабельный груз заключал цену в 6 тысяч имперских марок, в области ганзейского союза в XIV в. — 5 тысяч. В XV в. число прибывающих судов доходило в Ревеле до 32, а в Любеке, важнейшей гавани Ганзы, в 1368 г. — до 430, причем отбывающих здесь было 870. То была целая толпа мелких капиталистов-торговцев, которые путешествовали сами или отправляли за себя других: этим и объясняются объединения в товари-

* *W. Stieda*, *Revaler Zollbücher und Quittungen des 14 Jahrhunderts* (Hansatische Geschichtsquellen, т. V), Галле, 1887; *Он же*, *Über die Quellen der Handelsstatistik im Mittelalter*, Берлин, 1903; *R. Kötzschke*, *Deutsche Wirtschaftsgeschichte* (ср. выше стр. 17) стр. 157, 159; *A. Schulte* (ср. стр. 129) II, стр. 710 след.

щества. Вследствие опасности от пиратов отдельное судно не было в состоянии самостоятельно определить срок отбытия. Корабли соединялись в караваны, вооружались сами или сопровождалась вооруженными конвойными судами. В Средиземном море средняя продолжительность путешествия такого каравана колебалась в пределах от полугода до года; из Генуи такой караван выходил на восток только один раз в год, из Венеции — дважды в год. Необходимость караванных путешествий приводила к очень медленному обращению капиталов. Несмотря на это, не следует слишком низко оценивать общее значение торговли, как источника доходов в ту эпоху. В 1368 г. во всех балтийских гаванях, вместе взятых, оборот составлял 15 миллионов имперских марок серебром, что было в три раза больше всей суммы государственных доходов, получавшихся английским королем. В *сухопутной торговле* риск был меньше, так как опасность грозила только от разбойников, а не от сил природы. Но зато путевые расходы были несравненно выше. Меньшему риску соответствовало отсутствие товарищеских объединений. Точно так же отсутствует явление, аналогичное морской ссуде, — сухопутная ссуда. Были попытки ввести ее, но папская курия препятствовала этому, как недопустимому ростовщичеству.

В сухопутной торговле купец тоже по обыкновению сопровождал свой товар. Только начиная с XIII в. *условия транспорта* стали настолько обеспечены, что купец уже мог воздерживаться от постоянного сопровождения своего товара — за целостность доставки в таких случаях отвечал *vestigarius*¹⁶; эта должность уже предполагает существование правильных деловых сношений между отправителем и получателем. Сухопутная торговля страдала от технических трудностей вследствие плохого состояния дорог и трактов. Много хвалебных гимнов пелось римским дорогам. Но порядки на них вовсе не были образцовыми. Катон и Варрон не рекомендовали пользоваться ими, потому что вдоль них шныряет всякого рода сброд, стоянки полны насекомых; они же дают совет не строить себе загородного дома вблизи от проезжей дороги, так как на придорожных жителей возлагается бремя военных постоев. В окраинных провинциях римские дороги могли также служить для торговых сношений. Но первоначально они не были рассчитаны на это, и их прямолинейная прокладка вовсе не отвечала потребо-

стям торговли. Вообще римская эпоха заботится лишь о тех дорогах, которые имеют целью снабжение столицы съестными припасами, и еще военные и политические нужды. Заботы об их поддержании в нормальном состоянии возлагались в виде обязательной повинности на местных крестьян, которые взамен того освобождались от податей. В средние века феодальные сеньоры интересовались сохранением путей сообщения с фискальной точки зрения. Они поддерживали их трудом своих *scararii*, крестьян, на которых возлагалась забота о мостах и дорогах; это была одна из самых тяжелых повинностей феодального строя. За пользование путями сообщения взималась дорожная пошлина. Взаимного соглашения о рациональной прокладке дорог между территориальными владельцами, не существовало; каждый прокладывал дорогу так, как ему казалось благоприятнее для взимания таможенного сбора и дорожных пошлин. Систематический план проведения дорог встречается впервые в Ломбардии¹⁷ и только начиная с эпохи образования союза ломбардских городов.

Вследствие всех этих обстоятельств, сухопутное товарное обращение в средние века было еще меньше морского. Еще в XVI в. поверенный одного крупного торгового дома путешествует из Аугсбурга в Венецию, чтобы привезти с собой шестнадцать мешков хлопчатой бумаги. Было вычислено, что в конце средних веков товары, проходившие через Сен-Готард¹⁸ в течение одного года, могли бы наполнить всего лишь 1—1½ современных нам товарных поезда. Ввиду незначительности оборота, барыш должен был быть соответственно высок, чтобы покрыть таможенные пошлины и путевые издержки купцов. В соответствии с качеством путей сообщения *продолжительность путешествий* была очень велика. И на суше купец также не мог выбирать время для путешествия по своему желанию. Небезопасность дорог заставляла брать с собой конвой; но лицо, ставившее конвой, выжидало, пока соберется побольше путешественников. Таким образом и сухопутная торговля должна была осуществляться *караваном*. Это очень древнее явление и встречается оно, как в Вавилонии, так и в средние века. В античном мире и на Востоке существовали официально назначавшиеся предводители караванов. В средние века об этом заботились города. Только в XIV и XV вв., когда институт земского мира создал условия относительной безо-

пасности, явилась возможность предпринимать торговые путешествия в одиночку. Технически это облегчалось еще тем, что за осуществление сухопутного транспорта брались возникшие тогда *извозные* организации («Rottfuhren»)*. Этот промысел получил начало по почину феодальных владельцев различных территорий; лучше всего дело было устроено опять в хозяйстве монастырей. Местный сеньор за вознаграждение ставил лошадей, вьючный скот, подводы и т. д. Повозная повинность по очереди неслась сидевшими в определенных крестьянских дворах людьми, на которых было возложено это тягло; рядом с помещичьими мало-помалу возникли и профессиональные извозчики, но только тогда, когда города взяли извозное дело в свои руки, из него вырос настоящий постоянный промысел. Извозчики объединялись внутри города в особый цех. Он находился под строгим управлением выборного «старосты», который договаривался с купцами и распределял извозы между отдельными членами цеха. При этом общепризнанным основным правилом была ответственность руководителя транспорта.

Во *внутреннем (речном) судоходстве**, слагались различные организации. Плавание на судах и паромов территориальных владельцев и монастырей часто основывалось на присвоенном им суверенном праве в пределах их территорий, так что крупные землевладельцы фактически пользовались монополией транспорта. Но в большинстве случаев они не могли ее осуществлять сами и отдавали в аренду товариществам транспортных предпринимателей. Когда же этот союз высоко квалифицированных рабочих добился монополии для себя, владелец земли тем самым лишился своей привилегии. Рядом с этим уже довольно рано появились, особенно после усиления городов, свободные цехи судовщиков, промышленявшие правильным судоходством в форме поочередных рейсов. Они перевозили товары на собственных лодках, причем шансы заработка точно распределялись цехом. Случалось также, что городская община брала в свои руки организацию речной навигации. На Изаре граждане Миттенвальда¹⁹ имели монополию на гонку паро-

* Ср. *Joh. Müller*, Das Rodwesen Bayerns u. Tirols im Spätmittelalter und zu Beginn der Neuzeit (Vierteljahrsschrift für Sozial- u. Wirtschaftsgeschichte III (1905); *он же*, Das spätmittelalterliche Strassen- u. Transportwesen der Schweiz u. Tirols (Geographische Zeitschrift XI (1905); O. Stolz, Zur Gesch. d. Organisation des Transportwesens in Tirol im Mittelalter (Vierteljahrsschr. f. Soz. u. W. G. VIII 1910).

мов, причем право транспорта грузов переходило у них друг от друга вкруговую по очереди. Из лежащих выше сельскохозяйственных областей сплавливались на плотках тяжелые товары, между тем как вверх отправлялся товар высокой ценности. Наконец, возникли замкнутые промысловые товарищества, которые, со своей стороны, держали в руках суда. Они развились из территориально-владельческих или цеховых организаций. Землевладельческого происхождения они были, например, на Зальцахе и на Инне²⁰. Первоначально монополия транспорта принадлежала архиепископу Зальцбургскому. Затем возникло товарищество судохозяев, объединившихся для речного судоходства. Оно владело судами, нанимало рабочих и получило от архиепископа монополию, в виде залога под данную ему ссуду. В XIV в. он снова выкупил ее и передал право другим лицам в виде благородного лена. Судоходство по Муру также держалось на работе промыслового товарищества лесных судовщиков, возникшего на почве монополии лесовладельцев. Громадный запас леса в Шварцвальде приводил к тому, что судоходство по Муру²¹ распространило свою деятельность и на Рейн, оно разделялось на лесное и рейнское судоходство; в конце концов, оно перешло к тому, что стало перевозить и чужие товары, в целях получения фрахтового дохода. Из цехов же развилось дунайское судоходство в Австрии, а также верхнерейнское судоходство; точно так же, как практиковалось в горнопромышленных товариществах — суда здесь находились во владении товариществ.

Вызванные этими обстоятельствами потребности купечества состояли тогда прежде всего в необходимости *личной охраны*. Иногда она носила сакральный характер благодаря тому, что иноземный купец становился под защиту богов или племенного вождя. Другой формой являлось заключение договора о конвое с властителями данной области, как то было в Верхней Италии в эпоху раннего средневековья. Позднее горожане заставляли рыцарей, угрожавших торговле, переселяться в города, разрушая их замки, и отчасти взяли защиту купцов в свои руки. При этом плата за конвой была одним из главных доходов придорожных жителей, как, например, в Швейцарии. Второй важной по-

* Cp. E. Gothein, Zur Gesch. der Rheinschiffahrt (Westdeutsche Zeitschrift für Gesch. und Kunst XIV, 1895); R. Bettgenhäuser, Die Mainz-Frankfurter Marktschiffahrt im Mittelalter, Лейпциг, 1895.

требностью торговли была *правозащита*. Купец на чужбине не принадлежал ни к какому союзу, он не имел юридических путей действия, одинаковых с членом местной национальности или племени, и поэтому нуждался в особой правозащите. Институтом, первоначально служившим этой цели, является *репрессалия*: если какой-нибудь должник, например, купец из Генуи или Пизы, не желает или не может платить своих долгов во Франции или во Флоренции, то его соотечественники заключаются под стражу. Это было злоупотреблением, которое в конце концов сделалось невыносимым, и потому уже древнейшие торговые договоры выговаривают отмену репрессалий. Кроме этого грубого средства принудительного взыскания потребность купца в правозащите породила и разные другие установления. Так как купец, в качестве чужестранца, не мог являться перед судом, он нуждался в патроне, который бы выступал вместо него. В древности на этом зиждется явление *проксении*, представляющей собой соединение связи между гостем и хозяином с взаимной защитой деловых интересов. В средневековье ему соответствует особый *патронаж* (*Wirtsrecht*): чужеземный купец имел право, и даже был обязан, стать под покровительство одного из граждан: у него он должен был сложить свои товары, патрон, со своей стороны, был обязан контролировать их сбыт в интересах своей общины. Когда, с увеличением числа купцов, из них создавался союз* — *ганза*, то это, в сравнении с патронажем, уже было громадным шагом вперед. Сначала то была просто гильдия иностранных купцов, торговавших в чужом городе и объединившихся в союз для совместной защиты. Само собой разумеется, что подобное объединение могло совершаться только с соизволения княжеской или городской власти. С этой организацией купцов в чужой земле обычно связывалось возникновение *особых купеческих колоний*, которые избавляли купцов от необходимости сбывать свои товары без промедления. Этой цели во всех странах служили караван-сарай для сухопутной торговли и, в средние века, фактории для торговли морской, фондаки — купеческие склады и подворья**. Здесь выявлялись две возможности. Или

* Ср.: R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 6-е изд. (Лейпциг, 1919) I, стр. 704 сл. и указанную там литературу.

** Ср. напр.: H. Simonsfeld, Der Fondaco dei l'edeschi und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen. 2 т.т. Штуттгарт, 1887.

купеческие подворья строились чужеземными купцами, и притом в их собственных интересах; это бывало возможно в тех случаях, когда их деятельность становилась необходимой для данной местности. Тогда они приобретали автономию и сами избирали своих старейшин, как, например, купцы немецкой Ганзы в Лондоне. Или же местные купцы заставляли чужеземцев подчиняться подобным институтам, чтобы контролировать их заработки и их самих держать в узде: так было с фондако немецких купцов в Венеции. Наконец, явилась необходимость установить определенные сроки для совершения торговли. Продавцы и покупатели должны были знать, когда и где найти друг друга. Этой потребности служили ярмарки, и из нее же возникли *ярмарочные концессии*. Повсеместно в Египте, в Индии, в государствах античного мира, а также и в средние века ярмарки устраивались и концессионировались государями для организации торговли чужеземных купцов. Подобные концессии давались, с одной стороны, чтобы снабжать всем необходимым самого концессионирующего, а с другой, для достижения фискальных целей: государь желал заработать на ярмарочных сделках. Поэтому обычно с ярмарочной концессией было связано *установление конвоя* за плату, потом создание *ярмарочного суда* (отчасти в интересах государя, получавшего судебный сбор, отчасти же в интересах чужеземного торговца, не имевшего права являться перед местным судом), далее *установление меры, веса, монеты* и, в связи с этим, *времени и формы торга*. Взамен всего этого государь взимал *ярмарочную пошлину*. Из этой первоначальной связи между посещающими ярмарку купцами и концессионирующей их княжеской властью развились и иные отношения. Купцы нуждались в больших складах для осмотра, взвешивания и хранения товаров. На этом было основано *принудительное пользование погрузочно-разгрузочным краном*: в угоду фискальным интересам, купцы обязаны были пользоваться краном государя. Но прежде всего тем же фискальным интересам служили *принудительные правила о маклерстве*: обороты купцов обязательно должны были подвергаться контролю, так как с них-то и полагалось платить пошлины. Для этой цели и назначались маклеры, которых Запад перенял у Востока (*simsarius, sensarius*, отсюда «сенсал»). Ко всем этим обязательствам присоединялось еще *принудительное пользование дорогами* — если государь

ручался за безопасность купца, то последний должен был пользоваться его дорогой — и, наконец, *принудительное правило о ярмарке*: оно гласило, что в интересах контроля чужеземные купцы должны производить торговлю только на виду, на ярмарке или на купеческом подворье.

Б. Местный оседлый купец

Условия, подобные вышеописанным, существовали не только в европейских странах раннего средневековья, но также и в Аравии и вообще на всем свете, пока в торговле первенствовал чужеземный купец. Совершенно иные отношения возникли, когда образовалось сословие *оседлых в данном месте купцов*.

Как типичное явление, оно, конечно, было продуктом городского развития, хотя нет сомнения, что и раньше в рыночных поселках, раскинувшихся вблизи замков, утверждались постоянные купцы. Техническое название для местного купца — *mercator**. Этим термином в средние века обозначался торговец, который приобрел привилегию на поселение в *данном городе*, и, в частности, первоначально розничный торговец (безразлично, продавал ли он продукты собственного производства или чужого). В некоторых юридических источниках это выражение, правда, употребляется также и шире, как слово «купец» в современном торговом праве: *mercator* есть всякий, кто *lucri causa*²² покупает и продает. Но отнюдь нельзя думать, чтобы такое понимание, встречающееся главным образом в рейнских памятниках, было распространено повсеместно в средние века; напротив, соображаясь с структурой населения средневековых городов, можно сказать, что *mercator* не был крупным оптовым торговцем, но просто так называли каждого, кто приносил что-нибудь на рынок, будь то ремесленник или профессиональный торговец.

Сословие профессиональных торговцев в городах прошло через следующие стадии развития. Местный купец сначала является *странствующим торговцем*. Он путешествует периодически, чтобы сбывать товары в чужих местах или привозить оттуда чужой товар; это разносчик, ставший оседлым. Вторая стадия вскрывается тогда, когда он отправля-

* P. Nolte, Der Kaufmann in der deutschen Sprache und Literatur des Mittelalters, Гёттинген, 1909.

ет в торговое странствие другого, доверенное лицо, слугу или же сотоварища; одно из этих положений переходит в другое. Третью ступень представляет *система факторий*. Торговец уже настолько окреп силой капитала, что основывает собственные высылки в чужих местах или же, по крайней мере, держит там своих служащих, т. е. кладет начало интерлокальной филиальной системе. В конце концов осевший торговец остается привязанным к данному месту и совершает сделки вне своего города путем *корреспонденции*. Такое положение стало возможным лишь в позднее Средневековье, потому что необходимой предпосылкой для него являлась достаточная обеспеченность интерлокальных условий транспорта, а также достаточная интертерриториальная правовая безопасность.

Центр тяжести средневековой торговли лежит в *розничной торговле*. Даже купец, привозящий свои товары с далекого Востока, считает важным и нужным продать их непосредственно потребителю. Риск был меньше, барыш надежнее и вернее, а обычно и выше, чем при продаже оптом, и носил монопольный характер. Еще ганзейцы не были купцами в нынешнем смысле слова; они придавали очень большое значение тому, чтобы в чужой стране держать розничную торговлю в своих руках, и старались в России, в Швеции, в Норвегии и в Англии вытеснить чужого розничного торговца. Еще в XVI в. такой политики держатся *merchant adventurers*²³, которых Елизавета снабжает привилегиями. Настоящих оптовых торговцев в раннем средневековье, может быть, и вовсе не было; в конце средних веков они существовали в крупных торговых пунктах Южной Европы лишь в небольшом, медленно возрастающем количестве, а на севере они составляли настоящее исключение*.

Сословию местных оседлых купцов приходится бороться с другими общественными слоями**. Эта борьба отчасти направлена против вторжения извне, как, например, *борьба за монополию на городском рынке*; ее у местного купечества оспаривала пришлая племенная и родовая торговля, особенно же торговля промышленных племен, присыла-

* G. v. Below. Grosshändler und Kleinändler im deutschen Mittelalter, в Probleme der Wirtschaftsgeschichte, Тюбинген, 1920.

** Ср. по поводу нижеследующего в особенности работы G. v. Below: Über Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker. Der Untergang der mittelalterlichen Stadtwirtschaft, обе в Probleme der Wirtschaftsgeschichte; Mittelalterliche Stadtwirtschaft, 1917 (во всех указания на дальнейшую литературу).

ющих свой товар издалека, и торговля иноплеменных торговых наций, не имевших в городе права оседлости. Желание уничтожить подобную конкуренцию явилось побудительной причиной борьбы против *евреев*. В ранне Средневековье в Германии незаметно никакой антипатии против них. Еще в XI в. шпейерский епископ привлекал евреев в свой город, чтобы, как он говорил, увеличить его блеск. Только во времена крестовых походов через Европу прокатилась первая волна антисемитизма под двойным влиянием религиозной войны и еврейской конкуренции, хотя мы уже в античном мире находим антисемитические наклонности, как видно, например, из Тацита, который обвинял евреев в *superstitio*²⁴ и, в качестве римлянина, презирал всякую восточную *ἔκτασις*²⁵ как нарушающую человеческое достоинство. Эта борьба против евреев и других инородцев, (кагорцев, ломбардцев и сирийцев)²⁶ является симптомом возникновения национального купечества. Далее местные городские торговцы борются против деревенских купцов. Эта борьба закончилась в XV в. полной победой городского купечества; так, например, баварский герцог Людовик Богатый²⁷ (1450—1479) прямо хвалился тем, что в своей стране с целью облегчения контроля, перевел деревенских купцов в города. Затем борьба направляется также против *розничной торговли чужих купцов*, причем она проводится в различных формах. Городские купцы во многих местах добились того, что чужим купцам разрешалось выставлять товар для продажи только в определенные дни. Непосредственная продажа потребителям была им воспрещена; повсюду также, в целях контроля, им запрещалось торговать между собой, и, наконец, их подчинили *принудительным правилам сбыта*: раз они привезли товар на место, они были обязаны и сбывать его здесь же на месте, потребителям или местным купцам. Последние добились также возрастающего усиления контроля над приезжими. Против них установили *назначение принудительного хозяина*, т. е. обязательство останавливаться в интересах надзора, у определенных граждан (см. выше, стр. 200). Но так как вместе с этим надо было опасаться возможности запрещенных торговых сделок между гостем и хозяином, то устроили *общественные склады и подворья* и обязали чужестранцев жить там. Последние два мероприятия связаны друг с другом не

постоянно, но все же очень часто. Пример тому нам дает фондако Тедески (fondaco dei Tedeschi) в Венеции. Там каждый немецкий купец должен был и проживать и складывать весь свой товар. У фондако почти не было самоуправления; администрация назначалась городом, а сами купцы находились под контролем маклеров. *Принудительное посредничество маклера*, одно из самых действенных мероприятий упомянутого рода препятствовало совершению торговых сделок между отдельными гостями и осуществляло надзор над сношениями между чужестранцами и туземцами. Таким образом, маклерство обязано своим возникновением монополистским тенденциям местного купечества и желанию города установить контроль над каждой отдельной сделкой чужого торговца. Маклеру не разрешалось совершать сделки за собственный счет и вступать в торговое товарищество; в качестве чиновника, он получал только сбор от сделок, подлежащих его контролю.

Вторым великим предметом борьбы, предпринятой торговцами, было достижение *равномерности шансов внутри организации*. Из товарищей, одинаково находящихся под защитой сообщества, у одного не должно было быть больше шансов на барыш, чем у другого; особенно это касалось розничных торговцев. Этой цели служили *запрещение продажи и право соучастия*. Первое препятствовало закупать товар у чужих торговцев, прежде чем он привозился в город. Если же какой-нибудь купец, обладая большим капиталом, закупил больше товаров, чем другой, то вступало в силу право соучастия; оно гласило, что каждый товарищ имел право потребовать, чтобы ему уступили часть этих товаров за возмещение их стоимости. Это предписание было терпимо только для розничных торговцев. Крупная же оптовая торговля, поскольку в ней совершались сделки с отдаленными местностями, не могла подчиняться таким правилам, если не желала отказаться от всякого дальнейшего развития. Отсюда и разгорелась борьба, тем более ожесточенная, чем больше льгот крупные торговцы-оптовики сумели обеспечить за собой.

Третья борьба, в которую пришлось вступить местному городскому купечеству, была борьба за *предпринимательский простор*, как таковой. Дело в том, что купцы старались по возможности широко использовать свободу, кото-

рую город предоставлял для наживы. Отсюда возникла борьба за *принудительное пользование дорогами и складочными местами*, т. е. за право принуждать чужих купцов ездить в определенное место по определенной дороге и сбывать свои товары в определенном, назначенном для этого городе или гавани. Это принуждение содействовало развитию торговли только вначале; без монополии, созданной им для определенных городов или дорог, при незначительности оборотов не оказалось бы возможным вообще создать техническую основу для торговли и покрыть издержки на устройство гаваней и дорог. Но это ничего не меняет в том, что для всех обеспечивших за собой эту монополию, прежде всего для городских сеньоров и государей, решающим моментом являлись чисто фискальные соображения. Каждый территориальный государь пытался войной приобрести в свою пользу складочное и дорожное право. Возникшие отсюда столкновения были в Германии особенно бурными в течение XIV и XV вв. Право, касающееся складочных мест и дорог (*Stapel-und Strassenrecht*), при этом составляло одновременно и объект и средство борьбы. Раз определенный город обладал привилегией складочного места, то его сеньор мог наносить чувствительные удары и в политической борьбе, загораживая дорогу и препятствуя движению; особенно история англо-фландрских сношений в последние столетия среднековой эпохи полна примеров подобного рода.

Наконец, местное купечество вступает в антагонизм и с *интересами потребителей* и в то же время раздваивается в собственной среде, смотря по тому, заинтересовано ли оно в местном сбыте или в торговле с отдаленными местностями. Для потребителя было выгодно покупать товары чужих торговцев по возможности из первых рук. С другой стороны, громадное большинство местных купцов было заинтересовано в том, чтобы регулировать сбыт с точки зрения выгод розничного торговца и все-таки, наряду с этим, обеспечить себе возможность получения товаров издалека. В конце концов, оказалось невозможно преследовать одновременно обе цели. С осознанием этого начинается *отщепление категорий оптовых торговцев*; этим вносится раскол в среду купечества, и интересы розничного торговца и потребителя начинают сближаться.

В. Ярмарочная торговля

Правильная деятельность, как приезжего, так и местного купца, прежде всего имеет в виду потребителя. Рядом с ней выступает перед нами *ярмарочная торговля*, представляющая собой первичный вид торга от купца к купцу. Так как в средние века преобладают розничные торговцы, заинтересованные только в местном рынке, то ярмарки, развиваясь, дали важнейшую форму для интерлокальной организации торговли. Характерным для них является то, что они посещаются не местными, а чужеземными купцами, прибывшими *ad hoc*²⁸, а также то, что на ярмарке торгуют только товаром, имеющимся налицо; в этом отношении она отличается от нынешней биржи, где совершается купля-продажа отсутствующих, часто даже еще не изготовленных товаров.

Типичный пример этого рода нам дают ярмарки в *Шампани**. В четырех главнейших городах Шампани происходило каждый год шесть ярмарок, из которых каждая продолжалась по пятьдесят дней, включая время, нужное для предварительных и расчетных дел, как, например, платеж по векселям и т. д., так что весь год, за исключением праздников, был заполнен этими шестью ярмарками в каждом из четырех городов. Для них была выработана особая административная организация; существовал ярмарочный суд (*custodes nundinarum*), составленный из одного гражданина, *civis*²⁹, и по вопросам о конвое товаров из одного рыцаря — *miles*³⁰. Впервые суд этот упоминается в 1174 г.; высшее развитие его значения относится к XIII и XIV вв. По отношению к посетителям ярмарки суд обладал правом полицейского надзора и наказания и, в виде крайней меры, мог запретить виновному участвовать в торге. Такого права добивались и другие власти, как, например, церковь: не так уж редко случалось, что того или иного по политическим или фискальным причинам присуждали к отлучению, чтобы не допустить его к ярмарке, и такой участи, бывало, подвергались целые общины. Шампань достигла своего торгово-политического значения благодаря тому, что она лежала на путях между Анг-

* Ср. F. Bourquelot, *Etudes sur les foires de Champagne* (в: *Mémoires de Académie des Inscriptions*), Париж, 1865; E. Bassermann, *Die Champagner Messen*, Тюбинген, 1911; M. Brésard, *Les foires de Lyon au 15 et 16 siècle*, Париж, 1914.

лий, как страной, производившей шерсть, и Фландрией, как обрабатывающей ее, с одной стороны, и Италией, великим посредником в товарном обмене с Востоком — с другой. Поэтому между товарами, которые там продавались и покупались, первое место занимали шерсть и шерстяные изделия, особенно дешевое сукно. С юга взамен этого привозили товары высокой ценности, тонкую овечью кожу, пряности, квасцы, дерево редких сортов для отделки мебели, краски для сукон, воск, шафран, камфару, резину, лак, другими словами, целый ряд продуктов из южных стран и с Востока. Ярмарка сукон была самая важная из всех ярмарок в Шампани и достигала наибольших оборотов. Там встречались всевозможные монеты со всей земли. Поэтому именно в Шампани впервые расцвела *специальность денежного размена*; она же была классическим местом, где производились уплаты по долговым обязательствам, особенно *по долгам прелатов*. Светский вельможа, не уплативший по долговому обязательству, в своем замке был фактически недосыгаем для купца. Иное дело прелат, который всегда мог ожидать того, что духовное начальство отлучит его от церкви за нарушение слова. Основанная на этом особая кредитоспособность высшего духовенства нашла выражение в том, что значительная часть векселей выдавалась на имя прелатов, причем платеж, под страхом отлучения, должен был производиться самое позднее за четыре дня до начала общего расчетного периода на ярмарке. Этот порядок имел целью обеспечить купцов наличными деньгами для совершения ярмарочных сделок. Если давлением со стороны церкви прелата можно было принудить к производству платежа, то этому, с другой стороны, соответствовала большая безопасность денежных посылок на его имя, гарантией чего также являлась церковная кара: все это облегчало развитие кредитных операций между купечеством и духовенством.

Ни одна из других ярмарок того времени не приобрела такого значения*. В Германии пытались сделать из Франкфурта ярмарочный центр; правда, город постепенно развился в этом направлении, но никогда не достиг положе-

* Ср. например, *F. Rachfahl*, Wilhelm von Oranien, I, Галле 1906, стр. 305 и след. (об антверпенской ярмарке); *E. Hasse*, Geschichte der Leipziger Messen, Лейпциг, 1885; *G. Wustmann*, Geschichte der Stadt Leipzig, Лейпциг, 1905; *R. Häpke*, Brüggens Entwicklung zum mittelalterlichen Weltmarkt, Берлин, 1908.

ния шампанских (или также лионских) ярмарок. В восточной Европе Новгород, а впоследствии Нижний Новгород, являлся местом для товарного обмена между ганзейскими купцами и торговцами мехами и крестьянскими производителями России. В Англии* существовало много ярмарочных городов; ни один из них не мог сравниться с ярмарками Шампани.

§ 4. Экономические формы производства торговли

Рациональная торговля является средой, в которой принцип строгой отчетности возникает впервые, чтобы, в конце концов, приобрести решающее значение во всей хозяйственной жизни. Необходимость точного счетоводства прежде всего появилась повсюду там, где производилась торговля компаниями. В первое время торговля считалась с такими незначительными оборотами и таким большим барышом, что не было надобности в точном счетоводстве: цена была традиционно установлена, и торговец мог быть уверен в том, что продаст товар с большой прибылью. Только тогда, когда произошло объединение в торговые товарищества, пришлось в целях расчета приступить к тщательному ведению счетных книг.

Технические средства счисления были несовершенными почти до начала новой истории. *Цифровая система***, которой мы ныне пользуемся, изобретена индийцами, передавшими ее арабам, после чего, вероятно, евреи перенесли ее в Европу. Но только во времена крестовых походов она фактически распространилась так широко, что могла служить общим средством счета. А без этой арифметической системы

* Об организации торговли в средневековой Англии: E. Lipson, An introduction to the economic history of England, I т., Лондон, 1915, стр. 196 и след.; N. S. Gras, Evolution of the english corn market from the 12 to the 18 century, Кембридж, (Гарвард) 1915, с дальнейшими указаниями литературы.

** Ср. F. Woepcke, La propagation des chiffres indiens, в: Journal asiatique XVI (1863); A. Nagl, Über eine Algorithmusschrift des XII Jahrhunderts und über die Verbreitung der indisch arabischen Rechenkunst und Zahlzeichen im christlichen Abendlande, в «Zeitschrift f. Mathematik u. Physik», XXXIV (1889), historisch literarische Abteilung; W. Cantor, Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, 3-е изд., Лейпциг, 1907, I, стр. 707 и след.; L. Ior-dan, Materialien zur Geschichte der arabischen Zahlzeichen in Frankreich. Archiv g. Kulturgeschichte III (1905).

рациональное исчисление было невозможно. Все народы, производившие счет при помощи цифр, выраженных буквами, как народы античного мира и китайцы, наряду с этим должны были еще располагать механическим приспособлением для счисления. В античную эпоху и вплоть до последних времен средневековья этой цели служила счетная доска (abacus), употреблявшаяся долго и после того, как стали известны арабские порядковые цифры. Дело в том, что когда порядковая система проникла в Европу, на нее сначала смотрели как на предосудительный способ выигрыша нечистыми средствами, так как она давала преимущество конкуренту даже перед самым дельным купцом, не желающим ее применять. Поэтому сначала пытались запретить ее употребление, и даже передовые флорентийские цехи сукноделов на первых порах наложили на нее запрет. Но abacus затруднял деление, которое поэтому считалось сначала тайным искусством; дошедшие до нас флорентийские счета того времени, поскольку они проведены в цифровых буквах, неверны в составе трех четвертей или четырех пятых своего общего количества. По этой причине римские числовые знаки были сохранены для записей в торговых книгах, а сами счета фактически проводились арабскими цифрами. Около XV и XVI вв. порядковая цифровая система наконец получает и публичное признание. Первые учебники арифметики, пригодные для купцов, были написаны в XV в., между тем как более древняя литература по этому предмету, восходящая до XIII в., недостаточно популярна. Под руководством знакомства с порядковой цифровой системой развилось западное *счетоводство*. Оно не имеет подобного себе на всем свете, и даже в эпоху античного мира существуют только крайне несовершенные его предшественники.

Европейский Запад, и только он один, стал местом производства расчетов на деньги, в то время как Восток остался при натуральном счете (напоминаем о египетском переводном счете выражавшемся в зерновом хлебе)*. Правда, со счетоводством мы встречаемся и в античном банковском деле — у греческих *τράπεζα* и римских *argentarii* — менял и банкиров). Но записи у них носили документальный характер и велись лишь с той целью, чтобы иметь возможность

* См. выше, стр. 73.

устанавливать законным образом правовые отношения; проверка же доходности не входила в расчет. Настоящая бухгалтерия возникла только в средневековой Италии: в XVI в. некий немецкий приказчик отправился в Венецию, чтобы там научиться счетоводству. Бухгалтерия развилась на почве торгового общества*. Древнейшим носителем непрерывного торгового производства является повсюду семья; так было в Китае, Вавилонии, Индии, в раннем Средневековье. Сын хозяина торгового дома в силу вещей был сначала приказчиком, а позже компаньоном своего отца. Таким образом в течение столетия одна и та же семья могла производить денежные платежи и давать разные ссуды, как, например, уже в Вавилонии дом Игиби в VI в. до Р. Хр. Правда, здесь дело касается не широко рассчитанных и сложных предприятий, как ныне, а только сделок несложного свойства. В связи с этим характерно, что у нас нет более подробных сведений о счетоводстве ни вавилонских, ни индийских торговых домов, несмотря на то, что по крайней мере, в Индии была известна порядковая цифровая система. Причину нужно искать, вероятно, в том, что там, как и вообще на всем Востоке и в Китае, торговая ассоциация оставалась семейным делом, и поэтому не было нужды в отчетности. Типичной почвой для торговых ассоциаций с лицами, не принадлежащими к семье, станет только европейский Запад.

Первичной формой соединения в товарищество является форма единичных торговых сделок: это — *commenda*** . Частое заключение подобных сделок могло привести к постоянным предприятиям. Такое развитие действительно имело место, но с характерными различиями между югом и севером Европы. На юге путешествующий купец постоянно является предпринимателем, которому вручается коммента, так как его нельзя было контролировать вследствие его многолетних странствований на Востоке. Он сделался предпринимателем, брал комменды с различных сторон (до де-

* Ср. A. *Kleukhohn*, *Zur Geschichte der Handelsgesellschaften und Monopole im Seitalter der Reformation* (b: *Historische Aufsätze dem Angedenken an Georg Waitz gewidmet*, Ганновер, 1886), M. *Weber*, *Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter*, Штуттгарт 1889; W. *Heyd*, *Beiträge zur Geschichte des deutschen Handels. Die grossen Rabensburger Gesellschaften*, Штуттгарт 1890; F. *Keutgen*, *Handische Handelsgesellschaften vornehmlich des 14 Jahrhunderts* (*Vierteljahrsschrift f. Sozial- u Wirtschaftsgeschichte* IV, 1906); E. v. *Roon-Bassermann*, *Sienesische Handelsgesellschaften des 13 Jahrhundert*, Маннгейм, 1912.

** Ср. выше стр. 136 и след.

сяти или двадцати) и производил особый расчет с каждым лицом, давшим ему коммendu. На севере же, наоборот, предпринимателем постоянно являлся компаньон, остававшийся дома; он являлся лицом, состоявшим в связи с несколькими путешествующими компаньонами и давал им комменды. Путешествующему же фактору, напротив, запрещалось принимать несколько комменд; тем самым он очутился в зависимости от товарища по торговле, остававшегося дома и превратившегося по указанным мотивам в руководителя предприятия. Причина такой разницы лежит в разнородности северной и южной торговли; на юге путешествия были сопряжены с гораздо большим риском, так как вели купца на Восток.

С распространением торговых дел в форме комменды развиваются *постоянные производительные предприятия*. Прежде всего, благодаря торговой связи с лицом, принявшим коммendu и не принадлежавшим к семье, в семью проникает практика счетоводства; так как по поводу каждой отдельной сделки надо было производить расчет, даже если к комменде принадлежал член семейства*. В Италии это развитие совершилось быстрее чем в Германии, а здесь, в свою очередь, юг преvarил север, Фуггеры еще в XVI столетии, правда, принимали в свое предприятие чужой капитал, но очень неохотно чужих компаньонов**. В Италии же ассоциация с чужими на основании общего домоводства распространилась в возрастающей мере уже в XIV в. Первоначально при этом не происходило никакого разделения между домохозяйством и предприятием. Оно установилось только постепенно на базисе средневекового счета, в то время как в Индии и в Китае, как мы видели, такого разделения не знали. У крупных флорентийских торговых домов, как например, у Медичи, первоначально расходы по хозяйству и денежные дела с папами вносились в книги вперемежку; расчет производился сначала только с чужими по делами комменд, а внутри семьи все оставалось в большом котле общего домохозяйства.

Решающим моментом для отделения счетов по хозяйству от делового торгового счетоводства и вместе с тем для развития раннекапиталистических учреждений стала впервые потребность в *кредите*. Такой потребности не было, по-

* Ср. выше стр. 196.

** Вельзеры³¹ в этом вопросе держались более широких взглядов.

ка покупали только на наличные деньги; когда же вошли в обыкновение сделки, рассчитанные на долгий срок, то вместе с тем возник вопрос о гарантиях кредита. Для обеспечения его применялись следующие средства. Во-первых, поддерживалось общее домохозяйство даже с отдаленными родичами, и тем сохранялось *нераздельным все родовое имущество*; для такой цели и сооружались, например, palazzi (дворцы) крупных торговых семейств во Флоренции. Во-вторых, установили *солидарную ответственность* участвующих в общем хозяйстве. За каждый долг одного из членов общего домохозяйства отвечали все остальные члены. Круговая порука, вероятно, возникла на почве практики уголовного судопроизводства, так как в случаях, например, государственной измены дом виновного разрушался, и единство семьи, оказавшейся запятнанной, таким образом разрывалось. Вероятно, отсюда круговая порука перешла в гражданское право. Когда в семейное сообщество, в целях торговли, извне проникал капитал или чужие лица, порука возобновлялась на неправильные промежутки времени. Вместе с этим возникла необходимость в договорном установлении того, какая часть потребления должна причитаться каждому отдельному члену, и кто является представителем дома. По-существу, семья повсюду отвечает за общего отца; но нигде принцип круговой поруки не развился с такой последовательностью, как в торговом праве Западной Европы. В Италии эта порука выросла на почве общего домоводства; отдельными стадиями ее развития являются общее сожительство, общая мастерская, наконец, общая фирма. Не так происходило на севере, где не знали общности семейного имущества в крупных размерах; здесь потребность в кредите удовлетворялась таким образом, что *все* участники торгового предприятия совокупно подписывали документ, определяющий взаимное ручательство. В таком случае, каждый отдельный компаньон, по большей части, без всяких ограничений, отвечал за долги всей фирмы, а не наоборот, не фирма за обязательства отдельного члена. В конце концов одержал верх тот принцип, что каждый компаньон несет ответственность за другого, даже если он не подписал документа. В Англии для той же цели пользовались общей печатью или доверенностью. Солидарная ответственность всех компаньонов за долги общей фирмы установлена в Италии с XIII в., а на севере с XIV в. На-

конец, в качестве прочно утверждавшегося вместо всех остальных и самого действенного средства для обоснования кредитоспособности, устанавливается выделение *особого имущества торгового общества*, обособленного от частного имущества компаньонов. Это выделение мы находим в начале XIV в. во Флоренции, к концу того же столетия и на севере. Оно стало неизбежным с тех пор, как в торговое общество в возрастающей мере принимались лица, не принадлежавшие к одному семейству; впрочем, оно сделалось неизбежно и внутри семьи, если она продолжала принимать в дело чужой капитал. Теперь в книгах появляется различие между приходом и расходом, с одной стороны, для фамильной торговли, а с другой, для частного домохозяйства, причем в основу предприятия уже кладется определенный денежный капитал: рука об руку с имуществом фирмы (*corpo della compagnia*), развивается понятие капитала. В отдельных случаях это развитие пошло совершенно различными путями. На юге — и не только в Италии, но и в Германии, как например, у Фуггеров и Вельзеров — его носителем были крупные семейные торговые дома, на севере же — более мелкие единицы, семейства в тесном смысле, товарищества мелких торговцев. Решающим моментом было то, что средоточие крупного денежного обращения и финансового могущества находилось на юге, так же как и центр тяжести торговли металлами и сношений с Востоком, в то время как север остался местопребыванием мелкого капитализма. Поэтому и формы товарищества, развившиеся здесь и там, совершенно отличались друг от друга. Типом южного торгового общества было *товарищество на вере* (коммандитное)³², при котором один из участников вел дела под личной ответственностью, а другие участвовали вкладами и получали свою долю из вырученной прибыли. Причина такого развития лежит в том, что на юге путешествующий купец, получавший комманду, являлся типичным предпринимателем; когда он становился оседлым, он превращался во владельца постоянного предприятия, принимавшего форму комманды. На севере все происходило наоборот. Документы ганзейского союза, на первый взгляд, производят такое впечатление, как будто там вообще не существовало постоянных предприятий, и торговля распадалась на массу кратковременных случайных товарищеских соединений и необозримый ряд беспорядочно пере-

мешанных отдельных сделок. В действительности же эти единичные сделки являлись звеньями постоянных предприятий и только вели расчеты поодиночке, так как итальянская (двойная) бухгалтерия была введена здесь только позже. Эта торговля производилась в формах именованных *Sendeve* и *Wedderleginge**. В первом случае, путешествующему купцу дают с собой комиссионный товар за известную долю барыша; во втором, его желают заинтересовать в деле тем, что в его пользу приписывается капитал из заключенных им сделок.

§ 5. Купеческие гильдии

K. Hegel, Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter, в 2-х т. Лейпциг, 1891; *Ch. Gross*, The Gildmerchant, 2 т.т., Оксфорд, 1896; *M. Pappenheim*, Die altdänische Schutzgilden, Бреславль, 1886; *A. Doren*, Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Лейпциг, 1893; *Lipson*, I, с. стр. 238 след.; дальнейшая литература к истории западноевропейской гильдии у *R. Schöder*'а, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 6-е изд., I т. (Лейпциг, 1919; стр. 689 сл. — *H. B. Morse*, The Guilds of China, Лондон, 1909; относительно Индии см. *M. Weber*, Gess. Aufsätze zur Religionssoziologie, II, стр. 84 и след. и приведенные там работы *W. Hopkins*'а.

Гильдия не была специфически германским явлением. Она была распространена по всей земле; только от античного мира нет точных сведений о ее существовании; во всяком случае, она там не играла политической роли.

По своей форме гильдия является или союзом купцов на чужбине, в целях правозащиты против туземных жителей, или же союзом местных купцов; в последнем случае она развивалась на почве племенного промысла и племенной торговли, как, например, в Китае. Встречается и сочетание обеих форм.

На Западе мы прежде всего находим гильдии чужеземцев, носящие местный характер; так, например, до XIII и XIV вв. существовала гильдия немецких купцов в Лондоне, создавших себе там особый складочный дом — «*Stahlhof*». Интерлокальный характер носили ганзы, — это наимено-

* Cp. *W. Schmidt-Rimpler*, Geschichte des Kommissionsgeschäft in Deutschland (Halle, 1915).

вание встречается в Германии, Англии и Франции — техническое развитие которых в отдельных местностях протекало различным образом. В тесной связи с ними стоит институт *ганзграфа*, встречающийся в целом ряде городов. Ганзграф — это должностное лицо, назначенное или, по крайней мере, допущенное государственной властью; в его обязанности входило блюсти в сфере интерлокальных торговых сношений правозащиту купечества, представителем которого он являлся, но в форму самой торговли он не вмешивался. Для второго типа гильдии, *гильдии оседлых купцов*, основной задачей которой является монополизация местной торговли, мы находим один пример в *Китае* — в гильдии чайных торговцев в Шанхае, другой — в гильдии Кохон в Кантоне³³, тринадцать фирм которой управляли до нанкинского мира (1842 г.)³⁴ всей внешней торговлей чаем в виде монополии. Китайская гильдия по отношению к своим членам имела права регулирования цен, поручительства за долги и наложения сборов. Ее карательное правосудие носило драконовский характер; неповинующихся членов подвергали суду Линча; еще в XIX в. встречались случаи смертной казни за превышение максимально допущенного числа учеников у мастера. В своей внутренней торговле Китай знал гильдии банкиров и купцов, занимающихся своим делом в пределах страны; такова, например, была банкирская гильдия в Нючване³⁵. Китайские гильдии сыграли крупную роль в развитии валюты страны. Ухудшение монеты в период правления монгольских императоров³⁶ повлекло за собой упадок всего монетного дела. Обращение кредитных билетов привело к тому, что серебром, как средством обмена в крупных торговых делах, пользовались в виде слитков, штемпелевание которых взяли в свои руки гильдии. Таким образом, гильдия стала носителем валютной политики; ей было предоставлено право установления меры и веса; она же присвоила себе право уголовного суда. В *Индии* гильдии возникают в эпоху буддизма, от VI до IV вв. до Р. Хр. и достигают высшего расцвета начиная с III в. Они представляют собой родовые объединения торговцев с наследственными начальниками; высшего развития они достигли тогда, когда сделались кредиторами борющихся между собой отдельных князей, а падение их последовало благодаря вторичному возвышению каст; последние отчасти были подавлены буддизмом, но княжеская политика, на-

чиная с индийского средневековья, их снова усилила. Таким образом, каста ламани или банджари, бывшая в XVI в. носителем торговли зерном и солью и поставщиком армии, может быть, является одним из родоначальников нынешней касты банья (торговцев). Наряду с этим в Индии мы находим распределение видов торговли по конфессиональным группам, представленным сектами. Секта джайна, по ритуальным причинам ограничивается розничной торговлей на месте; оптовая торговля и торговля с отдаленными местностями на основе кредита находилась в виде монополии в руках парсов, не связанных ритуальными рамками и являвшихся представителями надежности и честности; каста банья, наконец, занимается мелочным торгом и везде представлена там, где можно иметь барыш, преобладающий с этической точки зрения; поэтому ее члены занимались откупом податей, служебным ростовщичеством и т. д.*

В противоположность Китаю, на Западе установление монеты, меры и веса всегда является прерогативой высшей политической власти; этим правом она или пользовалась сама, или передавала (жаловала) его другим политическим властям, но никогда не гильдиям. Могущественное положение гильдии здесь вполне основывается на привилегиях, дарованных государственной властью. Мы находим следующие ее виды: 1) *Городская гильдия*. Это — союз торговцев, управляющий городом и, в частности, контролирующий в интересах хозяйства полицию промышленности и торговли. Она выступает в двоякой форме, представляет собой или военный союз, как, например, *compania comunis* в Венеции и Генуе, или же отдельную корпорацию торговцев внутри города (*mercadanza*), возвысившуюся совместно с цехами. 2) *Гильдия, как податной союз*. Это специфическое явление английской истории. Могущество английских гильдий основывалось на том, что они у короля откупали право сбора податей (*firma burgi*). Только тот, кто платил подати, мог быть членом гильдии; кто не участвовал в платежах, стоял вне ее, а также не имел права вести торговлю. На основании такого положения, в функции английской гильдии входило предоставление права гражданства в городе.

В отдельных западно-европейских странах развитие гильдий пошло различным путем. Английская гильдия достиг-

* Ср. выше стр. 187.

ла вершины своего могущества в XIII в. После этого периода она пережила ряд экономических переворотов. В XIV в. происходит *отделение торговли от ремесла*: кто хочет остаться в гильдии, обязан под присягой отказаться от ремесленной деятельности. Одновременно внутри ремесленных цехов возвышаются торговцы и, в качестве *livery company*³⁷, т. е. единственно полноправных членов, отделяются от более бедных ремесленников, которым не под силу тратиться на *livery*, на орнат³⁸ или представительство*. Отделение оптовых торговцев от розничных в XVI в. еще не совершилось, но уже получила утверждение первая купеческая гильдия, устроенная для торговли с иностранными городами (*merchant adventurers*)**. Английское законодательство, впрочем, пыталось стеснять гильдии, по образцу цехов, позволяя их членам торговать только одним товаром. Кроме того, в Англии над гильдиями всегда стояла сильная государственная власть, хотя в парламенте были представлены также и интересы купечества. Это привело к тому последствию, что город там никогда не достигал такой власти над негородским населением, как в Германии, и что деревенские торговцы и землевладельцы всегда имели доступ к гильдиям. В *Италии* развитие протекает внутри отдельных городов-государств. Цехи сохраняют здесь свой чисто местный характер; после того как система отдельных союзов одержала верх над консульским строем, внутри городов начинается борьба ремесленных цехов против купеческих. В *Германии* мы первоначально находим следы развития, аналогичного итальянскому. Симптомом для этого служит появление должности бургмейстера, который в первое время является незаконным старшиной цехов и в своем положении напоминает итальянского *capitano del popolo*³⁹ (т. е. становится главой общины бурга — города). Наряду с этим, мы в многочисленных городах северной Германии наблюдаем течение, в силу которого хозяйственная политика горо-

* Ср. (кроме новейших резюмирующих трудов *W. Herbert*, *History of the twelve great livery companies of London*, 2 т., Лондон, 1836—1937; *P. F. Fox*, *Merchant tailors of Bristol*, 1880; *Alice Green*, *Town Life in the 15 century*, 2 т., Лондон, 1894.

** *W. E. Lingelbach*, *The merchant adventurers of England, their laws and ordinances*, Филадельфия, 1902; *S. von Brakel*, *Die Entwicklung und Organisation der Merchant-Adventurers*, *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, V, (1907); *H. F. Crohn-Wolfgang*, *Der englische Überscekaufmann im Zeitalter des Entdeckungen*, *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft* LXXVI (1921); *J. Latimer*, *History of the Society of the Merchant Venturers of Bristol*, Бристоль, 1903.

да устанавливается гильдией торговцев, как было в Англии. В средней же Германии мы в целом ряде древних больших городов находим гильдию, неофициально управляющую городом; таково, например, было в Кёльне положение «*Richerzeche*», гильдии богатых купцов, финансировавшей восстание против архиепископа, который принял тогда от горожан присягу против господина города, и затем господствовала над городом в течение долгого времени, с правом окончательного решения при принятии новых лиц в число горожан. Но наиболее распространенным порядком является в Германии наличие торговых цехов, между которыми выделяются розничные торговцы (*Krämer*) и так называемые *Gewandsschneider*'ы⁴⁰. Последние, продававшие потребителям в розницу (отрезами) привозные сукна, сделались в маленьких городах севера господствующей гильдией. С ткачами им приходится почти непрерывно вести борьбу из-за рынка, но, по большей части, они одерживают верх, между тем как в больших городах патрицианские роды стоят выше них по социальному положению и значению.

О последовательной торговой политике городов, управлявшихся гильдиями, особенно же о такой политике союзов городов, в средние века не может быть и речи. Города не вели собственной торговли; она возникает только в начале XVI в. Политика немецкой Ганзы* представляет собой исключение. Она одна последовательно проводила торговую политику, отличающуюся следующими основными правилами: 1) только граждане ганзейских городов имеют право участвовать в торговых привилегиях, приобретенных Ганзой; 2) союз старается взять в свои руки розничную торговлю в чужих странах и отказывается производить экспедиционную и комиссионную торговлю; в этом стремлении он, правда, потерпел неудачу, как только (в Англии, Скандинавии, России) развилось местное торговое сословие; 3) в торговле ганзейцев должны употребляться только собственные корабли, нельзя нанимать чужих или продавать чужим ганзейские корабли и корабельные пай**;

4) ганзейцы занимаются только товарной торговлей, а не

* *E. Daenell*, *Die Blütezeit der deutschen Hanse*, 2 т.; Берлин, 1905—1906; *A. Kiesselbach*, *Die wirtschaftlichen Grundlagen der deutschen Hanse und die Handelsstellung Hamburgs*, Берлин, 1907; *K. Bahr*, *Handel und Verkehr der deutschen Hanse in Flandern während des 14. Jahrhunderts*, Лейпциг, 1911.

** Это требование вызывало постоянный протест в Данциге, который боролся против стеснений в судостроительстве.

денежными и банкирскими операциями, как флорентийцы; 5) Ганза повсюду брала разрешения на устройство поселений и складов, чтобы держать под контролем своих собственных членов; все их деловые сношения были урегулированы строгими предписаниями; мера и вес были заранее установлены, с чужими нельзя было производить кредитных операций, чтобы не допускать чужой капитал к действию внутри Ганзы; запрещался даже брак с лицами, происходящими из неганзейского города; 6) Ганза делает первую попытку к «стандартизации», т. е. к торговле товарами постоянных видов (воском, солью, металлами, сукнами); 7) в отрицательном отношении у Ганзы не было таможенной политики; она знала только пошлины, установленные в целях войны; 8) ее внутренняя политика была направлена на то, чтобы, подавляя цехи, сохранить власть купеческой аристократии. В совокупности, эти правила образуют политическую систему, ориентированную на интересы местного купечества, ведущего торговлю с чужими странами.

§ 6. Деньги и история денег

W. Ridgeway, The origin of metallic currency and weight standarts, Кембридж 1892; *E. Babelou*, Les origines de la monnaie, Париж 1897; *G. Schurtz*, Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes, Веймар 1898; *W. Lotz*, Die Lehre vom Ursprung des Geldes в «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», LXII (1894), касательно методологии; *H. Halke*, Handwörterbuch der Münzkunde, Берлин 1909; *A. Luschin von Ebengreuth*, Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neuern Zeit, Мюнхен, и Берлин, 1904; *W. A. Shaw*, The history of currency 1252—1894, Лондон 1895; относящиеся сюда прекрасные статьи («Gold», «Währungsfrage», «Silberwährung» и т. д.) *W. Lexis*'a, в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 3-е изд. Обобщающие труды по теоретическим вопросам валюты; *J. L. Laughlin*, Principles of money, Лондон 1903; *F. G. Knapp*, Staatliche Theorie des Geldes, 3-е изд., Мюнхен 1921; *M. Palyi*, Der Streit um die staatliche Theorie des Geldes, Мюнхен 1922.

Исторически деньги являются творцом индивидуальной собственности; этим качеством они обладают с самого начала, и, наоборот, нет такого объекта, носящего характер денег, который не представлял бы вместе с тем характера индивидуального имущества.

Древнейшей индивидуальной собственностью являются предметы, которые отдельный человек сам для себя изготовил; это — орудия и оружие у мужчин, предметы украшения у мужчин и женщин. Они переходят от лица к лицу по особому праву наследования; в этой области мы должны прежде всего искать зачаточные формы денег.

У нас деньги выполняют две главных функции: они служат *установленным платежным средством и всеобщим средством обмена*. С исторической точки зрения, первая функция предоставленного властью платежного средства, является более древней. В этой стадии деньги *не являются орудием обмена*; такое свойство возможно потому, что и система хозяйства без обмена знает отношения или услуги между отдельными хозяйствами, не основывающиеся на обмене, но все же требующие наличия платежных средств: таковы дани, подарки вождю, выкуп за жену, приданое, вира⁴¹, пени, штрафы, т. е. взносы, производимые установленными платежными средствами. Только в качестве вторичного явления к этому примыкали не подарки вождю от подданных, но дары дружине от вождя, жалованье, которое сеньор дает вассалам в форме дара, и еще позднее плата наемному войску со стороны его предводителя. Даже в таком городе, как Карфаген, тем более в персидском государстве, чеканка монеты ведет свое начало от необходимости изготовлять именно платежные средства для войска, а не просто орудия обмена.

На этой ступени развития нечего искать денег единого образца в нынешнем смысле; в каждой отдельной области хозяйства различным видам услуг соответствуют определенные виды предметов или благ, которым присваиваются платежные функции; вследствие этого, *специфические, но разнородные деньги* самостоятельно существуют друг возле друга. Например, нигде и никогда нельзя было купить жену в обмен на раковины, но всегда только в обмен на скот, между тем как при мелких оборотах брались и раковины, потому что они представляли более дробные единицы. Деньги, ведущие свое начало от таких мелких платежных обязательств, назовем деньгами *внутреннего обращения*.

Дальнейшая функция, которая ныне менее характерна для денег, но которую они выполняли в продолжение долгих исторических периодов, это функция их, как *средства для накопления казны*. Вождь, желавший удержаться в

своим положением, должен был быть в состоянии содержать свою дружину и награждать ее при особых случаях подарками. Поэтому везде так высоко ценят *thesaurus*, которым обладает каждый индийский раджа и каждый меровингский король; сокровище Нибелунгов⁴² — не что иное, как такой *thesaurus*. Как материал для образования казны при этом употребляются определенные предметы, которыми государь обычно одаривает своих дружинников и которые вместе с тем в широкой мере совпадают с предметами, ценящимися в обыкновенной жизни в качестве средств для производства платежей. И в этом случае деньги также не являются орудием обмена, а лишь постоянным *имуществом с сословным характером*. Кто им владеет, хранит его в целях престижа и для того, чтобы питать им свое социальное самочувствие. При такой функции деньги, правда, не нуждаются в удобопереносимости, одном из самых важных свойств, которые ныне от них требуются; но они должны отличаться прочностью. Слоновые клыки, гигантские камни особой породы, впоследствии золото, серебро, медь, металлы всякого рода, — все это служит в качестве денег и средства накопления сокровищ. Этот сословный или групповой характер денег находит выражение в следующих фактах: на первобытных ступенях развития деньги дифференцированы, смотря по полу обладателя, так как женщина не может владеть тем же денежным благом, как мужчина; так, например, владение определенными арагонитными камнями⁴³ предоставлено мужчинам, между тем как жемчужные раковины являются исключительно деньгами женщин и даются им в приданое. Далее встречается *сословное разделение денежного имущества* на деньги, употребляемые вождем, с одной стороны, и обыкновенными членами племени, с другой. Только племенной вождь имеет право приобретать раковины определенной величины, владеть ими и расходовать их в случае войны и в виде подарка.

Функция денег в качестве *всеобщего средства обмена* получает свое начало во внешней торговле. Одним из ее источников является постоянный обмен подарками между двумя странами; тель-эль-амарнские таблицы свидетельствуют о таких сношениях между Египтом и азиатским Востоком. Состояние мира между двумя державами предполагает регулярные взаимные подарки со стороны их правителей; это обмен между вождями, похожий на торговлю

и из него развивается торговля вождей. Когда подарки прекращаются, это означает войну. Другой источник — это товар иностранного происхождения, приобретающий широкое распространение. Типичная родовая и племенная торговля присваивает определенным, не имеющимся на месте и поэтому ценным товарам, функцию менового средства. Эти деньги внешнего происхождения могли обращаться внутри страны в тех случаях, когда нужно было производить платежи, связанные с торговлей; сюда, например, относятся пошлины или подорожные сборы: вождь давал конвой, но он должен был соглашаться на то, чтобы купцы платили теми средствами, которые они привезли с собой. Таким путем деньги внешнего обращения впервые проникли во внутреннее хозяйство.

На такой ступени развития функцию денег принимают на себя следующие разнокачественные предметы: 1) *Предметы украшения*. Типичными для них являются раковины каури⁴⁴ в Африке и в странах, прилегающих к Индийскому океану вплоть до глубин Азии. Рядом с ними стоит множество предметов, употребляемых в различных пределах как платежные средства или орудия обмена: стеклянные бусы, янтарь, кораллы, слоновые бивни, скальпы определенного вида. Первоначально деньги в форме предметов украшения всегда были деньгами внутреннего обращения; только в силу того, что различные племена пользовались одним и тем же платежным средством, они превратились в средства обмена. 2) *Предметы потребления*. Первоначально такие деньги были, по большей части, деньгами внешнего обращения. В качестве средства, которым каким-либо способом определялось платежное обязательство или измерялись другие блага, встречаются предметы общего потребления, как, например, скот, рабы или, как на острове Ява, зерновой хлеб; но, в большинстве случаев, эту роль исполняют не такие предметы общего пользования, а предметы роскоши: табак, водка, соль, железные орудия, оружие. 3) *Предметы одежды*, которые первоначально могут функционировать в качестве денег, как внешнего, так и внутреннего обращения. Деньги в форме одежды встречаются в виде мехов, шкур, тканей, не изготовляемых на месте. 4) *Денежные знаки*. При условиях, которые еще не имеют ничего общего с современным денежным обращением, встречается следующее явление: раз люди привыкли к социальной оцен-

ке определенных предметов в качестве объектов имущества или к производству ими определенных платежей, то может случиться, что денежная функция пристанет к простым знакам (символам), которые сами по себе не имеют ценности. Так, например, в британском Индокитае китайские игральные марки получали курс в качестве денег; в России существовали меховые деньги, кусочки меха, не имеющие ценности предметов пользования; таким же образом на юге вместо полных кусков бумажной ткани пускали в оборот полосы ткани такой формы, которая не могла иметь действительной ценности для обмена, но все же они приобретали способность функционировать в виде денежных знаков.

Так как на такой стадии постоянно находится в обращении не одно платежное средство, а одновременно пользуются несколькими, то становится необходимым производить между ними тарифную расценку. Для них устанавливается шкала ценностей, причем обыкновенно это делается не так, чтобы одно из них приравнивалось к нескольким другим, а таким образом, чтобы несколько предметов одного разряда совместно с несколькими другого или различных других разрядов составляли одну платежную единицу. Так, например, на острове Ява платежная единица образуется из известного камня высокой ценности и двадцати перламутровых раковин. Об индейцах, живущих на реке Миссури, рассказывают, что за жену у них давали: два ножа, пару панталон, одно одеяло, ружье, лошадь и кожаную палатку. Это означает, что жена равноценна полному снаряжению индейского воина и за эту цену продается своим племенем. Отсюда следует, что основой для такой расценочной шкалы служат не чисто экономические качества, а ценность благ, как предметов пользования, их традиционно установившаяся социальная значимость и, наконец, потребность в круглых цифрах, с которыми легко обращаться. Среди последних особую роль играют числа, делимые на десять; так, например, существуют племена, у которых десять кокосовых орехов соответствуют определенному количеству табака, триста зубов дельфина — цене жены*. Рав-

* Эти превратившиеся в типы и стереотипы шкалы ценностей, характерные для внутренней торговли, подвержены были колебаниям, если какая-нибудь из платежных ценностей изготовлялась в количестве, превышающем потребность; такое перепроизводство, например, систематически происходит в Африке, в бассейне реки Нигер у определенных племен в обмен предметов, которые у других племен носит характер денег.

ным образом не имеют ничего общего с экономической оценкой виры, пени и всякие другие платежи, фиксированные в деньгах: они связаны исключительно с социальной оценкой. Если вира за убийство свободного франка составляла 200 солидов⁴⁶, то такая сумма назначалась только потому, что ее нужно было установить в определенном отношении к вире за полусвободного или невольника. В этих нормах находит выражение только установленная традицией социальная оценка. Как только распространяются экономические формы меновых отношений — что случилось уже в раннем Средневековье, — вира уже далеко не служит мериллом требований о возмещении потери, но остается типической формой по старине, причем сплошь и рядом происходит, что предъявляется иск на большую сумму. Расценка в денежном благе далеко не всегда означает, что платеж должен производиться в том же денежном благе: это только норма (standart), которой измеряется платежное обязательство отдельного лица. Платеж производится исключительно по мере состоятельности повинного («in quo potuerit»), а не по таксе, которая, в свою очередь, представляет собой только традиционно установившуюся норму платежных обязательств для вознаграждения за понесенные убытки.

Из вышеизложенных условий развивается особое положение *благородных металлов*, как нормальной основы денежного строя. Оно просто обусловлено технически*. Благородные металлы мало окисляются, поэтому сохраняют товарный вид; они в силу своей относительной редкости особенно высоко ценились в виде предметов украшения и, наконец, сравнительно легко поддаются обработке и раздроблению. Решающим оказалось то, что их легко было взвешивать, и что весы по отношению к ним применялись очень рано. В качестве древнейшего противовеса им, по-видимому, употреблялось хлебное зерно. Само собой разумеется, что благородные металлы употреблялись также в форме предметов пользования; но, главным образом, они все же служили платежным средством, причем эту роль они исполняли еще раньше, чем стали орудием обмена. В качестве последнего, они впервые встречаются в торговых отношениях вождей: тель-эль-амарнские таблицы доказывают, что государи Передней Азии ожидали от фараона, главным образом, посылок золотых предметов украшения. Обыкновенно-

* Ср. также *W. W. Carlike, Evolution of modern money*, Лондон 1901.

венной формой княжеского подарка дружине было золотое кольцо: на языке скальдов короля прямо называют дарителем колец. В форме *монеты* деньги появляются впервые в VI в. до Р. Х. Древнейшие монетные дворы находим в Лидии⁴⁶, вероятно, у побережья; они обязаны своим возникновением взаимным сношениям между лидийским царем и греческими колониями. Предвестником чеканенных денег были слитки благородного металла, частным образом отштемпелеванные купцами; в таком виде они появляются в индийском денежном обращении, а затем также в Вавилонии и в Китае: «шекель» — это не что иное, как кусок серебра, снабженный штемпелем определенной семьи купцов, известной своей добросовестностью при взвешивании, а китайский «таэль»⁴⁷ представляет собой серебряный слиток, штемпелеванный купеческими гильдиями. Только впоследствии государственная власть взяла в свои руки чеканку и вскоре захватила на нее монополию. Это, повидимому, случилось уже в Лидии. Персидский великий царь чеканил свои дарейки⁴⁸ в качестве средства оплаты для своих наемников. Монета, как средство обмена, была введена в товарное обращение эллинами. Карфаген, в свою очередь, перешел к чеканке монеты только через триста лет после ее изобретения, и даже тогда не с той целью, чтобы приобрести средства обмена, а только в видах получения платежных средств для своих наемных войск. Вообще, вся финикийская торговля была внеденежным обменом, сильнейшая позиция эллинской торговли отчасти обоснована именно техническими преимуществами принятой греками монетной системы. Рим, отличавшийся в древнейшие времена своего существования полной пассивностью торговли, тоже перешел к чеканке монет поздно, а именно на первых порах к чеканке меди. Чеканку из благородных металлов допускали в Капуе⁴⁹, между тем, как в самом Риме обращались различнейшие сорта монеты, пока в 269 г. до Р. Х. не перешли к чеканке серебряных монет. В Индии чеканка встречается впервые в V в. до Р. Хр., причем она была введена под влиянием Запада; но технически действительно годные монеты можно найти только после эпохи Александра Македонского. Как происходило дело в Восточной Азии неясно; возможно, что там чеканка металлических денег изобретена самостоятельно. Вследствие того, что мандарины в течение долгого времени выпускали монету низкого качества, в

настоящее время в Китае ограничиваются чеканкой медной монеты.

Техника изготовления монеты* до XVII в. имеет мало общего с нашим современным способом. В античную эпоху монету отливали, в средние века «выбивали», т. е. чеканили. Но до XIII в. это было чисто ремесленным производством. Монета постепенно проходила через руки не менее десяти или двенадцати ремесленников, работавших ручными средствами. Расходы по этому производству были чрезвычайно велики. При мелких монетах они составляли четверть действительной стоимости, в XIV и XV вв. все еще 10%, между тем, как ныне считают столько-то десятых процента. Поэтому даже у лучших сортов монет наблюдалась неточность в весе; даже у английской золотой кроны отклонения достигали 10%, несмотря на относительное совершенство этой монеты. В практике реагировали на этот недостаток в том смысле, что монету, по возможности, принимали только на вес. Что касается чистоты, то относительно верным ручательством за нее являлся официальный штампель (проба). Первой сравнительно точной монетой, которая в то же время чеканилась в более или менее постоянном весе, был знаменитый флорентийский золотой флорин (с 1252 г.). Однако, чеканка, технически действительно надежная, начинается только в конце XVII в., хотя монетные машины применялись уже раньше.

Под термином *металлической валюты* мы ныне подразумеваем, во-первых, установление государством определенных монет в качестве платежного средства, либо в каком угодно количестве (валютная монета), либо до известного максимального предела (разменная монета); а во-вторых, в связи с этим, принцип свободной чеканки валютной монеты: это значит, что каждый получал право отдать валютный металл в монетный двор, чтобы ему там, за вычетом минимальных расходов по чеканке, изготовили монету для производства платежей в неограниченном размере. Валютная система может быть монометаллической и биметаллической. В последнем случае единственно возможным порядком ныне представляется так называемая *двойная валюта*, т. е. установление твердого тарифного соотношения

* Cp. K. von Ernst, Die Kunst des Münzens von der ältesten Zeiten bis zur Gegenwart, Numismat. Zeitschr. XX (1888); A. Luschin von Ebengreuth и H. Halke (указаны выше, стр. 154).

между обоими металлами (так, например, в Латинском Монетном Союзе⁶⁰ золото относится к серебру как $16\frac{1}{2}:1$). Вторым, в прежнее время более привычным исходом является *параллельная валюта*. Здесь, при фактически свободной чеканке, или вообще не существовало постоянного соотношения согласно тарифу, или же встречалась только периодическая тарификация, сопряженная с меняющимся соотношением ценностей. При выборе металла руководствовались потребностями соответствующего рынка. Для внутренних и местных сношений можно было пользоваться только валютным металлом не слишком высокой ценности; поэтому мы здесь встречаем серебро или медь или же то и другое одновременно. При международных сношениях некоторое время можно было удовольствоваться серебром, что фактически и пришлось сделать; но при растущем значении этой торговли предпочли золото. Решающим моментом для установления того, в каком виде золото действительно будет обращаться, является его тарифная расценка по отношению к серебру: если один из этих металлов расценивался по тарифу ниже, чем этого требовал фактический запас, то в результате этого монеты, чеканенные в соответствующем металле, расплавлялись и в этом виде возвращались в оборот.

Развитие отношения ценности между отдельными металлами обнаруживает полную противоположность между Восточной Азией, с одной стороны, и условиями, характерными для Передней Азии и Европы с другой*. Замкнутость дальневосточных государств явилась причиной ненормальной тарификации и создала возможность сохранять отношения ценностей, никогда не существовавшие на Западе. Так, например, в Японии золото временами расценивалось только в пять раз выше серебра. На Западе же связь между отдельными культурами никогда вполне не прерывалась. В Вавилонии счет производился серебром, причем государственной чеканки не существовало, а в обращении были серебряные слитки, штемпелеванные частным образом — шекели. Ценность золота сравнительно с серебром была установлена в отношении $13\frac{1}{3}:1$, и такое соотношение обоих металлов осталось основным для античного мира. Египтяне пе-

* Ср. Ed. Meyer, ст. «Orientalisches und griechisches Münzwesen» в «Handwörterbuch», VI³, стр. 824 и след.; Fr. Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, 3 т., Париж, 1879; U. Wilcken, Griechische Ostraka I (Лейпциг, 1899, стр. 718 и след.).

ренили вавилонские слитки серебра в форме дебена, но вели счет одновременно медью, серебром и, наконец, золотом, причем большие суммы уплачивались в золотой монете.

Решающее влияние на последние столетия античного мира и на варварскую эпоху до Меровингов оказала монетная политика *Рима**. Вначале здесь фактически господствует параллельная валюта, медная и серебряная, причем старались поддерживать отношение 112:1. Решающим поворотом явился выпуск серебряного сестерция⁵¹, равноценного одному фунту меди. Золото чеканилось исключительно в качестве торговой монеты, между тем как медь все более опускалась до степени разменных денег для нужд мелочного торгова и тем самым исполняла функцию денежных знаков. Фактически чеканка находилась преимущественно в руках полководцев, имена которых почти всегда значатся на золотых и серебряных монетах уже во времена Республики⁵²: чеканка производилась из материала военной добычи и служила не для хозяйственных целей, а для выдачи жалования войскам. Первое окончательное урегулирование валюты началось с того времени, когда Цезарь принял власть. Он перешел к золотой валюте. Его aureus⁵³ должен был содержать сто сестерциев серебром, причем в основании исчисления было положено соотношение 11,9:1. Серебро, следовательно, немного поднялось в цене; это признак того, что на рынке чувствовалась повышенная потребность в нем. Aureus Цезаря держался до эпохи Константина⁵⁴. С серебром же производили различные эксперименты. Нерон⁵⁵ выпустил неполноценный денарий⁵⁶, вследствие чего престиж aureus'а поднялся. Каракалла⁵⁷ систематически занимался порчей монеты, как прибыльным делом, и его преемники, поднимавшиеся из солдатской массы, подражали ему в этом. Такая монетная политика (а не мнимый отток благородных металлов в Индию или иссякание рудников) подорвала римскую денежную систему. Ее восстановление произошло благодаря деятельности Константина Великого. Вместо прежнего aureus'а он ввел золотой solidus⁵⁸, причем из одного фунта (327,45 г) он чеканил 72 монеты; в денежном обращении этот solidus, вероятно, принимали по весу. Золотой solidus пережил Римскую империю.

* Ср. *Th. Mommsen, Geschichte des römischen Münzwesens*, Берлин, 1860; *E. Babelon, Traité des monnaies grecques et romaines*, I. I. Париж 1901; *B. Pick*, ст. «Römischen Münzwesen» в «Handwörterbuch» VI³, стр. 832 и след.

В эпоху Меровингов он в германских государствах пользовался наибольшим престижем на прежней римской территории, в то время как восточнее Рейна обращались римские серебряные монеты более древнего происхождения, как, например, в Новое время повторилось с талерами⁵⁹ Марии Терезии в Африке. Господство Каролингов ознаменовалось перемещением политического центра тяжести с западной половины государства франков на восток; в отношении монетной политики это было связано с переходом от золотой к серебряной валюте, несмотря на то, что с Востока ввозилось тогда много золота. Карл Великий, после некоторых не вполне ясных мероприятий, положил в основание своей системы монетный фунт в 409 г — впрочем, это спорное предположение, — и чеканил из него двадцать серебряных солидов по двенадцати денариев. Официально монетная система Каролингов, — последним остатком которой является английский счет на фунты стерлингов, шиллинги и пенсы⁶⁰, — сохраняла силу до конца средних веков, и вместе с ней почти на всем материке держалась серебряная валюта. Но вопрос валюты не был центральной проблемой при упорядочении монетного дела в средние века*; она была поставлена фактами экономического и социального характера, управлявшими монетным производством. Античный мир действительно осуществлял монетную монополию государства. Напротив, в средние века *право чеканки было передано многочисленным территориальным монетным дворам* и их владельцам. Поэтому каролингская монетная система приблизительно с середины XI в. сохраняет только общеправовое значение. Монетная регалия, правда, осталась официально за королем (или императором); изготовление же монеты происходило ремесленно-цеховым путем, и рента от монетного дела шла в пользу отдельных владельцев монетной привилегии. Передача монетной регалии в руки отдельных привилегированных сеньоров была сопряжена с соблазном *портить монету*, и этим занимались князья в продолжение всего средневековья в крупнейших размерах. В Германии *solidus* понизился между XIII и XVI вв.

* Ср. Th. Sommerlad, ст. «Mittelalterliches Münzwesen» в «Handwörterbuch» VI², стр. 839 и след.; A. Soetheer, Beiträge zur Geschichte des Geld- und Münzwesens in Deutschl. в «Forschungen zur deutschen Geschichte». I (1860) II (1862). IV (1864), VI (1866); K. Th. von Eherberg, Über das ältere deutsche Münzwesen und die Hausgenossenschaften (Лейпциг 1879); K. Th. von Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte III, стр. 363 и след.

до одной шестой своей цены; то же самое произошло с английским денарием от XII до XIV в. Во Франции начали выпускать *solidus grossus*, толстую монету с чеканом на обеих сторонах, успешно конкурировавшую с тонкими денариями, которые в XII и XIII столетиях чеканились в Германии только с одной стороны («брактеаты»); но эта новая монета потеряла от XIV до XVI вв. $\frac{6}{7}$ своей действительной ценности. Поэтому, когда Флоренция в 1252 г. выпустила золотой *solidus* весом $3\frac{1}{2} z$ (*florenus*, *florin*⁶¹) и, поскольку это было возможно технически, повторяла его чеканку в том же достоинстве, это явилось крупным событием, составившим эпоху; везде привыкли к новой монете, которая стала всеобщей счетной единицей в торговле. Несмотря на это, наблюдалось сильное повышение цен на серебро; это можно объяснить только тем, что на рынке, в силу развивавшегося денежного хозяйства, появился усиленный спрос на этот металл. До 1500 г. отношение серебра к золоту повысилось от $12\frac{1}{2}:1$ до $10\frac{1}{2}:1$. Рядом с этим происходили иррациональные колебания во взаимоотношениях курсов, и наблюдалась различная расценка металла в слитках и в «пагаменте» (т. е. металла в форме монеты). В крупной торговле вели счет по слиткам или флорентийским золотым флоринам; но в надобностях розничной торговли продолжали «обновлять» сорта монеты для данного случая. Причину этой порчи монеты нельзя искать исключительно в алчности владельцев монетной привилегии; она автоматически была вызвана тем, что разница в весе между экземплярами одного и того же сорта вследствие несовершенства техники доходила до 10%: только монеты, наименее удавшиеся, оставались в обращении, между тем как полновесные тотчас же переплавлялись или же, в крайнем случае, отбирались и копились. К этому, правда, присоединяется алчность владельцев монетной привилегии. Они пользовались своей монополией для того, чтобы выпускать новую монету, объявлять недействительной и отбирать прежнюю. Но монета обращалась, по большей части, вне своей родной страны, и владельцам монетной привилегии никогда не удавалось действительно осуществить в пределах своей страны монополию, на которую они официально имели притязания; только монетный союз (картель) между несколькими государями мог изменить такое положение дел. Таким образом, если не считать чекана и ценности флорентийского флори-

на, средние века остались эпохой беспорядка в области монетного дела и денежного обращения.

Именно благодаря такому бессистемному состоянию, в монетном производстве сама собой устраивалась *свободная чеканка*. Так как владелец привилегии мог взимать монетную пошлину и таким образом получал доход от чеканки, он старался направлять все запасы благородного металла в свой монетный двор. Лиц, обладавших благородным металлом, приглашали сдавать его для чеканки; запрещение вывоза было обычным явлением, так что горнопромышленники и участники в разработке серебряных рудников, повидимому, не имели выбора, отдать ли им свой металл в привилегированный монетный двор или нет. Но все эти мероприятия оказались безуспешными. Большое количество металла не только провозилось контрабандой, но владельцу привилегии, кроме того, приходилось уступать свой металл на договорных началах монетным дворам других владельцев, не имевших рудников; а затем этот металл опять возвращался в его область в виде чужой монеты. Торговля монетой в иррациональной форме существовала в продолжение всего Средневековья, так как заранее нельзя было рассчитать спрос на отдельный сорт монеты, а кроме того, сильные колебания в размерах монетной пошлины препятствовали равномерному обращению, и только взаимная конкуренция владельцев привилегии принуждала их отказываться от повышения монетного дохода.

Начиная с XVI в., *возрастающий прилив благородных металлов в Европу* создал экономическую основу для установления более устойчивого положения в монетном деле; в этот период абсолютизма государство, хотя бы в западной части Европы, успело покончить с многочисленностью владельцев монетной привилегии и их взаимной конкуренцией. До указанного момента Европа была областью длительного оттока благородных металлов на восток; только период крестовых походов, продолжавшийся около 150 лет⁶², с его военной добычей, состоявшей из золота и продуктов высшей культуры, образовал собой некоторый перерыв. Теперь открытие морского пути в Индию, происшедшее благодаря деятельности Васко да Гамы и Альбукерка⁶³, разрушило монополию арабов, как торговых посредников. Разработка мексиканских и перуанских серебряных рудников доставила в Европу большие массы американского благо-

родного металла; к этому присоединилось изобретение рационального способа обработки серебра посредством амальгамации с ртутью⁶⁴. Количество добытого в Мексике и Южной Америке благородного металла вычислено для периода от 1493 г. до 1800 г. в размере почти 2 млн. кг золота и 90—100 млн. кг серебра*. Увеличившееся производство благородных металлов прежде всего было связано с увеличением числа серебряных монет. Теперь серебряная валюта действительно «осуществилась» в Европе на всем пространстве денежного обращения и достигла также счетного выражения; в Германии даже выпустили флорентийский золотой гульден, но в серебре (loachimstaler)⁶⁵. Такое положение удержалось до открытия бразильских золотых приисков. Хотя их разработка продолжалась недолго (от начала первой до конца второй половины XVIII в.), это золото все-таки господствовало над рынком и вызвало переход Англии к золотой валюте, против воли английских законодателей и, в частности, вопреки совету Исаака Ньютона⁶⁶. Начиная с середины XVIII в., добыча серебра опять заняла первое место и повлияла на французское законодательство революционной эпохи, явившись причиной французской двойной валюты.

Все же *рационализация денежной системы* еще не могла совершиться немедленно. Положение, господствовавшее до ее осуществления, можно определить таким образом, что обращались разнообразнейшие сорта монеты, но не деньги в современном смысле слова. Еще имперский эдикт о монете, изданный Фердинандом I⁶⁷ (1559 г.), по необходимости разрешил обращение тридцати сортов чужой монеты: техническое несовершенство при производстве монет мелкого достоинства и обусловленный этим неслыханный размер колебаний действительной их ценности, в связи с высотой монетной пошлины, привели к тому, что в XVI в. в Германии ограничили платежную силу мелкой серебряной монеты; но это еще не означало, что ее превратили в разменную монету; создать последнюю рациональным об-

* Согласно Собееру и Лексису, не слишком расходящимся в своих вычислениях. Ср. *A. Soetbeer, Edemetallproduktion und Wertverhältnis zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerikas bis zur Gegenwart, Petermann's Geographische Mitteilungen*, 57, дополнит. том, 1879, и *W. Lexis, Beiträge zur Statistik, der Edemetalle, pahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, XXXIV (1880) стр. 361 и след. — Пятьдесят раз ниже расценивает эту добычу *F. de Laiglesias, Los caudales de Indias en la primera mitad del siglo XVII*, Мадрид, 1904.

разом удалось только английской валютной политике. Официальную счетную единицу представлял собой золотой гульден, выраженный в серебре — loachimstaler. Фактически же в торговых сношениях совершилось следующее развитие. Начиная с XIII и XIV вв., торговля эмансипируется от чекана благодаря тому, что она вела счет в слитках, принимала монету только на вес, устанавливала платеж в монете определенного сорта (что имперскому правительству пришлось признать, как общую меру) и, наконец, перешла к расчету при помощи *переводных банков* (Girobanca). Прототип этих банков дал Китай. Здесь порча монеты привела к учреждению для нужд торговли переводных банков, принимавших вклады металлом. Была установлена серебряная единица веса, а платежи производились ордером в виде чека или же чеком на банк, где купец хранил свой фонд серебряных слитков; платили же натурой, раздробленными штемпелеванными слитками серебра (таэль), но этот способ не играл большой роли сравнительно с платежами посредством чеков. Таким образом были созданы банковские деньги, обеспеченные только тем количеством серебра, которое находилось во владении соответствующих купцов, и служило единственным платежным средством в кругу лиц, примкнувших к такому «переводному обращению» (Giroverkehr). Этому примеру подражают на Западе уже в XVI в., как, например, в Венеции (банк на Риальто), в 1609 г. в Амстердаме (Wisselbank), в 1621 г. в Нюрнберге, в 1629 г. в Гамбурге. В таких банках счет велся только на вес, в уплату принимали только чеканенную монету. Личные счета были постоянно связаны с минимумом вложенной суммы, точно так же и платежи. Так, например, в Амстердаме минимум денежного ордера составлял 300 гульденов; с другой стороны, нельзя было производить ни одного платежа на сумму выше 600 гульденов иначе, как при посредничестве банка. В Гамбурге эта банковская валюта сохранилась до 1873 г.*

Современная валютная политика отличается от валютной политики прошлых времен отсутствием фискальных соображений; все решается исключительно с точки зрения народного хозяйства и обусловлено тем, что торговля заинтересована в прочном базисе для счета капитала. В этом от-

* Ср. E. Levy von Halle, Die Hamburger Girobank und der ihr Ausgang, Берлин 1891.

ношении, Англия шла впереди всех народов*. Серебро было первоначально в Англии фактическим платежным средством для всех внутренних сношений, между тем как международные сношения базировались на золотой монете, как счетной единице. Со времени открытия бразильских приисков, золото устремилось в Англию в возрастающих размерах, и параллельная валюта приводила английское правительство во все более затруднительное положение. Если золото становилось слишком дешевым, то оно уходило в монету, между тем как благодаря расплавке серебра в то же время подвергалось опасности обращение серебряных монет. Так как все платежи производились серебром, то капиталистические предприятия были заинтересованы в том, чтобы предотвратить отток серебра. Английское правительство сначала пыталось поддерживать параллельную валюту разными иррациональными мероприятиями, пока в 1717 г. не решилось произвести новую, окончательную тарификацию, установив (при содействии Исаака Ньютона) типичную английскую золотую монету, гинею, в 21 шиллинг⁶⁸, хотя золото при этом и было расценено слишком высоко. Когда затем в течение XVIII в. золото продолжало прибывать, а серебро постепенно исчезало, правительство прибегло к решительным мерам противодействия. Золото было объявлено валютным металлом, а серебро превращено в разменную монету; оно потеряло свою неограниченную платежную силу и всегда «легировалось» (т. е. вообще выпускалось неполноценным), так как опасность оттока из страны была устранена. *Французское* правительство, после различных экспериментов во время Революции⁶⁹, наконец перешло к двойной валюте на основе серебра; из десяти фунтов серебра чеканили тысячу франков ($222\frac{2}{3}$, монеты на килограмм), а тарифная расценка золота и серебра была произведена в тогдашнем отношении ценности $15\frac{1}{2}:1$. Так как в пределах Франции ощущалась чрезвычайная потребность в монете (большая, чем, например, в Англии), то, в силу этого, отношение ценности между серебром и золотом фактически оказалось очень устойчивым. *Германия* в течение XIX в., первые десятилетия которого были периодом убывающего произ-

* Ср. *Ch. Jenkinson Lord Liverpool, A treatise on the coins of the realm*, 3 изд., Лондон 1880; *Ph. Kalkmann, Fuglands Uebergang zur Goldwahrung im 18. Jahrhundert*, Страсбург 1895; *S. P. Breckinridge, Legal Tender. A study in English and American monetary history*. Чикаго 1903.

водства металлов, была вынуждена остаться при крупной серебряной монете, так как не существовало центральной инстанции, которая была бы в состоянии перейти к золоту. Правда, золото чеканили не только в качестве торговой монеты, но и в виде тарифицированной, особенно в Пруссии. Но эти попытки дать золоту другое положение в валютном деле остались безуспешными. Только военная контрибуция с Франции 1871 г.⁷⁰ дала Германии возможность перейти к золотой валюте; этот шаг облегчался тем, что мировой запас золота сильно увеличился вследствие нахождения золота в Калифорнии, между тем как, с другой стороны, отношение ценности 15½:1 было только слабо поколеблено. На таком положении основывается установление германский имперской марки⁷¹ равной 1/3 талера. Так как из фунта серебра чеканили 30 талеров, то отсюда следовало, что при отношении между благородными металлами, равном 15½:1, фунт золота соответствовал 1395 маркам.

§ 7. Денежные и банковские операции в докапиталистическую эпоху

History of the banking of all nations, Лондон 1896; E. Lattes, La liberta delle banche a Venezia dal secolo XIII al XVII, Милан, 1869; H. Sieveking, Genueser Finanzwesen mit besonderer Berücksichtigung der Casa di S. Giorgio, Фрейбург, в/б 1898—1899; A. v. Kostaneski, Das öffentliche Kreditwesen im Mittelalter, Лейпциг 1899; R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, 2 т. Иена, 1896; A. Andreades, Histoire de la banque d'Angleterre, 2 т., Париж, 1904.

В докапиталистическую эпоху* там, где обращались деньги многих сортов, работа банков сводилась первоначально везде к *меняльному делу*. К этому присоединялась необходимость *операций по производству денежных платежей*, особенно платежей на расстоянии. Во всем античном мире, и в частности в Греции, мы, в качестве типичных банковских операций, встречаем прием поручений относительно

* Ср. литературу, указанную в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3-е изд. II, стр. 359 сл. 368 сл.: кроме этого специально для античного мира: L. Mitteis, Traperitika в «Zeitschrift der Savignystiftung für Rechtsgeschichte, XIX, 1898; J. Hassebrock, Zum griechischen Bankwesen, Hermes LV (1920) и указание литературы у Pauly-Wissowa, Realenzyklopädie der klassischen Alterumswissenschaft, II, стр. 709 сл.

платежей и выдачу кредитных документов путешествующим, как средство платежа на расстоянии; затем встречаются, правда, еще не современный вексель, но другие платежные средства, напоминающие нынешний чек. Далее, к древнейшим задачам банка относятся *операции по хранению денежных вкладов* (деPOSITное дело), как например в Египте*, где банкиры в широких размерах являлись управляющими чужими состояниями, а также в Риме. Где не было разных сортов монеты как в Вавилонии (а также в Китае и Индии) — операций по размену не существовало. Зато банкиры там штемпелевали серебряные слитки, обращавшиеся затем, как деньги (так, например, таэли) и таким образом занимались *операциями по производству денег*. Затем банки в докапиталистическую эпоху занимались *трансфертными операциями* (переводами сумм со счета одного клиента на счет другого, во избежание уплаты наличными). Этот перевод предполагал, что клиент держал в банке постоянный фонд, отданный на хранение. В связи с этим мы уже в Вавилонии встречаем банковские билеты. Однако, нельзя думать, что это были банкноты в современном смысле. Нынешний банковский билет обращается независимо от вклада отдельного вкладчика. Вавилонские же билеты являются только средством для быстрого и надежного перевода платежей в кругу *клиентов* жиробанка. Размеров этих древнейших переводных сношений мы не знаем. Во всяком случае надо остерегаться представлять себе эти дела в слишком современном освещении**. Они, в большинстве случаев, предназначались исключительно для местного оборота и рассчитаны были на то, чтобы все происходило в кругу купцов; поэтому банковские билеты не представляли собой предмета обращения. В качестве специфически вавилонской особенности из переводных операций развиваются *ссудные операции банкира*. Профессиональный банкир давал мелкий кредит (под залог или под поручительство). Это кредитное посредничество вызывалось недостатком монеты. Так как в серебряных шекелях вели только счет, но не платили, то в случаях платежа в дело вступал банкир в качестве посредника, добивавшегося отсрочки (ведь, он также не был бы в состоянии доставить налич-

* Ср. литературу, указанную у *L. Mitteis* и *U. Wilcken*, Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, II, I, 258.

** Как делает *L. Goldschmidt*, Universalgeschichte des Handelsrechts, I, стр. 51.

ные деньги) и получавшего обеспечение, как лица, обязанного в будущем уплатить продавцу должное. Другой особенностью Вавилонии было то, что банкир по своей профессии доставлял кредит для комменд, т. е. предпринимательский кредит; сохранился целый ряд коммендных актов в клинописи, в то время как в других странах античного мира мы нигде не находим примера таких кредитных операций. Причина лежит в том, что в местах, где господствует монетная система, банковское дело развилось из торговли деньгами, в Вавилонии же из денежно-кредитных операций.

Профессия банкира в Риме обнаруживает две особенности. Во-первых, банкир — что лишено интереса для историка-экономиста — по профессии является устройтеlem аукционов, а во-вторых, здесь впервые развиваются операции по текущим счетам в современном смысле; мы здесь встречаем вклад (*receptum*⁷²), признанный специфическим средством для уплаты долгов при помощи банкира. Эти операции, вероятно, и в Риме предназначались для того, чтобы создать однородные и надежные средства денежного платежа, так как чеканка серебра была введена поздно, и количество чеканенной монеты зависело от размера военной добычи. Этой отсталостью римского монетного дела легче всего объясняется тот факт, что *receptum* и *actio receptitia*, ставившаяся только на наличности по текущему счету, приобрели такое большое значение и счетоводство банкиров там было упорядочено законом по единому образцу. В счетных книгах римских аргентариев (*argentarius* — банкир и меняла) говорится о поступлениях по счету и выдачах за счет, но не в смысле современной бухгалтерии. Для каждого клиента ведется особая книга, в которой записывается приход и расход (*acceptum ferre, expensum ferre*⁷³).

Эти записи являлись свидетельством того, что уплата действительно была произведена. Впрочем, о бухгалтерии аргентариев сохранилось слишком мало сведений, чтобы можно было дать более подробные указания.

Но банки античного мира только в исключительных случаях были частными предприятиями. С ними в широкой мере конкурировали храмы и государственные банки.

Античные храмы* служили прежде всего депозитными кассами. Это их первоначальное назначение, поскольку они

* H. Maspero, Les finances de l'église sous les Lagides, Париж 1905.

вообще являются банками, и в качестве депозитных касс они пользовались несравненно большей известностью, чем частные банкиры. Вклады в храмах были священным достоянием, и их нельзя было разграбить, не совершив святотатства. Дельфийский храм являлся местом хранения состояний для множества частных лиц и, в частности, был обычной сберегательной кассой для рабов. Многочисленные надписи свидетельствуют о том, что раб был выкуплен на свободу богом, в действительности же, это делалось на средства, сбереженные рабом, отдавшим их в храм на хранение, чтобы уберечь их от своего господина. Подобную же функцию депозитных касс выполняли многие храмы в Вавилонии, Египте, Греции, между тем как в Риме они довольно рано утратили эту функцию. Поэтому античные храмы являлись крупными займодавцами, особенно для государей, которые здесь находили более выгодные условия, чем у частных кредиторов. Правда, крупный займодавец уже встречается в кодексе Хаммурапи⁷⁴. Но, в общем, государственным местом хранения и выдачи денег были храмы, с которыми можно было также заключать договоры о займах. Эту задачу выполнял в Вавилонии храм бога Солнца в Сиппаре, в Египте — храм Аммона; государственной кассой аттического морского союза был храм Афины⁷⁵. Вторым конкурентом частных банкиров являлись *государственные банки*.

Превращение банкирского дела в государственное учреждение объясняется — там, где оно осуществлялось, — не злоупотреблениями (конкурсами⁷⁶) частных банкиров, как в средние века, а фискальным расчетом. Меняльное дело превратилось в весьма доходную статью; кроме того по политическим соображениям казалось выгодным держать в своих руках, по возможности, больше вкладов частных лиц. Поэтому почти во всех эллинистических государствах, особенно в Египте эпохи Птолемеев, практиковалась царская банковская монополия. Задачи современного государственного банка — эмиссия банковских билетов⁷⁷, регулирование валюты, монетная политика — не находились в ведении этих учреждений: это были чисто фискальные институты. Характерным для чрезвычайного могущества капиталистического класса всадников в Риме является тот факт, что им у себя удалось воспрепятствовать такой монополизации банковского дела со стороны государства.

Зачатки банковского дела* в средние века были довольно скромными. В XI в. мы встречаем менял, *campsores*, работающих со значительным барышом. В конце XII в. они уже держат в своих руках платежные расчеты на расстоянии; этой цели служит *ambium*⁷⁸, вексельное письмо, перенятое от арабов. В противоположность античному миру, местные банкиры совершенно не занимались *ссудными операциями*, или только сравнительно поздно занялись этим делом; они давали ссуды только крупными суммами, и то лишь государственным властям. Мелкие денежные операции находились в руках чужеземцев, евреев, ломбардцев и кагорцев (обоими последними наименованиями обозначали южан всякого рода). Рядом с этими чужеземным потребительным кредитом, который первоначально является кредитом в случаях нужды за очень высокий процент под заклад или другое обеспечение, уже рано встречается *предпринимательский кредит*, кредит на комманды. В кредитовании комманд принимали участие и банкиры, но рядом с ними стояла (в отличие от Вавилонии) конкуренция частных заимодавцев и торговцев товарами различнейшего рода. Под влиянием продолжающейся порчи монет возникли *переводные операции*. Появились банки, созданные купечеством, принимавшие вклады металлом или монетой полноценных сортов и производившие платежи на основании трансфертных ордеров или чеков (на определенную минимальную сумму). Одно время эти переводные операции находились в ведении менял; но, в конце концов, они не приобрели достаточного доверия и уступили свое место крупным банкирским обществам. К функциям средневековых банков относится далее *сбор податей*** , соответствующий приблизительно откупу их в античном мире. От начала XIII до конца XIV вв. этот сбор был главным источником образования крупных имуществ, в особенности у флорентийских банкирских фамилий (Аччайоли, Перуцци, Медичи). Так как они содержали свои фактории во всех крупных торговых местах, они являлись готовой инстанцией для того, чтобы отовсюду собирать помочи для курии, кото-

* Ср. литературу в Handwörterbuch, II, стр. 366.

** А. Gottlob, Die päpstlichen Kreunzugsteuern des XIII Jahrhunderts, Гейлигенштадт 1892; J. P. Kirsch, Die päpstlichen Kollektorien in Deutschland während des XIV Jahrhunderts, Падеборн 1891; G. Schneider, Die finanziellen Beziehungen der florentiner Bankiers zur Kirche, в Schmollers Forschungen XVII, 1899); A. Schulte, I, 273 и след.

рая, в смысле размеров своих податных прав, была величайшей державой той эпохи; в то же время курия устанавливала самый точный расчет (бюджет) и принимала только полноценные деньги, какими, например, были флорентийские золотые. Это занятие вручало сборщикам, совершенно так же, как в Китае мандаринам, чрезвычайные шансы к обогащению, так как в их власти было устанавливать тарифное отношение между деньгами отдельной местности и монетой, которую требовала курия. Наконец, из задач средневекового банка нужно еще назвать *операции по финансированию предприятий*. То были, однако, не крупные предприятия в современном смысле. Потребность в предпринимательском кредите крупных размеров появлялась только в виде исключения и, главным образом, только для военных предприятий; но в этом виде мы ее встречаем уже в XII в. (в Генуе). Например, большие морские экспедиции генуэзцев в Кипр были финансированы «Маоной»: так именовалось акционерно-командитное товарищество, которое образовалось именно для обслуживания завоевания и эксплуатации острова. Средства для постоянных войн между отдельными городами тоже часто доставлялись ассоциациями заимодавцев; в течение почти столетия все управление податями и портовыми пошлинами производилось в Генуе исключительно в интересах такого товарищества (*Consortium*). Еще значительно больших размеров достигли кредитные операции крупных флорентийских банкиров во время англо-французских войн XIV столетия.

Поскольку эти сделки оставались в частных руках, возникал вопрос, из каких источников деньги были почерпнуты, куда деньги уходили и каким образом банки могли производить уплаты по срочным платежным обязательствам. Этим самым мы касаемся вопроса о *надежности средневекового банка*. Надежность описанных предприятий была невелика. Деньги, которыми, например, Перуцци или другие крупные флорентийские банкиры ссужали французских королей для военных целей, брались не из собственного капитала — его далеко не хватило бы, — а из вкладов, которые они на основании своей репутации получали под незначительный процент от широких народных кругов вплоть до низших слоев населения. Но эти вклады были краткосрочными, между тем как военные займы заключались на долгие сроки. Поэтому часто подобные кредитные

сделки кончались явным или скрытым банкротством, как только военные предприятия, на которые средства были израсходованы, терпели неудачу. То же относится даже к Фуггерам: испанское правительство «удовлетворило» их, в конце концов, таким образом, что они не только потерпели громадные убытки, но кроме того остаток их имущества оказался вложенным в ценности, которые нельзя было реализовать.

Так как частных средств больших банковских домов никогда не хватало, для того, чтобы финансировать крупные государственные предприятия, и их надежность часто оказывалась построенной на непрочной основе, их развитие, по необходимости, вело к устройству монопольного банка. Государственная власть, нуждавшаяся в деньгах, получала их уже не иначе, как взамен предоставления определенных монополий (торговых, по сбору пошлин, монополий на банковые операции вообще). Потому-то правители или города превращали банки в государственные учреждения и уступали их эксплуатацию в виде монополии или давали на откуп частным лицам за денежную ссуду. Самым древним примером такого монопольного банка является Banca San Giorgio в Генуе, а самым новым — английский банк. Последний тоже возник не из добровольной ассоциации торговцев, а был чисто государственным предприятием, финансировавшим войну за Испанское наследство⁷⁹; но отличие от средневековых банков выразилось здесь только в самом устройстве ведения дел, т. е. в том, что в основание его был положен *вексель*⁸⁰.

Современный вексель представляет собой платежное средство, которое, по своей сущности предполагает соучастие трех лиц: помимо получателя еще векселедателя и лица, на чье имя вексель дан. Из них отвечает за уплату всегда векселедатель, а с момента акцепта⁸¹, также акцептант; затем при передаче векселя третьим лицам (индоссамент) ответственным является еще и каждый отдельный индоссат⁸². Возражения по поводу основной сделки не допускаются. В случае неплатежа в срок применяется особый исполнительный процесс, сопряженный в средние века с заключением в тюрьму. На этих особенностях векселя покоится его значение для современного банка; они дают ему уверенность в том, что он сможет внести в свою кассу определенные деньги в определенный срок, и тем самым являют-

ся базисом надежности банка. В средние века* об этом не могло быть и речи. Средние века, правда, были знакомы с векселем, но в то время он представлял собой что-то вроде нынешнего чека. Он был только платежным средством, а именно средством уплат на расстоянии; посредством векселя уплачивали долги теми деньгами, которыми можно было располагать в другом месте. Существенным условием являлась разноместность обещания и производства платежа и, в особенности, каноническое право настойчиво боролось против перемены места, как против «ростовщической» сделки. Типичный средневековый вексель первоначально состоял из двух отдельных документов. Один из них, *littera aperta*, представлял собой то, что ныне назвали бы простым векселем с указанием определенного места платежа. Торговец *A*, в Генуе, обещал уплатить *B* в Барселоне в определенный день определенную сумму, а именно через посредство *C*, должника *A*. Если вексель был выдан государем, то он направлялся на податную кассу, долженствующую доставить двору некоторую сумму. Второй документ, *littera clausa*, («тратта»)⁸³, стала основой современного векселя. Тратта оповещала векселедателя о том, что ему надлежит платить по векселю за его (своего кредитора) счет. *Litterae apertaе* должны были регистрироваться нотариально, между тем как *litterae clausae* представляли собой простые письма. Оба документа вручались лицу, которому предстояло получить по векселю. Дальнейший ход развития был таков, что постепенно стали обходиться без *litterae apertaе* вследствие больших нотариальных расходов. Ответственность и поручительство, которое они первоначально содержали, вводилось в тратту и там подразумевалось. Последняя, благодаря этому, приобрела большое значение; но чтобы стать современным векселем ей недоставало права индоссамента; так было еще в XVII в. Она, правда, заключала в себе формулу: *promitto tibi vel tuo certo nuntio*, и в силу этого получатель имел возможность ввести другое лицо во владение векселем и уполномочить его поручить требуемую сумму вместо него; но как раз эта прибавочная статья ордера впоследствии опять исчезла, так как типичными местами платежного расчета

* Cp. *L. Goldsmidt*, *Handbuch des Handelsrechts* (3-е изд.) I, 1, стр. 417 и след.; *A. Schaubе*, *Aufänge der Tratte*, *Zeitschr. f. die gesammte Handelsrecht*, XLIII (1895), стр. 1 и след.; *его же*, *Studen zur Geschichte und Natur des ältesten Cambium*, *Jahrbücher für Nationalökonomie u. Statistik* LXV (1895), стр. 153 и след.; *C. Freundt*, *Wertpapiere im antiken und frühmittelalterlichen Rechte*, 2 т., Лейпциг, 1910.

являлись большие ярмарки. Здесь была дана возможность платить по векселю, избегая риска, сопряженного с транспортировкой звонкой монеты: стоило только отдать его в расчетную палату (clearing house), для взаимного зачета, а затем рассчитаться в наличных по счету. Вексель фактически был только приказом снять со счета (sconto), причем молчаливо предполагалось, что по векселю можно будет заплатить в переводном банке или в каком-нибудь местном купеческом обществе. Это было связано с некоторой выгодой для купцов, участвующих в расчетных операциях и заинтересованных поэтому в том, чтобы обеспечить за собой монополию на сбор по передаче векселей; они поэтому препятствовали введению индоссамента, так что еще в XVI в. при каждой передаче приходилось выдавать новый вексель вместо индоссамента. За исключением этого пункта, вексельное право уже в XVI в. достигло своей теперешней высоты, и, в особенности, возражения по поводу правового принципа, лежащего в основании сделки, не допускались согласно юридическому положению «*chi accetta, paghi*» («кто акцептирует, плати»). Только это безусловное обеспечение платежа дало векселю возможность занять принадлежащее ему ныне место в качестве банковского документа.

Средневековый банкир, акцептируя вексель, являлся посредником платежа; современный банкир дисконтирует его, т. е. он оплачивает его до истечения срока с вычетом процентов за оставшееся время, чтобы впоследствии получить по нему сполна; он обменивает свой предпринимательский капитал на векселя. *Английский банк* впервые последовательно начал вести такую вексельную политику.

История банковского дела в Англии до возникновения «*Bank of England*» («Английского банка») указывает на тот факт, что золотых дел мастера, владея и торгуя благородными металлами, во всех странах представляли собой общественную группу, способную заниматься банкирскими делами; они часто приобретали исключительное право проверять все монеты, но они нигде не играли такой роли, как в Англии. Английские золотых дел мастера принимали вклады, как банкиры Средневековья; они финансировали политические предприятия и Стюартов, и Оливера Кромвеля⁸⁴; они занимались переводными операциями и, в связи с ними, выдавали бумажные платежные билеты прежде всего своим клиентам; но кругом клиентов не ограничилось обраще-

ние этих «Goldsmithnotes»⁸⁵. Всему этому положило конец государственное банкротство 1672 г. В этом году английское государство объявило, что впредь оно может только выплачивать проценты, но не возвращать сами долги, между тем как вкладчики золотых дел мастеров имели право требовать обратно свой капитал в любой момент: это фактически равнялось разорению золотых дел мастеров. Вследствие этого и в Англии, как прежде в итальянских городах, в среде вкладчиков начали говорить о необходимости монопольного банка. Этим стремлением воспользовалась государственная власть для того, чтобы монополизировать банковское дело и предоставить государству участие в прибыли. Купцы ждали от банка ссуд под низкий процент, ибо государственный банк, благодаря своей авторитетности, должен был привлечь много вкладов, и, кроме того, они надеялись, что он избавит их от запутанного положения монетного дела (хотя и нельзя указать, каким образом эта реформа, по их мнению, должна была совершиться).

Напротив, мы не можем переносить на ту эпоху современный взгляд согласно которому крупный эмиссионный банк предназначается для того, чтобы при помощи соответствующей учетной политики привлекать в страну благородный металл для усиления своего кредита или пускать в оборот излишки накопившегося у него благородного металла. Тогда скорее ожидали, что банк будет функционировать в качестве переводного, т. е. выпустит билеты соответственно определенному вкладу металлом и таким образом будет способствовать уменьшению колебаний, происходивших в соотношении цен на серебро и золото. В конце концов, основание Английского банка в 1694 г. оказалось чисто политическим актом, обусловленным интересами финансирования борьбы Вильгельма Оранского против Людовика XIV⁸⁶. При учреждении его, в виде обычной в таких случаях меры, займодавцам отдавались под заклад определенные подати, в особенности налог на соль; давшие свою подпись кредиторы объединялись в качестве правления в государственно привилегированное товарищество. Новое учреждение встретило сопротивление с разных сторон. Противниками проекта прежде всего были тори, как противники самого Вильгельма Оранского, но, с другой стороны, и виги⁸⁷, боявшиеся вообще усиления королевской власти. В силу этого удалось учредить банк только, как самостоятель-

ное частное общество, а не как государственное финансовое учреждение, и в учредительный акт пришлось включить пункт, что государству банк мог выдавать денежную ссуду только на основании особого постановления парламента. Поэтому, с точки зрения тори, банк был совместим только с республикой, а не с монархией; они этим указывали на то, что банк такого устройства предполагает королевскую власть, стоящую под контролем заинтересованных в банке капиталистических кругов. Противниками банка были, наконец, и золотых дел мастера, у которых банк расстраивал дела, и сельское дворянство, боявшееся политического и экономического преобладания купечества. Банк начал свои действия, владея паевым капиталом в 1 200 000 фунтов стерлингов, которые целиком исчезли в карманах государства. Взамен он получил право торговли благородными металлами, выдачи ссуд под заклад товаров и право торговли векселями. Последнее было значительно важнее других, потому что находилось в соответствии с правом эмиссии банковских билетов. Банку впоследствии пришлось широко использовать это право в своей учетной политике; но об этом в то время, конечно, никто еще и не думал. Во всяком случае, он первый начал систематически скупать векселя и, учитывая их до истечения срока, тем самым способствовал тому, что продолжительность времени, необходимого для сбыта конечного продукта конечному потребителю, сокращалась и для торговцев и для производителей. Ускорение оборотов капитала является ясно осознанной целью вексельных операций Английского банка; эту цель он преследовал так систематически, как ни один банк до него.

Развитие банковского дела *вне Европы* только частично представляет аналогию с его европейским развитием. В Индии и Китае банки до последних десятилетий сохранили свой античный и средневековый характер. От банков Запада он отличается чрезвычайными полномочиями в области регулирования валюты. В *Китае* банкир производит штемпелевание таэлей; он определяет условия кредита, устанавливает указанный процент и является решающей инстанцией для всех (различных) видов платежей, так что установление форм платежного обращения вполне зависит от него. Но это платежное обращение является постольку кредитным обращением, поскольку дело касается внешней торговли, которая, например, в Кантоне находится в руках не-

большого количества крупных китайских домов. Пока в Китае существовали отдельные территориальные государства, эти банки совершенно так же занимались финансированием войн, как и европейские. С образованием единого китайского государства, эти возможности отпали. В Индии все банковское дело в своей совокупности строго регулировано сектами или кастами. И здесь во времена крупных отдельных государств банки давали кредит для преследования политических целей, и здесь этому также положило конец единое государство Великого Могола⁸⁸; с тех пор политические денежные операции возлагались на банки только в виде откупа податей для укрепления бюджета и в виде денежных ссуд под залог государственных доходов. Функция банков в наше время сводятся в Индии и Китае, в сущности, только к операциям по производству платежей и к мелкому или случайному кредиту. Нет какого бы то ни было систематического предпринимательского кредита, нет формы операций, сходной с нашей учетной политикой; это происходит оттого, что азиатское денежное обращение знает только чек и различного вида платежные приказы, но незнакомо с векселем; то обстоятельство, что китайский банкир, кроме того, обладает еще монополией на регулирование валюты, объясняется чудовищным злоупотреблением бумажными деньгами в Китае.

§ 8. «Рост» в докапиталистический период*

В своих зачатках, рост представляет собой явление из права о *чужеплеменниках* или из *господского права*. Внутри племенной, деревенской или родовой общины нет ни процентов ни займов, так как не существует платных услуг. Если в хозяйственной жизни применяется чужая сила, то это происходит в форме братской помощи (например, «помочи» при постройке дома) и *оболжения в случаях нужды*, основанного на обязанности помогать родичу безвозмездно. Еще римское *mutuum*⁸⁹, в качестве беспроцентной ссуды, явля-

* J. Kulischer, Zur Entwicklungsgeschichte des Kapitalzinses, Jahrbücher f. Nationalökon. u Statistik LXXIII, LXXIV 1899/1900). M. Hainisch, Die Entstehung des Kapitalzinses, Festgaben für Adolf Wagner, Leipzig, 1905; статьи «Zins im Altertum» (K. J. Beloch) «Zins im Mittelalter» (Th. Sommerlad) в «Handwörterbuch», VII (1911), стр. 1017 след.

ется пережитком древнейших бытовых условий. Обязанность помогать в нужде расширяется, когда она в среде религиозной общины переносится на брата по вероисповеданию. Самый известный пример дают евреи. Бросался в глаза при этом не самый факт, что они брали проценты — проценты брали везде на свете*, брали их, например, и средневековые монастыри, — но народы западной Европы поражались и возмущались тем, что евреи брали проценты с христиан, но не друг с друга. Запрещение ссудных процентов и лихоимства по отношению к брату по торе основано на соображениях и военного, и религиозного характера. С одной стороны, родич не должен был попадать в заключение за долги и тем самым оказаться потерянным для войска, а с другой — еще древнеегипетская религиозность приписывала проклятию бедняка особую силу в глазах божества; это представление перешло и в книгу Второзакония⁹⁰. Установленное тем самым различие между моралью по отношению к соплеменникам и иноплеменникам пережило изгнание; и даже после того, как израильяне превратились в евреев, взимание роста осталось запрещенным по отношению к соплеменникам и дозволенным по отношению к чужим («гойям»), так как Маймонид⁹¹ мог поднять вопрос о том, *не обязан ли еврей брать с них проценты***. Запрещение роста в кругу братьев знают и ранний ислам, и религия брахманов. Рост повсюду возник на почве *ссуды чужеплеменникам* или же *членам другого сословия*. В последнем случае противоположность между заимодавцем и должником первоначально всегда сопряжена с противоположностью между городским патрициатом и деревенским крестьянством, как, например, в Китае, Индии, Риме; то же воззрение проходит и через Ветхий Завет. Причину того, что запрещение роста вообще могло иметь силу, нужно искать в том, что всякий кредит, как кредит нуждающемуся, первоначально являлся чисто потребительным кредитом, так что идея брат-

* I. Heijl, Das alttestamentliche Zinsverbot im Lichte der ethnologischen Jurisprudenz sowie des altorientalischen Zinswesens, Фрэйбург, в. Б. 1907; G. Billeter, Geschichte des Zinsfußes im griechisch-römischen Altertum bis auf Iustinian, Лейпциг, 1898.

** Даже древнейшему христианству не чуждо такое воззрение. Позднейшее запрещение церкви брать проценты основывалось на Лук. 6, 35. Но здесь, вероятно, испорчено чтение (ср. A. Merx, Die vier Kanonischen Evangelien nach ihrem ältesten bekannten Texte, II 2, 1, 223 и след.) Этот (повидимому) неверный вариант впоследствии благодаря авторитету Климента Александрийского⁹² (Storm, II, с. 18) перешел в вульгату и лег в основание позднейшего церковного толкования.

ской помощи могла восстать против того, что господствующая каста требовала проценты; этот запрет был в сильной мере обусловлен и военными интересами, так как должник подвергался опасности превратиться в безземельного пролетария, не имевшего уже возможности приобретать себе вооружение.

Толчком к нарушению запрещения взимать проценты послужила *натуральная ссуда*. В первую очередь следует упомянуть о ссуде скотом. У кочевников антагонизм между имущими и неимущими чрезвычайно обострялся. Человек, не владеющий скотом, тем самым лишается всяких прав и может восстановить полное право гражданства только тогда, когда получит заимообразно и вскормит немного скота. Сходное значение имеет ссуда семенами, встречающаяся особенно в Вавилонии, как обычное явление. В обоих случаях взятое заимообразно приносит многократные плоды, так что требование могло показаться справедливым, если заимодавец выговаривал себе часть плода, принесенного скотом или зерном. Помимо этого, запрещение роста нарушалось повсеместно там, где развивалась городская жизнь.

На *христианском Западе* кредит для доходных целей вначале редко принимал форму ссуды с определенными процентами; чаще он встречается в виде *ассоциации*. Это было вызвано не церковным запрещением ростовщичества, а величиной риска при заморских предприятиях, так что в расчет принимались не столько определенные проценты, сколько участие кредитора в прибыли в виде вознаграждения за риск, которому подвергался ссуженный капитал. Отсюда происходит итальянская коммента (*commenda*), способ «*dare ad proficuum de mari*» под проценты, установленные согласно твердому тарифу, смотря по гавани, куда товар назначался. Этих примитивных кредитных операций на предприятия не касалось запрещение ростовщичества церковью. Зато при перевозке по суше утвердился постоянный кредит под определенные проценты, так как риск здесь был меньше, чем при морской торговле. Формула «*salvum in terra*» означала, что полученный заимообразно капитал надо было возвращать вне зависимости от исхода предприятия. Но в этот же момент церковь усилила свою борьбу против ростовщичества. Запрещение роста таким образом не вытекало из отношений, образовавшихся в период чисто натурального хозяйства; напротив, движение достигло кульминационного

пункта только по миновании этого периода, во время начавшегося денежного хозяйства: папа Григорий IX⁹³ объявил лихоимством даже морскую ссуду. Так же неверно утверждение, будто церковь вела оппортунистическую политику по отношению к ростовщическому проценту и таким образом благоприятствовала развитию капитализма*. Напротив, борьбу против роста она продолжала упорно и принудила не одного купца, лежавшего при смерти, к возвращению процентов, как она ныне принуждает исповедующихся к возвращению украденного хозяйского имущества. Но чем более денежное хозяйство развивалось, тем чаще запрещение роста обходилось, и церковь была принуждена считаться с этим при всеобщих отпущениях грехов. Наконец, в виду господства крупных флорентийских банкиров в XV в., она очутилась сама лицом к лицу перед фактами, которые делали всякую дальнейшую борьбу безнадежной. Богословие тогда попыталось, насколько это было возможно, толкованием смягчить запрещение роста; но трагедия заключалась, главным образом, в том, что сама церковь, как мирская держава, принуждена была обращаться к ссудам за проценты. Прежде всего, пока она сама не взяла на себя создание ссудных учреждений (*montes pietatis*⁹⁴), ей найден был для мелких ссуд обход в виде «еврейского кредита»**. Показательно при этом, что так открывалась возможность для государственной власти вести политику как бы вбирающей влагу губки, эксплуатировать население еврейским процентом, а потом через неправильные сроки прибегать к конфискации как прибыли, так и капиталов евреев-заимодавцев и к изгнанию их самих. В силу этого евреев гоняли из города в город, из страны в страну. Устраивались настоящие союзы для их ограбления между князьями, как между епископами Бамбергскими и бургграфами Нюрнбергскими из Гогенцоллернского дома⁹⁵, на условиях раздела добычи в случае, если евреи бежали с территории одного в

* *W. Endemann*, Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre, 2 Bde., Berlin, 1874—1883; *Nr Keller*, Unternehmung und Mehrwert. Eine sozial-ethische Studie zur Geschäftsmoral (Schriften der Görres-Gesellschaft, Sekt. f. Rechts- und Staatswissenschaften 12. Heft), Paderborn, 1912; *A. de Tarde*, L'idée du juste prix, Paris, 1907; *L. Cibrario*, Della economia politica del medio evo, 2 vv., 5 ed Torino, 1861; *F. Schaub*, Der Kampf gegen den Zinswucher, ungerechten Preis und unlauteren Handel im Mittelalter. Freiburg, 1905; *J. Seipel*, Die wirtschaftsethischen Lehren der Kirchenväter, Wien, 1907. (Есть русск. пер.)

** Ср. *O. Stolbe*, Die Juden in Deutschland während des Mittelalters (Braunschweig 1866; Ineu Aufl. Leipzig, 1902); — *G. Caro*, Sozial und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und in der Neuzeit, I, Bd (Leipzig, 1908).

область другого. Впрочем, образ действий церкви в вопросе о росте был осторожным. Полной отмены запрещения роста никогда не было дано; но в течение XIX в. церковные постановления несколько раз допускали приемлемость взимания процента при известных условиях. В Северной Европе запрещение роста пало вместе с протестантизмом, хоть и не сразу. Однако на кальвинистских синодах опять не раз возобновляется указание, что «ломбардствующего» и жену его нельзя допускать к причастию; но рядом сам Кальвин объяснил в своей «*Institutio christiana*»⁹⁶, что запрещение процента имеет в виду лишь защиту бедных против бездушия, а отнюдь не защиту богатых, которые ведут торговые дела на занятые деньги. Наконец, именно кальвинист Клавдий Салмазий, глава филологов XVII в., в своем сочинении «*De usurus*» (1638)⁹⁷ и нескольких последовавших за ним трактатах* окончательно похоронил теоретические аргументы в пользу запрещения роста.

---

* Ср. W. Lexis, статью «Wucher» в *Handwörterbuch Staatswissenschaften*, VIII.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

J. A. Hobson, Evolution of modern capitalism, 2. ed., London 1906; *L. Brentano*, Die Anfänge des modernen Kapitalismus, München 1916; *В. Зомбарт*, Современный капитализм. *G. Schmoller*, Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung, Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft XIV—XVII (1890—1893); *P. Mantoux*, La révolution industrielle au 18 siècle, Paris 1905; *R. Haynen*, Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig, Stuttgart 1905; *J. S. Lewinski*, L'évolution industrielle de la Belgique, Brüssel 1911; *А. Тойнби*, Промышленный переворот в Англии. *W. Sombart*, Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert, 3. Aufl. Berlin 1913.

§ 1. Понятие и предпосылки капитализма

Капитализм имеется налицо там, где производственно-хозяйственное покрытие потребностей некоторой группы людей, независимо от рода этих потребностей, осуществляется путем предприятия; специально *рациональное* капиталистическое производство есть производство на основе капиталистического расчета, т. е. такое промышленное производство, которое ведет счетный контроль своей доходности посредством новой бухгалтерии и составления баланса (необходимость которого впервые указана в 1608 г. голландским теоретиком Симоном Стевином¹). Само собой разумеется, что отдельное хозяйство может приближаться к капитализму в весьма различной степени. Так, одна часть его потребностей может удовлетворяться капиталистическим способом, другая же часть обходится без капитализма, обращаясь к ремесленному или помещичьему производству. Например, в Генуе уже в давние времена часть ее государственных потребностей — ведение войны — удовлетворялась капиталистическим путем с помощью акционерных

обществ*. В римском государстве снабжение населения столицы хлебом производилось правительственными чиновниками, которые для этой цели располагали подчиненными им должностными лицами, равно как и средствами транспортных обществ. Правительственная организация работала здесь в сочетании с обязательной повинностью, возложенной на определенные ассоциации. В настоящее же время, в отличие от большинства прошлых эпох, все наши повседневные потребности удовлетворяются капиталистическим способом, а государственные — литургически, т. е. путем налагаемых на население повинностей в виде воинской службы, обязанностей судей, присяжных заседателей и т. п. Целая эпоха может быть названа, однако, типично-капиталистической лишь в том случае, когда покрытие потребностей капиталистическим путем совершается в таком объеме, что с уничтожением этой системы пала бы возможность их удовлетворения вообще.

Хотя капитализм в тех или иных формах существовал во все периоды человеческой истории, однако, капиталистический способ удовлетворения *повседневных потребностей* присущ только европейскому Западу и притом лишь со второй половины XIX в. Начатки капитализма в предшествующие эпохи являются лишь предвестниками его, а немногие капиталистические предприятия XVII в. могли бы быть вычеркнуты из тогдашней хозяйственной жизни, не вызывая в ее течении разрушительных перемен.

Самой общей предпосылкой этого новейшего капитализма является *рациональный расчет капитала, как норма для всех крупных промышленных предприятий, работающих на удовлетворение повседневных потребностей*. Дальнейшими предпосылками являются: 1) *Присвоение автономными частными промышленными предприятиями свободной собственности на вещные средства производства* (землю, приборы, машины, орудия и т. п.). Это явление известно только нашему времени; одно лишь военное дело повсюду представляет исключение. 2) *Вольный рынок*, т. е. свобода рынка от нерациональных стеснений обмена, например, от сословных ограничений, возникающих в тех случаях, когда известному сословию предписывается определенный образ жизни, или когда для отдельного со-

* Ср. стр. 168.

словия установился особый тип потребления; наконец, когда сложились сословные монополии, например, если горожанин не может владеть дворянским имением, дворянин или крестьянин не могут заниматься ремеслом и т. д., словом, если не существует ни свободного товарного рынка, ни свободной рабочей силы. 3) *Рациональная*, т. е. строго рассчитанная и поэтому механизированная техника как производства, так и обмена, причем не только в области издержек выработки, но и в области обращения благ. 4) *Рациональное*, т. е. твердо установленное право. Чтобы капиталистический порядок мог функционировать рационально, хозяйство должно опираться на твердые правовые нормы суда и управления. Этого не было ни во времена расцвета древнегреческих политий, ни в патримониальных государствах Азии, ни в западных странах до эпохи Стюартов. Королевский «справедливый суд» его «милостивым» освобождением от уплат вносил постоянную путаницу в хозяйственные расчеты; дух того времени вполне характеризует изречение: «английский банк к лицу только республике, а не монархии» (ср. выше в главе 3, стр. 246). 5) *Свободный труд*, т. е. наличность таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически принуждены к этому. Отсутствие такого немущего общественного слоя, вынужденного продавать свою рабочую силу, находится в противоречии с сущностью капитализма и делает его развитие невозможным точно так же, как и наличность одного несвободного труда. Рациональный капиталистический расчет мыслим лишь на почве свободного труда, т. е. лишь в тех случаях, когда наличие рабочих, с формальной стороны добровольно предлагающих свой труд, фактически же вынужденных к тому бичем голода, дает возможность, на основании усложненной заработной платы, заранее определенно вычислять издержки производства. 6) *Коммерческая организация хозяйства*, под которой здесь разумеется широкое применение ценных бумаг для установления прав участия в предприятиях и прав на имущество, словом: возможность исключительной ориентировки при покрытии потребностей на рыночный спрос и доходность предприятия. В той мере, в какой коммерческая постановка вопроса прибавляется к указанным другим признакам капитализма, выступает с большей силой значение еще одного, до сих пор не затронутого момента,

именно — спекуляции. Значение последней, впрочем, обостряется лишь с того времени, когда имущество принимает форму легко *передаваемых* из рук в руки ценных бумаг.

§ 2. Внешние факты развития капитализма

Коммерческая постановка дела тесно связана с появлением акций на участие в частных предприятиях, а также рентовых бумаг, главным образом в форме государственных долговых обязательств и закладных листов.

Это наблюдается только в государствах современного Запада. Предвестниками такого течения в древности были акционерно-командитные компании римских *publicani*², которые допускали публику к участию в их прибылях. Эти компании, однако, представляют собой единичное явление, не оказавшее влияния на способ удовлетворения потребностей в римском хозяйстве. Характер последнего несколько не изменился бы и при отсутствии этих обществ.

Выпуск ценных бумаг является для современного хозяйства средством рационального образования капитала. Сюда прежде всего относятся *акционерные общества**. Им присущи два исходные начала.

Акционерный капитал может быть образован с целью получения некоторых предполагаемых доходов: государственная власть хочет располагать определенным размером капитального дохода или знать, на какую сумму поступлений она может рассчитывать, если оно уступит сбор этих доходов, а акционерное общество купит или арендует их. Грандиознейший пример подобной финансовой операции представляет собой банк св. Георгия в Генуе; наряду с ним можно поставит рентовые письма немецких городов и рентовые письма мастеров, особенно во Фландрии³. Эта система указывает на то, что вместо старых приемов собирания средств, когда экстренные государственные потребности удовлетворялись обычно путем беспроцентных и зачастую даже безвозвратных принудительных займов у богатых, те-

* В. Зомбарт. Современный капитализм. II, 139 и сл. Русск. пер. 1923 г. *J. Strieder*, Studien zur kapitalistischen Organisationsform. Kartelle. Monopole und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit, München und Leipzig, 1914; *J. Klein*, The Mesta. A study in Spanish economic history, 1273—1836, Cambridge, 1920; *J. and S. Davis*, Essayes in the earlier history of American corporation, 2 vis., Cambridge, (Harvard), 1917.

перь обратились к займам, рассчитанным на добровольное участие всех желающих получить доход на свой капитал. Ведение войны государством стало теперь для имущих *доходной статьей*. Военные займы под высокие проценты античности были совсем неизвестны. Если собственные подданные не в состоянии были доставить необходимые средства, то государству приходилось обращаться к иностранному финансисту, которому обещалось возмещение его аванса из военной добычи; неудачный конец войны означал потерю им своих денег. Добывание денег на государственные, главным образом военные, нужды, путем обращения ко всем заинтересованным в получении дохода на капитал, было изобретением средних веков, преимущественно практиковавшимся в городах.

Другой экономически более важный вид соединения капиталов — *это ассоциация для финансирования торговых предприятий*; именно из нее постепенно развилась столь привычная теперь для нас форма ассоциации с целью хозяйственного предпринимательства — акционерное общество. Необходимо различать два вида подобных организаций: крупные предприятия для внутренней торговли, превышающие средства отдельного торгового дома, и международные колониальные предприятия.

Для финансирования *предприятий, захватывающих разные местности* и превышающих силы отдельных предпринимателей, типичным является осуществление дела с помощью союзов, а в XV и XVI вв. — главным образом городов. Последние часто и сами вели внешнюю торговлю. Однако, в истории экономического развития несравненно большее значение имеет другая, более распространившаяся система, когда город обращался к населению и допускал его к участию в организованном им торговом предприятии. Если город обращался к частной инициативе, то на учреждаемое общество налагались обязанности принимать всех желающих; таким образом, размер акционерного капитала оказывался неограниченным. Часто единовременный взнос капитала бывал недостаточным и требовались дополнительные взносы, между тем как теперь ответственность акционера определялась лишь его добровольным участием. Часто город устанавливал высший предел взноса, дабы все граждане могли вступить в общество; иногда это участие нормировалось следующим образом: граждане группировались по

имущественной состоятельности или по размерам уплачиваемых ими налогов, и каждая группа получала право записаться на известное количество акций. В противоположность современным акционерным обществам тайна вкладов часто не соблюдалась, а передачи пая одним лицом другому была затруднена. Таким образом, мы видим здесь акционерное общество в его еще зародышевом состоянии. Для надзора за ведением дел городские власти устанавливали свой административный контроль. В этой форме так называемого «регулируемого общества» была организована прежде всего торговля железом (в Штирии), а иногда также (например, в Иглау)⁴ и торговля сукном. Результатом описанной структуры этих обществ являлось отсутствие точно определенного капитала, сходство с цехом, шаткость капиталистического расчета в современном смысле слова. Участниками являлись не только купцы, но и владетельные князья, профессора, придворные — вообще «публика», в собственном смысле этого слова, которая охотно и весьма успешно участвовала в деле. Распределение дивидендов производилось совершенно нерациональным способом — прямо по общему доходу, без каких-либо отчислений. Требовалась только отмена правительственного контроля, чтобы отсюда в готовом виде выросло современное акционерное общество.

Другой прообраз современного акционерного общества представляют собой крупные *колониальные компании*, из которых самыми значительными были нидерландско-Ост-индская и англо-Ост-индская компании*; однако, и они не были еще вполне акционерными обществами в современном смысле. Капитал нидерландско-Ост-индской компании был образован путем распределения ее паев между всеми городами и провинциями «Генеральных Штатов»⁵, причем во избежание ревности составление всего капитала предприятия одним городом не допускалось; правительство, т. е. совокупность штатов, участвовало в управлении предприятием в порядке контроля уже потому, что нуждалось в кораблях и орудиях компании для собственных целей. Хотя

* F. J. J. van der Heyden, *De ontwikkeling van de naamloose Vennotschap in Nederland voor de codificatie*, Amsterdam, 1908; S. van Brakel, *De hollandsche Handelscompagnieën der 17e eeuw*, s'Gravenhage, 1908; G. Cawston and A. H. Keane, *Early chartered companies*, London, 1896; R. Muir, *The making of British India 1756 to 1858*, Manchester, 1915; H. Mertel, *Les colonies et les grandes compagnies de commerce*, Paris, 1892; P. Bonnassieux, *Les grandes compagnies de commerce*, Paris, 1892; Cheilley-Bert, *Les compagnies de colonisation sous l'ancien régime*, Paris, 1898.

компания и развила на деле широкую торговлю, однако, современный капиталистический расчет и свободная передача акций в ней отсутствовала. И тем не менее, именно эти крупные, получавшие богатые доходы общества впервые сделали широко известной и популярной систему акционерных обществ. Отсюда ее восприняли все государства европейского материка и осуществили в следующей форме: акционерное общество определяло условия участия членов и ведения самого дела на основании пожалованной государством и *ad hoc* установленной им привилегии; но государство, в качестве надзирающего органа, вмешивалось в мелочные частности ведения дела. Лишь в XVIII в. был проведен принцип ежегодного составления баланса и инвентаря, да и здесь только страшное банкротство заставило признать его необходимость.

Наряду с финансированием своих потребностей при помощи акционерных обществ, государство и собственными мерами осуществляло *финансирование прямых государственных предприятий*. Оно прибегало к принудительным займам под долговые обязательства, обеспеченные залогом ожидаемых доходов. Средневековые города получали огромные суммы путем выпуска заемных писем под залог их недвижимых имуществ или финансовых ресурсов; эти заемные письма могут считаться прототипом современного консолья⁶, но с некоторым отличием в том, что они частично являлись обязательствами выплаты личного пожизненного дохода, частично же заключали в себе и другие условия. Наряду с такими вспомогательными средствами необходимость изыскания денег еще до XVII в. вызвала к жизни самые разнообразные формы. Так император Леопольд I однажды попытался провести «кавалерский заем», посылая верховых послов к членам знати с просьбой о ссуде, однако, почти везде он получал ответ, что лучше путь он обращается к тем, у кого есть деньги.

Чтобы понять обращение к таким средствам и общее финансовое состояние германского города на исходе средних веков, надо вспомнить, что в то время еще не существовало никакого правильного бюджета*. Город (как и территориальный государь) хозяйничал изо дня в день, как

* L. Schönberg, Die Technik des Finanzhauchs der deutschen Städte im Mittelalter. Stuttgart, 1910. Дальн. указания на литературу у J. Stammhemmer, Bibliographie de Finanzwissenschaft. Iena, 1903 и W. Lotz, Finanzwissenschaft. Tübingen, 1917, стр. 30.

это происходит теперь в маленьком частном домашнем хозяйстве. Расходы то и дело устанавливались заново, так как колебались поступления. Устранить такую неурядицу безбюджетного хозяйствования старались при помощи системы *откупов**. Последние давали государственной власти уверенность в ежегодном получении определенных сумм и помогали ей наладить соразмерное распределение расходов. Таким образом система откупов, как самое лучшее тогда средство рационального ведения финансового хозяйства, скоро — сначала временно, а потом иногда и постоянно — стала применяться многими европейскими государствами. Она открыла возможность получения вперед и как бы учета (эсконта) государственных доходов, что имело особо важное значение для военных целей. Рациональная постановка налоговой системы является достижением итальянских городов в эпоху, последовавшую за потерей ими самостоятельности. Итальянская «синьория» является первой политической властью, организовавшей свои финансы на основах тогдашней коммерческой бухгалтерии хотя еще и не двойной**. Отсюда эта система широко распространилась и через Бургонь, Францию и Габсбургские владения⁷ достигла германских земель. Первые подняли голос за упорядочение финансов сословные сеймы.

Вторым исходным средством для рационального упорядочения финансов была английская система — *exchequer****⁸, о которой еще и теперь напоминает, как последний остаток, слово «чек»; это было приспособление в виде шахматной доски, при помощи которого (за неумением должным образом оперировать с цифрами) подсчитывали государственные платежи. Обычно и здесь, однако, полного бюджета, который обнимал бы все расходы, еще не составляли, но прибегали просто к системе *касс специального назначения*, т. е. те или другие доходы твердо предназначались исключительно для покрытия точно указанных расходов. При-

* Ср. обзор у В. Зомбарта, Современный капитализм, I, 628 и след. Рус. пер. 1923 г.

** Ср. все же примеры из более ранней эпохи, которые В. Зомбарт (Современный капитализм, II, III и след.) дает по G. Brambilla, Storia della ragioneria italiana, Mailand, 1901; далее O. Melting, Das Bankhaus der Medici und seine Vorläufer, Iena 1906.

*** W. Lotz, Das Aufkommen der Geldwirtschaft im staatlichen Haushalt, Berlin, 1908; R. L. Pohte, The exchequer in the twelfth century, Oxford, 1912; J. K. Mitchell, Studies in taxation under John and Henry III, New-Haven, 1914; E. Lipson (см. стр. 146).

чину возникновения такой практики можно видеть в борьбе между княжеской властью и *сословиями*. Сословия, не доверявшие князьям, думали таким образом предохранить ссуженные ими деньги от растраты их на личные нужды князей*.

В XVI и XVII вв. к этим мерам рационализации финансовой политики князей присоединилась еще и их *политика монополий*. Она выражалась частью в монопольной торговле самих князей, частью же в концессиях торговых монополий, которые связаны были обязательством выплачивать государственной власти значительные премии. В качестве примера приведем разработку ртутного рудника в Идрии (в Крайне)⁹; добыча от него предназначалась для амальгамирования серебра, и он попеременно составлял собственность то одной, то другой ветви Габсбургского дома, доставляя как немецкой, так и испанской ветви весьма значительный доход**. Первым примером княжеских монопольных концессий была попытка императора Фридриха II¹⁰ установить монополию хлебной торговли в Сицилии. Шире всего она привилась в Англии, где применялась особенно упорно при Стюартах. Здесь же она была и отвергнута раньше, чем в других государствах, — под влиянием протеста со стороны парламента. Все новые предприятия и мастерские, возникавшие в эпоху Стюартов, организовывались на основе королевской концессии и монополии; за привилегии монополисты обязаны были отчислять в пользу короля значительную часть прибыли и доставлять ему средства для борьбы с парламентом. Все такие чисто фискальные, монопольные предприятия после победы парламента почти без исключения прекратили свое существование. Уже одно это ясно показывает, насколько неосновательно связывать возникновение специфически западного новейшего капитализма с монопольной политикой князей***.

* *W. Lotz*, Finanzwissenschaft, 26 сл. 104 сл. 121 сл.; *E. Fournier de Flaix*, L'impôt dans diverses civilisations, 2 т. Paris, 1897; *W. Stubbs*, The constitutional history of England, 2 т. 4-ое изд. Oxford, 1896, гл. XVIII; *G. v. Below*, Die landständische Verfassung in lülich und Berg, ut e, Düsseldorf 1885—1891; *J. J. Clamagèran*, Histoire de l'impôt en France, 3 т. Paris, 1867—1876; *A. Vuitry*, Etudes sur le régime financier de la France avant la révolution, 2 т., Paris, 1878—1883; *R. Stourm*, Les finances de l'ancien Régime et de la Révolution, 2 т., Paris, 1885; *он же*, Bibliographie historique des finances de la France au 18 siècle, Paris, 1895.

** *J. Srieder*, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen (ср. стр. 1786 прим. 1) 292 сл.

*** *H. Levy*, Die Grundlagen des ökonomischen en Liberalismus in der Geschichte der englischen Volkswirtschaft, Iena, 1912.

§ 3. Первые большие спекулятивные кризисы

W. R. Scott, The constitution and finance of English, Scottish and Irish Joint stock companies to 1720, 3 Bde, Cambriege 1910—1912; *C. Juglar*, Des crises commerciales 2. Aufl., Paris 1889; *A. Aftalion*, Les crises périodiques de surproduction et leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis, I.Bd., Paris 1913; *М. Туган-Барановский*, промышленные кризисы в Англии; *M. Bouniatian*, Geschichte der Handelskrisen in England, München 1908.

Предпосылками развития капиталистического производства мы признали*: присвоение предпринимателем собственности на материальные средства производства, свободу рынка, рациональную технику, рациональное право, свободу труда и, наконец, коммерческую постановку хозяйства. В дальнейшем сюда привходит еще один момент, а именно спекуляция. Она приобретает значение с того времени, когда капитал выливается в форму свободно передаваемых ценных бумаг. Ее развитию сопутствуют крупные кризисы во всей хозяйственной жизни, ею именно и вызываемые.

Сюда не следует относить *тюльпаноманию* в Голландии (в 1630-х гг.), которая так часто причисляется к большим кризисам, вызванным спекуляцией. Тюльпаны были предметом роскоши вошедшим в моду у разбогатевших на колониальной торговле патрициев, и цены на них вздувались до баснословной высоты. Публика соблазнилась возможностью легкой наживы, пока вся афера вдруг не рухнула, погубив массу личных состояний. Однако, все это не оказало влияния на развитие голландской хозяйственной жизни: ведь безделушки всегда становились предметом спекуляции и тем самым вызывали кризисы. Совершенно иначе должна быть оценена личность Джона Ло¹¹, организованная им огромная спекуляция во Франции и одновременно с ней южно-океанская спекуляция в Англии во втором десятилетии XVIII в.

В финансовой практике больших государств уже давно вошло в обычай досрочно получать свои доходы посредством выдачи обязательств, подлежащих последующей оплате. Вследствие войны за Испанское наследство, в Англии и во Франции нужда в деньгах приняла острую форму. Финансы первой поддержало основание Английского Банка.

* Ср. стр. 254.

Но во Франции правительство было страшно обременено долгами и после смерти Людовика XIV никто не находил средств выхода из этого положения. И вот во время Регентства появился шотландец Джон Ло*, который считал себя опытным финансистом, благодаря знакомству с постановкой дела в только что основанном Английском Банке. Он построил собственную теорию денег, но в Англии она не имела успеха: он усматривал в «инфляции», т. е. в возможно большем выпуске платежных знаков, лучшее возбуждающее средство к развитию производства. В 1716 г. Ло получил концессию на открытие частного банка, организованного сначала на общих основаниях с той лишь особенностью, что государственные кредитные билеты должны были приниматься как взносы в капитал, а бумаги банка должны были зачисляться в уплату налогов. Но в отличие от Английского Банка здесь отсутствовал ясный план того, каким путем банк Ло мог бы обеспечить себе постоянный и верный доход, вложив свои средства в надежное предприятие. С помощью банка Джон Ло основал общество эксплуатации Миссисипи. Решено было финансировать Луизиану¹² в сумме 100 млн. ливров¹³; общество приняло на себя оплату соответственного количества государственных долговых обязательств и получило за это право монопольной торговли во вновь открытой для разработки области. Рассматривая планы Ло, сразу можно заметить, что потребовалось бы, по крайней мере, сто лет на то, чтобы дожидаться, пока Луизиана стала бы приносить доход, достаточный для возвращения вкладывавшегося в дело капитала; сначала Ло предполагал организовать предприятие вроде Ост-индской компании, но совершенно не принял здесь во внимание, что Луизиана не была, подобно Индии, страной древней культуры, а представляла собой населенную индейцами лесную пустыню. Когда в 1718 г. ему стала угрожать опасная конкуренция со стороны одного акционерного общества, которое хотело откупить косвенные налоги, Ло слил общество Миссисипи со вновь основанной тогда им Индийской Компанией. Последняя должна была вести торговлю с Китаем и Ост-Индией, но для участия в азиатской торговле Франции не хватало той политической мощи, которой как раз

* *A. Thiers*, *Law et son système des finances*, Paris, 1858; *S. Alexi*, *Law und sein System*, Berlin, 1885; *A. W. Wiston-Glynn*, *J. Law of Lawriston*, London, 1908; *P. Bonnasieux* (ср. стр. 180).

располагала Англия. Однако, Регентство дало себя увлечь в рискованное предприятие и предоставило Ло монетную регалию, а также откуп всех налогов; таким образом оно вверило в его руки судьбы государства с условием получения от него 3%-ой ссуды, которая должна была пойти на уплату колоссально растущего долга. Публика была охвачена безумной спекуляцией. В первый год было выдано 200% дивидендов, и курс акций поднялся с 500 до 9 000 ливров. Это повышение курса объясняется тем, что никто не спекулировал на понижение, так как еще не существовало рациональной биржевой торговли. В 1720 г. Ло добился назначения его генеральным контролером финансов. Но скоро все предприятие рухнуло. Напрасно правительство предписывало, чтобы все платежи производились только банкнотами Джона Ло; напрасно последний старался поддержать их курс всевозможными ограничениями обращения золотых и серебряных денег. Крах Ло был обусловлен тем, что ни торговля с Луизианой, ни дела с Китаем и Ост-Индией не приносили прибыли, достаточной для уплаты процентов хотя бы на часть капитала. Банк принимал вклады, но не располагал никакими реальными фондами для их возвращения. Дело разрешилось полным банкротством: курс банкнот упал до нуля; в результате — продолжительный упадок духа у французской публики; и все же именно в это время сделались популярными свободно передаваемые акции на предъявителя.

Приблизительно в то же время параллельное явление отмечается в Англии, но здесь оно не приняло такого бурного хода, как во Франции. Вскоре после учреждения Английского Банка возникла мысль основать конкурирующее с ним предприятие (1696). То был проект земельного банка, основанный на идее, впоследствии часто выдвигавшейся немецкими аграриями: вместо векселей использовать для обеспечения банкнот земельный кредит. Этот проект, однако, не осуществился, так как в Англии очень хорошо поняли, что у подобного предприятия совершенно отсутствовали бы твердые фонды. Но это не помешало правительству тори после падения правительства вигов в 1711 г. вступить на тот путь, которым несколько лет спустя пошел Джон Ло во Франции: английское дворянство пожелало создать для себя особый центр финансового могущества в противовес основанному почти исключительно пуританами

Английскому Банку; вместе с тем ими должен был быть погашен огромный государственный долг. С этой целью была учреждена *Южноокеанская Компания**, предложившая государству значительные ссуды и за это получившая право торговой монополии в Южном Океане. Английский Банк оказался недостаточно рассудительным, чтобы воздержаться от участия в проектируемом предприятии: он даже предлагал условия, выше установленных основателями Компании. В том, что его предложения не прошли, виной нужно считать исключительно позицию, занятую тори, которые из политической антипатии не желали дать банку возможность достигнуть успеха. Дело приняло тот же оборот, что и с предприятиями Джона Ло; и здесь банкротство было неизбежно, так как торговля в Южном Океане была недостаточно развита, чтобы даже отдаленно оправдать проценты на занятые деньги. Однако и тут, как во Франции, акционерным предприятием овладела спекуляция. Результатом была гибель бесчисленных состояний, между тем как шайка авантюристов вышла сухой из воды; но все же произошло облегчение — правда, не совсем почтенным путем, — долгового бремени государства. Один лишь Английский банк сохранился незатронутым в его прежнем могуществе, так как он был единственным финансовым учреждением, основанным на рациональном учете векселей, и поэтому обладал всегда необходимыми реальными платежными средствами. Так как вексель — не что иное, как проданный товар, он держался основного принципа допускать лишь достижимый и правильный товарный оборот, который в то время мог развиваться лишь в таком центре, как Лондон.

Вызываемые спекуляцией кризисы повторялись и прежде, но никогда не достигали подобных размеров. Первые, настоящие (рациональные) кризисы этого рода наступили уже после окончания войны за освобождение Европы от Наполеона¹⁴ и с тех пор регулярно повторялись приблизительно через каждый десять лет — в 1815, 1825, 1835, 1847 гг. и т. д. Основываясь именно на них, Карл Маркс предсказывал в своем коммунистическом манифесте крушение капитализма. Первые из этих периодических кризисов явились следствием спекуляции, иначе говоря, следствием проникновения в крупные предприятия чуждых инте-

* N. A. Brisco, The economic policy of R. Walpole, № 4, 1907, стр. 41.

ресам производства мотивов. Крахи происходили потому, что вследствие сверх-спекуляции не столько само производство, сколько *средства* производства возрастали быстрее спроса на предметы потребления. В 1815 г. перспектива отмены континентальной блокады вызвала в Англии буквально безумную горячку основания фабрик. Между тем войны сильно понизили покупательную способность континента, и последний не мог поглотить английских изделий. Едва миновал этот кризис и покупательная способность континента стала повышаться, как в 1825 г. разразился новый, потому что не запас товаров, но средства производства были раздуты спекуляцией до таких размеров, которых они никогда раньше не достигали, и которые не соответствовали спросу.

Возможность такого необычайного увеличения средств производства объясняется тем, что XIX столетие открыло собой век *железа**. Изобретение процесса коксования, доменные печи, огромное развитие горного искусства и добыча руд из шахт на неслыханной дотоле глубине, сделали железо основным материалом для выделки орудий производства, между тем как еще в XVIII в. машины выделывались из дерева. Тем самым производство освободилось от естественных препятствий, которыми его до тех пор стесняла природа. Но с тех пор, впрочем, и кризисы сделались неизбежным спутником хозяйственного порядка. Кризисы в более широком смысле слова — хроническая безработица, голод, затруднения сбыта, политические события, нарушающие течение всей хозяйственной жизни — все это бывает всегда и везде. Открывается, однако, разница между голоданием китайского или индийского крестьянина, полагающих, что божество к нему неблагосклонно и духи находятся в смятении и поэтому природа неравномерно распределяет солнечный свет и дождь, и дефектами общественного строя, при которых именно на него можно возложить в случае кризиса ответственность перед последним рабочим. В первом случае имеет место религиозное объяснение; в последнем — виновником является создание рук человеческих, из чего рабочий и выводит заключение о необходимости перемен; рациональный социализм никогда не возник бы без этих кризисов.

* L. Beck, Geschichte des Eisens, 5m. 1884—1903.

§ 4. Свободная оптовая торговля

См. обзор у Зомбарта, *Совр. капитализм*, II, стр 429: статья «Börsenwesen» (R. Ehrenberg) и «Märkte und Messen» (K. Rathagen) в *Handwörterbuch*, 3 под. Bd III и VI.

В течение XVIII столетия крупные торговцы-оптовики окончательно отделяются от розничных, образуя в купеческом сословии особый слой. Крупные торговцы предшествующих эпох, например, ганзейцы, еще не были типичными оптовиками.

Оптовая торговля, прежде всего, создала новые формы торгова вообще; одной из этих форм является *аукционная торговля*; она является средством быстрого сбыта для импортирующих оптовых торговцев, занимающихся ввозом товаров, и облегчает им расчеты с заграницей. Типичной формой экспортной торговли, заменяющей в то же время торговлю ярмарочную, является торговля *консигнационная*. Она состоит в отправке товаров с целью продажи некоторому третьему лицу, консигнатору, который должен сбыть их согласно указаниям консигнанта¹⁵. Эти два лица не встречаются на ярмарке, как торговцы в прежние времена, а товары отправляются на внешний рынок для спекуляции. Положительной предпосылкой возможности консигнационной торговли является наличие определенного вексельного курса на соответствующий пункт консигнации, иначе нельзя было бы выдержать ее риска, отрицательной же предпосылкой является отсутствие практики пробной торговли, вследствие чего перед покупкой каждый раз необходим осмотр приобретаемого товара. В консигнационную форму облекается обычно заокеанская торговля; она преобладает в тех случаях, когда оптовый купец не имеет никаких связей с розничными торговцами. Дальнейшее видоизменение ее состоит в том, что наряду с консигнатором, являющимся как бы комиссионером по *продаже*, выступает еще комиссионер по *закупке*, продающий полученные издалека товары без их предварительного осмотра. Старейшей формой такой торговли является *пробная торговля*. Однако, торговля издалека существовала и до ее возникновения; торговалось «купеческое добро», которое должно было соответствовать освященным традицией качествам; вопрос о том, обладает ли оно ими в действительности, решался купеческими третейскими судами. Пробная же покупка яв-

ляется специфически свойственной новому времени формой дальней торговли. Она играла первенствующую роль в конце XVIII—XIX вв. и была замещена *стандартной торговлей по типичным образцам*, которая позволяла избегать посылки пробных товаров. Для установления последнего вида торговли необходима выработка определенных товарных типов. Лишь на основе стандартной торговли в XIX в. могли развиваться товарная спекуляция и *биржевая торговля* товарами вообще.

Предшественницей биржи является ярмарка. Обе тем похожи друг на друга, что сделки на них заключаются только между купцами; различие же состоит в том, что на ярмарках товары оказываются налицо и самые ярмарки происходят периодически. Промежуточным звеном между постоянной биржей и периодической ярмаркой была так называемая *«вечная ярмарка»*: в период между XVI и XVIII вв. в крупных торговых центрах возникают здания под названием «бирж»; но производимая в них торговля еще не может быть названа биржевой в собственном смысле слова, во-первых, потому, что большинство ее представителей составляют не местные, но иногородние купцы, приходящие на «биржу», как на ярмарку, а во-вторых, потому, что имеются налицо товары или пробы, и сделки заключаются на основании таковых, а не на основании типов и образцов. Биржевая торговля в современном смысле развилась на почве торговли *ценными бумагами и видами денег*, а не на почве товарной торговли, так как ценные бумаги и валюта сами по себе имеют характер типов. Лишь в течение XIX в. оборот биржи расширяется введением в круг ее операций товаров, типы которых можно установить. Новым моментом в биржевой торговле является рациональная *спекуляция à la baisse* (на понижение), т. е. продажа заранее в расчете, что к наступлению срока доставки обещанный товар можно будет купить дешевле; если ожидание не оправдывалось, грозили кризисы, как это оказалось при спекуляции с тюльпанами и с обществом эксплуатации Миссисипи. Факты продажи при отсутствии товара происходили и прежде, но они обычно запрещались из опасения скупки товаров во вред интересам потребителя. Нигде они не могли так войти в систему, как на современной бирже, где спекуляция на повышение всегда сталкивается со спекуляцией на понижение. Первым объектом спекуляции на понижение была

валюта, в особенности бумажные деньги, банкноты, государственные ренты и колониальные бумаги. Можно было придерживаться различных мнений относительно влияния политических событий на курс таких ценностей, а также относительно их доходности, и именно поэтому они были как бы предназначенным для спекуляции предметом. Бумаги промышленных предприятий, однако, совершенно не попадают в старых курсовых бюллетенях. Гигантские размеры биржевая спекуляция приняла вместе с постройкой железных дорог; последние выпускали ценные бумаги, впервые вызвавшие постоянную и безграничную биржевую спекуляцию. Из товаров в XIX столетии первыми попали в круг биржевой спекуляции зерно и некоторые колониальные массовые продукты.

Необходимейшим условием развития в таком направлении оптовой торговли, именно спекулятивной оптовой торговли, является наличие удовлетворительной организации осведомления и транспорта.

Широкая осведомительная служба*, как она существует теперь в биржевом деле, развилась сравнительно недавно. В XVIII в. не только английский парламент держал втайне свои прения, но и биржи, как купеческие клубы, поступали точно так же со сведениями о своей деятельности: они боялись, как бы знание иностранных цен не привело к неблагоприятным для них последствиям и не испортило им предприятий. Газетное дело проникло в сферу торговли необыкновенно поздно. Газеты не могут быть названы детищем капитализма**; сначала они ограничивались политическими известиями, по преимуществу же сведениями о необычайных происшествиях во всем мире. Объявления (инсераты) появляются в газетах очень поздно. Если они и попадались раньше, то вначале по преимуществу были интимного семейного характера; коммерческие объявления с целью увеличения сбыта сделались обычным явлением лишь в конце XVIII в. и как раз в той газете, которая в течение целого столетия занимала первое место среди других в мире — именно в «Таймсе». Официальные курсовые бюллетене-

* См. к последующему: P. D. Fischer и M. Aschenborn, статья «Post» в «Handwörterbuch» VI¹, особенно J. C. Hemmeon, History of the British post office, 1913; дальн. литература у В. Зомбарта, Совр. капитализм II, стр. 364, 396 и Dahlmannwaitz (см. выше стр. 17) Nr. 2592, 5823—6825, 8925—8927, 10458—10467

** L. Salomon, Allhemeine Geschichte des Zeitungswesens, f. pz 1907; *он же*, статья «Zeitungen» и «Handwörterbuch» VIII, 3 изд.

ни вошли в обычай лишь в XIX столетии, так как первоначально биржи повсюду были закрытыми клубами, какими они и оставались в Америке до очень недавнего времени. Таким образом, в XVII и XVIII вв. все сводилось к *сношениям письмами*. Рациональная внешняя торговля без верной доставки письменных сообщений была, конечно, немыслима. Эта доставка производилась в средние века частью купеческими гильдиями, частью мясниками, извозчиками и т. д. Наконец, была организована правильная доставка корреспонденции в виде учреждения почты, которая принимала письма для доставки на основании особых договоров с заинтересованными фирмами. В Германии фамилия Турн и Таксис¹⁶, которой принадлежала почтовая регалия, сделала очень много для упорядочения доставки корреспонденции. Однако, обращение писем, особенно деловых, было сначала весьма незначительным: в 1633 г. во всей Англии был сдан один миллион писем, в то время как теперь такое же число их насчитывает небольшое местечко с 4000 жителей.

Что касается *способов перевозки**, то в них до самого проведения железных дорог, по крайней мере в принципе, ничего не изменилось. *Мореплавание* почти не увеличивалось и еще в VIII в. оставалась таким же, как в Венеции к концу средних веков. Возросло лишь число и размеры военных судов. Это обстоятельство побуждало увеличивать число и вместимость также и торговых кораблей, но дело не могло быть осуществлено в эпоху деревянного строительства. *Судоходство по озерам и рекам*, несколько улучшенное благодаря устройству системы шлюзов, сохраняло все же до XIX в. цеховую организацию и потому не подвергалось коренным изменениям. *Сухопутный транспорт* также сохранялся в прежнем виде. Почта ничего в нем не изменила, ибо она доставляла лишь письма да маловесные посылки и совершенно не обслуживала крупного производства, столь важного в хозяйственной жизни. Только *дороги* необычайно улучшились благодаря проведению шоссе. Первый пример показало непосредственно французское правительство (при Сюлли¹⁷), в то время как в Англии дороги были сданы в аренду предпринимателям, взимавшим за пользование ими шоссейный сбор. Проведение шоссейных путей произвело в развитии торговых и прочих сношений

* Литература у В. Зомбарта, ук. с II, 236 и сл. и выше стр. 177.

небывалый переворот, превзойденный только с появлением железных дорог. Современная густота передвижений по грунтовым дорогам не может быть сравнима с положением дел в прежние времена. Например, через такое маленькое местечко, как Люнебург¹⁸, в 1793 г. прошло 70 тысяч лошадей, в то время как вместе с распространением железных дорог, уже в 1846 г. во всей Германии для перевозки грузов их находилось в распоряжении только 40 тысяч. Издержки по перевозке на лошадях в десять, двадцать раз превышали издержки железнодорожного транспорта; с другой стороны, они были в три-четыре раза выше и тогдашних водных фрахтов. Самое большое количество груза, которое могло быть перевезено в Германии на лошадях, равнялось 0,5 миллиардов тонно-километров, в то время как в 1913 г. по железным дорогам было перевезено 67 миллиардов тонно-километров.

Железные дороги вызвали не только в области общения между людьми, но и в хозяйственной жизни величайший из переворотов, какие совершались в истории. Их возникновение было связано с наступлением века железа; до того времени они могли бы явиться и оставались бы только забавой князей и придворных, как и многое другое.

§ 5. Колониальная политика с XVI по XVIII вв.

H. Merivale, Lectures on colonisation and colonies, 2 ed, London, 1861; *H. E. Morris*, History of colonisation from earliest times to present day, 2 vls., London, 1904; *B. T. Belgano*, Storia coloniale dell' epoca antica, medioevale e moderna, Florenz, 1916; *A. Helps*, The Spanish conquest in America, 2 ed. London, 1902; The English people over seas, 6 vis., London, 1911—1914; *G. B. Hertz*, The old colonial system, Manchester, 1905; *G. I. Beer*, The old colonial system 1600—1754, 2 vis., New York, 1912; *P. Darmstädter*, Geschichte der Aufteilung und Kolonisation Afrikas seit dem Zeitalter der Entdeckungen, 2 Bde., Berlin und Leipzig, 1913—1920.

Здесь как раз уместно поставить вопрос: какое влияние на возникновение современного капитализма оказали завоевание и эксплуатация обширных внеевропейских земель, хотя мы можем наметить здесь лишь наиболее характерные черты древнейшей колониальной политики.

Приобретение европейскими государствами колоний повело к накоплению в метрополиях колоссальных богатств.

Средствами такого накопления явились монополизация колониальных продуктов, а также права снабжения колоний, т. е. как вывоза товаров в колонии, так и доходов, получаемых от транспортирования товаров из метрополии в колонию и обратно, что особенно подчеркнуто в английском Навигационном акте 1651 г.¹⁹

Возможность такого накопления богатства во всех без исключения странах опиралась на *власть*. Она могло воплощаться в различных формах: то государство само непосредственно извлекало из колоний прибыль, организуя все колониальные предприятия как регалию, то оно сдавало это право на откуп различным компаниям. Здесь мы встречаемся с двумя главными типами эксплуатации: *феодальным* — в испанских и португальских колониях и *капиталистическим* — в английских и голландских.

Прототипами феодальных форм колонизации были венецианские и генуэзские колонии в Леванте и колонии ордена тамплиеров²⁰. В обоих случаях возможность получения дохода обеспечивалась посредством организации эксплуатируемых областей, как феодалов (в Испании — *encomiendas*).

Хозяйство в капиталистических колониях выливалось обычно в формы *плантаций*. Рабочую силу поставляли туземцы. Одно время считали, что перед этой системой труда, давшей блестящие результаты в Африке и Азии, открываются необыкновенно широкие перспективы применения ее в заокеанских колониях. Однако, индейцы оказались абсолютно непригодными для работы на плантациях*. Тогда начался ввоз в Вест-Индию черных невольников, принявший характер правильной, широко развитой торговли**. Она велась на основе высоко оплачиваемых монопольных привилегий на торговлю невольниками (*assiento*); первая из них была предоставлена в 1517 г. императором Карлом V²¹ фламандцам. Привилегии на торговлю невольниками играли большую роль в международных договорах до начала XVIII в.; по Утрехтскому же миру²² Англия получила ис-

* Параллельно с этим интересно отметить, что долгое время негры оказывались неспособными к работе на фабриках и к обращению с машинами: нередко они впадали в состояние каталептического сна. Здесь впервые в истории хозяйства ясно проявляются расовые различия.

** Главными носителями торговли невольниками были вначале арабы, и доселе остающиеся таковыми в Африке; в средние века таковыми являлись евреи, генуэзцы, затем португальцы, французы, наконец — англичане.

ключительное право продажи невольников в южно-американские испанские владения с устранением всех остальных держав и с обязательством поставлять известный минимум такого человеческого товара. Размеры торговли невольниками оказались значительными. К началу XIX в. в европейских колониях жило приблизительно 7 млн. негров-невольников. Смертность среди них была необыкновенно высокой и еще в XIX в. достигала 25%, в предыдущие же столетия она стояла еще гораздо выше. С 1807 по 1848 гг. из Африки было ввезено еще 5 млн. невольников; таким образом, общее число их, вывезенных в заокеанские области рабовладельческого хозяйства, достигало цифры населения крупной европейской державы XVIII в. Наряду с черными существовали также и белые полуневольники («in-dented servants»), которых было особенно много в северо-американских английских колониях, где число их в XVIII в. превышало число негров. Это были частью сосланные преступники, частью же бедняки-эмигранты, которые таким образом отслуживали стоимость переезда, что составляло почти неплатный долг*.

Производительность труда невольников была весьма невысокой: в Англии в XVIII в. ее оценивали в 15—20 фунтов стерлингов на одного невольника в год. Неизбежными следствиями невольничьего труда были: суровая дисциплина на плантациях, беззастенчивая эксплуатация невольников, постоянный ввоз их — ибо они не поддерживались размножением — и, наконец, вообще хищническая система хозяйства.

На развитие современного капитализма накопление богатства, являвшееся результатом колониальной торговли — здесь мы совершенно расходимся с В. Зомбартом**²³ — оказало только незначительное влияние. Правда, накоплению средств колониальная торговля способствовала в чрезвычайно сильной степени; однако, на систему организации труда в ее специфически западно-европейском смысле она не повлияла, будучи сама основана на начале добычи, а не на расчете доходности, вытекающей из оценки условий рынка. Далее, как известно, например, в Бенгалии²⁴ содержание английской гарнизонной службы стоило в пять раз боль-

* A. Sartorius von Walterschausen, Die Arbeitsverfassung der englischen Kolonien in Nordamerika, Strassburg, 1894.

** «Современный капитализм» (3 изд.), II, 1071 и сл.

ше общей стоимости доставленных туда товаров. При таких условиях доходность сбыта в колонии изделий отечественной индустрии была чрезвычайно низкой и главные выгоды падали на долю организации транспорта.

Конец капиталистической формы эксплуатации колоний совпадает с *прекращением рабовладения*. В факте отмены последнего этические соображения играли далеко не первую роль. Единственной христианской сектой, все время непрерывно и упорно борющейся против рабовладения, были квакеры*; никакие другие секты, а равно ни католики, ни кальвинисты не стремились так настойчиво и неуклонно к отмене рабства. Решающим событием в истории отмены рабовладения было отпадение северо-американских колоний от метрополии. Еще во время борьбы за независимость рабовладение уже было запрещено в северных колониях и притом из чисто политических соображений демократического характера: этим хотели воспрепятствовать укреплению частновладельческих плантаций и возникновению земельной аристократии; к этому присоединился религиозный момент — наследственное отвращение пуритан ко всякому виду феодализма. В 1794 г. во Франции Конвент²⁵ высказался за отмену рабовладения из буржуазно-политических соображений, приращенных соответствующей идеологией**. В 1815 г. Венский Конгресс²⁶ запретил торговлю невольниками. В то же время упал интерес к ней и со стороны Англии вследствие потери ею северо-американских колоний — областей, куда главным образом невольники и ввозились. Постановление Конгресса дало, однако, Англии возможность одновременно с борьбой против иностранной торговли невольниками самой широко заниматься ею контрабандным путем. Таким образом, с 1807 по 1847 гг. при фактическом попустительстве государства из Африки в английские колонии было ввезено 5 млн. человек. Лишь после парламентской реформы в 1853 г., под влиянием буржуазно-демократических взглядов, рабовладение в Англии и английских колониях было действительно запрещено; запрещение на этот раз строго проводилось в жизнь. Итак, рабовладение XVI—XVIII вв., столь сильно повлиявшее на нако-

* St. B. Weeks, The southern Quakers and slavery, Baltimore 1898; A. Jörn, Studien über die Socialpolitik der Quäkers, Karlsruhe 1912, стр. 121.

** В 1802 г. во французских колониях рабовладение была снова разрешено.

пление состояний внутри Европы, на ее хозяйственный строй почти не оказало никакого воздействия; оно породило, правда, значительное количество богатых людей, живущих рентой, но лишь в незначительной степени содействовало развитию капиталистической организации промышленности.

§ 6. Развитие промышленной техники

A. Riedler, *Über die geschichtliche und zukünftige Bedeutung der Technik*, Berlin, 1900; *O. Kammerer*, *Die Ursachen des technischen Fortschritts*, Leipzig, 1910; он же, *Die Technik der Lastenförderung einst und jetzt*, München, 1907. — *Ch. Babbage*, *On the economy of machinery and manufactures*, London, 1832, *A. Ure*, *Philosophy of manufactures. Exposition of economy of the tory system of Great Britain*, 2 ed, London, 1835; *A. Graziani*, *Studi sulla teoria economica delle macchine*, Torino, 1891; *G. v. Schultze-Gaevernitz*, *Der Grossbetrieb ein wirtschaftlicher und sozialer Fortschritt*, Leipzig, 1892; *C. Ergang*, *Untersuchungen zum Maschinenproblem in der Volkswirtschaftslehre*, Karlsruhe, 1911. *К. Маркс*, *Капитал*, 3 т., 1867—1894; *L. Brentano*, *Über die Ursachen der heutigen sozialen Not*, Leipzig, 1889. Ср. далее исчерпывающий обзор у *В. Зомбарта*, 1, 181 сл., 11, 609 сл.

Нелегко дать точное определение понятию «фабрика». При этом слове нам прежде всего рисуется паровая машина и общее механизирование процесса труда. Однако, предшественниками машины были так называемые *аппараты*, орудия производства, так же, как и машины, нуждавшиеся в управлении, но обычно приводимые в движение водяной силой. Отличие здесь состоит в том, что аппарат служит человеку, в то время как о современной машине можно сказать как раз обратное. Но наиболее резким отличительным признаком современной фабрики являются главным образом не применяемые орудия, не характер процесса труда, но сближение владения мастерской, орудиями, источником силы и сырым материалом в одних руках — руках предпринимателя. До XVIII в. подобное соединение мы видим лишь в немногих отдельных случаях.

В Англии — этом классическом примере капиталистической эволюции, хотя она кое в чем и следовала примеру других стран, например, Италии — намечается следующая линия развития*. 1) Старейшей настоящей фабрикой, хотя

* *L. Darmstaeder*, *Handbuch zur Geschichte der Naturwissenschaften und Technik*, Berlin, 1908; *F. M. Feldhaus*, *Die Technik der Vorzeit, der geschichtliche Völker und der Naturvölker*,

и приводившейся в движение еще водяной силой, является, несомненно, учрежденная в 1719 г. шелковая фабрика в Деруэнте (около Дерби)²⁷, работавшая в силу патента на изобретение, которое на самом деле было украдено владельцем фабрики в Италии. Там издавна существовали шелковые фабрики на различных условиях собственности; они служили, правда, для производства предметов роскоши и принадлежали к эпохе еще не характерной для современного капитализма; однако, они должны быть упомянуты здесь, так как орудия производства и все прочее принадлежало уже там одному предпринимателю. — 2) Шерстяная мануфактура возникает на основании патента в 1738 г., данного после изобретения аппарата, приводящего, с помощью водяной силы, в движение 100 шпукел. — 3) Далее идет развитие полуполотняного производства. — 4) Начинается систематическое развитие гончарного дела после опытов в Стаффордшире: работы над глиной производились с помощью водяной силы, с разделением труда; орудия труда и мастерская составляли собственность предпринимателя. — 5) С XVIII в. возникает производство бумаги, но оно развивается прочно лишь вместе с расширением газетного дела, письменного делопроизводства и деловой переписки.

Решающим моментом при проведении рационализации и механизирования процессов производства являются судьбы *хлопчатобумажной мануфактуры*, которая в XVII в. в широком масштабе была занесена с континента в Англию и там должна была выдержать такую же тяжелую борьбу со старой, существовавшей с XV в. национальной отраслью производства — шерстяной промышленностью, какую эта последняя вела с производством полотна. Могущество шерстяных заводчиков было настолько велико, что им удалось провести ограничение, даже запрещение полуполотняного производства, вновь разрешенного лишь манчестерским актом в 1736 г. Фабричное производство хлопчатобумажных изделий сначала было затруднено в своем развитии тем, что наряду с улучшением системы и увеличением ткацких станков веретена сохранили свою старую средневековую конструкцию и не могли поставлять вовремя для станков надлежащего количества пряжи. С 1769 г. це-

Leipzig, 1914; K. Karmarsch, Geschichte der Technologie seit der Mitte des 18. Jahrhunderts, München, 1872; C. Matschoss, Die Entwicklung der Dampfmaschine, 2 Bde., Berlin, 1908.

лый ряд технических улучшений в системе веретен изменил положение в обратную сторону: при помощи водяной силы механическим путем нитки стали производиться в таком количестве, что ткацкие станки не успевали их перерабатывать. Это несоответствие было устранено в 1785 г. благодаря изобретению механического ткацкого станка Картрайтом²⁸, который один из первых изобретателей применил к технике положения науки и решал ее проблемы на основании теоретических исследований и построений.

Но даже при таком перерождении орудий производства развитие остановилось бы и капитализм не принял бы его современных форм, если бы *уголь* и *железо* не обеспечили ему победу. Нам известно, что каменный уголь, как горючее вещество, употреблялся уже в средние века — в Лондоне, Льеже, Цвиккау*²⁹. В технике же производства при обработке и переработке железа до начала XVIII в. употреблялся древесный уголь. Обезлесение Англии, которого Германии удалось избежать благодаря случайным обстоятельствам, привело к тому, что в XVII и XVIII вв. развитие капитализма почти совершенно приостановилось. Уничтожение лесов в известный момент повсюду тормозило индустриальное развитие. Лишь благодаря введению в дело *каменного угля* обработка железа освободилась от такого подчинения наличию данных природой материалов растительного царства. Правда, первые доменные печи начали появляться уже в XV в., но они топились дровами и работали не на частную промышленность, но на нужды военные и, отчасти, на потребности мореплавания. Далее, в XV в. была изобретена железосверлильная машина для выделки пушечных дул. Одновременно с ней появились большие тяжелые железные молоты до 10 центнеров весом, приводимые в движение водяной силой (гидравлические молоты), так что наряду со сверлением оказалась возможной механическаяковка литого железа. Наконец, в XV в. возникли прокатные мастерские в современном смысле этого слова. Дальнейшее развитие поставило на очередь две трудные проблемы, выдвигавшиеся *опасностью обезлесения* и *прорывами воды*. Разрешение первой проблемы было тем настоятельнее, что, в противоположность подъему текстильной промышленности, английская металлургическая промыш-

* См. выше стр. 128.

ленность начала приходить в упадок и к началу XVIII в., казалось, готова была окончательно замереть. Затруднение было устранено изобретением способа *получать из угля кокс*³⁰, в 1735 г., и применением с 1740 г. кокса для доменных печей. Этот успех был еще более закреплен применением с 1784 г. процесса пудлингования³¹. Опасность, грозившая рудному делу, пала вместе с изобретением *паровой машины*. Первые робкие попытки показали возможность поднимать воду при помощи огня, а потом за период времени с 1670 до 1770 гг. и далее до конца XVIII в. паровая машина достигла такой степени совершенства, что добыча угля сделалась возможной в количестве, необходимом для современной индустрии.

Вышеописанный ход развития оказал влияние на промышленность в трех направлениях. Прежде всего *уголь и железо освободили технику и вместе с тем и возможности производства от рамок, связанных с применением органических материалов*; пала зависимость также от животной силы и роста растений. Хищническая разработка дала в изобилии ископаемый горючий материал и железную руду — основу такого широкого развития промышленности, о котором раньше нельзя было и подумать. Таким образом, железо явилось важнейшим фактором в развитии капитализма, и мы не можем себе вообразить, как бы без этого пошло его развитие дальше, какой бы вид приняла культура Европы вообще*. Далее механизация процесса производства благодаря применению паровой машины *освободила его от подчинения органическим рамкам человеческого труда*, хотя, конечно, не вполне: для обслуживания машины человеческий труд, само собой разумеется, остается необходим; однако, механизация всегда проводилась именно в целях его вытеснения. Каждое новое изобретение приводит к замене огромного количества рабочих небольшим числом людей, обслуживающих машины. Наконец, *при содействии науки производство освободилось от устарелых, традиционных его способов*. Производство вступило в союз со свободно открывающим новые пути интеллектом. Тем не менее, большинство изобретений XVIII столетия было сделано отнюдь не в результате специальных научных изы-

* С другой стороны и хищническая эксплуатация недр земли имеет свои границы во времени: век железа может продлиться самое большее тысячу лет.

сканий: когда был открыт процесс превращения угля в кокс, никто поначалу и не подозревали, что он означает в химическом отношении. Лишь связь с современной наукой, систематическая работа в химических лабораториях со времени Юстуса Либиха³², сделали индустрию тем, что она из себя теперь представляет, и содействовали полному расцвету капитализма.

Новая форма производства, развившаяся в Англии в XVIII в. и основывающаяся на соединении в руках частного предпринимателя всех средств производства, вначале *рекрутировала рабочую силу искусными принудительными мерами*, хотя и не прямого характера. Сюда относится прежде всего два закона: закон о бедных и закон об учениках королевы Елизаветы. Их появление было вызвано громадным количеством бродячего люда в стране, обезземленного аграрным переворотом населения. Вытеснение мелких оброчных крестьян крупными арендаторами и превращение пахотных полей в пастбища для овец (хотя это явление часто переоценивалось) приводили к тому*, что число народа, занятого в сельском хозяйстве, постепенно уменьшалось и одновременно увеличивалось количество безработных, которые и были подвергнуты принудительному трудоустройству. Тот, кто не подчинялся добровольно, заключался в работный дом с его строгой дисциплиной. Кто оставлял работу без разрешения хозяина или предпринимателя, считался бродягой. Единственной формой помощи безработным была отправка их в работные дома. Именно таким способом и рекрутировалась в первое время рабочая сила для фабрик. С большой неохотой подчинялись рабочие дисциплине труда. Но власть имущего класса была слишком велика: она опиралась на мировых судей, решавших дела не на основании определенных законов, но в зависимости от массы отдельных предписаний и по собственному усмотрению; до второй половины XIX в. предприниматели произвольно распоряжались рабочей силой, загоняя ее во вновь возникающие предприятия. Но вместе с тем уже с начала XVIII в. в процессе урегулирования взаимоотношений между предпринимателем и рабочими начали выявляться элементы современного нормирования условий. Первые truck-законы были изданы при королеве Анне

* Н. Bradley, The enclosures in England, № 4. 1918, а также приведенная на стр. 125 литература (особенно Эшли, II, 275 и сл., по немскому изданию).

и Георге I³³. Они устанавливали систему оплаты труда рабочих товарами. Если в течение всех средних веков трудящийся боролся за то, чтобы самому сбывать на рынок свой продукт, то теперь законодательству приходилось защищать его от навязывания ему чужих продуктов за его труд и обеспечить ему денежное вознаграждение*.

Другим источником рабочей силы явились в Англии *мелкие ремесленные мастера*, в огромном числе превращавшиеся в фабричный пролетариат.

Главными источниками сбыта изделий новой промышленности на *рынке* являлись — война и роскошь, нужды армии и создание придворной пышности**.

Армии становились все более и более крупными потребителями фабричных изделий по мере того, как возрастали размеры оплачиваемых войск, в них прогрессировала дисциплина и совершенствовались вооружение и военная техника. Для текстильной промышленности важным обстоятельством явилось введение военной формы, как средства установления дисциплины и облегчения надзора; для железной индустрии — потребность в орудиях и снарядах; для торговли — потребность в жизненных припасах. К сухопутному войску присоединялся еще и флот. Увеличение размеров военных судов открыло индустрии новый рынок для сбыта. В то время, как размеры торговых судов почти не изменились до самого конца XVIII в., составляя в среднем для приходящих в Лондон судов еще в 1750 г. всего 140 тонн, военные суда уже в XVI в. достигали вместимости в 1000 тонн, а в XVIII это сделалось нормальным. Потребности армии и флота возрастали с увеличением числа и протяжения путей военных судов (а также и торговых) в особенности начиная с XVI в. Если до тех пор длительность пути на восток обычно равнялась году, то теперь суда оставались в плавании гораздо большее время. Одновременно передвижение войск на более далекие расстояния во время сухопутных походов вызвало необходимость усиленного снабжения их амуницией, провиантом и т. д. Наконец, начиная с XVII в., постройка судов и производство орудий идут необыкновенно ускоренным темпом.

* P. F. Aschrott, Das englische Armenwesen, Leipzig, 1886, далее см. указ. на стр. 159 сочинения Brentano и др.

** W. Sombart, Studien zur Entwicklungsgeschichte des modernen Kapitalismus, I, Bd Luxus und Kapitalismus. — 2 Bd. Krieg und Kapitalismus, 1913.

В. Зомбарт полагает, что однообразные массовые потребности войны явились одним из основных условий развития современного капитализма. Эту мысль надобно ограничить должной мерой. Действительно на нужды армии и флота ежегодно расходовались огромные суммы: в Испании 70% всех государственных доходов, в других государствах — $\frac{2}{3}$ и более. Однако, помимо европейского Запада, например, в царстве Великого Могола и в Китае, мы встречаемся с громадными, хотя и не обмундированными, но снабженными оружием армиями; тем не менее там это не привело к развитию капитализма. Кроме того, и на Западе, помимо участия капиталистической промышленности, потребности армии все в большей степени удовлетворялись силами самого государства, учреждением государственных мастерских и мастерских для производства предметов вооружения и амуниции. Поэтому думать, что именно война, как таковая, создавая потребности армии, является одной определяющих сил при возникновении современного капитализма, представляется нам неправильным. Война, и не только в Европе, является, конечно, проводником капитализма, но вовсе не служит основной причиной его возникновения. Иначе с ростом удовлетворения потребностей армии собственными силами государства капитализм должен был бы падать, но этого мы отнюдь не наблюдаем.

Наиболее яркую картину того влияния, которое оказало на развитие промышленности стремление двора и дворянства к роскоши, мы видим во Франции*. В XVI в. ежегодные траты короля на предметы роскоши зачастую доходили до 10 млн. ливров. Такие огромные траты династии и высших слоев населения способствовали возникновению громадного числа предприятий. Важнейшими предметами производства были (помимо лакомств, таких как шоколад, кофе и т. п.): кружева (XVI в.), тонкое белье (для стирки и глаженья которого возникли специальные мастерские XVII в.), чулки (XVI в.), зонтики (XVII в.), набивные материи (XVII в.), обои (XVIII в.). По количеству сбыта наиболее важными оказывались две последние отрасли производства. Они означали демократизирование роскоши и тем представляли собой решительный поворот к капитализму.

* H. Bandrillant, Histoire de luxe privé et public, 4 m Paris: И. Тэн, Происхождение современной Франции, 1 т. «Старый порядок» (Рус. пер. под ред. Г. Лопатина).

Придворная роскошь существовала в Китае и в Индии в размерах, никогда и нигде в Европе не виданных. И несмотря на это, она не послужила толчком к развитию капитализма и капиталистического производства, так как эти потребности удовлетворялись на основе принудительных повинностей подданных. Эта система установилась так прочно, что даже в наше время крестьяне окрестностей Пекина обязаны поставлять ко двору те же предметы, что и триста лет тому назад, и так как они уже не умеют выделять их сами, то им приходится покупать их у соответствующего предпринимателя. В Индии и Китае и потребности войска удовлетворялись путем повинностей и барщины. В Европе, подобно Востоку, также были известны принудительные литургии, хотя и в несколько иной форме. Здесь князья коварными мерами превратили рабочих, занятых в производстве предметов роскоши, в крепостных, наделив их землей, дав им привилегии, связав долгосрочными контрактами и тем прикрепив их к мастерским. Однако, мы не видим этого во Франции, классической стране производства предметов роскоши: здесь скорее сохранилась ремесленная форма производства — частью в виде мастерских, частью в виде сдачи работы на дом. Ни техника, ни экономика такого производства не потерпела коренных изменений. Вследствие демократизирования роскоши и предъявляемых требований на ее суррогаты, известная часть предприятий, вырабатывающих предметы роскоши, обратились к *производству изделий массового сбыта*, что и явилось поворотом к капитализму. Это движение отличалось стремлением *дать наиболее дешевый продукт*, в то время как предприятия по производству предметов роскоши для двора, как и цеховое ремесло, обращали главное внимание на качество изделий. Первой вступила на путь стремления понижать цены путем государственной политики Англия, на исходе XV столетия; желая вытеснить с рынка фландрскую шерсть, правительство установило всевозможные запрещения вывоза.

Революция цен в XVI и XVII вв. дала решительный толчок для осуществления чисто капиталистической идеи — получать прибыль путем удешевления производства и понижения цен*. Причиной этой революции с полным правом

* G. Wiebe, Zur Geschichte der Preisrevolution des 16 und 17 Jahrhunderts. Lpz., 1895; M. J. Bonn, Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des 16 Jahrhunderts. Stuttgart, 1896

можно считать постоянный приток благородных металлов, явившийся следствием открытия заокеанских стран. Революция эта длилась с 30-х годов XVI в. до Тридцатилетней войны, но различно повлияла на отдельные отрасли хозяйственной жизни. Почти все продукты сельского хозяйства повысились в цене*, что открыло возможность производства их для сбыта. Совершенно иначе шло развитие цен на промышленные изделия. Цены на них остались теми же или повысились в самой незначительной степени; таким образом, по сравнению с ценами на продукты сельского хозяйства, они скорее упали. Это относительное падение цен на промышленные изделия сделалось возможным лишь вследствие перемен в технике и экономике и, в свою очередь, породило стремление увеличить прибыль путем удешевления производства. Таким образом, не развитие капитализма предшествовало понижению цен, но, наоборот, сначала относительно упали цены, а затем уже появился капитализм.

Стремление к усовершенствованию техники и экономики с целью понижения цен уменьшением издержек производства породило в XVII в. лихорадочную погоню за *изобретениями*. Все тогдашние изобретатели имели в виду удешевление производства; мысль о вечном двигателе, как источнике энергии, является лишь одной из иллюстраций этого общего движения. Конечно, фигура изобретателя не чужда и более ранним временам. Однако, при рассмотрении конструкций самого замечательного из изобретателей докапиталистической эпохи, Леонардо да Винчи — ибо эксперимент впервые возник на почве разрешения вопросов искусства, а не науки — мы замечаем, что раньше изобретатели имели в виду не удешевление производства, но разрешение той или иной технической проблемы. Изобретатели докапиталистической эпохи работали эмпирически. Их изобретения являлись большей частью делом случая. Исключение составляет горное дело: на выдвигавшихся им (горным делом) задачах разрешение последних выработалось сознательным научно-техническим путем. Для разви-

* Это объясняется не только увеличением народонаселения; в Китае в XVIII и XIX вв. народонаселение увеличилось в 10 раз и однако не последовало общего подъема цен на сельскохозяйственные продукты. О движении народонаселения ср. статьи (K. Inama-Stornegg и Ed. Meyer) «Bevölkerungswesen. II Bevölkerung des Mittelalters und der neueren Zeit bis Ende des 18 Jahrhunderts in Europa». III. «Die «Bevölkerung des Alterums» в Handwörterbuch, II, стр. 882 и сл.

тия изобретательности очень важным и содействующим нововведением явился первый определенно поставленный закон о патентах, именно в Англии в 1623 г., заключавший в себе все основные положения современного законодательства о патентах. Если до тех пор право пользования изобретением предоставлялось на основании ad hoc выданной за деньги привилегии, то закон 1623 г. ограничивает защиту изобретения четырнадцатью годами, обуславливая дальнейшее его использование уплатой предпринимателями определенной премии первоначальному изобретателю. Без этого поощрительного закона не были бы возможны те чрезвычайно важные для развития капитализма изобретения в области текстильной промышленности, которые имели место в XVIII в.

Резюмируя еще раз отмеченные нами выше особенности западного капитализма и причины его возникновения, получаем следующие отличительные черты. Лишь он создал покоящуюся на расчете *рациональную организацию труда*, которой раньше нигде не встречалось. Торговля существует повсюду, во все времена — она восходит к каменному веку; точно так же в самые различные эпохи и в разных странах мы встречаем финансирование на военные нужды, казенные поставки, откупа, аренду должностей и т. д. Но мы нигде не видим рациональной организации труда. Далее, мы повсюду встречаем примитивное, обставленное всевозможными запрещениями внутриплеменное хозяйство, при котором не может быть и речи о какой-либо свободе хозяйственных сношений между членами одного племени, одного рода, и наряду с этим абсолютную свободу внешней торговли. Внутренняя и внешняя этика были различны, и это порождало полное невнимание к устройству финансов страны. Нет ничего более связанного традициями, чем родовое хозяйство в Китае или кастовое хозяйство в Индии, и рядом нет никого более беззастенчивого, чем индийский внешний торговец. Второй особенностью западного капитализма является как раз *уничтожение различий между внутренним и внешним хозяйством, внутренней и внешней моралью, проведение принципа торговли и во внутреннем хозяйстве и соответствующая организация труда*. Уничтожение первоначальных хозяйственных стеснений замечается, правда, и в Вавилонии; но там мы нигде не встречаем

такой организации труда предпринимателями, какая известна современному Западу.

Причину такого развития хозяйства только на Западе можно усматривать в некоторых лишь одному ему свойственных чертах культурного развития. Одному лишь Западу известно *государство в современном смысле этого слова*, с твердыми основами управления, ведомственной администрацией и государственно-гражданским правом; зачатки этого встречаются, правда, в древности и на Востоке, но нигде они не достигли полного развития. Лишь Западу известно выработанное юристами *рациональное право*, разумно толкуемое и применяемое. Лишь на Западе мы встречаем понятие *гражданина* (*civis romanus, citoyen, bourgeois, Bürger*), так как лишь на Западе существует *город* в специфическом смысле этого слова. Далее, лишь на Западе мы видим *науку в современном смысле этого слова*: теология, философия, размышления о высших проблемах жизни известны и китайцам, и индийцам и, быть может, отличаются глубиной, недостижимой для европейцев; но рациональная наука и *рациональная техника* этим народам неизвестны. Наконец, западная культура отличается от всякой другой еще и наличием людей с *рациональной нравственностью*: магия и религия встречаются повсюду, но религиозная основа жизнедеятельности человека, которая в конце концов должна была привести к специфическому рационализму, своеобразно обнаруживается опять-таки лишь на одном европейском Западе.

§ 7. Городское гражданство

M. Weber, Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922, с. 513 и сл.; далее Н. Maunier, *L'origine et la fonction économique des villes. Paris, 1916; Фюстель де Куланж, Гражданская община древнего мира. Paris, 1864. (Есть рус. пер.); R. Pöhlmann, Die Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance und das Prinzip der Verkehrsfreiheit, Lpz., 1878. М. Вебер, Город (рус. пер. под ред. Н. И. Карсева. Пг., 1923).*

С термином «гражданство» в социальной истории связываются три друг от друга отличные понятия. Прежде всего «гражданство» включает в себя определенные категории классов, связанных общими экономическими интересами специфического рода; в этом смысле класс горожан не со-

ставляет единого целого: сюда относятся одинаково и богатые и бедные горожане, предприниматели и ремесленники; далее, в понятие «граждан» в политическом смысле входит все население государства, как носитель определенных политических прав; наконец, под *буржуазией в сословном смысле* мы понимаем те слои населения, которые бюрократией, пролетариатом, но всегда вне их стоящими слоями населения, обозначаются как «люди с состоянием и просвещенностью»: предприниматели, рабье и, наконец, вообще все, обладающие высшим образованием, все люди с определенным общественным положением и уважением.

Первое из этих понятий — экономическое — развилось только на Западе. Везде и во все времена были и ремесленники и предприниматели, но нигде и никогда они не объединялись в понятие одного класса. Второе понятие гражданства мы встречаем в древнем и средневековом городе. Здесь гражданин выступал, как носитель известных политических прав; в то же время вне Европы мы встречаем лишь намеки на это, как, например, в Вавилонских патрициях и в иохеримах — полноправных городских жителях времен Ветхого Завета. Чем дальше на Восток, тем эти следы реже: «гражданин» совершенно неизвестен мусульманскому миру, Индии, Китаю. Наконец, третья — сословная классификация гражданина, как человека с состоянием и образованием *или* только с состоянием, *или* только с образованием, отличающегося этим и от дворянства и от пролетариата, точно так же является исключительно современно-западным понятием, выраженным в слове *буржуазия*. Однако, и в древности, и в средние века слово «гражданин» обозначало не только экономическое, но и сословное понятие: так называли только человека, принадлежащего к определенным сословным группам. Но там он обладал частью положительными, частью же отрицательными привилегиями. Положительными в том отношении, что ему разрешалось заниматься определенными ремеслами; отрицательными же в том, что он был лишен некоторых прав, как то: права быть вассалом, принимать участие в турнире, вступать в привилегированные духовные учреждения.

Гражданин, как человек, принадлежащий к определенной сословной группе, всегда является вместе с тем жителем определенного *города*, а город в настоящем смысле этого слова существует только в западной Европе; в других

странах, например, в древней Месопотамии рождались лишь его зачатки.

Роль городов в истории культуры огромна. Города создали *партии и демагогов*. Повсюду в истории мы встречаем борьбу между кликами, группами знати, искателями должностей и т. д. Но нигде, за исключением западного города, мы не встречаем партии в современном смысле этого слова, а также демагогов, как ее руководителей, и претендентов на министерские кресла. Город и только он создал также характерные особенности в *развитии искусства*. Греческое и готическое искусство, в противоположность микенскому и романскому, является специфически городским. Город создал и *науку* в современном ее виде: в городской культуре греческих городов возникла дисциплина, на которую опирается все дальнейшее научное мышление — математика в том ее виде, в каком она, постепенно развиваясь, существует до наших дней. Точно так же городская культура вавилонян положила начало *астрономии*. Далее город является носителем *религии* — не только иудейство, в противоположность религии Израиля, было от начала до конца городским явлением (крестьянин не мог исполнить ритуального закона), но и раннее христианство было связано с городом: чем больше был город, тем выше поднимался процент его граждан, присоединившихся к христианству*. То же самое можно сказать относительно пуританизма и пиетизма³⁴; крестьянина стали рассматривать как образец религиозности только в наше время; в эпоху раннего христианства слово *paganus* означало одновременно и язычника, и жителя деревни**. Точно так же городские фарисеи³⁵ после возвращения из изгнания с презрением смотрели на незнающих закона жителей деревни (*Am-ha-arez*), а Фома Аквинский³⁶, оценивая общественную роль различных сословий, говорит о крестьянах со снисходительным пренебрежением. Наконец, только город создал *теологическое* мышление и наряду с этим также, наоборот, свободную от господствующей религии мысль. Платон, когда ставил ос-

* A. Harnack, Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten, 2 изд., II, стр. 273.

** Тут автор смешивает разные вещи: деревенское население в известные эпохи было так же религиозно, как и городское, только по-разному. Что же касается слова *paganus* (что значит «деревенский житель»), то оно применялось к понятию «язычник» (отсюда «поганый», потому что язычество дольше всего сохранялось в деревне (*Прим. ред.*)).

новой вопрос: как сделать из людей хороших граждан, не мог отделить своей мысли от образа города.

Вопрос о том, следует ли назвать данный населенный пункт городом, решают конечно, не пространственные его размеры*, но соображения хозяйственного свойства. С этой точки зрения как в Европе, так и вне ее, городом называется *торговый и ремесленный центр*, нуждающийся в постоянном подвозе жизненных припасов. Крупные населенные места разделяются в *хозяйственном отношении* на несколько категорий, именно в зависимости от того, откуда они получают припасы и чем их оплачивают. Крупное место оседлости, не располагающее собственными сельскохозяйственными продуктами, может оплачивать ввоз таковых или предметами собственного ремесленного производства, или посредством торговли, или из ренты (она может доставляться или содержанием служащих, или поземельными доходами) или, наконец, из пенсий (таков, например, Висбаден³⁷, где потребности жителей покрываются их пенсиями чиновников и офицеров). В зависимости от источника оплаты съестных припасов и намечается разделение крупных населенных мест на группы. Это имеет силу по отношению ко всем странам, и именно для таких крупных населенных мест, но не для городов. Дальнейшим отличительным признаком городов является то, что в прежние времена все они служили *крепостями*. В продолжение долгого времени город признавался за таковой в зависимости от того, был ли он крепостью и до тех пор, пока оставался таковой. В качестве города он является обыкновенно *местопребыванием власти*, светской и духовной. На Западе иногда словом *civitas* называли город, в котором жил епископ. В Китае основным признаком города считалось проживание в нем мандарина** и города подразделялись в зависимости от рангов находящихся в них мандаринов. Даже во времена итальянского Возрождения города разделялись в зависимости от того, к какому рангу принадлежали дей-

* В противном случае Пекин с самого своего основания был бы «городом» еще в то время, когда в Европе не существовало ничего похожего на город. Официально же он называется «пять местечек», которые управляются отдельно, как пять больших деревень. Таким образом «гражданина» города Пекина не существует.

** В Японии до момента современной европеизации чиновники и князья жили в укрепленных пунктах; местечки разделялись по своей величине.

ствовавшие в нем должностные лица синьории, и какие категории знати жили там постоянно. Конечно, и вне Европы существуют города, как крепости и как места пребывания светской и духовной власти. Но нигде, кроме Запада, мы не видим города в качестве *общинного союза*. Отличительными чертами его в средние века являются собственное право, собственный суд и до известной степени автономное управление. Средневековой горожанин был гражданином, потому и поскольку он принимал участие в этом суде и в избрании этого управления. Теперь возникает вопрос, почему же вне Европы не существовало городов в виде такой общинной единицы. Сомнительно, чтобы причины тут были хозяйственного характера. Точно так же их нельзя искать в каком-то специфическом «германском духе» создавшем будто бы такое объединение*, так как Китай и Индия знают примеры еще более тесной союзности, чем Запад, хотя там и не встречается городского союза. Обратимся поэтому, к историческим фактам. Источниками общинного единения не могли быть ни привилегии, шедшие от средневековых феодальных сеньоров или князей, ни в более древнюю эпоху исходившие от Александра Македонского попытки основывать города на пути в Индию. Уже древнейшие упоминания о городах, как о добровольных союзах, отмечают присущий им *революционный характер*. Западный город возникает на основании клятвы в братском союзе: *συνόχιομός* — в древности, *coniugatio* — в средние века. Нельзя, однако, упускать из виду, что под часто внешней юридической формой, в которую облекалась столь нередко происходившая в истории городов вооруженная борьба на почве таких *coniugationes*, лежали определенные и неотделимые от нее фактические основания. Направленные против городов указы Штауфенов³⁸ протестуют не против тех или иных требований граждан, но против самого *coniugatio*, вооруженного «побратания» в целях защиты и наступления, тем самым — ради захвата политической власти. Первым примером этого является в средние века революционное движение 726 г., центром которого была Венеция, и которое привело к отпадению Италии от Византии. Оно было вызвано недовольством иконоборческими тенденциями императоров, проводившихся под давлением войска, и если религиозный элемент не был единственным, который вызвал

* Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, 4 т., Berlin, 1868—1913, т. 1—2.

движение, то он был ближайшей причиной его вспышки. До тех пор венецианский *dux* (позднее — дож) назначался императором: далее, существовали фамилии, члены которых по наследству занимали должности военных трибунов (командовали округами). Теперь был проведен закон о выборе трибунов и *dux*'а военнообязанными, то есть, теми, которые несли рыцарскую службу. Это и послужило толчком к возникновению движения. Однако, прошло еще четыре столетия, до 1143 г. пока впервые появилось название *commune Venetiarum*. Не иначе слагался синойкизм³⁹ в древности, например во время деятельности Неемии⁴⁰ в Иерусалиме. Он призывал отдельные роды и свободную часть сельского населения к заключению клятвенного союза в целях управления городом и его защиты. То же самое должны мы сказать и о возникновении античных городов. *Полис* [полис] — всегда является плодом синойкизма — если не всегда фактического совместного поселения, то уж во всяком случае фактического клятвенного объединения; это означало установление общего культа, основание религиозного союза, членами которого могли быть лишь те, у кого имелись гробницы в акрополе⁴¹ и дома в городе.

Есть две причины того, почему такая форма развития встречается только на Западе. Первой причиной является различие в организации военного дела. Европейский город возникал, прежде всего, как союз для обороны, как объединение экономически способных организовать оборону людей, которые могли вооружаться, снабжаться и развивать военное искусство собственными силами. Таким образом возникает различие в организации военного дела в зависимости от того, вооружается ли войско своими силами, или лошади, оружие и жизненные припасы доставляются военачальниками. Это различие так же важно для социальной истории, как и то, составляют ли средства производства собственность рабочего или капиталиста-предпринимателя. Повсюду за пределами Европы развитию города мешало княжеское войско, которое было древнее его. Раннему китайскому эпосу совершенно неизвестны гомеровские герои, отправляющиеся на войну на собственной колеснице: ему известен лишь командир, стоявший во главе отряда войска. Точно также и в Индии Александр Македонский встретился с войсками, находившимися под командой таких лиц. В Европе снабжение и вооружение войска военачальника-

ми, т. е. отделение солдата от средств осуществления войны, является такой же новостью, как отделение рабочего от средств производства продуктов; в Азии — мы видим это с древнейших времен. Ни египетское, ни вавилоно-ассирийское войско не представляло собой ничего похожего на гомеровские вооруженные группы, рыцарские войска Европы, городские ополчения древнего Поллц'а или цеховые войска средневековья. Общей причиной этого различия в организации военного дела является в Египте, Передней Азии, Индии и Китае оросительный вопрос, игравший столь важную роль в их культурном развитии. Оросительная система создала бюрократию, повинности подданных и полную зависимость их существования от деятельности царской бюрократии. Использование рядом с этим (и на почве выработанных таким путем отношений) царем своей власти и для установления военной монополии явилась основной причиной различия между азиатской и европейской организацией военного дела. В Азии царский чиновник и царский «офицер» существуют с самой глубокой древности, в то время, как в Европе мы их сначала не находим. Религиозное братство и военное самообслуживание способствовали возникновению и существованию городов. И нечто аналогичное этому встречаем мы также и на Востоке: в Индии мы видим возникновение города почти в европейском смысле слова; города, где военное самообслуживание тесно связано с правом гражданства: тот, кто поставит в войско слона, становится полноправным гражданином свободного города (Vaiçali). В древней Месопотамии знатные фамилии вели между собой войны и основывали города, которыми сами и управляли. Но здесь эти явления исчезли, когда на почве организации системы орошения возникла сильная царская власть. Поэтому лишь на Западе развитие достигло своего полного расцвета.

Другим препятствием к возникновению города на Востоке была *магия*. В Индии касты не смогли создать единого общего культа и вместе с ним городского союза, так как ритуалы их были различны. Этим объясняется также особое положение евреев в средние века: собор и таинство причащения были символами городского союза; евреи не могли ни молиться в первом, ни участвовать во втором, и поэтому принуждены были основывать отдельные общины рассеяния (диаспоры). Особенно способствовала возникновению

европейского города существовавшая в древности широкая свобода священнослужения: священник не являлся обязательным посредником между верующими и богами, как то было в Азии — отправление культа в европейской древности возлагалось на городских должностных лиц. Возникшая таким образом власть *Поліс'а* над имуществом богов и доходами храмов повела к замещению жреческих должностей путем аукциона, и этому не препятствовал, как в Индии, магизм. Для Европы позднейшей эпохи крайне важными по своим последствиям оказались три обстоятельства: иудейское пророчество и уничтожение пророками старого иудейского магизма, после чего колдовство, хотя и продолжало считаться реальным, скорее представлялось чем-то дьявольским, а не божественным; затем — чудо сошествия Св. Духа, т. е. братство во Христе, сыгравшее колоссальную роль для подъема древне-христианского энтузиазма; наконец, антиохийский день (к Галатам 2, II и сл.), когда Павел (в противоположность Петру) провозгласил религиозное общение с необрезанными⁴². Таким образом, были устранены рамки, поставленные магизмом между родами, племенами и народами, отчасти существовавшие еще в античном «полисе», и открылась возможность развития города в западном смысле.

Если «город» в собственном значении слова представляет собой специфически европейское явление, то это, конечно, еще не исключает существенных внутренних различий между античным и средневековым городом, между городами южной и средней Европы.

В первоначальной стадии развития городских союзов сходство между античным и средневековым городом чрезвычайно велико. И там, и здесь активным и единственным элементом городского союза являются знатные, ведущие «рыцарский» образ жизни фамилии, в то время как все остальное население обязано беспрекословно им подчиняться. Обоснованию этих благородных фамилий в городе сильно способствовало принятие ими участия в торговой деятельности. После успешного исхода освободительной борьбы против Византии часть венецианских фамилий осела на Риальто, так как оттуда направлялись корабли на Восток, а Венеция, хотя и ставшая политически независимой, все еще входила в византийскую государственную систему благодаря участию в морской торговле и в морских войнах.

Точно так же и в древности знатные фамилии принимали участие в торговле не в качестве купцов, но как судовладельцы и капиталисты. Замечательно, что в древности не мог приобрести значения ни один город, расположенный на расстоянии более одного дня пути от моря; процветали только те города, которые по политическим и географическим условиям могли принимать деятельное участие в торговле на морях. Поэтому принципиально неправильна мысль В. Зомбарта*, будто земельная рента является родоначальницей города и торговли. Справедливо обратное: обоснование в городе объясняется возможностью и намерением использовать в торговле земельную ренту, чем, в свою очередь, объясняется решающее влияние торговли на первоначальное образование города. В начале средних веков карьера вновь выдвигающегося человека в Венеции протекала следующим образом: он начинал в качестве лавочника, т. е. розничного торговца; потом переходил к поездкам за море, получая в кредит товары и деньги от знатных фамилий и продавая товары на Востоке, чтобы по возвращении разделить прибыль с займодавцами. Если обстоятельства ему благоприятствовали, то по истечении нескольких лет он приобретал в Венеции собственность в виде земли или кораблей; после этого ему открывался доступ в привилегированное сословие. Лиц, путем торговли добившихся причисления к знатным фамилиям, обладателей земельной и денежной ренты, в Италии называли *scioperati*, а в Германии — «почетными бездельниками» (*ehrsame Müssiggänger*). Конечно, и среди венецианской знати существовали фамилии, занимавшиеся торговлей, как постоянной профессией, подобно тому, как во время Реформации многие обедневшие рыцари принуждены были снискивать себе пропитание ремесленным трудом. Однако, обычно полноправным гражданином или членом городской знати назывался человек, обладавший землями и торговым капиталом, доходами с которых он жил, но лично не занимавшийся торговлей или ремеслом.

Здесь кончается сходство между средневековым и античным городом: различие между ними возникает с образованием *демократии*. Правда, и здесь есть некоторые общие черты. *Δῆμος*, *plebs*, *popolo*, *Bürgerschaft*, «народ» — это все слова, обозначающие нарождавшуюся демократию. Они подра-

* Современный капитализм, I, стр. 149.

зумевают собой массу населения, не ведающую «рыцарского» образа жизни. За знатным человеком (*nobile*) рыцарского уклада устанавливается надзор; его лишают права избирать и отнимают другие права, подобно тому, как русская буржуазия потеряла их вместе с Октябрьской революцией 1917 г. Причина демократизации всюду носит чисто военный характер; она заключается в появлении дисциплинированной пехоты, гоплитов в древности, цехового войска в средние века: поединок между рыцарями заменяется правильно устроенным войском*.

Военная дисциплина вела к победе демократии, так как путем привлечения не рыцарских масс этим последним давалось в руки оружие и тем самым они приобретали политическую власть**.

Наряду с этим как в древности, так и в средние века большую роль играла власть капитала. Сходны также и средства, при помощи которых демократия пробивала себе дорогу. Как первоначально город, так и *popolo* вели борьбу в качестве особого союза со своими особыми правительственными лицами. Спартанские эфоры, как представители демократии перед царями, римские народные трибуны⁴³, *capitano del popolo* или *della mercadanza* в итальянских средневековых городах явились именно такими должностными лицами. Характерной чертой их было то, что они представляли первые заведомо *незаконные*, т. е., созданные революцией, должности. Консулы итальянских городов⁴⁴ еще стоят перед своим титулом *Dei gratia* [милостью Божьей], но *capitano del popolo* — никогда. Как раз такая «внезаконность» и была источником власти римских трибунов. Они *sacrosanti*⁴⁵ только потому, что явились незаконными должностными лицами, и поэтому охранялись лишь божественным вмешательством (и народной мстью), а не чем-нибудь другим. Сходство видится здесь и в цели. Преобладают и решают дело сословные, не классовые интересы: здесь вскрывается

* В индийских войсках, согласно греческим источникам времен Александра Великого, мы уже видим тактическое их подразделение и построение перед боем; но наряду с этим продолжали практиковаться поединки отдельных бойцов, а в войске Великого Могола, кроме ратников, набранных и экипированных военачальником, сражались бойцы, являвшиеся с собственным вооружением и на социальной лестнице стоявшие выше первых.

** Здесь сама собой напрашивается параллель с германской революцией 1918 г.

прежде всего борьба со знатью. *Popolani*, чувствуя себя богатыми, сражаясь в городском войске, обладая оружием и видя себя, несмотря на это, оттесненными на задний план, — не хотят больше быть объектом презрения со стороны других сословий. Сходство сказывается, наконец, и в средствах, к которым прибегают не законом, а революцией установленные должностные лица особого союза демократии. Повсюду они захватывают право вмешательства в процессы между простыми и знатными; этой цели служит право интерцессии⁴⁶ в руках римских трибунов, а также флорентийского *capitano del popolo*, право, осуществлявшееся путем отмены судебных приговоров, вынесенных обычным путем*. Демократия требует, чтобы постановления города были обязательными лишь в тех случаях, когда плебеи принимают участие в голосовании. Наконец, она добивается того, что законом признаются только ее постановления. Основное положение римского права «*ut quod tributim plebs iussisset, populus teneret*» сродни флорентийскому «*ordinamenti della giustizia*»⁴⁷ и исключению «большевиками» нетрудового элемента от участия в «диктатуре пролетариата». Другое средство, применяемое демократией для закрепления своего господства, состоит в принудительном зачислении в состав *plebs* или *popolo*. В древности знать обязана была записываться в трибы, в средние века — в цехи, хотя это крайнее средство сплошь и рядом не осуществлялось. Наконец, повсюду замечается внезапное и чрезвычайное увеличение числа должностей: наступает переизбыток чиновничества, вызванный необходимостью для победившей партии предоставить хорошо оплачиваемые должности своим приверженцам. Таковы черты сходства между античной и средневековой демократией. Наряду с этим мы видим, однако, и существенные различия. Самое заметное из них — *разделение* города на составные элементы; в средние века таковыми являлись цехи, в древности же мы не наблюдаем ничего подобного.

Изучая средневековые цехи, мы замечаем, что у кормила правления становятся то одни, то другие слои. Во Флоренции, классическом городе цехов, старейшим из этих слоев был тот, который, во всей своей совокупности назывался *arti maggiori* в отличие от *arti minori*. Этот первый слой обнимал собой, с одной стороны, купцов, менял, ювелиров, т. е.

* Точно так же во время германской революции солдатские советы стремились захватить право утверждения судебных приговоров.

предпринимателей, нуждающихся в значительных оборотных средствах; с другой стороны — юристов, врачей, аптекарей, т. е. вообще «людей с состоянием и образованием», в смысле современной буржуазии. Предпринимательские цехи включались в этот слой в расчете на то, что, по крайней мере, 50% их членов уже были или скоро должны были стать носителями ренты. Эта категория людей «с состоянием и образованием» назывались также *popolo grasso* («жирным народом»). То же выражение мы встречаем и в «Псалмах» — сборнике обличительной поэзии добродетельного и благочестивого автора, специально направленном против привилегированного слоя богатых и знатных, против «жирных», как они не раз и там называются.

За *arti maggiori* следуют мелкие капиталисты — *arti minori*: мясники, пекари, ткачи и т. д., стоящие почти на границе с рабочим сословием (в Германии, но во Флоренции часть их состояла из довольно крупных предпринимателей). Наконец, настоящие рабочие — *ciompi* — крайне редко становились у кормила власти, обыкновенно лишь в тех случаях, когда знать заключала с ними союз против среднего сословия.

Средневековый город в эпоху господства цехов выработал в своей политике особое направление, так называемую *городскую* хозяйственную политику*. Целью ее было сохранение сложившихся условий заработка и дохода промышленного труда. При этом город обычно стремился подчинить окружающие сельские местности своим промышленным интересам путем установления привилегий и принуждения продавать и покупать только на рынке данного города. Далее город стремится препятствовать конкуренции и развитию крупного производства. Однако, все более и более возрастала противоположность между торговым капиталом и ремесленной цеховой работой, все более и более развивалась домашняя крупная промышленность, а также росло сословие подмастерьев, как предшественников современного пролетариата. Ничего подобного не замечаем мы в древности при господстве демократии. Лишь в Древнем Риме находим некоторые намеки на это: *fabri* в серви-

* Указания на литературу см. стр. 99, 104, 142; далее *Gierke*, ук. с., 1 т.; из литературы о средневековом городе см. особенно: *G. Fagniez*, *Etude sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au 13 et siècle*, Paris, 1877; *Köttschke*, ук. соч. стр. 123 с библиографией (подробнее *Dahlmann-Waitz*, ur. 2276, 6845 и сл.).

евом устройстве, государственные ремесленники, военные кузнецы были, по-видимому, остатками подобной организации*⁴⁸. Во времена расцвета демократии мы уже не находим ничего подобного, и лишь в Риме позднейшей эпохи такие следы появляются вновь. Таким образом, в древности нет цеха, как владыки города, нет, вместе с тем, цеховой политики и, наконец, нет противоположности между капиталом и трудом в том виде, в каком она определилась на исходе средних веков. Ей соответствует в древности противоположность между *земледельцами* и *безземельными*. Proletarius это вовсе не человек, служащий государству только воспроизведением потомства, как полагает Моммзен**⁴⁹; — это лишенный наследства потомок землевладельца и полноправного гражданина, assiduus. Вся политика того времени была направлена к тому, чтобы помешать появлению таких proletarii, для чего ограничивалось обращение в рабство за долги и смягчалось долговое право: коренная противоположность в древности выявлялась именно между горожанином-кредитором и крестьянином-должником***. В городе жили ссужающие деньги патриции; в деревне — занимавший эти деньги мелкий люд. При особенностях античного долгового права такие взаимоотношения легко приводили к потере собственности и пролетаризации населения. Вследствие этого античный город выработал не продовольственную политику, как то было в средневековом городе, но военную политику поддержания κλῆρος, fundus⁵⁰, из которого можно было черпать все необходимое для жизни и вооружения. В Риме больше всего боялись ослабления военной мощи. Таким образом, даже коренные реформы Гракхов⁵¹ не были вызваны классовой борьбой в современном смысле слова: они основывались на чисто военных соображениях и были последней попыткой спасти систему вооруженного гражданского ополчения от замены ее оплачиваемым войском из добровольцев. В средние века против знатных фамилий выступали, с одной стороны, предприниматель, с другой — ремесленник; в античном мире — всегда крестьянин. Этому различию содействовало и другое различие античного города от средневекового — иное деле-

* См. выше стр. 185.

** Römisches Staatsrecht III, с. 237, 840, прим. 2.

*** Р. Пельман, История античного коммунизма и социализма. 1894—1901 (Есть рус. пер.).

ние его населения. В последнем знатные фамилии должны были вступать в цехи, в первом — в деревни, $\delta\eta\mu\omicron\iota$, *tribus*⁵², земельные округа, где они обосновывались на одинаковых с крестьянами-землевладельцами правах. Их превращали в ремесленников в средние века, в крестьян в древности.

В античной демократии, как и в средневековой, мы также видим деление ее на известные слои. Сперва возвысился один *classis* [разряд, класс] — слой $\delta\beta\lambda\alpha$ $\lambda\alpha\rho\epsilon\chi\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\iota$, тяжело вооруженных (гоплитов), которые имели собственный панцирь и щит и потому ставились в первых рядах войска. Позже, в некоторой части Аттики, особенно в Афинах, большое значение получили неимущие классы, так как для создания обширного флота и его обслуживания потребовалось привлечение всех слоев населения. В конце концов афинский милитаризм привел к тому, что в народном собрании власть захватили матросы. В Риме то же самое имело место после нашествия кимбров и тевтонов⁵³, но не в форме предоставления солдатам гражданских прав, а в виде образования профессионального войска с «императором» во главе.

Кроме указанных выше, мы видим между средневековым и античным городом еще различие в *сословном строе*.

Типичным гражданином цехового города в средние века является купец или ремесленник; он становится полноправным, если является домовладельцем. Наоборот, в античности полноправным гражданином являлся сельский земледелец. В цеховом городе господствует сословное неравенство. Тот, кто не имеет собственности внутри города и желает приобрести ее должен обращаться к какому-нибудь владельцу, как к своему поручителю. Кроме того, в судопроизводстве он находится в менее выгодном положении. Эти правовые стеснения исчезали лишь постепенно и не везде одинаково быстро. Но как личность, средневековый гражданин был свободен. Выражение: «городской воздух освобождает», надо понимать в том смысле, что по прошествии года и одного дня никакой господин не имел права требовать выдачи ему бежавшего от него крепостного. Хотя это положение применялось далеко не повсюду и было сильно ограничено законодательством Гогенштауфенов, однако, оно точно соответствовало правосознанию городских граждан, совпадая с их военными и фискальными интересами. Таким образом, основной тенденцией в истории средневеко-

вых городов является уравнение сословий и борьба за свободу. Подобные сословные различия мы видим и в античном мире: здесь существует противоположность между патроном и клиентом⁵⁴, который, подобно оруженосцу обязан следовать за рыцарем-воином; здесь также существуют крепостные и рабы. Но, с усилением городов и ростом демократии, сословные различия не сглаживаются, а увеличиваются. Рабы покупаются и привозятся в громадном числе и образуют в крупных городах все растущий низший слой населения: Наряду с этим появляются вольноотпущенники. Таким образом в античном городе, в противоположность средневековому, сословные различия возрастают. Наконец, в античном мире мы не встречаем ничего подобного средневековой цеховой монополии. В эпоху господства афинской демократии в отчетах о постройке колонн для Эрехтейона мы находим указания на то, что свободные афиняне и рабы работали в одних и тех же группах, причем рабы как лучшие работники, были поставлены над свободными афинянами — положение, совершенно немыслимое в средние века при наличии мощного свободного ремесла.

Все это неизбежно приводит к следующему заключению: *демократия античного города представляла собой политический цех*. У нее также были монополизированные ею материальные выгоды; но они носили *военный* характер: дань, добыча, сборы с союзников распределялись только между гражданами. Поэтому как ремесленный цех конца средних веков, так и демократический гражданский цех античного города одинаково были заинтересованы в том, чтобы замкнуть круг своих членов возможно теснее. Вытекающее отсюда ограничение числа граждан было одной из причин падения греческих городов-государств. Монополией этого политического цеха были «клерухии»⁵⁵, распределение завоеванных земель между гражданами, затем раздел военной добычи, и, наконец, возмещение из государственной казны расходов граждан по театру [расходы на развлечения], бесплатная раздача хлеба, оплата участия в суде присяжных и в народном собрании. Поэтому для греческого гражданина хроническая война была нормальным состоянием, и демагог, подобный Клеону⁵⁶, прекрасно знал, зачем он призывал к войне: он обогащал город, так как сословие граждан не вынесло бы длительного мира. Тот, кто

занимался мирным ремеслом, не получал доли в этих благах; таковыми были вольноотпущенники и метеки⁵⁷, и в них мы впервые находим нечто похожее на современную, не имеющую земельной собственности, но состоятельную буржуазию.

Если античное государство-город в его наиболее характерной форме — не создало ничего, подобного ремесленному цеху, если вместо этого оно создало для сословия граждан военнополитическую монополию и развилось в солдатский цех, то причина этого носит чисто военный характер. Античный город создал высшую форму военной техники того времени: мы не можем указать ничего равного войску гоплитов или римским легионам. Этим объясняется то свойственное античности обстоятельство, что стремление к обогащению осуществлялось главным образом военной добычей, а также другими преимуществами, извлекаемыми из политики. Гражданину противопоставляется всякий, занимающийся мирным заработком в современном смысле слова. В начале средних веков, в противоположность древнему миру, города не обладали высшей военной техникой — она находилась в руках рыцарей. Ничто не могло противостоять облаченному в панцирь рыцарскому войску. Этим объясняется, почему городские войска никогда не действовали наступательно, но всегда только оборонительно, единственным исключением была битва при Куртре в 1302 г.⁵⁸ Поэтому, средневековые войска городов не могли выполнять и приобретать завоевательных функций, составлявших как бы профессию античных гоплитов и легионов, и организовываться в военные цехи.

В средневековой Европе мы видим резкую противоположность между городами *Севера* и *Юга*, На Юге рыцарские фамилии большей частью были оседлыми и жили в городе; на Севере — как раз наоборот, они не только обитали вне его, но иногда им даже прямо запрещалось жительство внутри его стен. Одной из привилегий северных городов являлось право запрещать пребывание в них королевским чиновникам или рыцарям. С другой стороны, северное рыцарство с пренебрежением относилось к городскому патрициату и рассматривало его, как низшую породу людей. Причину этого различия можно видеть в неодинаковости эпох, с которыми совпало возникновение города на се-

вере и на юге. В эпоху возникновения итальянских коммун рыцарская техника стояла на большой высоте; город принужден был, поэтому, приглашать рыцарей на службу или вступать с ними в союз. Городские войны гвельфов и гибеллинов⁵⁹ представляют собой в сущности лишь борьбу различных рыцарских групп. Город был заинтересован в том, чтобы рыцари обосновывались в нем; они подвергались принудительному вселению в город, *inurbamento*, с одной стороны, потому, что тем самым достигалась безопасность дорог от рыцарских набегов, а с другой — потому что так обеспечивался заработок от них городскому населению. Совершенно особую картину представляет собой английский город, который, в отличие от германского и итальянского, никогда не был городом-государством и за редкими исключениями никогда не господствовал над близлежащей сельской областью, не пользовался в этом отношении никакими монопольными правами. Для этого у английского города отсутствовала военная сила, не появлялось и воли к этому. Его самостоятельность основывалась на откупках королевских налогов, ибо гражданином был только тот, кто принимал в них участие, и кто платил сам налоги, посредством которых возвращалась сумма, выплачивавшаяся городом при заключении таких откупов. Особое положение английского города объясняется, с одной стороны, необыкновенной централизацией государственной власти в Англии со времен Вильгельма Завоевателя⁶⁰, а, с другой стороны, тем, что начиная с XIII столетия английские коммуны объединились в парламенте, и рыцари, замышлявшие что-либо против короны, оказывались в денежной зависимости от городов, как последние зависели от первых в военном отношении. С того момента как город получил право посылать своего представителя в парламент, у него не осталось ни желания, ни возможности проведения собственной политики. Различие между городом и деревней исчезло рано. Город массами принимал земельное дворянство в число своих граждан. Главную роль в стране начала играть городская буржуазия, хотя формально до последнего времени руководство делами оставалось в руках родовитой знати.

Если нас спросят, какое влияние оказало все вышеизложенное на развитие капитализма, то прежде всего мы должны обратить внимание на различие в способах по-

лучения дохода в древности и в средние века, и на различные виды капитализма там и здесь.

Прежде всего, повсюду и во все эпохи мы встречаем различные виды *нерационального капитализма*: капиталистические предприятия с целью откупов (на Западе, в Китае и в Передней Азии) и с целью финансирования войн (в Китае, Индии во времена, когда там существовали отдельные государства), торговый спекулятивный капитализм (вряд ли можно назвать какую-нибудь историческую эпоху, когда он не существовал), ростовщический капитализм, путем ссуд эксплуатирующий затруднительное положение людей; все эти формы капитализма базируются на военной добыче, налогах, доходах по должности, должностных злоупотреблениях (когда должностное лицо получает вперед известные авансы, как Цезарь и Красс⁶¹, и для погашения занятых сумм прибегает к злоупотреблениям по должности) и, наконец, на даях и на людской нужде. Все эти обстоятельства носят хозяйственно-нерациональный характер и из них никогда не могла возникнуть рациональная система организации труда. *Рациональный же капитализм* базируется на положении рынка, т. е. на чисто хозяйственных условиях; он является тем более рациональным, чем более опирается на массовое производство и сбыт. Лишь на современном Западе этот капитализм развился в прочную систему, между тем как в древности существовал лишь единственный капиталистический класс, рационализм которого может быть приравнен к рационализму современного капитализма, это был класс римских всадников⁶². Когда греческий город нуждался в кредите, сдавал в аренду общественную землю или вызывал охотника выполнить какой-либо подряд, он принужден был обращаться к конкурирующим иногородним капиталистам. В Риме же существовал класс рационально действующих капиталистов, который со времени Гракхов играл в государстве выдающуюся роль. Капитализм этого класса черпал свою силу в использовании государственных предприятий и доходов, в аренде *ager publicus*, т. е. завоеванной земли, и казенных имений, в откупах податей, в финансировании политических честолюбцев и военных расходов. Некоторое время он играл в римской политике главную роль, хотя постоянно наталкивался на сопротивление служилой аристократии.

Различие между античным капитализмом и капитализмом конца средних веков, из которых только последний опирается на условия рынка, проявляется и в самом ходе общего развития после утраты городами их самостоятельности. В древности самостоятельность города была поглощена бюрократически организованным мировым государством, в котором политическому капитализму уже не находилось места. Мы видим, как сначала императоры зависят в финансовом отношении от всадничества, но потом постепенно освобождаются от этой зависимости, лишая всадников откупов и таким образом отнимая от них главный источник богатства; таким же образом раньше египетские фараоны сумели обойтись в конце концов без откупщиков, как посредников по сбору податей, создав самостоятельную организацию для удовлетворения политических и военных потребностей государства и превратив откупщиков в финансовых чиновников*.

В эпоху римских императоров аренда казенных имений всюду заменяется наследственным владением. Вместо сдачи государственных подрядов предпринимателю организуются принудительные трудовые повинности подданных. Отдельные классы населения делятся по специальностям, и на эти вновь образованные профессиональные группы возлагаются государственные тяготы с круговой порукой. Это явление равносильно гибели античного капитализма. Место оплачиваемого войска занимает рекрутский набор; устанавливается повинность службы на судах; весь избыток урожая распределяется между отдельными городами, в зависимости от их потребностей, без участия частной торговли; проведение дорог и вообще все общественные работы возлагаются на плечи определенных групп населения, наследственно прикрепленных к своему ремеслу или к клочку земли, на котором они сидят. Наконец, римские городские общины, со своими должностными лицами во главе, тяготеют над гражданами и их имуществом с широкими правами надзора и иска, так как за выполнение государственных повинностей и за уплату налогов население общины (муниципия) отвечает круговой порукой. Основанием для всех этих повинностей был принцип *origo*, происхождения, на-

* U. Wilcken, Papyruskunde I, с. 169; 329; он же, Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft, Schmollers Jahrbuch XLV (1921).

следственного тягла, для которго образцом в свою очередь служило египетское *ibia* эпохи Птолемеев: подданные должны выполнять свои повинности только в той общине, к которой принадлежат по рождению. Развитие этой системы уничтожило *политические условия*, необходимые для развития капитализма. Ему не было места ни в Египте, с его системой барщины, ни в Риме, с его позднейшей системой повинностей, обязательных литургий⁶³.

Совершенно иными были судьбы города в *новые времена*. Его самоуправление и здесь подверглось постепенному ограничению. Английский город XVII и XVIII вв. был лишь союзом гильдий, имеющим чисто финансовое и сословное значение. Немецкие города той же эпохи, за исключением вольных имперских, были окружными центрами, у которых все права были октроированы⁶⁴ сверху. Для французских городов этот момент наступил еще раньше; свобода испанских городов была уничтожена Карлом V во время восстания *comuneros*⁶⁵. Итальянские города находились во власти синьорий; русские никогда вообще, за немногими исключениями, не пользовались такой свободой, как западные.

У городов было отнято право иметь войско, собственная юрисдикция. Формально в старых уложениях ничего не изменялось; но фактически новейшие города были настолько же мало свободными, как и античные времен римского владычества. Различие состоит только в том, что теперь они подпали под власть конкурирующих между собой национальных государств, ведущих непрерывную мирную и военную борьбу за господство. Эта конкуренция создала в высшей степени благоприятные условия для развития современного капитализма. Каждое государство стремилось привлечь к себе свободно обращающийся капитал, и этот последний диктовал условия, на которых он соглашался служить.

Из вынужденного необходимостью союза государства и капитала возникло сословие граждан в национальном масштабе — буржуазия в современном смысле слова. Таким образом, замкнутое национальное государство создает обстановку для дальнейшего существования капитализма и последний сохраняется до тех пор, пока национальное государство не уступит место мировому.

§ 8. Рациональное государство

А. Рациональное государство.

Право и чиновничество.

Государство в *рациональном* смысле слова существует только на западе Европы. В Китае при старом порядке* над сохранившимися своей силой родами, гильдиями и цехами располагался тонкий слой чиновничества так называемых мандаринов. Мандарин — это прежде всего гуманитарно и литературно образованный человек, обладающий бенефицием, несколько не подготовленный к делам управления, незнакомый с юриспруденцией, но хороший каллиграф, пишущий стихи, знающий всю литературу Китая за тысячу лет и умеющий ее толковать. Он не придает никакого значения политическим обязанностям. Такой чиновник не управляет самостоятельно: все дела находятся в руках канцелярских служащих. Мандарина переводят с одного места на другое, чтобы он не закрепился в управляемой области; он даже не может управлять той провинцией, откуда происходит родом. Так как он не понимает наречия управляемой им страны, то и не может вступать в непосредственные сношения с населением. Государство с подобными чиновниками представляет собой нечто совершенно отличное от западного государства. В нем все основывается на религиозно-магической вере, что при нормальных условиях добродетель императрицы и ее чиновников, т. е. совершенство их литературного образования, вполне способны все держать в порядке. Если же наступает засуха или другое бедствие, то издается эдикт об увеличении строгости при испытании в искусстве писания стихов или об ускорении делопроизводства, ибо в противном случае духи приходят в смятение. Китай — аграрное государство, поэтому здесь вполне сохранилось господство крестьянских родов, — на которых покоится $\frac{9}{10}$ всего хозяйства, — а также гильдий и цеховых союзов. В сущности же все предоставлено собственному течению. Чиновники не управляют, они выступают лишь при беспорядках и из ряда вон выходящих происшествиях.

* М. Вебер, *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie I*, Tübingen, 1920, стр. 276 и приведенная здесь литература.

Другое дело — рациональное государство, в котором одном только господствует современный капитализм. Оно отличается разделением чиновничества на отдельные ветви и развитием рационального права.

К разделению управления на *ведомства* с профессионально подготовленным чиновничеством, вместо предоставления дела гуманитарно-образованным людям, в Китае пытались перейти уже в VII и XI столетиях. Но это было лишь мимолетным явлением: наступало очередное лунное затмение и все шло прахом. Нельзя серьезно утверждать, что китайский народный дух не терпит профессионального чиновничества. Но появлению последнего, а вместе с тем и развитию рационального государства, препятствовала непобедимая вера в волшебство. Поэтому оказался невозможным тот распад родовых союзов, который на Западе явился последствием развития городов и распространения христианства.

Рациональное право нового европейского государства, которое применяют специально подготовленные чиновники, в отношении формы, но не содержания, берет свое начало от римского права. Последнее является продуктом творчества римского города-государства, в котором никогда не устанавливалось господство демократии и ее юстиции, как в городе греческом. Юстиция греческого суда гелиастов походила на суд кади⁶⁶: стороны пытались воздействовать на суде путем патетических речей, слез и очернения противника. Этот способ, как показывают речи Цицерона⁶⁷, применялся и в Риме, правда — в политическом процессе, но не в гражданском, где претор назначал *judex*'а⁶⁸, снабжая его точными указаниями условий осуждения виновного или оставления жалобы без удовлетворения. При Юстиниане это рациональное право было кодифицировано византийской бюрократией; этого требовал прямой интерес чиновника получить систематизированное, фиксированное и потому легко изучаемое и применяемое право. С падением римского государства, на Западе правовые традиции хранились итальянскими нотариусами. Им, а также университетам обязаны мы возрождением римского права. Нотариусы сберегли и старые формулы договоров римского права, изменяя их сообразно требованиям времени. Наряду с деятельностью нотариусов, в университетах преподавался систематический курс права. Однако, самым важным факто-

ром было *рационализирование судопроизводства*. Подобно всем примитивным процессам, старо-германский отличался строгим формализмом. Сторона, произнесшая неправильно хотя бы одно слово из формулы, проигрывала дело, так как формула имела как бы сакраментальное значение, и судьи боялись мести со стороны таинственных сил. Магический формализм германского процесса имел нечто общее с формализмом римского права и постепенно был вытеснен последним. Этому прежде всего содействовала французская королевская власть — путем создания института защитников (адвокатов), в задачу которых прежде всего входило правильное произнесение судебной формулы. Сильное влияние оказало также каноническое право. Мощная организация церковного управления нуждалась в твердых правовых нормах, как для дисциплинарных целей в отношении мирян, так и для собственного внутреннего порядка. Она также мало удовлетворялась «божьим судом», как и сословие городского гражданства. Как последнее никогда не соглашалось разрешать торговые споры битвой и повсюду требовало для себя отмены обязательности поединка и божьего суда, так и церковь, после временных колебаний, пришла к убеждению, что подобный способ ведения процесса является языческим и не может быть терпим. Поэтому, она старалась возможно рациональнее построить канонический процесс. Такое рационализирование судопроизводства со стороны светского и со стороны духовного государства происходило по всей Европе.

Некоторые в *рецепции римского права*^{*69} усматривают причину упадка крестьянского сословия и возникновения капитализма. Конечно, бывали случаи, когда применение положений римского права вредило крестьянам. Так, например, переименование старых общинных прав в сервитуты⁸¹ означало, что тот, кто представлял собой главу общины, как бы и являлся собственником в римском смысле слова, и владение общинников оказалось обременено сервитутами. Однако, с другой стороны, во Франции королевская власть, при помощи изучивших римское право законников (легистов), поставила крестьян в правовое положение, крайне невыгодное для помещиков. Точно так же ошибочна мысль, что римское право является непосредствен-

* G. v. Below, Die Ursachen der Reception des römischen Rechts in Deutschland, 1915.

ной причиной возникновения капитализма. Англия, родина капитализма, никогда не рецепировала римское право, так как там рядом с королевским судом стояло адвокатское сословие, не допускавшее изменения национальных правовых институтов. Оно же руководило преподаванием права, из его среды выходили (и еще выходят) судьи; таким путем оно препятствовало проникновению римского права в английские университеты и получению судейских мест лицами, выходящими не из его рядов.

Точно так же все характерные для современного капитализма институты отнюдь не вытекают из римского права: рентовые бумаги (долговое обязательство, военный заем) возникли из средневекового права под влиянием германской правовой мысли; точно так же акция выросла из средневекового и нового права: древности она была неизвестна; затем — вексель создан арабским, итальянским, германским и английским правом; далее — торговое товарищество является продуктом средних веков, так как в античном мире лишь изредка встречались одни командитные предприятия; наконец — ипотека, официально регистрируемая и обеспеченная залогом, а также заместительство, все это — институты средневекового, но отнюдь не античного происхождения. Главным следствием рецепции римского права было то, что оно приучило к *формально-юридическому мышлению*. Структура каждого права основывается или на формально-юридических, или на материальных принципах, причем под последними понимаются принципы утилитарности и дешевизны. Эти последние принципы лежали в основе юрисдикции мусульманского кади. Юстиция теократии и абсолютизма базируется на материальных принципах, юстиция бюрократии на формально-юридических. Фридрих Великий ненавидел юристов, так как они постоянно толковали все его указы, основывающиеся на материальных принципах, строго формально, что приводило к самым нежелательным для него результатам. В данном случае (как, впрочем, и везде) римское право являлось средством превращения материального права в феодальное.

Но это формальное право дает возможность предварительного *точного учета*. В Китае случается, что человек, продавший дом другому лицу, через некоторое время снова возвращается в него и просит принять его вследствие его

разорения. Если покупатель не выполнит древнекитайского завета братской помощи, то духи приходят в негодование; таким путем обедневший продавец снова насильственно вселяется в дом, не платя ничего за помещение. При таких законах капитализм немыслим: для него необходимо право, работающее по заранее определенному плану, как машина; обрядо-религиозные и магические соображения не должны играть здесь никакой роли. Созданию такого права содействовал союз с юристами нового государства, которое видело, что это содействует укреплению его мощи. В XVI в. оно временно пыталось обратиться к гуманистам, и первые классические гимназии были основаны в надежде на то, что получившие в них образование молодые люди будут хорошими государственными чиновниками: политическая борьба велась главным образом путем обмена официальными грамотами, а этим заниматься могли лишь люди, знакомые с латинским и греческим языком. Иллюзия скоро рассеялась: пришлось убедиться, что воспитанники гимназий, как таковые, еще не способны заниматься политикой, и поэтому пришлось обратиться к юристам. В Китае, где господствовали гуманитарно-образованные мандарины, у монарха не было в распоряжении юристов, и борьба различных философских школ из-за вопроса о том, которая из них дает (воспитывает) лучших государственных людей, шла с переменным успехом, пока победителем не оказалось ортодоксальное конфуцианство⁸⁴. В Индии также существовали писатели, но не было образованных юристов. Европа, наоборот, располагала формально разработанным правом — плодом римского гения, и изучившие это право чиновники в отношении техники управления заняли первое место. С хозяйственной точки зрения это обстоятельство имело то значение, что союз между государством и формальной юриспруденцией косвенно содействовал развитию капитализма.

Б. Хозяйственная политика рационального государства

Государственная хозяйственная политика, заслуживающая такого названия, т. е. последовательная и неизменная, возникла лишь в новейшую эпоху. Первой выра-

ботанной ею системой является так называемый *меркантилизм*⁷⁰. До него всюду господствовало два направления: фискальная политика и политика общественного благосостояния; последняя понимается в смысле обеспечения населения необходимым количеством продуктов насущного продовольствия.

На Востоке планомерному развитию хозяйственной политики препятствовали причины религиозно-обрядового характера, а также подразделение на касты и роды. В Китае резко противоположные системы сменяют одна другую. Страна знала эпоху широкой внешней торговли с соседними странами до Индии включительно. Затем направление китайской хозяйственной политики изменилось, и она привела к полному отмежеванию страны от внешнего мира, так что весь ввоз и вывоз попал в руки тринадцати фирм и производился только через порт города Кантона. Внутренняя политика находилась под сильным влиянием религии; лишь при катастрофических явлениях пытались исследовать причины бедствия. При этом главное внимание обращалось на настроение провинций, а главную проблему составлял вопрос, должны ли государственные издержки быть покрыты налогами или повинностями. В Японии феодальная организация страны привела к тем же результатам: к полной отрезанности от внешнего мира; здесь главным образом преследовалась цель сохранения сословий в их неприкосновенности. Боялись, что внешняя торговля изменит сложившиеся имущественные взаимоотношения сословий. В Корее причины замкнутости были религиозного характера: если чужеземцы, т. е. «нечестивые», являлись в страну, то следовало опасаться гнева духов. В средневековой Индии мы видим греческих и римских купцов (а также римских наемников), находим переселившихся евреев и еврейские привилегии; но отсюда не последовало никакого дальнейшего развития, так как все застыло там в кастовой неподвижности, и планомерная хозяйственная политика оказалась невозможной. К этому еще присоединилось запрещение для индийцев покидать пределы их страны. Тот, кто уезжал на чужбину, по возвращении должен был заново просить о принятии его в касту.

На Западе до XIV в. планомерную хозяйственную политику вели лишь города. Некоторые попытки в этом направ-

лении, правда, мы замечаем и у носителей государственной власти. Во времена Каролингов мы видим таксацию цен и политику поддержки народного благосостояния в различных формах. Но большая часть мероприятий в этой области осталась на бумаге и, за исключением монетной реформы и системы веса и мер Карла Великого, — все безусловно исчезло в следующую эпоху. Торговая политика, которую он стремился установить по отношению к востоку, не могла быть проведена за отсутствием флота.

Если средневековое государство отказывалось от вмешательства в хозяйственную жизнь, то этим занялась *церковь*, пытаясь привнести в нее известный минимум законности, честности и церковной этики. Одной из важнейших ее заслуг было поддержание внутреннего (земского) мира (Landfriede): первоначально она старалась установить определенные мирные дни и сроки, затем постепенно выдвинула идею общего мира. Далее носителями рационального хозяйства явились крупные церковные хозяйственные союзы, по преимуществу монастыри; если оно и не было капиталистическим, то все же являлось самым планомерным хозяйством того времени. Позднее влияние церкви начало падать — по мере того, как она снова начала выдвигать старый аскетический идеал, лишь отчасти примиряя его с новыми условиями эпохи. У *императоров* мы также находим некоторые хозяйственные начинания; таковыми являются таксирование цен при Фридрихе Барбароссе и таможенный договор с Англией, благоприятствовавший германским купцам. Фридрих II провел постановление о соблюдении внутреннего мира, но в остальном вел чисто фискальную политику, покровительствовал богатым купцам, давая им различные, прежде всего таможенные привилегии. Единственным крупным мероприятием германских императоров в области хозяйственной политики была борьба против рейнских пошлин, не приведшая, впрочем, ни к какому результату вследствие противодействия бесконечного числа мелких самодержцев, занимавших берега Рейна. Вообще же планомерная хозяйственная политика и здесь еще отсутствует. Мероприятия, внешне представляющие сходство с ней, как то блокада Венеции императором Сигизмундом⁷¹ или временное запрещение торгового движения по Рейну (в борьбе против Кёльна) являются по существу ме-

ропрятями чисто политического характера. Таможенная политика находилась в руках владетельных князей и, за некоторыми исключениями, не вносила в хозяйственную жизнь планомерности. Ее главными принципами были*: покровительство внутренней местной торговле за счет торговли с другими областями, в целях поощрения обмена между городами и окружающими сельскими местностями; установление более высоких, по сравнению с ввозными, вывозных пошлин; покровительство собственным купцам в таможенном вопросе; установление дифференциальных пошлин для дорог, так как князь хотел покровительствовать определенной дороге, чтобы удобнее использовать ее в фискальном отношении; с этой целью он даже принуждал ездить только по ней и систематизировал вместе с тем складочное и рыночное право; наконец, выдача особых привилегий городским купцам, как делал, например, Людвиг Богатый Баварский⁷², хвалившийся тем, что совершенно уничтожил сельских купцов**. Покровительственные пошлины были неизвестны за редкими исключениями, как, например, пошлина на вино в Тироле⁷³ для затруднения ввоза из Италии. Вся таможенная политика основывается на соображениях фискального и продовольственного характера. Те же соображения имелись в виду при заключении многочисленных торговых договоров, восходящих к XIII в. Техника таможенного дела при этом подвергалась значительному изменению. Первоначально размер пошлины составлял $\frac{1}{60}$ общей стоимости товара. В XIV столетии она поднялась до $\frac{1}{12}$, так как пошлина одновременно играла роль и акциза. Мероприятия современной торговой политики, как то покровительственные пошлины, отсутствовали; их роль играли прямые запрещения торговли, практиковавшиеся весьма нередко в тех случаях, когда того требовали продовольственные интересы ремесленников, а позднее — работников на дому; иногда разрешалась оптовая торговля с одновременным запрещением розничной.

Первые следы рациональной правительственной хозяйственной политики мы видим в XIV в. в Англии; они вылились в систему, которая со времен Адама Смита⁷⁴ названа была меркантилизмом.

* *A Braunholz*, Das deutsche Reichzollwesen während der Regierung der Hohenstaufen und des Interregnums, Berlin, 1890.

** См. выше стр. 143.

В. Меркантилизм

Меркантилизм* есть возведенное в принцип политики поддержание предпринимательского производства для обогащения. Государство рассматривается как бы состоящим исключительно из капиталистических предпринимателей; внешняя политика государства основывается на стремлении преодолеть противника в получении максимальной прибыли — наиболее дешевой закупки и наиболее дорогого сбыта, и тем самым достигнуть преобладания над ним. Целью здесь является укрепление внешней мощи государства. Таким образом меркантилизм означает образование современного могущественного государства, каковое достигается, с одной стороны, непосредственно — путем увеличения государственных доходов, а с другой стороны — опосредованно, путем повышения налоговоспособности населения.

Предпосылкой политики меркантилизма является открытие в стране возможно больших источников денежного дохода. Ошибочно думать, что теоретики меркантилизма и государственные деятели, проводившие его в жизнь, отождествляли богатство страны с обладанием драгоценными металлами. Они прекрасно понимали, что источником этого богатства является налоговая способность населения, и потому единственно для ее поднятия стремились удержать в стране деньги, грозившие исчезнуть из обращения. Дальнейшим программным пунктом меркантилизма, стоящим в непосредственной связи с политикой расширения мощи государства, служат мероприятия для поддержки роста народонаселения. Чтобы доставлять последнему все увеличивающиеся жизненные средства, считали необходимым завоевание возможно большего числа внешних рынков для сбыта изделий внутренней промышленности и именно не сырых материалов, но готовых фабрикатов, в которые был вложен максимум народного труда. Наконец, торговля долж-

* *E. Leser*, Статья «Merkantilsystem» в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3. Aufl., VI, 650 ff. и английская статья («Balance of Trade» usw.) у *R. H. J. Palgrave*, Dictionary of political economy, 3 vol., London, 1895, далее *Ad. C. num.*, О богатстве народов, 4 книга; *G. Schmoller*, Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung, Jahrb. f. Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft VIII (1884) 15 ff.; *W. Sombart*, Der Bourgeois, München und Leipzig, 1913; *K. Habler*, Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im 16 Jahrhundert und ihr Verfall, Berlin, 1888; *W. A. S. Hewins*, English trade and finance chiefly in the 17 century, London, 1892; *P. Clément*, Histoire du système protecteur en France, Paris, 1854; *A. P. Usher*, History of the grain trade in France 1400—1710, Cambridge (Harvard), 1913, 223; *Brisco* (ср. стр. 184).

на была вестись главнейшим образом через посредство отечественных купцов для того, чтобы вся прибыль могла стать предметом обложения. Теоретически эта система находила себе поддержку в теории *торгового баланса*, которая усматривала симптом обеднения страны в факте превышения ввоза над вывозом; эта теория впервые утвердилась в Англии в XVI в.

Родиной меркантилизма вообще является, по преимуществу, *Англия*. Первые признаки его мы замечаем там в 1381 г. При слабом короле Ричарде II⁷⁵, когда наступили денежные затруднения, парламент назначил специальную комиссию, которая сначала работала, исходя из понятия торгового баланса со всеми его существенными особенностями. Прежде всего было издано несколько отдельных частных законов: запрещение ввоза, поощрение вывоза; однако, английская политика в целом еще не получила тогда характера позднейшего последовательного меркантилизма. Моментом решительного поворота к последнему надлежит считать 1440 г., когда был издан один из многочисленных *statutes of employments* [законодательные акты парламента о занятости и предпринимательской деятельности], направленных на борьбу с переживавшимися экономическими затруднениями. Этот статус возвел в принцип два положения, которые иногда и раньше не без последовательности применялись на практике: 1) иностранные купцы, привозящие в Англию товары, должны все полученные за них деньги обращать в английские товары, и 2) английские купцы, отправляющиеся за границу, должны привозить в Англию хотя бы часть своей выручки в наличных деньгах. На этих двух положениях основывалась и по их пути постепенно развивалась вся система меркантилизма, до «акта о мореплавании» 1651 г.⁷⁶, которым были стеснены права иностранного судоходства.

Меркантилизм, как союз государства с капиталистическими интересами, выступал в двух формах: одной из форм его проявления был *сословно-монополистский меркантилизм*, характерно выраженный в политике Стюартов и англиканской церкви, особенно же в политике обезглавленного впоследствии епископа Лауда⁷⁷.

Эта система стремилась к разделению всего населения на сословия в социально-христианском смысле, к сохране-

* H. Bell, Archbishop Laud and priestley government. L., 1906.

нию неприкосновенности сословий для проведения в жизнь принципа христианско-социальной гармонии; она покровительствовала бедным в противоположность пуританизму, видевшему в каждом бедняке преступника или лентяя. Фактически меркантилизм Стюартов носил преимущественно фискальный характер: все вновь возникавшие предприятия могли ввозить только на основании предоставления им королевской монополии и в течение долгого времени оставались объектом бдительного контроля и фискальной эксплуатации со стороны короля. Менее последовательной, но в общем сходной была политика *Кольбера* во Франции. Он стремился к искусственному насаждению обрабатывающей промышленности на основе покровительственной монополии. В этом мысль его совпадала со стремлением гугенотов, и поэтому он с неудовольствием смотрел на их преследования. В Англии политика англиканской церкви и королевской власти потерпела поражение в Долгом Парламенте⁷⁸, благодаря пуританам. Последние в продолжение десятков лет вели войну против короля под девизом: «долой монополии»; последние предоставлялись чаще всего иностранцам и придворным, а колонии попали в руки королевским любимцам. Немногочисленные группы мелких предпринимателей, возникшие частью из цехов, частью же из вне их стоящих слоев, также ратовали против королевских монополий, и Долгий Парламент провел закон о лишении монополистов избирательных прав. В этой борьбе пуритан с необыкновенной ясностью обнаружилось поразительное упорство, с которым здравый хозяйственный смысл английского народа боролся против всяких хартий и монополий*.

Второй формой меркантилизма является меркантилизм *национальный*, покровительствующий не тем предприятиям и индустриям, которые создаются на основе монополий, но тем национальным предприятиям, которые уже существуют.

Почти все созданные меркантилизмом индустрии не пережили его; предприятия, вызванные к жизни политикой Стюартов, так же, как и предприятия континентальных государств Европы, включая и Россию, все погибли. Поэтому национальный меркантилизм отнюдь нельзя назвать исходным пунктом развития капиталистического хо-

* H. Levy, Die Grundlagen des ökonomischen Liberalismus in der Geschichte der englischen Volkswirtschaft. Jena, 1912.

зьяства. Последний развивался в Англии наряду с фискально-монопольной политикой, причем предприятия, возникшие независимо от государственной власти, получали, после крушения монопольно-фискальной политики Стюартов в XVIII в., систематическую поддержку парламента. Это было последнее столкновение в борьбе между рациональным и иррациональным капитализмом, капитализмом, основывающимся на условиях рынка, автоматически создающихся внутри него и с необходимостью вытекающих наружу в силу торговли в процессе обмена товаров, и капитализмом, основывающимся на фискальных и колониальных интересах и государственных монополиях. Ареной, где произошло это столкновение был «Английский Банк». Он был основан шотландцем Паттерсоном, одним из тех авантюристов капитала, которых породила и вышколила система монополий эпохи Стюартов*. Однако, среди участников банка были также и дельцы-пуритане. Последним предприятием, в котором банк поддался направлению авантюристического капитализма была его попытка принять участие в «Южно-океанской Компании». Но затем мы шаг за шагом можем проследить, как в нем падало влияние Паттерсона и его единомышленников, уступая место влиянию рациональной группы членов банка, которая почти целиком состояла из пуритан и по происхождению, и по образу мысли.

Однако, и в дальнейшем меркантилизм продолжал играть роль, известную из политической экономии. В Англии роль эта кончилась с установлением свободы торговли, проведенной усилиями пуританских диссентеров, Кобдена и Брайта⁷⁹, в союзе с интересами промышленников, не нуждавшихся уже более в политике меркантилизма** для поддержания своих, достаточно окрепших предприятий.

§ 9. Развитие капиталистического мировоззрения

Существует довольно распространенное заблуждение, будто одним из существенных условий развития европей-

* S. Bannister, William Paterson, 2-е изд. Л., 1860.

** A. Prentice, History of the Anti-cornlaw-league, 2 т. London, 1853; A. Mongredien, History of the free-trade movement in England, London, 1881; J. Morley, Life of Richard Cobden, 3 изд. 2 т. London, 1902; Palgrave, указ. соч.

ского капитализма является быстрый *рост населения*. В противоположность этому Карл Маркс утверждал, что в каждом хозяйственном строе наблюдаются свои законы движения народонаселения. Это положение, в общем не вполне верное, оказывается правильным в приложении к нашему случаю. Население Европы чрезвычайно быстро увеличивалось с конца XVIII по конец XIX вв. Столь же сильный рост населения мы замечаем в это время и в Китае — от 60—70 млн. до 400 млн. (учитывая возможные преувеличения), что приблизительно пропорционально соответствует приросту населения в Европе. Несмотря на это умножение, развитие капитализма в Китае не только не шло вперед, но даже регрессировало, так как там прирост замечался в других слоях населения, нежели у нас. Китай оказался страной, переполненной мелким крестьянством; об увеличении же того класса, который соответствовал бы нашему пролетариату, там может идти речь лишь постольку, поскольку становилось возможным использование кули*⁸⁰ иностранным рынком. Увеличение народонаселения в Европе в общем лишь постольку содействовало возникновению капитализма, поскольку он не мог бы развиваться при незначительном числе населения и при отсутствии вследствие этого необходимого количества рабочей силы; но не самое это увеличение вызывает его к жизни. Противоположное положение было бы также неправильным, как утверждение *Зомбарта***⁸¹, что *приток благородных металлов* является единственной причиной возникновения капитализма. Конечно, при известных обстоятельствах *приток благородных металлов* может вызвать революцию цен (как, например, в Европе с 1530 г.); при благоприятных условиях он может дать толчок к дальнейшему развитию уже намечающейся формы организации труда, как следствие сосредоточения крупных наличных средств в руках известного слоя. Примером того, что один приток благородных металлов не вызывает капитализма, может служить Индия. В эпоху римской империи туда притекало огромное количество благородных металлов — ежегодно до 25 млн. сестерциев — в обмен за вывозимые индийские товары; однако этот приток

* Кули — слово, заимствованное с индийского языка и, собственно говоря, означает соседа или вошедшего в род. *G. Oppert*, *The original inhabitants of India*, London, 1898, с. 131, цитировано в статье «Kull» в «Handwörterbuch».

** Современный капитализм I, с. 577.

вызвал лишь торговый капитализм, и то в незначительном размере. Большая часть притока исчезла во дворцах раджей, вместо того, чтобы быть обращенной в наличные деньги и способствовать созданию рациональных капиталистических предприятий. Это означает, что все зависит от формы организации труда в той стране, куда благородный металл притекает. Благородные металлы из Америки, после ее открытия, шли прежде всего в Испанию. Однако, там наряду с этим притоком замечался регресс капиталистического развития; с одной стороны, мы наблюдаем падение *compteros* и торговой политики испанских грандов, с другой стороны видим использование благородных металлов для военных целей. Поэтому поток благородных металлов прошел через Испанию, едва затронув ее, и оплодотворил те страны, которые уже с XIV в. находились в состоянии реорганизации системы труда, представлявшем благоприятные условия для возникновения капитализма*.

Таким образом, европейский капитализм был вызван отнюдь не увеличением народонаселения и не притоком благородных металлов; *внешние* причины его развития были скорее *географического* характера. В Индии и Китае, при чрезвычайно развитых внутренних сношениях, колоссальные издержки транспорта ложились тяжелым бременем на тот слой, который был бы способен вырабатывать торговую прибыль и создать капиталистическую систему на базе торгового капитала; в то же время центральный характер Средиземного моря и удобства речных сообщений от него благоприятствовал последнему. Но не следует переоценивать значения этого элемента. Культура античного мира была определено культурой прибрежных местностей. Мореплавание по Средиземному морю предоставляло большие удобства (в противоположность китайским водам с их тайфунами) и однако там в то время не возникло капитализма. И в позднейшее время капиталистическое развитие шло интенсивнее во Флоренции, чем в Генуе или в Венеции. Капитализм возник в лежащих внутри страны индустриальных городах, а не в приморских торговых центрах Европы. Затем ему благоприятствовал спрос на войну но не как таковой, а в силу образования специфических особенностей в потребностях европейских армий; далее имело значение стремление к роскоши, причем опять не как таковое: во

* См. указанную выше книгу *M. Bonn, Spaniens Niedergang*.

многих случаях оно привело к возникновению иррациональных форм, в виде мелких мастерских во Франции и принудительного прикрепления к дворам некоторых владетельных князей в Германии. В конце концов создателями капитализма были: рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда *рациональный образ мысли, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику**.

В основе всякой этики и вытекающих из нее хозяйственных отношений всегда лежит известная *традиционность* — святость предания, сохранение способов ведения торговли и хозяйства в том виде, в каком они перешли к нам от праотцов. Эта особенность глубоко сохраняется и в наши дни. Еще несколько десятков лет тому назад было бы совершенно напрасной тратой увеличивать вдвое плату силезскому рабочему, нанятому за «аккордное» вознаграждение выкосить кусок луга с целью повысить его работоспособность; он просто стал бы работать вполсилы, ибо и так мог бы заработать вдвое больше. Эта неспособность и нежелание отказаться от рутины есть основа всякой традиции. Присущая человеку склонность к рутине может быть усилена еще двумя обстоятельствами: прежде всего с соблюдением традиций могут быть связаны *материальные интересы*; когда в Китае попытались направить транспорт товаров по другим путям и перейти к устройству более рациональных его средств, это создало угрозу интересам целого класса чиновников, получавших в связи с прежней системой известные побочные доходы. Нечто подобное имело место и в средневековой Европе, а также в новейшее время при проведении железных дорог. Такая заинтересованность помещиков и купцов в получении побочных доходов всегда решительно препятствовала замене «традиционализма» «рационализмом». Еще более сильное влияние оказывало *суеверное стремление сохранить все привычные способы* деятельности из глубокого опасения, что малейшее изменение в обычном ходе жизни вызовет враждебные действия со стороны руководящих нами таинственных сил. Обычно за этим скрываются материальные интересы духовенства; но основной предпосыл-

* М. Вебер, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie I, с. 30.

кой все же является широко распространенная вера в таинственные силы*.

Склонность держаться рутины не может быть побеждена одним стремлением к наживе. Было бы ребячеством думать, что наша рационалистическая и капиталистическая эпоха отличается более сильным стремлением к наживе, чем другие эпохи. Представители современного капитализма не больше горят желанием получить прибыль, нежели прежние торговцы Востока; и как раз необузданное ничем стремление к наживе само по себе приводило зачастую к хозяйственно иррациональным результатам: люди, подобные Кортесу и Писарро⁸¹, никогда не помышляли о рациональном хозяйстве.

Если, таким образом, стремление к наживе универсально, то, спрашивается, при каких именно условиях оно может создать рациональные хозяйственные последствия в виде капиталистических предприятий.

Первоначально стремление к наживе сталкивалось с двумя, тесно друг с другом связанными препятствиями: с одной стороны, здесь влияет, так сказать, *внутренняя мораль*, а именно подчинение домашним традициям и пиетет по отношению к членам своей семьи, рода и племени, что препятствовало возможности беззастенчивой наживы в кругу лиц, связанных известными узами; с другой стороны, — *внешняя мораль*, а именно беззастенчивость в средствах получения торговой прибыли вне этого круга, во внешнем обмене, где каждый чужеземец рассматривался как враг, по отношению к которому не обязательны никакие этические рамки. Устранение этих препятствий начинается с тех пор, как в таких традиционных союзах по чьей-либо инициативе возбуждается вопрос о взаимных расчетах и прежние патриархальные отношения нарушаются. Как только в каком-нибудь семейном союзе начинаются взаимные расчеты, появляются возражения против общего ведения хозяйства**, — исчезает наивная патриархальность, а вместе с ней и препятствие к наживе. Такую картину мы наблюдаем главным образом в Европе. При этом, одновременно с проникновением духа наживы во внутреннее хозяйство, замечается стремление до известной степени ограничить безу-

* См. для Китая: Chen Huang-Chang, The economic principles of Confucius and his school, New-York, 1911.

** Ср. выше стр. 82, 148.

держное стремление к прибыли. Результатом является *регулируемое хозяйство с известным простором для стремления к наживе*.

В отдельных местах развитие шло различными путями. В Вавилоне и Китае не ставилось других объективных пределов стремлению к наживе, кроме норм, устанавливавшихся внутри рода, в котором хозяйство велось на коммунистических или общинных началах. Несмотря на это, там не развился современный капитализм. В Индии границы в способах извлечения дохода устанавливались только для двух высших слоев — брахманов и раджпудов⁸²; члены этих каст не могли заниматься некоторыми профессиями. Брахман, правда, мог быть харчевником, так как только у него были чистые руки; но, подобно раджпуду, он был бы исключен из касты, если бы ему вздумалось давать деньги в рост. Наоборот, последнее вполне разрешалось касте купцов и в их операциях мы наблюдаем невиданную нигде более беззастенчивость. Наконец, древний мир знал лишь законное ограничение процентов и только положение «*saveat emptor*» характеризует вполне всю римскую хозяйственную мораль. Однако и здесь не развился современный капитализм.

В результате мы приходим к удивительному выводу: зародыши современного капитализма *надо искать не в культурах Востока и античного мира, но как раз в тех странах, где официально господствовали явно враждебные ему теории*.

Хозяйственная этика, проповедовавшаяся церковью, выражается в следующем, как предполагают, перенятом, от ариан⁸³ суждения о купце: «*Homo mercator vix aut numquam potest Deo placere*»* («Купец может действовать безупречно, но не может быть угодным Богу»). Такое воззрение сохраняло силу до XV в., когда, наконец, впервые во Франции, стало смягчаться под влиянием изменения условий хозяйственной жизни. Глубоко отрицательное отношение католической и за нею лютеранской этики ко всякому капиталистическому начинанию объясняется главным образом страхом перед безличностью создаваемых капиталистическим хозяйством отношений. Эта безличность мешает церкви этически влиять на людские отношения. Отношения между господином и рабом могут быть непосредственно уре-

* Dist. LXXXVIII, c. 22 Декрета, по Ps. Chrysostomus, super Matthaicum

гулированы этикой; но чрезвычайно трудно, если просто не невозможно, этически влиять на отношения между залогопринимателем и имуществом, обеспечивающим ипотеку, или между индоссаторами на векселях*. Результатом такого воззрения церкви было то, что средневековая хозяйственная этика основывалась на правиле *iustum pretium*, т. е. справедливой цены и отсутствия свободной конкуренции, она требовала для каждого человека права на существование.

Виновниками разрыва этого круга понятий отнюдь не могут считаться евреи, как полагает Зомбарт**. Социальное положение евреев в средние века можно сравнить с положением одной из индийских каст, которая бы жила во внекастовом строе; это было племя париев. Есть, однако, различие: по индийским верованиям кастовый порядок распространялся и на будущую жизнь; отдельная личность могла достигнуть рая лишь путем последовательного переселения души, в зависимости от заслуг человека, но такие перерождения совершались в рамках кастового устройства. Последнее было вечно и тот, кто отважился бы выйти из касты, становился бы отверженным, попадал в ад, заключался во внутренности собаки... В противоположность этому еврейская вера говорит о том, что наступит время, когда роли изменятся: в настоящем евреи являются париями или в наказание за грехи отцов, как говорит Исая⁸⁴, или для спасения мира: такова была предпосылка для влияния Иисуса Назарянина; из такого положения их должна была вывести социальная революция. В средние века евреи являлись пришлым народом (*Gastvolk*): они стояли вне гражданского общества и не могли быть членами городских союзов, так как не принимали участия в таинстве евхаристии⁸⁵ и не могли принадлежать к *conjuratio* [обязавшийся клятвой, принесший присягу]. Они были, правда, не единственными гостями: кроме них таковыми были, например, «кагорцы» — христианские купцы, которые, ведя денежную торговлю, занимали то же положение, находились под охраной князей и платили за право заниматься этой торговлей определенные налоги. Но евреи решительным образом отличались от гостей-христиан тем, что не могли поддерживать с христианами *commercium* [сексуальная, половая связь] и вступать с ними в *connubium* [брак]. В противо-

* M. Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie* I, 544.

** W. Sombart, *Die Juden und das Wirtschaftsleben*, 1911.

положность евреям, избегавшим вкушать пищу у христиан из опасения, что последними не будут соблюдены предписания их закона, христиане вначале без всяких колебаний пользовались еврейским гостеприимством. При первых вспышках средневекового антисемитизма церковь стала призывать христиан не унижать своего достоинства и не вести знакомства с евреями, которые со своей стороны гнушались гостеприимством христиан. *Connubium* с христианами был совершенно немыслим со времен Ездры и Неемии⁸⁶. Дальнейшей причиной бесправного положения евреев было то, что хотя были еврей-ремесленники, даже еврей-рыцари (в Сирии), однако еврей-крестьяне встречались лишь в виде исключения, так как занятие сельским хозяйством было трудно совместимо с соблюдением всех еврейских религиозных обрядов. Именно эти обрядово-религиозные соображения привели к тому, что вся хозяйственная деятельность евреев была направлена на торговлю и по преимуществу на торговлю деньгами*. Признаком набожности еврея считалось знание им закона, а основательное изучение его легче всего можно было соединить с торговлей деньгами. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что, в виду запрещения церковью ростовщичества, христиане не могли заниматься торговлей деньгами; однако, она была необходима, и ею занялись еврей, не подчинявшиеся законам христианской церкви. Наконец, еврейство сохранило первоначально общий для всех дуализм внутренней и внешней морали в том отношении, что с иноверца разрешалось брать проценты. Этот дуализм позволил евреям заняться экономически-иррациональными предприятиями, как, например, откупам и всякого рода финансированием государства. В течение нескольких столетий еврей достигли в этих областях такого искусства, что их специально повсюду приглашали и зазывали. Но то был капитализм париев, а не рациональный капитализм, как он впоследствии установился в Европе; поэтому среди крупных предпринимателей, творцов современной хозяйственной организации, почти нет евреев; это был христианский тип, оказавшийся возможным только на почве христианского общества. Фабрикант-еврей — это чисто современное явление. Еврей не могли принимать участие в возникновении рационального капитализма уже по одному тому, что не состояли в цехах. Но

* Ср. стр. 187—188.

даже и там, где цеховое устройство им не препятствовало, они не проявили деятельности в этом направлении, как, например, в Польше, где к их услугам был многочисленный пролетариат, который они могли организовать в качестве фабрикантов и давая работу на дом. Наконец, как показывает Талмуд, национальная еврейская этика глубоко традиционна. Набожный еврей так же боится всяких новшеств, как и представитель дикого народа, опасющийся за это мести таинственных сил.

Однако, иудейство имело важное значение для современного рационального капитализма постольку, поскольку оно передало христианству свое *отрицательное отношение к магии*. За исключением иудейства, христианства и двух или трех восточных сект (из коих одна находится в Японии), нет ни одной религии с ясно выраженным отрицательным отношением к магии. Это объясняется, по-видимому, следующим образом: придя в Ханаан, израильтяне нашли там поклонение богу земледелия, Ваалу, в то время как их Иегова⁸⁷ был богом землетрясений, вулканов и морской язвы. Борьба между этими религиями закончилась победой израильтян, они изгнали поклонявшихся плодородию жрецов Ваала и заклеили эту религию печатью низости и безбожия. Подготовив христианство и придав ему характер свободной от магии религии, иудейство оказало тем самым огромное влияние на историю хозяйственной жизни; ибо магия, господствующая повсюду вне сферы влияния христианства, является одним из главных препятствий для рационального развития хозяйства. *Магия равносильна рутине в области техники и экономики*. Когда в Китае стали строить фабрики и проводить железные дороги, возник конфликт с геомантией: во имя ее требовалась неприкосновенность определенных гор, лесов, рек, могильных курганов для того, чтобы не возбудить неудовольствия духов*. Такое же значение в судьбах капитализма имел в Индии ее *кастовый строй*: каждое техническое нововведение, применяемое индийцем, ведет к исключению его из

* Впрочем, когда мандарины поняли, какие выгоды могут получить, все эти препятствия быстро устранились; теперь мандарины являются главными акционерами железных дорог. Никакие религиозно-этические убеждения не могли долго задерживать вторжение капитализма, во всеоружии стоявшего перед воротами. Однако, тот факт, что ему удалось преодолеть поставленные магией преграды, не означает еще, что капитализм мог зародиться в этой стране, где она играет такую громадную роль.

высшей касты с переводом в низшую. При вере в переселение душ это означает, что он может очиститься от греха только при следующем рождении и это вряд ли его может удовлетворить. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что каждая каста оскверняет другую. При таком положении вещей, когда один рабочий не может принять от другого даже сосуда с водой, они, конечно, не могут совместно работать в одном фабричном предприятии. Лишь в последнее время после почти столетнего владычества англичан удалось побороть этот предрассудок. Но из хозяйственной группы, действия которой были связаны подобными суевериями, капитализм, конечно, не мог возникнуть.

Во все времена к уничтожению магии и суеверий и к рационализированию образа жизни приводило только одно средство — великое *рациональное пророчество*. Конечно, далеко не всякое пророчество разрушает силу суеверий. Однако, может случиться, что пророку, заставившему путем чудес и других средств уверовать в себя, удастся разрушить перешедшие от предков священные заветы. Такие пророчества освободили мир от тьмы суеверий и тем самым заложили основание современной науки, техники и капитализма. В Китае не создалось такого движения; раздававшиеся там пророчества, например, Лао-цзы и Дао цзин⁸⁸, приходили извне. Индия знала религию избавления: в противоположность Китаю здесь появились великие пророчества. Но то были проповеди, дававшие лишь примеры *религиозного совершенства*; таков, например, типичный индийский пророк, Будда; являя образец праведной жизни, ведущей к избавлению, он не объявлял себя посланником бога и не предписывал обязательных правил для земной жизни, но лишь одним своим примером показывал, как должен жить тот, кто своей целью ставит спасение. Не каждый, однако, ставит себе целью спасение и переход после смерти в нирвану; лишь истинные философы могут принять стоическое решение отказаться от этой жизни, исчезнуть из нее в силу отвращения к ней. В результате пророчества в Индии приобрели значение только для интеллектуально развитых слоев. Последователи Будды стали лесными жителями и неимущими монахами. Для массы же утверждение буддийской религии имело совсем иное значение — оно открыло возможность поклонения святым. Появились святые, считавшиеся чудотворцами, которых всячески ублажали, в

надежде заслужить через них переход, путем следующих рождений, в высшую касту, достигнуть богатства, долголетия и т. п., т. е. благ земной жизни. Таким образом, буддизм в его чистом виде сохранился в сравнительно небольшом слое монахов. Для мирян не существовало никаких моральных правил, в соответствии с которыми они должны были бы устраивать свою жизнь. Правда, у буддизма были и свои «заповеди», но в отличие от еврейских они не были обязательными требованиями, а только советами. Особенное значение придавалось буддийской религией оказанию материальной поддержки монахам. Естественно, что такая религия была не в силах разрушить магию; скорее она способна была породить еще новые ее проявления.

Полную противоположность индийской аскетической религии избавления с ее ничтожным влиянием на массы представляют собой иудейство и христианство, которые с самого начала была *плебейскими религиями* и всегда стремились остаться таковыми. Борьба древней церкви против гностиков⁸⁹ знаменует собой не что иное, как знакомую всем религиям Востока борьбу против интеллектуальной аристократии с целью помешать ей захватить в свои руки руководство церковью. Эта борьба очень содействовала укреплению влияния христианства на массы и именно в том отношении, что магизм в массах был подавлен, насколько это вообще осуществимо. Уничтожить его вполне не удалось и до наших дней; однако, колдовство стало считаться чем-то нечестивым, дьявольским. Зачатки такого отношения к магии мы находим еще в ветхозаветной этике. Она в свою очередь близка к воззрениям, лежащим в основе собрания изречений и так называемых пророчеств текстов египтян. Но самые строгие предписания египетской этики не могли уничтожить обычая класть на сердце покойника скарабея⁹⁰, чтобы он помог умершему обмануть судью мертвых, утаить от него грехи и таким образом дать умершему проникнуть в рай. Иудейская этика не знает таких софистических обходов. Неизвестны они и христианству. Правда, в евхаристии магия была возведена в таинство, однако и оно не давало в руки верующего средства обмануть высший суд, как то было в религии Египта. При оценке влияния какой-либо религии на жизнь надо прежде всего строго проводить различие между ее официальным учением и тем, как оно, подчас вопреки всему его духу, преломляется

в действительности и главным образом во взгляде на настоящую и будущую жизнь. Далее, нельзя упускать из виду различия между высшей религиозностью духовно развитых последователей и религиозностью широких масс. Высшая религиозность играет для обыденной жизни роль идеала: ее строгие требования не обязательны для повседневной этики. Соотношения между этими двумя видами религиозности в отдельных религиях складываются различно. В католицизме требования высшей религиозности не включаются в круг обязательных для мирянина религиозных предписаний (*praescripta*), но преподносится ему как *consilia evangelica* [советы, заветы евангелия]. Христианином в полном смысле слова является только монах; от мирянина не требуется полного подражания ему и лишь часть добродетелей объявляется обязательной и для повседневной жизни. Выгода такой уступки состояла в том, что этика не оказалась совершенно оторванной от жизни, как то было в буддизме. В то же время лица с высшей религиозностью могли осуществлять ее требования, удалясь от мира и образуя особые монашеские общины.

Это явление отнюдь не свойственно исключительно христианству; оно часто встречается в истории религий, и наиболее яркой его формой является аскетизм. *Аскетизм* означает твердое проведение в жизнь определенного строгого уклада. На примере Тибета мы видим, к каким грандиозным результатам приводит широкая и последовательная практика аскетизма. Эта страна самой природой была, казалось, осуждена навеки оставаться пустыней. Однако, община безбрачных аскетов создала в Лхасе⁹¹ колоссальные памятники архитектуры и пропитала страну религиозным учением буддизма. Аналогичное явление наблюдаем мы и в средневековой Европе. Монах является первым рационально живущим человеком той эпохи, методически и сознательно стремящимся к одной цели — блаженной жизни за гробом. Только для него звучали колокола, только для него день делился на часы молитвы. Хозяйство монастырских общин было рациональным хозяйством. В начале средних веков из монахов набирались даже чиновники: власть дождей в Венеции пала, когда спор из-за инвеституры⁹² лишил их возможности использовать духовенство для своих заокеанских предприятий. Однако, сознательно-последова-

тельный образ жизни ограничивался только монашеством. Францисканцы, путем учреждения ордена терциариев⁹³, пытались было распространить его и на мирян. Но все их попытки разбились об церковный институт покаяния в грехах. С помощью исповеди и церковного покаяния церковь повелевала всей средневековой Европой. Однако, возможность легко очиститься от грехов путем исповеди и налагаемого церковью покаяния притупляла у человека эпохи средних веков сознание своей виновности и греховности. Таким образом единство и строгость методического уклада жизни фактически разрушились. Великолепно зная людей, церковь, конечно, не рассчитывала на возможность из каждого человека сделать этически законченную личность; она была совершенно уверена, что, несмотря на все увещания при исповеди и на самую строгую эпитимию⁹⁴, этические принципы будут вновь нарушаться. Иначе говоря, она расточала свою благодать, не разбирая правых и виноватых.

С этой системой решительно порвала *Реформация*. Лютеранская церковь прежде всего отменила *consilia evangelica*, что ознаменовало собой уничтожение дуализма в этике, различия между обязательной для всех моралью и моралью немногих избранных. Вместе с этим пал и уходящий из мира аскетизм. Глубоко религиозные натуры, прежде бежавшие спасаться в монастыри, теперь должны были выполнять все заповеди в миру. Для такого мирского аскетизма протестантство создало новые соответственные правила: безбрачие не обязательно — брак ведь является просто институтом рационального воспроизведения потомства. Бедность не является необходимым условием; однако и богатство — только как средство к беззаботной жизни — также не рекомендуется. Весьма удачно Себастьян Франк⁹⁵ характеризовал смысл Реформации в следующих словах: «ты думаешь, что убежал от монастыря — нет, теперь каждый всю свою жизнь должен быть монахом». Влияние этого перерожденного понятия об аскетизме в классических странах протестантски-аскетических вероучений можно проследить и до наших дней. Оно особенно заметно в религиозных сектах Америки. Несмотря на уже состоявшееся тогда отделение церкви от государства, там еще 15—20 лет тому назад каждого банкира, врача и т. п., желавших поселить-

ся и работать в той или другой местности, захваченной указанными выше учениями, настойчиво допрашивали, к какой религиозной общине или секте он принадлежит. От характера полученных ответов зависел радушный или холодный прием. Дело в том, что принятие в ту или иную секту предписывало строгое испытание каждого с этической стороны, и при таких условиях принадлежность к секте, не делающей разницы между внутренней и внешней моралью, служило гарантией честности и добросовестности в деловых отношениях; и это обеспечивало успех. Отсюда поговорка — «Honesty is the best politic» («Честность лучшая политика»); отсюда же происходит и выражение, которое так любят повторять квакеры, баптисты и методисты⁹⁶: «бог благословляет своих: безбожники сами ни на йоту друг другу не верят; по каждому серьезному делу они сами обращаются к нам; набожность — самый верный путь к богатству». Это вовсе не ханжество, не лицемерие; это просто слияние в представлении человека религиозности с ее последствиями, первоначально ей совершенно чуждыми и вовсе не имевшимися ею в виду. Однако, богатство, приобретенное даже как плод строгой религиозности, не спасает от той дилеммы, которая всегда вставала перед средневековыми монастырями: богатство религиозного цеха приводило к внутреннему упадку его членов; приходилось изыскивать меры для борьбы с последним и т. д. Кальвинизм пытался избежать этого, представляя человека не собственником, но лишь *управляющим* теми благами, которые послал ему Бог. С одной стороны, порицая наслаждение, а с другой — не разрешая отречься от мира, он религиозной задачей каждого человека считал сознательное подчинение себе внешних условий. Из этого мировоззрения возникло наше современное понятие «призвания» (Beruf), слово, известное только тем языкам, на которое оказал влияние протестантский перевод Библии*. Это понятие дает оценку рационально поставленному капиталистическому предпринимательству, как угодному богу делу. Именно в этом-то и заключался корень расхождения между пуританами и Стюартами. Те и другие эволюционировали к капитализму. Но пуританину еврей внушал отвращение, такое же, как и фавориты двора, по той причине, что он, как и те, занимался нерациональными, «недозволенными» предприятиями, например, ростов-

* М. Weber, Gesamm. Aufsätze zur Religions-Sociologie, стр. 63, 98, 163, 207.

щичеством на военные цели, откупам податей, арендой должностей и т. д.*

Такое понимание «призвания», с одной стороны, совершенно успокаивало совесть предпринимателя, с другой — побуждало рабочих к труду; при этом в качестве награды за исполнение своего призвания рабочими (иными словами — за согласие их подвергаться в капиталистических предприятиях самой безудержной эксплуатации) последним обещалось ни больше, ни меньше, как вечное блаженство — награда, которая в то время церковной дисциплины, державшей общественную и даже частную жизнь человека в полном порабощении, конечно, представляла совершенно другую ценность, чем сейчас. Церковная дисциплина существовала и в католической и в лютеранской церквях; но только в протестантских аскетических общинах допущение к причастию обуславливалось нравственной безупречностью. Последняя, в свою очередь, отождествлялась с деловой честностью: о самом содержании *веры* не поднималось вопроса. Такой могущественной, бессознательно утонченной организации для обуздания представителей капитализма не было ни в какой другой церкви или религии, и по сравнению с ней слабеет все, что сделано для развития капитализма Возрождением. Его художники, занимавшиеся и техническими проблемами, были первоклассными экспериментаторами. С искусства и горного дела эксперимент был перенесен и в науку. Однако, несмотря на все то влияние, которое оказало Возрождение, как *миросозерцание*, на политику государей, — оно отнюдь не наложило такого глубокого отпечатка на человеческую душу, как нововведения Реформации. Почти все крупные научные открытия XVI и XVII вв. были сделаны на почве католицизма. Коперник был католик, и как Лютер, так и Меланхтон⁹⁷ не признали его открытий. Вообще отнюдь нельзя отождествлять прогресс науки с протестантством. Правда, католическая церковь зачастую препятствовала развитию науки; однако и аскетические секты в протестантизме не признавали чистой науки — интересовались знанием лишь постольку, поскольку оно содействовало удовлетворению повседневных потреб-

* Эту противоположность в целом можно формулировать, за неизбежными оговорками, следующим образом: еврейский капитализм был спекулятивным капитализмом пария, пуританский — организацией труда граждан». *M. Weber, Gesamm. Aufsätze 1, стр. 181, прим. 2.*

ностей: стремление направить науку на использование технических и экономических задач было специально свойственно протестантизму*.

Этот религиозный корень современной экономической жизни уже отмер. Теперь понятие «призвания» представляет собой в мире *caput mortuum* [мертвая голова]. Аскетическая религиозность сменилась пессимистическим, отнюдь не аскетическим мировоззрением, как оно представлено в басне Мандевилля⁹⁸ о плечах: грехи и пороки отдельных лиц при известных обстоятельствах могут послужить всеобщему благу. Оптимизм «просвещения», доказывавший всеобщую гармонию интересов, отбросив самым решительным образом все остатки протестантского религиозного пафоса, заимствовал от протестантского аскетизма его взгляды на хозяйство; он именно руководил деятельностью правителей, государственных людей и писателей конца XVIII и начала XIX вв. Хозяйственная этика, возникшая на почве аскетического идеала, лишилась теперь своего религиозного обоснования. Если бы рабочий класс не потерял веру в вечное блаженство — возможно, что он и по сей час был бы доволен своим жребием. Но надежда на награды в будущем пала и на первый план выдвинулись всё возрастающие противоречия интересов. Здесь кончается эпоха раннего капитализма и начинается железный век XIX столетия.

---

* См. также *E. Trötsch, Die Sociallehren der christlichen Kirchen und Gruppen*, в 2-х т. 1912. Против изложенной точки зрения Макса Вебера на значение кальвинизма: *L. Brentano, Die Anfänge des modernen Kapitalismus*, 1916, стр. 117 и *S. Brod-nitz, Englische Wirtschaftsgeschichte I*, стр. 282.

ГОРОД

ПОНЯТИЕ ГОРОДА И ЕГО КАТЕГОРИИ

Определение понятия «города» может быть сделано с весьма различных точек зрения. Общее для них только то, что город представляет собой замкнутое (хотя бы относительно) селение, населенное место, но во всяком случае не один и не несколько отдельно друг от друга расположенных жилищ. Напротив, в городах (хотя и не исключительно в них) дома обычно расположены особенно густо; в наше время, как правило, даже стена к стене. Обычное представление о «городе» связывает с этим понятием, помимо указанного, и *количественный* признак — *большого* селения. Нельзя сказать, чтобы этот признак отличался неточностью. С точки зрения социологической город представляет собой селение, т. е. жительство в тесно друг к другу примыкающих домах, составляющих настолько обширное населенное место, что взаимное личное знакомство жителей друг с другом, отличающее соседскую связь, в нем *отсутствует*. В таком случае только сравнительно обширные селения могли бы именоваться городами и только от общекультурных условий зависело бы, при какой именно величине селения оно начинает именоваться городом. Этот признак величины далеко не всегда был решающим для тех селений, которые имели в прошлом *права городов*. Так в современной России существуют «деревни», которые со своим многотысячным населением значительно больше иных старых «городов» (например, в Польше и Восточной Германии), которые насчитывают едва по несколько сот человек. Величина сама по себе не может быть решающим признаком. С точки зрения чисто экономического определения, городом можно назвать такое населенное место, обитатели которого в своем большинстве живут не земледельческим трудом, а торговлей и промышленностью. Было бы однако неправильным называть все эти селения «городами». Так мы

не подвели бы под понятие «города» тот тип поселений — кустарно-промысловые деревни России и Азии — которые состоят чуть ли не из родовых общин и заняты однородным наследственным промыслом. Дальнейшим признаком была бы некоторая «многосторонность» промысла. Однако, сама по себе она еще не может служить решающим признаком. Как правило, происхождение ее может быть двояким и обусловливается наличием господского, преимущественно княжеского, двора в качестве центра, при удовлетворении экономических и политических потребностей которого развиваются ремесла, специализируется производство и происходит торговля. «Городом» нельзя еще назвать и городское или княжеское замкнутое натуральное домашнее хозяйство (ойкос¹) хотя бы и с весьма значительным поселением при нем тяглых ремесленников и мелких торговцев, несмотря на то, что исторически значительная часть важнейших городов возникла из таких поселений и работа на княжеский двор составляла во многих из них весьма важный, часто основной, источник существования населения («княжеские города»² — Fürstenstädte). Дальнейшим признаком города является наличие *рынка*, не в виде случайного, а постоянного *товарообмена* на месте поселения, являющегося *существенной* составной частью заработка и удовлетворения потребности населения. Но не каждое место, в котором имеется «рынок», есть уже «город». Периодические базары и ярмарки (Messen und Fernhandelsmärkte, Jahrmärkte), на которые в определенные сроки съезжаются торговцы, чтобы оптом или в розницу, друг другу или потребителю, сбывать свои товары, происходили весьма часто в местах, которые мы называем «деревнями». О «городе» в экономическом смысле мы будем говорить лишь в том случае, если местное население удовлетворяет существенную часть своего ежедневного экономического спроса на местном рынке, притом в значительной части предметами, произведенными или приобретенными для *сбыта* населением *местным* же или ближайшей округи. Каждый город в указанном смысле является «рыночным местом» (Marktort), т. е. имеет — в качестве экономического центра поселения — *местный рынок* (Lokalmarkt), на котором, вследствие существующей экономической специализации производства наряду с городским населением, взаимно удовлетворяющим потребности своих хозяйств специальными предметами производства, удовлетворяет свои по-

требности в предметах ремесленного производства и торговли и негородское население. Следует считать обычным, что первоначально город, возникнув как отличное от сельского поселения образование, является одновременно местопребыванием господина или князя и местом рынка, обладает в качестве экономических центров оikosом и, наряду с ним, рынком, причем часто, кроме имеющегося постоянного местного рынка, здесь происходят периодические ярмарки приезжающих купцов.

Город (в употребляемом нами значении) есть рыночное поселение (Marktansiedlung). Существование рынка часто основывается на концессии или патронате господина или князя, заинтересованного в наличии постоянного предложения привозных предметов торговли и ремесленного производства и в связанном с этим предложением взимании разного рода пошлин и налогов.

Бывает, что город возникает в виде рыночного поселения на подходящем перегрузочном пункте (Umschlagsplatz) или на основании концессии посторонних господ или князей, или явочным порядком при отсутствии в таком случае касательства, хотя бы территориального, к местопребыванию господина или князя. Так иногда привилегия на основание рынка с привлечением к нему поселенцев давалась отдельному предпринимателю. Не будучи нормальным, это происходило особенно часто в средние века, в восточных, северных и среднеевропейских районах возникновения городов. В древности и отчасти в раннем Средневековье на побережье Средиземного моря город довольно часто возникает и без какого-либо отношения к резиденции князя или каких-либо его концессий, а путем союза пришельцев, мореплавателей, торговых поселенцев или, наконец, просто заинтересованных в посреднической роли туземцев.

Такой город мог быть местом рынка в буквальном смысле слова. Все же еще чаще наблюдается единение между большими княжескими или сеньориальными патримониальными хозяйствами, с одной стороны, и рынком, с другой. В таком случае сеньориальное или княжеское хозяйство, как один из пунктов соприкосновения города могло удовлетворять свои потребности или преимущественно путем натурального хозяйства, путем барщины или натуральной повинности зависимых от него местных ремесленников и торговцев или же благодаря смежности с городом, высту-

пая там в качестве наиболее платежеспособного покупателя. Чем больше это происходит, тем сильнее выступала на первый план рыночная основа города, и он переставал быть простым придатком, лишь рыночным поселением рядом с ойкосом, а превращался, несмотря на смежность с крупными хозяйствами (сеньориями) в рыночный город. Обычно количественное расширение первоначальных княжеских городов и их экономическое значение развивалось параллельно с увеличением удовлетворения потребности рынками княжеского и примыкающих к нему вассальных и других зависимых от него больших городских хозяйств.

К типу княжеского города, т. е. такого, жители которого в области возможного для них заработка прямо или косвенно зависят от покупательной способности княжеского или других крупных хозяйств, приближаются такие города, в которых возможность заработка местных ремесленников и торговцев зависит преимущественно от покупательной способности других крупных потребителей — капиталистов. По роду происхождения их доходов, эти крупные потребители могут быть весьма различных типов. Они могут быть: 1) должностными лицами, имеющими законные или незаконные доходы или 2) вотчинниками (сеньорами) и политическими властителями, которые расходуют в городе доходы, получаемые ими в виде внегородских поземельных налогов или обусловленные их особым политическим положением. В обоих случаях город приближается к типу княжеского города: он базируется на патримониальных и политических доходах, как основе покупательной силы крупных потребителей (пример: для чиновного города — Пекин, для города, живущего земельной рентой — Москва до отмены крепостного права). На первый взгляд похожий, но принципиально отличный случай наблюдается, когда обусловленная монопольным положением городских участков на торговых путях и имея таким образом своим источником городскую промышленность и торговлю, городская земельная рента стекается в руки городской аристократии, что имело место во все времена, особенно часто в древности от ранних времен до Византии, а также во времена Средневековья. Такой город экономически является не городом, живущим рентой, а торговым или промышленным городом, причем упомянутая рента является данью трудящихся домовладельцам. Принципиальное от-

личие города указанного типа от города, зависящего от внегородской ренты, не препятствовало практическому смешению обоих этих типов. Или крупные потребители могут быть рантье, которые проживают в городе свои доходы — в наше время прежде всего проценты с бумаг и дивиденды или тантьемы: в этом случае покупательная способность обусловлена источниками денежного хозяйства, преимущественно капиталистического характера (пример: Арнем³), или же она базируется на государственных пенсиях или других государственных рентах, (например, «Пенсионополис» вроде Висбадена). В этих, а также в многочисленных аналогичных случаях, город является более или менее *городом потребителей*. Ибо для возможности заработка его промышленников и торговцев решающим моментом является жительство в нем упомянутых экономически различных крупных типов потребителей.

Возможно и прямо противоположное: город является *городом производителей*; рост его населения и покупательной силы основывается в таком случае, как, например, в Эссене и Бохуме, на наличии в нем фабрик, мануфактур или домашней кустарной промышленности, обслуживающих и иногородние местности — современный тип, или же существует в виде ремесленного и также работающего на вывоз — азиатский, античный и средневековой тип. Потребителями на местном рынке являются частично — в виде крупных потребителей — предприниматели, если они, — что, однако, не всегда бывает, — живут в данном городе; частично — в качестве массового потребителя — рабочие и ремесленники; и, наконец, относительно живущие на их счет торговцы и обладатели земельной ренты, опять-таки в качестве крупных потребителей.

Как и *промышленный* город, так же отличен от города-потребителя и *торговый* город. Таковым является город, в котором покупательная способность его крупных потребителей основывается на том, что они или продают в розницу (как, например, торговцы сукном в средние века) иногородние товары, или (как ганзейские купцы) с прибылью вывозят собственные, а также приобретенные у местных производителей товары, или, наконец, приобретают иногородние товары, вывозят их для сбыта немедленно, или образуя местные склады (города посреднической торговли). Чаще всего эти случаи встречаются в смешанном виде; так «com-

menda» и «societas maris» средиземноморских стран⁴ в значительной мере обозначают, что какой-либо «tractator» (разъезжающий купец), закупив на местном рынке товар на предоставленный ему целиком или частично местным капиталистом капитал, и сбыв его на рынках Леванта⁵, закупив там восточные товары, вез их к себе на местный рынок, где, продав их, делил барыши с капиталистом на заранее условленных началах. Таким образом, как покупательная способность, так и налогооблаженная сила торгового города основывается, как и у города-производителя, в противоположность городу-потребителю, на местных *доходных* предприятиях. К этим доходным предприятиям торговцев примыкают экспедиция, транспорт и многочисленные второстепенные разного рода отрасли дохода. Однако, прибыльные обороты происходят в городе только в случае исчерпывающей розничной распродажи на местном рынке, при иногородней же торговле — наоборот, в значительной степени вне его. Нечто по существу аналогичное представляет собой современный город (Лондон, Париж, Берлин), являясь местом пребывания национальных и интернациональных капиталистов, кредиторов и крупных банков или (Дюссельдорф) крупных акционерных предприятий и картелей. Особенно в настоящее время значительные части доходов от предприятий текут в другие места, не оставаясь на месте нахождения предприятия, их давшего. И далее, значительные части этих доходов проживаются их обладателями не в больших городах — месте нахождения предприятий, но вне их: частью в дачных пригородах, чаще в загородных имениях, интернациональных отелях и т. д. Параллельно с этим возникают состоящие почти исключительно из торговых домов «города-сити» (Citystädte) или чаще — отдельные торговые районы города. Здесь не место производить дальнейшую специализацию и вдаваться в казуистику, как то было бы уместно в строго проводимой экономической теории города. Едва ли стоит упомянуть о том, что существующие города почти сплошь представляют собой смешанные типы и поэтому могут быть классифицируемы только согласно преобладающему в каждом отдельном случае экономическому признаку.

Отношение городов к сельскому хозяйству не было однородным. Существовали и существуют «земледельческие города», т. е. места, которые, сильно отличаясь от типичных

деревень в качестве мест рыночной торговли и наличия типично городских ремесл, имеют, однако, значительный слой местных жителей, производящих собственными силами продукты питания в количестве, достаточном не только для собственного пропитания, но даже и для сбыта на сторону. Конечно, как правило, городские жители в противоположность сельским обладают тем меньшей аграрной площадью, чем больше город, а чаще всего и вовсе лишены пастбища и леса. Так, у самого большого немецкого города средневековья, Кёльна, по-видимому, почти совершенно отсутствовала альменда⁶, которую имела любая деревня того времени. Однако другие, как немецкие, так и иностранные средневековые города, имели по крайней мере значительные пастбища и лесные угодья, находившиеся в распоряжении горожан, как таковых. А чем южнее и дальше в древность, тем чаще мы встречаем поля, входящие в состав городской территории. И если мы в наше время правильно назовем типичным «горожанином» человека, который удовлетворяет свои продовольственные потребности не с собственного поля, то для большинства типичных городов древности (poleis) правильным будет как раз обратное. Мы видим, что античный полноправный горожанин в противоположность средневековому первоначально отличался как раз тем, что он обладал земельным участком, клеросом, (в Израиле — chelek), т. е. полным земельным наделом, который его «кормил»; античный полноправный гражданин был «аграрным гражданином».

Особенно часто сельскохозяйственная земельная собственность находилась в руках разных крупных городских корпораций как в средние века — на юге чаще, чем на севере — так и в античные времена — в средневековых и в античных городах-государствах была широко распространена земельная собственность, иногда весьма значительная, находившаяся в руках властей могущественных городов в политической или господской от нее зависимости, или же в господской зависимости от отдельных знатных горожан. Примерами могут служить: херсонесское владение Мильтиада⁷ или политические и помещичьи владения средневековых городских аристократий, как, например, генуэзских Гримальди⁸ в Провансе и за морем. Между тем эти внегородские владения и господские права отдельных горожан обычно не были предметом городской хозяйственной поли-

тики, как таковой, хотя некоторое своеобразное (смешанное) взаимоотношение и возникает в тех случаях, когда господское право обеспечивается городом за единичными почетными горожанами, когда указанное владение приобреталось или отстаивалось при косвенной помощи города, или когда городская власть участвует в экономической или политической эксплуатации этого владения, как это в прошлом бывало часто.

Взаимоотношения города, как средоточия промышленности и торговли, и сельской округи, как поставщика съестных припасов, составляют часть совокупности явлений, которые называли «городским хозяйством» как особую хозяйственную ступень, противопоставляя ее, с одной стороны, «индивидуальному хозяйству», с другой — «народному» или же целому ряду аналогично построенных ступеней. В этом понятии хозяйственно-политические мероприятия мыслятся заодно с чисто хозяйственными категориями. Причина этого заключается в том, что самый факт скученного жительства торговцев и ремесленников и правильное удовлетворение насущных потребностей на рынке *само по себе* не исчерпывает понятия «города». Не городом, а торговыми и ремесленными поселками или «рыночными местечками» называем мы существующие разновидности замкнутых поселений в зависимости от степени удовлетворения собственных потребностей продуктами сельского хозяйства или от степени соотношения между сельскохозяйственным производством и не-сельскохозяйственным, или, наконец, от наличия или отсутствия рынка. То, что город представляет собой не только скопление жилищ, но, кроме того, хозяйственную организацию с собственным землевладением и приходно-расходными операциями, также еще не отличает его от деревни, как бы велико ни было качественное различие. Наконец, не является своеобразным для города и то, что он, по крайней мере в прошлом, был не только хозяйственной организацией но и *регулирующей* хозяйственную организацию. Ибо и деревня знает принудительный севооборот, упорядочение пастбищ, запрет вывоза дерева и смолы и другие подобные формы хозяйственного регулирования, следовательно, также имеет свою хозяйственную *политику*. Своеобразным для городов прошлого был лишь способ, самые объекты и объем этого хозяйственно-политического регулирования со стороны организации. Эта полити-

ка «городского хозяйства» считалась, по крайней мере в значительной части своих мероприятий, с тем фактом, что снабжение большей части городов, расположенных внутри страны, лежало, в силу существовавших условий передвижения, на сельском хозяйстве округа, далее, что именно эта округа была в свою очередь естественным местом сбыта для большей части городских ремесел, и что образовавшийся таким путем естественный местный товарообменный процесс нашел себе пристанище, хотя и не исключительное, особенно для закупки предметов продовольствия, на городском рынке. Хлебная политика Афин и Рима, как городов приморских, составляла исключение. Указанная выше хозяйственная политика города исходила также из того, что большая часть промышленной продукции была технически ремесленным производством, организационно же представляла собой специализированное мелкое производство со слабым капиталом или вовсе без него и с весьма ограниченным числом проходивших долгую учебу подмастерьев. Наконец, экономически производство было работой на заказчика или производством с непосредственным сбытом потребителю. Так называемая политика городского хозяйства отличалась главным образом тем, что путем регулирования она старалась в интересах постоянства и дешевизны питания масс и устойчивости возможностей заработка для ремесленников и торговцев закрепить имевшиеся налицо естественные условия городского хозяйства. Однако, как мы увидим, это хозяйственное регулирование не составляло единственного предмета и смысла городской хозяйственной политики, существовало не всегда, а только в определенные времена политического господства цехов, и, наконец, его нельзя считать обязательной стадией в развитии городов. Во всяком случае, не момент хозяйственной политики характеризует городское хозяйство. Городской рынок со своим обменом между сельскохозяйственными и не-сельскохозяйственными производителями и местными торговцами, основанный на борьбе за покупателя и на мелком, без капитала, производстве, представляет собой некоторую противоположность ойкосной формы хозяйства, лишенного внутреннего обмена и основанного на планомерности работ и податей, на кумуляции и кооперации труда. *Регулированию* условий обмена и производства в городе противостоит для объединенных в ойкосе хозяйств момент *организации*.

Так как при этих наших исследованиях мы должны были говорить о «городской хозяйственной политике» и о «городском округе», о «городской власти», то ясно, что понятие «города» может и должно рассматриваться не только в ряду экономических категорий, а и в ряду понятий *политических*. Носителем городской хозяйственной политики может быть и государь, к области политического владычества которого в качестве объекта принадлежит и город с его жителями. В таком случае политика городского хозяйства — если о ней может быть речь — ведется *для* города и для его обитателей, но *не им* самим. Но и в таком случае город должен рассматриваться, как до некоторой степени автономный союз, «община» с особыми политическими и административными учреждениями. Во всяком случае, необходимо безусловно придерживаться различия между уже разъясненным *экономическим* понятием города и *политически-административным*. Только в последнем смысле к городу принадлежит особая городская территория. В том же смысле городом может считаться и местность, экономически этого имени и не заслуживающая. В средние века существовали в правовом отношении «города», жители которых на девять десятых и более, во всяком случае в значительно большей части, чем очень многие местности, бывшие в правовом отношении «деревнями», обеспечивали себе пропитание продуктами своего хозяйства. Конечно, переход от такого земледельческого города к городу потребителей и городу производителей или к торговому городу весьма незаметен. Во всяком случае, каждая, от деревни в административном отношении отличающаяся и в качестве «города» рассматриваемая населенная местность характеризуется особым способом регулирования отношений владения землей, в отличие от сельского землевладельческого устройства. У городов, в экономическом значении слова, этот способ регулирования обуславливается особым родом основания доходности, которое дается городским землевладением, а именно *домовладением*, при котором остальная земля является только придатком. Административно же особое положение городского землевладения связано прежде всего с изменяющимися принципами налогообложения и, большей частью, с таким решающим для политико-административного понятия города признаком, находящимся совершенно вне чисто экономического анализа, что город в

прошлом — в античности и в средние века, как в Европе, так и за ее пределами, представлял собой своего рода *крепость* и *место пребывания гарнизона*. В настоящее время этот признак совершенно утратил свое значение. Но и в прошлом он существовал не везде; так, например, как правило, он отсутствует в Японии, в связи с чем с точки зрения административной понятно сомнение Ратгена в том, что в Японии вообще существовали «города». Наоборот, в Китае каждый город был опоясан большими стенами. Но там, по-видимому, и очень многие экономически чисто сельские местности, которые и в административном отношении не были городами, т. е. не являлись местопребыванием государственной администрации, — характерная особенность китайского города, — были, по-видимому, издавна окружены стенами. В некоторых средиземноморских областях, например, в Сицилии, был совершенно неизвестен живущий за городскими стенами человек, а также, следовательно, и живущий на обрабатываемой земле сельский рабочий — результат многовекового отсутствия безопасности. В Древней Греции, наоборот, Спарта блистала отсутствием стен и, однако, признак города, как «места гарнизона», особенно подходил к ней: являясь постоянным открытым военным лагерем спартиатов, она отказывалась от стен. И если все еще спорят о том, как долго Афины оставались без стен, то все же в виде акрополя они имели скалистую крепость, какую, за исключением Спарты, имели вероятно все эллинские города, совершенно так же, как и Экбатаны и Персеполис⁹ были царскими крепостями с примыкающими к ним поселениями. Таким образом, как общее правило, понятию восточного, античного и средневекового города присущи крепость или стены.

Город был ни единственной, ни древнейшей крепостью. В спорных пограничных местностях или же при постоянных военных столкновениях укреплялась каждая деревня. Так славянские поселения, национальной формой которых, по-видимому уже очень давно, является одноуличная деревня, по-видимому под давлением постоянной военной опасности, в районах Эльбы и Одера приняли форму окруженного частоколом круга с одним только запирающимся входом, через который скот на ночь сгонялся в середину. В израильских поселениях Восточной Иордании, так же, как и в Германии и во всем мире, были распространены окружен-

ные валом укрепления, куда спасались безоружные жители и загонялся скот. Так называемые «города» Генриха I^ю на востоке Германии были лишь систематическими укреплениями подобного рода. В Англии во времена англосаксов каждому графству принадлежал «бург» (borough), по которому оно получало свое имя, причем несение сторожевой и гарнизонной службы, как наиболее ранняя специфически «городская» повинность, было обязанностью владельцев определенных земельных наделов. В таком случае, если эти бурги в обычное время не были совершенно пусты и имели вознаграждаемую платой или землей стражу (или дружинников) в качестве постоянного гарнизона, то происходит незаметный переход от этого их состояния к англосаксонскому бургу, «городу-гарнизону» в духе теории Мейтленда¹¹, с «burgenses» в качестве жителей. Наименование «burgenses» происходит от того, что их политическое правовое положение, так же как и связанная с ним правовая природа их, т. е. специфически гражданского земле- и домовладения, обусловлено обязательством поддержания и защиты крепости. Исторически, однако, важнейшими предшественниками городской крепости были не огороженные деревни или случайные укрепления, а господский бург, крепость, где жил сеньор и его семья и подчиненными ему слугами, или составлявшими его дружину воинами с их семьями и челядью.

Военное строительство бургов несомненно старше военной колесницы и старше применения для военных целей лошадей. Как в Древнем Китае времен классических песен, в Индии Вед, в Египте и Месопотамии, в Ханаане, в Израиле времен песни Деборы¹², в Греции во времена гомеровского эпоса, у этрусков, кельтов и ирландцев было известно применение на войне колесниц, определившее развитие военного искусства рыцарских и королевских войск, так были повсеместно распространены и строительство бургов и наличие при них владений знатных лиц. Древнеегипетские источники говорят о крепостях и управляющих ими, и можно считать достоверным, что крепостей было столько же, сколько мелких властителей. В Месопотамии, судя по древнейшим источникам, развитию территориальных царств предшествовала оседлая в крепостях княжеская власть, так же как в Западной Индии во времена Вед, в Иране, вероятно, во времена древнейших Гат, во время политического

распада в Северной Индии на Ганге¹³; так, по-видимому, обстояло дело повсюду: владетель такой крепости — старый кшатрий¹⁴, которого источники изображают, как своеобразную фигуру между царем и знатью — он, очевидно, соответствовал князю. В эпоху принятия христианства такие князья существовали в России, как во времена династии Тутмоса¹⁵ — в Сирии или в Израиле в эпоху его союзного строя (Авимелех¹⁶); также древнекитайская литература заставляет предполагать это с достаточной степенью достоверности. Эллинские и малоазиатские морские бурги существовали, наверное, повсеместно, где возникала опасность пиратских нападений. Возникновение критских невооруженных дворов на месте бургов было результатом времени особенно глубокого спокойствия. Такие крепости, как, например, сыгравшая важную роль в пелопонесскую войну Декелея¹⁷, были некогда крепостями знатных родов. Развитие господства политической и самостоятельной знати в средневековье начинается в Италии развитием *castelli* (замков), а развитие самостоятельности вассалов в Северной Европе сопровождается массовой постройкой ими бургов, чрезвычайная важность которых подтверждает Г. фон Белов¹⁸, по которому еще в Новое время индивидуальное право на присутствие в представительных органах в Германии зависело от того, обладал ли род бургом, хотя бы и находящимся в состоянии развалин. Владение бургом обозначало военное господство над округом, и вопрос заключался лишь в том, кто им владел, единолично ли господин бурга или конфедерация рыцарей, или другой какой-либо владелец, который мог положиться на надежность сидящего в бургe своего вассала, министра¹⁹ или военачальника.

Город-крепость в первоначальной стадии своего развития в особое самостоятельное *политическое* образование, был сам бургом, или заключал бург в себе, или же прилегал к нему, причем бург этот был крепостью какого-нибудь короля или господина или союза господ, живших в нем, или державших там вассалов, гарнизон наемников или служилых. В Англии времен англосаксов существовало право иметь в «бурге» «*haw*», т. е. укрепленный дом, право, предоставлявшееся путем привилегии только определенным землевладельцам в округе, так же как в античной и средневековой Италии городской дом знатного человека стоял рядом с его сельским бургом. Все население, территориально

связанное с бургом, или только определенная часть его, обязано было в качестве *burgenses* выполнять для военного господина города определенные военные повинности, как, например, участвовать в постройке и починке стен, нести сторожевую службу и защищать бург. Иногда требовалось нести и другую, более ответственную, службу (например, гонцами) и выполнять различного рода повинности. Поскольку гражданин участвовал в оборонительной организации города, постольку он являлся членом своего сословия. Особенно четко разработал это Мейтленд для Англии: дома «бурга» находятся в руках людей, первой обязанностью которых — в противоположность сельскому населению — является сохранение укреплений. Наряду с безопасностью рынка (*Marktfrieden*), гарантированной королем или сеньором, стоит военная безопасность бурга (*Burgfrieden*). Бург, в котором действовал мир и военно-политический рынок города, как место военных упражнений и собрания войска, а потому и собрания горожан, с одной стороны, а с другой — обладающий миром экономический рынок города нередко сосуществуют друг рядом с другом в пластическом дуализме. Не везде они даже разграничены пространственно. Так, например, и аттический «пникс»²⁰, и более древняя «агора»²¹ первоначально служили, как для экономических операций, так и для политических и религиозных целей. Но в Риме издавна *comitium* и Марсово поле стояли рядом с экономическим *fori*²². В средневековье *Piazza del Campo* в Сиене (место турнира и еще в наше время место скачек) находятся перед муниципальным дворцом, рядом с *mercato* (рынок), расположенным за ним. То же мы наблюдаем и в мусульманских городах: *kasbeh*²³, вооруженный лагерь, хотя и занимающий особое место, находится рядом с базаром; в Южной Индии — аристократическая часть города (политическая) расположена рядом с экономическим городом. Вопрос о взаимоотношении между гарнизоном, жителями укрепленного бурга, выполняющими политические функции, с одной стороны, и занимающимися экономической деятельностью — с другой, является часто весьма сложным, всегда, однако, основным и важнейшим вопросом в истории городского строя. Ясно, что, где есть бург, там добровольно поселяются или привлекаются ремесленники для удовлетворения потребностей господского хозяйства и дружины, что необходимость в продуктах для этого хозяйства

(Konsumkraft), а также оказываемая им защита привлекает торговцев; ясно, что и сам властитель бурга заинтересован в привлечении этих классов общества, так как это влечет за собою увеличение денежных поступлений, достигаемое посредством обложения налогом торговли и промысла, или путем финансового участия в торговле, или путем собственной торговли, даже с монополизацией ее; ясно, наконец, что в прибрежных бургах господин в качестве судовладельца или хозяина гавани может участвовать в доходах, добываемых мирным или насильственным путем с моря. Теми же правами обладают вассалы сеньора и его дружина, живущие с ним в одной местности; господин предоставляет их им или добровольно, или вследствие своей зависимости от них. В древнегреческих городах, как в Кирене, на вазах встречаются изображения царя, присутствующего при взвешивании товаров (silphion); в ранних исторических источниках Египта говорится о торговом флоте фараона Нижнего Египта. Почти везде в приморских местностях, хотя и не исключительно в них (и не только в городах), там, где можно было с легкостью установить контроль над торговлей, замечался следующий процесс: рядом с монопольным правом военачальника или князя росло у местных представителей класса воинов стремление к праву участия в прибылях от этой торговли, и, в случае наличия достаточной силы закрепить за собою это право, вело к уничтожению монополии князя (если он вообще ею обладал). Как только это случалось, сила князя значительно ограничивалась, права его урезывались, и он сперва довольствовался местом *primus inter pares*²⁴, избираемого часто лишь на короткое время, под конец делался равноправным членом в кругу землевладельческих местных городских родов, участвуя или капиталом в мирной торговле — особенно в средние века — или лично в морских грабежах и войнах. То же явление наблюдается и в античных приморских городах со времен Гомера и находит отражение в известном постепенном переходе к городской ежегодно избираемой магистратуре, наблюдается многократно и в начале средних веков, как, например, в Венеции, в отношении института дождей²⁵ и в других типичных торговых городах с изменением лишь фронта в этой борьбе, направленной против королевского наместника — графа, вицеграфа или епископа — вообще лица, стоявшего во главе города. При этом надо принципи-

ально различать два класса, несмотря на то, что они в действительности часто переходили один в другой; а именно класс городских капиталистических участников торговли, тех, кто кредитовал торговлю, типичных представителей знатных родов города, как древнего мира, так и средних веков, и класс местных или переселившихся в город торговцев в собственном смысле этого слова. Мы вернемся, однако, к этому в дальнейшем изложении.

Местом аналогичного процесса в странах, лежащих внутри материка, могут явиться верховья и устья рек, а также перекрестки речных и караванных путей (как, например, Вавилон). При этом светского господина бурга или города заменяет иногда священнослужитель храма или духовный глава города, так как окрестности храмов богов, пользовавшихся широкой известностью, давали межэтнической, а следовательно политически незащищенной торговле священное покровительство, что влекло за собою образование населенных мест городского типа, которые экономически поддерживались сборами на храм, так же как княжеские — данью князю.

В каждом отдельном случае различие заключалось в том, в интересах ли князя было предоставлять за деньги привилегии на торговлю и на производство ремесленникам и торговцам, независимым от его двора, и только обложенным пошлиной, или же, наоборот, преобладал его интерес в удовлетворении хозяйственных потребностей по возможности при помощи собственной рабочей силы и монополизации торговли. При привлечении путем привилегий чужих, господину приходилось, в разной степени, конечно, считаться и с интересами уже зависимого от него в политическом и чисто правовом смысле местного населения в их важной для него способности нести повинности. Ко всем этим особенностям возможного развития присоединяется также и весьма различная *военно-политическая* структура той господской организации, в пределах которой происходило основание или самое развитие города. Поэтому мы должны рассмотреть вытекающие отсюда следующие главные противоположности развития родов.

Не каждый «город» в экономическом смысле и не каждая крепость, где действовало особое административно-политическое право жителей, были «общиной». Городская община в полном смысле этого слова, как массовое явление,

известна лишь Западу и лишь отчасти, временами Передней Азии (Сирии, Финикии, может быть Месопотамии). Ибо для этого были необходимы поселения с достаточно сильно выраженным торгово-промышленным характером при наличии следующих признаков: 1) укрепления, 2) рынка, 3) собственного суда и, по крайней мере, частично, собственного права, 4) характера корпоративности и связанной с этим, 5) по крайней мере частично, автономии или автокефалии, т. е. управления при помощи аппарата, в создании которого так или иначе участвовали горожане. Такие права в прошлом обычно выливались в форму *сословных привилегий*. Носителем их являлось особое *сословие* горожан (граждан), являвшееся таким образом характерной особенностью города в политическом отношении. В полном объеме указанными признаками «городских общин» обладали далеко не все города средневекового Запада и лишь очень незначительная часть в XVIII в. Что касается городов Азии, то, насколько это в настоящее время известно, они, за возможными единичными исключениями, вовсе не были «городскими общинами» или только отчасти отвечали этим требованиям²⁶. Рынки все же были там повсюду, и крепостями они также являлись. Китайские крупные промышленные и торговые центры, в противоположность японским, были все укреплены, мелкие — большей частью также. То же надлежит заметить и про египетские, переднеазиатские и индийские центры торговли и промышленности. Нередко в этих странах они составляли и особые судебные округа. В Китае, Египте, Передней Азии и Индии они были в то же время местопребыванием крупных политических объединений, в то время как в городах Запада в начале средних веков этот характернейший признак отсутствует. Особого имущественного или процессуального права, равно как и автономного, специально для горожан, как таковых, суда в Азии известно не было. Там знали его лишь постольку, поскольку гильдии и (в Индии) касты, имевшие фактически свое местопребывание преимущественно в городах, обладали особыми правовыми организациями и особыми судами. Но в *правовом* отношении пребывание этих корпораций в городах носило случайный характер. Автономное управление и, что важнее всего, *корпоративный* характер города и понятие горожанина в противоположность селянину были им или совершенно неизвестны или известны

лишь частично и то в виде слабых намеков. Китайский городской житель в правовом отношении был связан со своим родом, а через него со своим родным селом, в котором находился храм его предков и с которым он старательно поддерживал тесное единение, так же как и находящийся на отхожих промыслах в городе русский сельский житель оставался в правовом отношении «крестьянином». Городской житель Индии кроме того был членом своей касты. Обычно городские жители были членами и местных профессиональных союзов, гильдий и цехов специфически городского происхождения. Наконец, они принадлежали в качестве членов и к мелким административным делениям городского управления: частям города или кварталам, на которые делился город и в которых они имели определенные обязанности, а иногда и права. Такая часть города или квартал могла нести коллективную ответственность за поддержание общественной безопасности или исполнение других полицейских мер. На этом основании городские кварталы могли объединяться в общины с выборной администрацией или наследственными старейшинами, как, например, в Японии, где над квартальными объединениями с их самоуправлением стояли, в качестве высшей инстанции, один или несколько органов гражданского управления (Mashi-Bugyo). *Городского гражданского права* в античном или средневековом смысле не существовало, и корпоративный характер города, как такового, был неизвестен. Город, как целое, был самостоятельным округом административного управления, так же как это имело место при Меровингах и Каролингах²⁷. Однако, автономия — в отличие от античности и средневековья на Западе — и участие жителей в управлении местными делами города, т. е. сравнительно большой территории с торгово-промышленным характером, были развиты не сильнее, чем вне города, а скорее даже слабее. Союз старейшин был, например, в китайской деревне, во многих отношениях почти всемогущ и постольку и даю фактически приходилось сотрудничать с ними, хотя право об этом и умалчивало. Сельская община Индии и русский «мир» имели весьма широкие правомочия, которые они и проявляли фактически почти автономно до самого последнего времени: в России — до бюрократизации при Александре III²⁸. На всем Ближнем Востоке «старейшины» (в Израиле — «sekenim»), вначале старейшины в роде, поз-

же — главы аристократических родов, были представителями и управителями местностей и местных судов. В азиатском городе, как в постоянном местопребывании высшей администрации или правителя страны, не было ничего подобного, так как он находился непосредственно под надзором его личной охраны. Город был *крепостью* правителя и управлялся поэтому его должностными лицами (в Израиле — *sarim*) и офицерами, обладавшими также и судебной властью. В Израиле в царский период можно легко проследить дуализм чиновников и старейшин. В бюрократическом государстве побеждал всегда королевский чиновник. Конечно, он был не всемогущ и нередко должен был считаться в значительной мере с настроением населения. Китайский чиновник был обычно совершенно бессилён перед местными корпорациями, родами и профессиональными союзами и при серьезном и общем противостоянии терял свою должность. Обструкции, бойкот, закрытие лавок и забастовки ремесленников и торговцев в случаях конкретного притеснения были обычным явлением и ограничивали власть чиновников. Но границы ее были совершенно неопределенного характера. С другой стороны, в Китае и в Индии мы встречаем определенные компетенции *гильдий* или других профессиональных союзов, или же, по крайней мере, фактическую необходимость для чиновников входить с ними в соглашения. Случалось, что главы этих корпораций принудительно подчиняли своей власти третьих лиц. При всем этом, однако, обычно дело касалось исключительно компетенции или фактической силы отдельных определенных союзов в отдельных определенных вопросах, которые затрагивали конкретные интересы данной группы. Как правило, объединений с представительством от горожан, как таковых, не встречается; даже самого понятия об этом не существует. Прежде всего, отсутствуют специфические особенности горожан, как *сословия*. Ничего не наблюдается в этом отношении в Китае, Японии и Индии и имеются лишь намеки в Передней Азии.

В Японии разделение на сословия было чисто феодальным: конным (самураи) и пешим (кази) министериялам противопоставлялись крестьяне (но) и частично объединенные в профессиональные союзы купцы и ремесленники. Но понятия «совокупность горожан» не существовало, так же как и понятия «городской общины». В Китае во времена

феодализма положение было таким же, но со времен установления господства бюрократии, сдавшие экзамен образованные различных степеней противопоставляются необразованным; наряду с ними появляются наделенные всякими экономическими привилегиями гильдии купцов и профессиональные союзы ремесленников. Но понятия «городской общины» и «городского сословия» (горожан) отсутствуют и там. В Китае и Японии «самоуправление» имели профессиональные союзы и деревни, но не города. В Китае город был крепостью и резиденцией центральных учреждений; в Японии в этом смысле «городов» не было совсем. В Индии города были резиденцией царя и правительственных учреждений, крепостью и рынком. Также существуют купеческие гильдии и, кроме того, автономные, с собственным законодательством и судом, касты, в значительной мере совпадающие с профессиональными союзами. Но расчленение индийского общества на наследственные касты с ритуальным их разграничением на профессии исключает как возможность образования особого «городского сословия», так и «городской общины». Как раньше, так и теперь существует много каст торговцев и очень много каст ремесленников с массой подкаст. Но было бы неправильно отождествлять их совокупность с сословием горожан Запада, так как рознь между отдельными кастами мешала какому бы то ни было между ними сближению и образованию даже подобия средневекового цехового города. Тем не менее, во времена великих религиозно-освободительных движений гильдии во главе с их наследственными старейшинами (schreschths) во многих городах объединялись в одну корпорацию и до сих пор еще сохранились некоторые города (например, Аллахабад) с должностью общего городского «шрешта», соответствующей западноевропейскому бургомистру. Во времена до великих бюрократических царств существовало несколько городов, которые, будучи политически автономными, управлялись особого рода патрициатом, образованным из родов, поставлявшим в войско слонов. Но затем это совершенно исчезло. Победа ритуального отчуждения каст розни разрушила корпоративность гильдий, и бюрократия в союзе с брахманами совершенно уничтожила даже намеки на них, за исключением некоторых остатков в северо-западной части Индии.

В азиатской и египетской древности города были крепостями и резиденциями царя или вообще административной власти с рыночными царскими привилегиями. Но во времена господства великих царств города не имели ни автономии, ни общинного строя, ни привилегированного сословия горожан. В Египте времен Среднего царства²⁹ существовал должностной феодализм, в Новом царстве — бюрократическое управление писцов. «Городские привилегии» предоставлялись феодальным или духовным носителям административной власти в соответствующих местностях (как старые епископальные привилегии в Германии), а не автономному населению какого-либо города. По крайней мере, до сих пор не удалось доказать существования каких-либо намеков на «городской патрициат». В Месопотамии и в Сирии, и прежде всего в Финикии, мы встречаем в раннюю эпоху типичный «город-государство» духовного или светского характера в торговых центрах на морских и караванных путях, а также не менее типичную растущую мощь патрицианских фамилий в «городском доме» («bitu» в таблицах Тель эль Амарны³⁰) времен сражений на колесницах. Ханаанский союз городов был объединением городского, имевшего боевые колесницы, рыцарства, державшего, подобно древнеэллинскому полису, в рабстве крестьян и ремесленников. Таковы же, очевидно, и королевские грамоты свобод и освобождения от повинностей главных городов в Месопотамии, где «патриций», т. е. землевладелец, экономически независимый полноправный гражданин, отличался от крестьянина. Но с ростом военных царств это исчезло и здесь. Политически автономные города и городское сословие, подобно западному, в Месопотамии отсутствуют также, как и особое городское право при наличии царских законов. Лишь финикийцы сохранили «город-государство» с господством землевладельческого патрициата, участвовавшего своим капиталом в торговле. Монеты времен сам Зог, сам Karthechdeschoth в Тире и Карфагене³¹ вряд ли указывают на господство «демоса», или относятся к более позднему времени. В Израиле Иудея³² превратилась в город-государство, однако старейшины (sekenim), руководившие первоначально в качестве глав патрицианских родов городским управлением, во времена царей утратили свое значение; царскими приближенными и солдатами сделались «всадники»

(gibborim), и в больших городах, в противоположность сельским местностям, стали управлять царские чиновники (sagin). И только после пленения на религиозной почве возникает в качестве института «община» (kahal) или корпорация (sheber), однако, под господством родов священников.

Все же именно здесь, на побережье Средиземного моря и на берегах Евфрата, встречаются впервые точные подобию античного полиса, примерно в той стадии, в которой находился Рим во времена рецепции рода Клавдиев³³ (gens Claudia). В городах господствует местный патрициат, власть которого основывается, в экономическом отношении, на торговом капитале и земельной собственности с рабами, в военном же — на постоянных воинских упражнениях. Находясь нередко в состоянии взаимной вражды, при постоянной угрозе тирании со стороны военачальников, опирающихся на наемную охрану (Авимелех, Иеффай, Давид³⁴), этот патрициат однако был сохранял межрегиональные связи и союзы, имея царя в качестве primus inter pares или же sekenim во главе, подобно римской знати с ее консулами. До эллинистической эпохи эта стадия не была пройдена, по крайней мере нигде не существовала длительное время.

Она была, очевидно, господствующей в городах арабского побережья времен Магомета и продолжала оставаться в исламских городах, за исключением тех из них, где, как например, в крупных государствах, автономия города и патрициат оказались совершенно уничтоженными. Нередко, однако, антично-восточное положение вещей продолжается, по-видимому, и при господстве ислама. В таких случаях создавались гибкие взаимоотношения автономности между городскими родами и княжескими чиновниками. Мощественное положение городских родов, основанное отчасти на возможности разбогатеть в городе, главным же образом на богатстве, состоявшем в земельной собственности и в рабах, было причиной того, что государям и их чиновникам приходилось считаться при проведении их мероприятий с этими родами, хотя бы и без формально правового признания их, подобно тому, как китайский даодай считался с обструкцией сельских старейшин, купеческих корпораций или городских профессиональных организаций. При этом город далеко не всегда представлял собою самостоятельное замкнутое объединение. Часто — наоборот. Арабские города, например, Мекка, еще в средние века и

почти до настоящего времени, представляют собою типичную картину родового поселения. Так, город Мекка, как это наглядно изобразил Снук Хюргроньес, был окружен «bilad'ами» — господскими земельными владениями отдельных «dewis», т. е. разных, ведущих свое происхождение от Али, хасанидских и других знатных родов³⁶, причем, хотя эта земля и была занята крестьянами, клиентами и состоящим под покровительством этих «dewis» бедуинами, «bilad'ы» находились в общинном пользовании. «Dewi» был каждый род, в котором кто-либо когда-либо был «шерифом»³⁶. Со своей стороны, должность шерифа с 1200 г. принадлежала идущему от Али роду Катадаха, и хотя он должен был официально назначаться наместником халифа (бывшего нередко несвободным — при Гарун-ар-Рашиде³⁷, например, берберским рабом), однако фактически избирался жившими в Мекке главами «dewi» из среды местной знати. Вследствие этого, а также и потому, что жительство в Мекке давало возможность участия в эксплуатации паломников, родовые старейшины (эмиры) жили в городе. Между ними существовали «связи», т. е. взаимные договоры о соблюдении мира и сговор о порядке дележа доходов. Однако эти связи могли в любой момент быть расторгнуты, что влекло за собой начало вражды, как в городе, так и вне его, при участии отрядов, состоявших из рабов. Победенным приходилось покидать город; однако, в силу общих интересов у враждовавших родов против внегородского населения, соблюдался, под угрозой оставления победителей даже их сторонников, традиционный обычай: щадить жизни и имущество семей и клиентуры изгнанных. В городе Мекке в качестве официальной власти существовали в новое время: 1) введенный турками, но существующий только на бумаге, коллегияльный орган управления (меджлис), 2) в виде действительного представителя власти — турецкий губернатор, замещающий теперь «патрона», которым раньше бывал преимущественно владыка Египта, 3) четыре кади правоверных обрядов, назначаемые шерифами или предлагаемые «патроном» из среды наиболее родовитых жителей Мекки, причем знатнейший из них (шафиитский³⁸) — в течение столетий из одной семьи, 4) шериф, являющийся одновременно главой городской знати, 5) цехи — преимущественно проводников, а затем мясных и хлебных торговцев и прочих, 6) городские кварталы с их старейшинами.

Эти органы власти конкурировали между собой без особых разграничений взаимных компетенций. Обиженный обычно искал защиты у той власти, которая казалась ему наиболее подходящей и для обидчика самой неудобной. Наместник не мог препятствовать тому, чтобы обращались за содействием к кади, конкурирующему с ним в делах, касающихся религиозного права. Шериф был для туземцев олицетворением власти. С его благоусмотрением приходилось считаться губернатору во всем, что касалось бедуинов и паломнических караванов; также влиятельной была и корпорация знати, как в Мекке, так и в других арабских городах. Нечто, напоминающее развитие западноевропейских отношений проявлялось в том, что в IX в., при борьбе Тулунидов и Саффаридов³⁹, в Мекке решающей оказалась позиция, занимаемая наиболее богатыми цехами мясных и хлебных торговцев, между тем как во времена Мухаммеда в политическом и военном отношении решающей явилась бы позиция только знатных курейшитских родов⁴⁰. Однако управление цехов никогда не возникало; отряды рабов, подкармливаемые доходами городской знати, обеспечивали за нею решающее значение так же, как и в итальянских городах западноевропейского средневековья фактическое правление постоянно переходило в руки рыцарских родов, как носителей военной власти. В Мекке отсутствовала какая бы то ни было объединяющая город в одну корпоративную единицу организация, и в этом характерное ее отличие, как от синойкосного полиса⁴¹ античности, так и от «коммуны» раннего итальянского Средневековья. В остальном же мы имеем полное основание считать эти арабские порядки типичными и для других городов, особенно западных приморских торговых портов, для времени до возникновения городских общин и оставляя в стороне упомянутые специфически мусульманские черты или же транспонируя их в христианские.

Поскольку есть точные данные об азиатских и восточных поселениях, имевших экономический характер городов, нормальным состоянием их приходится считать следующее: субъектами корпоративной деятельности являются не городские поселения как таковые, а только родовые союзы и, при случае, наряду с ними, профессиональные корпорации. Конечно, и здесь переходы текучи. Это наблюдается в самых крупных центрах с сотнями тысяч и даже

миллионом жителей. В византийском Константинополе в средние века представителями партийных группировок, одновременно финансировавшими цирковые представления (как еще в Сиене — скачки), были представители *городских кварталов*. Из этого чисто локального расчленения города возникло и известное «Ника» — восстание при Юстиниане⁴². Также и в средневековом Константинополе времен исламского господства, вплоть до XIX в., отсутствует городское представительство и, наоборот, наряду с чисто военными корпорациями янычар и «сипахов»⁴³, религиозными организациями улемов и дервишей⁴⁴ встречаются только купеческие гильдии или цехи в качестве представителей интересов горожан. Нечто подобное было и в поздневизантийской Александрии, поскольку, наряду с конкурировавшими между собою силами патриарха, опирающегося на очень влиятельных монахов, и наместника, у которого был в распоряжении маленький гарнизон, существовали, очевидно, только милиции отдельных кварталов, в пределах которых верховодили соперничавшие друг с другом цирковые партии «зеленых» и «голубых».

II

ЗАПАДНЫЙ ГОРОД

Полной противоположностью азиатскому городу является развитие города средневекового Запада, особенно в районах севернее Альп, т. е. там, где развитие носит идеально-типический характер в чистом виде. Подобно азиатскому и восточному городу, он был и местом рынка, и средоточием торговли и промышленности, и крепостью. И здесь, и там мы видим купеческие гильдии и ремесленные цехи, создававшие для своих членов определенную автономию. Как античный, так и средневековой город на Западе также заключал в себе господские двory с барщиной и фамильные гнезда, обладавшие большой земельной собственностью, как вне города, так и в нем, притом увеличивавшейся за счет доходов от участия знатных родов в городских деловых предприятиях. Город на средневековом Западе также видел в своих стенах различных покровителей и должностных лиц разных политических властителей. Так же отличалось в разных видах и городское земельное право от земельного права в сельских местностях. Существенной, почти всегда, по крайней мере для средневекового города на Западе, неизменной характерной чертой в земельном праве города и сельской местности были: для города — безусловное право продажи, отсутствие обложения или, в крайнем случае, неменяющийся налог и право наследования; для внегородских земель — господская или несвободная крестьянская земля, зависящая от сельской или рыночной общины или связанная повинностями по отношению к ним. Этой все же относительной разнице в земельном праве горожан и сельских жителей соответствовала абсолютная противоположность в их личном правовом положении.

В раннем Средневековье и в античности, в Передней Азии и на Дальнем Востоке — везде город был селением с на-

столько антисанитарными условиями жизни низших слоев, что развитие его происходило исключительно благодаря притоку населения извне из сельских местностей. Везде поэтому мы наблюдаем в нем крайнее классовое разнообразие: в Восточной Азии дипломированные должностные лица и мандарины встречаются наряду с презираемым безграмотным простонародьем и с людьми нечистых профессий; в Индии — всевозможные касты; в Передней Азии и в античности — разного рода родовые организации наряду с безземельными ремесленниками; в городе раннего средневековья — вольноотпущенники, зависимые люди и рабы наряду с крупной земельной знатью и их должностными лицами и служилыми людьми, министерялами, наемниками, священниками и монахами. Иногда господские дворы располагались в городе, а иногда вся область города в целом входил в состав владения вотчинника; в пределах города починка и охрана его стен поручалась или бургманнам, или имевшим известные права привилегированным жителям. Наиболее острые классовые различия разделяли население города средиземноморской античности; хотя и в меньшей степени, это наблюдается и в раннем средневековье, а в России — почти до настоящего времени, т. е. даже после отмены крепостного права. Так, например, живущий в городе крестьянин сохраняет поземельную повинность деревне и может быть путем отобрания паспорта в любое время принужден миром к возвращению. Сословное расслоение внегородских элементов в пределах города в разных местах, конечно, было различным. В Индии, например, образование каст явилось результатом возникновения особых специально городских отношений, так что касты если и не в правовом отношении, то фактически оказались типичными для города. В Передней Азии, в античности и в раннее средневековье, а также в России до отмены крепостного права широкие массы крепостных или зависимых, хотя и не принуждаемые к тому законом, фактически все же платили своему господину оброк, в остальном же представляли собой экономически самостоятельный класс мелких горожан или входили в него составной частью наряду с юридически свободными мелкими горожанами. Именно потому, что город был рынком с возможностью постоянного заработка для ремесленников и торговцев, многие владельцы, не используя своих зависимых людей и рабов в собст-

венных хозяйствах и предприятиях, обучали их ремеслам и, снабдив иногда инструментами, отпускали в город на заработки ремеслом или мелочной торговлей, взимая с них подушную подать и составляя себе этим статьи дохода. Поэтому на общественных постройках в Афинах мы обнаруживаем рабов и свободных в общей группе платных рабочих. В Риме ремеслами и мелкой торговлей, наряду со свободными, занимались и несвободные в качестве разносчиков, торгующих товарами хозяина, фактически же будучи самостоятельными мелкими горожанами и принадлежа вместе со свободными к одним и тем же ритуальным общинам. Возможность выкупиться на свободу и стремление к этому повышали экономическую производительность несвободных мелких горожан и потому не случайно то обстоятельство, что, как в античности, так и в России, большая часть первых состояний, приобретенных путем планомерной длительной деятельности в области ремесла или торговли, сосредоточилась именно в руках вольноотпущенников.

Таким образом, западный город как в древности, так и в России, был тем местом, где совершался *переход из несвободного в свободное состояние*, благодаря возможности дохода, предоставляемой денежным хозяйством. То же самое, даже в значительно большей степени можно сказать про средневековый город, особенно если он находился внутри страны, и чем длительнее была эта деятельность, тем несомненное совершался этот переход, потому что здесь, в отличие почти от всех других известных нам процессов развития, городское население вело вполне сознательно на то направленную сословную *политику*. В раннюю пору развития этих городов при широкой возможности заработка, все жители его были заинтересованы в том, чтобы использовать эту политику, расширив шансы на доход каждого горожанина, путем облегчения притока извне. Вследствие этого все были заинтересованы также и в том, чтобы господин не отзывал своего только что разбогатевшего в городе крепостного под предлогом поставить его в ряды домашней прислуги или конюхов, а зачастую лишь для того, чтобы заставить этим крепостного выкупиться на волю. Это практиковалось дворянством Силезии зачастую еще в XVIII в., а в России — в XIX в. Поэтому городское население начинает нарушать господские права, что было самым великим революционным новшеством средневековых западноевропей-

ских городов в сравнении с остальными. В городах Северной и Центральной Европы возник известный принцип: «городской воздух делает свободным», потому что по прошествии разного, но в общем всегда короткого, времени господин терял право *собственности* на своего крепостного или раба. Степень потери этого права была весьма различна. Очень часто, в свою очередь, города должны были отказываться от принятия несвободных; впрочем, это ограничение по мере ухудшения положения с продовольствием условно соответствовало городским интересам. Однако, как правило, этот принцип сохранял свою силу. Таким образом, словесные различия в городе исчезали — по крайней мере постольку, поскольку они касались обычного понятия свободы и несвободы. С другой стороны, в многочисленных городских поселениях, основывавшихся первоначально на политическом равноправии поселенцев и на свободном выборе городских должностных лиц, развился на севере Европы особый слой знати, которая, благодаря своей экономической независимости и силе, монополизировала право на должности в городском совете. Далее мы находим в целом ряде городов, как в южных, так и некоторых богатых северных (в том числе немецких), в древности и позже — классовые разделения на 1) «всадников», т. е. людей, имевших конюшни (тогда — для турниров, теперь бы мы сказали — «беговые» конюшни), 2) специфически городскую знать (*constaffeln*) и 3) простых горожан. Наряду с этим наблюдается и другой путь развития, усиливавший общность горожан как таковых, независимо от их сословных различий, в противоположность внегородской знати. По крайней мере, в Северной Европе к концу Средневековья сельская рыцарская знать перестало признавать равноценность городского патрициата, особенно за участие его в разного рода доходных предприятиях и за участие в заседаниях городских органах управления наряду с представителями цехов; за патрициатом не признавалось право участвовать в турнирах, основывать монастыри, вступать в брак с представителями рыцарских сословий и получать лен (в Германии последнее не распространялось иногда только на привилегированных бюргеров имперских городов). Из двух наблюдавшихся в городе тенденций: к сравнительному уравниванию сословий и, наоборот, к усилению их дифференциации, одержала верх последняя. Так, к концу Средневековья и в нача-

ле Нового времени почти во всех городах, французских, английских, немецких и итальянских, если они не превратились в монархические города-государства, как некоторые города Италии, управляют патрицианские городские советы или иные городские корпорации, исключавшие проникновение в них извне. Эта власть городской знати наблюдается даже там, где еще сохранилось со времен господства цехов обязательное условие хотя бы формально принадлежать к одному из цехов.

Разрыв сословной связи с внегородской знатью наблюдается преимущество в городских корпорациях Северной Европы, между тем как на юге, особенно в Италии, с ростом городского могущества почти вся знать переместилась в города, как это в значительно большем масштабе наблюдалось в древности, когда города собственно и возникали в виде постоянного местопребывания знати. Таким образом, города античности и средневековой Южной Европы являются в некотором роде переходным типом от городов Азии к североевропейским.

Еще одним и решающим признаком античного и средневекового города является то, что эти города представляли собой *общественную организацию официального характера*, союз «горожан» как таковых, подчиненных одному, *общему* для всех них *праву* и являющихся, следовательно, в классовом отношении «товарищами по праву». Эта сословная особенность «полиса» или «коммуны» существовала, насколько известно, в других областях права (за исключением средиземноморского и западного) лишь в начатках. Ее, пожалуй, можно встретить в Месопотамии, Финикии и в Палестине времен борьбы израильского союза против ханаанской городской знати, а также, может быть, еще в некоторых приморских городах других областей и времен. Так, например, в городах негров-фанги, описанных Крейшханком (Cruickshank), а затем и Постом, существовал «совет» под председательством властителя города, как *primus inter pares*. Членами этого совета были: 1) «кабофиры», главы выделяющихся своим достатком и широким гостеприимством родов; 2) выборные представители городских кварталов, как военных организаций, друг от друга независимых, имеющих каждый свое устройство и нередко даже враждовавших между собой; наконец 3) «пинины», наследственные полицейские чины, в руках которых находился

суд и управление отдельных городских кварталов. Подобные зачатки правовой организации полиса или коммуны, вероятно, нередко можно было встретить в Азии и Африке; но ничего не известно о наличии там особого сословного «права городского гражданства».

Наоборот, и развитой античный полис, и средневековый город представляли собой прежде всего союз, основанный на *братстве*, соответствующим религиозным символом которого служил в глазах горожан городской бог или святой. Правда, таковой встречается и в Китае (нередко какой-нибудь обожествленный мандарин). Но в Китае он сохранял характер лишь функционального божества в пантеоне. Городская общинная организация Запада обладала и *собственностью*, которой управляли ее органы. Известный спор Алидов с городской общиной из-за «садов Фадака», бывший, между прочим, экономическим поводом отпадения ши'а¹, был спором о собственности родовой или общинной, причем общиной, от имени которой выступали представители халифов, являлась не политическая «община» города Мекки, не существовавшая вовсе, а вообще религиозная община ислама. Вероятно, для городских поселений, так же как и для сельских общин, существовали и общинные угодья (альменды). У князей были и специальные городские источники налогов, но о финансовом хозяйстве городской общины, подобном городам древности или Средневековья, ничего определенного не известно.

Общей особенностью средиземноморских городов, в отличие от азиатских, было отсутствие в них анимистически-магических кастового и племенного ограничений свободы городского населения путем разных «табу». В Китае всякая попытка к гражданскому объединению горожан на почве сакрального или разных форм общегражданского правового равенства встречала препятствие в виде экзогамической и эндофратрической принадлежности к роду²; в Индии со времени победы патримониальных правителей и брахманов, кроме того, и в виде эндогамной и табуистически замкнутой касты; причем в Индии эта кастовая замкнутость проявляется много сильнее чем в Китае, счасти благодаря тому, что в Китае города имеют большее значение, чем в Индии, где до 90% населения является в правовом отношении сельским. Обитатели индийского города не могут принимать участия в общих культовых трапезах, жи-

тели же китайского города, при наличии родовой организации и при преобладающем значении культа предков, не имеют для этого и повода. У индийцев даже взгляд, брошенный в кухню человеком, принадлежащим к другой касте, считается оскверняющим. Еще в античности сакральные действия рода были так же недоступны чужому, как и китайский культ предков. Однако уже в античном «полисе» результатом объединения отдельных городских родов с общностью трапезы в каждом из них явился общегородской пританей³, как символ застольного единения отдельных городских родов в результате их братского объединения. Античные города были в их собственном представлении добровольными объединениями и конфедерациями личных союзов — частично родового, частично, как было, вероятно, во фратриях⁴ — первоначально военного оттенка. Поэтому античные города и были сакрально нетерпимыми не только ко всем стоявшим вне города, но и внутри города к каждому, не принадлежавшему к одному из родов конфедерации, например, к плебеям. Этот характер знатно-родовой конфедеративности наблюдается и в средневековых южноевропейских, преимущественно приморских городах, но и не только в них. Каждый знатный род имел в пределах городских стен собственную крепость, личную или сообща с другими родами, в этом случае (как, например, в Сиене) право пользования тщательно регулировалось. Вражда между родами свирепствовала в пределах города не менее жестоко, чем вне его стен, и многие старинные деления города (например, на «alberghi») были, по-видимому, делениями на феодально-правовые районы. Но, что чрезвычайно важно, здесь уже совершенно отсутствовала взаимная родовая сакральная замкнутость — результат исторически важного процесса, правильно отмеченного апостолом Павлом в его «Послании к галатам»⁵, в котором он рассказывает, как апостол Петр в Антиохии совершал совместную трапезу с необрезанными. Эта ритуальная замкнутость почти совершенно исчезла уже в городах античности. Безродный плебс в принципе добился ритуального равенства. В средневековых городах, преимущественно в Центральной и Северной Европе, ослабление этой ритуальной стороны наблюдалось с самого начала, и роды скоро потеряли значение конституирующего город элемента. Таковым становится конфедерация отдельных горожан (отцов семейств), так что принад-

лежность горожанина к какому-либо внегородскому объединению имела мало практического значения по сравнению с городской общиной. Уже в глазах античного гражданина полис был прежде всего организованной «общиной». Так в процессе включения античного полиса в эллинистическое или римское государство и в противоположность этому «государству», отнявшему его политическую независимость, окончательно создавалось понятие городской «общины». Наоборот, средневековый город был «коммуной» с самого начала, независимо от того, насколько ясно первоначально сознавалось правовое понятие «корпорации».

На Западе не было ограничений вроде индийско-экваториальных табу, как и всяких других тотемических ограничений (культ предков) и кастовых магических рамок родовых союзов, служивших в Азии помехой к образованию тесной и единой организации. Последовательный тотемизм и казуистическое проведение родовой экзогамии возникли, и, вероятно, сравнительно поздно, как раз там, где дело никогда не доходило до значительных военно-политических и, прежде всего, городских образований. Античные религии указывают только на следы этого. О причинах этого, поскольку они были не внутренне религиозного характера, можно только догадываться. Самый образ жизни, беспокойный, вечно подвижный, заморские вторжения и морские грабежи раннего времени, военные авантюры и массовое возникновение новых колоний создавали новые длительные союзы между племенами и родами до тех пор совершенно чуждыми и были, очевидно, причиной подрыва прочности первоначальных религиозно-магических родовых связей. И если в античности предпринимались, в духе старой традиции, попытки искусственного их воссоздания путем деления новооснованных общин на родовые союзы и фратрии, то основной единицей был уже не родовой, а военный союз полиса. Многовековые передвижения завоевательных военных союзов германцев до и во время великого переселения народов, их странствия и походы с выборными князьями во главе также служили препятствием к возникновению ограничительных табуистических и тотемических связей. И сколько ни пытаться производить деление древнегерманских поселений на реальные или фиктивные роды, решающими останутся: имущественный и военный союз сотни, наделное земельное устройство как основание нало-

говой системы и, наконец, отношение к князю, дружина и вассалитет. Именно эти обстоятельства, по-видимому, препятствовали возникновению магической родовой связи. Христианство же, ставшее религией всех этих глубоко в своих традициях потрясенных народов, может быть, именно благодаря отмеченной слабости или совершенному отсутствию магических, табуических ограничений, обесценивало и окончательно уничтожало всякое религиозное значение родовых связей. Разрыв родовых связей был одним из многочисленных симптомов влияния христианской религии, способствовавших образованию средневекового города, наряду с той существенной ролью, которую играла церковная община в организации церковного управления городов. Наоборот, ислам, оставаясь прежде всего религией войска завоевателей, разделенного на племена и роды, не преодолел замкнутость арабских племен и родовые связи, что доказывает вся история внутренних конфликтов старого халифата.

Поясним еще раз, в чем заключается практическая разница. Во всем мире город был в большой мере местом жительства людей, бывших до того *территориально чуждыми* друг другу. И китайский, и месопотамский, и египетский, и, при случае, даже эллинистический военачальник основывает город или перемещает его, населяя его теми, кто добровольно готов стать его жителями, или принудительно, посредством разбойничьих набегов и массового увода. Нагляднее всего этот процесс — в Месопотамии, где насильственно приведенные поселенцы ставились прежде всего на рытье канала в пустыне, делавшего возможным основать города. В таком случае военачальник оставался абсолютным владыкой и при наличии у него готового служебного аппарата для управления в указанных селениях не могло, конечно, возникнуть никакого общинного *объединения*. Поселенцы нередко продолжали жить отдельными племенами, лишь разделенными на семьи, или даже оставались членами своих первоначальных (по месту происхождения) союзов и родов. Не только китайский горожанин обычно оставался членом своего родного сельского союза, но и в широких слоях неэллинского населения на эллинистическом Востоке наблюдается то же, почему, например, и новозаветная легенда мотивирует рождение Назарянина в Вифлееме тем, что род его отца имел там, как сказано в

немецком переводе «Хелианда», свой «Hantgemal»⁶, а следовательно, по представлению легенды, принадлежал ему. До недавнего прошлого аналогичным было положение и русского крестьянина, осевшего в городе, не только сохранявшего права на землю, но и обязательства к той деревенской общине, откуда он был родом. Таким образом создавалось не *право гражданства в городе*, а возникал просто временный союз живущих в данный момент в городе людей, объединенных общими повинностями и привилегиями. На родовых союзах покоился и эллинский синойкизм. Предание говорит о восстановлении Иерусалимского полиса Ездрой и Неемией⁷ на основе родовых союзов путем совместного поселения представителей каждого политически полноправного сельского рода. Только политически бесправный плебс, не разделявшийся на роды, делился по месту жительства. Хотя в античном полисе каждый и был гражданином, однако первоначально он был таковым только, как член своего рода. Эллинский и римский синойкизм и каждое их колонизаторское завоевание протекали — хотя и фиктивно — по схеме реконституирования Иерусалима. Даже демократия была бессильна в борьбе против образования гражданства из родов, фратрий и фил, бывших союзами чисто лично-ритуального характера, и принуждена была бороться против этих объединений, фактически руководимых родовой знатью, обезвреживая их политически лишь косвенными мерами. В Афинах, каждый, претендовавший на право занимать общественную должность, должен был быть в состоянии указать культовый центр своего рода (*Zeús éρκαίος*). Образование города путем совместного поселения местных родов с пришлыми также хорошо известно римской легенде. В таком случае они братски объединяются при помощи религиозных актов в одну религиозную общину с одним общим алтарем и общим богом, как общинной святыней. При этом, они все же делятся на роды, курии (фратрии) и трибы (филы)⁸. Это деление в каждом античном городе, считавшееся само собою разумеющимся, было введено чисто искусственно очень давно для удобства налогообложения, на что указывают круглые цифры объединений (составленные из 3, 30 или 12). Во всяком случае, родовая принадлежность оставалась для каждого полноправного гражданина необходимым признаком для участия его в культе и для занятия должностей, требовавших общения

с богами. Родовая принадлежность была *ритуально* необходимой. Ибо *законный* союз мог покоиться лишь на фактической или фиктивно построенной ритуальной основе традиционных ритуальных форм рода, военного союза (фратрии) и политического племенного союза (филы).

При образовании же средневековых городов, особенно на севере, дело происходило иначе: гражданин вступал в городскую корпорацию, по крайней мере, при новообразованиях, в качестве отдельного лица, индивидуально приносил свою присягу. Персональная принадлежность его к городскому союзу, а не род или племя, гарантировала ему его индивидуальное гражданское правовое положение. Городская корпорация включала в себя нередко торговцев, чуждых ей не только по месту происхождения, но и по племени. Иногда при новообразованиях это происходило, когда привилегиями в город привлекались переселенцы, иногда при превращении старых поселений в городские общины. Это не означает, конечно, что все купцы в Кёльне, происшедшие из различных местностей Запада, от Рима до Польши, могли вступать в тамошнюю городскую корпорацию, основанную прежде всего местными имущими слоями. Но такие случаи вступления в корпорацию и совершенно чужих встречались. Принципиально отличное положение, соответствующее отношению в Азии к чужеземцам, занимали в пределах города только евреи. Ибо хотя в верхнерейнских грамотах епископ и подчеркивает, что он призвал евреев «ради большего блеска для города», и хотя в кёльнских грамотах евреи и выступают в качестве землевладельцев наряду с христианами, однако фактическому единению препятствовал чуждый Западу религиозный запрет браков и невозможность совместной трапезы евреев с неевреями, главным же образом, неучастие евреев в евхаристии. Средневековый город был и культурным объединением; само собой разумелись городская церковь, городской святой, участие горожан в причащении и официальные храмовые празднества города. Но у *рода* христианство отняло всякое ритуальное значение. По своему существу христианство было вероисповедным союзом *отдельных* верующих, а не ритуальным союзом родов. Поэтому с самого начала евреи остались вне гражданского союза. Если средневековый город и нуждался в ритуальной связи, и если для его конституирования нередко, а может быть и всегда, требовался церков-

ный приход, тем не менее он был, как и античный город, созданием светским. Приходы выступали не в качестве церковных союзов и не при посредстве своих церковных представителей; светские старшины церковных приходских общин наряду с чисто светскими городскими шеффенами⁹ или купеческими гильдиями принимали от лица граждан формально-правовые действия. Условием, необходимым для полноправного бюргерства, был не ритуально-полноправный род, как в древности, а полноправность церковно-общинная. Вначале разница с азиатскими условиями была несущественной. Соответствующий местному святому Средневековья местный бог и ритуальная общность полноправных граждан были известны ближнеазиатским городам античности, как необходимая часть самого города. Это было, однако, нарушено политикой массового переселения людей, совершаемой великими царями, и город был превращен в чисто административный центр управления, в котором все жители без различия племенного или ритуального единства имели одинаковые возможности существования. Это явствует из судьбы евреев во время их пленения: по-видимому, только государственные должности, требовавшие знания письменности, а также, по-видимому, и ритуальной квалификации, были для них закрыты. В городах, очевидно, не существовало «общинных должностных лиц». Иноплеменные имели, как и находившиеся на чужбине евреи, своих старшин и священнослужителей, т. е. были «пришлыми племенами». До пленения в Израиле метеки¹⁰ (*gerim*), к которым принадлежали почти все ремесленники, стояли вне ритуального общения (ввиду их необрезания). Они были, следовательно, «пришлыми племенами», как в Индии, где ритуальное единение городского населения было невозможно, благодаря кастовому табу. В Китае каждый город имел своего городского бога (нередко почитаемого бывшего мандарина города), но община отсутствовала во всех азиатских и переднеазиатских городах, а если и была, то лишь в зачатках и в форме родовых союзов, вышедших за пределы города. Религиозная же община евреев после пленения была управляема теократически.

Переходя теперь к рассмотрению западного города, следует прежде всего отметить, что он был не только экономически местом торговли и промышленности, политически (обычно) — крепостью и местом гарнизона, администра-

тивно — судебным округом, но также скрепленным клятвой *братством*. Его символом в древности были общие выборы пританов¹¹, в средние века он был скрепленной клятвой «коммуной» и был в правовом отношении «корпорацией», хотя случалось это и не сразу. Хачек¹² указывает на то, что еще в 1313 г. английские города не могли получить привилегий (*franchise*), так как они не были еще «юридическими лицами», и только при Эдуарде I¹³ города начинают выступать как «корпорации». Политическая власть, городские сеньоры — и не только в Англии — рассматривали граждан вновь возникавших городов в правовом отношении, как пассивное объединение, отдельные квалифицированные члены которого, участвуя в городском землевладении, обязаны были нести известные повинности, но зато пользовались и разными привилегиями (рыночные монополии, участие в суде и пр.), будучи таким образом в военном и налоговом отношении на особом положении. Кроме того, с формально-правовой точки зрения экономически важная часть этих привилегий являлась достижением не объединения горожан, а политического или вотчинного сеньора города. Не горожанин, а он, сеньор, получает формально эти важные права, которые непосредственно дают экономические выгоды населению, но косвенно обогащают его собственную казну, путем налоговых обложений горожан. Например, в Германии первоначально это — привилегии, данные королем епископу, на основании которых тот имел право считать и фактически считал привилегированными и своих городских подданных. Иногда, как например, в Англии в англосаксонский период, разрешение на жительство близ рынка рассматривалось в качестве исключительной привилегии, предоставляемой соседними сеньорами своим зависимым людям, заработок которых облагался налогом. Городской суд был судом королевским или сеньориальным; шеффены и другие участники не были представителями горожан, но — даже там, где они были выборными — должностными лицами сеньора; городское право, которым эти исполнители руководствовались — установленным им же статутом. «*Universitas civium*»¹⁴, о которой очень скоро начнут повсюду говорить, была, таким образом, первоначально гетерокефальной и входила в другие политические или (часто) вотчинные союзы. Однако вскоре положение изменилось. Город превратился — в разной, впрочем, мере — в

автономную общину, в активную территориальную корпорацию со своими собственными должностными лицами. Для такого развития средневекового города было, однако, существенно, чтобы с самого начала подчеркивалось привилегированное положение горожанина и право на такое положение каждого в отдельности горожанина при общении с третьими лицами. Это было не только следствием свойственного античности и Средневековью лично-правового понимания подчинения общему «объективному» праву — права «субъективного», т. е. *сословного* статуса данного лица, но, как правильно указывает Бейерле¹⁵, особенно в средние века, и результатом существовавшего еще в германском судопроизводстве отношения к каждому субъекту права как к «участнику судебного собрания»¹⁶ т. е. как к активному члену судебной общины, где принадлежащее горожанину объективное право само выступает как выносящее суждение, — институт, о котором и о следствиях которого для формирования права мы говорили раньше. Этого права *не существовало* в судопроизводстве в большей части городов всего света. Только в Израиле мы находим некоторые следы его.

Решающим для превращения средневекового города в союз было, во-первых, то обстоятельство, что, при создании институциональной корпорации, вызванная экономическими интересами горожан эта организация не встречала ограничивающих ее магических или религиозных рамок, и, во-вторых, то, что над горожанами не существовало никакого рационального управления какой-либо политической организации. Там, где, напротив, было налицо одно из указанных обстоятельств, как, например, в Азии, даже очень сильные экономические мотивы не могли спаять население города в достаточно компактное целое. Образование автономного средневекового городского объединения с его управляющим советом, с его «консулом», «майером», или «бюргермейстером» во главе представляет собою явление все же существенно отличное не только от азиатских, но и античных городов. В античном «полисе», как еще будет показано в дальнейшем, специфически городское устройство было видоизменением власти, с одной стороны, городского царя, а с другой — родовых старейшин, и превращением ее в господство родовой знати. В средневековых же городах, бывших типичными для своего времени, дело

обстояло иначе. Необходимо разграничивать при анализе этого явления формально-правовые, социологические и политические стороны процесса, что в споре различных «теорий города» происходит далеко не всегда. С формально-правовой точки зрения корпорация граждан с ее органами конституировалась «законно», путем (действительных или фиктивных) привилегий государственной или вотчинной власти. Этой формально-правовой схеме фактический ход событий соответствовал только отчасти и нередко как раз в важнейших случаях дело обстояло иначе: с формально-правовой точки зрения происходила революционная узурпация. Правда не везде. Можно различать исконное (*originär*) и производное (*abgeleitete*) возникновение средневековой городской общины. В первом случае союз горожан был результатом политического объединения, невзирая на «легитимные» власти, *вопреки* им. Формально-правовое, решающее утверждение этого состояния законными властями происходило уже потом, и то не всегда. Производным путем союз горожан возникал в силу договорного или жалованного признания основателем города или его потомками широкого или ограниченного права автономности и суверенности, причем особенно давались для новых поселенцев и их правонаследников при образовании новых городов. Исконная узурпация посредством внезапного акта единения в корпорацию, скрепленное клятвой объединение (*conjuratio*) горожан имело место в больших старых городах вроде Генуи и Кёльна. Большей же частью наблюдается смешение обоих упомянутых процессов. Документальные источники истории городов естественно представляют *законную* преемственность более преобладающей, чем это имело место на самом деле, и обычно вовсе не упоминают об узурпаторских братствах. О кёльнской «*conjuratio*» 1112 г. имеется только одно единственное лаконичное указание. Формально могло случиться, например, в Кёльне, так, что при составлении актов могли присутствовать шеффены старого города и представители приходов, возможно, пригорода св. Мартина, как нового поселка «меркаторов», так как они были «законными» организациями. Их противники, городские сеньоры, во время разногласий со своей стороны также указывали на формально-правовые моменты, обращая внимание на то, например (в Кёльне), что среди шеффенов не все приносили присягу и т. д. Ибо в аналогичных формальных про-

явлениях и заключались узурпаторские нововведения. Указы же императоров из династии Гогенштауфенов¹⁷, направленные против городской автономии, значительно определеннее: они не только запрещают те или иные формально-правовые явления, но и самые «*conjuraciones*». Показательным для власти, которая была движущей силой во время переворотов, может служить, например, то обстоятельство, что в Кельне гильдия богатых (*Richerzeche*), бывшая с правовой точки зрения просто частным клубом особенно состоятельных горожан, не только имела право принимать новых членов, что было естественно, но претендовала, и не без успеха, на компетенцию предоставления даже гражданских прав. В принципе аналогичным путем получили самостоятельное городское устройство и многие французские города — именно посредством скрепленного клятвой братства горожан.

Подлинной родиной «*conjuratio*» была, однако, очевидно Италия. Именно в ней подавляющее большинство городских конституций возникло исконно, из «*conjuratio*». Поэтому здесь и легче всего, несмотря на некоторую неясность источников, проследить социологическую сторону городского объединения. Предпосылкой его была характерная для Запада, частью феодальная, частью духовная, апроприация власти¹⁸. Положение в городах до *conjuratio* представляется, хотя и различным, но в основе все же напоминающим своеобразную анархию города Мекки, описанную поэтому выше несколько подробнее. Перекрещиваются различные силы, претендующие на господство: политическая и вотчинная власть епископа, апроприированная власть вицеграфа и других должностных лиц, покоящаяся частью на привилегиях, частью на узурпации; крупные, осевшие в городе обладатели ленов или освобожденные министриалы короля или епископов (*capitani*), сельские или городские субвассалы «капитанов» (*valvasalles*), аллодиально-родовые владельцы различного происхождения, всевозможные владельцы бургов от собственного и от чужого имени, как привилегированные сословия с сильной клиентелой¹⁹ и, наконец, профессиональные объединения городских промышленных классов, дворовые, феодальные, земские и церковные судебные власти. Временные договоры, подобные международным союзам в Мекке, прекращали ненадолго раздоры вооруженных претендентов как внутри, так и вне городских

стен. Официальным законным господином города был или обладатель королевского лена, или чаще епископ, который при помощи комбинаций светских и духовных средств имел больше всего шансов добиться действительного господства. *Conjuratio* заключалась для конкретной цели и большей частью на определенный срок, а иногда и без указания его, в виде «*compagne communis*» (или под подобным названием), что и служило предпосылкой политическому союзу будущего «города». Первоначально таких *conjuraciones* встречается несколько в пределах одних и тех же городских стен; существенного же значения достигает только клятвенный союз *всей* общины, т. е. всех тех сил, которые в данный момент или фактически обладают, или претендуют на обладание *военной* властью. В Генуе такой союз возобновлялся каждые четыре года и направлялся в разное время против различных врагов. В 980 г. был заключен подобный союз горожанами в Милане против епископа; в Генуе же, как епископ, так и вицеграфские фамилии по-видимому принадлежали первоначально к этому объединению, между тем как позже *compagne communis* как здесь, так и в других местах — была направлена против претензий на власть и епископа, и вицеграфов. Позитивной целью клятвенных братств было прежде всего объединение местных *землевладельцев* в целях самозащиты, для мирного разрешения взаимных споров и для обеспечения правосудия в интересах горожан; наконец, *для монополизации экономических возможностей*, предоставляемых городом своим жителям: так, например, в Генуе только член союза имел право участвовать путем взносов (в форме комменды) в морской торговле. Целью союза было и определение обязанностей по отношению к сеньору, определение общеналоговой суммы взамен произвольного обложения, наконец, устройство военных организаций для расширения экономической и политической сфер влияния коммуны вовне. Только успели возникнуть конъюрации, как между коммунами начались войны, к началу XI в. сделавшиеся уже хроническим явлением. Внутри города союз добился присоединения к нему всего населения; городская знать, основывавшая эти союзы, принимала в них всех землевладельцев. Кто отказывался присягать — терял свои права. Не всегда происходило и какое-либо формальное изменение в управлении городом. Епископ или светский сеньор зачастую оставались со свои-

ми министрами во главе городского управления, и только наличие собрания граждан напоминало о большом перевороте. Однако это не осталось без изменения. В последние десятилетия XI в. везде появились «консулы» (consules), ежегодно избираемые — официально — собранием граждан, фактически — избирательной коллегией, состоявшей из знати. Эти консулы, бывшие на жаловании, но имевшие и побочные доходы, захватили по завершении революционной узурпации в свои руки судопроизводство и главное командование во время войны и полновластно управляли делами коммуны. Происходили они в первое время преимущественно из среды знатных судебных должностных лиц епископальной или вотчинной курии. Разница была лишь в том, что вместо назначения сеньором, они избирались теперь горожанами. Рядом с консулами, контролируя их, стояла коллегия «sapientes» [«мудрые»] часто называемая «scendenza», состоявшая частью из бывших скабинов (шеффе-нов), частью из числа знатных горожан, которые определялись на эту должность самими консулами или избирательными коллегиями.

Фактически же это были главы наиболее могущественных политически и экономически родов, которые распределяли между собой упомянутые должности. В начале образования клятвенного братства еще сохранялось сословное деление между различными категориями «капитанов» (главных вассалов), субвассалов, министериалов, владельцев бургов (castellani) и лучших граждан (cives meliores), т. е. граждан, способных по своему экономическому положению носить оружие. Должности и места в совете делились между ними пропорционально. Скоро, однако, обнаружилось, что движение направлено против ленных отношений. Консулы не имели права получать от кого-либо лены или становиться вассалами. Одной из первых политических побед было получение то ли путем насилия, то ли посредством вынужденно предоставленных или купленных привилегий императора или епископов, заключающихся в вытеснении императорских, епископальных и сеньориальных бургов из города, перевода их за городские стены (например, привилегии императоров Салической династии²⁰). Вместе с тем проводится принцип запрещения постройки бургов в известных пределах вокруг города и запрещения императору и другим сеньорам поселяться в городе. Правовыми же побе-

дами были создание особой городской судебной *процедуры*, исключавшей иррациональные доказательства, вроде поединка (в привилегиях XI в.), т. е. те же, что предпринимала, идя навстречу интересам горожан, и английская, и французская королевская власть; затем — запрет привлекать горожан к внегородскому суду и, наконец, кодификация особого *права* специально для горожан с обязательством применения его судом консулов. Так из краткосрочных, заключаемых от случая к случаю чисто личных, клятвенных союзов возникло длительное политическое объединение, члены которого сделались равноправными в пределах одного общегородского сословного права. Это право формально было равносильно уничтожению старого личного принципа права; материально же — разрыву ленной связи и сословной патримониальности, правда, еще не в пользу принципа автономных местных учреждений. Городское право было сословным правом членов образовавшегося посредством принесения клятвы объединения. Этому праву подчинялся каждый в силу принадлежности к сословию горожан. Еще в XVI в. там, где в городах господствовала родовая знать (например, в большинстве голландских общин), представительство в провинциальных и генеральных штатах не было представительством города, как такового, а представительством городской знати. Это явствует из того, что наряду с этим представительством встречалось еще представительство цехов или других незнатных сословий; оно голосовало отдельно и не было объединено с представителями других городских родов в общегородское представительство. В Италии этого не наблюдается, хотя в принципе положение нередко и сходно. Хотя городская знать и была освобождена от феодальных уз (что фактически далеко не всегда имело место), однако, имея кроме своих городских домов бурги и поместья вне города, она, помимо своего участия в союзе городской коммуны, входила участницей в качестве сеньора или члена и в другие политические объединения. В раннюю эпоху итальянских коммун управление городом находилось фактически исключительно в руках родовой знати, независимо от того, предусматривалось ли конституцией формально что-либо другое и удавалось ли по временам горожанам незнатного происхождения добиваться краткого участия в правлении. Военное значение рыцарской знати брало верх на севере, особенно в Германии; еще бóльшую

роль, чем на юге, играли старые шеффенские фамилии, которые сохраняли нередко в своих руках власть и формально или же в виде нераздельной личной унии. В зависимости от соотношения сил добывались участия в управлении и прежние представители сеньориальной, в частности, епископальной власти — министерялы. Там, где узурпация власти городского сеньора была осуществлена не полностью, часто случалось, что он (чаще это был епископ) добывался участия своих министерялов в городском совете. В больших городах, вроде Кёльна и Магдебурга, епископ в полной мере или частично управлял при помощи свободных гражданских шеффенов, которые имели склонность из должностных лиц епископа становиться представителями коммун, всегда, однако, привлекая у участию в управлении и представителей конъюрации. Во фландрских, брабантских и нидерландских городах, наряду с назначаемыми графом шеффенами, в начале XIII в. начинают появляться для целей управления члены совета, принесшие клятву (*jurati*), что указывает на происхождение их из *conjuratio*, или же «бургомистры», уже из среды горожан, причем они большей частью образуют особые коллегии, но иногда выступают и совместно с шеффенами. Они были представителями объединения горожан, продолжая существовать, например, в Голландии и много позже в форме корпорации «*Vróedschap*» [магистрат]. Следует представлять себе отношения в первое время весьма колеблющимися, без особого формального регулирования существенных атрибутов фактической власти. Решающими были личные отношения и влияние, а также персональная уния при совместительстве разнообразных должностей; формальных отношений городского управления в современном смысле с особыми канцеляриями и ратушами не было. Как и в городах Италии, горожане заседали в соборе, а руководившие комитеты в частных домах или клубах, так это было и в Риме. Во время узурпации в Кёльне, «дом богатых» (*domus divitum*) был, очевидно, в «локальной унии» с «домом горожан» (*domus civium*), т. е. с местопребыванием управления, а лидеры клубов «цеха богатых», по правильному изображению Бейерле, были и оставались в тесной личной унии с носителями должности шеффена и других видных должностей. Городского рыцарства итальянского типа здесь не существовало. В Англии и во Франции руководящую роль играли

купеческие гильдии. В Париже старшины гильдий признавались представителями города и формально. Но и во Франции возникновение городских общин происходило в большинстве крупных старых городов преимущественно посредством узурпации со стороны союзов горожан, купечества и городских собственников совместно с осевшим в городе рыцарством (на юге) или же — на севере — совместно с *confraternitates* [братства] и ремесленными цехами.

Не будучи тождественными с конъюрациями, упомянутые объединения сыграли однако при своем возникновении, особенно на севере, заметную роль в других союзах. «Клятвенные братства» германского севера обнаруживают, вследствие более слабого развития рыцарства, особенно архаические черты, в общем отсутствующие в южно-европейских странах. Эти братства могли создаваться повторно против сеньоров с целью политического обобществления и узурпации власти. Но эти союзы могло присоединяться и к многочисленным, возникавшим на севере и в Англии «защитным гильдиям». Эти гильдии были первоначально созданы не для того, чтобы оказывать влияние на ход политических событий, а заменяли для своих членов отсутствовавшую в городе раннего Средневековья родовую защиту безопасности. Подобно тому, как род защищал своих членов, так и эти гильдии оказывали каждому обиженному своему сочлену помощь, нередко и экономическую. Кроме того, они прилагали все усилия для мирного улаживания всякого рода взаимных раздоров, платили за своих сочленов военные налоги (такие случаи известны в Англии); заботились о развлечениях, устраивая по античному образцу периодические пиршества (первоначально — религиозные церемонии), принимали на себя похороны сочленов, заботились при помощи благотворительности о спасении душ, приобретали коллективно за счет гильдии индульгенции и покровительство главных святых и всячески старались удовлетворить экономические и вообще всякие другие потребности своих сочленов. Между тем, как северофранцузские города возникли преимущественно как клятвенные объединения мира без других атрибутов гильдий, английские и северные городские союзы, как правило, носили характер гильдий. В Англии типичной формой городского союза была торговая гильдия, обладавшая монополией розничной торговли в пределах города. Немецкие торговые гильдии

большей частью делились по специальностям (как, например, бывшая весьма влиятельной, гильдия торговцев сукном, мелочных торговцев и др.). Отсюда гильдия и перешла в виде организационной формы в крупную внешнюю торговлю.

Не города, как это часто думают, «возникли из гильдий», а наоборот, обычно гильдии возникали в городах. Гильдии добивались власти в городах лишь иногда (именно на севере, особенно в Англии, в виде «*summae convivia*»), власть же в городах захватывалась «родами», которые первоначально не были тождественны с гильдиями. Ибо гильдии не были идентичны и «конъюрациям», т. е. с городским объединениям. Наконец, гильдии не были единственными формами объединения в городах. Наряду с ними были, правда разнородные по своему профессиональному составу, религиозные объединения и, с другой стороны, чисто экономические, профессиональные цехи. Религиозные объединительные стремления, устройство разных «братств» наблюдается в продолжение всего Средневековья и развивается наряду с различного рода политическими, профессиональными и другими союзами, нередко переплетаясь с ними. Особую роль они сыграли в среде ремесленников. Сам по себе тот факт, что самое раннее упоминание в грамотах *fraternitas* [братства] ремесленников в Германии, а именно *fraternitas* ткачей перинного холста в Кёльне в 1180 г., относится к более позднему времени, чем образование соответствующего профессионального союза, еще не доказывает, что сам профессиональный союз — или вернее его специфически профессиональные цели — старше. В профессиональных цехах это было, по-видимому, общим правилом, и объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что союзы свободных ремесленников, по крайней мере вне Италии, имели своим прообразом сеньориальное деление тяглых ремесленников на отделения с мастерами во главе. В других случаях исходной точкой будущих профессиональных союзов бывали и *fraternitates*. Как еще в недавнее время образование еврейских ремесленных общин в России начиналось приобретением самого необходимого для каждого религиозного еврея предмета — Торы, так и многие, по существу профессиональные, союзы выдвигали на первое место общественные и религиозные интересы. На всем протяжении средних веков наблюдался и такой факт, что профессиональные со-

юзы и большинство гильдий добивались, по крайней мере, религиозного признания, причем это не было только ширмой для материальных интересов. Первые конфликты в позднейших союзах подмастерьев возникали не на основе экономических условий труда, а на почве вопросов религиозного этикета (например, из-за занимаемых в религиозных процессиях мест), что указывает на силу религиозной стороны в социальной оценке даже безродного горожанина. При этом обнаруживается полная протиположность с ограничениями табуистической замкнутости, при котором невозможно было бы объединение в общину. В общем эти братства, как религиозного, так и светского характера, независимо от времени возникновения их в каждом отдельном случае, часто фактически находились в персональной унии с официальными профессиональными союзами — купеческими гильдиями и ремесленными цехами, о которых будет речь ниже. Эти последние, в свою очередь, не обязательно происходили, как это предполагали, из какой-нибудь первоначально единой гильдии, хотя это и случалось, но, с другой стороны, например, и ремесленные союзы были значительно старше старейших *conjuraciones*. Не были они и их предшественниками, так как их можно встретить во всем мире, даже там, где никогда не возникало никакого городского объединения. Все эти союзы оказывали преимущественно косвенное воздействие, облегчая объединение граждан путем создания привычки к общности интересов, а также путем личного примера и совмещения руководящих должностей в руках людей, бывших опытными в ведении общих дел и пользовавшихся через свои союзы достаточным влиянием. Было естественно, что богатые граждане, заинтересованные в независимости торговой политики, активно участвовали, наряду со знатными родами, в конъюрации, жертвовали деньги и всячески поддерживали движение, принимая присягу на гражданскую верность от остальной массы населения; право предоставления гражданских прав «гильдией богатых» было, очевидно, пережитком данного явления. В том случае, если в городском объединительном движении, помимо знатных родов, принимали участие союзы трудящихся, то среди них на первом плане стояли купеческие гильдии. Еще при Эдуарде II²¹ в Англии восставшие против купцов мелкие бюргеры жаловались на купечество за то, что эти *potentes* [могуществен-

ные] требуют от более бедных граждан, особенно от цехов, присяги в повиновении, вводя на основании этой узурпированной власти различные налоги. Аналогично дело происходило, очевидно, и в большей части городских братств, возникших посредством узурпации. После того, как в ряде городов эти узурпации имели успех, те из политических сеньоров, которые основывали новые города или предоставляли старым городам новые городские привилегии, поспешили из «соображений конкуренции» предоставить многое из городских достижений добровольно, не ожидая формального образования городских союзов. Все это способствовало быстрому и повсеместному распространению городских объединений. Распространению городских союзов способствовало и то, что богатые и социально влиятельные лица, желавшие поселиться в новообразуемом городе, добивались, если были для этого достаточно сильны, у основателя города признания за собой уже существовавшего тогда права какого-либо определенного города, который и призывался при конфликтах в качестве компетентного толкователя этого права. Таким путем жители Фрейбурга получили городское право Кёльна, многочисленные южно-германские общины — право Фрейбурга, а восточные города — городское право Магдебурга. Чем выше по состоятельности был тот контингент поселенцев, на который рассчитывал основатель города, тем значительнее были уступки, на которые он должен был идти. Двадцать четыре *conjuraciones fori* во Фрейбурге, которым Бертольд Церингенский²² приписывает честь приобретения гражданских свобод нового города, играли здесь роль кёльнской «гильдии богатых», обладали широкими персональными привилегиями, и в должности «консулов» общины стояли во главе городского управления.

К числу привилегий, полученных городским населением от князей и сеньоров при основании городов, было объединение городского населения в «общины» с собственными органами управления; в Германии с «советом» во главе. Этот городской совет считался в Германии прежде всего признаком свободы города, причем горожане претендовали и на свободу самих городских выборов. Последнее было достигнуто не без борьбы, и еще в 1232 г. Фридрих II²³ не признавал советов бургомистров, выбранных гражданами без санкции епископа, а епископ вормсский добился для себя и своего заместителя права председательствования в сове-

те, а также и права назначения членов совета. В Страсбурге министеральное управление епископа в конце XII в. было заменено смешанным советом, состоявшим из представителей горожан и пяти министералов; в Базеле же, по предположению Гегеля²⁴, епископ добился отмены уже признанного императором городского совета. В многочисленных южно-германских городах главой города долгое время оставался назначаемый, или, по меньшей мере, утверждаемый сеньором городской старостой, шультейс (*scultetus*), и только приобретая эту должность за деньги, городское население могло освободиться от тяготевшего над ним контроля. В грамотах того времени мы наблюдаем появление, наряду с городским старостой, «бургомистра» и постепенный рост его значения, доходившего нередко до занятия им первенствующего места. Бургомистр был в большинстве случаев — в противоположность старосте — представителем горожан, а не сеньориальным чиновником, причем эта должность возникла в результате узурпации. В XIV в. соответственно изменившемуся социальному составу многих немецких городов, бургомистр часто являлся представителем уже не «родов», что соответствовало бы «консулам» Италии, а доверенным лицом профессиональных союзов, т. е. принадлежал к более поздней стадии городского развития; итальянским же «консулам» соответствовали не принесшие клятву шеффены «*scabini non juratis*», и тому подобные представители ранней эпохи в больших городах.

Активность участия в городском союзе была вначале везде связана с городским землевладением, которое, как таковое, было наследственным, не облагалось натуральными повинностями и податями за исключением обязательных городских, твердо установленных налогов, что, в частности для Германии, стало даже признаком гражданской собственности. Позже, наряду с земельной собственностью, стала облагаться и собственность других видов: деньги и ценные металлы. Первоначально те горожане, которые не имели указанной выше собственности, каково бы ни было их словесное положение в городе, были лишь участником в защите города. Право занимать городские должности и участвовать в совете имело свою историю; к рассмотрению этого вопроса мы и переходим.

Ответим предварительно в общих чертах на вопрос: что являлось основанием для различия в развитии городов Азии,

с одной стороны, и стран Средиземноморского бассейна, а затем и Европы — с другой. Ответ на этот вопрос был уже дан указанием на то, что возникновению городского *братства*, следовательно, городской *общины* препятствовала магическая замкнутость родов, а в Индии — каст. В Китае роды были носителями важнейших религиозных традиций — культа предков — и потому нерушимы; в Индии касты являлись носителями особого рода жизни, с соблюдением которого был связан вопрос о вечном спасении при переселении душ. В Индии кастовые рамки составляли абсолютное препятствие, в Китае же — и особенно в Передней Азии — родовая связь была препятствием лишь относительным. К этому присоединялась еще разница и *военной* организации в ее экономико-социологической основе. Дело в том, что необходимость устройства орошения и регулирования течений рек была причиной образования в Передней Азии (включая Египет) и, в более слабой степени, в Китае, особой царской *бюрократии*. Эта бюрократия, вначале связанная только со строительными работами, развилась затем в систему общегосударственного бюрократического управления, которое дало возможность царю при помощи налогов и готового административного аппарата взять военно-хозяйственное снабжение армии в свои руки. «Офицер» и «солдат», вообще вся составленная путем набора, снаряженная и снабженная из государственных складов армия, стала основой государственной мощи. Следствием было отделение солдат от населения и безоружность подданных. А поэтому в противовес власти короля не могло возникнуть никакой политически самостоятельной гражданской общины, так как гражданин был прежде всего невоенным. Совершенно иначе обстояло дело на Западе. Вплоть до времен римских императоров здесь сохранялся принцип *самоэкипировки* войска, независимо от того, состояло ли оно из несущих военную повинность крестьян, из рыцарства или городской милиции. А это означало военную *самостоятельность* каждого отдельного призванного. В войске, основанном на принципе *самоэкипировки*, военачальник в значительной степени зависит от доброй воли войскового состава, на повиновении которого покоится его собственная политическая власть, что видно, например, из отношений между Хлодвигом и его войском²⁵. По сравнению с каждым в отдельности

или в сравнении даже с отдельными отрядами, военачальник, конечно, окажется сильнейшим, но против большинства он будет бессилён. В таком случае он лишен тогда слепо повинующегося ему бюрократического аппарата принуждения, при помощи которого, независимо от самостоятельной в военном и экономическом отношении окружающей его родовой знати, из среды которой он принужден рекрутировать органы своего управления, он мог бы проводить свою волю в тех случаях, когда эти слои спланивались против него. Такие союзы образовывались при каждом новом случае предъявления *экономических* требований, особенно денежного характера. Этим объясняется возникновение на Западе, и только там, сословий, а также и корпоративно построенных автономных городских общин. Финансовая мощь горожан вынуждала государя ладить с ними и обращаться к ним за содействием в случаях нужды. Финансовой мощью обладали и гильдии в Китае и в Индии, и «денежные люди» Вавилона, что заставляло царей и там считаться с ними. Но спланиваться и оказывать военное противодействие эти силы там не могли. Все *conjuraciones* и союзы Запада, начиная с ранней античности, были объединениями *способных носить оружие* городских слоев, что и является решающим моментом.

III

РОДОВОЙ ГОРОД В СРЕДНИЕ ВЕКА И В ДРЕВНОСТИ

Так как в *conjuratio* обычно участвовали не только ведущие аристократические роды, но и все вообще земельные собственники города, то и собрание граждан большей частью носило в Италии название «*parlamentum*» и было высшим суверенным органом коммуны. Нередко это было так лишь формально; фактически же, особенно в первое время, власть находилась исключительно в руках родовой знати. Вскоре право участия в городском совете и занятие должностей было ограничено и формально, и сохранено за небольшим числом родов. Нередко случалось, что эти роды с самого начала считались правомочными для участия в совете и без какого-либо специального на то установления. Там, где это явление не существовало с самого начала, оно естественно развивалось, например, в Англии, как следствие того, что только потомки экономически влиятельных родов регулярно участвовали в городских собраниях, *обсуждая* текущие дела. Ибо везде участие в городском управлении воспринималось, как бремя, которое необходимо было нести лишь по принуждению, в виде общественной обязанности. В раннее Средневековье каждый горожанин должен был являться на три ежегодных очередных «судебных собрания» (*ordentlichen «Dingen»*). Прямое участие в делах принимали лишь политически в них заинтересованные. Самое *рассмотрение дел* находилось естественно в руках лиц, влияние которых покоилось как на имущественном положении, так и на основанной на нем экономической и военной их мощи. Поэтому собрание обычно представляет собою, как на то указывают источники о ходе заседаний в итальянских *parlamenta*, лишь массовые собрания, одобряющие путем аккламации¹ вносимые родовой знатью предложения, или же, наоборот, протестующие против них, ни-

когда, однако, действительно и авторитетно не влияющие в эту раннюю эпоху развития на ход городских выборов и на самое городское управление. Большинство нередко составляли зависимые от родовой знати люди. Понятно поэтому, что захват власти стоявшими вне родовой знати «*porolo*»² развивался параллельно с заменой шумных массовых собраний горожан более узким собранием городских представителей и квалифицированных граждан подобно тому, как начало тирании и падение *porolo* ознаменовалось, наоборот, созывом старых *parlamenta*, от которых предостерегал флорентийцев еще Савонарола³.

Если не формально-юридически, то фактически город являлся сословным союзом, управляемым кругом родовой знати, об особенностях которой речь будет дальше. Это фактическое господство родовой знати развивалось в твердо установленную правовую монополизацию власти над городом, или, наоборот, оно ослаблялось или совсем устранялось рядом последовательных переворотов. Знать, монополизировавшую городское управление, обычно называют «*родами*», т. е. родовой знатью, периоды же ее преимущественного влияния — «*господством родовой знати*». Эти «*роды*» не были единообразными по своему составу. Общим для всех было то, что их социальное могущество основывалось на *земельной собственности* и на доходах от *предпринимательской деятельности*, которой они сами не занимались; в остальном же они могли сильно различаться друг от друга. В средние века одним из специфических признаков сословного их отличия был *рыцарский образ жизни*, который предоставлял городской знати, наряду с внегородским рыцарством, право участвовать в турнирах, право состоять в ленных отношениях и т. п. Как в Италии, так в большинстве случаев и на севере, к родовой знати причислялись только те слои населения, которые отвечали указанному признаку. Поэтому в тех случаях, где прямо не сказано иное, мы в дальнейшем, признавая, конечно, текучесть переходов, а *potiogi*⁴ всегда будем помнить об этом признаке, когда речь пойдет «*родах*». Господство родов привело в некоторых исключительных случаях к образованию особой городской знати там, где, подобно античности, развитие торговых городов определялось их морской политикой. Классическим примером этого служит *Венеция*.

Развитие Венеции было определено прежде всего продолжением роста местных военных наборов, которые применялись со времен Адриана⁵ и развивались параллельно с ростом литургического характера позднеримского и византийского государственного хозяйства. Солдаты гарнизонов все больше и больше рекрутировались из местного населения, т. е. поставлялись поссессорами (землевладельцами) из числа их колонов. Под началом *dux'a*⁶ в качестве командиров отрядов стояли трибуны. Формально их положение было литургической повинностью, фактически же одновременно и привилегией местных родов *possessores*, из которых эти трибуны происходили. Как и везде, эта должность сделалась фактически наследственной в определенных родах, между тем, как *dux* назначался Византией вплоть до VIII столетия. Эти роды трибунов, т. е. военная знать, составляли ядро старейших городских родов. С ослаблением в Византийском государстве денежного хозяйства и ростом милитаризации, власть трибунской знати совершенно заменила собою римские курии и *defensores*⁷. Первое восстание, которое привело в Венеции к началу образования города, было, как и по всей Италии, в 726 г. направлено против тогдашнего иконоборческого правительства и его чиновников и на долгое время завоевало право выборов *dux'a* трибунской знати и клиром. Однако скоро началась длившаяся в течение трех столетий борьба дожа за превращение своей власти в наследственную, патримониально-княжескую власть над городом-государством; эта борьба велась против знати и патриарха, который был задет притязаниями дожа на создание «частной церкви»⁸. Дожа поддерживали императорские дворы как Востока, так и Запада. Византия благосклонно относилась к назначению сына дожа в качестве его соправителя, что в соответствии с античной традицией было скрытым стремлением создать наследственную власть. Приданое Вальдрады⁹, дочери германского императора, еще раз дало возможность последнему кандианцу¹⁰ увеличить иноземную дружину и, прежде всего, отряд телохранителей, на который с 811 г. опиралась власть дожа. Патримониальный характер власти дожа над городом того времени пластично выступает во всех проявлениях: дож был крупным земельным собственником и крупным торговцем, он монополизировал (также и из политических соображений) по-

чтовые сношения между Востоком и Западом, которые таким образом шли через Венецию; наконец, с 960 г., по случаю церковных запретов против торговли невольниками, он монополизировал и ее. Несмотря на протесты церкви, он назначал и отрешал от должности патриархов, аббатов и священников. Он был верховным судьей, правда, в пределах действия принципа судебного собрания, проникшего и сюда под франкским влиянием¹¹; он назначал судей и отменял спорные приговоры. Управлял делами он частью через должностных лиц своего двора, частью при помощи церкви, особенно, если дело касалось колоний. Отношение дожа к власти, как к своей собственности, не отделенной от общественного достояния, выражалось в том что он не только назначал себе соправителей, но и передавал верховную власть, чему имеется пример, по завещанию. Преимущественно на свои средства дож снаряжал флот, содержал наемные войска и распорядился поставками ремесленников двору, нередко самовольно их увеличивая. Такое увеличение, вызванное, вероятно, увеличением расходов на внешнюю политику, послужило в 1032 г. поводом к удачному восстанию, а это, в свою очередь, дало возможность постоянно находившейся в оппозиции знати постепенно сломить силу дожа. Как это всегда бывает в условиях военной самокипировки, дож был много сильнее каждого рода в *отдельности* (или небольших групп), но безусловно слабее *объединенного* их союза. Как только дож предъявлял финансовые требования, решающей инстанцией был именно такой союз. Господство на Риаальто¹² местных родов знати началось под видом сравнительно демократических правовых форм. Началом, т. е. «первым основным законом республики», как его назвали, было запрещение дожу назначать себе соправителя, мера, которая должна была предупредить возможность возникновения наследственной власти (как в Риме). После «сословно-государственного» промежуточного периода, в течение которого права и обязанности были распределены между дожем и коммуной, как в других местах между властителем и выборными представителями, капитуляции¹³ закончили дело формально низведением дожа до роли *primus inter pares* в среде корпорации знати, окружив его строгим контролем, стеснявшим церемониалом и превратив фактически в платного чиновника. Ленель правильно отметил, что положение дожа, опирав-

шея также на его иноземные связи, было ограничено как раз в области внешней политики, ведение которой (с 1141 г. это доказано) переходит в руки совета *sapientes* [мудрые]. Необходимо при этом еще раз подчеркнуть, что как в данном, так и в других случаях, участие патрициата в управлении было вызвано прежде всего *финансовыми* требованиями военной, колониальной и торговой политики, подобно тому, как позднее в Европе финансовые нужды войн между государями, ведшихся на основе денежного хозяйства, послужили причиной растущей власти сословий. Хрисовул императора Алексея¹⁴ означала конец греческого господства в торговле и начало торговой монополии Венеции на Востоке, ибо Венеция приняла на себя морскую защиту Восточной империи¹⁵ с оказанием ей финансовой поддержки. Значительная часть государственного, церковного и частного капитала венецианцев нашла применение в греческой империи, будучи вложена в торговлю, в разного рода предприятия, в государственные концессии и в земельную собственность. Вызванный в связи с этим рост военного могущества Венеции привел к участию ее в завоевательной войне латинян (4-й крестовый поход) и к приобретению знаменитых «трех восьмых» Латинской империи¹⁶ (*quarta pars et dimidia*¹⁷). По распоряжению дожа Дандоло¹⁸ все колониальные завоевания становились собственностью коммуны и ее должностных лиц, а не дожа, чем было окончательно зафиксировано его бессилие. Естественным следствием этой внешней политики были государственные долги и постоянные денежные расходы коммуны. Эти финансовые потребности могли однако быть удовлетворены только средствами патрициата, т. е. той части старой трибунальной земельной знати, частично усиленной новой знатью, которая, входя в состав горожан, имела возможность участвовать своим капиталом в разного рода доходных предприятиях. В руках этого патрициата сосредоточивались как концентрация капитала посредством денежно-хозяйственных операций, так и политическая власть. Поэтому параллельно с ослаблением имущественного могущества дожа все же росла монополизация всей политической власти в руках управляемой патрициатом Венеции в противоположность увеличивающемуся политическому бесправию округа. В *placita*¹⁹ дожа номинально вплоть до XII в. посылались представители аристократических родов всего герцогства.

С возникновением Венецианской коммуны (*commune Venetiarum*), упоминаемой впервые в 1143 г., и *sapientes*, которым присягал дож, по-видимому стали избираться исключительно из круга местных крупных земельных собственников Риальто, бывших экономически заинтересованными в заморских вложениях капитала. В 1187 г. почти во всех городах с господством родовой знати уже наблюдается деление на Большой, решающий, и Малый, управляющий, советы. Продолжением этого не интересующего нас подробно хода развития было: фактическое уничтожение собрания горожан-землевладельцев, аккламация которых официально продолжала существовать вплоть до XIV столетия, избрание дожа узкой избирательной коллегией, состоящей из нобилей, и фактическое ограничение в выборе должностных лиц, которые могли избираться только из числа семей, имевших право заседать в совете, список которых был формально закрыт в 1297—1315 гг. и позже получил название «Золотой книги». Значительное экономическое превосходство участвовавших во внешних политических и торговых предприятиях родов, облегчал процесс монополизации в их руках власти. Государственное устройство и техника управления Венеции знамениты проведением патримонially-государственной тирании городской знати над огромной сухопутной и морской областью, при наличии строгого взаимного контроля в среде этой знати. Их владычество было прочно, так как они, подобно спартиатам, наряду с централизацией сил, умели, как нигде, хранить свои служебные тайны. Возможность этого была обусловлена прежде всего необходимостью солидарности во внешних и внутренних делах, сознаваемой каждым заинтересованным в больших монопольных прибылях членом союза и строго проводимой путем насильственного подчинения каждого в отдельности коллективной тирании. Технически это осуществлялось следующим образом: 1) путем борьбы конкурирующих групп за должности в центральном управлении; различные коллегии особого управления, почти все обремененные одновременно административной и судебной властью, конкурировали друг с другом; 2) путем разделения власти между набираемыми из среды знати должностными лицами: судебное, военное и финансовое управление находились всегда в руках различных лиц; 3) посредством краткосрочности всех должностей и особой системы контроля;

4) с XIV в. при помощи инквизиционного судилища Совета десяти, бывшего первоначально следственной комиссией, созданной для разбора одного заговора²⁰, ставшей затем постоянным учреждением для разбора политических дел и следившей в конце концов за общим политическим поведением знати. Этот Совет десяти нередко кассировал постановления Большого совета и обладал трибунской властью; энергичное и тайное пользование ею быстро выдвинуло совет на первое место в общине. Страшен он был только для знати; среди же бесправных подданных, лишенных всякой политической власти, он был популярнейшим учреждением, куда можно было жаловаться на притеснения властей из знати значительно успешнее, чем то было когда-то в римском репетундном процессе²¹.

Параллельно с этой крайней формой монополизации власти, постепенно распространявшейся на континентальную Италию, власти, основанной на наемной военной силе и утверждавшейся в пользу коммуны, а в пределах последней — в пользу патрициата, наблюдалось с самого начала и другое явление. Рост расходов общины, на которых основывалась ее зависимость от кредитоспособного патрициата, вызывался, помимо затрат на наемные войска, оснащение армии и снаряжение флота, еще и значительным изменением в самой системе управления. Своеобразным для Запада союзником патрициата в его борьбе против дожа явилась окрепшая церковная бюрократия. Не случайно ослабление власти дожа шло параллельно с разделением церкви и государства на почве спора об инвеституре²². Выгоду из разрушения этой, одной из прочнейших церковно-правовых основ патримониальной и феодальной власти извлекали и все прочие итальянские города. Неизбежным результатом явилось исключение из сферы управления церковью и монастырями, которые до XII в., арендуя управление в дальних колониях, непосредственно заменяли собой светский аппарат власти; данное исключение привело к необходимости создания, в первую очередь для внешних колоний, особого оплачиваемого светского чиновничества. И это процесс был временно завершен во времена дожа Дандоло. Система краткосрочных должностей, обусловленная, с одной стороны, политическими соображениями, с другой — желанием предоставлять эти должности последовательно возможно большему числу лиц из ограниченного круга родовой знати,

небюрократическое и строго коллегиальное управление правящей столицей служило препятствием к развитию профессионального чиновничества, каковое должно было развиться из господства родовой знати.

Развитие остальных итальянских коммун уже во времена господства родов протекало в этом отношении существенно иначе. В Венеции были достигнуты длительная монополизация и замкнутость городской знати: прием новых фамилий в число имевших право участия в Большом совете происходил только по постановлению корпорации знати на основании политических заслуг и впоследствии прекратился совершенно. В связи с этим и на почве общей постоянной опасности было достигнуто полное прекращение всяких раздоров между членами городской знати. В других коммунах в этот период господства знатных родов о том не было и речи. Для каждого венецианца этого времени было совершенно ясно, что монопольное положение Венеции за морем служило основанием всего существования знати. Следствием наблюдавшихся раздоров в среде городского патрициата было то, что дворянство и во времена своего полного господства вынуждено было считаться до известной степени с другими пользующимися влиянием слоями общества. К тому же раздоры родов между собой и глубокое их взаимное недоверие сделали невозможным образование рационального управления по образцу венецианского. Почти везде в течение столетий враждовали между собой особенно богатые землей и клиентелой роды, каждый из которых, будучи связан с многочисленными менее богатыми родами, старался заменить в должностях и по возможности вытеснить совершенно из городского управления другие роды. Так же как и в Мекке, почти постоянно какая-нибудь часть знати объявлялась неспособной занимать должности и изгонялась, но, в противоположность арабской галантности нравов, нередко объявлялась вне закона с секвестром имущества, пока перемена политического положения не приносила господствовавшим ту же участь. Общность межрегиональных интересов возникала сама собой. Образование партий гвельфов и гибеллинов²³ было обосновано отчасти государственно-политическими и социальными условиями. Гибеллины принадлежали в большинстве случаев к старым вассальным фамилиям короны или же действовали под их руководством. С другой стороны, эта партия возникла в ре-

зультате столкновения интересов конкурировавших городов, а в пределах последних — прежде всего столкновением интерлокально связанных партий знати. Эти организации, особенно партии гвельфов, были прочными союзами со статутами и военными матрикулами, которые превращали рыцарство отдельных городов в определенные воинские контингенты, подобно немецким матрикулам во времена походов против Рима. Если в военном отношении незаменимым являлось обученное рыцарство, то в отношении финансирования военных предприятий уже во времена родов нельзя было обойтись без бюргеров, не принадлежавших к рыцарскому сословию. Их интерес в правильном отправлении правосудия, с одной стороны, и взаимное соперничество аристократических партий — с другой, создали в Италии и некоторых граничащих с ней областях вид особой привилегированной профессиональной должности: *подеста*, заменившего собой первоначального «консула», формально выборного, фактически же ставленника нескольких борющихся между собою за это право родов.

Происхождение этого института подеста относится ко временам тяжелой борьбы между коммунами и императорами из династии Штауфенов, требовавшей особого финансового напряжения и общей сплоченности. Первая половина XIII столетия была временем его расцвета. Подеста обычно призывался из чужой общины на короткий срок и облакался высшей судебной властью. Он был на определенном жаловании, получая гораздо больше, чем *consules* [консулы] почти всегда из числа знати и с юридическим университетским образованием. Выбирался подеста или советами, или же особой выделяемой *ad hoc* комиссией из числа городской знати, что особенно характерно для Италии. О его приглашении нередко велись переговоры с его родной общиной, согласие которой требовалось; иногда же просто обращались с просьбой наметить кого-либо. Согласие общины считалось политически-дружественным актом, отказ — непризнанным. Иногда происходил даже взаимный обмен подеста. Сам приглашаемый часто требовал назначения заложников — для гарантии хорошего обращения, торговался об условиях, как современный профессор, а в случае неподходящих условий — отказывался. Приглашаемый должен был сам озаботиться составлением своей свиты, приглашением помощников, не только низших, но и ученых юрис-

тов и разных представителей, — которых он брал с собой. Его главной постоянной обязанностью была забота о правосудии; кроме того на нем лежали охрана общественной тишины и спокойствия, мира в городе, а нередко и военное командование. Все это — под контролем совета. Влияние его на законодательство было везде ограничено. Не только сам подеста был обычно сменяемым, но, по-видимому нарочно, менялись и места, откуда его приглашали. С другой стороны, коммуны охотно соглашались на занятие своими гражданами возможно большего количества должностей в чужих городах — вероятно, как это правильно предполагает Ганауэр, из соображений политического и экономического характера: высокие оклады, получаемые приглашенными, составляли для знати их города ценный источник дохода. Существенные стороны этого института заключались в следующих моментах: в первую очередь, в самом возникновении такого знатного должностного положения. Ганауэр указывает, что в четвертом десятилетии XIII в. только для 16 из 60 городов выявлено 70 человек, занимавших должность подеста 2 раза, и 20 человек — занимавших эту должность 6 и более раз; служба в продолжение всей жизни в этих должностях не была также редкостью. В течение ста лет расцвета Ганауэр насчитывает в 60 коммунах 5400 должностей подеста. Некоторые знатные фамилии были постоянными поставщиками кандидатов на эту должность. К этому надо еще прибавить весьма значительное число юридически подготовленных помощников. Кроме подготовки кадров знати для занятия должностей строго делового характера, контролируемых общественным мнением, имеется еще и второй существенный момент, а именно: для того, чтобы сделать возможным применение права со стороны иноземных подеста, оно должно было быть кодифицировано, рационально разработано и повсеместно уравнено. Как в других случаях, причиной, способствовавшей рациональной кодификации права, а особенно распространению римского права, была заинтересованность князей и чиновников в возможности его повсеместного применения, так в этом случае эту роль сыграл институт «podesta». Институт «подеста» в его типичнейшей форме ограничивается областью Средиземноморья. Единичные аналогии встречаются и на Западе. Примером может служить Регенсбург (1334), в котором должность бургомистра была закрыта для

местных горожан; на нее был приглашен рыцарь из другого места, после которого в течение 100 лет внутреннего мира, следовавшего за периодом междоусобиц родовой знати, должность эта непрерывно замещалась чужеземцами.

В то время как в итальянских коммунах городская знать формировалась на основе строго выраженного господства родов без существенных нарушений этого процесса, также как и в Венеции, на *севере* развитие городского патрициата было построено отчасти на несколько иной основе и развивалось из мотивов почти противоположного характера. Типичным примером такой крайности может служить развитие *английской* городской олигархии. Определяющим моментом в этом развитии была королевская власть. Правда, она отнюдь не с самого начала так твердо, как впоследствии, противостояла городам. Не было этого еще даже после норманнского завоевания. Вильгельм Завоеватель, зная, что владение Лондоном издавна означало обладание короной, не сделал после победы при Гастингсе²⁴ попытки взять Лондон силой, а добился признания со стороны граждан путем договора. Ибо, хотя епископ и назначаемый королем «*portreeve*»²⁵ были во времена англосаксов и законными властями в городе, к которым и обращается хартия Вильгельма, однако почти при каждом выборе англосаксонского короля голос лондонского патрициата имел очень большое значение. В представлении горожан звание английского короля не заключало в себе понятия обладания Лондоном до выражения ими на то свободного согласия, и еще во времена Стефана²⁶ голос горожан Лондона был решающим. После своего признания Вильгельм построил в Лондоне свой Тауэр, и с тех пор Лондон, наряду с другими городами, был облагаем налогами по усмотрению короля.

Военное значение городов пало в норманнский период вследствие объединения государства, прекращения угроз извне и роста значения баронов. Феодалные сеньоры стали теперь строить свои замки вне городов. С этого началось характерное для внеитальянского Запада разделение между военной властью и бюргерством. В противоположность итальянским городам, английские почти потеряли власть над сельской местностью, которая раньше, по-видимому, входила в сферу их влияния, и превращались преимущественно в *экономически* ориентированные корпорации. Здесь, как и везде, бароны начали основывать города, давая им

разнообразные привилегии. Нигде однако мы не слышали об ожесточенной борьбе горожан против короля или других сеньоров города. Ничего не слышно об узурпациях с насильственным, как в Италии, разрушением королевского или сеньориального бурга или же с перенесением этого бурга за стены города. Ничего не известно и о создании для борьбы против короля городского войска, о насильственном введении собственного судопроизводства с выборными лицами вместо назначаемых королевских судей или о кодификации собственного права. Конечно, и в Англии образовались с соизволения короля особые городские суды, гарантировавшие горожанам рациональное судопроизводство без поединков, которые могли отклонить нововведения в королевском процессе, а именно — *jury* [суд присяжных]. Правотворчество оставалось исключительно в руках короля и его судей. Предоставляя городам особое судебное положение, король делал это, чтобы в борьбе против феодальной знати иметь города на своей стороне: в этом отношении они извлекали пользу из типичных для феодализма раздоров. Но еще важнее судебных привилегий было то автономное фискальное управление городов, которое они себе со временем завоевали. До времен Тюдоров²⁷ город был с точки зрения королей прежде всего объектом обложения. Эквивалентом для гражданских привилегий «*gratia emendi et vendendi*»²⁸ и для торговых монополий служила особая гражданская налоговая повинность. Сбор налогов отдавался на откуп, причем главными претендентами наряду с богатыми горожанами были, естественно, и наиболее состоятельные королевские чиновники. Со временем горожанам, однако, удалось освободиться от других конкурентов и за взнос определенной общей суммы добиться у короля сначала откупного права на сбор налогов («*firma burgi*»), а затем, с помощью отдельных денежных взносов и подарков, и дальнейших привилегий, прежде всего выборов собственного шерифа. Несмотря на то, что среди горожан мы встречаем немало количество лиц с явно выраженными сеньориальными интересами, однако для конституирования города решающими были интересы чисто экономические и финансовые. Как и на материке, *conjuratio* горожан встречается и в английских городах. Но здесь она приняла типичную форму образования монопольной гильдии, хотя и не везде. В Лондоне, например, она отсутствовала. Но в многочисленных

других городах, гильдия, гарантируя фискальные повинности, была решающим объединением в городе. Зачастую от нее зависело предоставление прав гражданства, как это делал например «цех богатых» в Кёльне. В медиатизированных городах²⁹ она добилась особой юрисдикции над членами гильдии как таковыми, а не как горожанами. Почти везде она была союзом, если не на основании права, то фактически управлявшим городом. Горожанином и раньше, и потом был тот, кто принимал участие в обязательных городских повинностях королю (в охране, страже, суде и налогах). Горожанами считались не только принадлежавшие к местному, т. е. чисто городскому населению, но обычно к городскому союзу принадлежали, как правило, и соседние крупные землевладельцы — *gentry* [джентри]³⁰. К лондонской общине в XII столетии принадлежали почти все крупные епископы и должностные лица страны знатного происхождения, имевшие собственные дома в Лондоне, резиденции короля и высшей администрации. То же характерное явление, за некоторыми исключениями, наблюдалось и в Римской республике. Кто не был в состоянии принимать участие в уплате налоговых гарантий городской корпорации, а платил королевские подати от случая к случаю (т. е. главным образом несостоятельные), тем самым исключался из числа активных граждан. Все привилегии даровались городам королем и сеньорами, но истолкование их было произвольно, что происходило часто и в Италии. Но развитие в Англии шло совершенно другим путем, чем в Италии. После того, как в английское право вошло понятие корпорации, города превратились в пределах сословного государства в привилегированные корпорации, органы которых обладали определенными *отдельными* правами, подобно тому, как некоторые бароны и торговые корпорации путем привилегий также получали свои отдельные права. Переход от привилегированной «*comraun*» к гильдии и к городской корпорации был незаметным. Таким образом особое правовое сословное положение горожан составлялось из целого ряда привилегий, которые они приобрели в пределах сословного, полуфеодального, полупатримониального государственного союза и которые не проистекали из принадлежности к независимому и политически самостоятельному союзу. В общих чертах развитие шло следующим образом: сначала города были принудительными союзами,

обложенными со стороны королей литургическими повинностями, однако отличными от тех, которыми были обложены деревни; затем в многочисленных, экономически и сословно привилегированных, вновь основываемых королями и сеньорами городах стали господствовать основанное на особых привилегиях принципиальное правовое равенство, обладающих городской земельной собственностью граждан, и ограниченная автономия. Далее, к финансовому хозяйству были допущены в качестве поручителей и особыми королевскими привилегиями признаны гильдии, и, наконец, городу было даровано корпоративное право. Коммуной в континентальном понимании был Лондон. За ним Генрих I³¹ признал право выборов собственного шерифа; здесь мы встречаем, с конца XII в., признанную королем Иоанном³² коммуну в качестве союза граждан с выборным, также как и шериф, «*maior*» (мэром) во главе и «*skivini*» (шеффенами), которые с таким же количеством выборных «*counsellors*» [советники] были в начале XIII в. объединены в общий совет. Откуп должности шерифа графства Миддлсекс предоставил коммуне господство над окружающей местностью. С XIV в. бургомистр Лондона носит титул лорда. Большинство же других городов были, или, вернее, остались, после неудачных попыток к образованию политических общин, простыми принудительными союзами с особыми привилегиями и строго определенными корпоративными правами автономности. Развитие цеховой организации будет рассмотрено ниже, но она не внесла ничего существенно нового в основной характер города. Споры по вопросам городского устройства, возникавшие между цехами и знатными родами разрешал король. Ему города были обязаны платить подати до тех пор, пока сословным развитием в парламенте не было создано против произвольного обложения *коллективных* гарантий, которых не могли добиться собственными силами ни каждый город в отдельности, ни все вместе. Право активного городского гражданства приобреталось членами корпораций путем взносов в определенные союзы и было наследственным. Вследствие особенностей английского корпоративного права разница в развитии в сравнении с материком была весьма существенной: в Англии не возникло понятия территориальной корпоративной общины.

Причина этого особого развития заключалась в беспрепятственном, усилившемся со времени Тюдоров, росте мо-

гущества королевской власти, на которой основывалось как политическое единство страны, так и единство правового устройства. Хотя королевское управление и находилось под постоянным строгим контролем сословий и было принуждено опираться на содействие привилегированной знати, однако именно благодаря этому экономические и политические интересы связывались не с интересами отдельных замкнутых городских общин, а были ориентированы на центральное управление, ожидая от него экономических и социальных выгод, монопольных гарантий и помощи при нарушении привилегий. Будучи в финансовом отношении и в деле управления зависимыми от привилегированных слоев, короли боялись их. Но в своей политике они также ориентировались на парламент, как центральное учреждение. Будучи заинтересованы в политике парламентских выборов, они старались влиять на городское управление и на персональное образование состава городских советов, почему и поддерживали олигархию знати. Представители знати, со своей стороны, могли ожидать гарантий своего монопольного положения против слоев непривилегированных только от центральной власти. Короли в своей политике централизации принуждены были опираться на содействие знати и из-за отсутствия собственного бюрократического аппарата. В Англии основа власти горожан была преимущественно *негативного* свойства и заключалась не в собственной их военной мощи, а в неспособности феодальной власти, несмотря на сравнительно высокий ее чисто технический уровень, отстоять свое господство над страной без постоянной поддержки экономически могущественной знати. Ибо собственная военная сила большинства городов была в средние века сравнительно незначительной. Тем большей была финансовая мощь горожан; но она проявляла себя в виде *сословия*, носителя привилегированных городских интересов, в сословном единении «*commons*» [общины] в парламенте, в котором поэтому сосредоточились все интересы, выходящие за пределы хозяйственных преимуществ локальных монополий. Таким образом, здесь мы впервые встречаемся с межрегиональным, *национальным* городским *сословием*. Растущая, как в сфере деятельности мировых судей, так и в парламенте, власть бюргерства, будучи силой в сословном аристократическом государстве, препятствовала возникновению сильного стремления к политической незави-

симости *отдельных* коммун как таковых, и, наоборот, благоприятствовала развитию бюргерско-торгового характера английской городской олигархии. Не местные, а межрегиональные интересы послужили основой политического единения горожан. До XIII столетия английские города обнаруживают то же развитие, что и немецкие, но затем, в отличие от сравнительной демократичности городов континента, в английских городах начинается господство «*gentry*», которое уже никогда больше не было сломлено. Должности, и в первую очередь, основанная на ежегодной выборности, должность «*alderman*'а»³³, стали большей частью пожизненными, очень часто замещались путем кооптации или под влиянием соседних земельных сеньоров. Королевская власть поддерживала из-за указанных причин этот ход развития подобно тому, как древнеримская власть поддерживала в зависимых от нее городах олигархию земельной аристократии.

Иначе, чем, с одной стороны, в Англии и чем в Италии — с другой, были условия развития на севере европейского континента. Здесь развитие патрициата отчасти продолжало существовавшие уже при возникновении союза горожан сословные и экономические различия. То же было и в городах новообразованных. 24 *conjurationes fori*³⁴ во Фрейбурге имели с самого начала налоговые привилегии и были призваны занимать должность консулов. Но в большинстве основываемых городов, в том числе и во многих северных приморских городах, по своей природе купечески-плутократических, формальное ограничение быть избираемым в совет осуществлялось лишь постепенно и в следующей типичной форме: весьма распространенное право совета вносить предложения о кандидатурах, и обычай следовать его указаниям относительно вновь намечаемых, или же просто его общественное влияние при выборах, в связи с деловой необходимостью сохранить в совете опытных людей, вело к пополнению совета фактически путем кооптации, благодаря чему коллегии совета были в зависимости от ограниченного круга привилегированных родов. Насколько легко подобное может случиться и при современных условиях, доказывает развитие гамбургского сената, которое в последнее время шло по тому же пути, несмотря на выборные права граждан. Подобные тенденции, только в различной степени, наблюдались везде.

Фамилии, монополизировавшие право заседать в совете, могли с легкостью удерживать это право лишь до тех пор, пока с их интересами не начали сталкиваться интересы горожан, не допускаемых к избранию. Самосознание последних росло с их достатком и образованием; чем сильнее было их устранение от дел управления, тем менее приемлемым становилось для них такое положение, подготавливалась почва для конфликтов и росла возможность новых революций. Их совершали связанные клятвой объединения горожан, за которыми стояли, или действовали вместе с ними *цехи*. При этом надо однако остерегаться отождествлять понятие «цех» с «цехом ремесленников». Движение против родов вначале не было движением ремесленников. И только со временем, в течение самого развития движения, ремесленники стали выступать самостоятельно; вначале же ими руководили цехи неремесленного характера. При разной степени успеха эти цеховые революции могли приводить к тому, что совет составлялся исключительно из числа членов цехов и что полноправным гражданином мог быть лишь только член цеха. Подобное развитие цеха практически означало переход или всей власти, или части ее в руки «городских» классов в экономическом смысле этого слова. Где господство цехов достигало в той или иной степени успеха, там оно всегда совпадало по времени с моментом наивысшего господства города как вовне, так и с наибольшей политической самостоятельностью его внутри страны.

Обращает на себя внимание сходство этого «демократического» развития с судьбой *античных* городов, большинство которых переживало подъем в период господства знати, начавшейся приблизительно с VII в. до Р. Х., и быстрого расцвета политической и экономической власти при развитии демократии или, по крайней мере, демократических тенденций. Это сходство несомненно, несмотря на то, что античный полис возник на иной основе. Прежде всего сравним *античный родовой город* со средневековым.

Можно предположить, что в Греции, по крайней мере в Тиринфе и в самих Микенах, до микенской культуры³⁵ существовало патримониальное, основанное на барщине, царство восточного характера, хотя и значительно меньших размеров. Без затраты изнурительного подневольного труда подданных были бы немислимы беспримерные вплоть до классических времен сооружения. На восточной границе

распространения тогдашней эллинской культуры (Кипр), по-видимому, находилась даже управление, применявшее, подобно Египту, собственную письменность для разных расчетов и ведения списков и представлявшее собой, таким образом, патримониально-бюрократическое управление с наличием складов, между тем как позже в Афинах классической эпохи, управление происходило почти без записей, устно. Позднее, как эта письменность, так и культура, исчезли бесследно. В «Илиаде» при перечислении кораблей упоминается о царях, господствующих над большими областями, которые включали в себя иногда многочисленные местности, впоследствии известные как города. Они, видимо, представляли из себя крепости, и Агамемнон предлагал ряд из них Ахиллу в ленное пользование. В Трое вокруг царя стояли советники из знатных родов, освобожденные из-за преклонного возраста от несения военной службы. В то время, как царем-военачальником был Гектор, заключение договоров лежало на самом Приаме. О письменном договоре, возможно только символическом, упоминается только один раз. Вообще все отношения исключают возможность управления на основе барщины и патримониальности и указывают, наоборот, на харизматическую родовую власть. Надежда занять положение Приама в случае победы над Ахиллом приписывается даже пришлому, т. е. не происходящему из Трои, Энею, ибо царская власть считается не собственностью царя, а сановным достоинством. Царь является военачальником, представителем народа перед богами и людьми, участвует совместно со знатью в суде, владеет царской землей, но власть его, по крайней мере согласно «Одиссее», основана не на установленном авторитете, а, подобно власти вождя племени, на личном влиянии. Военные походы, большей частью морские, носят для знати скорее характер авантюры, в которой она участвует как дружина, а не выполняет повинность. Спутники Одиссея называются *hetairoi* (товарищами), так же как впоследствии и дружина македонских царей. Многолетнее отсутствие царя не считается ни в коем случае причиной, серьезно нарушающей ход вещей. В Итаке царь отсутствует вовсе, и Одиссей поручает свой дом попечению Ментора, которому ни в коей мере не присуще царское достоинство. Войско подобно позднему рыцарскому, в котором бит-

вы решаются поединком. Пехота не играет особой роли. В Гомеровском эпосе несколько раз упоминается рынок, и если Исмар назван «полисом», то это может означать и «бург», хотя и не отдельного лица, а кикон³⁶. На щите Ахилла изображены сидящие на рыночной площади старейшины привилегированных родов, выдающихся богатством и военной силой, творящие суд, причем народ сопровождает речи сторон знаками одобрения. Жалоба Телемаха рассматривается на рыночной площади в ходе регулируемой герольдом дискуссии, в которой участвуют вооруженные представители знатных родов. Вместе с царями присутствующие знатные — это земельные собственники и судовладельцами, выступающими в боях на колесницах. Но к власти причастны лишь живущие в полисе. Как и у германцев, сыновья привилегированных родов участвуют в похождениях, участвуя в дружине (*hetairoi*) героя (в «Одиссее» — царского сына). У феаков знать претендует на право привлекать население к участию в расходах на подношения гостям³⁷. Несмотря на то что не упоминается о свободных крестьянах, нигде не сказано, что все сельское население находилось в зависимости от знати. С одной стороны, фигура Терсита³⁸ доказывает, что даже обыкновенный рядовой, т. е. выступающий в бой не на колеснице, при случае осмеливается противоречить господам. Однако это считалось дерзостью. С другой стороны, и царь исполняет домашнюю работу: мастерит себе кровать, возделывает сад. Его сподвижники сами гребут. Но и рабы могут надеяться на получение «*kleros'a*»³⁹. Следовательно, той существенной разницы, которая наблюдалась позже в Риме, между положением купленного раба и клиента, наделенного землей, еще не существовало. Отношения патриархальны; все потребности удовлетворяются домашним хозяйством. Собственные корабли служат и для пиратства: торговля пассивна, за исключением финикийской. Надлежит отметить два существенных явления, кроме «рынка» и городской оседлости знати: во-первых — «агон»⁴⁰, впоследствии давший всей тогдашней жизни особый отпечаток; он естественно возник из рыцарского чувства чести и как следствие военного воспитания юношества. Наружное проявление его мы встречаем прежде всего в культе мертвых воинов-героев (Патрокл). «Агон» тогда уже являлся руководящим началом для знати. Вто-

рым важным фактом является, несмотря на дезидемонию⁴¹, свободное и даже неуважительное обращение с богами, отразившееся в той поэзии, которую впоследствии так осуждал Платон. Такое отсутствие уважения к богам в обществе героев могло возникнуть лишь в результате их постоянных, особенно морских, скитаний в местах, где они были оторваны от своих старых храмов и отеческих могил. Не упоминая ничего о «конной» знати родового полиса, Гомер в своих творениях рассказывает о борьбе гоплитов⁴², организованно сражавшихся сомкнутыми рядами — доказательство того, сколь различные эпохи нашли свое отражение в эпосе.

В историческую эпоху до развития тирании харизматически-родовой строй, за исключением Спарты и немногих других городов (Кирина), встречается лишь в отдельных проявлениях или в воспоминаниях (во многих городах Элады, Этрурии, Лациума⁴³ и в Риме) и притом всегда в виде власти над *одним* полисом. Власть эта, связанная с жреческими обязанностями, выделялась только окружавшим ее почетом. В остальном, кроме Спарты и Рима, царь ничем не отличался от других представителей знати, которые также иногда именовались «царями». Кирина является примером того, как источником власти царя служит внешняя торговля, независимо от того проявляется ли участие царя в виде собственной торговли или в виде контроля и защиты с его стороны. По-видимому, торговая монополия царя была уничтожена самостоятельной в военном отношении знатью, имевшей собственные колесницы, войска и корабли. Великие же восточные царства — египетское и хеттское⁴⁴ — с которыми Микены поддерживали отношения, в то время уже пали, другие же большие царства, вроде Лидийского⁴⁵, еще не возникли. Таким образом, царская власть пала после того, как прекратилась монополия торговля восточных царей и разрушились их построенные на принципе принудительного труда государства. То же, лишь в меньших размерах, повторилось и с микенской культурой. Это разрушение экономической основы царской власти, по-видимому, сделало возможным и так называемое дорийское вторжение⁴⁶. Начинаются пиратские набеги знати на малоазиатское побережье, где во времена Гомера еще не было греческих поселений и где тогда еще отсутствовали силь-

ные политические союзы. Этим начинается активный период греческой торговли.

Начальные исторические известия рисуют нам типичный родовой город. Он был прежде всего городом *приморским*, и до времен Александра и самнитских войн⁴⁷ не было полиса, который был бы расположен от моря дальше, чем на расстоянии одного дня пути. Вне полиса жили только в деревнях (χωμα) при лабильных политических связях племен (ευνη). Полис, существование которого прекращалось добровольно или насильственным путем, «диоикизировался», т. е. разделялся на деревни. Наоборот, основой города — реальной или фиктивной — был процесс «синойкизма», т. е. объединения родов, по приказу царя или по взаимному уговору, в укрепленной крепости или около нее. Подобное явление известно и Средневековью: синойкизм в Аквилее, описанный Готхейном, и в Александрии при ее основании⁴⁸. Внутреннее содержание этого процесса проявлялось, однако, в античности более характерно, чем в средние века. Существенным и необходимым признаком при этом был не факт длительного совместного жительства. Как средневековые роды, так и античные нередко проживали (например, в Элиде) в своих родовых поместьях или, по крайней мере, имели поместья наряду с домами в городе. Последнее встречалось чаще всего. Так, Декелея была родовым владением; по названиям родовых владений назывались многие аттические деревни, а также часть римских триб. Область Теос была разделена на «башни». Однако центр тяжести могущества знатных лежал все же в городе. Политические и экономические господа страны (крупные землевладельцы, кредиторы купцов и крестьян) составляли «*astoi*»⁴⁹, роды, жившие в городе; причем и процесс переселения сельской знати в города не прекращался. В классическую эпоху родовые бурги вне черты города перестали существовать. Родовые некрополи искони находились в городе. По установившемуся мнению существенным в образовании полиса было объединение родов общностью *культы*; заменой отдельных родовых пританеев общим городским пританеем, где пританы совершали свою общую трапезу. Значение этого в древнем мире было не только в том, как в средние века, что *conjuratio* горожан, превратившись в коммуну, тотчас же получает своего общегородского святого,

но и влекло за собою нечто большее: а именно, возникновение новой местной общности трапезы и культа. Не хватало только общей церкви, к которой в средние века принадлежал уже каждый.

Однако наряду с местными божествами, издавна существовали боги, чтимые повсеместно. Но единению препятствовала отсутствовавшая в средние века крепчайшая и для повседневной жизни важнейшая форма культа, замкнутого в пределах одного рода. Доступ в члены этих культов был почти так же строго ограничен, как и в Индии, и только отсутствие священных рамок табу делало единение возможным. Но то обстоятельство, что боги, которым поклонялся род, принимали жертвы только от членов рода, считалось непреложным. В число этих религиозно-родственных, культом объединяемых союзов полиса с ранней поры вошли и до позднейшей эпохи сохранились филы и фратрии, принадлежать к которым должен был каждый, желавший сделаться членом городского сообщества. Можно принять с достоверностью, что фратрии возникли раньше города. Впоследствии они стали преимущественно религиозными союзами, хотя сверх того, как, например, в Афинах, на них лежал и контроль над способностью детей носить оружие, а следовательно и связанной с этим их пригодностью быть наследниками в роде. Они были первоначально, очевидно, военными союзами, соответствовавшими уже известному нам «дому мужей», название которого (*andreion*) сохранилось как в дорических военнизированных государствах, так и в Риме (*curgia=coviria*⁵⁰) для подразделений объединенной в полис общины. Единение путем общности трапезы (*syssitia*) спартиатов, изъятие из семьи мужчин военного возраста на сроки военной повинности и военное воспитание мальчиков принадлежали к общим формам воспитания юношества в ранних военных союзах. Однако, за исключением некоторых дорических союзов, этот радикальный милитаристский полукommунизм в течение исторической эпохи нигде не получил значительного развития. Даже в Спарте крайность его проведения в позднейшую эпоху после уничтожения знати объясняется распространением военного могущества спартанского демоса и проводится лишь ради поддержания дисциплины и военно-сословного равенства. В обычных фратриях других городов родовая знать (*γῆν οἴκου*) находилась в привилегированном положении исключительного облада-

ния властью, что видно из актов Демотионидов — древнего, господствовавшего в Декелее рода. Еще по драконовским законам⁵¹ для выполнения смертных приговоров назначались «десять лучших», т. е. наиболее выделяющихся своим богатством и могуществом.

В более позднем городском устройстве фратрии рассматриваются как подразделения фил (в Риме — трех древних персональных «триб»), на которые делился обычный эллинский город. Название «фила» технически связано с полисом; для не организованного в городской союз племени употребляется выражение «этнос». В историческую эпоху филы являются искусственными подразделениями полиса, существующими как для чередования в несении общественных обязанностей, так и для голосований, для деления войска, распределения доходов от государственных имуществ, добычи и завоеванных земель (так происходило при разделении Родоса⁵²). Одновременно филы, как и все вообще чисто рационально построенные подразделения ранней эпохи, были и культовыми союзами. Искусственно образованы были и три типичные филы дорян, как на то указывает уже самое название третьей филы: «Pamphyloi», как и римской трибы — «Luceres». Возможно, что возникновение фил являлось следствием компромисса между местным племенем и чужим, вторгшимся в качестве завоевателя; отсюда, по видимому, и наличие двух спартанских царских родов неодинакового ранга, а также, согласно преданию, и первоначальное существование двух царей в Риме. Во всяком случае, в историческую эпоху филы были не локальными, а чисто персональными союзами с харизматически-родовыми «царями фил» во главе, бывшими первоначально наследственными вождями и лишь впоследствии избираемыми. К филам и фратриям, трибам и куриям принадлежали в качестве активных и пассивных граждан все способные в полисе носить оружие. Активными гражданами, т. е. участвующими в управлении городом, были лишь члены родовой знати. Нередко поэтому название горожанина отождествлялось с понятием «сородича». Первоначально принадлежность к знатным родам была связана с достоинством правителя округа и лишь в эпоху возникновения сражений на колесницах и постройки укреплений она стала связываться с владением таковыми. Появление новой знати происходило в полисе царской эпохи, вероятно, так же легко,

как в средние века ведущие рыцарский образ жизни возвышались до уровня владельцев ленов. Но в историческую эпоху только представитель родовой знати (патриций, эвпатрид) мог в качестве жреца или должностного лица общаться с богами полиса путем жертвоприношений или ауспиций (гаданий). Сам же род, согласно своему догородскому прошлому, имел своих, отличных от богов полиса, богов и свой родовой культ по месту происхождения рода. С другой стороны, наряду с должностями жрецов, монополизованными определенными родами, существовало и должностное жрецеское сословие. Однако жрецеская монополия общения с богами, как почти повсеместно было в Азии, здесь не существовала, так как этим правом обладали должностные лица города. Не существовало также и независимых от полиса жрецов, за исключением небольшого числа больших общих святилищ, вроде Дельф, обслуживавшихся собственными жрецами. Жрецы назначались полисом, и первоначально даже в Дельфах святилищем распоряжалась не независимо организованная иерократия, а соседний полис, после разрушения которого во время священной войны святилищем стала распоряжаться состоявшая из нескольких соседних общин амфикифия⁵³, осуществлявшая весьма ощутимый контроль. Таким образом, не составляли исключения из этого положения и большие храмы, несмотря на их политическую и экономическую мощь, как обладателей крупной земельной собственности, эргастериями⁵⁴, такие храмы были и крупными кредиторами, как по отношению к частным лицам, так, главным образом, и по отношению к государствам, ценности которых они хранили. Как в самой Греции, так и в ее колониях, как мы уже видели, полис оставался или, вернее, все больше становился фактическим хозяином имущества богов и жрецов. В результате должности жрецов стали продаваться с торгов. Решающим моментом в этом процессе, завершаемом впоследствии демократией, было, очевидно, господство военной знати. С того времени как жрецы и святилища, так и священное право и магические нормы превратились в средства власти в руках знати. Знать полиса не обязательно была замкнутой, и, особенно вначале, прием новых переселявшихся в город владельцев окрестных бургов и их клиентов (*gens Claudia*), а также массовые посвящения в благородное звание (в Венеции или *gentes minores*⁵⁵ в Риме) не

были редкостью. Знать не была исключительно местным, территориально ограниченным объединением. Аттические эвпатриды, как, например, Мильтиад, обладали в классическую эпоху большими внешними владениями и поддерживали, как потом и в средние века, в своей среде интерлокальные связи. Экономическое влияние знати было основано преимущественно на земельной собственности. Основой покрытия потребностей служил труд рабов, зависимых и клиентов, о которых еще будет речь впереди. После исчезновения старых форм зависимости и клиентелы главным видом собственности оставалась недвижимость и сельскохозяйственные угодья. То же мы встречаем и в положении вавилонского патрициата; например, при разделе имущества одного из наиболее видных торговых домов (Egibi) перечисляются в виде главных имущественных статей: городские и сельские земельные владения, рабы и скот. Все же, как в Голландии в средние века, так и ранее в Вавилоне, источником экономической мощи типичной городской знати служило непосредственное или косвенное ее участие в торговле и в заморских предприятиях, что долгое время считалось обычным для этого сословия занятием и только впоследствии в Риме было запрещено сенаторам. Ради возможности подобной наживы знать стремилась к жизни в городах. Собранные таким образом капиталы предоставлялись за ростовщические проценты как средство создания задолженности отстраненных от политической власти крестьян. Во власти знати оказывается масса рабов, потерявших свободу за долги, и лучшие, наиболее доходные земли («*τεβία*» в Аттике) в сравнении с неплодородными горными откосами, занятыми «*διακρίями*»⁵⁶, остававшимися во владении крестьян. Таким образом, сеньориальная власть городской знати основывалась в значительной степени на возможности иметь городские доходы. Задолжавшие крестьяне использовались в хозяйстве господина на барщине вместе с поземельно и лично зависимыми. Постепенно развивается и торговля рабами. Конечно, нигде, даже в Риме времен господства патрициата, не исчезало сословие свободных крестьян. Сообщения источников о борьбе сословий в Риме доказывают, что ее причиной было не то, что земля находилась в руках крупных собственников; причины ее лежали в совершенно иной области. Каждый, кто не принадлежал к городскому сословию с его военной подготовкой, т. е.,

прежде всего, свободный деревенский житель (*agricos, regioicos, plebejus*), будучи отстранен от какой бы то ни было политической власти и, в первую очередь, от активного участия в не ограниченном никакими твердыми правилами законодательстве, был вынужден, добиваясь правосудия, делать подношения или даже превратиться в клиента кого-либо из знати и, вследствие тяжелого долгового права, постепенно оказаться в полной зависимости от горожанина-хозяина. Наоборот, фактическая повсеместная свобода передвижения и возможность выкупа были для крестьян родового города сравнительно велики, в противоположность позднему городу гоплитов и, особенно, радикальной демократии, на что указывает пример семьи Гесиода⁵⁷. Что касается живших в городе свободных ремесленников и торговцев незнатного происхождения, то они находились, вероятно, в положении, подобном захребетникам (*muntmannen*) Средневековья⁵⁸. В Риме, до тех пор, пока царь сохранял свою власть, они, по-видимому, находились на положении его клиентов под его защитой, подобно тому, как это было позже у сеньоров раннего Средневековья. Иногда встречаются следы литургических ремесленных организаций; возможно, что и римские военные центурии ремесленников имели подобное происхождение. Были ли ремесленники организованы в виде пришлых родов, как в Азии и в Израиле до времени пленения⁵⁹, нам неизвестно. Нет оснований предполагать и ритуальную замкнутость наподобие индийских каст.

В противоположность средневековым городам, родовой город делился на стереотипное число фил, фратрий и родов, что имело прежде всего военный и сакральный характер. Как военная «сотня» германцев⁶⁰, так и деление на филы объясняется тем, что античный город первоначально был местом жительства сообщества воинов. Этим объясняется отличие в строении городов с родовым характером в древности от городов Средневековья. Кроме этого, сыграла роль, конечно, и разница в условиях возникновения городов: в древности — морское побережье в окружении крестьян и варваров, при развитии городов из городов-государств; в средневековье — внутри больших, построенных на основе патримониальности королевств на континенте, в столкновениях со светскими и духовными феодалами. Там же, где политические условия были схожими, и само развитие шло,

несмотря на указанную общую разницу, по форме похоже. Мы видели уже, как в Венеции положение городского властителя, обладающего династически и патримониально обоснованной властью, вследствие сначала формального запрета назначать соправителей, а затем и превращения дожа в представителя корпорации знати, стало обозначать простую должность. Аналогией в древности служит превращение в городе-государстве царской власти в ежегодно сменяемую магистратуру. Если мы вспомним об следах когда-то происходивших в Риме назначений себе преемников и соправителей, вроде назначения диктатора консулом или выставления новых кандидатур и даже прямого назначения новых должностных лиц старыми, что было необходимым условием для их признания; если мы вспомним о той роли, которую играл в Риме «interrex»⁶¹, об ограничении прав римской общины первоначально лишь правом аккламации, о праве выбора должностных лиц только из числа предложенных (а позже допущенных) магистратом кандидатов, то понятным станет подчеркнутое Моммзенем⁶² первоначальное значение права назначения соправителей. Правда, от развития в Венеции переход эллинского города-государства к системе-ежегодно избираемой, контролируемой знатью магистратуре формально отличается гораздо больше, чем тот же процесс в Риме. С другой стороны, от венецианского типа существенно отличается и возникновение устройства других городов в средние века.

Установившееся господство знати привело к замене совета старейшин времен Гомера (неспособных уже носить оружие) на советы привилегированных родов: или в виде советов, состоящих непосредственно из глав родов, примером чему служит патрицианский сенат в раннюю эпоху Рима, спартанский совет «γερῶκοι», т. е. людей, получавших почетные подношения от своих клиентов, древнеаттический совет пританов, избиравшихся по «навкриям»⁶³, или же в виде советов бывших должностных лиц, примерами чему служат со своей стороны: позднеаттический ареопаг⁶⁴ и римский сенат исторической эпохи. Что же касается средневековья, то, хотя ему и не безызвестны советы, состоящие из старейших в роде, однако не в форме, определенной сакральным значением рода; для формы же советов, состоявших из бывших должностных лиц, аналогией может служить лишь факт привлечения бывших бургомистров и чле-

нов совета к участию в заседаниях совета. Вообще военный и сакральный характер магистров в древности придавал им значительно более устойчивое положение, чем то, которое имелось у должностных лиц средневекового города. Как в древности, так и в средние века власть фактически находилась в руках лишь нескольких родов, взаимно конкурировавших в замещении должностей. В Коринфе же, например, власть была в руках только одного рода — Бакхиадов. Так же, как в средние века в городах, где господствовала родовая знать, в античности родовой полис отличался весьма незначительным числом должностных лиц; даже при весьма продолжительном господстве знати, как, например, в Риме, число должностных лиц не увеличивалось. Возникшее господство знатных родов во многом обнаруживает одни и те же черты в древности и в средние века. Как тут, так и там распри между отдельными родами, изгнания и возвращения назад победителем, войны между вооруженными слоями городов (в древности, например, «лелантская война»⁶⁵) и, особенно, бесправие сельских местностей. Древние города, как и средневековые, старались, где только могли, подчинить другие города, поставить их в экономическую зависимость. Города перизков⁶⁶, позже — поселения спартиатов, управляемые гармостами⁶⁷, многочисленные общины, подчиненные Афинам и Риму, аналогичные венецианским *terra-firma*⁶⁸ и городам, подчиненным Флоренции, Генуе и другим, управлявшимся должностными лицами последних.

Что касается экономической структуры родов, то они были, как в античности, так и в средние века, прежде всего получателями рент. Принадлежность к знатным родам определялась и в античности, и в средние века не только происхождением, но и более роскошным, «благородным» образом жизни. К знатным родам Средневековья принадлежали фамилии бывших должностных лиц и, как в Италии, свободные вассалы и рыцари, а также земельные собственники, которые, нажив себе состояние, стали вести рыцарский образ жизни. В Германии, как и в Италии, некоторые роды, обладая бургам, лежавшими вне городов, использовали их во время борьбы с цехами, долгое время угрожая из них городам, откуда они были изгнаны. Одним из наиболее известных тому примеров служит род Ауэров в Регенсбурге. Эти слои, ведущие рыцарский образ жизни, состоящие в

ленных отношениях и входящие в число министералов, были настоящими «магнатами» и «нобиями», по итальянской терминологии. После захвата городского управления цехами, на одной стороне с ними, оказывая им военную поддержку против магнатов, естественно очутились главным образом те рыцарские роды, которые не имели собственных бургов и должны были, оставаясь в городе, признать новое правительство. Дальнейшее развитие могло пойти по двум направлениям. Или фамилии нерыцарского происхождения входили в круг знати путем покупки рыцарских поместий, а зачастую и бургов, и переселялись в них из города, или же знатные фамилии в городе, принимая сначала случайное участие капиталом в торговле, начинали заниматься торговлей профессионально и переставали, таким образом, быть получателями рент. Случалось как первое, так и второе. В общем, однако, преобладала первая тенденция, потому что она означала социальное возвышение рода.

При основании политическими и землевладельческими сеньорами новых городов в средние века случалось, что рыцарские роды в них и *вовсе отсутствовали*, нередко потому, что они туда не допускались. Последнее случалось особенно часто после того, как началась борьба цехов против знатных родов, преимущественно на северо-востоке. В Швеции в основании и в управлении вновь возникавших городов участвуют и пришлые немецкие купцы. То же наблюдается и в Новгороде, и нередко на Востоке. Здесь, по крайней мере вначале, «патрициат» является действительно тождественным купечеству. Важное значение этого явления мы разъясним дальше. В старых же городах дело обстояло иначе. Там везде наблюдается тенденция к развитию слоя, существовавшего на ренту, как подлинно знатного слоя, стоящего во главе патрицианских клубов. В древности купеческий характер патрициата встречается преимущественно в колониях, например в Эпидамне. Таким образом, хотя экономический характер патрициата и был непостоянным, центр тяжести его был везде в получении ренты. Необходимо еще раз подчеркнуть, что экономической причиной поселения знатных родов в городе была возможность получения доходов, и что именно они явились основой экономического могущества городских родов. Ни античный эвпатрид, или патриций, ни патриций средневеко-

вый не были в современном значении этого слова «купцами», т. е. людьми, стоявшими во главе собственных предпринимательских контор. Если они участвовали в предприятиях, то в качестве капиталистов, судовладельцев, участников комменды, рисковавших своим капиталом в заморской торговле; самое путешествие и торговые хлопоты они предоставляли другим, участвуя лично, следовательно, лишь в риске и барышах, иногда же, при случае, в качестве вдохновителей того или другого предприятия. На участие таких капиталистов-кредиторов, размещавших свой капитал ради уменьшения риска в возможно большем количестве самостоятельных предприятий, рассчитаны были все виды предприятий ранней античности и раннего средневековья, особенно комменды. Это не значит, конечно, что не было самых разнообразных переходных стадий между патрициатом и личным торговым предпринимательством. Странствующий торговец, получивший от капиталиста коммендный капитал для организации предприятий, мог легко превратиться в управляющего большим торговым домом. Такой дом, существовавший на коммандитный капитал, имел в разных местах своих агентов, работавших на хозяина, открывавших меняльные лавки и банкирские конторы. Корабельные и торговые предприятия также часто могли быть связаны с патрицием, который сам вел рыцарский образ жизни. Естественно, что переход от помещавшего свой ранее лежавший без движения капитал в комманду, к владельцу капитала, занятого постоянной предпринимательской деятельностью, достаточно текуч. Этот очень важный и характерный момент является следствием развития, наблюдаемого особенно во времена господства цехов, когда роды, с одной стороны, желая принять участие в городском управлении, должны были записываться в цехи, а с другой — в цехе оставались и не принимавшие больше участия в предприятиях бюргеры, так что граница между ними исчезала. Название «*sciooperati*»⁶⁹ для больших торговых цехов в Италии подтверждает это. Особенно же типичным было это для больших английских городов, например, Лондона. Здесь борьба за господство над городом организованным в цехи сословием трудящихся граждан выразилась в выборной борьбе за представительство общин и занятии должностей. Выборы происходили, с одной стороны, по цехам (*liveries*), с другой — по городским кварталам (*wards*) с

их представителями, причем большей частью побеждали знатные роды, обладавшие в городе земельной собственностью. Растущее значение цехов выразилось в увеличивавшейся зависимости прав горожан от принадлежности к какому-нибудь цеху. Эдуард II установил это для Лондона в виде закона, и хотя господствовавшие до 1351 г. выборы коммунального совета по городским кварталам еще несколько раз восстанавливались насильственно (1383), с 1463 г. окончательно установились выборы по цехам. В пределах самих цехов, к которым должен был теперь принадлежать каждый горожанин — даже сам король Эдуард III⁷⁰ сделался членом «*linen armourers*»⁷¹ (по современному: «*merchant tailors*»⁷²), — действительные торговцы и промышленники понемногу уступают место получателям рент. Теоретически принадлежность к цеху приобреталась годами ученья и посвящением, фактически же передавалась по наследству или приобреталась за деньги. Значение цехов в смысле их первоначальной специальности за немногими исключениями (например, ювелиры) понемногу утратилось и стало только номинальным. В них возникли экономические и социальные противоречия; главным же образом они превратились в выборные союзы «джентльменов» для занятия должностей в городской общине.

Хотя между различными типами цехов и не было определенных границ, однако это характерно для всех социологических явления и не должно мешать установлению нами действительно типического. Как в древности, так и в средние века, типичный патриций не был профессиональным предпринимателем, а был получателем рент или предпринимателем время от времени. В статутах верхнерейнских городов как официальное обозначение членов палаты господ (*Herrenstube*) в противоположность цехам мы встречаем выражение: «уважаемые бездельники» («*ehrsame Müssiggänger*»). Во Флоренции крупные торговцы «*arti di Calimala*»⁷³ и банкиры принадлежали к цехам, а не к знатым родам.

Занятие предпринимательством для членов родов считалось в античности недопустимым. Это выражалось не в том, что среди римских сенаторов не должно было быть «капиталистов»; разница заключалась совсем в другом. Как представители старого патрициата ранней античности, особенно в Риме, по отношению к крестьянам, так сенатские роды по отношению к своим политическим подданным очень ши-

роко проявляли себя в качестве «капиталистов», т. е. *снабжающих капиталом*. Представителям считавшихся действительно знатными родов в городах античности и средневековья запрещалось только предпринимательство; иногда это было зафиксировано в праве сословным этикетом, строгость которого была различной. Способы, которыми пользовался типичный патрициат для умножения своего состояния, находились, как мы увидим дальше, в зависимости от весьма различных объектов, но сама граница оставалась той же. Кто слишком ощутимо нарушал границу между этими двумя формами экономического поведения — вкладыванием имущества и стремлением к росту капитала, — тот в древности назывался «*banausos*» (ремесленником, с презрительным оттенком), а в средние века считался человеком, не имеющим ничего общего с рыцарством. В позднее Средневековье рыцарское внегородское земельное дворянство отказывало старым рыцарским родам в признании их равными себе лишь за то, что последние заседали в совете на одной скамье с членами цехов — подразумевалось, с предпринимателями. При этом, если принять во внимание практику, осуждалась собственно не сама «жажда наживы», как *психологический* мотив, ибо как римская должностная знать, так и средневековые знатные роды больших приморских городов были обычно одержимы «*augi sacra fames*»⁷⁴ не менее любого другого класса. Осуждалась рациональная, «бюргерская» форма наживы — систематический труд ради заработка. Если обратиться к флорентийским «*Ordinamenti della giustizia*»⁷⁵, которые должны были сломить господство родов, по какому именно признаку они определяют принадлежность фамилий к нобилиям, лишаемых ими политических прав, то ответ был бы такой: по признаку принадлежности к рыцарским фамилиям, т. е. фамилиям, ведущим типично рыцарский образ жизни. Образ жизни и в древности был решающим при исключении лиц, занятых предпринимательской деятельностью, из числа кандидатов на занятие должностей. По толкованию Макиавелли⁷⁶, флорентийские «*Ordinamenti*» требовали подчинения нобилей, желавшего остаться в городе, общепринятому городскому образу жизни. Таковы были основные, как мы видим, «сословные» признаки патрициата. К ним относился также характерный признак харизматического происхождения знати, а именно признак происхождения из рода, в котором

предки уже занимали известные должности и члены которого поэтому имели право на занятие общественных должностей. Это относится как к родам шерифов в Мекке, так и к римскому нобилитету, равно как и к трибунским родам Венеции. В Венеции ограничение было строже, чем в Риме, где для «нового человека» (в римском смысле «*homo novus*»⁷⁷) не была формально исключена возможность занимать должности. Но при установлении права какого-либо рода занимать общественные должности и участвовать в заседаниях совета, решающим было то обстоятельство, заседал ли кто-либо из предков данного рода когда-либо в совете, занимал ли общественные должности или, как в флорентийских «*Ordinamenti*», имел ли среди предков рыцарей. С ростом народонаселения и с увеличением значения монопольных должностей росла и сословная замкнутость.

Некоторыми замечаниями в предыдущей главе мы уже затронули то время, когда старая харизматически-родовая знать частично или полностью утратила свое особое положение в городе и вынуждена была разделить свою власть с греческим демосом, римским плебсом, итальянским *popolo*, английскими *liveries* и немецкими цехами, и, следовательно, занять равное им сословное положение. К рассмотрению этого процесса мы теперь и перейдем.

IV

ПЛЕБЕЙСКИЙ ГОРОД

С внешней стороны процесс падения господства родовой знати в древности и в средние века обнаруживает много общего: как в больших итальянских городах Средневековья, так и в античных городах существенным моментом развития города было собственное законодательство, развивавшееся без вмешательства сил, стоявших вне города. Следующим решающим этапом в развитии итальянских городов после появления института подеста было возникновение слоя *popolo*. Как и немецкие цехи, экономически *popolo* состоял из весьма различных элементов, и прежде всего из предпринимателей, с одной стороны, и ремесленников — с другой. Ведущими в борьбе против рыцарских родов были вначале, безусловно, предприниматели. В то время, как ремесленные цехи поставляли необходимые массы людей для борьбы против родов, предприниматели организовывали и финансировали их в этой борьбе. Очень часто союз цехов, чтобы победить в борьбе против родов, ставил во главе движения одно лицо. Так, после изгнания родов в 1335 г. во главе Цюриха стал рыцарь Рудольф Брун вместе с советом, состоявшим в равных частях из оставшихся в городе рыцарей, *constaffeln*, предпринимательских цехов купцов, торговцев сукном, солью, ювелиров, с одной стороны, и представителей мелкоремесленных цехов — с другой. Таким образом составленный совет во главе с Рудольфом Бруном отстоял город против имперского войска. В Германии особые союзы цехов носили временный характер и прекратили свое существование вследствие преобразования городского управления: в виде ли приема представителей цехов в городской совет, или же вследствие полного поглощения цехами граждан вместе с родовой знатью. Братство сохранилось лишь в некоторых городах Северной Германии и в

Прибалтийской области. Его второстепенное значение в сравнении с профессиональными союзами вытекает из того, что правление ее состояло из мастеров отдельных союзов. В Мюнстере в XV столетии никто не мог быть посажен в тюрьму без согласия на то гильдий. Имея своих представителей в совете, постоянных или временных, без согласия которых ничего не могло быть предпринято, общая гильдия являлась, таким образом, как союз, охраняющий от судопроизводства совета. Значительно большую роль играл союз в борьбе против родов в Италии.

Итальянский *popolo* было понятием не только экономическим, но и политическим. Будучи особой политической общиной в пределах коммуны, с собственными чиновниками, финансами и военной организацией, он был государством в государстве, первым *сознательно незаконным и революционным* политическим союзом. Причина этого явления в Италии заключалась в большем развитии экономического и политического значения городской знати и в усилении, вследствие этого, притока в город родов, ведущих рыцарский образ жизни. Выступавший против них союз *popolo* был основан на братстве профессиональных союзов (*arti* или *paratici*), и организованная таким образом особая община носила официальное название: *societas*, *credenza*, *mercadanza*, *communanza*, или просто *popolo* (в Милане в 1198 г., в Лукке в 1203 г., в Лоди в 1206 г., в Павии в 1208 г., в Сиене в 1210 г., в Вероне в 1227 г., в Болонье в 1228 г.).

Высшее должностное лицо этой общины называлось в Италии «*capitanus popoli*» [капитан народа], избирался он большей частью на год, состоял на жалованьи и нередко призывался, как и подеста общины, извне, привозя в этом случае с собою и своих чиновников. *Popolo* предоставлял в его распоряжение милицию, набранную большей частью из представителей городских кварталов или цехов. Жил он часто, как и подеста общины, в особом народном доме с башней, крепости *popolo*. В помощь ему для управления финансами были даны особые органы из избранных по городским кварталам на короткий срок представителей цехов (*anziani* [старейшины] или *priori* [главы]). Они претевдовали на право защищать пополанов в суде, опротестовывать постановления коммунальных должностных лиц, вносить запросы и даже непосредственно участвовать в самом законодательстве. Главным же образом они принимали участие в

решениях *popolo*, который имел собственные статуты и свою налоговую систему. Иногда *popolo* удавалось добиться того, что постановления коммуны вступали в силу лишь после их утверждения со стороны *popolo*; таким образом, новые законы коммуны заносились в оба статута. Свои же собственные постановления *popolo* по возможности старался вносить в статусы коммуны; в некоторых случаях он добивался даже того, что его решения предшествовали всем другим, т. е. и коммунальным статутам (*abrogant statutis omnibus et semper ultima intelligantur*¹ в Брешии). Наряду с судом подеста существовал суд *mercanzia* [торговцев] или *domus mercatorum* [домов торговцев], которые, принимая на себя разбор преимущественно дел, связанных с рынком и с ремеслами, являлись специальным судом по купцов и предпринимателей. Нередко этот суд достигал, и значения общего суда пополанов. В XIV в. подеста города Пизы должен был присягать в том, что ни он, ни его судьи никогда не будут вмешиваться в споры между пополанами; а иногда *capitan* добивался и общей подсудности ему дел наряду с *podestà*; в единичных же случаях он становился даже кассационной инстанцией против приговоров последнего. Очень часто капитан получал право контрольного участия в заседаниях коммунальных органов, имел право прерывать их, а иногда и созывать граждан коммуны для реализации решений совета, когда подеста не делал этого. Наконец, он обладал правом изгнания граждан из города, равно как и аннулирования приговора об этом, а также контролировал и участвовал в управлении коммунальными финансами, в первую очередь имуществом изгнанных. Официально капитан стоял рангом ниже подеста, но, как мы видели, были случаи, когда он становился должностным лицом коммуны: *capitanus populi et communis* [капитан народа и коммуны] или, выражаясь языком Рима, — *collega minor* [младший коллега]. Фактически же он зачастую был более сильным. Капитан часто ведал и вооруженной силой коммуны, особенно когда она стала набираться из наемников, оплачивавшихся путем обложения налогом богатых пополанов.

Таким образом, при господстве *popolo*, привилегии знати были весьма сомнительного свойства. В то время как должности коммуны были доступны для пополанов, должности *popolo* были закрыты для знати. В процессах против знати, пополаны находились в привилегированном поло-

жени; *capitan* и *anziani* контролировали управление коммуна, между тем как деятельность *popolo* оставалась вне контроля. Только постановления *popolo* признавались совокупностью горожан. Во многих случаях знать исключалась из участия в управлении коммуной — временно, а иногда и на продолжительные сроки. Наиболее известным случаем являются уже упомянутые *Ordinamenti della giustizia Джано делла Белла* от 1293 г. Согласно этих *Ordinamenti*, наряду с капитаном, стоявшим во главе городской милиции цехов, был на очень короткие сроки избираем гонфалоньер правосудия (*gonfaloniere della giustizia*) — чрезвычайное, чисто политическое должностное лицо, в распоряжение которого предоставлялся отряд народной милиции в 1000 человек; этот отряд был всегда наготове, имел целью защиту интересов пополанов, выполняя приговоры против знати, и следил за соблюдением *Ordinamenti*. Таким образом, демократической разновидностью венецианского судебного процесса в Совете Десяти являлся политический судебный процесс, основанный на официальной системе шпионажа, поощрения анонимных доносов и на ускоренном инквизиционном допросе с весьма упрощенными доказательствами (посредством «очевидности»). Наиболее существенными и резкими мерами против магнатов были: недопущение всех ведущих рыцарский образ жизни родов к занятию общественных должностей, ответственность всего рода за действия каждого отдельного его члена, чрезвычайные наказания за политические преступления магнатов, особенно за оскорбление чести кого-либо из среды пополанов, и запрет приобретать недвижимость, граничащую с владениями пополана, без согласия на то последнего. Повсеместное проведение господства *popolo* взяла на себя партия гвельфов, статуты которой рассматривались, как часть общегородских статуты. Занимать должность мог только член этой партии. О средствах ее власти уже упоминалось. То, что эта организация опиралась главным образом на рыцарские силы, заставляет предполагать, что социальное и экономическое могущество родов все же не было окончательно уничтожено введением *Ordinamenti*. И действительно, не прошло и десяти лет с издания этих флорентийских классовых законов, перенятых многочисленными тосканскими городами, как снова начались междуродовые распри и власть стали захватывать небольшие плутократические группы. Так как знатные роды

могли быть принятыми в число пополанов, то и самые должности *popolo* стали фактически почти всегда замещаться представителями знати. Отказ от рыцарского образа жизни был только номинальным, существенной была лишь гарантия политической благонадежности и запись в члены какого-либо цеха. Социальным следствием этого явилось некоторое слияние родов городской знати с «жирным народом» (*popolo grasso*), слоем, имевшим в своем составе и людей с университетским образованием, и владельцев капиталов, ибо так назывались семь высших цехов: судей, нотариусов, менял, торговцев чужеземными сукнами, флорентийскими шерстяными тканями и шелками, врачей, торговцев пряностями и торговцев мехами. Из этих высших цехов, в которые входила обычно знать, должны первоначально избирались все должностные лица города; и лишь после дальнейших восстаний формальное право участия в управлении получили и 14 «младших цехов», *arti minori popolo minuto*, т. е. мелкие предприниматели и торговцы. Не принадлежавшие же к этим 14 цехам мелкие ремесленники добились участия в управлении и самостоятельной цеховой организации лишь на короткое время после восстания чомпи² (*ciompi*) в 1378 г. В некоторых городах, как, например, в Перудже в 1378 г., мелким ремесленникам, правда, удалось добиться, хотя и ненадолго, исключения из участия в совете «приоров» не только нобилей, но и *popolo grasso*. Характерно, что в своей борьбе против господства *popolo grasso* неимущие слои регулярно получали поддержку со стороны нобилей, подобно тому, как и позднее при поддержке же масс была основана тирания. Начиная же с XIII в. наблюдается вообще постоянный союз знати и неимущих против натиска развивающейся буржуазии. Интересы мелких ремесленников в ходе развития раздаточной системы начинали все больше сталкиваться с интересами предпринимательских цехов. По данным графа Брольо д'Айяно, развитие раздаточной системы, например, в Перудже, шло так быстро, что в 1437 г. отдельный предприниматель давал работу наряду с 28 прядельщиками (*filatori*) еще 176 *filatrici*, которые обрабатывали шелк-сырец. Положение мелких ремесленников-надомников при этом было часто весьма неустойчивым. С одной стороны, предприниматели нанимали иногда работников из других мест и поденно, предпринимательские цехи пытались односторонне регламентировать в свою пользу условия

надомного производства, с другой — цехи надомников (например, стригальщики (*simatori*) в Перудже) запрещали снижать оплату их труда. Конечно, эти слои не могли ничего ждать от господства высших цехов, но и собственного длительного политического господства они нигде не достигли. Совершенно в стороне от какого бы то ни было участия в городском управлении находился пролетарский слой странствующих подмастерьев³. Хотя со времени участия низших цехов в управлении в состав городских советов и начал проникать относительно демократический элемент, однако фактически его влияние оставалось большей частью весьма незначительным. Обычай итальянских городов образовывать особые комитеты для выборов должностных лиц преследовал цель исключить возможность демагогии и предотвратить воздействие политически безответственных и часто анонимных руководителей выборов, наподобие действующих в современных европейских демократиях. Хотя этот обычай делал возможным планомерный подбор членов совета и других должностных лиц, однако он сводился к компромиссу между социально влиятельными родами, причем приходилось прежде всего считаться с финансовыми кругами. И только во времена борьбы за власть между равными по могуществу родами или во время религиозных волнений некоторое влияние на замещение должностей оказывало «общественное мнение». Род Медичи⁴ был обязан своим господством не своему служебному положению, а исключительно своему влиянию и систематическому воздействию на выборы.

Успехи *роро* были достигнуты не без упорной и нередко кровавой и длительной борьбы. Знать, изгнанная из городов, продолжала борьбу, засев в своих крепостях. Городские отряды разрушали их, а городское законодательство уничтожало традиционный аристократический строй нередко при помощи планомерного освобождения крестьян. Необходимые для победы над знатью средства *роро* получал от признанных *цеховых* организаций, услугами которых коммуна с самого начала пользовалась в деле управления. Ремесленники призывались иногда к несению сторожевой службы в крепостях, чаще же — в качестве пехотинцев, построенных по цехам. С постепенным развитием военной техники стала необходима и финансовая поддержка предпринимательских цехов. Наконец, интеллектуальную и

административно-техническую опору предоставляли юристы, в первую очередь нотариусы, а также судьи, и близкие им врачи и аптекари. Эти организованные в цехи интеллектуальные слои коммун повсюду принадлежали к руководящим слоям *рополо* и играли роль, подобную адвокатам и другим юристам в среде *tiers état* [третье сословие] во Франции. Первые народные капитаны до занятия этой должности были большей частью старшинами цехов или их союза. Обычной ступенью к политической организации *рополо* была *mercadanza*, первоначально неполитический союз занимавшихся торговлей и ремеслами; ее председателем — *podestá mercatorum* [подеста купцов], нередко бывший и первым народным капитаном. При этом, как правильно подчеркивает Э. Зальцер, «*mercatores*» означали и здесь всех городских ремесленников и торговцев. Все развитие *рополо* шло прежде всего в направлении организованной защиты интересов пополанов в суде, коммунальных органах и других учреждениях. Побуждающим основанием к его развитию была обычно фактическая невозможность для незнатных добиться правосудия. Не только в Германии (как это было в Страсбурге) случалось, что поставщики и ремесленники нередко безнаказанно получали вместо требуемой платы побои. Но, по-видимому, более сильное влияние имели не прекращавшиеся целое столетие после учреждения особого союза личные оскорбления и угрозы по адресу пополанов со стороны более сильной в военном отношении знати. Социальное сословное чувство рыцарства сталкивалось с естественным чувством оскорбленности горожан. Поэтому из особого рода трибунского права помощи и контроля над должностными лицами коммуны и стал образовываться институт народных капитанов, развившийся в кассационную инстанцию, и превратившийся, наконец, в высшую административную власть. Подъему *рополо* способствовали раздоры родов, наносившие ущерб экономическим интересам горожан и часто дававшие первоначальный повод к вмешательству городских властей. К этому присоединялось честолюбивое желание отдельных лиц из знати установить при помощи *рополо* тиранию. Повсеместно знать находилась под угрозой такого развития событий. Раскол среди знати давал *рополо* постоянную возможность иметь на своей стороне часть военной силы рыцарства. С военной точки зрения растет значение пехоты, которая начинает вытеснять рыцарскую кон-

ницу. Что касается зачатков рациональной военной техники, то во флорентийских войсках XIV в. впервые упоминаются «бомбарды», предшественники современной артиллерии.

Очень похоже с внешней стороны на развитие *poroio* было развитие в античности демоса и плебса⁵, главным образом в Риме, где особая община плебса со своими должностными лицами возникла подобно общине *poroio*. Первоначально выборными старшинами незнатных граждан четырех городских кварталов были трибуны, хранителями же святилища общего культа, а одновременно и казны незнатных граждан, т. е. казначеями плебса, были, как полагает Э. Мейер, эдилы⁶. Сам плебс представлял собою братство, члены которого давали клятву убивать всякого, становившегося на пути трибуна в его защите интересов плебеев; трибун, в противоположность легитимным должностным лицам римской общины, был *sacro sanctus*⁷. Аналогично было положение итальянского народного капитана, который не имел права на добавление к своему имени «*Dei gratia*» [«милостью Божьей»], в отличие от должностных лиц, обладавших легитимной властью — консулов.

Трибун также не обладал и легитимной административной властью, признаком которой служило общение с богами общины, *ауспиции*⁸, а также законным правом налагать наказания. Вместо этого у него было право применять к каждому, кто мешал ему в исполнении его должностных обязанностей, своего рода суд Линча: без суда и следствия сбрасывать с Тарпейской скалы⁹. Должностное положение как капитана и *anciani*, так и трибуна развилось из первоначального права вступаться за плебеев перед магистратами и приостанавливать приведение в исполнение принятых ими решений. Это право интерцессии¹⁰, общий запретительный атрибут римских должностных лиц, применявшийся ими как в отношении равных, так и низших по должности, было основным правом трибуна. Отсюда, как и у капитана, власть его разрослась до размера всеобщей кассационной инстанции, а тем самым и вообще до фактически высшей власти в пределах городского округа в мирное время. В походе же не трибун, а полководец имел неограниченные права. Таким образом, в противоположность должностям более раннего периода, характерным для специфически гражданского происхождения трибуна является ограничение

сферы его влияния городом. При помощи одной только касационной власти трибуны провели все политические требования плебса: право апелляции при приговорах по уголовным делам, смягчение долговых законов, судопроизводство в базарные дни в интересах сельского населения, равное участия в занятии должностей, позже также жреческих и в совете, и, наконец, проведенное последней сецесией постановление плебесцита (*lex Hortensia*)¹¹ об обязательности постановлений плебса для всей общины. Последним было достигнуто, как и позднее в Италии, уничтожение формальных привилегий родовой знати. После этих успехов в сословной борьбе политическое значение должности трибуна стало падать. Как впоследствии капитан, трибун превратился в должностное лицо общины, включенное в развивавшуюся общую систему должностей и избиравшееся лишь одними плебеями, историческое отделение которых от патрициев потеряло всякое практическое значение и уступило место развитию новой должностной и имущественной знати (нобилей и всадников). В происходящей борьбе классов лишь после Гракхов¹² опять был выдвинут вопрос о старых политических правах на этот раз лишенными политических прав горожанами в их, носящем экономический характер, сословном движении против должностной знати. Это привело к тому, что, в конце концов, трибунская власть стала, наряду с военным командованием, пожизненным должностным атрибутом *принцепса*¹³. Несмотря на огромное различие в политических, социальных и экономических условиях, все же поражает сходство между указанным развитием римского трибуната и средневекового итальянского капитанства. Возникает вопрос: не имеет ли римское развитие трибуната аналогий в самой античности. Насколько известно, особого обособленного политического союза, подобного римскому плебсу и итальянскому *рополю*, в античности не существовало, хотя и имелись явления похожие. Еще в древности (Цицерон) таковым считали институт спартанских эфоров¹⁴. Но это не может быть принято без оговорки.

В противоположность законным царям, эфоры (наблюдающие) были должностными лицами, избираемыми на год, и избирались, подобно трибунам, пятью местными филими спартиатов, а не тремя родовыми. Эфоры созывали собрания граждан, им были подсудны как гражданские, так и

уголовные дела; они имели право требовать объяснения даже от царей, контролировать должностных лиц, лишать их должности. Вообще все управление было сосредоточено в их руках, и они фактически составляли в пределах Спартанского государства, вместе с выборным советом герусии¹⁶, высшую политическую власть. В мирное время в пределах города цари были ограничены чисто личным их влиянием и обладали лишь почетными привилегиями, между тем как во время войны, в походе, в их руках сосредоточивалась полная, в Спарте весьма строгая, дисциплинарная власть. Вероятно, только позднее эфоры стали сопровождать царей во время походов. То, что эфоров первоначально, должно быть после первой мессенской войны¹⁶, быть может назначали цари, не является еще доказательством против трибунской власти эфоров. Ибо возможно, что то же было первоначально и со старшинами триб. Ничего не доказывает и то, правда, более существенное обстоятельство, что у эфоров отсутствовало право интерцессии, бывшее характерным для трибуна, и наблюдавшееся также у средневекового капитана, ибо хорошо известно, что по смыслу должности на эфорах лежала защита граждан от царей. А позднейшее отсутствие этой функции объясняется лишь безусловной победой спартанского демоса и превращением его из первоначального плебейского в господствующий класс олигархии. В исторические времена знати в Спарте не существовало. Хотя полис безоговорочно проводил свое господство над илотами, ежегодно торжественно «объявляя войну» им и религиозно символизируя этим их подчиненное положение, хотя он умел отстоять свое политическое господство и над *стоявшими* вне военного объединения периэками, но внутри самого спартанского полиса наблюдалось между полноправными гражданами абсолютное, по крайней мере в принципе, социальное равенство. Как господство Спарты вовне, так и равенство внутри поддерживалось системой шпионажа (*krypteia*), напоминающей венецианскую. По преданию, лакедомоняне были первыми, упразднившими в одежде отличие знати, которое, следовательно, до этого существовало. Как это, так и строгое ограничение власти царя были результатом, очевидно, борьбы и компромисса, что подтверждается наличием взаимной клятвы царя и эфоров в знак периодически возобновляемого договора. Сомнение вызывает то, что эфоры выполняли, по-видимому, отдель-

ные религиозные функции. Однако они стали в еще большей мере, чем трибуны, законными должностными лицами общины. Характерные черты спартанского полиса производят впечатление слишком большой рациональности; чтобы их можно было считать остатками очень древних институтов.

В других эллинских общинах мы не встречаем подобного явления. Зато везде было демократическое движение граждан незнатного происхождения против знатных родов, в большинстве случаев успешное, кончавшееся временным или длительным уничтожением их господства. Но это еще не означало, как и в средние века, ни равенства всех граждан в смысле права занятия должностей, заседания в совете или вообще права голоса, ни даже просто включения всех лично свободных фамилий в союз граждан. В отличие от Рима, вольноотпущенники не принадлежали к союзу граждан. Гражданское равенство было нарушено различностью степеней в праве голоса и занятии должностей, связанной вначале с земельной рентой и способностью носить оружие, а позднее с состоятельностью вообще. Как в средневековых городах, неимущие слои нигде не достигали надолго правового равенства с средним сословием, так и в Афинах никогда не было достигнуто полного устранения первоначального неравенства.

Правом голоса в народном собрании пользовались все принадлежавшие к *демои*, записанные в военный союз фратрии земельные собственники — что было первой стадией «демократии» — а затем и обладатели другого имущества. Решающей была возможность самоэкипировки для участия в *войске голитов*, с ростом значения которого был связан упомянутый переворот. Как бы ни было составлено с формальной стороны народное собрание и в античности, и в средние века, и как бы широка ни была его формальная компетенция, социальное господствующее положение имущих слоев не терпело ущемления. Движение демоса приводило к разным результатам. Ближайшим и иногда продолжительным достижением было возникновение демократии, внешне похожей на строй многих итальянских коммун. Наряду с опиравшимися на земельную собственность родами, участие в совете и в занятии должностей принимали «по какому-либо цензу» наиболее состоятельные граждане незнатного происхождения, главным образом обладатели

капитала, владельцы рабов, эргастерий и судовладельцы. Масса же мелких ремесленников, мелких торговцев и вообще не обладавших достаточным состоянием не имела доступа к занятию должностей, будучи лишена возможности занимать их либо юридически, либо фактически вследствие своей непригодности. Иногда же демократизация развивалась дальше, и тогда власть попадала в руки только что упомянутых малоимущих слоев. Для того, чтобы это могло случиться, необходимо было найти средства к поднятию экономического уровня этих слоев путем, например, введения ежедневных денежных пособий, а также путем понижения ценза, необходимого для занятия должностей. Как это, так и игнорирование классового деления в пределах самого демоса явилось кульминационным пунктом развития аттической демократии, достигнутой лишь в IV в., когда отпало военное значение гоплитов.

Существенные результаты полной или частичной победы над знатью в античности заключались в следующих изменениях структуры политического союза и форм его управления. 1) Эта победа привела к развитию *административно-служебного* его характера прежде всего вследствие осуществления принципа территориальности общины. Как в средние века уже при господстве родов городское население разделялось на кварталы, по которым, по крайней мере иногда, *порою* избирал своих должностных лиц, так подобное деление существовало и в античном городе в эпоху родового господства для плебеев с целью более удобного распределения обязательной работы и всяких повинностей. В Риме, наряду с тремя старыми личными, составленными из родов и курий, трибами, были под тем же названием созданы чисто территориальные городские округа, к которым после победы плебса присоединилась сельские триба; в Спарте, наряду с тремя старыми личными филлами, возникли еще четыре, затем пять территориальных фил. В пределах собственно демократии, победа ее означала переход управления к «демосу», т. е. к территориальной единице, составлявшей часть всей области и являвшейся основой всех прав и обязанностей в полисе. Результатом был переход от полиса, как братства родовых и военных союзов, к полису, как территориальной единице с административно-служебным аппаратом. Имело на это влияние и изменение в природе самого права, которое для горожан стало, с некоторыми ого-

ворками, административным и одновременно рационально сформулированным правом. Место иррационального харизматичного судопроизводства занял закон. С уничтожением господства родов складывалось законодательство. Вначале оно имело форму харизматических установлений эсиметов¹⁷, а затем начался процесс постоянно развивающегося формирования нового права, разрабатываемого *ecclesia*¹⁸, и сложилось чисто светское, основанное на законах или в Риме на магистратских инструкциях судопроизводство. В Афинах народу ежегодно ставился вопрос: надлежит ли сохранить или изменить действующие законы — настолько теперь стало само собой разумеющимся, что право является чем-то искусственным, должно быть таковым, и должно основываться на согласии тех, для кого оно существует. Однако, в Афинах V—IV вв. до Р. Х., во времена классической демократии, это не было еще общепринятой точкой зрения. Не каждое решение (*psephisma*) демоса, даже и устанавливающее общие положения, было законом (*nomos*). Бывали и идущие вразрез с законами постановления демоса, которые в таком случае могли быть опротестованы любым гражданином перед судом присяжных (*heliaia*). Закон возникал, по крайней мере тогда, не из постановлений демоса, а на основании предложения, вносимого отдельным гражданином на обсуждение особой коллегии присяжных (*номотеты*), которое происходило в форме правовой дискуссии о том, должно ли действовать право прежнее или вновь предложенное. Это было своеобразным остатком впоследствии исчезнувшего старого понимания сущности права. Первым решающим шагом к пониманию права, как продукта целесообразного творчества, было в Афинах упразднение законом Эфиальта¹⁹ религиозной и аристократической инстанции — ареопага.

2) Развитие в сторону демократии привело к изменению и в самой системе управления. На место господства привилегированных, основанного на харизме рода или должности представителей родов, встали ответственные выборные на короткие сроки, иногда подлежащие и отставке функционеры демоса или непосредственно его группы. Эти исполнители были должностными лицами, но не в современном значении этого слова. Они получали небольшое возмещение расходов, или, как избранные путем жеребьевки соприсяжники, поденное вознаграждение. Краткосрочное занятие должности и часто встречающийся запрет повторно-

го избрания одного и того же лица исключали возможность образования профессионального чиновничества современного типа. Должностной карьеры и сословной чести не существовало. Исполнение обязанностей носило характер побочного занятия. Это не требовало полной затраты сил, и доход от нее был побочным, правда весьма желательным для малосостоятельных. Зато высшие политические должности, прежде всего военные, отнимали всю энергию, поэтому они и могли замещаться исключительно людьми состоятельными. Для должностных лиц в области финансов требовался высокий ценз, заменяющий современное поручительство. По существу эти должности были почетными должностями. Высшая политическая должность, созданная в период расцвета демократии — должность демагога²⁰ в Афинах времен Перикла²¹ была формально и высшей военной должностью. Его фактическая власть основывалась, однако, не на законе или на звании, а исключительно на личном влиянии и на доверии демоса. Она была, следовательно, не только нелегитимной, но даже и нелегальной, хотя весь строй демократии и был рассчитан на ее существование, подобно тому как современный строй Англии построен на существовании кабинета, лишённого законной компетенции. Не установленному никаким законом вотуму недоверия английского парламента соответствовало в других формах обвинение демагога в неправильной политике управления демосом. Назначенный по жеребьевке совет потерял значение судебной инстанции и превратился в обыкновенный комитет, ведший дела демоса, сохранив, однако, при этом за собою право предварительного обсуждения народных постановлений (*probuleuma*) и финансового контроля.

В средневековых городах господство *populo* имело аналогичные последствия. С одной стороны, появилось громадное количество разных редакций городских законов, кодификация гражданского и процессуального права, великое множество разных статутов, с другой — неимоверное количество должностных лиц. Даже самые маленькие городки Германии стали насчитывать иногда до 4—5 дюжин разных их категорий. Наряду с бургомистрами, канцелярским и разным вспомогательным персоналом, города были наполнены целыми толпами разных специализированных функционеров, занимавших лишь временные должности случайного характера, которые представляли собою весьма

заманчивый побочный доход. Общим явлением как для античных, так и для средневековых городов, по крайней мере больших, было, далее, то обстоятельство, что многое, что в наши дни решается в выборных представительных собраниях, решалось тогда особыми, специально избранными, или по жребию набранными специальными коллегиями. Подобным способом во времена эллинской античности творилось законодательство, а в Афинах, например, кроме того, приносилась клятва при заключении союзных договоров и распределялась дань между союзниками. В средние века часто так избирались наиболее ответственные должностные лица и составлялись наиболее важные решающие коллегии. Это служило заменой системы представительства, тогда еще не существовавшей в современном ее виде. Согласно традиционному *сословному* характеру привилегий в области политических прав, «представители» выдвигались только от союзов; в период античной демократии — от культовых или государственных сообществ, иногда от союзов государств, в средние века — от цехов или других корпораций. «Представлены» были не меняющийся состав избирателей какого-нибудь округа, как это бывает у пролетариата наших дней, а *особые права* союзов.

Хотя и ограниченным локально, но все же общим для античных и средневековых городов явлением было, наконец, и возникновение *городских тираний*, или попыток к таковым. В Древней Греции они возникли в VII и VI вв. до Р. Х. последовательно в целом ряде больших городов, включая Афины, но просуществовали лишь на протяжении нескольких поколений; причем свобода городов обычно уничтожалась только вследствие подчинения их превосходящим военным силам. Господство же тирании в колониях, преимущественно в Малой Азии и Сицилии, было продолжительно и являлось там определившейся формой города-государства вплоть до его падения. Везде тирания была продуктом сословной борьбы. В отдельных случаях, как, например, в Сиракузах, теснимые демосом роды, по-видимому, способствовали укреплению господства тирана, но обычно тиран опирался на часть среднего сословия и на всех притесняемых знатными родами; его же врагами были те, кого он изгонял, чье имущество он конфисковывал и кто жаждал его падения. В этом выразилась типичная классовая противоположность, наблюдавшаяся в древних госу-

дарствах как у израильтян и в Месопотамии, так и в греко-римском мире: с одной стороны — живущие в городе и владеющие оружием патриции в качестве кредиторов, с другой — крестьяне в виде должников. Плодородная земля в Вавилоне почти целиком попала в руки патрициев, а крестьяне обратились в их колонов. В Израиле «Книга Завета» устанавливала закон о рабстве должников. Все узурпаторы от Авимелеха до Иуды Маккавея²² опирались на беглых должников; предсказание «Второзакония» сводится к тому, что Израиль будет всех ссужать деньгами, т. е. что граждане Иерусалима станут займодавцами и патрициями, остальные же — их должниками-рабами и крестьянами. Аналогична была классовая противоположность в Элладе и в Риме. Раз достигшая власти тирания обычно имела на своей стороне мелких крестьян и часть политически связанной с нею знати и среднего сословия горожан. Опиралась тирания на наемников и телохранителей; разрешение гражданами (например, при Писистрате²³) народному вождю, а в средние века народному капитану иметь телохранителей было обычно первой ступенью тирании. Фактически тирания проводила нередко компромиссную словесную политику, подобно политике «эсимнетов» (Харонд, Солон²⁴). Часто возникала, по-видимому, альтернатива между преобразованием государства и права в духе уравнивательной политики и установлением тирании. Социальная и экономическая политика как эсимнетов, так и тиранов, по крайней мере в самой Греции, сводилась к тому, чтобы воспрепятствовать скупке крестьянской земли живущей в городе знатью и переселению крестьян в города, ограничивала вывоз зерна, торговлю рабами, развитие роскоши и посредничества, т. е. предпринимала ряд мер, характеризующих в общем политику мелких бюргеров, политику «городского хозяйства», соответствовавшую «хозяйственной политике средневековых городов», о которой речь будет впереди.

Повсюду тираны считались *нелегитимными* правителями, они и сами чувствовали себя таковыми. Этим отличалось их положение, как в религиозном, так и в политическом отношении от положения древних правителей города-государства. Тираны постоянно были покровителями новых эмоциональных культов, так, например, культа Диониса²⁵, в противоположность ритуальным культам знати.

Внешние формы городского строя коммуны тираны обычно старались сохранить, пытаясь создать этим впечатление законности. После падения ее правления родовая знать обычно оказывалась настолько ослабленной, что она должна была при помощи самых широких уступок демосу покупать его содействие для возможного лишь при его участии изгнания тирана. Демократическое среднее сословие примкнуло к Клисфену при изгнании Писистратидов²⁶. Кое-где, правда, тиранов заменила купеческая плутократия. В Греции вызванная экономическими классовыми противоречиями тирания способствовала тимократическому²⁷ или демократическому уравниванию сословных прав, часто являясь его предшественницей.

Наоборот, удачные или неудачные попытки установления тирании в более поздний период истории Греции происходили на почве завоевательной политики демоса и находились в связи с его военными интересами. К тирании стремились полководцы вроде Алкивиада и Лисандра²⁸. До эллинистического времени в самой Греции по причинам, далее изложенным, эти попытки не удавались, распадались также военные государственные образования демоса. Наоборот, в Сицилии, как старая экспансионистская морская политика в Тирренском море, так и позднейшая национальная оборона в борьбе против Карфагена велась тиранами, которые, помимо гражданских войск, опирались и на наемные войска, создав интерлокальные военные монархии. При этом эти тираны действовали, однако, при помощи самых крайних мер восточного характера: в виде массового предоставления наемникам прав гражданства, или массового переселения покоренного населения. Наконец, Рим, в котором в раннереспубликанское время не удались попытки тирании, пришел к военной монархии вследствие своей завоевательной политики и связанных с нею социальных и политических причин. Об этом будет также речь впереди.

В средние века тирания ограничивалась, главным образом, городами Италии. Как античная тирания, так и итальянская *синьория*²⁹, которую сравнивает с тиранией Э. Мейер, возникла преимущественно как власть имущей фамилии в борьбе против других фамилий того же сословия. Она возникала при этом в виде первой в Западной Европе политической власти, которая организовала рациональное

управление при помощи *назначаемых ею чиновников*, сохраняя, однако, большей частью формы перенятого строя коммуны. В остальном замечаются существенные различия. Во-первых, синьория нередко возникала непосредственно из сословной борьбы, иногда же появлялась позже, после победы *popolo* и зачастую спустя долгое время после нее. Далее, синьория нередко развивалась из законных должностей *popolo*, между тем как в эллинской античности тирания представляла собою явление переходное между господством родов и тимократией или демократией. Формальное развитие синьории, как правильно заметил Э. Зальцер, шло различными путями. Целый ряд синьорий возник непосредственно из новых должностей, занимавшихся попланами в результате восстаний *popolo*. Народный капитан или подеста меркаданцы, или подеста коммуны стали избираться *popolo* на все более продолжительные сроки или даже пожизненно. Такие длительно занимаемые высшие должности встречаются уже в середине XIII столетия в Пьяченце, Парме, Лоди и Милане, а уже к концу того же столетия господство Висконти в Милане, Скалигеров в Вероне и Эсте в Мантуе³⁰ стало фактически наследственным. Наряду с установлением пожизненных должностей и с их сначала фактической, а затем и юридической наследственностью шло и расширение полномочий высших должностных лиц. Власть его из произвольной, вначале чисто политической карательной власти, конкурируя с советом и общиной в праве проводить любые меры, развилась в высшую власть (*arbitrium generale*) с общими полномочиями и, наконец, достигла максимума с правом управлять городом по своему усмотрению (*libero arbitrio*), назначать должностных лиц и издавать постановления, имеющие силу закона. Это обстоятельство имело две различные, хотя, по существу, нередко одинаковые политические причины. Во-первых, господство партий, как таковое, с его постоянной угрозой всему политическому и косвенно связанному с этим экономическому существованию земельной собственности побежденной партии, причем вождям партий неограниченная власть вручалась из опасения перед воинственными родами и из боязни заговоров. Второй причиной являлись внешние войны и угроза порабощения со стороны ближайших коммун или других более сильных соседей. В таких случаях главной причиной, источником синьории, было обычно учреж-

дение чрезвычайного военного командования — должности военного капитана, которая передавалась чужому правителю или кондотьеру, — а не особое положение народного капитана как вождя партии. При передаче города под доминиум какого-либо правителя для защиты от внешней опасности, власть этого правителя (*domini*) очень ограничивалась. В пределах города он обычно легче всего завоевывал поддержку фактически отстраненных от участия в управлении широких низших слоев населения, ремесленников, отчасти потому, что с переменой власти они ничего не теряли, а возникновение нового двора обещало им экономические выгоды; отчасти же вследствие того успеха, которым постоянно пользуется в массах персональная власть, как таковая. Кандидаты на синьорию обычно пользовались «парламентом» (общим народным собранием), как инстанцией, передающей им власть. Бывало, однако, в зависимости от обстоятельств, что к синьории, которую никто вначале не рассматривал как установление длительной монархии, простирали свои руки родовая знать или купечество, опасаясь политических или экономических противников. Города, вроде Генуи, неоднократно ставили разным могущественным монархам, под доминиум которых они себя отдавали, весьма ограничительные условия в военной силе, в твердо установленной уплате денег, а иногда города и вовсе лишали их господства над городом. По отношению к иноземным монархам, например, королю французскому со стороны Генуи, это удавалось; но по отношению к правителю, крепко сидевшему в городе, это бывало уже много труднее. Как сила граждан, так и склонность их к сопротивлению со временем заметно слабела. Правители синьорий опирались на наемные войска, а также все больше на связи с законными властями. После насильственного подчинения Флоренции испанскими войсками³¹, наследственная синьория стала окончательно установившейся, узаконенной императорским и папским признанием, государственной формой во всей Италии за исключением Венеции и Генуи. Упомянутое же уменьшение сопротивления граждан объясняется следующими обстоятельствами. Как и везде, в таких случаях развитие придворной жизни правителя создавало в среде знати и граждан, чем дальше, тем больше, слой социально и экономически заинтересованных в продолжении его существования. Рост потребностей и ослабление

экономической экспансии, при возраставшей чувствительности по отношению к экономическим интересам в верхних слоях населения в случае нарушения мирной жизни; общее понижение интереса предпринимателей к политическим делам в связи с увеличившейся конкуренцией и возраставшей социальной стабильностью, понятное поэтому обращение интереса этих слоев к чистой наживе или спокойной жизни на ренту; наконец, политика князей, в своих интересах поощряющих эти явления, — все это, вместе взятое, привело к быстрому и совершенному падению общего интереса к политической судьбе города. Поэтому все, как великие монархии вроде французской, так и синьории отдельных городов, могли рассчитывать на стремление низших слоев к мирной жизни города и регулированному доходу посредством продовольственной политики, в интересах мелких горожан. Ориентируясь на интересы низших слоев, во Франции короли подчинили себе города, а в Италии подобные тенденции служили опорой синьории. Важнее же всего был политический момент, состоявший в отвлечении интересов гражданского населения в сторону экономических вопросов, утрата ими привычки к военной службе и планомерное их разоружение правителем; последнее, правда, не всегда составляло с самого начала политику правителя, который иногда создавал, наоборот, рациональную систему воинской повинности. Эта повинность, однако, обратилась вскоре в рекрутский набор, который ложился всей своей тяжестью на низшие слои общества, и тем самым сделалась чуждой идее республиканского общегражданского ополчения. Существенным моментом, подготовившим господство князя, послужил переход к наемному войску и к капиталистическому способу покрытия военных расходов помощью предпринимателей, кондотьеров, появление которых было обусловлено, с одной стороны, все возраставшим уклонением граждан от военного дела, с другой — все увеличивавшейся потребностью в профессиональных военных. Это обстоятельство сильно способствовало разоружению гражданского населения и развитию в нем мирных настроений еще во времена существования свободных коммун. К этому присоединялись политические и личные связи князей с могущественными династиями, сила которых делала совершенно безнадежными какие бы то ни было попытки выступлений со стороны граждан. Таким образом, все сво-

дилось к следующим, нам уже известным причинам: росту замкнутости производителей в сфере своих экономических интересов, росту военной дисквалификации образованных слоев населения и росту рационализации военной техники в связи с созданием профессиональной армии. Все это в связи с экономической и социальной заинтересованностью в придворной жизни сословий знати, рантье и духовенства, способствовало превращению синьории в наследственное патримониальное княжество; раз достигнув наследственности, она тем самым входила в круг легитимных властей.

В одном существенном пункте политика синьорий обнаруживает общую с античными тираниями тенденцию: в разрушении политического и экономического монопольного положения города в отношении сельской местности. Сельское население являлось очень часто той силой, при помощи которой — как в древности, так и позднее, — тиран добивался передачи ему власти (например, в Павии в 1328 г.). Нередко, как из собственных, так и из общеполитических интересов, свободный город, после победы над родовой знатью, уничтожал господство обладателей земельной собственности, освобождал крестьян, способствуя тем самым свободному переходу земельной собственности в руки тех, кто мог ее купить. В результате господства *popolo grasso* земельная собственность в больших количествах перешла из рук феодалов в руки граждан и, как, например, в Тоскане, произошла замена системы барщины системой *mezzadria*, полоничества, т. е. особого рода системой взаимоотношений между господином, живущим преимущественно в городе и связанном с сельской местностью лишь своими владениями, и его сельскими арендаторами. От какого бы то ни было участия в политической власти, однако, сельское население, если оно даже и состояло из свободных собственников, совершенно устранялось. В то время как *mezzadria* была основана на частно-правовых отношениях, политика города по отношению к сельским местностям носила организаторский характер и была построена на интересах городских потребителей, а после победы цехов — на интересах городских производителей. Это не сразу и не везде изменила и политика князей. В XVIII в. известная физиократическая политика великого герцога Леопольда Тосканского³² находилась под влиянием определенных воззрений естественного права, а не интересов, в первую очередь, аграрной политики.

Во всяком случае, политика князей, направленная в общем в сторону уравнивания интересов и избежания резких столкновений, не была уже тождественна с политикой города, видевшего в сельских местностях лишь средство к достижению своих городских целей.

Господство городских князей распространялось большей частью на несколько городов, причем эти территориально самостоятельные города не образовывали единого в современном смысле слова государственного союза. Наоборот, объединенные под властью одного господина города нередко имели не только повод, но и право вступать в общение друг с другом путем посольств. Они не были объединены одним общим строем, не представляли собою общин, выполняющих по заданиям государства часть его обязанностей. Это развитие шло постепенно и параллельно с аналогичными изменениями в больших патримониальных государствах в Новое время. Сословные представительства, которые имелись уже в средние века, как в Сицилийском королевстве, так и в других старых патримониальных монархиях, почти совершенно отсутствовали в государственных образованиях, возникших на территориях городов. Главными организационными нововведениями были: во-первых, появление, наряду с выборными на короткие сроки судебными должностными лицами, судебных должностных лиц, назначаемых правителями на неопределенное время, и, во-вторых, возникновение центральных коллегиальных инстанций по военным и финансовым делам. И то и другие было важным шагом на пути рационализации управления. Управление князя могло быть поставлено технически рационально, хотя бы потому, что многие коммуны создали в собственных финансовых и военных интересах основу статистики, и еще потому, что благодаря банкирским домам различных городов была развита в достаточной мере и бухгалтерия. При несомненном развитии рационализации в деле управления действовал в не меньшей степени, а может быть и в большей, пример Венеции и Сицилии.

В остальной части Западной Европы отсутствует что-то подобное той последовательности развития, которая наблюдается в итальянских городах, начиная от объединений патримониального или феодального характера, через стадию господства знатных родов, завоеванного революционным путем, далее — через господство цехов к синьории и, в

заклучение, — к составным частям относительно рациональных патримониальных союзов. Прежде всего там отсутствует синьория, хотя с ее предшественником — народным капитаном имели сходство некоторые наиболее могущественные бургомистры в городах к северу от Альп. В одном же пункте ход развития имел безусловно универсальный характер, а именно в следующем. Во времена Каролингов города представляли собою лишь административные единицы с некоторыми особенностями сословной структуры и были очень близки определенной стадии в развитии нового патримониального государства, отличаясь лишь особыми корпоративными правами. В промежуточный же период все города были, хотя и в различной степени, «коммунами» с собственными политическими правами и самостоятельной хозяйственной политикой. Аналогично протекало развитие и в древности. И все же, на почве античных городов не выросло ни современного капитализма, ни современного государства, между тем как средневековые города были весьма важным фактором в их развитии, хотя и не представляли собою их определяющей ступени. Несмотря на внешнее сходство между ними, приходится отметить и глубокие различия, которые мы обнаружим скорее всего, противопоставляя друг другу оба городских типа в их наиболее характерных формах. Для этого, однако, мы должны помнить, что между средневековыми городами существовали весьма большие, нами только частично отмеченные различия в структуре. Остановимся еще раз на *общем положении* средневековых городов во время их наибольшей независимости, когда яснее всего выступают их характерные черты.

При этом наблюдаются следующие достижения, проявляющиеся в крайнем разнообразии и в следующих направлениях.

1. *Политическая самостоятельность и отчасти собственная внешняя политика.* Выражалась она в том, что город содержал свои постоянные вооруженные силы, заключал союзы, вел большие войны, держал в полном подчинении большие территории, а иногда и другие города, основывал за морем колонии. Удержать их длительное время удалось лишь двум итальянским городам³³; что же касается захвата больших территорий и международного политического влияния, то этого временно достигли некото-

рые коммуны в Северной и Центральной Италии и в Швейцарии; в значительно меньшей степени — города Фландрии, ряд ганзейских городов Северной Германии и некоторые другие города. Политическим господством над непосредственной сельской округой и несколькими маленькими городками ограничивались города южно-итальянские и сицилийские, после короткого промежутка — испанские и после более длительного — французские; не знали его с самого начала города английские и немецкие, за исключением уже упомянутых северных, фландрских, некоторых швейцарских и южно-германских, а также после короткого периода городских союзов и значительная часть западно-германских городов. Многие города держали отряды постоянных солдат (например, во Франции еще в довольно позднее время) или, что случалось чаще, имели основанную на воинской повинности горожан городскую милицию, которая защищала стены города, а временами бывала достаточно сильна, чтобы в союзе с другими городами поддерживать общий мир, разрушать разбойничьи замки и даже участвовать во внутренних партийных раздорах. Международную политику, подобно итальянским и ганзейским городам, они вести, однако, не пытались. Они обычно посылали в представительные собрания империи или отдельных княжеств своих представителей и достигали в них, несмотря на свое формально подчиненное положение, нередко определенного влияния, благодаря финансовому своему значению. Самым характерным примером служат английские общины («commons»), которые, правда, являли собой представительство не столько городских коммун, сколько сословных корпораций. Многие города никогда не обладали таким правом. Современное патримониально-бюрократическое государство континента лишило большинство из них всякой самостоятельной политики и военной силы, за исключением необходимой для населения полиции. Только там, где государство, как, например, в Германии, развивалось в отдельных княжествах, оно должно было допустить самостоятельное политическое существование некоторых из них. По особому пути шло развитие в Англии, так как там не возникло патримониальной бюрократии. В Англии внутри стройной организации центрального управления отдельные города не выражали политических амбиций, так как они выступали в парламенте едиными. Они

заклучали торговые картели, но никогда не заключали политических союзов городов, как на континенте. Они были корпорациями привилегированных слоев, и их согласие в финансовых вопросах было совершенно необходимым. Во времена Тюдоров королевская власть пыталась уничтожить их привилегии, но со времени падения Стюартов³⁴ эти попытки прекратились. С тех пор города оставались корпорациями с правом выбора членов парламента, и как «Kingdom of influence»³⁵, так и партии знати пользовались для завоевания парламентского большинства этими легко управляемыми и иногда до смешного маленькими выборными ячейками.

2. *Автономное судопроизводство города как такового и в пределах его — гильдий и цехов.* В полной мере этим правом, без того чтобы это было каждый раз подтверждено особыми указами, пользовались политически независимые города Италии, временами испанские и английские и значительная часть французских и немецких. В отношении земельной собственности, рынка и торговли городские суды с шеффенами из среды горожан применяли равное, общее для всех горожан право, основанное на обычае или автономных постановлениях, на подражании или перенесении целиком чужих образцов при основании города. Постепенно городские суды исключили из судебного процесса иррациональные и магические доказательства, вроде поединка, божьего суда и родовой клятвы, и стали вводить более рациональный подбор доказательств. Это развитие не должно, однако, представлять себе слишком прямолинейным. Иногда сохранение процессуальных особенностей городского суда выражалось в возвращении к старой процедуре, противопоставляемой новшествам королевского суда — в Англии отказ от *jury*, — и к средневековому праву в противовес распространению римского права. Это явление наблюдалось нередко на континенте, где действующие в интересах капитала правовые институты возникали не из римского (или немецкого) земского права, а из права городского, так как заинтересованные в нем капиталисты были жителями городов. Городское управление стремилось по возможности к тому, чтобы без его утверждения ни гильдиями, ни другими союзами не издавалось никаких постановлений или, по крайней мере, чтобы издавались лишь такие, которые относились бы к строго ограниченной для них области. Как

объем автономии в городах, которым приходилось считаться с политическим господином или собственником земли, т. е. всем, кроме итальянских, так и распределение между советом и цехами законодательной власти, решались соотношением сил и отличались большим разнообразием. Эта автономия везде постепенно ограничивалась возникавшим патримониально-бюрократическим государством. В Англии Тюдоры впервые систематически развили положение, что города и цехи являются лишь корпоративно организованными для специальных целей *государственными* институтами, права которых не должны выходить за установленные в привилегиях пределы и постановления которых обязательны лишь для граждан, входящих в эти корпорации. Каждая попытка городов выйти за указанные рамки служила поводом к кассации хартии в процессе «*quo warranto*»³⁶, что, например, имело место для Лондона еще при Якове II³⁷. Согласно этому толкованию, город, как мы видели, вообще не признавался самостоятельной территориальной корпорацией, а считался привилегированным сословным союзом, в управление которого непрерывно вмешивался с целью контроля Тайный совет³⁸ (Privy Council). Во Франции в течение XVI в. города были совершенно лишены права юрисдикции, за исключением дел полицейского характера; при решении важных финансовых вопросов требовалась санкция государственных инстанций. В Центральной Европе городская автономия большей частью была совершенно уничтожена.

3. *Автокефалия, т. е. абсолютная автономность собственных судебных и административных инстанций.* В полной мере ею обладали только итальянские города; в других странах города имели лишь низшие формы судопроизводства, причем большей частью была оговорена возможность апелляции в королевский или высший земский суд. Там, где приговор выносили шеффены из числа горожан, должность судьи имела первоначально лишь фискальный интерес, вследствие чего город не считал нужным добиваться формального признания своей юрисдикции или покупать ее. Для города было наиболее важным представлять собою особый судебный округ с шеффенами из своей среды, что и было достигнуто сравнительно рано, как для низшей, так, отчасти, и для высшей формы юрисдикции. В значительной степени город получил и право выбора собственных

шеффенов или кооптации их без вмешательства свыше. Важной являлась также привилегия, по которой горожанин был подвластен только городскому суду. Наличие собственного городского управления — совета с самыми широкими правомочиями была в расцвет Средневековья признаком каждой гороской общины Северной и Западной Европы, но развитие этого совета здесь не будет рассматриваться. Состав его бесконечно варьировался и зависел от соотношения сил «родового» патрициата, т. е. крупных земельных собственников и капиталистов, кредиторов и крупных торговцев, далее — купцов, нередко бывших объединенными в цехи, занятыми заморской торговлей, и подлинно ремесленных цехов. С другой стороны, степень участия политического властителя или господина земли в назначении совета, т. е. если город был гетерокефальным, зависела от соотношения экономического могущества горожан и господина города и, в первую очередь, от того насколько сеньор города нуждался в деньгах, за которые он мог уступить свои права, а следовательно и от финансовых возможностей города. Однако, когда городская касса обладала средствами политической власти, ни денежный рынок города, ни нужда в деньгах городской кассы не являлись сами по себе решающим моментом. Еще в XIII в. во Франции при Филиппе Августе³⁹ находившаяся в союзе с городами королевская власть (иногда и другие властители) требуют, вследствие растущей нужды города в деньгах, равного (partage) участия в назначении на административные должности, права контроля над действиями магистрата, особенно в области интересовавших короля финансов, права утверждения выборных консулов и вплоть до XV столетия — председательского места для королевского прево в городском собрании. В эпоху Людовиков⁴⁰ замещение должностей в городе находится всецело в руках королевских «интендантов», а финансовая нужда государства привела к тому, что стали продаваться как городские, так и государственные должности. Будучи патримониально-бюрократическим, государство превратило городские должности в привилегированное представительство корпораций с сословными привилегиями, но с правами лишь в пределах их корпоративных интересов и без значения в деле государственного управления. Английское государство, вынужденное сохранить автокефалию городов в силу того, что последние выбирали

парламент, беспощадно, однако, игнорировало город, когда надо было создать местные органы для выполнения местных коммунальных задач, и поручало это или отдельным приходам, к которым принадлежали не только члены привилегированных корпораций, но и все полноправные жители, или же особым, созданным заново объединениям. Большой же частью патримониальный бюрократизм просто превратил магистраты в государственные учреждения наряду с другими.

4. *Обложение граждан городскими налогами с освобождением их от повинностей и налогов извне.* Первое практиковалось в различной степени при разной же степени контроля со стороны сеньора города. В Англии города собственно никогда не пользовались полной налоговой автономией, и для каждого вновь вводимого налога требовалось всегда согласие короля. Освобождение городов от повинностей и налогов извне было в полной мере достигнуто также далеко не везде. В политически неавтономных городов это достигалось только там, где брали на откуп налоговую повинность и платили сеньору города одновременно, а чаще регулярно по частям, общую определенную сумму, беря в таких случаях королевские налоги в собственное городское управление (*firma burgi* в Англии). После своей победы патримониально-бюрократическое государство лишь технически делало различие между городом и деревней в налоговом отношении и старалось обложить специфически городской пошлиной — акцизом как производство, так и потребление. Право налогообложения было у городов фактически снято. Право корпоративного обложения в городах Англии не имело большого значения, так как задачи местного управления были переданы, как было сказано выше, другим объединениям. Во Франции, после того, как все финансовые операции города и право самообложения налогами были предварительно взяты под государственный контроль, король со времен Мазарини⁴¹ присвоил себе половину всех городских ввозных пошлин (*octroi*). В Центральной Европе городские магистраты часто превращались в этом отношении в чисто государственные учреждения по сбору налогов.

5. *Рыночное право, автономная торгово-промышленная полиция и монополистические обладатели банна*⁴². Рынок имелся в каждом средневековом городе, и в большин-

стве из них надзор над рынками перешел от сеньора к городским советам. Позже полицейский надзор над торговлей и промышленностью находился в руках городских должностных лиц или профессиональных союзов призначительном лишении этих прав сеньора. При помощи промышленной полиции осуществлялся качественный контроль производимых товаров: отчасти ради доброй славы, т. е. в интересах экспорта, отчасти же, особенно контроль цен, в интересах городских потребителей, существенным для которых был контроль над ценами. Далее, надзору подлежало и сохранение определенного уровня питания мелкого бюргерства путем ограничения числа учеников и подмастерьев, а иногда и мастеров; с ухудшением же продовольственного положения — путем монополизации права быть мастером за местными уроженцами, преимущественно за сыновьями мастеров. Наконец, поскольку полиция находилась в руках самих цехов, постольку велась борьба против зависимости от крупных предприятий, внешних и местных, посредством запрещения раздаточной системы, контроля над ссудами, регулирования и контроля над поступлением сырья, а иногда и формы сбыта. Но больше всего город старался исключить возможность конкуренции со стороны подчиненных ему сельских местностей и потому всячески старался подавить там развитие ремесел, заставляя крестьян в интересах городских производителей покупать все необходимое на городском рынке и только там в интересах же городских потребителей продавать свои сельские продукты. Нуждающимся в сырье ремесленникам запрещали покупать товары вне рынка, устанавливали в интересах городских торговцев монополию на перепродажу и посредническую торговлю. Наконец, города старались добиться для себя привилегий свободной торговли вне города. Эти основные черты так называемой хозяйственной политики города встречаются с различными вариациями почти везде, причем сама направленность этой политики обуславливается в каждом случае как сословными взаимоотношениями заинтересованных слоев внутри города, так и внешней сферой его экономической деятельности. Расширение этой сферы в первое время образования городов имел следствием расширение рынка, а сужение ее в конце средних веков породило тенденцию к монополизации. Кроме того, каждый город имел свои собственные интересы, сталкивающиеся с интересами соседей и кон-

курентов, что влекло за собой иногда ожесточенную борьбу городов между собою, особенно на юге, между городами, которые вели дальнюю морскую торговлю.

Подчинив себе города, патримониально-бюрократическое государство совсем не намеревалось покончить с их «хозяйственной политикой», даже наоборот: не только их экономический расцвет, но и рост их населения путем соответствующей продовольственной политики соответствовал финансовым интересам государства; поощрялась путем меркантилистской торговой политики⁴³ и морская торговля городов, причем со стороны государства принимались меры для предотвращения конфликтов между конкурировавшими городами, входившими в состав государственного союза. В общем, государство не нарушало городской хозяйственной политики вплоть до Французской революции, за исключением лишь тех случаев, когда монополии и привилегии горожан стояли на пути развивавшейся капиталистической политики самого государства. Хотя такие случаи и приводили к беспощадному нарушению экономических интересов городов, но они составляли исключение. Автономия в регулировании городского хозяйства была утрачена; решающим явилось то обстоятельство, что города не располагали для защиты своих интересов такими военными и политическими силами, какими обладало патримониально-бюрократическое государство. В отдельных исключительных случаях, правда, города могли участвовать, наряду с государями, в открывавшихся с введением новой патримониальной политики возможностях дохода путем союзов. Но по существу в этом могли участвовать только отдельные социально-привилегированные лица. Например, в Англии и во Франции, наряду с самими королями, в подобных торговых монопольных предприятиях, как внутренних, так и внешних, участвовали как отдельные крупные землевладельцы и высшие должностные лица, так и немногие горожане. Иногда участвовали во внешних спекулятивных предприятиях, и даже в большом масштабе, города как таковые, например, Франкфурт; но большей частью они несли убытки, так как достаточно было одной неудачи, чтобы город пострадал много чувствительнее, чем более крупное политическое образование (государство).

Экономический упадок многих городов, особенно начиная с XVI столетия, наблюдавшийся тогда и в Англии,

объяснялся только отчасти изменением прохождения торговых путей или возникновением крупного кустарного производства, основанного на внесословной рабочей силе. Большой же частью он объяснялся другими общими причинами и прежде всего тем, что традиционные формы предпринимательства, входившие составной частью в городское хозяйство, уже не давали наибольшей прибыли, и тем, что политически ориентированные торговые и промышленные капиталистические предприятия, даже если они формально и размещались в городе, все же не имели достаточной опоры в хозяйственной политике города и не находились в ведении объединенных в союз занятых предпринимательством горожан. Старые формы предпринимательства постигла та же судьба, как некогда феодальную военную технику. Новые капиталистические предприятия основывались в более удобных для них новых местах, а капиталист-предприниматель обращался теперь в своих целях к другим помощникам, если вообще в них нуждался, а не к местной городской общине. Подобно тому, как сыгравшие в капиталистическом развитии Англии столь видную роль диссентеры не принадлежали согласно Тест-акту к господствующей городской корпорации⁴⁴, так и крупные современные торгово-промышленные города Англии возникли вне старых привилегированных корпораций, т. е. вне локальных господствующих сил. Поэтому и в своей юридической структуре они обнаруживали часто совершенно архаические черты, например, в виде старых сеньориальных судов «court farm» и «court leet» сохранились в Ливерпуле и Манчестере вплоть до реформы Нового времени, причем сеньор-помещик был только переименован в сеньора-судью.

6. *Из политических и экономических специфических особенностей средневековых городов вытекали и их отношения к различным слоям внегородского населения.* Отношение это было в разных городах различное. Общей была противоположность хозяйственной организации городов внегородским, политическим, сословным и сеньориальным структурным формам: противоположность рынка ойкосу. Эту противоположность нельзя себе представлять просто в виде экономической «борьбы» между политическим или земельным сеньором, с одной стороны, и городом, с другой. Такая борьба, правда, происходила всегда в тех случаях, когда город в собственных интересах укрывал в своих сте-

нах лиц, зависящих от политического или феодального сеньора, или включал таковых в качестве внегородских в городской союз даже в том случае, если они и не переезжали в город. В северных городах последнее было прекращено княжескими союзами и запрещениями королей. Всюду борьба была направлена не столько против экономического развития города, сколько против его политической самостоятельности. Борьба возникала и в тех частных случаях, когда с интересами города и его монополистическими тенденциями сталкивались экономические интересы сеньора. Наибольшие опасения у феодального союза во главе с королем вызывало появление автономных крепостей в сфере их политических интересов. Германские императоры почти все время испытывали подобные опасения. Напротив, французские и английские короли были часто настроены по отношению к городам очень доброжелательно, как по причинам политическим — вследствие их борьбы против баронов, — так и из-за финансового значения городов. Негативное влияние, которое рыночное хозяйство города имело на вотчинное хозяйство, а косвенно и на феодальный союз, выражалось не обязательно в форме «борьбы» города с представителями других интересов. Наоборот, часто наблюдалась продолжительная общность интересов. Как политические, так и земельные сеньоры были крайне заинтересованы не столько в барщине и в натуральных оброках своих крестьян, сколько в денежных с них доходах, которые обуславливались наличием городского рынка, где крестьяне получали возможность продавать за деньги свои продукты. Далее, городской рынок давал возможность и самим сеньорам сбывать на нем или через него излишки своих продуктов. Как то, так и другое получило значительное распространение. Во-первых, сеньоры стали требовать уплаты налогов деньгами, а во-вторых, заинтересовав крестьян возможностью сбыта на рынке и подняв тем самым продуктивность их труда, сеньоры перешли к созданию больших хозяйственных единиц, дававших больше натуральных продуктов, избыток которых сеньоры опять-таки превращали в деньги. А чем больше развивалась местная и межрегиональная торговля, тем больше доходов получал сеньор с разного рода торговых пошлин, как это, например, имело место в течение Средневековья на западе Германии. Поэтому основание городов со всеми вытекавшими отсюда по-

следствиями было для сеньора доходным предприятием. Из таких экономических соображений, еще во времена преследования евреев на востоке, особенно в Польше, знать основывала, часто неудачно, многочисленные «города», население которых, насчитывавшее едва несколько сот человек, иногда еще в XIX в. состояло на 90% из евреев. Такой особый средневековый способ основания городов в Северной Европе был фактически «доходным предприятием» в противоположность основанию имевших военное значение городов-крепостей, каковыми были античные полисы. Как изменения требований, предъявлявшихся сеньором, так и вытекавшие отсюда перемены в правовом положении крестьянина и в фактически широкой его экономической свободе, отсутствовавшей везде, где развитие городов было незначительным, возникли в результате следующего: в то время, как в старом ойкосном хозяйстве благосостояние сеньора покоилось на использовании барщины и на применении подневольного труда для обслуживания нужд сеньориального хозяйства, доходы сеньора в районах интенсивного развития городов начали образовываться из сбыта на рынке продуктов крестьянского хозяйства и крестьянских повинностей, а также вследствие возникновения и других торгово-хозяйственных источников. Кроме того, изменение требований, предъявлявшихся сеньором, объясняется и тем, что как сам сеньор, так — хотя и в меньшей степени, — зависимые от него люди перешли в удовлетворении большей части своих потребностей к денежному хозяйству. Перемены в положении крестьянства были обусловлены в значительной степени и скупкой дворянских земель в сельских местностях горожанами, начинавшими вводить более рациональное хозяйство. Этот процесс встречал препятствия там, где для владения землями знати требовалось право на получение лена, а такое право отсутствовало у городского патрициата к северу от Альп почти везде. На почве «денежного хозяйства», как такового, нигде не происходило столкновения экономических интересов между сеньорами и городами; наоборот, наблюдалась даже общность интересов. Столкновения же экономических интересов случались лишь в тех случаях, когда землевладельцы, стремясь повысить свои доходы, переходили к развитию собственных производств, что, впрочем, было возможно лишь там, где в их распоряжении было достаточное количество рабочей силы.

Где это имело место, началась борьба городов с промышленным производством сеньора, принявшая, особенно в Новое время, в патримониально-бюрократическом государстве острые формы. Но в средние века об этом еще не было речи; и фактическое разложение старого феодального строя, и освобождение крестьянина нередко происходили почти без борьбы лишь вследствие распространения денежного хозяйства. Так было в Англии. В других местах, правда, это развитие непосредственно и сознательно поощрялось городами — например, в области, подчиненной Флоренции.

Патримониально-бюрократическое государство старалось примирить интересы знати с интересами городов, но так как оно нуждалось в услугах знати в качестве офицеров и чиновников, то и было запрещено приобретать незнатным земли знати, а в том числе, следовательно, и горожанам.

Конфликты городов со светскими сеньорами бывали реже, чем с сеньорами духовными и особенно с монастырскими. Со времени разделения церкви и государства, на почве спора об инвеституре, духовенство, наряду с евреями, представляло собой в городе определенно инородное тело. Будучи в значительной степени освобождены от налогов, церковные владения обладали иммунитетом, тем самым ускользали от вмешательства светского, в частности городского управления и его должностных лиц. Сами духовные лица как сословие были свободны от несения военной службы и других городских повинностей. При этом, благодаря еще пожертвованиям благочестивых граждан, свободные от всяких налогов церковные владения росли, а вместе с ними росло и число неподвластных городу лиц. В лице же своих светских братьев⁴⁵ монастыри имели рабочих, не занятых заботой о семье и поэтому способных выдержать любую конкуренцию при использовании их в собственном промышленном производстве. Монастыри, так же как и «вакуфы»⁴⁶ средневекового ислама, обладали постоянными источниками денежного дохода, владея рыночными и другими торговыми помещениями, мясными лавками, мельницами и пр., которые, таким образом, были изъяты не только из обложения, но и из круга хозяйственной политики города вообще. Нередко монастыри предъявляли притязания на монополию. Их обнесенные стенами и обладавшие иммунитетом территории могли представлять опасность и с чисто военной точки зрения. А церковный суд в

связи с запрещением ростовщичества, подавлял развитие торговых операций. Против накопления земельных владений в руках духовенства города пытались бороться путем запретов, а князья и знать — при помощи законов амортизации. С другой стороны, церковные праздники и владение местами паломничества с продажей индульгенций представляли собой возможность дохода и для части городской промышленности, а монастыри, поскольку они были доступны лицам светским, представляли собой места призрения. Поэтому, несмотря на все конфликты, отношения между духовенством и монастырями, с одной стороны, и городами, с другой, еще к концу Средневековья были далеко не настолько недружелюбными, чтобы считать это достаточным для «экономического объяснения» Реформации. Церковные и монастырские учреждения не были фактически настолько неприкосновенными, насколько это утверждалось каноническим правом. Справедливо указывалось, что с ослаблением императорской власти в результате спора об инвестируре монастыри Германии лишились своего наиболее заинтересованного защитника против светской власти, и что власть фогтов⁴⁷, ими сброшенная, могла легко возродиться вновь под другим видом в том случае, если монастыри серьезно займутся экономической деятельностью. Нередко городскому совету удавалось установить фактическую опеку над ними, подобно прежней власти фогта, навязывая им под разными предлогами и наименованиями помощников и управляющих, которые вели дела монастыря, защищая интересы города. Сословное положение духовенства в городском объединении было весьма различным. В правовом отношении духовенство иногда стояло просто вне городской корпорации, иногда же, входя в нее, оно составляло благодаря своим неизменным сословным привилегиям, чужеродную силу, неудобную для города и неспособную к ассимиляции. Реформация в пределах своего влияния покончила с таким положением вещей, но города от этого ничего не выиграли, так как вскоре сами подпали под власть патрициально-бюрократического государства.

В древности в этом отношении развитие шло совершенно иначе. Чем дальше в глубь веков, тем больше экономическое положение храмов напоминает положение церквей и особенно монастырей раннего Средневековья, особенно в колониях Венеции. Но развитие шло здесь не в сторону ра-

стущего разъединения церкви и государства и роста самостоятельности церковных владений, как в средние века, а как раз наоборот. Городская знать захватила владения храмов, как источник доходов и власти, а демократия затем превратила их в государственную собственность и, распродавая приходы с торгов, уничтожила политическое влияние жрецов, а экономическое управление передала в руки общин. Большие храмы Аполлона в Дельфах или Афины в Афинах были сокровищницами эллинистического государства, депозитными кассами рабов, а некоторые храмы остались обладателями крупных земельных владений. Экономической же конкуренции с городской промышленностью у них не возникало. Секуляризации сакрального имущества не было и не могло быть, но «обмирщение» сосредоточенных прежде в храмах ремесл было если не формально, то фактически проведено в античных городах более радикально, чем в средневековых. Существенной причиной этого было отсутствие монастырей и церковной организации как самостоятельного межрегионального союза. Конфликты городского населения с представителями крупного землевладения свойственны античности так же, как средневековью и Новому времени в самом начале. Античный город имел аграрную политику, разрушавшую феодализм, и свою крестьянскую политику. Но эта политика была настолько шире средневековой по своему размаху, а значение ее для развития городов настолько отлично от применявшейся в средние века, что различие выступает очень четко и должно быть рассмотрено отдельно.

АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Особенность развития средневекового города заключалась не в экономической противоположности между городским и негородским населением, а в общем положении города в пределах средневековых *политических* и сословных объединений. Этим типичный средневековой город сильно отличался от античного. По тому же признаку города средневековья можно разделить на два типа, переходящих друг в друга, но в чистом виде очень отличающихся. Один из этих типов, преимущественно южно-европейский, особенно итальянский и южно-французский, значительно ближе к типу античного полиса, несмотря на все различия, нежели другой, преимущественно северофранцузский, немецкий и английский. Перейдем теперь к сравнению средневекового городского типа с античным и другими типами и постараемся выяснить существенные причины их различия.

Патрициат южно-европейских городов также имел свои внешние бурги и земли, как в античности, например, уже упомянутый Мильтиад. Владения и бурги рода Гримальди далеко распространялись по побережью Прованса. К северу это явление встречается значительно реже, а в типичном городе Центральной и Северной Европы более позднего времени оно и вовсе отсутствует. С другой стороны, такого демоса, как аттический, опиравшегося на чисто политическую силу в своих требованиях различных выдач и распределения сумм, средневековый город почти не знал; но явление, подобное распределению доходов с соляных копей между афинскими гражданами, наблюдалось в виде распределения экономических доходов с общественных имуществ в средневековых и даже в современных общинах.

Очень резка разница между низшими сословными слоями города античного и средневекового. Главной опасно-

стью экономической дифференциации, которую знал античный город, и против которой разными мерами боролись все партии, было возникновение класса полноправных граждан, потомков полноправных родов, которые, оказавшись экономически разоренными, в долгах, без состояния, не имея средств на вооружение, необходимое для несения службы в войсках, добивались политического переворота или тирании для того, чтобы требовать передела земельной собственности, погашения старых долгов или обеспечения из общественных средств в виде раздачи хлеба, бесплатного посещения празднеств, зрелищ и цирковой борьбы. Такие слои существовали и в средние века, встречались и в Новое время, а именно в южно-американских штатах в виде немущих «poor white trash»¹, противостоявших рабовладельческой плутократии. Задолжавшие, деклассированные слои знати были источником постоянных опасений, как в средние века, например, в Венеции, так и в Риме во времена Катилины². Однако в средние века это явление не играло существенной роли, особенно в городах демократических, и не служило типичной исходной точкой для классовой борьбы, как это безусловно было в античности. Ибо в ранней античности классовая борьба происходила между жившей в городе родовой знатью, *кредиторами*, с одной стороны, и крестьянами, *должниками*, лишенными всякой собственности — с другой. Это деклассированный «civis proletarius» [«гражданин-пролетарий»] был типичным «потомком» полноправного гражданина. Позже имущим слоям противостояли погруженные в долги потомки знати, вроде Катилины, которые становились во главе радикальной революционной партии. Интересы таких слоев античного полиса были интересами *должников*, а также интересами *потребителей*. Наоборот, интересы *промышленной* политики, ставшие позже в средние века во главе угла демократической политики городов, в античности понемногу исчезают. Цеховая «продовольственная политика» городского хозяйства, которая в ранний период подъема демократии осуществлялась и в античности, стала со временем ослабевать, по крайней мере, в ее производительном аспекте. Развитая демократия греческих городов, так же как и достигшая полного господства римская аристократия, были заняты, поскольку речь идет о городском населении, помимо интересов торговых, почти исключительно вопросами потребления. Общий для

античной, средневековой и меркантилистской политики запрет на вывоз зерна оказывался в древности недостаточным, и в центре общественного внимания в области хозяйственной политики стояла забота о подвозе зерна извне. Насколько сильно стоимость хлеба отражалась на жизнеспособности в Афинах, видно из того, что хлебные поставки от дружественных правителей служили в Афинах главным поводом для пересмотра списков граждан с целью исключения лишенных права. А неурожаи в хлебных местностях Понта принуждали Афины требовать дань со своих союзников. Непосредственная закупка зерна полисом часто наблюдалась и в Элладе. В поздний период Римской республики привлечение провинций к налоговой доставке зерна с целью раздач хлеба горожанам приняло грандиозные размеры.

В то время, как *средневековым* неимуцим был *безработный ремесленник*, характерным античным пролетарием был человек *политически* деклассированный, т. е. *потерявший свою земельную собственность*, бывший землевладелец. Правда, и в античности существовала проблема безработицы ремесленников, против которой пытались бороться путем устройства масштабных общественных работ (Перикл). Уже одно то, что большое количество рабов было занято ремеслами, оказывало влияние на положение рабочих. С другой стороны, и в некоторых городах Средневековья существовали рабы. Приморские города Средиземноморья торговали рабами почти до конца средних веков. И наоборот, такой средневековой город континентального типа, как Москва до отмены крепостного права, имел характер большого восточного города, примерно времен Диоклетиана³: в нем проживались ренты владельцев земли и крепостных людей, а также и доходы от службы. Но в типичных средневековых городах Запада рабский труд все больше терял свое экономическое значение. Могущественные цехи нигде не допустили бы возникновения конкурентов для свободных ремесленников и не дали бы образоваться особому слою ремесленников-рабов, платящих своему господину подушную подать. Противоположным образом обстояло дело в древности. Увеличение состояния означало тогда прежде всего увеличение числа рабов. Каждая война увеличивала их количество и переполняла ими рынки. Часть рабов служила господину для личных услуг. Рабы составляли необ-

ходимую часть обихода полноправного гражданина. Как впоследствии рыцарь не мог обойтись без помощи своих крестьян, так и античный гоплит, проводя время в непрерывных войнах, не мог обходиться без рабочей силы своих рабов. Каждый, кто был лишен возможности иметь рабов, считался пролетарием. Римская знать использовала массу рабов для личных услуг, причем функции их были весьма разнообразны и удовлетворяли в значительной мере собственными силами потребности даже больших домашних хозяйств. Пища и одежда рабов приобреталась, однако, большей частью за деньги. Обычная форма домашнего хозяйства в Афинах была основана целиком на денежном хозяйстве, ставшим затем господствующим на эллинистическом Востоке. О Перикле говорили, что он с целью приобретения популярности среди ремесленников старался удовлетворять свои потребности, совершая покупки на рынке, а не производя необходимое в собственном хозяйстве. С другой стороны, значительная часть ремесленного городского *производства* находилась в руках самостоятельно занимавшихся предпринимательством рабов. Наряду с уже упомянутыми эргастериями существовали несвободные ремесленники и мелкие торговцы. Само собою разумеется, что совместная работа рабов и свободных граждан, например, при постройке Эрехтейона⁴, должна была создать ощутимую экономическую конкуренцию. В Древней Греции время наибольшей эксплуатации рабского труда было временем расцвета демократии.

Это сосуществование рабского и свободного труда исключало возможность развития *цехов* в античности. Можно предположить, хотя и без достоверности, существование в разную эпоху полиса зачатков ремесленных союзов, которые, по-видимому, носили характер организованных союзов важных в военном отношении ремесленников, вроде *centuria fabrum* [центурия кузнецов] в Риме или «демиургов»⁵ в Афинах времен сословной борьбы. Эти зачатки сословной организации бесследно исчезли во времена демократии, что и не могло быть иначе при тогдашней социальной структуре ремесла. Античный мелкий горожанин хотя он и мог входить наряду с рабами в общину мистов (в Греции) или в *collegium* (как позже в Риме), но он не мог относиться к какому-либо союзу, который претендовал бы, подобно цеху средневековья, на политические права. Средневековый *popolo*, в

противоположность знатым родам, был организован в *цехи*. Напротив, в классический период античности, при господстве демоса, какие-либо следы цехового устройства отсутствуют, несмотря на его зачатки в более ранний период. «Демократический» город делился не на цехи, а на демы или трибы, т. е. по территориальным и преимущественно *сельским* округам. Этого совершенно нет в средние века. Деление городской *территории* на кварталы наблюдается как в древности и средние века, так и в городах Востока и Восточной Азии. Но в средние века политическая организации никогда не была основана исключительно на локальных объединениях и на распространении ее на всю входящую в состав политического влияния города сельскую местность, так что формально деревня превращалась в часть города. Деление на демы в основном совпадало с историческими или проведенными *ad hoc* границами деревень. Эти демы имели альменды и собственные местные власти, что составляет в своем роде единственную в истории основу городского устройства и уже само по себе определяет исключительность положения *демократического* полиса древности, что следует особенно подчеркнуть. Ремесленные союзы, как конститутивная часть города встречаются лишь в раннюю пору античности и лишь наряду с другими сословными корпорациями. Деление на демы преследовало определенную цель при выборах; такое значение имели в Риме центурии *fabri* наряду с центурией всадников (*equites*) старого классового войска, а в Афинах — возможно, демиурги времен досолоновского сословного компромисса. Это явление имело в основе или свободные союзы, примером чего может служить отраженное в политическом устройстве очень древнее *collegium mercatorum* [коллегия торговцев] в Риме со своим профессиональным богом Меркурием, или их источником могли быть союзы, образованные как литургические единицы для военных целей, так как нужды античного города покрывались налогами с горожан. В единичных случаях встречаются союзы, напоминающие гильдии. Так, культовый союз танцовщиков Аполлона в Милете с совершенно официальным его господствующим положением в городе (в деталях неизвестным) можно, с одной стороны, сравнить с гильдиями средневекового севера, с другой — с цехами священных танцовщиков американских племен, с жрецами (брахманами) Индии и левитами Израиля⁶. Не

следует, однако, представлять себе этот союз в виде профессиональных, впадающих в экстаз магов пришлого племени. В историческое время он представлял собой скорее клуб знати, имевшей право участия в процессиях в честь Аполлона и напоминал кельнский «цех богатых»; разница заключалась лишь в том, что для древности была типична идентификация культовой общины с политически господствующим цехом горожан. Если же, с другой стороны, во времена поздней античности мы находим в Лидии коллегии ремесленников с *наследственными* старейшинами, занимавшие, по-видимому, место фил, то следует предположить, что они произошли от ремесленников старых пришлых племен, что напоминает собой ход развития, напоминающий ход развития в Индии. На Западе деление ремесленников по профессиям встречается вновь в «*officia*» и «*artificia*» господских ремесленников как в поздний период римской истории, так и в раннее Средневековье. Позже, при переходе от античности к Средневековью, возникают союзы ремесленников, производящих товары на рынок, но лично зависимых от господина и платящих ему оброк. Эти союзы, как кажется, служили лишь для взимания оброка и первоначально, вероятно, были организованы господином. Наряду с ними существовали другие, возможно такого же древнего происхождения, но впоследствии исчезнувшие союзы *свободных* ремесленников, стремившиеся к монополии и сыгравшие решающую роль в борьбе граждан против родовой знати. Во времена же классической демократии не встречается ничего подобного. Литургические цехи, которые, возможно, существовали в ранний период развития городов, встречаются вновь в литургическом государстве поздней античной империи. Не только определенных указаний, но даже намеков на существование литургических цехов, за исключением военных союзов и организаций по голосованиям, в Риме не встречается. Хотя свободные объединения и были распространены во всевозможных областях жизни именно в период классической демократии, однако нигде они не имели характера *цехов* и не стремились к этому, поэтому они для нашего исследования значения не имеют. Если бы они к этому стремились, то, подобно средневековому городу, не могли бы проводить различия между свободными и несвободными членами, так как количество последних было слишком велико. В таком случае

они должны были бы отказаться от *политического* значения, что повлекло бы для них нежелательные в экономическом отношении последствия. Античная демократия была *цехом свободных* граждан, и это определяло ее политическое поведение. Поэтому свободные цехи и другие им подобные организации начинают впервые образовываться, насколько известно, как раз в то время, когда политическая роль античного полиса определенно пришла *к концу*. Мысль подавить, изгнать или чувствительно ограничить несвободных или свободных, но не полноправных (вольнотпущенных, метеков) ремесленников была явно неосуществимой и не могла возникнуть в демократии. Попытки такого рода, наблюдавшиеся во время сословной борьбы, особенно при господстве законодателей и тиранов, позже, а именно после победы демократии, совершенно исчезают. Привлечение в эти времена к государственному строительству и государственным поставкам наряду со свободными гражданами и метеками рабов частных господ доказывает, во-первых, что рабы были необходимы для построек и, во-вторых, что их господа не желали отказываться от увеличения таким путем своего дохода и имели достаточно власти помешать исключению своих рабов из числа рабочих. В противном случае рабы не привлекались бы к подобным работам. Следовательно, класса свободных полноправных ремесленников для выполнения больших государственных задач не хватало. В этом проявляется основное различие в структуре между развитым античным городом времен господства демоса, с одной стороны, и городом средневековым времен расцвета власти *popolo*, с другой. В раннедемократическом античном, находившемся под господством *гоплитов* полисе не имевший земельного надела и экономически не способный самоэкипироваться, живущий в городе ремесленник не играл политической роли. В средние же века ведущую роль играли крупные городские предприниматели (*popolo grasso*) и ремесленники капиталистического типа (*popolo minuto*). В античном полисе эти слои не имели *никакой* власти. Подобно тому, как античный капитализм был *политически* заинтересован в государственных поставках, общественных постройках и вооружениях, в государственном кредите, игравшем в Риме роль политического фактора уже во времена Пунических войн⁷, в росте государственной территории с приобретением новых земель и рабов, в разных при-

вилегиях и в праве торговли и поставок в подчиненных городах, так в этом была заинтересована и античная демократия. Крестьянство, пока оно составляло ядро войска гоплитов, стремилось получить завоеванные земли для колонизации. Наконец, мелкие горожане были заинтересованы в прямых и косвенных доходах с подчиненных общин, а именно: в государственном строительстве, в раздаче зерна, в деньгах для участия в зрелищных предприятиях и других дарах государства за счет его подданных. Состоявшее преимущественно из сельских землевладельцев войско гоплитов в эпоху своего господства (во времена сословных компромиссов — Клизфена, а в Риме — децемвиров⁸) никогда не допустило бы ничего подобного цеховой политике средневековых городов, хотя бы в интересах потребителей, заинтересованных в дешевизне. А более поздний, находившийся под влиянием интересов горожан эллинский суверенный демос, безусловно, не был безусловно заинтересован в такой политике, да и не имел возможности ее проводить.

Политические цели и средства античной демократии были диаметрально противоположны целям и средствам средневекового бюргерства, что выразилось в неоднократно уже упоминавшемся различии в делении городского населения. Если в средние века знатные роды и не исчезли, а были вынуждены войти в состав цехов, как составная часть бюргерства, то это означало, что в пределах цехов роды были поглощены средним сословием и, таким образом, лишились формально части своего влияния. Нередко происходило нечто обратное, и цехам, например, лондонским *liveries*⁹, угрожала судьба быть вовлеченными на путь превращения в плутократические корпорации рантье. Всегда, однако, этот процесс означал усиление господствующего положения *внутри* города непосредственно участвовавшего и бывшего заинтересованным в торговле и промышленности слоя. Когда в древности, наряду со старыми личными родовыми союзами, филами и фратриями или вместо них произошло деление городской области на *демы* и *трибы*, в руки которых перешла вся политическая власть, то это было равносильно концу влияния родов, так как их владения, приобретенные за неуплату долгов, были в значительной мере рассеяны, и владельцы их имели влияние лишь в отдельных демах. В этих отдельных демах такие владения подле-

жали регистрации и обложению налогом, а это подрывало политическую власть крупного землевладения в значительно большей степени, чем если бы, например, в наше время крупные поместья Восточной Германии были включены в сельские общины. Затем, разделение всей территории города на демы означало, главным образом, занятие всех должностей в совете и в учреждениях представителями демов, как это случалось в Греции, или же это означало деление комиций по трибам (31 сельская и 4 городских), как это было проведено в Риме. Вначале эта мера, очевидно, преследовала цель дать преобладание сельским слоям над городскими и обеспечить за первыми господство над городом. Предполагался, таким образом, рост политического значения не городского, занятого предпринимательством населения, как, например, при господстве *populo*, а напротив — *крестьянства*. Следовательно, носителями идеи демократии были в средние века с самого начала *предприниматели*, в древности же, во времена Клисфена — *крестьянство*. Фактически и достаточно длительно это имело место только в Риме, ибо в Афинах принадлежность к демам была наследственной и не зависела от места жительства, профессии или факта владения землей, так же как и принадлежность к фратрии или роду. Семья Демосфена¹⁰, например, принадлежала в правовом отношении в течение столетий к дему пэанов, им привлекалась к повинностям и избиралась на должности, совершенно независимо от фактического места жительства. Таким образом, после нескольких поколений в ходе притока переселенцев в Афины демы утратили свой первоначальный характер локальных *крестьянских* союзов. Городские ремесленники всевозможных профессий числились теперь членами сельских демов. Демы стали чисто личными подразделениями городского населения наподобие фил. Вследствие этого, для граждан, фактически живших на территории народного собрания, не только создавалось, благодаря этому, более благоприятное положение, но эти граждане вместе по мере роста города стали постепенно составлять большинство и в формально сельских демах. Иначе обстояло дело в Риме. Для четырех городских триб, по-видимому, первоначально существовало аналогичное положение; но затем каждая сельская триба стала включать в свой состав только тех людей, кто, владея землей в ее пределах, там же и жил. В случае же переселения в другое

место порывалась связь с трибой и совершался переход в новую трибу. Примером этого служит род Клавдиев (*gens Claudia*), именем которого продолжала называться триба и после выбытия из нее этого рода. Как и в Афинах, в более благоприятном положении оказывались в Риме, особенно благодаря большей его территории, жившие в городе члены триб, так как они имели возможность присутствовать в комициях. В отличие же от Афин, таким преимущественным положением могли пользоваться лишь земельные рантье, т. е. те, кто имел сельскую земельную собственность и притом настолько крупную, что ее обработка происходила при помощи наемного труда и допускала пребывание владельца в Риме. Поэтому со времени победы плебса, комиции Рима находились фактически в руках крупных и мелких земельных рантье. Преобладание жившей в Риме крупной земельной знати, с одной стороны, и городских демагогов в Афинах — с другой, подчеркивают различие. Плебс в Риме не был *poroio*. Он представлял собою не объединение ремесленных и торговых цехов, а преимущественно сословие сельских землевладельцев, способных нести службу в отрядах гоплитов, причем вся политика определялась главным образом теми из них, которые жили в городе. Плебеи представляли собой первоначально не мелких крестьян в современном значении слова и не класс крестьян в средневековом понимании, а способный носить оружие слой сельских землевладельцев, во времена расцвета плебса получивший характер среднего сословия. В социальном отношении он хотя и не был аналогичен английскому джентри (*gentry*), но во всяком случае представлял собой «*yeomanry*»¹¹. С ростом экспансии Рима стало расти и влияние землевладельцев, живших в городе. Все же остальное городское население, занимавшееся ремеслами, было объединено в четыре городские трибы и не имело влияния. Римская должностная знать твердо держалась этого порядка, и даже реформы Гракхов¹² были далеки от мысли что-либо изменить в нем и попытаться ввести «демократию» по эллинскому образцу. Этот сельский характер римского войска облегчал и жившим в Риме крупным сенаторским фамилиям удерживаться у власти. Греческая демократия избирала совет по жребию, а ареопаг, составленный преимущественно из бывших должностных лиц и соответствовавший римскому сенату в качестве кассационной инстанции она уничтожи-

ла; напротив, в Риме сенат оставался руководящим органом, и не было попыток это изменить. В период наибольшей экспансии командные должности находились в руках офицерства, вышедшего из городской родовой знати. Чтобы сохранить самоэкипирующееся войско граждан, партия реформ Гракхов в позднереспубликанское время, подобно прочим античным социальным реформаторам, стремилась к установлению военной силы политического союза, к приостановлению деклассирования и пролетаризации сельского землевладельцев, против скупки мелких участков крупными владельцами и к увеличению из числа. И эта партия была, следовательно, первоначально партией сельской, хотя Гракхи и были вынуждены, чтобы добиться чего-либо, привлечь к своей борьбе против должностной знати слой капиталистический слой всадников, заинтересованный в государственных поставках, но отстраненный, из-за своей предпринимательской деятельности, от возможности занимать государственные должности.

Политика Перикла в области государственного строительства справедливо рассматривается вместе с тем и как предоставление заработка ремесленникам. Так как строительство оплачивалось из дани союзников, то эта дань и являлась источником упомянутого заработка, хотя не только для полноправных ремесленников, как это подтверждается надписями относительно совместной работы полноправных ремесленников с метеками и рабами. «Заработком безработных» в настоящем смысле слова были во времена Перикла матросская служба и военно-морская добыча. Поэтому то и было так легко склонить демос к войне. Этим деклассированным, экономически зависимым гражданам нечего было терять. Зато сознательной предпринимательской производительной политики, в качестве элемента, определяющего развитие античной демократии, не существовало.

Как в античности, так и в средние века городская политика служила, в первую очередь, интересам городских потребителей. Однако меры, принимавшиеся в античности, были значительно более решительными, вероятно потому, что казалось невозможным предоставить частной торговле снабжение хлебом таких городов, как Афины или Рим. Встречаются в античности меры, поощрявшие вывоз, однако, не вывоз предметов ремесленного производства. Нигде городская политика не определялась интересами производ-

ства. В старых приморских городах ее определяли вначале интересы городских патрициев, землевладельцев и всадников, источником богатства которых служили морская торговля и пиратство. Затем, в период ранней демократии, руководящими стали интересы сельских землевладельцев, способных нести службу в войске гоплитов, и, наконец, политику античного города определяли интересы владельцев капиталов и рабов, а также слоя мелких горожан, так как и те и другие, в качестве крупных и мелких предпринимателей, рантье, воинов и матросов, были заинтересованы в росте потребностей государства и в добыче.

Средневековые городские демократии вели себя совершенно иначе. Причины этого различия обусловлены уже самим способом основания города и зависели от географических, военных и общекультурных условий. Средиземноморские *города античности* не имели при своем возникновении против себя сколько нибудь значительной *внегородской* военно-политической силы. Сами они, напротив, обладали высокоразвитой военной техникой, сначала в городах в виде аристократически-родовой «фаланги», затем — в дисциплинированного войска гоплитов. Где, подобно южно-европейским приморским городам раннего средневековья и итальянским аристократическим городам-республикам, существовали аналогичные в военном отношении явления, там и самое развитие напоминает античное.

В южно-европейском городе-государстве раннего средневековья аристократическое деление обуславливалось уже самим характером военной техники. Менее всего носили характер демократии города приморские, а из лежавших внутри страны те, которые были сравнительно *бедны*, но патрициат которых, получая ренты, господствовал над большими территориями политически подчиненной городу округи (Берн). Напротив, промышленные города внутри страны, особенно северные города континентальной Европы, противостояли в средние века военной бюрократической организации королей и их вассалов-рыцарей, живших в своих бургах по всей обширной территории континента. Здесь, на севере и внутри континента, большинство городов с момента их основания были связаны концессиями политических и вотчинных сеньоров, входивших в состав феодального союза военных и административных властей. Конституирование «города» чем дальше, тем больше обуславливалось

уже не столько военными и политическими интересами союза землевладельцев, объединенных с целью обороны, сколько *экономическими* интересами основателя, рассчитывавшего на получение разного рода таможенных и провозных пошлин, налогов и прочих доходов. Город был для него прежде всего доходным предприятием, а военное значение города стояло для сеньора на втором плане. Характерная для средних веков автономия города достигалась в том случае, если находящийся вне города господин не располагал таким аппаратом подготовленных должностных лиц, который делал бы возможным управление городом с точки зрения экономических интересов самого сеньора города. Ни по своим специальным знаниям, ни по своему положению, будучи к тому же заняты своими делами, административный и судебный аппарат сеньоров во времена раннего Средневековья не был в состоянии успешно заниматься делами городских торговцев и предпринимателей. Первоначально властитель города был заинтересован исключительно в денежных поступлениях. И если горожанам удавалось удовлетворить его денежные потребности, то можно предполагать, что он воздерживался от вмешательства в их дела, так как в противном случае он подрывал бы притягательную силу города, а это не входило в интересы сеньора. Борьба за власть между разными властителями, и особенно между центральной властью и ее вассалами, а также церковью, благоприятствовала развитию городской автономии, тем более что союз с богатыми горожанами обещал ряд преимуществ. Чем более единой была организация политического союза, тем меньше развивалась политическая автономия города, ибо все без исключения феодальные власти, начиная с королей, всегда с большим подозрением и опаской следили за развитием городов. Только отсутствие бюрократического аппарата управления и нужда в деньгах заставляли французских королей, начиная от Филиппа Августа, и английских, начиная с Эдуарда II, опираться на города, подобно тому, как немецкие императоры пытались опереться на епископов и церковное землевладение. А после того, как в результате борьбы за инвестируемые немецкие короли были лишены этой опоры, императоры Салической династии также предпринимают попытки поддержать города. Когда же изменившиеся политические и финансовые условия сделали возможным создание соответствующего бю-

рократического аппарата, автономия городов вновь подверглась попыткам уничтожения.

Таким образом, историческое интермеццо городской автономии было обусловлено в средние века причинами *совершенно другими*, чем в древности. Господствующий слой античного города, его капитализм и интересы его демократии были обусловлены политическими и военными моментами. Падение знатных родов и переход к демократии были вызваны изменениями военной техники. Борьба против знати, победа над нею и лишение ее всякой политической власти были произведены дисциплинированным самоэкипирующимся войском гоплитов, успехи которого были весьма разнообразными и вели иногда, как, например, в Спарте, к полному уничтожению знати, иногда, как, например, в Риме, при фактическом сохранении знатью своего положения, к формальному уничтожению сословных ограничений, к рациональному, легко доступному судопроизводству, к правовой защите личности и к смягчению долгового права. В Афинах же времен Клисфена победа класса гоплитов повела ко включению знати в демы и к тимократическому характеру управления. Пока класс сельских гоплитов был господствующим, обычно сохранялись авторитарные институты государства знатных родов. Очень различной была и степень милитаризации институтов. Гоплиты Спарты рассматривали всю принадлежавшую воинам землю, вместе с жившим на ней несвободным населением, как общую собственность, и предоставляли право участия в земельной ренте каждому полноправному воину, до чего не доходил ни один другой полис. В противоположность свободному праву распоряжения земельной собственностью, ограниченному лишь наследственными притязаниями рода, по-видимому, широко было распространено сохранившееся отчасти и позже ограничение отчуждения земли, полученной в виде военной добычи. Но и это ограничение вряд ли существовало везде, а со временем и вовсе исчезло. В Спарте накопление земельной собственности запрещалось спартиатам, но разрешалось женщинам. Это так изменило экономическую основу воинского класса «*homoioi*» [«равные»], состоявшего первоначально из 8000 полноправных граждан, что со временем лишь несколько сот человек были в состоянии раздобыть средства, необходимые для полноправного гражданства, полное военное вооружение и делать необходимые для

сисситий¹³ взносы. Напротив, в Афинах свобода передвижения и торговли в соединении с делением на демы благоприятствовала созданию мелких земельных участков, что соответствовало росту садовой культуры. В Риме же свобода передвижения и торговли, существовавшая со времен Двенадцати таблиц¹⁴, привела к совершенно иным результатам, так как там при этом было разрушено деревенское устройство. Основанная на гоплитах демократия исчезла в Элладе повсюду, где центр тяжести военного могущества переместился на морские силы (в Афинах, например, после поражения при Коронее¹⁵). С той поры пришла в упадок военная выучка, были устранены остатки старых влиятельных институтов; в политике и в *городских* институтах стал господствовать городской демос. Подобных перипетий средневековой город не знал. Победа ророло были обусловлена экономическими причинами, которые вообще первоначально определяли существование средневекового *промышленного континентального* города. Феодалные власти не были прежде всего правителями и городской знатью. Они не были, подобно знати античного города, заинтересованы в использовании специальной военной техники, которую мог бы предоставить им только город; ибо, за исключением приморских городов с их флотом, средневековые города не были средоточием военной силы, между тем как в древности центре городской организации все больше становилось войско гоплитов с его дисциплиной, т. е. преобладали военные интересы. В средние века привилегии большинства городов начинались с того, что военная повинность горожан ограничивалась лишь гарнизонной службой. Граждане средневекового города были заинтересованы прежде всего в заработке посредством мирной торговли и промышленной деятельности, особенно низшие слои, что видно из политики ророло minuto. В то время как, благодаря политическим условиям, средневековый горожанин был homo oeconomicus [человек экономический], античный полис времен расцвета сохранил свой характер высоко развитого военно-оборонительного союза, и античный горожанин был прежде всего homo politicus [человек политический]. В городах Северной Европы министерялы и рыцарство были, как мы видели, вообще исключены из состава городского населения. Землевладельцы же нерыцарского происхождения, будучи лишь го-

родскими «подданными» или состоя в цехах садоводов, почти не играли никакой роли ни в политической, ни в социальной жизни города. Сельская округа была и оставалась обычно лишь объектом средневековой городской хозяйственной политики. Нигде типичный средневековой город не переходил к колониальной экспансии.

Теперь мы подошли к одному из наиболее важных пунктов, а именно, к сословным взаимоотношениям, как они представлялись в городе древности и в городе средневековом. Помимо рабов античный город включал в себя *сословные* слои, которые были известны лишь раннему средневековью или вообще неизвестны, или, наконец, известны лишь вне городов. К ним принадлежали: 1) зависимые, 2) обращенные в рабство должники, 3) клиенты, 4) вольноотпущенники. Первые три категории принадлежат, главным образом, к периоду демократии гоппитов и позже теряют свое значение. Напротив, вольноотпущенники стали играть заметную роль как раз в более позднее время.

1. В историческое время в пределах влияния античного полиса обнаруживается патримониальная *зависимость*, главным образом, в завоеванных областях. Очевидно, она была широко распространена в ранний период феодального развития городов. Повсеместно сходное в некоторых основных чертах, но сильно расходящееся в частности, положение зависимого в древности не отличается по существу от положения его в средние века. Повсюду зависимые подвергались, главным образом, экономической эксплуатации, причем наиболее полно зависимость проявлялась на эллинской территории там, где городская организация не установилась, в частности, в Италии и в тех городах, которые представляли собой столь стройные организации воинов, что зависимые считались в них собственностью не частной, а государственной. Вне этих областей они во времена господства гоппитов почти всюду исчезли и появились опять лишь в эллинистическую эпоху в западных областях Востока, вместе с возникновением там городской организации. Большие территории, где сохранялось племенное устройство, передавались отдельным городам, жители которых составляли эллинский (или эллинизированный) гарнизон, подчиненный правителям. Но такая, преимущественно политическая, зависимость неэллинского сельского населения (ἐύνη) носит уже существенно иной характер, нежели

патримониальная зависимость раннего времени, и выходит за рамки исследования автономных городов.

2. *Обращенные в рабство должники* играли в качестве рабочей силы значительную роль. Они были экономически деклассированными гражданами, и положение их составляло основную социальную проблему старой сословной борьбы между жившим в городе патрициатом и сельскими гоплитами. Как в эллинском законодательстве, так и в Двенадцати таблицах, в законах о должниках и в политике тиранов интересы этих деклассированных сельских слоев населения находили разные компромиссные решения. Обращенные в рабство должники были не крепостными, а свободными землевладельцами, приговоренными, однако, с семьей и землей или к длительному рабству, или к частной зависимости до погашения долга; становились они в такую зависимость и добровольно — во избежание наказаний. Особенно часто их использовали в качестве арендаторов предоставляемой им земли кредитора. Какую они представляли собою опасность, видно из того, что закон Двенадцати таблиц предписывал продавать осужденного должника за пределы страны.

3. *Клиентов* следует отличать как от обращенных в рабство должников, так и от зависимых. Они не являлись презренными подчиненными, подобно вторым, а составляли свиту своего господина. Отношение их к нему было основано на верности, благодаря чему, например, судебный процесс между господином и клиентом был с религиозной точки зрения недопустим. От закабаленных должников клиенты отличались, главным образом, тем, что экономическая эксплуатация их считалась неприличной для господина. Они составляли орудие его личного или политического влияния, но не экономической его власти. Над основанными на *fides* (верности) отношениями клиента и господина не было никакого судьи, кроме кодекса нравственности, и нарушение этих отношений, например, в Риме, влекло за собой сакральные последствия (нарушение *fides* влекло за собой бесславление). Клиенты появились со времени господства знати и военных единоборств и составляли первоначально дружину шедшего на войну господина, обязанную ему подношениями и поддержкой в необходимых случаях, а иногда и работой, получавших от него земельные наделы и защиту интересов перед судом. Таким образом, клиенты были

«министериами», как их называли бы в средние века, а не слугами, хотя они и не были, подобно позднейшим министериалям, людьми рыцарского происхождения и образа жизни, а просто маленькими людьми с небольшими крестьянскими наделами. Не владея землей и не входя в местные сообщества, клиент не был, следовательно, и участником оборонительного союза, а находился всецело под патронатом какого-нибудь главы рода (*pater*) (в Риме посредством *applicatio*¹⁶) или правителя, получая в таком случае от своего патрона земельный надел и вооружение (технический термин в Риме — *adtribuere*). Положение клиента было большей частью наследственным. Таково старое значение клиентелы. Совершенно так же, как в средние века во время господства знати, в античности социальные условия заставили мелкое свободное крестьянство массами становиться клиентами знатных лиц, чтобы те представляли их в суде. Такова была, вероятно, в Риме основа будущих более свободных форм клиентелы. Первоначальной же формой была, по крайней мере в Риме, абсолютная зависимость клиента от господина, и еще в 134 г. до Р. Х. Сципион в качестве полководца призвал в войско своих клиентов¹⁷ (мелких арендаторов). В эпоху гражданских войн в аналогичном положении были колонны крупных землевладельцев.

В Риме клиент имел голос в военном собрании и, согласно традиции, служил существенной опорой для знатных родов. Юридически институт клиентелы уничтожен не был, но ее старое военное значение исчезло с победой военной техники гоплитов, и клиентела осталась лишь в виде института, обеспечивавшего господину его социальное влияние. Эллинская же демократия, наоборот, совершенно уничтожила этот институт, а в городе Средневековья он существовал только в форме мундиума полноправного бюргера над неполноправным, вступившим под его патронат. С падением господства родов исчезла и защита клиентов в суде.

4. Наконец, в состав античного города входили *вольнотпущенники*, число и значение которых было очень значительно. Использовались они экономически. Согласно тщательно проверенным итальянскими учеными надписям, около половины вольнотпущенников составляли женщины. Причиной отпуска на волю женщин был, вероятно, предстоявший законный брак и, следовательно, выкуп со

стороны жениха. Очень много вольноотпущенников было и из числа домашних рабов. Насколько имеющиеся цифры дают правильное представление о составе вольноотпущенников, судить трудно, так как естественно, что преобладают надписи о вольноотпущенниках упомянутых категорий. Понятно, как на это указывает Кальдомини, что число случаев отпущенных на волю из упомянутых категорий было во времена политико-экономического упадка больше, а во времена подъема — меньше: ограничение доходов заставляло господина, с одной стороны, ограничивать число рабов, с другой, превращая их в вольноотпущенников, возлагать на них в трудные времена и часть тягот. Авторы аграрных трактатов упоминают об отпуске на волю в виде награды за хозяйственные заслуги. Далее, как указывает Штрак, нередки случаи, когда господин отпускал на волю домашнего раба, чтобы не нести за него судебную, хотя и ограниченную, ответственность. Раб, которому господин разрешал за определенные налоги самостоятельное занятие ремеслом, имел наибольшую возможность накопления средств и выкупа на волю, что часто наблюдалось среди крепостных в России. Во всяком случае, решающую роль для господина играли услуги и налоги, которыми обязывался вольноотпущенник. Отношение вольноотпущенника к семье его господина носило патримониальный характер и продолжались часто в течение нескольких поколений. Услуги и повинности вольноотпущенников были весьма значительны, и даже наследство его, как и несвободных в средние века, подвергалось в большой мере произволу господина. Вместе с тем, из дани уважения вольноотпущенник обязывался к целому ряду личных услуг, которые увеличивали как социальное значение, так и политическую власть господина. Следствием этого было то, что достигшая власти демократия, например, в Афинах, лишила вольноотпущенников прав гражданства и приравнивала их к метекам. В Риме же, где власть должностной аристократии оставалась все время в силе, вольноотпущенники принадлежали к числу граждан, однако, по настоянию плебса могли быть зачислены только в четыре городские трибы: должностная знать уступила, чтобы не подготовить почву для тирании. Попыткой подготовить тиранию считали попытку цензора Аппия Клавдия¹⁸ приравнивать вольноотпущенников по праву голоса к гражданам, распределив их по всем трибам. Это нельзя, однако,

рассматривать вслед за Э. Мейером как попытку создать «перикловскую» демагогию. Ибо господство Перикла опиралось не на вольноотпущенников, которые демократией лишены были всех гражданских прав, а, наоборот, на заинтересованность *полноправных* граждан в *политической* экспансии города. Вольноотпущенники были в своем большинстве слоем мирных людей, которые были значительно ближе, чем какой-либо полноправный гражданин античной демократии, предпринимательскому бюргерству средневекового города и даже города Нового времени. Вопрос заключался, следовательно, в том, возникал ли при помощи вольноотпущенных в Риме институт народных капитанов; отклонение попытки Аппия Клавдия означало, что определяющими факторами и в дальнейшем оставались крестьянское войско и руководящая им городская должностная аристократия. Поясним несколько особым положением вольноотпущенников, этого, в некотором роде наиболее современного слоя античности, близкого «буржуазии». Нигде они не добились ни доступа к должностям, ни к жречеству, нигде не достигли ни полного коннубиума, ни права участия в военных маневрах — хотя в случаях крайней нужды и призывались в войска — ни, наконец, участия в судопроизводстве; в Риме они не могли сделаться полноправными членами сословия всадников, и почти повсюду их положение в судебном процессе было менее благоприятным, чем положение свободных. Их особое правовое положение означало для них в экономическом отношении не только отсутствие политически обусловленных гражданских преимуществ, но и невозможность обладать земельной собственностью, а следовательно и пользоваться *земельной рентой*. Эта последняя, что весьма характерно, оставалась в *демократии* монополией *полноправных* граждан. А в Риме, где вольноотпущенники были гражданами второго сорта, недопущение их в ряды сословия всадников влекло за собой и недопущение их, по крайней мере непосредственно, к государственным поставкам и откупам налогов, монополизированных всадничеством, по отношению к которому вольноотпущенники были на положении в некотором роде плебейской буржуазии. Практически это означало, что класс вольноотпущенников был исключен из характерного для античности политически ориентированного капитализма и вынужден был вступить на остававшуюся для него стезю

получения доходов, сравнительно близкого современному. Поэтому, в противоположность типичному демосу полноправных граждан, который монополизировал все виды политически обусловленных государственных доходов, вольноотпущенники стали важнейшими представителями тех форм заработка, которые ближе всего современным и соответствуют нашему мелкокапиталистическому среднему сословию, достигающему при случае и большого богатства. Тяжелая школа труда вместе с возможностью выкупа были для рабов главным стимулом к заработку как в античности, так и в крепостной России. Античный демос был, напротив, заинтересован в этом в военном и политическом отношениях. Экономические интересы вольноотпущенников влекли их к общине культа Августа как защитника мира¹⁹; основанное им почетное звание августалов соответствует званию нашего поставщика двора.

В средние века вольноотпущенники известны в виде особого сословия лишь в ранний период до основания городов. Но уже с самого начала развития городов, а особенно в условиях господства цехов, слой зависимых, наследство которых частично или целиком переходило к господину, стал исчезать, отчасти благодаря принципу, что городской воздух делает вольным, отчасти вследствие данных императорами известных привилегий, запрещавших притязать на наследство горожан. Между тем как в античности цеховая организация, включавшая наряду с ремесленниками из полноправных граждан также и ремесленников из вольноотпущенников и даже несвободных, была бы совершенно немыслима в виде политической основы города, как военного объединения, средневековый цеховой строй, наоборот, исходил из полного игнорирования внегородских сословных различий.

Итак, античный полис был со времени создания дисциплинированного войска гоплитов *цехом воинов*. Каждый город, желавший проводить активную политику, должен был в большей или меньшей степени следовать примеру Спарты и создавать из граждан обученные отряды гоплитов. Аргос и Фивы также создали в период своей экспансии контингенты виртуозов военного дела, связанных между собою (в Фивах), кроме того, еще и узами личного товарищества. Города, не имевшие подобного войска, а рассчитывавшие только на своих горожан-гоплитов, были вынуждены, по-

добно Афинам и ряду других городов, вести на суше исключительно оборонительную войну. После падения знатных родов гоплиты превратились окончательно в господствующий класс полноправных граждан, не имеющий аналогии ни в средние века, ни позже. Даже неспартанские греческие города в той или иной степени носили на себе отпечаток постоянного военного лагеря. Поэтому, в противоположность большой свободе передвижения времен Гесиода, в полисе начала господства гоплитов наблюдается ограничение связи с внешним миром и отчуждение наделов, полученных за участие в боевых действиях. В большинстве городов это скоро прекратилось и оказалось вообще ненужным, как только на первый план выступили оплачиваемые наемники, а в приморских городах — флот. Но и тогда военная служба продолжала оставаться определяющим для политического господства в городе фактором, а сам город еще сохранял характер цеха военных. Радикальная демократия Афин проводила, если принять во внимание ограниченное число жителей города, почти фантастическую политику экспансии, включив в сферу своего влияния Египет и Сицилию. Внутри в качестве военного союза полис был абсолютно суверенным, и каждый отдельный гражданин во всех отношениях служил средством и безусловно подчинялся целому. Несмотря на уверения Перикла в его надгробной речи Фукидиду²⁰, что в Афинах каждый может жить, как он хочет, строго наказывалось плохое ведение хозяйства, в частности, расточительство унаследованного военного надела (*bona patriata vitaeque* римской формулы), нарушение супружеской верности, плохое воспитание сына, дурное обращение с родителями, безбожие и гордыня и вообще всякое поведение, угрожавшее военному и гражданскому порядку или способное вызвать гнев богов против полиса; в Риме же это вызывало вмешательство цензора. Следовательно, никакой свободы поведения в принципе не было; фактически она существовала в Афинах, где была куплена ценой меньшей дееспособности гражданской милиции. Экономически эллинский город всецело располагал собственностью отдельных граждан; так, в случае задолженности, еще в эллинистическую эпоху, не только имущество должника, но и он сам передавался в распоряжение кредитора. Гражданин был в первую очередь воином. В каждом городе наряду с общественным колодцем, рынком, общест-

венными и должностными зданиями и театром имелся, по Павсанию²¹, и гимнасий. На рынке и в гимнасии гражданин проводил большую часть своего времени. Вообще в Афинах, особенно в классическую эпоху, он был занят в народном собрании, в суде присяжных, поочередно в совете и в качестве должностного лица, и, прежде всего, из года в год в походах столь интенсивно, как ни в одной дифференцированной культуре до и после этого времени. На каждое более или менее значительное состояние демократический полис накладывал свою руку. Литургическая обязанность триерархии — снаряжение военных судов и назначение их командного состава, устройство празднеств и представлений, принудительные займы в случаях крайней необходимости, аттический институт антидосиса²² — все это нарушало устойчивость образования состояний граждан. Абсолютно произвольное судопроизводство (*kadijustiz*) народных судов (процессы с участием сотен незнакомых с правом присяжных) так угрожало правовому порядку, что приходится больше удивляться сохранению имущества граждан, чем серьезным потрясениям при каждой политической неудаче. Между тем, каждая неудача имела тем большие последствия, что всякий раз уменьшалось, вследствие массовых побегов, число рабов, представлявших собою одну из важнейших частей имущества. С другой стороны, демократия нуждалась в капиталистах для поставок и строительства и налогов. Чисто национального класса капиталистов, как это было в Риме (всадники), Эллада не знала. Многие города пытались увеличить конкуренцию, допуская и приглашая заинтересованных лиц извне, а отдельные городские области были слишком малы, чтобы представлять собой достаточные источники дохода. Типичными формами вложения капитала были: земельная собственность, в меньшей степени рабы, которые платили своему господину повинности или сдавались в наем в качестве рабочей силы (Никий), затем владение кораблями и участие капиталом в торговле. Для господствующих городов к этому присоединялось помещение капиталов в иноземные ипотeki и владение землей. Это стало возможно, когда была уничтожена местная землевладельческая монополия побежденных гражданских цехов. Поэтому важной целью господства на море было приобретение государством земель, которые затем сдавались в аренду гражданам Афин или давались аттическим

клерухам²³, и допуск афинян к землевладению в подчиненных городах. Таким образом, и в период демократии безусловно решающую роль в экономическом положении горожан играло владение землей и рабами. Война была явлением хроническим и — в противоположность рыцарским способам ведения ее во время борьбы родов — развивалась в сторону крайней беспощадности. Почти каждая победоносная битва кончалась массовым уничтожением пленных, каждое взятие города приводило к избиению всего его населения или к поголовному обращению в рабство. Каждая победа поэтому увеличивала количество рабов. *Такой* демокос, конечно, не мог идти в сторону мирного экономического труда и рационального ведения хозяйства.

В этом отношении население средневекового города вело себя совершенно иначе уже в самом начале. Условия, напоминающие только что описанные, встречаются в средние века лишь в приморских городах — в Венеции и особенно в Генуе, богатство которых было связано с их господством в колониях. Но при этом главным было обладание плантациями, торговые привилегии и поселения предпринимателей, а не клерухии, военная добыча и подачки массам из военной дани, как в древности. Средневековый *промышленный континентальный* город совершенно отличается от античного полиса. Правда, после победы *рополо* предприниматели высших цехов были часто настроены очень воинственно; решающую роль стало играть стремление к устранению неприятных конкурентов, к господству и беспощадному пользованию торговыми путями, к торговой монополии и складочному праву. Правда, и в средневековом городе происходили большие перемены в сословии землевладельцев в результате внешних побед, так и перемена господствующих партий. Прежде всего это относится к Италии, где земельные владения побежденной или просто враждебной партии сдавались господствующей партией в аренду или даже продавались, а каждая победа над другой общиной увеличивала земельный фонд, а следовательно и возможность приобретения земли гражданами победившей общины. Но нельзя сравнивать эти изменения в земельных отношениях с теми радикальными изменениями, которыми сопровождалась даже в поздний период античности каждое восстание, каждая война и даже каждая гражданская война внутри города. Не увеличение земельной собственности составляло глав-

ный интерес в экспансии средневекового города. Он представлял собой в период господства цехов образование, ориентированное на доходы посредством рационального ведения хозяйства; этим средневековой город и отличался от античного полиса эпохи городской независимости. И только при исчезновении свободы городов в эпоху эллинизма и поздней Римской империи условия эти изменились, и города потеряли возможность получать экономические доходы при помощи самостоятельной военной политики. Правда и в средние века отдельные города, как например Флоренция, в армии которой впервые появилась артиллерия, случалось, были лидерами в развитии военной техники на суше. Уже гражданское ополчение ломбардских бюргеров против Фридриха I²⁴ было значительным достижением военного искусства. Но рыцарские отряды во всяком случае не уступали городскому ополчению, а на ровной местности представляли собой даже большую силу. Военная сила служила для населения городов внутри страны не основой их экономических доходов, а лишь опорой. И потому, что город не был местопребыванием высших военных властей, он пошел по пути развития *рациональных средств ведения хозяйства*.

Античный полис создал четыре великих типа власти: сицилийское государство Дионисия²⁵, аттический союз²⁶, карфагенское и римско-италийское государства. Пелопонесский и беотийский союзы²⁷, вследствие эфемерности их великодержавности, мы оставляем в стороне. Каждое из четырех упомянутых образований имело свою основу. Государство Дионисия было чисто военной монархией, опирающейся на наемников и только наряду с ними на войско граждан, а потому, не будучи типичным, не представляет для нас особого интереса. Аттический союз был созданием демократии, т. е. цеха граждан, что должно было привести к совершенно особой, основанной на нетерпимости к другим, политике гражданских прав, а также обусловить полное подчинение гражданских цехов граждан в союзных общинах цеху граждан, господствующих Афин. Так как размер дани устанавливался не путем взаимного соглашения, а односторонне утверждался в Афинах, правда, не самим демосом, а избранной им контрдикторной комиссией, и так как все процессы союзников разбирались в Афинах, то немногочисленный цех граждан этого города стал негра-

ническим властителем большого союзом, особенно после того, как, за немногими исключениями, вместо постройки кораблей и пополнения их людьми, союзники обязывались делать денежные взносы, и таким образом все морское дело оказалось в руках исключительно афинских граждан. Одно единственное, но решительное поражение афинского демоса²⁸ поэтому означало и конец его господства. Величие города Карфагена держалось на наемных войсках. Господствовавшая в нем крупная плутократия типично для античного города объединила в своих руках доходы от торговли и морских военных набегов вместе с крупным землевладением, которое, будучи здесь капиталистическим, представляло собою плантационное хозяйство, основанное на рабском труде. (К чеканке монеты Карфаген перешел только в ходе экспансии.) Взаимоотношения между полководцем, с одной стороны, войско которого было связано как с ним лично, с его удачами, так и с надеждой на военную добычу, и патрицианскими фамилиями города — с другой, никогда не теряли оттенка натянутости, которая существовала всегда, вплоть до Валленштейна²⁹, и была свойственна для отношений, создававшихся между полководцем с набранными им наемными войсками и теми, кому он служил. Это никогда не ослабевавшее недоверие настолько ослабляло силу наемного войска, что даже его основанное на военной специализации тактическое преимущество продолжалось недолго, а как только во главе ополчений из городских граждан начали появляться поставленные на продолжительное время военачальники, вводившие соответствующие военные усовершенствования, такое ополчение оказывалось не хуже наемного войска. Недоверию карфагенской плутократии и спартанских эфоров по отношению к победоносным полководцам соответствовало и поведение аттического демоса наряду с введенным им обычаем остракизма³⁰; опасения же господствующих классов в случае образования военной монархии разделить участь покоренных иноземных народов парализовали экспансию. Всем античным общинам гоппитов свойственно упорное нежелание расширить рамки своей общины путем допущения в нее на равных правах и других общин для создания таким путем из многих общин одного государства. Нежелание это, очевидно, обуславливалось стремлением сохранить все экономические выгоды своего политического монопольного положения и

проявлялось при всех попытках создать подобные объединения. Ибо все, что давало гражданину его права, основу его престижа и гордости, а также экономические возможности, было связано с его принадлежностью к военному цеху граждан, а строгая замкнутость культовых обществ служила дополнительной причиной противодействия созданию единого государственного образования. Правда, существование беотийского союза, имевшего наряду с автономией отдельных городских общин, общее для всех входящих в него граждан право, общих должностных лиц, общее собрание, состоявшее из делегированных представителей разных общин, денежную систему и общее войско, доказывает возможность существования такого состоящего из частей государства, но такой пример союза едва ли не единственный. Пелопонесский союз был совершенно иным, и все другие союзы покоились на совсем других основаниях. Особые социальные условия заставили римскую общину вести политику, столь отличающуюся от обычного античного типа.

В значительно большей степени, чем в любом античном полисе, носителями власти в Риме была, и после небольшого перерыва оставалась, знать ярко выраженного феодального типа. Это отразилось и на характере римских институтов. Победа плебса не привела к делению на демы в эллинском смысле; формально она создала господство разделенных на трибы крестьян, по существу же власть оставалась в руках землевладельцев, имевших сельские поместья, но *живших* в Риме и направлявших поэтому политическую жизнь великого города. Только они имели право занимать должности, а сенат, т. е. представительство высших должностных лиц формировал ряды должностной знати.

К этому присоединяется чрезвычайно большое значение, которое имели феодальные и полуфеодальные взаимоотношения. Так, институт клиентелы, даже постепенно лишившись своего первоначального военного характера, продолжал играть в Риме до самых поздних времен большую роль. Вольноотпущенники в юридическом отношении были очень близки рабам, и, например, Цезарь безнаказанно казнил одного из своих вольноотпущенников. Римская знать все больше превращалась в слой, которому по величине земельных владений можно лишь в слабой степени уподобить так называемых «тиранов» в Элладе, например, такого представителя межрегиональной знати, как Мильтиад. Разме-

ры отдельных владений при Катоне Старшем³¹ были сравнительно еще невелики, но уже значительно превышали, например, наследственные владения Алквиада или поместья, считавшиеся обычными при Ксенофонте³². Отдельные знатные фамилии уже тогда сосредоточивали в своих руках громадные владения и участвовали, кроме того, во всевозможнейших, как прямо в соответствующих их положению, так и косвенно через своих вольноотпущенников и рабов и в считавшихся не соответствующим их сословному уровню предприятиях во всем мире. Никто из эллинской знати не мог и в отдаленнейшей мере сравниться с экономическим и социальным влиянием римской знати времен поздней республики. В увеличивавшихся владениях римской знати росло число мелких арендаторов (*coloni*), которые, получая от господина инвентарем и контролируемые им в хозяйственном отношении, после каждого кризиса впадали все в большую задолженность, фактически делались наследственно закрепленными на земле и зависимыми от господина, а во время междоусобиц мобилизовались в войско подобно клиентам во время войны в Нуманции³³.

В положении клиентов находились не только отдельные лица, но и целые города, которые нередко брал под свою защиту победоносный полководец, и такой патронат оставался наследственным в роде. Так, клиентами рода Клавдиев были Спарта и Пергам, другие роды имели в виде клиентов другие города, принимали оттуда послов и защищали в сенате их интересы. Нигде, кроме Рима, не было подобного политического патроната, сосредоточенного в руках частных фамилий; таким образом, задолго до возникновения монархии уже существовала сосредоточенная в частных руках власть чисто монархического характера.

Демократия не смогла сломить эту, основанную на разных клиентских отношениях власть должностной знати. Не было даже попытки включить знатные роды в демы и превратить эти союзы в образования, конституирующие политический союз, парализуя таким образом власть родовых союзов по аттическому образцу. Не было сделано и попытки образовать по жеребьевке собрание демоса, превратив его в орган управления, и создать путем свободных выборов из числа граждан высшую судебную инстанцию, как это имело место у аттической демократии после уничтожения ареопага. Соответствовавшее ареопагу представитель-

ство должностной знати в Риме — сенат был, в сравнении с меняющимися выборными сановниками, корпорацией постоянной и удержал, в качестве таковой, высший контроль над управлением, так что даже победившая военная монархия не сразу попыталась устранить сенат, а первоначально лишь обезоружила его и ограничила его функции управлением умиротворенных провинций.

Патримониальная структура господствующего слоя проявлялась и в способе ведения дел. Вначале служебный персонал везде назначался самим должностным лицом, но со временем он был лишен этого права; только полководцу в выполнении его функций помогали как его клиенты и вольноотпущенники, так и круг его личных друзей и политических сторонников, ибо только в военном деле во время похода разрешалась передача должностей доверенным лицам. Несмотря на попытки ограничения власти, даже принцепс⁵¹ в первое время военной монархии управлял в значительной мере при помощи своих вольноотпущенников; в правление всегда богатого клиентами рода Клавдиев, этот слой достиг высшей степени своего влияния, а император из рода Клавдиев смог даже угрожать сенату формальной передачей всего дела управления в руки тем, кто лично от него зависит. И подобно тому как во времена господства родовой знати времен поздней республики, так и у принцепса одним из источников его экономической власти было развившееся особенно сильно по времена Нерона³⁴ землевладение, причем даже такие области, как, например, Египет, управлялись если не юридически, то фактически как личные патримониальные владения. Этот сохранившийся до позднего времени патримониальный и феодальный характер Римской республики с господством знатных родов искони существовал в своем разнообразии как непрерывно сохраняющаяся традиция, составляя источник основных отличий Римской республики от эллинства. Характерная разница обнаруживалась уже во внешнем образе жизни. В Элладе во времена сражений на колесницах знатные люди проводили время преимущественно в местах для гимнастических упражнений. Источником эллинского воспитания делается агон (агон), продукт индивидуальной борьбы и прославления военного героизма. И хотя на первом плане стояли колесницы и лошади, однако, в противоположность средневековому турниру, определенные официальные праздни-

ва античности проходили исключительно в форме агона. С развитием техники гоплитов расширялся и круг агона. Все, чему учились в гимназиях — борьба, метание копий, кулачный бой и, прежде всего, состязания в беге — все принимало форму агона. Священнопения в честь богов дополнялись мусическими агонами. И хотя аристократ старался блистать качеством своих лошадей и колесниц, но формально равными должны быть признаны и плебейские агоны. Агон был организован с призами, арбитрами и правилами состязаний и господствовал во всех отраслях жизни, составляя, наряду с героическими песнопениями, важнейшее связующее весь эллинский мир звено, в противоположность варварам.

Самые древние изображения греков в искусстве рисуют их нагими, лишь с оружием в руках. Такое изображение эллинов распространилась, начиная со Спарты, средоточия высшей военной тренировки, по всему эллинскому миру, причем исчез даже пояс вокруг бедер. Ни в одном обществе мира институт состязания не был развит так сильно, как в греческом, где «агон» стал господствовать во всех интересах, в искусстве, даже в беседе (платоновские диалоги). Вплоть до позднего времени византийского господства цирковые партии оставались формой выражения раскола масс в Константинополе и в Александрии. Итальянцам институт агона, по крайней мере, в его классической форме, был чужд. В Этрурии над презираемыми плебеями господствовала городская знать и развлекалась зрелищем выступавших перед нею оплачиваемых атлетов. И римская знать отказывалась от участия в состязаниях совместно с массой или перед нею. Никогда ее чувство достоинства не выносило подобного отсутствия дистанции и престижа, каким представлялись римской знати эти гимнастические празднества нагих гречат («*gracculi*»), так же как непонятными и неприемлемыми оставались для нее и религиозные танцы с пением, и оргиастика дионисий и *abalienatio mentis* [помрачение рассудка] в состоянии экстаза. Также меньшую роль в римской политической жизни играло ораторское искусство и общения на агоне и в народных собраниях. Искусство произнесения речей стало развиваться позже и преимущественно в виде сенатских речей, имевших поэтому и совершенно другой характер, чем ораторское искусство аттических демагогов. Политику определяли прежде всего традиция и опыт-

ность старых людей, бывших должностных лиц. Не молодость, а зрелость определяла тон общения и проявление чувства собственного достоинства. Продуманные соображения, а не распаленная речами жажда добычи у демоса или эмоциональное возбуждение молодежи определяло направление политики. Рим оставался под руководством опыта, разума и феодальной власти господствующих знатных родов.

КОММЕНТАРИИ
УКАЗАТЕЛИ

КОММЕНТАРИИ

ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА

Предварительные теоретические замечания

¹ *Ойкос* — в античности и раннем Средневековье крупное поместье, основанное на натуральном хозяйстве, не связанное с рынком. Может рассматриваться как определенный тип хозяйства, в чистом виде в конкретной исторической действительности встречающийся на очень ранних стадиях развития.

² *Комменда* (лат. *commendata*) — значение термина описано Вебером на стр. 194.

Не следует путать с *Коммендацией* (от лат. *commendo* — вверяю, передаю) — в Западной Европе в период раннего Средневековья акт передачи себя под покровительство более «сильного», могущественного, богатого человека. Мог оформлять как отношения вассалитета внутри феодального класса, так и личную зависимость крестьянина от феодала.

³ *Медичи* (*Medici*) — флорентийский род, игравший очень важную роль в средневековой Италии. Основали торгово-банковскую кампанию, одну из крупнейших в XV в. в Европе. В 1434—1737 гг. (с перерывами) правили Флоренцией. С XVI в. носили титул Великого герцога Тосканского. Главные представители: Козимо Старший Медичи, Лоренцо Великолепный Медичи (знаменитый меценат и поэт). К роду Медичи относились французские королевы Екатерина Медичи и Мария Медичи. Из дома Медичи вышли и 3 главы католической церкви: папы Лев X, Лев XI и Климент VII. Род Медичи угас в середине XVIII в.

⁴ *...у визирей арабского халифата...* — визирями или везирами (*араб.*) называли высших сановников и руководителей ведомств (министров) во многих государствах Ближнего и Среднего (мусульманского) Востока, главным образом в средние века и в новое время. *Арабский халифат* — так с X в. в Европе называли государство, образовавшееся в результате арабских завоеваний VII—IX вв.

Халифат — мусульманская феодальная теократия с халифом во главе: халифат Омейядов (661—750), халифат Аббасидов (750—1258), халифат Фатимидов (исмаилитская династия, правившая на Ближнем Востоке в 909—1171 гг.), халифат в Османской империи и др. В Турции халифат был ликвидирован в 1924 г.

⁵ *Задруга* (*сербохорв. zadruga*) — у южных славян семейная община из нескольких поколений потомков одного отца с их женами и детьми (20—30 человек); хозяйство и потребление в ней были общими, поскольку связи внутри нее были в большей степени хозяйственными и территориальными, нежели родственными. Разложение задруги происходило во

второй половине XIX в. Основной характерной чертой задруги было поглощение отдельных лиц коллективным лицом задруги, представителем которой являлся старейшина (*domacin, сербохорв.*). См. также стр. 34 в наст. издании.

⁶ *Гетерономия* (от греч. *heteros* — другой и *nomos* — закон) — чужеродная закономерность, определяемость какого-либо явления чуждыми ему внешними законами. Противоположность гетерономии — автономия.

⁷ *Демиург* (греч. *demiurgos* — мастер, творец, ремесленник) — в Древней Греции так называли граждан, занимающиеся какой-либо деятельностью за вознаграждение. К демиургам относились не только поденщики, матросы, рыбаки, мелкие ремесленники, но также врачи, строители, художники и т. д. Согласно аттическим источникам, демиурги — это ремесленники, низшее из трех сословий (после эвпатридов и геоморов). В некоторых греческих городах (например, в Дельфах) демиург был высшим должностным лицом.

⁸ *Картель* (греч. *cartel, умал. cartello*, от *carta* — бумага) — соглашение предприятий, обычно одной и той же отрасли, о ценах, рынках сбыта, объемах производства и сбыта, обмене патентами и т. д. Картельное соглашение часто существует негласно. Хозяйства, предприятия, фирмы, вступившие в картельное соглашение, сохраняют свою юридическую, финансовую, производственную и коммерческую самостоятельность.

⁹ *Патримониальный* (лат. *patrimonialius*) — наследственный, родовой.

Патримоний, патримониум (лат. *patrimonium*) — наследственное, родовое имущество.

¹⁰ Новое царство — египетское царство, существовавшее с 1580 г. по 1090 г. до н. э., т. е. в период египетских завоеваний в Азии.

Историю Древнего Египта принято делить на следующие периоды: Древнее царство (конец 4-го — 3-е тысячелетия до н. э.), Среднее царство (до XVI в. до н. э.), Новое царство (до конца XI в. до н. э.), поздний и персидский период (XI—IV вв. до н. э. в VI—IV вв. до н. э. — под властью персов), эллинистический период (IV—I вв. до н. э. в составе государства Птолемеев).

Блестящий период Среднего царства закончился вторжением около 1700 г. до н. э. в Египет гиксосов, которые 300 лет правили Египтом, пока не были изгнаны из страны. Борьбу против гиксосов возглавили цари (фараоны) Верхнего Египта, которые перенесли столицу государства в Фивы. Начался период Нового царства, первым царем которого был Аахмес или Амосис (1550—1530 гг. до н. э.). При фараонах Тутмосах (I, II, III и IV) и Аменхотепах (I, II и III) могущество Египта росло и простигалось далеко на юг. Наиболее известными в период Нового царства были фараоны Сети I (1350—1300 гг. до н. э.), который дошел до Месопотамии и покорил ее, и Рамзес II (1300—1230 гг. до н. э.), покоривший Сирию и Финикию и начавший строить канал через Суэцкий перешеек. К периоду правления преемника Рамзеса II Меренпты, покорившего ливийцев, относят исход израильтян, о чем в египетских источниках не упоминается. В 1060 г. до н. э. столица страны была перенесена в город Танис (в Нижний Египет). К тому времени Новое царство уже начало приходить в упадок и в 940 г. до н. э. подпало под владычество ливийцев, а в 730 г. до н. э. покорилось эфиопскому владетелю Сабакону.

¹¹ *Колон* (лат. *colonus*) — а) арендаторы земли, главным образом мелкие. Колоны выплачивали землевладельцу денежную аренду или выполняли в его пользу натуральные повинности, а взамен получали право обрабатывать арендованный участок земли. Вместе с тем они могли иметь

свою собственную землю и обрабатывать ее. В поздней Империи колонны представляли собой зависимый слой сельского населения. К концу III в. они были прикреплены к земле своего хозяина и уже не могли уйти от него. Так юридические права колонов и свобода их передвижения оказались сильно ограниченными. Императоры, начиная с Константина I, принимали множество постановлений, касающихся правового и социального положения колонов. Наличие экономически самостоятельного хозяйства обближало их со средневековыми крепостными, а в классовом отношении их положение в эпоху поздней античности более походило на положение рабов. Колонны являлись предшественниками средневековых крепостных, но не следует считать, что класс крепостных возник непосредственно из позднеантичной прослойки; б) в латинском языке синоним слова «*rusticus*» или слова «*agricola*» (земледелец в широком смысле); в) жители римских колоний в Италии и провинциях.

Колонат (от лат. *colere* — возделывать землю) — форма правовой и социальной зависимости римских земледельцев-арендаторов; закрепилась к началу поздней Империи (домината). В результате земледельцы-арендаторы оказались фактически прикрепленными к земле землевладельцев. Колонат развился из хозяйства колонов со II в. до н. э., когда арендаторы и арендодатели были еще юридически независимыми; заключенный между ними договор мог быть расторгнут. В поздней античности в связи с кризисом рабовладельческого хозяйства и экономической невыгодностью рабского труда колонат становится основной формой эксплуатации земледельцев в сельском хозяйстве. Положение колона фактически было приравнено к положению раба, хотя юридически между ними сохранялась разница.

¹² **Ресципит** — пекулий (от лат. *pecus* — скот) — первоначально означал собственность сына или домашнего раба, состоящую из скота. В римском праве — часть имущества, которую глава семейства (*pater familias*) мог передать сыновьям или рабам в пользование (а не в собственность).

¹³ **Фридрих II (Великий)** (1712—1786) — прусский король (с 1740 г.) из династии Гогенцоллернов; в 1740—1742 гг. в первую Силезскую войну отвоевал у Австрии Силезию и смог удержать ее после второй Силезской войны (1744—1745); в 1744 г. завоевал Восточную Фландрию, благополучно вышел из Семилетней войны (1756—1763) и утвердил свои земельные завоевания. После всего этого Фридрих занялся внутренним устройством страны, подъемом благосостояния населения, улучшением судопроизводства. При первом разделе Польши в 1772 г. — получил западную Пруссию и округ Нетце, в 1779 г. сохранил независимость Баварии, был инициатором создания немецкого союза князей для защиты отдельных государств Германии от самовольного вмешательства императора. Вошел в историю как выдающийся полководец и правитель, не лишенный, однако качеств гуманиста: был философом и музыкантом, сам писал музыку; долгое время дружил с Вольтером.

Глава 1

¹ **Заала** (Заале, Зале — Saale) — река в Германии, левый приток Эльбы, протекает с юга на север по территории бывшей ГДР через Йену и Галле. По ней, а затем по Эльбе, с юга на север Вебер проводит восточную границу первоначального расселения германцев. Земли к востоку от этой линии, на которой расположены нынешние немецкие города Магдебург,

Галле, Йена и которая протекает в западной части бывшей ГДР и заканчивается в городе Регенсбурге, были в те времена заселены славянскими племенами.

² Южную границу первоначального расселения германцев Вебер подчеркивает от Регенсбурга на северо-запад в направлении города Мюнден, а точнее к месту образования реки Везер. Западная граница расселения протекает с юга на север прямо по реке Везер.

Гессен (Hessen) — федеральная земля в Германии, территория которой располагается практически в центре Германии. Административный центр — город Висбаден. Западной административной границей Гессена, отделяющей его от земли Рейнланд-Пфальц (которую Вебер так же как и Гессен, Баден-Вюртемберг, Северный Рейн-Вестфалию, западную часть Нижней Саксонии и южную часть Баварии не включает в состав территории первоначального расселения германцев) является река Рейн.

Регенбург (Regensburg) — город в Баварии, столица Верхнего Пфальца, порт на Дунае. Основан еще римлянами (Regina Castra); с X в. — столица Баварского герцогства, с 1245 г. — вольный имперский город; с 1645 по 1806 гг. в Регенсбурге заседал имперский сейм. Город до сих пор сохранил свой средневековый облик (романские и готические церкви, собор XIII—XVI вв., старая ратуша XIV в., башни середины XIX в.).

⁸ *Везер* (Weser) — река в Германии, образуется близ Мюндена путем слияния рек Верра и Фульда, у Бремергафена (морской порт на Везере) впадает в Северное море; судоходна до верховий (до Мюндена), соединена каналами с Эльбой и Эмсом. Морские суда поднимаются до Бремена.

⁴ *Сервитут* (лат. servitus [servitutis] — обязанность, обязательство, повинность, рабство) — 1) юр. признанное в законодательстве ряда государств право пользования чужим имуществом в определенных пределах (например, право прохода, проезда через соседний участок земли) или право на ограничение собственника в определенном отношении (например, запрещение прорубать из дома окно в чужой двор и т. д.); первоначально возник путем превращения в определенного рода повинности старых общинных прав; 2) сервитут международный — ограничение территориального суверенитета одного государства в пользу другого или других (например, в отношении пропуска через свою территорию военных сил и т. д.).

⁵ *Альменда* (нем. Allmende, от ср.-верх.-нем. al(ge)meinde — то, что принадлежит всем) — у германских народов в раннее Средневековье, а позднее и в других странах Западной Европы — земельные угодья, находящиеся в общем пользовании членов общины (аналогично российскому общинному землепользованию). Право пользования альмендой соответствовало прочим правам, в основном имущественным правам крестьян или горожан, и распространялось на все слои обитателей сельской или городской общины.

⁶ *Цезарь* (Caesar) Гай Юлий (102 или 100 с 44 до н. э.) — римский диктатор (в 49, 48—46, 45 гг. до н. э., с 44 г. до н. э. — пожизненно) и полководец, автор «Записок о галльской войне» и «Записок о гражданских войнах»; провел реформу календаря (Юлианский календарь).

⁷ *Кампанья* (Кампания — Campania) — административно-территориальная единица (область) на юге Италии с административным центром в городе Неаполь. Разделена на провинции Авеллино, Беневенто, Казерта, Неаполь и Салерно.

⁸ *Шлезвиг-Гольштейн* — Шлезвиг-Гольштейн (Schleswig-Holstein) — федеральная земля на севере Германии (с 1949 г.), на границе с Данией (древние обитатели Шлезвига германцы, кимвры и фризы в IV в. были

покорены датчанами). Административный центр — город Киль. Образовалась из двух прежде самостоятельных частей: герцогства Шлезвиг и графства Гольштейн, которые были объединены в 1386 г. под властью Гольштинских графов. С 1460 г. Шлезвиг-Гольштейн находился в личной унии с Данией (Гольштейн с 1815 г. одновременно являлся членом Германского союза). В результате Датской войны 1864 г. Гольштейн перешел в управление Австрии, а Шлезвиг — в управлении Пруссии; после австро-прусской войны 1866 г. Шлезвиг-Гольштейн стал прусской провинцией. По плебисциту 1920 г. Северный Шлезвиг перешел в Данию. От одной из ветвей Гольштинского дома происходила династия, царствовавшая в России (с Петра III до Николая II).

⁹ *Марка* (mark, от древне-верхне-герм. *marcha*) — у древних германцев первоначально — граница частных владений и государственных территорий. Позже этим термином стали обозначаться и пограничные провинции (Dänemark — Дания, Steiermark — Штирия). Уже в VII в. слово «марка» получило и другое, переносное значение — округ, расположенный в известных границах и заключающий в себе разного рода владения, состоящие как в общественной, так и в частной собственности. В Западной Европе в средние века маркой называли также сельскую общину, в которой пашня была индивидуальной собственностью (при сохранении некоторых прав общины), а пастбища, леса и другие угодья — общей собственностью.

¹⁰ *Каролинги* — вторая королевская (с 751 г.) и императорская (с 800 г.) династия во Франкском государстве, сменившая в 751 г. Меровингов. Основателем династии считается епископ Арнульф Мецский, а первым каролингским королем — сын Карла Мартелла Пипин Короткий. Название получила по имени самого известного ее представителя — Карла Велико-го, создавшего Франкскую империю, распавшуюся в 843 г. при его преемниках. Три ветви каролингской династии правили в Италии (итальянско-лотарингская ветвь) до 905 г., в Германии до 911 г., во Франции до 987 г., когда со смертью Людовика V династия окончательно угасла.

¹¹ *Берген* (Bergen) — город и порт в Норвегии у Бю-фьорда, административный центр фюльке (административно-территориальная единица) Хураланн. Основан ок. 1070 г. В средние века — один из крупнейших торговых центров северо-западной Европы (до 1630 г. был в составе немецкой Ганзы).

Далэльвен (Dalälven) — река в Швеции; истоки в Норвегии, в Скандинавских горах; впадает в Ботнический залив Балтийского моря.

Ютландия (дат., Jylland, нем., Jütland) — полуостров в Дании (большая часть) и в Германии между Северным и Балтийским морями; древнейшие обитатели — юты (англо-саксы). Провинции в Дании: Северная Ютландия и Южная Ютландия.

Брабант (Brabant) — средневековое герцогство, затем одна из 17 провинций Нидерландов исторических. В последующем — частично в составе Нидерландов (провинция Северный Брабант), частично Бельгии (провинция Брабант).

Фландрия (флам. Vlaanderen, франц. Flandre) — в средние века графство (сначала эта территория принадлежала франкам), затем одна из 17 провинций Нидерландов исторических, один из наиболее экономически развитых районов средневековой Европы. В настоящее время основная территория Фландрии входит в состав Бельгии (провинции Восточная Фландрия с административным центром в городе Генте, и Западная Фландрия, с центром в Брюгге), и небольшие территории — в состав Франции и Нидерландов.

Голландия (Holland) — средневековое графство, затем провинция в составе Нидерландов исторических. В составе современных Нидерландов разделена на 2 провинции: Северную Голландию с административным центром в городе Харлем и Южную Голландию с центром в городе Гаага.

Иллер (Iller) — река в Германии (в Баварии), правый приток Дуная;¹ берет начало на границе Германии и Австрии в Брегенцком лесу. В нижнем течении служит границей между германскими землями Бавария и Баден-Вюртемберг.

Лех (Lech, древн., Licus) — река в Австрии и Германии (Бавария), правый приток Дуная. Берет начало в Западной Австрии из Формаринского озера в западно-австрийской земле Форарльберге.

Баден (Baden) — с XI в. немецкое маркграфство; позже разделилось на Баден-Баден и Баден-Дурлах, затем было снова объединено. В настоящее время вместе с Вюртембергом составляет одну из земель Германии — Баден-Вюртемберг (Baden-Württemberg) (на юго-западе страны) с административным центром в городе Штутгарт.

Вюртемберг (Württemberg) — немецкое графство (с середины XIII), затем герцогство, затем королевство, затем земля в Германии. С 1951 г. — часть земли Баден-Вюртемберг.

Бавария (Bayern) — крупнейшая земля в Германии; административный центр — город Мюнхен. В средние века — герцогство (образовано в VI в. баварами).

Верхняя Бавария — северная половина Баварии, расположенная севернее Дуная, в долине реки Майн, с городом Нюрнберг в центре.

Мюнхен (München) — столица Баварии на реке Изар. В истории упоминается с 1158 г.; с 1255 г. — резиденция баварских герцогов.

¹² **Вестфалия** (Westfalen) — историческая область в Германии между реками Рейн и Везер (в раннем Средневековье — территория расселения вестфалов, западной ветви саксов). С 1946 г. — часть земли Северная Рейн-Вестфалия.

¹³ **Салические франки** (т. е. приморские франки) — появившиеся в III в. н. э. на Нижнем Рейне многочисленные франкские племена позднее разделились на 2 группы: рипуарские франки (расселились по Среднему Рейну) и салические франки (расселились по Нижнему Рейну). Именно Салические франки, завоевав в конце V — начале VI вв. Галлию, основали Франкское государство.

¹⁴ **Банат** (Banat) — историческая область в юго-восточной Европе между Трансильванскими Альпами на Востоке, реками Тисой на западе, Муреш на севере и Дунаем на юге. В настоящее время (с 1920 г.) западная часть Баната входит в состав Югославии, а восточная в состав Румынии.

Кроацция — Хорватия (Hrvatska) — южно-славянская республика. Большой частью расположена в бассейне реки Сава, частично на Динарском нагорье, у Адриатического моря. Столица — Загреб. Заселена славянами с VII в. В 1945 г. Хорватия на правах социалистической республики вошла в состав СФРЮ, после распада которой — независимая республика.

¹⁵ **Мейтцен** (Meitzen) Август — немецкий статистик (р. в 1822 г.), профессор в Берлине; работы по истории и статистике земледелия.

¹⁶ **Кемптен** (Kempten) — город в Баварии на реке Иллер. Новый (католический) город расположен на горе; старый (протестантский) — в долине. Старый город до 1803 г. был имперским городом.

¹⁷ **Битва при Куллодене** — Куллоден (Culloden) — местечко (селение) в северной Шотландии, где войска претендента на английский престол

Чарльза (Карла) Эдуарда Стюарта 16 апреля 1776 г. были разгромлены армией герцога Кемберлендского.

¹⁸ *Тацит* — Публий Корнелий Тацит (Publius Cornelius Tacitus) (ок. 58 — ок. 117) — знаменитый римский историк и политический деятель (был консулом в 97 г.). Главные его труды посвящены истории Рима, Римской империи («Анналы» и «История» в 14 книгах, из которых до нас дошли 1—4 и начало 5-й) и истории древних германцев. Его труд «Нравы германцев» («De origine, situ, moribus ac populis Germaniae») является ценным источником для изучения религии, общественного устройства и быта германских племен его времени. Произведения Тацита пронизаны морализаторством и пессимизмом.

¹⁹ *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862—1911) — российский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета Министров (с 1906 г.). В эпоху реакции после революции 1905 г. (1907—1911) определял правительственный курс. Организатор третьеиюньского переворота 1907 г., руководитель аграрной реформы, названной его именем. Убит в 1911 г. в результате террористического акта.

Основные мероприятия и законодательные акты реформы Столыпина — разрешение выходить из крестьянской общины на хутора и отруба, укрепление Крестьянского банка, принудительное землеустройство, продажа крестьянам свободных участков из запаса казенных и удельных земель и переселенческая политика — имели целью ликвидацию малоземелья при сохранении помещичьего землевладения, ускорение расслоения деревни, создание в лице кулачества дополнительной социальной опоры существующей власти.

²⁰ *Витте* Сергей Юльевич (1849—1915) — граф, российский государственный деятель, выразитель интересов российской монополистической буржуазии. Министр путей сообщения в 1892 г., министр финансов с 1892 г., председатель Совета Министров в 1905—1906 гг. Инициатор винной монополии, строительства Сибирской железной дороги и денежной реформы 1897 г. с введением золотой валюты. Подписал Портсмутский мир (1905). Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы (1903—1904). Автор Манифеста 17 октября 1905 г. Проводил политику привлечения буржуазии к сотрудничеству с царским правительством. Автор «Воспоминаний» в 3-х томах.

²¹ *Кадеты* (к.-д.) — конституционно-демократическая партия («партия народной свободы») — главная партия либерально-монархической буржуазии в России в 1905—1917 гг.; была образована 12—18 окт. 1905 г., одновременно с провозглашением Манифеста 17 октября. Программа: установление конституционной и парламентарной монархии, введение буржуазных свобод, аграрная реформа с допущением начала принудительного отчуждения частновладельческих земель, но с сохранением помещичьего землевладения, законодательное решение «рабочего вопроса» и др.

²² *Брахманы* — одна из высших каст в Индии, по происхождению — древнее сословие (варна) жрецов. Источники существования большинства брахманов связаны не с их обязанностями по отправлению религиозного культа, а с землевладением, государственной службой и пр.

²³ *Establishment* — правящая элита; консервативно-бюрократический аппарат сохранения власти; совокупность основ и устоев государственно- и социального строя (англ.).

²⁴ *Ламп्रेхт* (Lamprecht) Карл (1856—1915) — немецкий историк, автор многотомной «Истории Германии»; уделял внимание истории экономики, общественных отношений, культуры.

²⁵ *Лавеле* (de Laveleye) Эмиль (1822—1892) — профессор Лютихского университета, представитель историко-реалистической школы в политической экономии, сторонник биметаллизма в вопросах денежного обращения.

²⁶ *Ирокезы* — группа индейских племен (сенека, кайюга, оюндага, онеида, могавки, тускарора); в конце XVI—XVIII вв. — союз племен. В значительной степени истреблены в процессе колонизации Америки.

²⁷ *Родовая община* — подробнее об этом см. на стр. 61—64.

²⁸ *Филиация* (франц. filiation, от лат. filialis — сыновний) — юр. приобретение гражданства в силу рождения.

²⁹ *Тотем* — см. об этом на стр. 57.

³⁰ *Эндогамия* (от греч. endon — внутри и gamos — брак) — характерный для первобытного строя обычай заключения браков внутри определенной общественной группы, например племени, касты (ср. *экзогамия*, см. ниже, прим. 35); наиболее резко эндогамия выражена в кастах; тенденция к эндогамии есть и у многих современных народов (предпочтительные одноплеменные браки), а также в религиозных общинах.

³¹ *Иеродулки* — жен. род от иеродулы (греч. священные рабы) — рабы и рабыни, принадлежавшие божеству; они несли службу в храме. В некоторых святилищах (храмах Афродиты в Коринфе и на Эриксе) рабыни-иеродулки занимались храмовой проституцией.

³² *Левират* (лат. levir — деверь) — обычай многих народов, преимущественно отсталых, разрешающий младшему брату умершего (или даже обязывающий его) жениться на его вдове.

³³ ...на островах Южного океана... — здесь и далее Вебер имеет в виду острова Тихого океана, который назывался также Великим, Южным и Восточным. Его не следует путать с так называемым Южным Ледовитым или Антарктическим океаном, под которым раньше подразумевалась Антарктида с прилегающими к ней южными полярными областями Тихого, Индийского и Атлантического океанов.

³⁴ *Авункулат* (лат. avunculus — дядя по матери) — обычай у многих древних народов, например, германцев, греков (как пережиток он сохранился и у некоторых современных народов Африки, Океании и др.), выражающийся в тесной родственной связи между племянником и дядей со стороны матери, который обязан заботиться о племяннике больше, чем о собственном сыне; авункулат сохранял связь детей с родом матери в эпоху патриархата, но, вероятно, является пережитком матриархата.

³⁵ *Экзогамия* (от греч. éxo — вне, снаружи и gamos — брак) — характерный для общинно-родового строя обычай, запрещающий браки внутри определенной общественной группы, например рода, фратрии. Возникла как экзогамия рода, обычно сочетается с эндогамией (от греч. éndon — внутри и gamos — брак) племени или эндофратрией (от греч. éndon — внутри и phratría — братство). Эндогамной группой было обычно племя или объединение нескольких родов (фратрия).

³⁶ ...в птолемеевском Египте... — в 322 г. до н. э. Египет, находившийся в то время под персидским владычеством (он являлся тогда провинцией Персии), был покорен Александром Македонским, после смерти которого полководец Александра, диадох Птолемей Сотер, сын Лага, в 305 г. до н. э. провозгласил себя царем Египта Птолемеем I, основав царскую династию Птолемеев (Лагидов). В истории Египта началась почти трехсотлетняя эллинистическая эпоха. Под владычеством Птолемеев национальная египетская культура постепенно вытесняется греческой, а город Александрия становится центром греческой учености. При последней представительнице династии царице Клеопатре после битвы при Акви-

уме в 30 г. до н. э. Египет был завоеван Римом и вошел в состав Римской империи в качестве провинции.

³⁷ *Баядерка* — баядера (*порт.* *bailadeira* — танцовщица) — название, данное европейцами индийским танцовщицам и певицам — служительницам религиозного культа (при храмах), а также индийским танцовщицам, выступающим за плату в ресторанах, частных домах и т. д.

Гетера (*греч.* *hetaira* — букв. подруга, любовница) — в Древней Греции — незамужняя образованная женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни; словом «гетера» в Древней Греции назывались и проститутки.

³⁸ *Заратустра* — Заратуштра (*иран.*), Зороастр (*греч.*) (между X и первой половиной VI вв. до н. э.) — пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зороастризм. Составил древнейшую часть «Авесты» (собр. священных книг зороастризма).

³⁹ *Ваал* — (*евр.* Баал, *ассиро-вавил.* Бел — господин, владыка) древнее общесемитское божество плодородия, вод, войны. Почитался в Финикии, Палестине и Сирии, затем его культ через финикийцев и карфагенян распространился на Запад (в Египет, Испанию и др.). Первоначально Ваалы — боги естественных сил природы; их святилища приурочивались к источникам, лесам и горам. Ваал (во множественном числе Ваалим) — местные боги, покровители отдельных селений и областей. Позже Ваал — бог солнечного света, затем творец мира, бог оплодотворитель. Культ Ваала сопровождался сладострастными оргиями, причем жрецы в экстазе наносили себе раны. В Финикии центр культа был в Тире, откуда он распространился и в древнем Израильском царстве (при Иезавели) и в Иудее, несмотря на борьбу против него пророков (в особенности Ильи).

⁴⁰ *...поход Карла VIII Французского в Неаполь...* — в 1495 г. король Франции Карл VIII (1470—1498) совершил поход в Неаполитанское королевство, на корону которого претендовал как наследник Анжуйского дома. Неаполь был быстро завоеван французами, однако вскоре потерян вследствие восстания по всей Италии. Неаполитанский поход стал первым эпизодом в так называемых Итальянских войнах, продолжавшихся всю первую половину XVI в.

⁴¹ *Талмуд* (*др.-евр.*, букв. — изучение) — собрание догматических, религиозно-этических и правовых положений иудаизма, сложившихся в IV в. до н. э. — V в. н. э., главный памятник еврейской раввинской письменности (поучения, легенды, притчи, сведения по истории, географии, археологии, астрономии, математике, медицине, естествознанию, промышленности, торговле и др.). Распадается на 2 главные части: 1) Мишна — повторение закона Моисея. 2) Гемара (завершение) — собрание толкований к Мишне.

⁴² *Конкубинат* (*лат.* *concubinatus*, от *con* — вместе и *cubo* — лежу, сожительствую) — 1) допускавшееся римским правом длительное внебрачное сожительство с незамужней женщиной; дети от такого брака считались незаконорожденными и имели ограниченные права наследования. В эпоху Римской империи конкубинат условно признавался законным у воинов, а также в случае постоянного сожительства при невозможности брака, например сенаторов с вольноотпущенницами, гетерами, актрисами; позднее, под влиянием христианства был наказуем как так называемый свободный брак; 2) незаконное сожительство.

Конкубина — сожительница, женщина, проживающая с мужчиной без заключения брака.

⁴³ *Пятый Латеранский собор* — Латеранские соборы проводились в Латеранском папском дворце в Риме с 649 г. Пять из них (в 1123, 1139,

1179, 1215 (вопрос о воссоединении церквей) и 1512—1517 гг.) считаются священными (в католической церкви).

⁴⁴ *Птолеми* — см. выше, прим. 36 к гл. 1.

⁴⁵ *Полиандрический* — см. ниже, прим. 48 к гл. 1.

⁴⁶ *Каморра* (итал. самога) — тайная бандитская организация в Южной Италии, аналогичная мафии; существовала до конца XIX — начала XX вв.

Фратрия (греч. phratría — братство) — в родовом обществе союз нескольких родов, в греческих полисах — гражданское объединение с единым культом и общим владением. В Афинах в древнейшее время существовало 12 фратрий примерно по 30 родов в каждой. Первоначально права гражданина определялись членством в какой-либо фратрии. После реформ Клисфена (см. ниже, прим. 117 к гл. 1) в конце VI в. до н. э. за фратриями сохранилось лишь религиозное значение. Несколько фратрий составляли филу, которая образовывала и культовое сообщество со своими собственными жрецами; в периоды войны представляла собой воинское подразделение. Клисфен заимствовал это название для территориального деления Аттики и создал в 508—507 гг. до н. э. 10 новых фил, как административных единиц, причем старым филам, в которых власть находилась в руках родовой знати, он оставил только религиозные функции.

Римская курия — совокупность учреждений, подчиненных папе римскому как главе католической церкви (посредством которых осуществляется управление католической церковью) и государства Ватикан. Иногда в синонимичном значении употребляется словосочетание «папская курия».

Курия (лат. curia) — 1) объединение мужчин-воинов в Древнем Риме; 2) совокупность 10 патрицианских родов в Древнем Риме (10 курий составляли трибу), а также здание, в котором собирался сенат в Древнем Риме; 3) провинциальный городской совет в Римской империи; 4) в Западной Европе в средние века — совет сеньора с его вассалами (королевская курия — собрание крупных феодалов, созывавшееся королем); 5) разряд избирателей (по имущественному, национальному и др. признакам) в феодальных и некоторых буржуазных избирательных системах (куриальная система).

⁴⁷ *Жеребья* — кусочек, отрубочек, отрезок; участок (доля, пай), доставшийся в надел по жребью.

⁴⁸ *Полиандрия* (греч. poly, много, и andros, мужчина, муж) — многомужество, пережиточная форма группового брака, при которой женщина имеет несколько мужей, приходящихся друг другу братьями (например, у тибетцев) или не являющихся родственниками. В XIX в. бытовала у алеутов и у некоторых групп эскимосов; позднее сохранилась у некоторых этнических групп в Северной Индии и на Тибете.

Полигамия (греч. poly, много и gamos, брак) — 1) многобрачие (многоженство или многомужество); чаще употребляется в значении многоженства. Полигамия — неточный термин, обозначающий групповой брак: полиандрию, а чаще — полигинию; 2) у животных — отношения между полами, характеризующиеся тем, что самец в течение одного сезона спаривается с несколькими самками.

Полигиния (греч. poly, много и gune, жена) — многоженство; форма брака, свойственная преимущественно патриархату. Сохранилась в классах общества у некоторых народов, главным образом мусульманских.

⁴⁹ *Агнаты* (лат. agnatus — родственник по отцу) — 1) в древнем римском праве — все члены семьи, происходящие по мужской линии от одного родоначальника, а также вошедшие в семью путем брака или усыновления (правовая группа, в отличие от когнатов); 2) в праве германских

народов — кровные родственники-мужчины, связанные происхождением по мужской линии.

⁵⁰ *Principes* — principes — руководитель, вожак, главарь, владыка, принцепс, государь (лат.).

⁵¹ *Φυλαί* — фила (греч.) — в Древней Греции при первобытно-общинном строе — племя, состоявшее из трех фратрий, которые в свою очередь делились на отдельные роды; образовывала культовое сообщество со своими собственными жрецами, в периоды войны представляла собой воинское подразделение. При рабовладельческом строе фила — территориальный округ.

Gentis — род, родовая община; племя, народность, народ; городская община (лат.).

⁵² *Familia pecuniaque* — семейная собственность (лат.).

Dominium — собственность; право собственности; власть, господство (лат.).

Manus — насилие, сила, власть (лат.).

Potestas — распорядительные права, господство, власть отца над сыном, владыка, господин (лат.).

⁵³ *Liberi* — свободнорожденные дети (лат.).

⁵⁴ *Юстиниан* (Юстиниан I, 482—565) — император Восточной Римской империи в 527—565 гг. Стремился к экономической и политической стабилизации восточно-римского государства и к восстановлению Римской империи в ее прежних границах. С этой целью вел войны на границах. В своей деятельности Юстиниан опирался на широкий слой средних землевладельцев и куриалов. Увеличение налогов затрагивало прежде всего крестьян, однако привело также к сильным волнениям среди городского населения. Мощное восстание «Ника», охватившее все население Константинополя в 532 г., по приказу Юстиниана было жестоко подавлено. Огромное значение имело проведенное по инициативе Юстиниана собрание и кодификация действовавшего римского права (*Corpus iuris civilis*, 529 г.). При Юстиниане процветали литература и искусство (архитектура, особенно строительство церквей, и искусство мозаики). Однако попытка реставрации Римской империи, предпринятая Юстинианом, истощила экономические ресурсы государства и держава Юстиниана при его наследниках лишилась его территориальных приобретений.

⁵⁵ *Сеньориальность* — сеньория (франц. *seigneurie*) — в Западной Европе в период феодализма — комплекс феодальной земельной собственности и связанных с ней прав сеньора на феодально-зависимых крестьян; в более узком смысле — один из видов феодальной вотчины, отличающийся малыми размерами домена или его полным отсутствием.

⁵⁶ *Илоты* (греч. *heilotes*) — местные жители Лаконии и Мессении, в свое время покоренные дорийцами. В Спарте в качестве государственных рабов были прикреплены к определенным наделам земли и должны были отдавать спартиатам и прочим лакедемонянам, перизкам, часть дохода в виде арендной платы. Иногда их привлекали к военной службе как легковооруженных. Полностью бесправные, подвергаемые крайне жестокому обращению, илоты неоднократно поднимали восстания (т. н. Мессенские войны), которые серьезно угрожали власти спартиатцев (сер. VII в. до н. э. и 464 г. до н. э.). Продавать и освобождать илотов могло только спартанское государство.

⁵⁷ *Патрон* (лат. *patronus* — защитник, покровитель) — в Древнем Риме — знатный римский гражданин (первоначально — из патрициев), по-

кровитель зависимых от него (часто многочисленных) клиентов и вольноотпущенников и их защитник на суде.

Патронат (лат. *patronatus*) — в Древнем Риме форма покровительства (получение земли, защита в судах и др.), приводившая к зависимости неполноправных или бедных граждан (клиентов) от граждан богатых и влиятельных (патронов); патронат широко использовали в политической борьбе.

Сеньор (франц. *seigneur*, лат. *senior* — старший) — в Западной Европе в средние века — земельный собственник, феодал, эксплуатировавший зависимых от него крестьян и горожан; в более узком смысле — сюзерен (господин) по отношению к его вассалам.

⁵⁸ **Меровинги** (Merovingi) — первая королевская династия во Франкском государстве. Названа по имени полубогородного основателя рода — короля Меровеха (Меровея) (448—457), господствовали с 481 по 751 г. Главный представитель — Хлодвиг. Меровинги ослабили свое могущество междоусобицами и должны были уступить власть майордомам из рода Каролингов. Последний из Меровингов Хильдерих III в 751 г. был лишен трона Пепином Коротким.

⁵⁹ **Ager publicus** — государственный (общественный) земельный фонд (лат.).

⁶⁰ **Nexi** — мн. ч. от лат. *nexum* — долговое обязательство под гарантию личной свободы (обязательство должника в том, что в случае неуплаты долга он будет работать на займодавца или станет его рабом); купчая; а также от лат. *necto* — связывать, обязывать, налагать обязательство.

⁶¹ **Киренские цари** — Кирена — город, центр области Киренаика в Северной Африке; в 630 г. до н. э. здесь возникла греческая колония — единственная, в которой существовала царская власть. Была важным торговым пунктом и научно-культурным центром (в Кирене родился Аристипп — философ, основавший киренскую сократическую школу древнегреческой философии).

⁶² **Риальто** (Rialto) — исторический центр и первоначальное название Венеции, традиционное местопребывание власти.

⁶³ **...новое Фиванское царство в Египте...** — Фивы (греч. *Thebe*, егип. Уезет или Нет, *библ.* Но) — город Верхнего Египта на берегу Нила (столватные Фивы). Несколько раз были столицей Египетского царства: с 2400 до 2000 гг. до н. э. и с 1580 по 1090 до н. э. (Новое царство). В 84 г. до н. э. разрушен в результате восстания. На месте Фив уже многие десятилетия производятся знаменитые раскопки храмов и дворцов в Луксоре, Карнаке и др. Вебер имеет здесь в виду период с 1580 по 1090 до н. э., т. е. Новое царство.

⁶⁴ **Птолеми** — см. выше, прим. 37.

⁶⁵ **Родбертус** (Родбертус-Ягцов — Rodbertus-Jagetzov) Карл Иоганн (1805—1875) — немецкий экономист, известный своими работами по вопросам земельной ренты и прибыли. Выступил с идеей прусского «государственного социализма».

⁶⁶ **Жиробанк** (или *джиро-банк*) — (от *итал.* *giro* — оборот, обращение) — первые банки итальянских городов. Относятся к разряду оборотных банков. В XVI—XVII вв. жиробанки преимущественно проводили безналичные расчеты между определенным кругом лиц, занимавшихся торговой деятельностью. Жиробанки производят безналичный расчет между своими клиентами, представляющими собой круг лиц, согласившихся верить свои наличные средства одному учреждению, которое должно производить все расчеты между ними. В настоящее время в связи с появле-

нием коммерческих, эмиссионных и особенно депозитных банков жиро-банки практически не встречаются, однако современные банки имеют свои жиrootделы.

⁶⁷ *Заминдар* (от перс. земиндар — землевладелец) — в государствах средневековой Индии — обычно феодал, наследственный держатель земли. После английского завоевания Индии заминдарами стали называть феодалов, утвержденных в правах земельных собственников и плативших земельный налог по системе заминдари.

⁶⁸ *Валленштейн* (Вальдштейн; Wallenstein, Valdštejn) Альбрехт (1583—1634) — полководец, с 1625 г. имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне 1618—1648 гг. Одержал ряд побед над войсками датского короля Кристиана IV и немецких протестантских князей. Потерпел поражение при Лютцене от армии шведского короля Густава II Адольфа (1632 г.). По обвинению в сношениях с неприятелем был отстранен от командования и убит своими офицерами.

⁶⁹ *Мандарин* — (порт. mandarin, от санскр. мантрин — советник) — данное португальцами название чиновников («гуань») феодального Китая.

⁷⁰ *Муниципий* (лат. municipium) — в Древнем Риме — город с правом самоуправления.

⁷¹ *Диоклетиан* (Diocletianus) Гай Аврелий Валерий (245—316) — римский император с 284 по 305 гг. Происходил из Далмации, сын вольноотпущенника. При Каре был командиром императорской лейб-гвардии и после смерти Нумериана в Никомедии был провозглашен своими отрядами императором. Предпринимал множество военных походов. Для стабилизации управления государством и обеспечения защиты границ, а также с целью предотвращения узурпации Диоклетиан ввел административное и территориальное разделение власти — тетрархию, чем заложил основу позднейшего расчленения государства. Отделение гражданской власти от военной положило начало новой организации армии. С целью устранения влияния сената на войска власть цезарей была усилена созданием многочисленного аппарата чиновников и установлением придворных церемоний в восточных традициях. С 297 г. в качестве основного налога за землевладение начала взиматься регулярная плата натурой (аннопа). Это привело к прикреплению колонов к обрабатываемой земле, что позже было законодательно закреплено Константином. Многие профессии постепенно становились наследственными, например, ремесленники были принудительно объединены в коллегии. В 301 г. Диоклетианом был издан эдикт о ценах (см. прим. 15 к гл. 2). Будучи приверженцем римских традиций, Диоклетиан в целях идеологического укрепления бюрократического государства поощрял культ Юпитера, единообразный для всей империи, безрезультатно пытался замедлить распространение христианства организацией всеобщего преследования христиан (с 303 г.). В 305 г. отрекся от престола. С реформами Диоклетиана начался также доминат, который носил на всех своих формах отпечаток восточной позднеантичной абсолютной монархии. Отсчет эры, названной его именем, начался с 29 августа 284 г. и по сей день сохранился у коптов и эфиопских христиан.

⁷² *Энкомьенда* (исп. encomienda — поручение, попечение, покровительство) — в испанских колониях в Америке (XVI—XVIII вв.) — одна из наиболее жестоких форм эксплуатации испанскими колонистами-энкомьендерос индейского населения под видом «опеки»; энкомьендой называлась также и местность, население которой отдавалось в такую «опеку».

⁷⁸ *Лен* (нем. *Lehn*) — в Западной Европе в эпоху феодализма (главным образом в Германии) — земельное владение (реже какой-либо другой источник дохода), которое вассал получал от сеньора на условии несения службы (главным образом военной), с XII в. (в отличие от бенефиция) наследственное; практически то же, что и фео́д. Ленем называется также подать, собиравшаяся с ленного поместья.

⁷⁴ *Пребенда* (ср.-лат. *praebenda* — то, что должно быть дано) — доходы и имущество (дома, поместья), предоставляемые привилегированной части католического духовенства за исполнение обязанностей, связанных с занимаемой ими должностью.

⁷⁵ *Майордомат* — майордом (от *позднелат.* *major domus* — старший по дому) — высшее должностное лицо во Франкском государстве при Меровингах (кон. V — сер. VIII вв.). С середины VII в. майордомы в основном сосредоточили государственную власть в своих руках. Майордом Пипин Короткий в 751 г. положил начало династии Каролингов.

⁷⁶ *Сёгун* — титул военно-феодалных правителей Японии в 1192—1867 гг., при которых императорская династия была лишена реальной власти. Всего было три династии сёгунов: Минамото (1192—1333), Асикага [1335(1338)—1573] и Токугава (1603—1867).

⁷⁷ *Даймё* — владетельные князья в феодальной Японии.

Министерялы (от *лат.* *ministerium* — служба, должность) — в средние века в Западной Европе служилые люди короля; выполняли придворную, хозяйственно-административную и военную службу, за что получали лены.

Самураи (от *япон.* *самурау* — служить) — в феодальной Японии в широком смысле — светские феодалы, в узком и наиболее часто употребляемом значении — военно-феодалное сословие мелких дворян.

⁷⁸ *Карл Мартелл* (*Carolus Martellus*, ок. 688—741) — фактический правитель Франкского государства (с 715 г.) при последних Меровингах, майордом из рода Каролингов. В 714 г. был избран австразийскими франками герцогом; в 720 г. стал майордомом всех франкских владений; в 722 г. подчинил себе фризов. Конфисковав часть церковных земель и раздав их феодалам в бенефиции, укрепил военные силы государства. В 732 г. в битве при Туре (Пуатье), и в 737 г. в битве при Нарбоне разгромил арабов, остановив их продвижение в Западную Европу.

⁷⁹ *Beneficia* — *Бенефиции* (от *лат.* *beneficium* — благодеяние) — в период раннего Средневековья в Западной Европе земельное владение, которое жаловалось королем (или каким-либо другим крупным феодалом) в пожизненное пользование вассалу на условии несения военной или административной службы. Постепенно превратился в фео́д. В католической церкви бенефиций — церковная должность и связанные с ней статьи доходов.

⁸⁰ *Серваж* — вид феодальной зависимости в средние века в Западной Европе, в которой находились крестьяне-сервы.

Сервы (от *лат.* *servus* — раб) — в средневековой Западной Европе — категория феодально-зависимого крестьянства, находившаяся в наиболее приниженом социальном положении. Сервы были ограничены в правах перехода из вотчины в вотчину, отчуждения земельных держаний, в наследовании имущества, свободе брака и др. (уплачивали особые поборы). К XVI в. сохранились лишь пережитки серважа.

⁸¹ *Possessor* — владетель, обладатель; право владения (*лат.*).

⁸² *Домен* — земельные владения римского государства, прежде всего императорские. Со II в. первоначально свободные арендаторы через по-

средство системы колоната все чаще привязывались пожизненным договором к земле. В поздней античности домены стали крупными полуфеодальными поместьями, управляемыми чиновниками.

⁸³ *Карл Великий* (лат. Carolus Magnus, 742—814) — франкский король с 768, с 800 — император, из династии Каролингов. Его завоевания (в 773—774 гг. Лангобардского королевства в Италии, в 772—804 гг. области саксов и др.) привели к образованию обширной империи. Политика Карла Великого (покровительство церкви, судебная и военная реформы и др.) содействовала формированию феодальных отношений в Западной Европе. Империя Карла Великого распалась вскоре после его смерти (по Верденскому договору 843 г.).

⁸⁴ *Фульдский монастырь* — ныне город Фульда (Fulda) близ Касселя на реке Фульде; первоначально монастырь и аббатство, основанные в 744 г. В 1803 г. секуляризированы.

⁸⁵ *Захребетник* — феодально зависимый человек, не имеющий своего хозяйства, живущий и работающий во дворах работодателей. В Западной Европе, в германском средневековом праве назывались мундманнами (мунтманнами — *Muntmannen*, нем.), т. е. людьми, находящимися под мундиумом (одновременно защитой и зависимостью) богатого и знатного патрона.

⁸⁶ *Шеффены* (нем. schöffen) — в Германии и некоторых других странах Западной Европы, члены суда, принимающие участие в вынесении приговора (VIII—XVI вв.), в разные периоды избираемые или назначаемые.

⁸⁷ *Ipso jure* — в силу закона (лат.).

⁸⁸ «*Саксонское зеркало*» — сборник средневекового германского права, составленный в 1221—1225 гг. немецким юристом Эйке фон Репков. Представлял собой неофициальную запись феодальных обычаев Восточной Саксонии, однако в нем получили отражение общие для феодальной Германии сословные порядки, а также развивающиеся товарно-денежные отношения. «Саксонское зеркало» состояло из двух частей. Первая часть — земское право (Landrecht), содержала отдельные положения, касающиеся государственного устройства Германии (выборы императора, разделение светской и духовной власти и т. д.), а также нормы, относящиеся к гражданскому праву, уголовному праву, суду и процессу. Вторая часть — ленное право (Lehnrecht), была посвящена вассальным отношениям между феодалами.

⁸⁹ *Присвоение марки и деревенской альменды...* — см. выше, прим. 5 и 9 к гл. 1.

⁹⁰ *Банналитет* (баналитет — фр. banalité от banal, первоначальное значение — принадлежащий сеньору) — в феодальной Западной Европе первоначально — монопольное право, в силу которого сеньор, обладая собственностью на какое-либо имущество общественного значения (на мельницу, на печь и т. д.), мог принудить крестьян к исключительному пользованию ими за определенную плату; позднее — денежные поборы с крестьян за право осуществлять эти хозяйственные операции у себя дома. См. также на стр. 161.

⁹¹ *Вилланы* (от лат. villa — поместье) — в феодальной Франции, Италии, Германии крестьяне лично свободные, но зависимые от феодала в качестве держателей земли; в феодальной Англии (до XV—XVI вв.) крепостные.

⁹² *Вилликационный* — от лат. villicatio — управление поместьем; управление хозяйством, виллой.

⁹⁸ ...*Античное плантаторство сформировалось в Карфагене и там же было научно обосновано (Магоном, как в римской литературе Катонем, Варроном, Колумеллой)*... — Магон — представитель знатного карфагенского рода (Магокиды), автор трактата о сельском хозяйстве. Это произведение было переведено на латинский и греческий языки и оказало значительное влияние на римских авторов, писавших о сельском хозяйстве. Трактат не сохранился. Он был написан до разрушения Карфагена.

Карфаген — древний город-государство в Северной Африке (в районе современного города Тунис). Был основан в 825 г. до н. э. финикийцами. К началу III в. до н. э., завоевав Северную Африку, Сицилию (кроме Сиракуз), Сардинию и Южную Испанию превратился в могущественную рабовладельческую державу Средиземноморья, что привело к столкновению между ним и Римом. После поражения в Пунических войнах Карфаген был в 146 г. до н. э. разрушен римлянами, а основная карфагенская территория вошла в состав римской провинции Африка.

Катон (Сато) Старший — Марк Порций Цензорий (234—149 гг. до н. э.), прозванный Старшим — римский писатель, консервативный политический деятель, непримиримый враг Карфагена, противник греческого влияния в Риме, поборник староримских нравов. Приобрел известность благодаря своей деятельности на посту цензора в 184 г. до н. э. (отсюда прозвище Цензорий). Стремясь к возврату прежней строгости римских правил и обычаев, Катон очистил сенат и всадничество от недостойных, продажных членов, провел в жизнь закон о налоге на роскошь и намеревался тем самым укрепить и стабилизировать власть римского народа. Его экономическая политика была направлена главным образом на повышение рентабельности средних сельских рабовладельческих хозяйств типа вилл, совершенствование сельскохозяйственного труда, для чего им был на месте изучен соответствующий карфагенский метод и отдано распоряжение о переводе на латинский язык сельскохозяйственных трудов карфагенца Магона. В экономических взглядах Катона отразились укрепляющиеся товарно-денежные отношения в Риме, тенденция к росту торговли и ростовщического капитала, а также возникшая в хозяйственной сфере конкуренция. В области литературы Катону приписывается слава основоположника литературной прозы, но полностью сохранился лишь его трактат «О земледелии» («De agri cultura»).

Варрон (Вагго) Марк Теренций (116—27 гг. до н. э.) — крупнейший и наиболее плодовитый римский писатель и ученый-энциклопедист. Происходил из сословия всадников, занимал многие политические и военные должности; в гражданской войне 49 г. до н. э. выступал на враждебной Цезарю стороне. Автор огромного количества работ, большинство из которых до нас не дошло) по истории литературы, философии, истории, математике и др. Основным его произведением были «Человеческие и божественные древности» в 41 кн. (ныне утеряны). Целиком сохранился лишь трактат «О сельском хозяйстве» в 3 кн., в котором Варрон, вслед за Катонем дает практические сельскохозяйственные советы. По личному указанию Цезаря в 47 г. до н. э. организовал в Риме публичную библиотеку и руководил ею.

Колумелла (Columella) Луций Юний Модерат — виднейший римский писатель и агроном I в. н. э. из Гадеса (Испания). Жил в Италии. Его сочинение «О сельском хозяйстве» («De re rustica» в 12 книгах) является сельскохозяйственной энциклопедией древности. В 10-й книге о садоводстве последовательно освещаются вопросы земледелия, виноградарства, садоводства, выращивания деревьев и животных, а также помещены на-

ставления управляющему хозяйством и его жене. Другая книга Колумеллы «De arboribus», посвящена выращиванию деревьев. Труды Колумеллы, свидетельствующие о его высокой компетентности и причисляются к классическим образцам литературы о сельском хозяйстве.

⁹⁴ *Пекулий* — см. выше, прим. 12 в Предварительных теоретических замечаниях.

⁹⁵ *Эргастулум* (ergastulum) — см. ниже, прим. 2 к гл. 2 (к слову «Эргастерий»).

⁹⁶ *Квакеры* (от англ. quakers, букв. трясущиеся; самоназвание — «Общество друзей») — члены религиозной христианской общины протестантского толка, основанной в середине XVII в. в Англии. Отвергают институт священников, церковные таинства, проповедуют пацифизм, занимаются благотворительностью.

⁹⁷ *Пиль* (Peel) Роберт (1788—1850) — премьер-министр Великобритании в 1834—1835 и 1841—1846 гг. Лидер пилитов. В 1822—1827 и 1828—1830 гг. — министр внутренних дел. В 1846 г. провел в интересах промышленной буржуазии отмену хлебных законов.

⁹⁸ *Пуритане* (англ. Puritans, от позднелат. puritas — чистота) — последователи кальвинизма в Англии в XVI—XVII вв., выступавшие за углубление Реформации, проведенной сверху в форме англиканства, против абсолютизма. Пуританизм стал идеологическим знаменем Английской буржуазной революции XVII в. Неоднородность социально-политического состава пуритан привела к выделению среди них умеренного (пресвитериане) и радикального (индепенденты) течений.

⁹⁹ *Лендлорд* (англ. landlord) — крупный землевладелец в Великобритании.

¹⁰⁰ *Фридрих-Вильгельм I* (1688—1740) — прусский король с 1713 г. из династии Гогенцоллернов, сын Фридриха I; расширил свои владения войнами со Швецией, участвовал в войне за польское наследство; увеличил и организовал прусскую армию; содействовал развитию земледелия, смягчил крепостную зависимость; реформировал финансы. Был человеком грубым и суровым, но прослыл умным и справедливым; получил прозвище «фельдфебель на троне».

Мария Терезия (Maria Theresia) (1717—1780) — австрийская эрцгерцогиня (с 1740 г.), королева Венгерская и Богемская; утвердила свои права на владения Габсбургов в войне за Австрийское наследство (но потеряла Силезию; дочь Карла VI и жена великого герцога Тосканского Франца-Стефана (Франца I). После смерти мужа назначила своего сына Иосифа II соправителем. При первом разделе Польши приобрела Галицию и Буковину. Во внутренней политике укрепила связь отдельных частей австрийского государства, улучшила состояние администрации, суда и школьного образования, в немецких провинциях отменила крепостное право, в других провинциях облегчила барщину.

¹⁰¹ *Тридцатилетняя война* — между габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, поддержанные папством и Речью Посполитой) и антигабсбургской коалицией (германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Англией, Голландией и Россией). Габсбургский блок выступал под знаменем католицизма, антигабсбургская коалиция (особенно вначале) — протестантизма. Делится на несколько периодов. Результатом войны, которая закончилась Вестфальским миром 1648 г., был крах планов Габсбургов на создание «мировой гегемонии» и подчинение себе национальных государств; политическая гегемония в Европе перешла к Франции.

¹⁰² *Марка* — здесь — Лужицкая марка (Лужица, Лузация, нем. Lausitz, лужиц. Luzica) — историко-географическая область в средней Германии между Одером и Эльбой (на юго-востоке бывшей ГДР, в округах Котбус и Дрезден) с древнейших времен населенная славянским племенем лужичан (лужицкие сербы, сорбы, венды). В X в. Лузация, населенная полабскими славянами, была завоевана германскими феодалами и образовала 2 маркграфства: Верхняя Лузация (южная часть) и Нижняя Лузация (Северная часть).

Силезия (нем. Schlesien, польск. Slask, чеш. Slézsko) — историческая славянская область в верхнем и среднем течении реки Одра (Одер). Первоначально Силезия была населена германцами, с VI в. — славянами, с X в. перешла к Польше, затем была в составе владений Габсбургов. Во время войны за Австрийское наследство (1741—1748) Силезия в 1742 г. была почти вся (за исключением княжеств Опава и Тешин — Австрийская Силезия, — территории которых остались у Габсбургов, а в 1920 г. вошли в состав Чехословакии) захвачена Фридрихом Вильгельмом Прусским и оставалась в составе Пруссии до XX в. (Прусская Силезия). В 1922 г. около трети территории Верхней Силезии были переданы Советом Лиги Наций Польше. Потсдамская конференция 1945 г. полностью вернула Польше территорию Верхней и Нижней Силезий.

¹⁰³ *Мекленбург* — княжество (с 1348 г. — герцогство) в средневековой Германии (на части земель полабских славян, покоренных германскими феодалами); занимало территорию на северо-востоке современной Германии (север ГДР).

¹⁰⁴ *Чинш* (польск. czynsz) — в феодальной Европе — регулярный фиксированный оброк продуктами или деньгами, который платился сеньюру.

¹⁰⁵ *Гольштинское графство* — см. выше, прим. 8.

Шведская передняя Померания — часть Померании, отошедшая к Швеции по Вестфальскому миру 1648 г. (Тридцатилетняя война).

Померания (лат. Pomernia, нем. Pommern) — с 1170 г. герцогство на побережье Балтийского моря; с 1815 по 1945 гг. — прусская провинция с главным городом Штеттин (Щецин). В настоящее время большая часть Померании находится на территории польского Западного Поморья.

¹⁰⁶ *Экономия* — крупное помещичье хозяйство капиталистического типа.

¹⁰⁷ *Instleute* — мн. ч. от нем. Instmann — батрак, снимающий угол; безземельный крестьянин.

¹⁰⁸ *Мемель* — официальное название литовского города-порта Клайпеда до 1923 г.

¹⁰⁹ *Ландрат* (нем. Landrat) — глава местного управления.

¹¹⁰ *Фидеикомисс* (лат. fideicommissum — поручение по вере) — управление имуществом по завещательному отказу, содержащему распоряжение о передаче имущества или его части другому лицу: в римском частном праве — неформальное поручение наследователя наследнику о выдаче третьему лицу из наследства определенного имущества, а также само имущество (в Германии в Новое время — родовое имущество, отчуждавшееся и передававшееся по наследству в особом порядке). (Фидеикомиссами называли неформальные легаты, заключавшие в себе просьбу (умирающего), устную или письменную, дать или сделать что-либо для другого лица, в завещании не упомянутого, под честное слово.) См. также на стр. 116.

¹¹¹ *Ши-хуан-ди* (259—210 гг. до н. э.) — имеется в виду правитель (ван) царства Цинь (с 246 по 221 гг. до н. э.), впервые объединивший китайские земли вокруг своего царства, создавший единую централизованную китайскую империю Цинь и ставший императором Китая под именем

Цинь Шихуанди (221—210 гг. до н. э.). До 221 г. его звали Чжэн. Будучи императором разделил всю империю на 36 областей. Прежняя удельная система была совсем уничтожена, знатные фамилии были переселены в столицу империи Сян-ян. Цинь Шихуанди приписывают строительство большей части Великой Китайской стены и сожжение конфуцианских книг, сопровождавшееся казнями ученых-конфуцианцев.

Цинь — одна из самых коротких императорских династий в Китае (с 221 по 207 гг. до н. э.). Пала в результате народных восстаний после убийства малолетнего сына и преемника Шихуанди Ху-Хая в 207 г. до н. э.

¹¹² *Литургическое государство* — см. ниже, прим. 63 к гл. 4.

¹¹³ *Гладстон* (Gladstone) Уильям Юарт (1809—1898) — английский политический деятель, лидер Либеральной партии с 1868 г., четыре раза был премьер-министром Великобритании. Правительство Гладстона подавляло национально-освободительное движение в Ирландии и в то же время безуспешно добивалось принятия английским парламентом билля о гомруле (программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи); в 1882 г. осуществило захват Египта.

¹¹⁴ *Вакуф* — (вакфы) (*араб. букв.* — удержание) — имущество, в соответствии с мусульманским правом отказанное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Вакуф мог состоять из недвижимого и движимого, неотчуждаемого и освобожденного от налогов имущества, доходы с которого шли на содержание религиозных, благотворительных и просветительских учреждений. См. также далее на стр. 116.

¹¹⁵ *Гоплит* (*гр. hoplites*) — тяжеловооруженный пехотинец в полисном ополчении Древней Греции в VI—IV вв. до н. э. В отличие от бойцов-одиночек гомеровского времени гоплиты сражались в сомкнутых фалангах, ставших в Спарте и Афинах примерно с VII в. до н. э. решающей системой организации вооруженных сил. Гоплитом мог стать человек, обладающий гражданскими правами и средствами для обеспечения собственного снаряжения (гоплиты носили большой щит, шлем и панцирь, а также поножи; его главным оружием были копье и меч).

¹¹⁶ *Солон* (между 640 и 635 гг. — ок. 559 г. до н. э.) — афинский политический деятель и поэт из знатного, но обедневшего аристократического рода. Став в 594 г. до н. э. афинским архонтом, был наделен чрезвычайными полномочиями для того, чтобы преодолеть затяжной экономический и политический кризис афинского государства. Неконтролируемое расширение крупных земельных владений привело к тому, что положение мелких земледельцев крайне ухудшилось, они сильно задолжали и частично лишились своей земли (гектеморы). Они требовали отмены долгов и нового раздела земли. Ремесленники и торговцы стремились к участию в управлении государством и устранить остатки родового строя, который препятствовал экономическому развитию, установлению демократии. Солон решил пойти на компромисс, чтобы преодолеть кризис: удовлетворить часть справедливых требований бедняков, для того чтобы они не настаивали на дальнейших коренных преобразованиях. Первым его шагом была сисахфия, т. е. освобождение всех граждан от обязательств, связанных с заложеной за долги землей. Рабство за долги было отменено, афиняне, проданные за границу, были выкуплены за государственной счет. Был введен земельный максимум. Следующей мерой Солона явилось изменение действовавшей системы мер и весов и чеканки монеты. Вместо эгинской системы он ввел более легкую эвбейскую систему мер и весов, которая тогда была распространена и облегчала развитие

афинской торговли. С этим, вероятно, Солон связывал сокращение долгов, которые обременяли движимое имущество. Солон поощрял торговлю и ремесла, приглашая в Афины из других греческих полисов торговцев и ремесленников и предоставлял им в ряде случаев гражданство. В социальной сфере он заменил родовые привилегии имуществ. Все граждане были разделены на 4 разряда в соответствии с имущественным цензом (первоначально он зависел только от количества земли). Права и обязанности Солон распределил так, что зажиточные граждане обладали большими политическими правами, но при этом были обязаны нести и большую ответственность (тимократия). Принадлежность граждан к той или иной группе (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты) определялась годовым доходом урожая. Впоследствии принадлежность к той или иной группе определялась и по денежному цензу. Занимать высокие государственные посты имели право только представители трех первых групп. При этом архонтом или хранителем казны могли быть только пентакосиомедимны. Для фетов было сохранено лишь право участвовать в народном собрании и народном суде. Поскольку военнообязанные должны были сами снабжать себя вооружением, то на службу в качестве тяжеловооруженных гоплитов призывались только представители трех первых групп. Пентакосиомедимны и всадники воевали в коннице, а зевгиты в качестве гоплитов. Феты сражались как легковооруженные или позже — в качестве гребцов. Первая группа обязана была участвовать в дорогостоящих литургиях. В противовес аристократическому ареопагу Солон создал Совет четырехсот, в который входило по 100 человек от каждой филы. Солон заставил афинян поклясться в том, что в течение 10 лет они не будут ничего менять в его законах. Однако вскоре после окончания срока его архонтства внутри афинского общества вновь началась борьба, так как Солон не задел главную основу аристократии — крупное землевладение. Тем самым у землевладельцев сохранилась возможность возобновить борьбу за власть, а неимущие были недовольны тем, что не получили таких же политических прав, как и богатые. Однако несомненной заслугой Солона является то, что он упразднил большинство привилегий родовой аристократии, открыв этим дорогу дальнейшему развитию рабовладельческой демократии. Античные предания причисляли Солон к Семи греческим мудрецам.

¹¹⁷ *Клисфен* — афинский государственный деятель конца VI в. до н. э., принадлежал к роду Алкмеонидов, изгнанных Писистратидами из Афин. В 510 г. до н. э. тиран Гиппий был изгнан, Алкмеониды вернулись в Афины, и Клисфен возглавил афинский демос (оппозицию аристократам). Реформы, проведенные Клисфеном в 509—507 гг. до н. э. укрепили положение афинского демоса, что позволило ему выдержать борьбу со спартанским царем Клеоменом I. Благодаря реформам Клисфена ускорился процесс ослабления власти родовой аристократии и открылся простор для полного развития рабовладельческой демократии; родовые объединения выполняли теперь только некоторые культовые функции. Важнейшей реформой Клисфена было разделение Аттики по территориальному принципу (вместо родовых фил были созданы филы территориальные). На каждую из 10 вновь образованных фил приходилось по одному округу в городской (Афины), приморской и внутренней части Аттики, что вело к дроблению родовых организаций и смешению населения. Совет пятисот (Булэ) составлялся из представителей всех фил (по 50 от каждой филы); состав Совета сменялся ежегодно. Самыми мелкими единицами управления стали демы, их было около 100. Клисфену удалось уравнять в правах

коренных граждан и пришлых жителей Афин. Поэтому гражданство стало определяться принадлежностью не к филе, а к дему. Согласно установлению Клизфена, каждый гражданин Афин должен был присоединять к своему имени не родовое имя отца, как прежде, а название своего дема, что подрывало принципы родовой организации. Клизфен ввел прайвильную коллегию из 10 стратегов, а также остракизм, чтобы исключить возможность новой тирании.

¹¹⁸ *Югер* (лат. jugerum) — древнеримская земельная мера, равна примерно 2942 м².

¹¹⁹ ...в эпоху *Двенадцати таблиц*... — V в. до н. э. в римской истории; период, когда были созданы Законы двенадцати таблиц.

Законы Двенадцати таблиц (Leges duodecim tabularum) — один из древнейших сводов римского обычного права на 12 досках-таблицах; древнейшая письменная фиксация римского права, осуществленная в 451—450 гг. до н. э. избранной специально для этой цели коллегией децемвиров (decemviri legibus scribundis — буквально, члены коллегии десяти для записи законов). Законоположения законов составили основу римского права, дальнейшее развитие которого во многом определяло задачи их комментирования. Гражданское, уголовное и процессуальное право в этих законах были еще не разделены. В соответствии с достигнутой римским обществом в V в. ступенью социально-экономического развития в центре внимания составителей законов оказались вопросы семейного, наследственного и соседского права. Наряду с установлением сурового возмездия за убийство и покушение на собственность, в котором отражена идея личной мести, наказанием за некоторые виды преступлений становятся уже денежные штрафы, что дало толчок для последующего развития частного уголовного права.

¹²⁰ *Александр Великий* — Александр Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии с 336 г. Сын царя Филиппа II, воспитывался Аристотелем. В 338 г. участвовал в победе над греками при Херонее, в 336 г. подавил восстание греков, в 335 г. разрушил Фивы и был провозглашен предводителем греков в войне с персами. Победив персов при Гранике (334), Иссе (333) и Гавгамелах (331) подчинил себе царство Ахеменидов, вторгся в Среднюю Азию (329), завоевал земли до реки Инд, создав крупнейшую мировую монархию древности, которая, будучи лишенной прочной внутренней связи распалась после его смерти (умер в 323 г. в Вавилоне).

Август (до 27 г. до н. э. Октавиан) (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император (с 27 г. до н. э.). Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. После смерти Цезаря принял участие в борьбе за власть и в октябре 43 г. до н. э. вместе со своим противником (в то время правителем Рима) римским полководцем Марком Антонием и Лепидом составил 2-й Триумвират. Победой в 31 г. до н. э. при Акциуме над Марком Антонием и египетской царицей Клеопатрой завершил гражданские войны (43—31 до н. э.), начавшиеся после смерти Цезаря; сосредоточил в своих руках власть, сохранив, однако, традиционные республиканские учреждения — этот режим получил название принципат; преобразовал управление в провинциях; восстановил дисциплину в войске (при нем было завершено завоевание Испании, Паннонии, Далмации и Иллирии); украсил Рим великолепными архитектурными сооружениями; при Августе был золотой век римской литературы. Полное имя императора — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (Gaius Julius Caesar Octavianus Augustus).

¹²¹ *Городские консулы* — см. «Город», с 395 стр. и ниже.

¹²² *Синьория* (итал. signoria, букв. — господство, власть) — форма политического устройства ряда городов-государств в Северной и Центральной Италии второй половины XIII — сер. XVI вв., характеризовавшаяся сосредоточением всей полноты гражданской и военной власти в руках единоличного правителя — синьора (тирана). Переход от выборного коллегиального управления коммуны к синьории происходил в условиях ожесточенной борьбы между пополами и феодалами, когда ни одна сторона не могла одержать полной победы. В результате устанавливалась диктатура, отражавшая интересы либо верхушки пополапов и феодалов, либо только феодалов. Переход всей полноты власти закреплялся пожалованием синьору папой или императором титула викария. Синьорией называли также орган городского самоуправления в итальянских городах-коммунах XII—XIV вв. (коллегия приоров) и управление в Венеции при доже.

¹²³ *Карл II* (Charles) Стюарт (1630—1685) — король Англии и Шотландии, сын Карла I, после смерти отца принял титул короля в Гааге, 3 сент. 1651 г. потерпел поражение при Ворчестере от Кромвеля, бежал во Францию. Призванный парламентом 25 мая 1660 г. высадился в Дувре и вступил в Лондон. Стремление Карла II к восстановлению католицизма и абсолютной монархии привели его к ожесточенной борьбе с парламентом, которому после неудачных войн Карла с Голландией (1665—1667 и 1672—1676) удалось укрепить права народного представительства.

¹²⁴ *Копигольдер* — копигольд (англ. copyhold, от copy — копия и hold — держание) — основная форма феодально-зависимого крестьянского держания в Англии XV—XVII вв. (чаще всего пожизненная). Право на копигольд поддерживалось копией-выпиской из протокола суда манора. Крестьяне-копигольдеры не имели права защиты в судах, распоряжения надделом, несли значительные повинности в пользу лорда.

¹²⁵ *Карл-Фридрих Баденский, маркграф* (1728—1811) — великий герцог (с 1806 г.); с 1746 г. маркграф Баден-Дурлаха, с 1771 г. — Баден-Бадена, с 1803 г. курфюрст, с 1806 г. член Рейнского союза; получил от Наполеона I приращение владений и принял звание великого герцога; прославился как просвещенный правитель.

¹²⁶ *Карл VI* (1685—1740) — австрийский эрцгерцог и с 1711 г. император «Священной Римской империи»; последний из мужской линии Габсбургов. В 1703 г. был провозглашен королем Испании, но не смог удержаться в ней; после смерти брата (Иосифа I) в 1711 г. наследовал австрийские владения и императорскую корону. Вел не очень успешные войны за Испанское наследство, с Османской империей и др. В 1724 г. на основании изданной им в 1713 г. «Прагматической санкции» назначил своей преемницей во всех австрийских землях свою дочь Марию Терезию.

¹²⁷ *Моравия* — историческая область в Чехии; древнее население — кельты, с середины 1-го тысячелетия н. э. — славяне (мораване и др.). В настоящее время Моравия — в составе Чехии.

Галиция — историческое название части западно-украинских и польских земель, коронная земля Австрийской монархии, располагается на северном склоне Карпат, с реками Дунаец, Сан, Буг на западе, и Днестр с его многочисленными притоками на востоке. (В настоящее время это территории Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской областей Украины и большая часть Краковского воеводства Польши.) Крупнейшие города Львов и Краков. Восточная Галиция в 1939 г. воссоединилась с Украиной.

¹²⁸ *Леопольд I* (Leopold) (1640—1705) — император «Священной Римской империи». Гонениями на протестантов спровоцировал восстания

венгров и нападение турок; в 1683 г. был изгнан турками из Вены. Возвратился после победы имперской армии и поляков; в 1687 г. превратил Венгрию в наследственное владение. Воевал с Францией за права империи (1672—1679, 1688—1697 гг.), но безуспешно. В 1701 г. с целью присоединения Испании к своему дому начал войну за Испанское наследство, до успешного завершения которой в 1704 г. не дожил. Был покровителем искусств, сам был писал музыку.

¹²⁹ *Иосиф II* (1741—1790) — австрийский эрцгерцог и император Священной римской империи (с 1765 г.), сын императора Франца I и Марии Терезии. С 1765 по 1780 гг. был соправителем матери. Был другом и союзником Екаитерины II и содействовал разделам Польши. Во внутреннем управлении придерживался так называемого просвещенного абсолютизма, стремился к освобождению крепостных, покровительствовал наукам и искусствам, промышленности и торговле, основывал фабрики, стремился поднять уровень народного образования и ослабить силу феодалов и власть церкви, упразднил в 1782—1790 гг. около 700 монастырей, дал свободу вероисповедания протестантам (1781) и грекам не-униатам. Но реформы вводил круто, пренебрегая сословными и национальными традициями, вызвав тем самым беспорядки в Нидерландах и в Венгрии, что привело к тому, что ему пришлось отказать от большей части своих нововведений.

¹³⁰ *Фридрих-Вильгельм III* (1770—1840) — прусский король (с 1797 г.). В войне Наполеона с Россией был на стороне Наполеона; после поражения последнего примкнул к Священному союзу с Россией и Австрией.

¹³¹ *...катастрофа при Йене и Тильзитский мир...* — Йена — город в Германии, где в 1806 г. Наполеон I Бонапарт наголову разгромил прусскую армию; Тильзит (в настоящее время город Советск) — город в Восточной Пруссии, где в 1807 г. был заключен мирный договор между Наполеоном I Бонапартом и Александром I.

¹³² *...овер-президент Штейна и его кружка...* — Генрих Штейн (Stein) (1757—1831) — глава прусского правительства в 1807—1808 гг.; провел (вопреки сопротивлению юнкерства) ряд буржуазных преобразований, завершенных правительством Гарденберга.

Буржуазные реформы Штейна—Гарденберга (1807—1814) привели к провозглашению личной свободы крестьян, выкупу крестьянами повинностей за уступку помещику от трети до половины их надела, фактическому введению всеобщей воинской повинности и т. д.

¹³³ *Семилетняя война* (1756—1763) — война между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией (в унии с Ганновером) и Португалией — с другой. Была вызвана обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Война проходила с переменным успехом. Главный ее итог — победа Великобритании над Францией в борьбе за колониальное и торговое первенство. В результате войны границы в Европе существенно не изменились, однако Франция потеряла свои владения в Индии и Канаду, отошедшие к Англии.

¹³⁴ *Кодекс Наполеона* (Code Napoléon или Code civil) — французский гражданский кодекс; его первоначальный проект был разработан во время революции, окончательно выработан комиссией в 1800—1804 гг. (ее члены: Тронше, Биго, Порталис и Мальвиль), а принят и обнародован при Наполеоне I Бонапарте в 1804 г. В основу Кодекса положено римское и старое французское право. Он сохранил силу до настоящего времени с

немногими изменениями (права гражданства, ипотеки и некоторые другие). Благодаря французским завоеваниям и высокой практичности, Кодекс Наполеона был принят в Бельгии, в Голландии, в Царстве Польском; в Германии до 1900 г. он действовал в качестве местного права (в прирейнской Пруссии, Бадене и др.); итальянское гражданское уложение — это тоже переработанный Кодекс Наполеона.

¹⁸⁵ *Entails* — акты, закрепляющие порядок наследования земли без права отчуждения; майоратное наследование; майорат (*англ.*).

¹⁸⁶ *Плутократия* (*греч.* plutokratia, от plutos — богатство и kratos — сила, власть) — государственный строй, при котором политическая власть формально и фактически принадлежит богатой верхушке господствующих классов; отсюда — плутократы.

Глава 2

¹ *Геродот* (из Галикарнаса) — выдающийся древнегреческий историк, которого Цицерон назвал «отцом истории». Родился между 490 и 480 гг. — ок. 425 г. до н. э. Предпринимал продолжительные путешествия, хорошо знал прибрежные малоазиатские области с прилегающими к ним островами, часть Передней Азии, Египет, Кирену и т. д. Оставил после себя записанное на ионийском диалекте «Изложение событий» («*Historiae Apodexis*»), которое в Александрии было разделено на 9 книг; во II в. н. э. каждая книга была названа именем одной из 9 муз. Геродот проследил историю отношений между древне-восточными деспотиями (Азия) и греческими рабовладельческими государствами (Европа), кульминационным пунктом которых стали греко-персидские войны. Труд охватывает весь исторический период, исключая мифологическую эпоху.

² *Эргастерий* (*греч.* ergasterion — рабочее место) — мастерские, не имевшие сколько-нибудь значительного механического или технического оборудования и производившие продукцию на заказ или впрок. Со второй половины V в. до н. э. эргастерии выступали как организованные мануфактурные производства. С помощью рабов, вольноотпущенников, а также вольнонаемных рабочих при несколько усившемся разделении (специализации) труда и значительном числе работников (до 50 рабов в ремесленных предприятиях и до 1000 человек в горных разработках). Эргастерии добивались более высоких производственных показателей. Предприниматели часто вели дело не сами, а предоставляли за соответствующее вознаграждение помещение, инструменты (оборудование), сырье работнику (рабу), давая ему возможность во всем прочем хозяйствовать самостоятельно. Эргастерии имелись во всех отраслях производства (металлургия, текстиля, керамики, металлоизделий). В римском сельском хозяйстве для ненадежных рабов на латифундиях использовались полуподземные *эргастулы*, где рабы содержались ночью, а днем в цепях должны были работать в поле. Август выступил против незаконного содержания свободных в эргастулах, при Адриане от них отказались. См. ниже, на стр. 158.

³ Манифест коммунистической партии; написан К. Марксом и Ф. Энгельсом в декабре 1847 — январе 1848 гг., вышел в Лондоне около 24 февраля 1848 г.

⁴ *Γυναικων* — женская половина в доме (*греч.*).

⁵ ...императрица Ливия, жена Августа... — Ливия Друзилла, первая римская императрица (58 до н. э. — 29 н. э.), супруга Тиберия Клавдия

Нерона, родившая от него 2 сыновей — будущего императора Тиберия и Друза Старшего. В 38 г. беременная Ливия вышла замуж за Октавиана, который вынудил ее развестись и сам расстался со своей второй женой. От этого брака у Ливии не было детей. Эта красивая, честолюбивая и умная женщина влияла на политические решения Августа. По его завещанию Ливия была в 14 г. до н. э. удочерена семьей Ливиев и под именем Юлии Августы провозглашена соправительницей.

⁶ *Гиксосы* — кочевые азиатские племена семитского происхождения, около 1700 г. до н. э. пришли из Сирии и захватили Египет. Поселившись в Дельте, они основали свою столицу Аварис и их цари Гиксосы (Гакушасу, т. е. «цари-пастухи») управляли Египтом 3 века. В начале XVI в. до н. э. господство гиксосов было ликвидировано египтянами. Изгнанием гиксосов страна была обязана царям Верхнего Египта, вследствие чего столицей Нового Царства стал город Фивы.

⁷ *Демосфен* — афинский оратор и политический деятель (384—322 гг. до н. э.), сын богатого оружейного мастера. В раннем возрасте потерял отца и обманом был лишен наследства опекунами. Несмотря на физический недостаток, он целеустремленно упражнялся в красноречии и привлекал своих опекунов к суду. Впоследствии сочинял судебные речи для других. От адвокатской деятельности Демосфен перешел к политике. Он стал идейным вождем в борьбе против Филиппа Македонского, в котором видел опаснейшего врага греческой свободы (три «филиппики» и три «олиньские» речи против Филиппа Македонского). Демосфен был впущан в аферу с подкупом и вынужден был бежать из Афин (324 г.). Хотя после смерти Александра Македонского Демосфен был призван в Афины, но после их очередного захвата македонцами он был осужден на смерть и принял яд, чтобы не попасть в руки преследователей (македонского царя Антипатера и его сторонников).

⁸ *Лисий* — афинский оратор (ок. 445—380 гг. до н. э.); был метеком, сыном выходца из Сицилии, владевшего мастерской по изготовлению щитов. Как метек, не имел права лично участвовать в судебном заседании и поэтому избрал профессию логографа и преподавателя риторики. Благодаря простой манере изложения Лисий считался великим мастером античной речи, но уже во II в. до н. э. образцовыми с точки зрения стиля считались речи Демосфена.

⁹ *...когда в эпоху Пелопонесской войны пали Афины...* — Пелопонесская война (431—404 гг. до н. э.) — крупнейшая в истории Древней Греции война между союзами греческих полисов: Делосским (во главе с Афинами) и Пелопонесским (во главе со Спартой); охватила Грецию и греческие города Южной Италии и Сицилии. В 404 г. Афины, осажденные с суши и моря, капитулировали. По условиям мира Делосский союз распулся, Афины передавали Спарте флот (кроме 12 сторожевых кораблей), укрепления Афин и Пирея ликвидировались, признавалась гегемония Спарты в греческом мире. В Афинах устанавливался олигархический режим «тридцати тиранов».

¹⁰ *...приводила по Плинию...* — имеется в виду Плиний Младший (Plinius Junior, 61 или 62 гг. — ок. 114 г.), римский писатель, оратор, адвокат, общественный и государственный деятель (он был консулом, императорским легатом в провинциях Вифания и Понт и т. д.), племянник и приемный сын Плиния Старшего. Из сочинений Плиния Младшего сохранились сборники писем («Epistulae») в 10 книгах и похвальная речь «Панегирик» императору Траяну. «Письма» рисуют Плиния как образованного, доброго человека, делами доказавшего свою человечность по отношению

к рабам и вольноотпущенникам. Книга 10-я включает письма Плиния и Траяна, которые они писали друг другу в период наместничества Плиния. Эта переписка — важный исторический документ («Письма об обращении с христианами» № 96, 97).

¹¹ *Алкивиад* (ок. 450—404 гг. до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец (стратег), выросший в доме своего дяди Перикла. После смерти Клеона в 422 г. до н. э. возглавил радикальных демократов и проводил политику изоляции Спарты. В 415 г. до н. э. организовал экспедицию против сицилийских Сиракуз. Затем, спасаясь от судебных преследований бежал в Спарту, предложив спартамцам план ведения войны против Афин, сыгравший решающую роль в поражении Афин в Пелопонесской войне. На своей родине он, как изменник, был заочно приговорен к смертной казни. После олигархического переворота в Афинах в 411 г. до н. э. оставшийся верным демократической партии флот выбрал Алкивиада своим предводителем. В 411—408 гг. до н. э. Алкивиад выиграл морские сражения при Абидосе, Кизике, взял Византий и т. д., был с восторгом встречен в 408—407 гг. до н. э. в Афинах и избран там гегемоном. В 407 г. до н. э., после поражения при Нотии, Алкивиад был отстранен от власти и добровольно удалился в свои фракийские владения. В 404 г. до н. э. он, спасаясь от спартанцев, бежал к Фарнабазу, который по совету Лисандра приказал убить его.

¹² *Тик* (голл. *tijk*) — плотная льняная или хлопчато-бумажная ткань с рисунком в виде продольных полос. Употребляется как обивочный материал, для изготовления матрацев и т. п.

¹³ ...«автаркия» *домового хозяйства*... — имеется в виду политика полного хозяйственного обособления отдельного домового хозяйства.

Автаркия (от греч. *autárkeia* — достаточность, самоудовлетворение) — 1) Отсутствие потребностей и желаний, независимость, особенно от окружающих вещей и людей (у Сократа и Платона); способность к блаженству. Согласно киникам и большому числу стоиков, автаркия — отличительный признак мудреца. 2) Политика хозяйственного обособления отдельной страны. Примерно так определял автаркию и Фукидид (политическая и экономическая независимость какой-либо страны от других государств). Автаркией нередко прикрывались попытки захвата других стран под предлогом создания обособленного «хозяйственного пространства». Автаркия была официальной экономической доктриной фашизма.

¹⁴ *Ценз* (лат. *census*, от *senso* — делаю опись, перепись) — в средние века в Западной и Центральной Европе — крестьянская подать, оброк, то же, что чинш (см. прим. 104 к гл. 1). В Древнем Риме перепись граждан с указанием имущества для определения их социально-политического, военного и податного положения.

¹⁵ ...*постановления диоклетиановского «эдикта о ценах»*... — в 301 г. император Диоклетиан (245—316) установил в своем указе о ценах предельные цены на товары жизненной необходимости и предметы роскоши, а также максимальные размеры оплаты труда ремесленников и поденщиков. Этот максимальный тариф должен был сдерживать рост цен во всем государстве, однако вскоре он был отменен из-за различия уровней развития производства, что способствовало росту спекуляции.

¹⁶ *Литургические цехи* — см. ниже, прим. 63 к гл. 4.

¹⁷ *Centuria fabrum* — См. ниже, прим. 25 к Главе 2 и прим. 48 к Главе 4.

¹⁸ *Навигулярии* — мн. ч. от *navicularius* — судовладелец (лат.).

Навкрария — первоначально, организация афинских граждан (предположительно восходящая к солоновской эпохе), ведавшая постройкой

военных кораблей для защиты побережья от нападений с моря. Каждая из четырех родовых фил Аттики была разделена на 12 навкратий, которые постепенно приобрели функции административных единиц.

¹⁹ Вольно переведенные слова апостола Павла: «¹⁰ Ибо, когда мы были у вас, то завещавали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот не ешь». (Второе послание к фессалоникийцам святого Апостола Павла, 3, 10).

²⁰ *Эрехтейон* (Эрехфейон — *греч.* Ερεχθειον — сделанный Эрехфеем) — ионический храм, памятник древне-греческой архитектуры (421—415 и 409—406 гг. до н. э.). Храм Афины и Посейдона-Эрехтея на Акрополе в Афинах — последняя постройка классического периода в Акрополе — отличается изяществом асимметричной композиции, тонкой красотой двух ионических портиков и портика кариад. Эрехтейон вместил в себя многие культурные памятники, а также скульптурное изображение Афины. Его нарядная элегантность оказала большое влияние на архитектуру классицизма.

²¹ *Living-wage* — прожиточный минимум (*англ.*); *living-wages* — прожиточные минимумы.

²² *Солод* — продукт проращивания зёрен злаков (ячменя, ржи, пшеницы, овса). Применяется в производстве пива, кваса, спиртных напитков, дрожжей и др.

Аппретура — (аппретура — *нем.* Appretur и *франц.* apprêter — отделять) — то же, что аппретирование.

Аппретирование (*фр.* apprêter — отделять) — одна из заключительных операций отделки материалов (ткани, трикотажа), состоящая в обработке ее аппретами.

Аппрёт (*фр.* apprêt) — вещества (крахмал, мыло, жиры, эфиры целлюлозы, синтетические смолы и др.), наносимые при отделке на материалы (ткань, трикотаж, реже — пряжу) для придания им требуемых свойств: безусадочности, несминаемости, негорючести, стойкости против действия влаги и т. д.

²³ *Апроприация* — (апроприация — *лат.* appropriation — усвоение организмом) — присвоение, завладение; приспособление чего-либо. В контекстах подобных данному — антоним слова «экс-проприация».

²⁴ *Салическая правда* (Салический закон — *Lex Salica*) — сборник обычного права салических франков, одна из варварских правд, ценнейший исторический источник. Записана (на вульгарной латыни с вкраплениями франкских слов и выражений) в начале VI в. по распоряжению короля Хлодвига; при его преемниках дополнялась и перерабатывалась. Делится на титулы (главы). Содержит перечень преступлений и соответствующих им наказаний (налагавшихся главным образом в виде штрафов). Воспроизводит различные этапы архаичной судебной процедуры. Не испытала заметного влияния римских правоотношений, сохранив в почти неизменном виде нормы германского обычного права. Отразила эволюцию франкского общества от первобытно-общинного строя до начального этапа зарождения феодальных отношений.

²⁵ *Faber* — мастер, ремесленник, художник; творец, создатель (*лат.*).

²⁶ *Mercator* — (от *лат.* купец, крупный торговец; покупатель, скупщик) — разъезжающий купец.

²⁷ *Реформация* (от *лат.* reformatio — преобразование) — широкое общественное движение в Западной и Центральной Европе в XVI в.; носило в основном антифеодальный характер, приняло форму борьбы против католической церкви (главной идеологической опоры феодального строя). Началась в Германии с выступлениями Мартина Лютера. Идеологи Рефор-

магии выдвинули тезисы, которыми фактически отрицалась необходимость католической церкви с ее иерархией и духовенства вообще (тезис об «оправдании одной верой» без посреднической роли духовенства в спасении верующего и др.), единственным источником религиозной истины провозгласили Священное писание, отвергнув католическое Священное предание, требовали «дешевой церкви», отрицали права церкви на земельные богатства и др. Основными направлениями Реформации были бюргерско-буржуазное (М. Лютер, Ж. Кальвин, У. Цвингли); народное, соединявшее требование упразднения католической церкви с борьбой за уничтожение феодальной эксплуатации, за установление равенства (Т. Мюнцер, анабаптисты); королевско-княжеское, отражавшее интересы монархов и светских феодалов, стремившихся укрепить свою власть и захватить земельные богатства церкви. Под идейным знаменем Реформации проходили Крестьянская война 1524—1526 в Германии, Нидерландская и Английская буржуазные революции. Реформация положила начало протестантизму (в узком смысле Реформация — проведение религиозных преобразований в духе протестантизма).

Лютер (Luther) Мартин (1483—1546) — деятель Реформации в Германии, основатель лютеранства. Идеолог консервативной части бюргерства. Перевел на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка.

²⁸ *Золинген* (Solingen) — город в Германии (в наст. время — земля Северная Рейн-Вестфалия) в долине реки Вуппер, старинный центр металлообработки.

²⁹ *Олдермен* (ольдермен; *англ.* alderman) — член городского управления, член совета графства.

³⁰ *Merchant-tailors* — портной-купец, шьющий из своего материала (*англ.*).

³¹ *Перуджа* (Perugia) — провинция в Центральной Италии (исторический центр обитания этрусков) и одноименный город, являющийся ее административным центром.

³² *Фуггеры* (Fugger) — в XV—XVII вв. крупнейший немецкий (из города Аугсбурга) торгово-ростовщический дом, игравший важную роль в эпоху раннего капитализма в Западной и Центральной Европе. Ссужали деньгами Габсбургов, за это получали право на эксплуатацию серебряных и медных рудников в Тироле и Венгрии. Широко торговали металлами.

³³ *...при Елизавете...* — Елизавета I (Elizabeth) Тюдор (1533—1603), английская королева с 1558 г., дочь Генриха VIII и Анны Болейн. При Елизавете были укреплены позиции абсолютизма, восстановлена англиканская церковь, разгромлена испанская «Непобедимая армада» (1588 г.), широко осуществлялась колонизация Ирландии.

³⁴ *...В эпоху Столетней войны с Францией...* — война между Англией и Францией (1337—1453) за Гиень (с XII в. — английское владение), Нормандию, Анжу (утраченные англичанами в XIII в.), Фландрию. Поводом к началу войны послужили претензии английского короля Эдуарда III (внука французского короля Филиппа IV) на французский престол.

³⁵ *Регалия* (*лат.* regalis, *жн. ч.* regalia — царский, принадлежащий царю) — в феодальной Западной Европе монопольное личное право королей и (через их пожалования) крупных феодалов на получение определенных доходов (от чеканки монет, от рыночных пошлин, от штрафов, от разработки рудников и др.). В этом смысле термин «регалия» до настоящего времени иногда употребляется в юридической науке в таких словосочетаниях, как «бесхозяйная регалия», «таможенная регалия»,

«судебная регалия». Регалиями называются также внешние знаки монархической власти — корона, скипетр и др. Иногда регалиями называют знаки отличия (ордена, медали).

³⁶ ...*маркграфы Бранденбургские*... — в 1324 г. император Людовик IV Баварский назначил маркграфом Бранденбурга своего несовершеннолетнего сына Людовика, который овладел маркграфством лишь после продолжительной борьбы с соседними князьями и могущественными вассалами. Последние вновь стали выражать недовольство Людовиком после его женитьбы на Маргарите Маульташ, принесшей ему в приданое Тироль. Людовик был вынужден предоставить маркграфство своим братьям Людовику Римлянину и Оттону Ленивому, которые в 1363 г. заключили договор с императором Карлом IV и Люксембургским домом, по которому последнему предоставлялось право наследования в Бранденбурге после прекращения их рода.

³⁷ *Польдер* (голл. *polder*) — осушенный участок марша, защищенный дамбой от затопления морскими водами.

Марш (нем. *Marsch*) — полоса низменных побережий морей, затопляемая в периоды высоких приливов и нагонов воды. Иногда располагается ниже уровня моря, отделяясь от него полосой дюн. Типичны для побережья Северного моря (Нидерланды, Германия, Дания).

³⁸ *Франсуа I* — Франциск I (*François*) (1494—1547) — король Франции из Ангулемской линии династии Валуа, вступил на престол в 1515 г. Его политика была направлена на превращение Франции в абсолютную монархию. В Итальянских войнах 1494—1559 одержал победу в 1515 г. при Мариньяно; пленен при Павии в 1525 г. Любил искусства и великолепие; вел развратную жизнь.

³⁹ *Кольбер* (*Colbert*) Жан Батист (1619—1683) — генеральный контролер (министр) финансов Франции с 1665 г. Экономическая политика Кольбера (т. н. *кольбертизм*) — одна из разновидностей меркантилизма: Кольбер добивался роста государственных доходов главным образом созданием крупных мануфактур, увеличением вывоза и сокращением ввоза промышленных изделий.

⁴⁰ *Билль о реформе 1832 г.* — билль, изменивший избирательную систему в пользу средних классов.

Билль (от лат. *libellus*) в английском праве — юридический документ (вексель, заемное письмо *bill of exchange*), но в особенности законопроект, вносимый в парламент. После обсуждения Билля в палатах он дается на подпись королю, то есть превращается в *act* (закон).

⁴¹ *Амстердам* (*Amsterdam*) — столица Нидерландов, крупный порт на Северном море. Впервые упоминается в 1275 г. В XVII в. стал центром торговли и кредита мирового значения. В 1795—1806 гг. Амстердам — столица Батавской республики, позднее — Нидерландского королевства.

Харлем (Гарлем) (*Haarlem*) — город в Нидерландах на реке Спарна в 6 км от Северного моря, административный центр провинции Северная Голландия. Знаменит развитием в нем цветоводства. В окрестностях города расположены известный Гаарлемский лес и парк с курортом.

Утрехт (*Utrecht*) — город в Нидерландах, порт на Рейне, административный центр провинции Утрехт. В 1579 г. в Утрехте в ходе Нидерландской буржуазной революции для борьбы против Испании и внутренней феодально-католической реакции была заключена Утрехтская уния, оформившая союз семи северных провинций Нидерландов исторических, и заложившая основы Республики Соединенных провинций.; до 1593 г. в Утрехте собирались Генеральные Штаты, а в 1723 г. было основано епис-

копство ясенитов. В 1713 г. в этом городе был заключен известный Утрехтский мир, представлявший собой целый ряд мирных договоров (франко-английский, франко-голландский, франко-прусский и др.), завершивших (наряду с Раштаттским миром 1714 г.) войны за Испанское наследство.

⁴² *Гугеноты* — приверженцы кальвинизма во Франции XVI—XVIII вв. Борьба гугенотов с католиками вылилась в так называемые Религиозные войны (Гугенотские войны).

⁴⁸ *Аугсбург* (Augsburg) — город на юге Германии. Основан в 15 г. до н. э. В XV—XVI вв. — один из главных торговых и финансовых центров Европы.

Нюрнберг — город (с 1062 г.) в баварском Средне-Франконском округе на реке Регниц и на канале, соединяющем Майн с Дунаем. С 1219 г. Нюрнберг — вольный имперский город. Бургграфство Нюрнберг в 1391 г. было присоединено к владениям дома Гогенцоллернов.

Аннаберг — Аннаберг-Буххольц (Annaberg-Buchholz) — город в Германии, на территории бывшего ГДР, к юго-востоку от Цвиккау, близ границы с Чехией.

Галле (Halle) — город в Германии, на реке Зале (левом притоке Эльбы), на территории бывшей ГДР

Магдебург (Magdeburg) — город в Германии, порт на Эльбе и Среднегерманском канале, на территории бывшей ГДР. Впервые упоминается в 805 г. С 968 г. — центр епископства. В Магдебурге сложилось средневековое городское право (магдебургское право).

⁴⁴ *...даже первая прядильная машина Аркрайта ... приводилась в движение лошадьми...* — Аркрайт (Arkwright) Ричард (1732—1792) — английский предприниматель. Использовал изобретение английского механика Т. Хайса, получил в 1769 г. патент на ватермашину (прядильная машина с приводом от водяного колеса) и широко применил ее в производстве. Организовал (с 1771 г.) первые фабрики (прядильни).

⁴⁵ *...а в рудниках Ньюкасла...* — по-видимому, имеется в виду (Ньюкасл-эпон-Тайн, Newcastle-upon-Tyne) — город и административный округ в Северной Англии. Административный центр графства Тайн-энд-Уир. Порт на реке Тайн у впадения ее в Северное море. Основные отрасли промышленности: машиностроение, цветная металлургия, добыча угля.

⁴⁶ *Синай* — горная группа на Синайском полуострове, богатая месторождениями полезных ископаемых; принадлежит Египту. Местонахождение библейской горы Хорив на Синае не выяснено. Гора Моисея в настоящее время называется Джебель Муса.

⁴⁷ *...Серебряные рудники Лавриона составляли собственность афинского государства. Оно сдавало их в аренду и делило прибыль между гражданами. Афинский флот, одержавший победу при Саламине, был создан на средства, образовавшиеся благодаря отказу граждан получить свою долю дохода в течение целого ряда лет...* — имеются в виду Лаврийские рудники, расположенные в юго-восточной Аттике. Представляли собой несколько тысяч вырубленных большей частью на глубину 25—55 м (некоторые до 120 м) шахт и штолен. В 482 г. до н. э. по предложению Фемистокла средства, полученные от разработки этих рудников, были использованы для постройки боевых кораблей. После взятия Декелеи (413 г. до н. э.) многие работавшие на шахтах рабы бежали в спартанский лагерь. С 1865 г. на рудниках на базе древних гигантских шлаковых отвалов возобновилось получение свинца и цинка, хотя уже и лишенных серебра. Тогда же начались и археологические изыскания.

Саламин — остров и город того же названия между восточным побережьем Аттики и южным мегарским побережьем. Из-за своего положения, выгодного для судоходства и строительства порта, долго был объектом споров между Афинами и Мегарой. Около 600 г. до н. э. по настоянию Солона был занят афинянами. Во время греко-персидских войн служил афинянам убежищем. В 480 г. до н. э. в Саламинском проливе произошла знаменитая морская битва, во время которой персидский военный флот, состоявший из больших, малоподвижных кораблей был полностью разгромлен маленькими, юркими греческими триерами. Эта победа, одержанная под верховным командованием спартанца Эврибиада и под стратегическим руководством Фемистокла, обусловила (после успехов при Платеях и Микале) создание тесного союза греческих государств, в результате чего значительно возросла обороноспособность эллинов.

⁴⁸...*Никий, полководец в эпоху Пелопонесской войны, держал их до тысячи и отдавал в наем крупным арендаторам государственных рудников...* — Никий (до 469—413 до н. э.) — афинский политический деятель и военачальник, арендатор Лаврийских серебряных рудников. После смерти Перикла возглавил умеренно-консервативное крыло афинской демократии. Противниками Никия выступали Клеон и Алкивиад. С 428 г. до н. э. Никий в должности стратега боролся за прекращение Пелопонесской войны и заключение мира со Спартой на приемлемых условиях. После смерти Клеона добился этой цели, заключив т. н. Никиев мир (421 г. до н. э.). Несмотря на свое нежелание, был избран командующим афинской морской экспедицией на Сицилию. При осаде Сиракуз афинская армия потерпела поражение, чему виной, в частности, была пассивность Никия как военачальника. Взятый в плен с остатками своего войска, Никий был казнен сиракузянами.

⁴⁹*Пандекты (греч. pandektes, лат. pandectae — всеохватывающий)* — название юридических общих и нормативных работ. Пандекты составлялись по инициативе Юстиниана. Это собрание и переработка юридических правил в виде небольших выдержек из юридических сочинений римского права классического времени, сделанных крупнейшими юристами. Они составляют основную часть *Corpus iuris civilis* (Свод гражданского права). Широкою известностью получили пандекты, составившие вторую часть Кодексации Юстиниана (наиболее распространенное их название — «Дигесты»). Пандекты рассматривались как сборники действующего права и как учебники.

⁵⁰...*можно считать достоверным, что найденный в Португалии lex metalli Vipascensis адриановской эпохи, указывает уже на свободный труд, по крайней мере не рабский...* — имеются в виду правовые и финансовые реформы римского императора (со 118 г.) Адриана.

Адриан Публий Элий (лат. Hadrianus, 76—138) — родственник (подопечный) императора Траяна, который перед смертью усыновил его и объявил наследником. Отказался от завоевательной политики Траяна и в 117 г. закончил Парфянскую войну, отказавшись от Армении и Месопотамии и ограничившись защитой и обеспечением безопасности своих границ и наведением порядка внутри империи. Последнее крупное восстание иудеев под руководством Бар-Кохбы (132—135 гг.) Адриан подавил с крайней жестокостью. Во внутривосточной сфере он уменьшил влияние сената, жестоко казняя сенаторов-оппозиционеров. Власть императора была укреплена созданием чиновничьего аппарата. Прежде всего вместо вольноотпущенников к сотрудничеству были привлечены всадники, в том числе во вновь созданный Государственный совет. Бессрочный

эдикт (Edictum perpetuum) благодаря унификации завершил развитие преторского права (128 г.). Наряду с правовой и финансовой реформами была проведена реформа войска, которая давала солдатам возможность подняться до сословия всадников. Ослабление налогов, продолжение действия алиментарных учреждений, забота о колонах, гуманизация рабского права должны были привести к консолидации государства. Вел активную культурно-строительную деятельность.

⁵¹ *Гослар* (Goslar) — город в Германии, недалеко от истоков реки Окер. Известен добычей в его окрестностях серебра, меди, свинца. См. также ниже, на стр. 179.

⁵² *Генрих II* (Ненгу) Плантагенет (Генрих Анжуйский, 1133—1189) — английский король с 1154 г., первый из династии Плантагенетов. Ему принадлежали также обширные владения во Франции. Провел реформы, укрепившие королевскую власть.

⁵³ *Гогенштауфены* (Штауфены — Hohenstaufen, Staufen) — немецкий владетельный род из Швабии, династия германских королей и императоров «Священной Римской империи» в 1138—1254 гг. (в лице Конрада III, Фридриха I Барбароссы, Генриха VI, Фридриха II и Конрада IV), в 1197—1268 гг. также короли Сицилийского королевства. Угасла в мужском поколении в 1268 г. со смертью сына Конрада IV Конрадина.

⁵⁴ *Конрад III* (Konrad) (1093—1152) — король Германии и император «Священной Римской империи», получил от императора Генриха V герцогство Франкония; в 1128 г. в Милане короновался королем Италии; в 1138 г. был избран рейнскими князьями германским королем и коронован в Ахене; разбил Вельфа VI, в 1140 г. при Вейнсберге; в 1142 г. заключил мир с Вельфами, которые были вынуждены отказаться от Баварии; принимал участие в безуспешном 2-м Крестовом походе.

⁵⁵ *Фридрих I Барбаросса* (Friedrich der Rotbapt, Friedrich I Barbarossa; Барбаросса — буквально — краснородый, ок. 1125—1190) — германский король и император «Священной Римской империи». С 1147 г. — герцог; с 1152 г. — император. Стремился распространить императорскую власть на Италию (с этой целью совершил 5 походов); в 1188 г. заключил в Констанце мир с ломбардскими городами; в 1189 г. предпринял крестовый поход и разбил при Иконии турок-сельджуков. Утонул при переправе через реку Салеф в Киликии. По немецкому преданию император Фридрих Барбаросса спит в одном из замков и когда-нибудь восстанет, чтобы возродить былую мощь Германии.

⁵⁶ *...Горную регалию впервые признала за отдельными князьями золотая булла (1356)...* — «Золотая булла 1356» — законодательный акт, принятый имперским сеймом «Священной Римской империи» и утвержденный императором Карлом IV. Узаконивала избрание императора коллегией курфюрстов, закрепляла за ними другие привилегии. Способствовала политической раздробленности Германии. Действовала до 1806 г.

⁵⁷ *Рожер I* (Roger, 1031—1101) — граф Сицилии, младший брат норманна Роберта Гюискара, в 1061 г. взял Мессину, в 1071 г. — Палермо, в 1090 г. отвоевал у сарацин Мальту, в 1098 г. получил от папы Урбана II сан легата.

⁵⁸ *...В Англии король Иоанн...* — Иоанн Безземельный (John Lackland, 1167—1216) — английский король с 1199 г., из династии Плантагенетов. В 1202—1204 гг. потерял значительную часть английских владений во Франции. Под давлением баронов, поддержанных рыцарством и городами, подписал в 1215 г. Великую хартию вольностей.

⁵⁹ *Карл I* (Чарльз — Charles) Стюарт (1600—1649) — английский король с 1625 г. Проводил феодально-абсолютистскую политику. В ходе английской буржуазной революции XVII в. был низвержен и казнен «...как тиран, изменник, убийца и враг государства».

⁶⁰ ...*Фрейберской горной промышленности*... — в настоящее время территория и город Фрейберг в Германии (на территории бывшей ГДР), где и по сей день доминируют металлургия и машиностроение. Во Фрейберге находится горная академия.

⁶¹ *Лимбург* (Limburg) — бывшее самостоятельное герцогство, разделенное по вестфальскому миру между Голландией и австрийскими Нидерландами. В 1794 г. перешло к Франции; в 1814 г. было снова присоединено к Нидерландам. С 1839 г. Лимбург образовал бельгийскую и голландскую области: 1) Голандская провинция Лимбург — юго-восточная часть Голландии по обоим берегам реки Маас — с административным центром в городе Маастрихт; 2) Бельгийская провинция Лимбург — северная часть Бельгии, по левому берегу Мааса — с административным центром в городе Гассельт; 3) Город в бельгийской провинции Льеж, прежде главный город герцогства.

Саар (Саарская область, Saarland) — одна из земель в ФРГ, столица — город Саарбрюкен. В средние века на территории Саара существовало графство. С 1815 г. большая часть Саара — в составе Пруссии (с 1871 г. — Германской империи). В 1919 г. передан в управление комиссии Лиги Наций (угольные копи — в собственность Франции); в 1935 г. (по плебисциту) отошел к Германии. После второй мировой войны вошел во французскую зону оккупации Германии; по договору 1956 г. между Францией и ФРГ с 1 января 1957 г. — в составе ФРГ.

Глава 3

¹ *Тель-эль-амарнские таблицы* — тель-эль-амарнский архив — собрание клинописных табличек дипломатической переписки 2-й пол. — нач. XIV вв. до н. э. египетских фараонов XVIII династии с правителями стран Передней Азии. Найден в 1887 г. в Амарне. Является важнейшим источником по истории Древнего Востока.

Амарна (Тель-эль-Амарна) — населенный пункт в АРЕ, на месте столицы Древнего Египта Ахетатона при фараоне Эхнатоне (XV в. до н. э.).

² *Дожд* (итал. doge) — глава Венецианской (с конца VII до XVIII вв.) и Генуэзской (XIV—XVIII вв.) республик. Избирался пожизненно, а в Генуе, начиная с 1528 г. — на 2 года.

Венеция в ранний период своей истории именовалась герцогством (дукатом); от титула герцога (дукса) происходит и титул главы Венецианской республики — дож (избирался с 697 г.).

³ *Габсбурги* (Habsburger) — династия, правившая в Австрии (с 1282 г. — герцоги, с 1453 г. — эрцгерцоги, с 1804 г. — австрийские императоры). Присоединив в 1526 г. Чехию и Венгрию (где титуловались королями) и другие территории, стали монархами обширного многонационального государства (в 1867—1918 — Австро-Венгрия). Габсбурги были императорами «Священной Римской империи» (постоянно в 1438—1806, кроме 1742—1745), а также королями Испании (1516—1700). Главные представители: Карл V, Филипп II (Испанский), Мария Терезия, Иосиф II, Франц Иосиф I.

⁴ *Эдда* — имеется в виду Старшая Эдда (Эдда Сэмунда, Песенная Эдда) — древне-исландский сборник мифологических и героических песен,

бытовавших в устной традиции германских народов. Сохранился в рукописи XIII в.

⁵ *Андреа Дориа* (Doria) — генуэзский адмирал. Отстаивая независимость Генуи, из тактических соображений служил в ходе Итальянских войн сначала (1522—1525, 1527—1528) французскому королю Франциску I, затем, изменив ориентацию, императору «Священной Римской империи» Карлу V. С 1528 г. — фактически правитель Генуэзской республики. В 1547 г. подавил заговор Фиески. Ему приписывается первое применение парусов в целях лавирования (в морском бою).

⁶ *Ганзейские города*, или Ганза (нем. Hanse) — торговый и политический союз северо-немецких городов. Окончательно был оформлен в XIV в., просуществовал до XVI в. (формально до 1669 г.), хотя упадок его начался уже в XV в.. Ганза возглавлялась городом Любеком и охватывала посредническую торговлю между Западной, Северной и Восточной Европой (ей принадлежала торговая гегемония в Северной Европе). Главными опорными пунктами Ганзы были города Брюгге, Новгород, Лондон, Берген.

⁷ *Альфонс X Мудрый* (1221—1284) — король Кастилии и Леона с 1252 г. Отвоевал у арабов Херес, Кадис и другие города. Централизаторская политика Альфонса X натолкнулась на сопротивление знати, в 1282 г. он фактически был лишен власти (править стал его сын Санчо).

⁸ *Америго Веспуччи* (Vespucci, 1454—1512) — мореплаватель, по происхождению флорентинец. Участник нескольких испанских и португальских экспедиций (1499—1504) к берегам Южной Америки, названной им Новым Светом. Впервые высказал предположение, что эти земли — новая часть света, которую лотарингский картограф М. Вальдземюллер назвал (1507) в честь Америго Веспуччи Америкой.

⁹ ...*путь Гибралтар—Остия требовал 8—10 дней, так же как и рейс Мессина—Александрия...* — расстояние между Остией (итальянский город в устье р. Тибр) и Гибралтаром примерно такое же, как и расстояние между Мессинией (город на северо-востоке Сицилии) и Александрией.

¹⁰ *Пунические войны* — общее обозначение трех войн Рима против карфагенян (пунийцев). К III в. до н. э., когда Карфаген превратился в сильнейшую торговую и морскую державу Западного Средиземноморья, а Рим стал владыкой всей Италии, их стремления к господству столкнулись. Начавшиеся войны были с обеих сторон заранее спланированными и захватническими. В 1-й Пунической войне (264—241 гг. до н. э.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии и должен был заплатить крупную контрибуцию. Гасдрубал в 226 г. до н. э. основал Новый Карфаген и заключил с Римом так называемый Эбровский договор, согласно которому река Эбро (Ибер) была признана границей между областями, тяготеющими к Риму, и областями, тяготеющими к Карфагену. После того, как Карфаген в 218 г. до н. э. разрушил союзный Риму Сагунт, Рим объявил Карфагену войну. Началась 2-я Пуническая война, в ходе которой (218—201 гг. до н. э.) Ганнибал в 218—216 гг. до н. э. чуть не завоевал Италию, но после потери Капуи, Сиракуз и Тарента в Испании вынужден был вернуться в Африку, где потерпел в 202 г. до н. э. от Сципиона поражение в битве при Заме. Карфаген лишился всех своих внеафриканских владений и роли великой державы. Однако при помощи реформ (переход к рабскому интенсивному плантаторскому хозяйству) он смог относительно быстро преодолеть последствия поражения и снова достиг экономической мощи. В Риме решили навеки уничтожить Карфаген как своего конкурента. Поэтому в 3-й Пунической войне (149—146 гг. до н. э.) он был разру-

шен, а его жители превращены в рабов. Город и страна стали составной частью Римского государства (провинция Африка).

¹¹ *Фиск* (лат. *fiscus*) — 1) императорская казна и финансовое управление, в противоположность эрарию, сенатской казне. Ею ведал императорский вольноотпущенник, именовавшийся *a rationibus* (от *ratio* — расчет), со времен Адриана прокуратор *a rationibus* — был большей частью из сословия всадников. Важнейшие поступления в фиск — налоги с провинций, импортные пошлины, налоги с наследства, военная добыча и завещания в пользу императора; 2) в буржуазных странах — государственная казна.

¹² *Constitutum usus* — определение (условия) [совместного] пользования (использования чего-либо) (лат.).

¹³ *Societas maris* — морское (торговое) товарищество (союз). От лат. *Societas* — общность, объединение, товарищество, союз и *maris* — морской.

¹⁴ *Socius* — товарищ, спутник, соучастник, компаньон (лат.).

¹⁵ *Ревель* — официальное название Таллина с 1219—1917 г. Известен с 1154 г. под названием Колывань (в русских летописях); в ливонских хрониках — Линданисе. В XII—XVI вв. находился под властью Дании, затем Швеции. Во все времена крупный торговый центр, порт. В 1710 г. был присоединен к России.

¹⁶ *Vecturarius* — возница, возчик (лат.).

¹⁷ *Ломбардия* (Lombardia) — историческая область в Северной Италии. В настоящее время разделена на провинции Бергамо, Бреша (Брешия), Варесе, Комо, Кремона, Мантуя, Милан, Павия, Сондрио. Административным центром Ломбардии является город Милан.

¹⁸ *Сен-Готард* (Saint-Gothard) — перевал в Альпах на юге Швейцарии. Высота 2108 м. В настоящее время — шоссе; близ перевала на высоте 1100 м — железнодорожный тоннель протяженностью ок. 15 км.

¹⁹ *Изар* — река в Германии и Австрии, правый приток Дуная. Начало — в Тирольских Альпах. Крупнейший город на Изаре — Мюнхен (Германия).

²⁰ *Зальцах* — река в Австрии и Германии, левый приток реки Инн. Крупнейший город на Зальцахе — Зальцбург (Австрия).

Инн — река в Швейцарии, Австрии и Германии, правый приток Дуная. Течет в Альпах и по Баварскому плоскогорью. Судходна от устья реки Зальцах. Крупнейший город на Инне — Инсбрук (Австрия).

²¹ *Мур* — река в Австрии, Словении, Хорватии и Венгрии (за территорией Австрии ее название — Мура), левый приток Дравы. Крупнейший город на Муре — Грац (Австрия).

Шварцвальд (Schwarzwald) — горный массив на юго-западе Германии протяженностью ок. 160 км. Тянется с юга на север вдоль реки Рейн почти до города Карлсруэ. Высота до 1493 м (гора Фельдберг). Знаменит своими хвойными и буковыми лесами и минеральными источниками.

²² *Lucri causa* — с целью получения прибыли; от *lucri* (*lucrum*) — выгода, прибыль, польза, нажива (лат.) и *causa* — причина, побудительное начало, цель, целевая причина (лат.).

²³ *Merchant adventurers* — торговые авантюристы (купцы-авантюристы); от *merchant* — купец, торговый, коммерческий (англ.) и *adventurers* — искатели приключений, авантюристы (англ.).

²⁴ *Superstitio* — суеверие (лат.).

²⁵ ἑχιδνα — ехидна, змея (греч.).

²⁶ ...эта борьба против евреев и других инородцев, кагорцев, ломбардцев и сирийцев... — кагорцами и ломбардцами называли всех южан, зани-

мающихся ростовщицеством. Слово «кагорцы» (как и слово «ломбардцы») к тому времени стало нарицательным. Им обозначали всякого христианского ростовщика вообще.

Кагор (Cahors) — город на юго-западе Франции на реке Ло. Административный центр департамента Ло. В настоящее время — один из центров виноделия во Франции.

²⁷ *...баварский герцог Людовик Богатый...* — по-видимому Вебер имеет в виду Людовика (Ludwig) IX герцога Ландсхутского (род. в 1417 г., герцог с 1450 г., умер в 1479 г.). Представитель одной из ветвей рода Виттельсбахов, правившего Баварией с XII в., нося последовательно титулы герцогов, курфюрстов и королей. Свергнуты революцией 1918 г.

²⁸ *Ad hoc* — к этому; для этого случая, для этой цели; специальный, наочитый (после существительного); к случаю, кстати; сверх (этого) (*лат.*).

²⁹ *Civis* — гражданин, согражданин, подданный (*лат.*).

³⁰ *Miles* — воин, солдат, боец (*лат.*).

³¹ *Вельзеры* (Welser) — южно-германский (аугсбургский) купеческий и банкирский дом, игравший значительную роль в конце XV—XVI вв. Ссужали деньгами Габсбургов и французских королей. Варфоломей Вельзер вместе с Фуггером ссудил Карлу V 12 т золота, за что пролучил во владение в 1526—1546 гг. провинцию Каракас в Венесуэле. Вельзеры разбогатели на торговле с Востоком, на эксплуатации серебряных рудников Тироля и на колониальном грабеже стран Южной Америки. В 1614 г. обанкротились.

³² *Коммандитное товарищество* — (commandite — «товарищество на вере») — предприятие, один или несколько участников которого отвечают по обязательствам товарищества всем своим имуществом, а остальные участники — только своими вкладами.

³³ *Кантон* — правильное Гуанчжоу (раньше — Гуань-чжоу-фу), один из крупнейших экономических центров и портов Южного Китая, административный центр провинции Гуандун, один из центров ремесла, второй после Шанхая китайский город по объему вывоза товаров, расположен в дельте Жемчужной реки (Чжу-цзян) близ Южно-Китайского моря. 120 храмов. Возник около III в. до н. э. В Кантоне всегда было много европейских факторий.

³⁴ *...до нанкинского мира (1842 г.)...* — Нанкинский договор 1842 г. — навязан Китаю Великобританией в результате англо-китайской войны 1840—1842 гг. Открывал для английской торговли 5 китайских портов, санкционировал захват Великобританией острова Сянган (Гонконг) и т. д.

Нанкин (Наньцзин) — один из крупнейших городов Китая, порт в низовьях реки Янцзы. Административный центр провинции Цзянсу. Основан в 472 г. до н. э.. В 1368—1421 гг. — столица Китая. В 1853—1864 гг. — столица государства повстанцев-тайпинов. В 1927—1937 гг. и в 1946—1949 гг. — местопребывание правительства Китайской республики (с 1937 по 1945 гг. Нанкин находился под японской оккупацией).

³⁵ *Нючван* — Нью-Чжуан — китайский город и порт в Южной Маньчжурии, в устье реки Ляохэ, через который осуществлялся ввоз японских товаров, угля и др. С 1858 г. Нью-Чжуан открыт для европейской торговли.

³⁶ *...в период правления монгольских императоров...* — после прекращения правления императоров династии Тан (в 904 г.), объединившей Китай и даже расширившей его владения, в государстве снова начались смуты; большей частью страны завладели монголы, основавшие монгольскую (Юаньскую) императорскую династию, правившую с 1289 г. по 1367 г.

Чжу, основатель династии Минь (1368—1644 гг.) сверг господство иноземцев.

³⁷ *Livery company* — от англ. *livery* — ливрея, костюм члена гильдии, наряд, убор и сотрапу — общество, компания, товарищество. Представители целого ряда гильдий, объединяющих богатых, процветающих ремесленников или торговцев одевались в специальные, особые костюмы членов данной гильдии, отличающие их от представителей всех других гильдий. Однако позволить себе это могли только богатые ремесленники и торговцы.

³⁸ *Орнат* — от лат. *ornatus* — облачение, одежда, наряд, снаряжение, вооружение; снаряженный, красивый и т. д. Примерно то же, что и *livery* — особый наряд члена данной гильдии, которым последний выделяет себя среди других горожан и представителей других гильдий. В средние века в восточно-христианском искусстве орнатом называлось торжественное царское одеяние главного персонажа религиозной сцены.

³⁹ *Capitano del popolo* — *Capitanus populi* — капитан (предводитель) народа (лат.). *Capitaneus populi et communis* — капитан народа и коммуны (лат.).

⁴⁰ *Krämer* — мелочный торговец, мелкий лавочник; торгаш (нем.).

Gewandsschneider — сложное слово состоящее из слов *Gewands* — одеяние, одежда, платье (поэт., нем.) и *schneide* — лезвие, острие (нем.) (*schneider* — резак; портной).

⁴¹ *Вира* — в Древней Руси пеня в пользу князя за убийство свободного человека или за увечье (за увечье платили полувирью). Дикая вира — пеня, которую платила община (вервь), если убийца, совершивший преступление на земле этой общины, не был пойман.

⁴² *Thesaurus* — правильно *thesaurós* — сокровище, сокровищница, клад (греч.).

Сокровище Нибелунгов — золото нибелунгов, спрятанное в виде клада. Легенда о сокровищах нибелунгов генетически связана с золотым кладом карлика Андвари, который включал и золотое кольцо, обладавшее волшебным свойством умножать богатство; но Андвари наложил на золото проклятие: оно будет стоить жизни всякому, кто им завладеет. Так оно и случилось: все обладатели клада погибли, включая и последнего из них — Зигфрида (Сигурда). Тема клада, приносящего несчастье его обладателю, занимает видное место в германо-скандинавском эпосе.

Нибелунги (*Nibelunge*, по-сканд. *Niflungar*) — бургундское родовое имя, заимствованное у них франками. Имя «Нибелунги» связывали также с древне-исландским Нифльхеймом — миром мрака, загробным миром (населенным мифическими карликами), т. е. истолковывали как «подземные хранители клада». В немецкой «Песни о нибелунгах» нибелунгами названы первоначальные обладатели клада (которым затем завладел Зигфрид) — король «страны нибелунгов», его сыновья Шильбунк и Нибелунг и их дружинники — сказочные существа (великаны или люди огромного роста и необычайной силы), а также бургундские короли Гибхунги (Гунтер и его братья) — после перехода в их руки клада.

⁴³ *...арагонитными камнями...* — *арагонит* — минерал класса карбонатов, углекислая известь ($\text{Ca}[\text{CO}_3]$). Получил свое название по месту находки — области Арагон в Испании. Бывает бесцветным, белым, желтоватым, серым, розовым, голубым и фиолетовым до черного; обладает стеклянным блеском. В виде кристаллов встречается в пустотах и трещинах вулканических горных пород. Разновидности арагонита: *конхит* — основная составная часть (наряду с хитином) жемчуга и перламутрового

слоя раковин моллюсков; *гороховый камень* — цементированные оолиты арагонита.

⁴⁴ *Каури* (ужовка, змеиная голова — лат. *Surgaea moneta*) — два вида брюхоногих моллюсков подкласса переднежаберных, семейства ужовковых (*Surgacidae*). Раковина длиной до 10 см овальная, блестящая, обычно пестрая. Водится главным образом в тропических морях. Раковины каури в древности и до начала XX в. употреблялись у народов Азии, Африки и островов Тихого океана в качестве т. н. раковинных денег (разменная монета Гвинеи, равная $\frac{1}{100}$ сили до сих пор называется каури). Используются для изготовления украшений.

⁴⁵ *Солид* (лат. *solidus* — самородный) — римская золотая монета периода поздней античности весом 4,55 г, равная $\frac{1}{72}$ римского фунта. Впервые солиды начал чеканить император Константин I в 309 г. вместо золотого динария. С 324 г. солид распространился по всей Империи. Позже (вплоть до гибели Византийского государства) солид — золотая монета Византии. Солид оказал влияние на чеканку денег времен великого переселения народов. Слово «солид» сохранилось в итальянском языке — *soldo*, во французском — *sou* и в немецком — *solid*.

⁴⁶ *Лидия* — в древности страна на западе Малой Азии, населенная племенами лидийцев. В VII—VI вв до н. э. — независимое государство. В VI—IV вв. до н. э. Лидия находилась под властью персов, затем входила в державу Александра Македонского, государства Селевкидов, Пергама и Рима (составляла часть провинции Азия).

⁴⁷ *Шекель* — денежная единица Израиля. Шекель равен 100 агорам. В настоящее время (с 1980 г.) шекелем стали называть прежний израильский фунт.

Таэль (*tael*) — раздробленные штемпелеванные слитки серебра; то же, что и лян. Лян (лана) — китайская мера веса, главным образом для серебра. Лян равен 10 цян (чин), которые равны 100 фынь, которые, в свою очередь, равны 100 ли.

⁴⁸ *Дарейка* — имеется в виду Дарик (*греч. daricos*) — древняя персидская золотая монета с изображением царя с луком в руках; введена Дарием I около 516 г. до н. э.; равна 20 аттическим драхмам; первая известная монета из золота, вес — 8,4 г.

⁴⁹ *Капуя* (Капуа — Саруа) — город и крепость в Италии в провинции Казерта (Кампания), на реке Вольтурно. Древняя Капуя располагалась на 4 км восточнее современной.

⁵⁰ *Латинский Монетный Союз* — был заключен в 1865 г. между Францией, Италией, Бельгией и Швейцарией; в 1868 г. к Союзу присоединилась и Греция. Союзом установлено единство монеты в этих государствах на началах биметаллизма.

⁵¹ *Сестерций* (лат. *sestertius*, от *semis tertius* — половина трети) — первоначально (со 2-й половины III в. до н. э.) самая мелкая древне-римская серебряная монета достоинством 2,5 асса (а также 2,5 динария), бывшая в обращении до самого конца существования римского государства. В период поздней Республики сестерций был уже бронзовой (медной) монетой; Август велел чеканить его весом 23,7 г из латуни. В начальный период Империи вес сестерция часто уменьшался; согласно постановлению сената в 15 г. до н. э. сестерций стал равняться 4 ассам и весить 1 унцию (27,288 г.). После хозяйственных неурядиц в III в. н. э. чеканка сестерция прекратилась. 1000 сестерциев обозначались словом *Sestertium*.

⁵² *Времена Республики* — с 510/509 гг. до н. э., когда из Рима был изгнан последний царь Тарквиний Гордый и до 27 г. до н. э., когда после

победного завершения гражданских войн Октавиан получил от сената титул «Августа» и Рим стал империей.

⁵³ *Aureus* — золотой денарий (червонец), равен 100 сестерциям. (*aureus* — золотой (лат.)).

⁵⁴ *Эпоха Константина* — период правления императора Константина Великого — первая треть IV века.

Константин Великий (ок. 285—337) — Гай Флавий Валерий Константин I Великий (Gaius Flavius Valerius Constantinus) — римский император; в 306 г. избран войском в Августы. После победы над Максенцием в 312 г. и над Лицинием в 323 г. стал единоличным правителем в Римской империи. Последовательно проводил централизацию государственного аппарата, поддерживал христианскую церковь, в то же время сохраняя языческие культы. В 324—330 гг. основал новую столицу империи Константинополь на месте города Византий, упрочил положение сенаторов и активно привлекал их к управлению государством. Начатое еще Галлиеном разграничение военного и гражданского управления получило при Константине окончательное оформление. Усилилось профессиональное прикрепление сословий, в первую очередь колонов, к земле. Введение в обращение золотого солида стабилизировало денежную единицу. Русская православная и армянская григорианская церкви чтят Константина Великого как святого.

⁵⁵ *Нерон* (Nero) (37—68) — римский император, последний из династии Юлиев-Клавдиев. При рождении получил имя Луций Домиций Агенобарб. Был усыновлен императором Клавдием, получил имя Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь и женился на дочери Клавдия Октавии. После отравления Клавдия Агриппиной был возведен преторианцами на престол (в 54 г.) Согласно источникам — жестокий, самовлюбленный, развратный. В 59 г. убил свою мать Агриппину, а в 62 г. — жену Октавию. Репрессиями и конфискациями восстановил против себя разные слои римского общества. В 64 г. после страшного пожара, уничтожившего $\frac{2}{3}$ города Рима, Нерон, чтобы отвести от себя подозрения в поджоге, обвинил в нем евреев и христиан (первое гонение христиан). С этого же года он стал выступать как актер, певец и возница на арене цирка. Свергнутый Гальбой, 9 июня 68 г. Нерон покончил с собой.

⁵⁶ *Денарий* (от лат. *deni* — по десять) — римская серебряная монета, первоначально равная 10 асса́м; стала чеканиться, по-видимому, со времени 2-й Пунической войны; была сначала весом 4,55 г ($\frac{1}{72}$ фунта). Во время Империи масса денария уменьшилась; сначала он стал весить 3,9 г., а при Нероне — уже 3,4 г. В дальнейшем денарий еще больше обесценился. В средние века денарием назывался ряд различных монет (*франц. denier*). Название «денарий» сохранилось в названиях монет — «динар» (Югославия, Иордания, Иран, Ирак) и в сокращениях для пфеннига и для английского пенса.

⁵⁷ *Каракалла* (Caracalla) — прозвище римского императора Марка Аврелия Севера Антонина (Marcus Aurelius Severus Antonius) (186—217), полученное им за пристрастие к галльской одежде. Первоначально носил имя Септимий Бассиан, был сыном первого провозглашенного солдатами императора Септимия Севера. В 211 г. вместе со своим братом Гетой вступил на престол, в 212 г. убил брата и стал единоличным правителем империи. В том же году издал эдикт о даровании прав римского гражданства жителям римских провинций. Политика давления на сенат, казни знати, избиение жителей Александрии, противившихся дополнительно набору в армию, жестокий и тиранический характер, вызывали не-

довольство и привели к убийству Каракаллы заговорщиками.

⁵⁸ *Solidus* — см. выше, прим 45 к наст. главе.

⁵⁹ *Талер* (нем. Taler) — золотая и серебряная монета; была впервые отчеканена в 1518 г. в Богемии в городе в Иоахимстале из серебра (28 г). С 1555 г. — денежная единица северо-германских государств, а затем Пруссии и Саксонии. Прусский рейхсталер (с 1764 г.) был равен 1,5 гульдена или 3,0067 марки. Немецкий талер монетного союза с 1857 г. был равен 3 маркам. Немецкий талер, с 1871 г., равный 3 золотым немецким маркам, изъят из обращения в 1907 г. Австрийский талер Марии Терезии 1780 г. — одно из самых любопытных явлений в истории распространения металлических денег — чеканился в Вене еще в начале XX в. (в то время, когда он уже давно вышел из употребления в Европе) для обращения в Северной Африке.

Название талер применялось с некоторыми изменениями к крупным серебряным монетам Италии (талеро), Нидерландов (даалдер), Испании (далеро), США (доллар) и некоторых других стран.

⁶⁰ *Фунт стерлингов* или *соверен* (sovereign) — английская золотая монета в 7,3224 г чистого золота, до 1971 г. делилась на 20 шиллингов, каждый из которых, в свою очередь, состоял из 12 пенсов. В настоящее время фунт стерлингов равен 100 пенсам.

Шиллинг (английский) — английская серебряная монета и счетно-денежная единица Великобритании до перехода на десятичную денежную систему в 1971 г.; равнялась одной двадцатой части фунта стерлингов, делилась на 12 пенсов.

Пенс (пенни) — (реппу, множ. пенсе) — английская старинная серебряная монета. С конца XVII в. пенни чеканились из меди, с 1860 г. — из бронзы. В настоящее время — разменная монета Великобритании. Один пенни равен одной сотой части фунта стерлингов. До 1971 г. в фунте стерлингов было 240 пенни, а в шиллинге — 12. Пенсом называется также разменная монета Финляндии.

⁶¹ *Florenus, florin* — золотая монета Флоренции (florin de Florence), XIII—XVI вв., затем перешла во Францию и другие государства Западной Европы; наряду с золотыми, чеканились и серебряные флорины. В Италии флорином называют нидерландский гульден и дукаты.

⁶² *Крестовые походы* — походы (1096—1270) на Ближний Восток (в Сирию, Палестину, Северную Африку), организованные западно-европейскими феодалами и католической церковью под лозунгами борьбы против «неверных» (мусульман), за освобождение «Гроба Господня» и «Святой Земли» (Палестины).

⁶³ *Васко да Гама* (Vasco da Gama), граф Видигейра (1469—1524) — португальский мореплаватель; 7 июля 1497 г. по заданию короля Эммануила Великого отправился из Лиссабона в исследовательское плавание обогнул мыс Доброй Надежды и 20 мая 1498 г. бросил якорь в порту Калькутты на Малабарском побережье Индии, открыв таким образом морской путь в Индию. В сентябре 1499 г. с ценным грузом пряностей вернулся в Португалию. В 1502—1503 гг. и 1524 г. совершил еще 2 плавания. В 1502—1503 гг. жестоко подавил восстание в Индии. В 1524 г. был назначен вице-королем Индии.

Альбукерк (Albuquerque) Альфонсо (1453—1515) — португальский завоеватель, с 1509 г. — вице-король португальских владений в Индии, завоевал Гоа, Малакку, Цейлон, Зондские острова и Ормуз.

⁶⁴ ...изобретение рационального способа обработки серебра посредством амальгамации с ртутью... — амальгамация в цветной металлургии —

способ извлечения металлов из руд или концентратов при помощи ртути. При смачивании ртутью металлы образуют амальгамы и отделяются от пустой породы. Используется в основном для извлечения благородных металлов.

⁶⁵ *Гульден* (нем., Gulden, от Gold — золото) (флорин) — золотая, затем серебряная монета в некоторых европейских странах в XIII—XX вв.: во Флоренции, во Франции, в Германии, Австрии (до 1892 г.), в Нидерландах (по настоящее время — основная денежная единица) и др. См. также выше, прим. 61 к наст. главе.

⁶⁶ *Ньютон* (Newton) Исаак (1643—1727) — английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики, президент Лондонского королевского общества. Разработал (независимо от Лейбница) дифференциальное и интегральное исчисления, сформулировал основные законы классической механики, открыл законы всемирного тяготения.

⁶⁷ *Фердинанд I* (Ferdinand, 1503—1564) — австрийский эрцгерцог; в 1521 г. получил во владение австрийские земли, с 1526 г. — король Богемии и Венгрии, с 1531 г. — римский король, с 1556 г. — император «Великой Римской империи»; вел войну в Венгрии с турецким султаном Сулейманом I. Фердинанд был убежденным сторонником католицизма, но к концу жизни стал терпимее относиться к протестантам.

⁶⁸ *Гиней* (guinea) — английская золотая монета, чеканилась в 1663—1817 гг.; с 1717 г. равнялась 21 шиллингу. Заменена золотым sovereignом. См. также комментарий 76 к Главе 3 (Фунт стерлингов).

⁶⁹ Имеется в виду Великая Французская (буржуазно-демократическая) революция 1789—1794 гг. в результате которой был свергнут король Людовик XVI и провозглашена Республика (первая).

⁷⁰ Воспользовавшись как предлогом кандидатурой принца Гогенцоллернского на испанский престол, французское правительство 19 июля 1870 г. объявило войну Пруссии. Но в результате ряда неудач французская армия была уничтожена при Меце и Седане, император Наполеон III попал в плен, 4 сентября была свергнута империя и провозглашена Третья республика. Страну возглавило правительство национальной обороны под председательством генералом Луи Трошю. Несмотря на энергичные действия Леона Гамбетты, оно не смогло освободить от осады Париж, который сдался 28 января 1871 г. 13 февраля в Бордо было созвано национальное собрание, назначившее главой исполнительной власти Адольфа Тьера. 1 марта был заключен унижительный для Франции preliminary мир в Версале, а 19 мая мир во Франкфурте, по которому Франция уступила Пруссии Эльзас-Лотарингию и уплатила 5 млрд. франков контрибуции.

⁷¹ *Марка* — денежная единица и монета в Германии равная 100 пфенигам; содержит $\frac{100}{270}$ г чистого золота; чеканилась золотой монетой в 10 марок (крона) и в 20 марок (двойная крона) и серебряной монетой в 5, 2, 1 и 0,5 марки. Маркой называется также денежная единица Финляндии (финская марка).

⁷² *Rescriptum* — принятое обязательство, обязанность, гарантия (лат.).

⁷³ *Acceptum ferre* — записать на приход (accertum — поступление, доход, лат.). *Expensum ferre* — записать на расход (expensum — расход, затрата, лат.).

⁷⁴ *Хаммурапи* — вавилонский царь, правивший около 2200 г. до н. э., известен как устроитель государства и законодатель. В 1901 г. в городе Суза был найден диоритовый камень с вырезанным на нем сборником законов царя Хаммурапи. Сходство законов Хаммурапи с Моисеевым зако-

нодательством является предметом обсуждения в обширной полемической литературе.

⁷⁵ *...храм бога солнца в Сиппаре...* — древний храм в городе Сиппар (примерно в 25 км к северу от Вавилона на реке Евфрат) в Вавилонии в честь бога Самаса (Солнца). Развалины храма сохранились до наших дней. Самас, наряду с Сином (Луной) и Иштар (Венерой) — наиболее влиятельное вавилонское божество второго уровня (высшее божество Вавилонии — Илу).

...храм Аммона в Египте... — Аммон (Амон) — сначала местное фиванское божество, позже верховный египетский бог, у греков впоследствии был отождествлен с Зевсом. Амону были присвоены атрибуты бога солнца Ра (голова овна с рогами — боги в Египте воплощались в священных животных), после чего его полное имя стало Амон-Ра. Аменхотеп III построил в Фивах Великий храм Амона, который существенно расширил храмовый комплекс Карнака.

...государственной кассой аттического морского союза был храм Афины... — до переезда в 454 г. до н. э. в город Афины руководящий орган Афинского (Аттического) морского союза — союзный совет — располагался на острове Делос, где находилась и управляемая десятью афинскими гелленотамеями союзная казна. Касса находилась в храме Аполлона. Храм Афины Девы (Парфенон) стал выполнять функции хранителя кассы лишь с 454 г., после переезда союзного совета и казны в Афины.

⁷⁶ *Конкурсы* — а) стечение денежных требований нескольких кредиторов к несостоятельному должнику; б) особый порядок для их удовлетворения; в) совокупность органов (собрание кредиторов и избранное им конкурсное управление), производящих это удовлетворение. Все имущество несостоятельного должника, поступающее в конкурсное управление, называется конкурсной массой. Открытие и закрытие конкурса находится в ведении суда.

⁷⁷ *...эмиссия банковских билетов...* — эмиссия (от лат. emissio — выпуск) — выпуск в обращение банковских и казначейских билетов, бумажных денег и ценных бумаг. Эмиссия денег ведет к увеличению денежной массы в обороте. Эмиссия ценных бумаг может быть частной (выпуск акций и облигаций акционерными компаниями, торгово-промышленными компаниями и кредитными учреждениями) и государственной (выпуск облигаций государственного займа).

⁷⁸ *Cambium (лат.)* — cambio, т. е. размен (итал.) — заемное письмо, вексель.

Рекамбио (итал. recambio — обратный вексель) — иначе *ре-тратта* — а) требование к одному из обязанных по векселю лиц, предъявленное лицом, оплатившим опротестованный вексель, о возмещении ему внешней суммы и об уплате процентов, пени и расходов по протесту; б) счет банка клиенту на возмещение расходов, связанных с протестом принятого на инкассо векселя.

Камбист (итал. cambista — меняла) — лицо, занимавшееся вексельными операциями и торговлей иностранными монетами.

⁷⁹ *Война за Испанское наследство* — война 1701—1714 гг., начавшаяся после прекращения со смертью Карла II (ноябрь 1700 г.) испанской линии Габсбургов. На владения покойного Карла объявили притязания Людовик XIV (для своего внука Филиппа Анжуйского) и император Леопольд I (для сына Карла) Последнего поддержали Англия, Нидерланды и Германская империя. Полководцы союзников принц Евгений и герцог Мальборо в 1704—1709 гг. одержали блестящие победы (при Гохштедте,

Рамильи, Турине, Уденарде Мальплаке) и Людовик XIV готов был отказаться от наследства, но в 1711 г., вследствие смерти императора Иосифа I и вступления на престол претендента Карла, произошел поворот в политике Англии; морские державы в 1713 г. заключили мир с Францией в Утрехте, после чего и император Карл VI в 1714 г. заключил мир в Раштадте, а Германская империя в Бадене; Филипп V получил Испанию с колониями, а император — испанские Нидерланды, Неаполь, Сардинию и Милан.

⁸⁰ *Вексель* (нем. Wechsel, буквально — обмен) — вид ценной бумаги, абстрактное денежное обязательство строго установленной законом формы, безусловный и беспорный долговой документ. В международной торговле и во внутреннем обороте развитых стран используется как одно из важных средств расчетов и кредитования. В процессе вексельного обращения к векселедателю и акцептанту могут присоединиться и другие лица, например, индоссанты, передающие векселя по индоссаменту, и авалисты. Различают два вида векселей: простой и переводный. *Простой вексель* — ничем не обусловленное обязательство лица, его выдавшего, об уплате означенной суммы денег по требованию или в определенный срок поименованному в векселе лицу или его приказу (т. е. другому указанному им лицу). *Переводный вексель* (*тратта* — итал. tratta) — документ, содержащий ничем не обусловленный приказ векселедателя плательщику произвести платеж определенной денежной суммы лицу, указанному в векселе, или его приказу — по предъявлении векселя или в какой-либо определенный срок. Плательщиком по тратте (трассатом) обычно является не векселедатель, а третье лицо — акцептант (обычно банк, который путем акцепта принимает на себя безусловное обязательство осуществить уплату. Все обязанности по тратте лица отвечают перед законным держателем векселя как солидарные должники. Одно из важных условий сохранения за векселедержателем права на иск против всех обязанных по тратте лиц — протест векселя, совершаемый как официальное подтверждение факта неоплаты тратты.

Векселедержатель — владелец векселя, имеющий право на получение указанной в нем суммы денег. Лицо, обозначенное в качестве получателя на самом векселе, называется первым векселедержателем (ремитентом). При передаче векселя законным векселедержателем является лицо, основывающее свое право на непрерывном ряде индоссаментов. Если векселедержатель приобрел вексель недобросовестно или, приобретая его, совершил грубую неосторожность, он обязан передать его бывшему владельцу. Векселедержатель имеет право на получение платежа по векселю от акцептанта (векселедателя простого векселя). Векселедержателю принадлежит также ряд других прав, предусмотренных вексельным законодательством, в том числе совершение протеста, предъявление судебных исков и др.

Трассант (нем. Trassant от итал. trassante) — векселедатель тратты, отвечает за акцент и платеж по векселю. Подпись трассанта — обязательный реквизит тратты. Трассант может сложить с себя ответственность за акцент, однако всякое условие, по которому он слагает с себя ответственность за платеж, считается ненаписанным.

Трассат (нем. Trassat от итал. trassare — переводить по векселю) — плательщик (должник) по тратте. Указание трассата — обязательный реквизит тратты. Трассат становится ответственным лицом только после акцепта векселя, что равносильно обязательству уплатить его в установленный срок.

⁸¹ *Акцепт* (от лат. *acceptus* — принятый) — надпись на векселе, удостоверяющая, что лицо, сделавшее эту надпись (акцептант), приняло (акцептировало) вексель к платежу в срок. 1) В гражданском праве согласие заключить договор на условиях, указанных в предложении (оферте). Акцепт должен быть полным и безоговорочным. Безусловное согласие с офертой признается акцептом, если оно получено предлагающей стороной в оговоренные предложением сроки; 2) В банковских расчетах — согласие покупателя оплатить вексель (вексельный акцепт), чек (чековый акцепт) и т. п.; 3) В страховании — проставление на слипе (квитанции) представителем страховщика (перестраховщика) своих инициалов в подтверждение согласия на участие в страховании (перестраховании) в означенном в слипе риске и на указанных в нем условиях. Обычно вместе с инициалами проставляются размер участия и дата вступления в договорные отношения; 4) В социалистических странах — одна из форм безналичных расчетов между социалистическими организациями.

Акцептант — лицо, принявшее на себя обязательство уплатить по предъявленному счету, векселю.

⁸² *Индосат* — лицо, получающее вексель или иную ценную бумагу по передаточной подписи (индоссаменту).

Индосант — лицо, делающее на обороте векселя или иной ценной бумаги передаточную надпись (индоссамент).

Индоссамент (нем. *Indossament*) — передаточная надпись на обороте векселя или другого документа (например, чека, коносамента, варранта и некоторых других ценных бумаг), которой оформляется передача прав по этим документам от одного лица (индоссанта) другому (индоссату). Вексель передается надписателем, индоссантом, в собственность другого лица только по такой надписи; различают именной, орденный индоссамент (с указанием лица, которому передается вексель) и бланковый (предъявительский) индоссамент (одна подпись без указания лица, которому уступается документ; вексель становится собственностью держателя, индоссата). Индоссамент по векселю или чеку возлагает на индоссата ответственность за платеж по этому документу.

⁸³ См. выше, прим. 79 к Главе 3.

⁸⁴ *Стюарты* (Stuart, Stewart) — королевская династия в Шотландии (1371—1714) и в Англии (1603—1649, 1660—1714). Наиболее известные представители: Мария Стюарт, Яков (Джеймс) I (в Шотландии Яков VI), Карл (Чарльз) I, Карл II, Яков II.

Кромвель (Cromwell) Оливер (1599—1568) — деятель Английской буржуазной революции XVII в., руководитель индепендентов. Опираясь на армию, в 1648 г. изгнал из парламента пресвитериан, содействовал казни короля и провозглашению республики (1649), власть в которой была сосредоточена в руках сторонников Кромвеля. С 1650 г. — лорд-генерал (главком всех вооруженных сил). Подавил движения левеллеров и диггеров и освободительные движения в Ирландии и Шотландии. В 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры — протекторат Кромвеля.

⁸⁵ *Goldsmithnotes* — здесь Вебер использует определенную игру слов: в то время как слово *goldsmith* определенно обозначает лишь ювелира, золотых дел мастера (англ.), то термином *notes* в английском языке обозначается не только клеймо, репутация мастера, но и расписка, вексель, банкнота.

⁸⁶ *Вильгельм Оранский* — Вильгельм III Оранский (Willem van Oranje) (1650—1702) — с 1652 г. штатгальтер Нидерландов; прославился как мужественный защитник отечества; в 1678 г. продолжал войну с француза-

ми, но был вынужден признать Нимвегенский мир. С 1689 г., — английский король. Призван на английский престол в ходе государственного переворота 1688—1689 гг. («Славной революции»), до 1694 г. правил совместно с женой — Марией II Стюарт.

Людовик XIV (Louis le Grand, le Roi Soleil) (1638—1715) — французский король с 1643 г. Его правление — апогей французского абсолютизма (легенда приписывает Людовику XIV изречение: «Государство — это я»). Сначала, окружив себя талантливыми людьми (Кольбер и др.), правил на пользу государству. Но многочисленные войны (Деволюционная война 1667—1668), война за Испанское наследство (1701—1714) и др.), высокие налоги, большие расходы двора, преследования гугенотов, вызвавшие их массовую эмиграцию, постепенно привели государство в упадок, вызвали недовольство практически всех слоев населения страны и многочисленные восстания.

⁸⁷ *Виги* (whigs, англ., шотл. происхождения) — старое название либеральной парламентской партии Великобритании (до середины XIX в.). Возникла в начале 80-х гг. XVII в. как группировка обуржуазившейся дворянской аристократии и крупной торговой и финансовой буржуазии. В самом начале находилась в оппозиции к Карлу II и была названа его сторонниками вигами в насмешку по имени шотландских пуритан (whigamore).

Партия вигов чередовалась у власти с возникшей примерно в то же время и стоявшей на стороне короля партией *тори* (tory, англ.), выражавшей интересы земельной аристократии и высшего духовенства англиканской церкви. Была названа так оппозиционерами в насмешку по ирландскому прозвищу папистов, опустошавших страну под предлогом восстановления и защиты королевских прав. В середине XIX в. на ее основе сложилась Консервативная партия Великобритании.

⁸⁸ *«единое государство Великого Могола...»* — огромная империя в Центральной Азии, возникшая в результате завоевания тюркским завоевателем Великим Моголом (Бабуром) областей Кашгар, Кандагар и Кабул. В 1528 г. Бабур покорил весь Индостан и избрал своей резиденцией Дели. Империей после Бабура правили его потомки; при Алуме II империей завладели англичане (в 1788 г.) и Великие Моголы стали зависимыми от Великобритании.

Бабур («лев») Шир-Эддин-Магомет (1483—1530) — потомок Тимура, в 1494 г., сын и наследник Омар-шейха.

⁸⁹ *Митиит* — давать в долг (лат.).

⁹⁰ *Книга Второзакония* — пятая книга Пятикнижия.

Пятикнижие — первые 5 книг Ветхого Завета, приписываемых Моисею: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Основная часть Пятикнижия создана в IX—VII вв. до н. э., но основная редакция его относится к V в. до н. э.

Тора (евр. учение) — закон Моисея — так в иудаизме называется Пятикнижие, по-существу составляющее еврейское вероучение. Кроме того Тора — свитки, из которых в синагоге читается Пятикнижие.

⁹¹ **Маймонид** (Maimonides) (Моше бен Маймон) (1135—1204) — еврейский философ; родился в Испании, с 1165 г. жил в Египте, придворный врач Салах-ад-дина. Стремился синтезировать библейское откровение и учение Аристотеля в интерпретации арабских мыслителей. Оказал влияние на схоластику XIII—XIV вв. (особенно аристотелизм Альберта Великого и Фомы Аквинского). Главное сочинение — «Путеводитель колеблющихся» (на арабском языке).

⁹² *Климент Александрийский* Тит Флавий (? — до 215 г.) — христианский теолог, философ и писатель, стремился к синтезу эллинского философского гуманизма и христианской веры.

⁹³ *Папа Григорий IX* — папа с 1227 по 1241 гг.; беспощадный преследователь еретиков; боролся с императором Фридрихом II; умер в возрасте 100 лет.

⁹⁴ *Montes pietatis* — ломбарды, учреждения, дающие деньги под залог (лат.).

⁹⁵ ...*между епископами бамбергскими и бургграфами нюрнбергскими из гогенцоллернского дома...* — епископство Бамбергское было учреждено в 1007 г.; в 1802 г. подверглось секуляризации; в 1817 г. было возведено в архиепископство. *Бамберг* (Bamberg) — город в Баварии, в Верхней Франконии, на реке Регниц.

⁹⁶ *Кальвин* (Calvin, Calvinus) Жан (1509—1564) — один из виднейших деятелей Реформации, основатель кальвинизма. Француз. Главное сочинение — «Наставление в христианской вере». Став в 1541 г. фактическим диктатором Женевы, превратил ее в один из центров Реформации. Отличался крайней религиозной нетерпимостью.

⁹⁷ *Салмазий* (Salmasius) Клавдий, настоящее имя — Клод де Сомез (Claude de Saumaise) (1588—1653) — знаменитый полигистор, автор работ по филологии, истории, праву («Оправдание процентов») и т. д.; француз; считался ведущим филологом XVII в. В 1649 г. опубликовал «Defensio regia pro Carolo I», что вызвало знаменитый ответ Мильтона.

Глава 4

¹ *Стéвин* (Stevin) Симо́н (1548—1620) — нидерландский математик, физик и инженер, открыл параллелограмм сил, изучал движение по наклонной плоскости (доказал закон равновесия тела на наклонной плоскости, исходя из невозможности вечного двигателя), гидростатику, навигацию, ввел в употребление десятичные дроби (в Европе) и отрицательные корни уравнений, открыл так называемый гидростатический парадокс.

² *Publicani* — мн. ч. от лат. publicanus — откупщик государственных доходов (преимущественно налогов).

³ *Фландрия* — см. ниже, прим. 11 к гл. 1.

⁴ *Штирия* (Steiermark) — одна из земель в Австрии (на юге страны); административный центр — город Грац. Первоначально Штирия составляла часть Каринтии, с 1035 г. она — немецкое маркграфство, с 1180 г. — герцогство, которое в 1192 г. было присоединено к Австрии.

Иглау — *Йиглава* (чешск. Jihlava, нем. Iglau) — город в Моравии на реке Йиглаве В 1436 г. в Йиглаве был подписан Йиглавский договор, по которому король Сигизмунд был провозглашен королем чешским.

⁵ *Генеральные Штаты* (франц. États généraux, гол. Staaten Generaal) — во Франции и Нидерландах. Здесь импеются ввиду Генеральные Штаты в Нидерландах исторических — высшее сословно-представительное учреждение, собрание депутатов от провинциальных штатов, являвшееся верховным законодательным органом союза (с 1463 г.); ныне — название парламента Нидерландского королевства.

⁶ *Консоль* — термин, в Англии обозначающий то же, что в обычном юридическом языке называется *консолидацией*.

Консолидация (лат. consolidatio от con — с, вместе и solidare — уплотнять, укреплять, сращивать) — обращение текущих государственных дол-

гов в постоянные; слияние нескольких разновременных государственных займов в один консолидированный заем (операция по превращению краткосрочных государственных займов в долгосрочный или бессрочный заем).

⁷ *Бургонь* — Бургундия (Bourgogne) — историческая провинция во Франции, в бассейне реки Сена и немного южнее. На территории Бургундии расположены департаменты современной Франции Кот-д'Ор, Сона и Луара, частично Йонна. Главный город — Дижон. В средние века названия Бургундия носили различные государства и территориальные образования: королевства (с центром в Лионе в V—VI вв. и с центром в Арле в X—XIV вв.), графство, герцогство (с центром в Дижоне) в IX—XV вв., вошедшее в 1477 г. в состав Французского королевства. До 1790 г. Бургундия имела статус провинции.

⁸ *Exchequer* — казначейство, казна, ресурсы, финансы (англ.).

⁹ *Идрия* (Idrija) (в Крайне) — город в Словении на реке Идрица притоке реки Соча (Изонцо), к западу от Любляны; один из старейших (с XV в.) в мире центров добычи ртуты.

Крайна (слов. Krajina, нем. Krain) — западная часть Словении, историческая область. Ядро Крайны — земли в бассейне верховья реки Сава. Это гористая страна, прорезанная на севере Юлийскими Альпами (с горой Триглав) и Караванками (Караванке), а на юге Красом, с реками Сава и ее притоками: Купа, Бистрица, Крка. В конце VI в. заселена славянами. С конца VIII в. — в составе государства франков; позже была под властью Габсбургов. В настоящее время вся территория Крайны входит в состав Словении.

¹⁰ *Фридрих II Штауфен* (Friedrich II Staufen), (1194—1250) — с 1212 г. — король и император «Священной Римской империи»; с 1197 г. — король Сицилии. Свое наследное королевство Сицилию превратил в централизованное государство с прогрессивным государственным устройством; предпринял крестовый поход и в 1229 г. вновь вернул христианам Иерусалим; вел ожесточенную борьбу с ломбардскими и другими северо-итальянскими городами, а также с папами (Григорием IX, который отлучил его от церкви, и Иннокентием IV); разбил ломбардцев в 1237 г. при Кортенуова; Лионским собором в 1245 г. был объявлен отрешенным от престола; в 1248 г. потерпел поражение от ломбардцев при Парме.

¹¹ *Ло* (Law) *Джон* (1671—1729) — французский финансист, родом из Британии. В своем сочинении «Money and Trade» (1705 г.) и других работах доказывал целесообразность введения бумажных денег; в 1716 г. основал в Париже частный акционерный банк, превращенный в 1718 г. в государственный; учредил акционерную компанию для эксплуатации земель вдоль реки Миссисипи в Луизиане (Compagnie des Indes); с 1719 г. — генеральный контролер финансов Франции. Выпуск акций Compagnie des Indes вызвал бешеную биржевую спекуляцию, скоро приведшую к страшному краху. Банк, выпустивший при ничтожном обеспечении 3 млрд. ливров бумажных денег, оказался несостоятельным. Наступило его полное разорение. В 1720 г. Ло бежал в Брюссель.

¹² *Луизиана* (Louisiana) — один из южных штатов США на берегу Мексиканского залива с административным центром в городе Батон-Руж. Крупнейший город — Новый Орлеан. С севера на юг Луизиана пересекается и орошается рекой Миссисипи.

¹³ *Ливр* (франц. livre, от лат. libra — римский фунт) — монета, денежная единица Франции до введения в 1799 г. франка, стоимость которой варьировалась в зависимости от времени и места. Ливр обращался также в других странах, в том числе в Великобритании. Ливр, в качестве де-

нежной единицы до сих пор сохранился в Великобритании как фунт стерлингов, в Египте и др.

¹⁴ *...после окончания войны за освобождение Европы от Наполеона...* — военная кампания 1813—1814 гг. в ходе которой войска антинаполеоновской коалиции (Россия, Австрия, Швеция, Пруссия) освободили от французского владычества европейские страны и перенесли боевые действия на территорию собственно Франции, результатом чего стало первое отречение Наполеона I Бонапарта 20 апреля 1814 г., и финал знаменитых наполеоновских 100 дней (возвращение Наполеона на престол Франции из ссылки на острове Эльба) — битву при Ватерлоо 18 июня 1815 г.

¹⁵ *Консигнант* — владелец товара, продаваемого за границу через посредство комиссионера (консигнатора).

Консигнация (лат. consignatio — письменное доказательство, документ) — форма комиссионной продажи товаров, при которой их владелец (консигнант) передает комиссионеру (консигнатору) товар для продажи со склада комиссионера.

¹⁶ *Турн и Таксис* (Thurn und Taxis) — германский дворянский род; произошел от знатного итальянского рода делла Торре, в 1237—1311 гг. правившего Миланом сначала в должности подеста, а с середины XIII в. в чине наследственного капитана; в 1313 г. поселились в Бергамо и от горы Тасо приняли имя де-Тассис. Леонард фон Таксис получил в 1595 г. наследственную должность имперского начальника почт в Германии и в испанских Нидерландах. В 1624 г. Турн и Таксисы возведены в графство. Их род существует до сих пор; резиденция — в городе Регенсбурге.

¹⁷ *Сюлли* (Sully) Максимилиан де Бетюн барон де Рони герцог де (1559—1641) — министр и друг Генриха IV (Наваррского), на которого имел большое влияние; протестант, пользовался большим авторитетом в гугенотской партии; в эпоху религиозных войн сражался на стороне Генриха; после восшествия последнего на престол Франции, был назначен министром финансов, ужесточил контроль над сбором налогов, запретил хождение на территории королевства иностранной монеты, за вывоз из страны золота и серебра как в слитках, так и в монетах вводилось суровое наказание; эти и другие меры позволили в кратчайшие сроки укрепить финансы и покрыть часть государственного долга; серьезное внимание Сюлли уделял развитию сельского хозяйства; провел ряд других мер: осушение болот, распространение новых сельскохозяйственных культур, пропагандировал прогрессивные методы обработки земли.

¹⁸ *Люнебург* (Lüneburg) — город в Германии к юго-востоку от Гамбурга; входил в историческое княжество Брауншвейг и дал имя одной из ветвей Брауншвейгского дома, к которой, в частности, принадлежал герцог Антон Ульрих (1714—1774) муж Анны Леопольдовны и отец российского императора Иоанна VI (1740—1741).

¹⁹ *...английском Навигационном акте 1651 г...* — Навигационный акт — закон, изданный Кромвелем 9 октября 1651 г., который предоставлял английским кораблям исключительное право ввозить в Англию товары неевропейских стран и производить каботажное плавание. В 1660 г. действие этого закона было распространено на вывоз из Англии в колонии. Навигационный акт был окончательно отменен в 1854 г.

²⁰ *Левант* (от франц. Levante и итал. Lavante — Восток) — употреблявшееся до начала XX в. общее название стран восточного побережья Средиземного моря, Ближнего Востока (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция, Кипр, Израиль. В узком смысле Левант — Сирия и Ливан.

Орден тамплиеров — тамплиеры (от франц. temple — храм) — католический духовно-рыцарский орден, основанный в Иерусалиме около 1119 г. Распространились во многих европейских государствах, занимались торговлей, ростовщичеством (в XIII в. тамплиеры — крупнейшие в Западной Европе банкиры). В конце XIII в. обосновались в основном во Франции. Под давлением французского короля Филиппа IV, обвинившего тамплиеров (из зависти к их богатству) в ереси, против ордена был начат инквизиционный процесс, а в 1312 г. папа Климент V упразднил орден, а в 1313 г. был сожжен на костре великий магистр ордена Ги де Молэ.

²¹ **Карл V** — император «Священной Римской империи» в 1519—1556 гг. испанский король (Карлос I) в 1516—1556 гг. Пытался под знаменем католицизма осуществить план создания «мировой христианской державы». Вел войны с Францией (Итальянские войны 1494—1559), с Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с немецкими князьями-протестантами и после заключения с ними Аугсбургского религиозного мира в 1555 г. отрекся от престола и удалился в монастырь.

²² **Утрехтский мир** — см. выше, прим. 41 к гл. 2.

²³ **Зомбарт** (Sombart) Вернер (1863—1941) — немецкий экономист, социолог и историк культуры, неокантианец. Вначале испытал влияние идей К. Маркса, в дальнейшем выступил против марксизма. Развитие капитализма связывал (в духе Макса Вебера) с развитием «духа капитализма» (стремление к наживе, к деньгам), якобы свойственного человеку; один из авторов реформистской теории «организованного капитализма»; в 30-е годы перешел на иррационалистические позиции.

²⁴ **Бенгалия** — историческая область на юге Азии в бассейне нижнего течения Ганга и дельты Ганга и Брахмапутры. С древних времен на территории Бенгалии существовали различные индийские государства. В 1757 г. она была захвачена англичанами и превращена в одну из провинций Британской Индии. В настоящее время Западная Бенгалия — в составе Индии, а восточная Бенгалия составляет государство Бангладеш.

²⁵ **Конвент** — Национальный Конвент (Convention Nationale) — собрание народных представителей во Франции, созванное 21 сентября 1792 г., после объявления отечества в опасности, на первом же заседании отменило королевскую власть и провозгласило Республику. Уже 26 октября 1795 г. Конвент прекратил свою деятельность.

²⁶ **Венский Конгресс** (сентябрь 1814 — июнь 1815) — конгресс европейских государств (за исключением Турции); завершил войны коалиций европейских держав с Наполеоном I. Были заключены договоры, направленные на восстановление феодальных порядков и удовлетворение территориальных притязаний держав-победительниц, закреплена политическая раздробленность Германии и Италии; Варшавское герцогство разделено между Россией, Пруссией и Австрией. Франция лишена ее завоеваний. В сентябре 1815 г. решения Венского Конгресса были дополнены актом о создании Священного союза.

²⁷ **Деруэнт (около Дерби)...** — небольшой населенный пункт в графстве Дерби во внутренней Англии на реке Деруэнт к западу от гшорода Ноттингема.

²⁸ **Карпрайт** (Cartwright) Эдмунд (1743—1823) — английский изобретатель, сельский священник. В 1785 г. создал механический ткацкий станок с ножным приводом.

²⁹ **Льеж** (Liège) — город в Бельгии на реке Маас, административный центр провинции Льеж; один из крупнейших центров металлургии в Западной Европе; центр каменноугольного бассейна.

Цвиккау (Zwickau) — город в Германии (в Саксонии, на территории бывшей ГДР), на реке Цвиккауэр-Мульде; центр каменноугольного бассейна.

³⁰ *Кокс* (нем. Koks, от англ. Coke) — продукт термической переработки природных топлив — главным образом каменного угля: твердый остаток, получаемый после нагревания угля без доступа воздуха до температуры 950—1050 С°; содержит 90—98% углерода. Каменноугольный кокс используется как топливо и восстановитель железной руды в производстве чугуна; нефтяной кокс — материал для изготовления электродов, восстановитель при получении ферросплавов и др.

³¹ *Пудлингование* (англ. puddling, от puddle — перемешивать) — передел чугуна в малоуглеродистое тестообразное железо по поду так называемой пудлинговой печи. Металл и шлак перемешивали и «накатывали» в крицу. Пудлингование пришло на смену кричному переделу (2-я половина XVIII в.). С появлением массовых способов производства литой стали (мартеновского, конверторных; 2-я половина XIX в.) пудлингование потеряло промышленное значение.

³² *Либих* (Liebig) Юстус (1803—1873) — немецкий химик, основатель научной школы, один из создателей агрохимии. В 1823 г. открыл изомерию. Получил ряд органических соединений. Один из создателей теории радикалов. Автор химической теории брожения и гниения, теории минерального питания растений.

³³ *Truck-system* (от англ. truck — обмен) — вознаграждение рабочих за труд не наличными деньгами, а товарами (проводолюственными продуктами, мануфактурными изделиями и т. д.); обычно сопровождалось массой злоупотреблений и усилением эксплуатации рабочих; было повсеместно запрещено в Англии законом 1831 г.

Анна Стюарт (Anne Stuart) (1665—1714) — королева Великобритании и Ирландии (с 1702 г.), дочь Якова II, сначала находилась под влиянием вождя вигов герцога Мальборо, но в 1710 г. стала на сторону тори. При ней в 1707 г. произошло объединение Англии и Шотландии.

Георг I (George) (1660—1727) — король Великобритании и Ирландии (с 1714 г.), первый король из Ганноверской династии; до этого — с 1698 г. — курфюрст Ганноверский; сторонник вигов; в 1715 г. подавил восстание якобитов в Шотландии.

³⁴ *Пиетизм* — мистическое течение в протестантизме (особенно в немецком лютеранстве) конца XVII—XVIII вв. (отрицание внешней церковной обрядовости, призыв к углублению веры, объявление развлечений грехом и др.), основателем и идеологом которого был франкфуртский богослов Шпенер. Первое время центром его развития и распространения был университет в Галле. Позднее пиетизм выродился в простое ханжество религиозно-мистического характера. Пиетизм в широком смысле — религиозно-мистическое настроение, поведение.

³⁵ *Фарисеи* (греч. pharisáioi, от др.-евр. перушим — отделившиеся) — представители общественно-религиозного течения в Иудее во II в. до н. э. — II в. н. э.; выражали интересы преимущественно средних слоев населения. Стремилась истолковать Пятикнижие в соответствии с новыми социально-экономическими условиями. В евангелиях фарисеи называются лицемерами. Отсюда происходит и переносное значение слова «фарисей» — лицемер, ханжа (не совсем, кстати, верное).

³⁶ *Фома Аквинский* (Thomas Aquinas) (1225 или 1226 — 1274) — средневековый философ и теолог, систематизатор схоластики на базе христианского аристотелизма. Доминиканец. Сформулировал 5 доказательств бытия Бога, описываемого как первопричина, конечная цель сущего и т. п.

Признавая относительную самостоятельность естественного бытия и человеческого разума (концепция естественного права и др.), утверждал, что природа завершается в благодати, разум — в вере, философское познание и естественная теология основанные на аналогии сущего, — в сверхъестественном откровении. Основные сочинения: «Сумма теологии», «Сумма против язычников». Учение Фомы лежит в основе философии томизма и неотомизма.

³⁷ *Висбаден* (Wiesbaden) — город в Германии, административный центр земли Гессен; знаменит своим бальнеологическим курортом и минеральными водами. В древности — Mattiacum; в 1815—1866 гг. — столица Нассауского герцогства.

³⁸ *Штауфены* — см. выше, прим. 53 к гл. 2 — *Гогенштауфены*.

³⁹ *Синойклизм* — *Синойкосный полис* (греч. sinoikismos — совместное поселение) — объединенный полис из нескольких ранее независимых общин. Объединение (синойклизм) могло осуществляться несколькими способами: 1. Основание нового города, становящегося центром уже существующего полиса (Тегея, Мантинейя, Смирна, Мессена, Мегалополь); 2. Переселение жителей других общин в уже существующий укрепленный город (Фивы); 3. Объединение независимых общин вокруг уже существующего города (Афины, Сиракузы, Олинф); 4. Образование полиса путем объединения нескольких общин с закладкой нового города или без нее (Кеос, Родос, Кассандрия, Лисимахия).

⁴⁰ *Неемия* (библ.) — деятель эпохи реставрации Второго храма в Иерусалиме, придворный Артаксеркса I; в 444—433 гг. до н. э. — наместник в Иерусалиме, заботился об укреплении города и организации храмовой службы. Его именем названа книга в Библии, повествующая о его деятельности.

⁴¹ *Акрополь* (akrópolis) — возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города, так называемый верхний город; крепость (убежище на случай войны). Наиболее известен акрополь в Афинах.

⁴² *...антиохийский день (к Галатам 2, II и сл.), когда Павел (в противоположность Петру) провозгласил религиозное общение с необрезанными...* — ¹¹ Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию. ¹² Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устранился, опасаясь обрезанных. ¹³ Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. ¹⁴ Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евагельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски? (Послание к галатам святого Апостола Павла, 2, 11—14).

⁴³ *Эфоры* (греч. наблюдатели) — пять высших должностных лиц, избиравшихся сроком на один год всеми полноправными спартанцами. Представляли консервативную силу этого полиса. С середины VI в. до н. э. обладали широкими полномочиями в управлении, надзоре и судопроизводстве. Один из эфоров — эфор-эпоним — давал имя году.

Народные трибуны — или трибуны плебейские (лат. tribuni plebis) — в Древнем Риме выборные должностные лица из плебеев (с начала V в. до н. э.); обладали правом налагать запрет на постановления магистратов и сената. Избирались ежегодно на плебейских собраниях сначала 2, 4, потом 10 народных трибунов. Личность народного трибуна считалась неприкосновенной. В период империи они потеряли свое значение.

⁴⁴ *Консулы итальянских городов* — см. «Город», с 395 стр. и ниже.

⁴⁵ *Sacrosanti (sacro sanctus)* — святая святых, неприкосновенный (лат.).

⁴⁶ *Интерцессия* — (лат. *intercessio* — возражение) — право магистрата, занимающего ту же или высшую должность, объявить недействительным уже осуществленный официальный акт. Например, народный трибун в Риме мог отменить решение консулов. Это право было, по существу, юридическим основанием власти римских императоров, имевших полномочия народных трибунов.

⁴⁷ *Ordinamenti della giustizia* — правовые уложения (итал.).

⁴⁸ *...fabri в сервиевом устройстве, государственные ремесленники, военные кузнецы были, по-видимому, остатками подобной организации...* — мн. ч. от *faber*. См. прим. 25 к Главе 2.

Шестой римский царь Сервий Туллий (578—535 до н. э.), ввиду значительно возросшего числа плебеев, выражавших все большее недовольство своим бесправным положением, что становилось опасным, провел ряд существенных реформ, расцененных недовольными патрициями как недопустимо высокое покровительство плебеям. В результате организованного ими заговора Сервий был убит своим зятем Тарквинием Гордым.

Прежде всего Сервий разделил Рим на 4 трибы (вместо 3, существовавших до этого). Затем разделил все население Рима на 5 классов по имуществу, с подразделением на центурии: во вновь учрежденных *comitia centuriata* право голосования имели и плебеи. Нет сомнения, что первоначально в центуриях были только люди, способные носить оружие, но они должны были быть также иметь недвижимое и движимое имущество. В основу деления, вероятно, было положено недвижимое имущество, т. е. земля с полным инвентарем. Не имевшие минимального ценза (*proletarii* или *capite censi*) были лишены права военной службы и голосования (*comitia centuriata*; равным образом освобождались от военной службы сироты, вдовцы, ремесленники и вольноотпущенники. Пехота состояла из 170 центурий, всадников было 18 центурий; кроме того было еще 5 центурий (столяров, кузнецов, музыкантов и т. д.). Каждая центурия имела 1 голос. В первом классе было 98 центурий (из которых — 18 центурий всадников), а в остальных четырех классах вместе — 95 центурий; следовательно первый класс имел значительный перевес; но для плебеев было важно уже и то, что они были признаны гражданами и могли что-то решать в государственных делах вместе с патрициями.

⁴⁹ *Моммзен...* (Mommsen) Теодор (1817—1903) — немецкий историк античности. Главный труд — «Римская история» (т. 1—3, 1854—1856; т. 5, 1885), в котором Моммзен изложил основную военно-политическую историю Рима до 46 г. до н. э. и дал обзор истории римских провинций, и в настоящее время является одним из наиболее популярных сочинений по античности (Нобелевская премия по литературе, 1902). Также опубликованы работы «Римское государственное право» (т. 1—2, 1871—1875), «Римское уголовное право» (1899) и др.

⁵⁰ *Κλήρος* — клер (греч. надел, жребий) — в ранних греческих полисах и особенно в колониях земля между гражданами распределялась по жребию; клерухи — владельцы земельного участка, клера. Такие участки выделялись афинским гражданам на землях, принадлежащих союзникам Афин, а также колонистам, посылавшимся в покоренные страны. Первая колония клерухов была основана афинянами на острове Саламин в 570—560 гг. до н. э. Здесь и далее (стр. 298) речь идет о клерухиях (греч. *kleruchia*) — древне-греческих военно-земледельческих поселениях, основанных на территориях подчиненных или союзных государств для военно-политического контроля над ними, а также для наделения зем-

лей безземельных граждан. *Fundus* — (земля, земельное владение, поместье, лат.) — примерно то же, что и *kleruchia*, но в Древнем Риме.

⁵¹ ...коренные реформы Гракхов... — Гракхи, братья: 1) Тиберий (*Tiberius Gracchus*) (162—133 до н. э.), римский народный трибун 133 г. до н. э.; 2) Гай (*Gaius Gracchus*) (153—121 до н. э.), римский народный трибун 123 и 122 г. до н. э. Произошли из знатного плебейского рода.

Реформа Тиберия Гракха была направлена на борьбу с обеднением оседлого крестьянства. Поскольку свободных земель для наделения ими граждан в Риме не было, Гракх предложил воспользоваться той частью общественной земли, которая была занята частными лицами на праве владения (*possesio*), а не собственности (*dominium*). Излишек земли предназначался Тиберием для наделения безземельных граждан участками в 30 югеров, не подлежащими продаже или отчуждению и обложенными податью. Остававшиеся у владельцев 500 югеров обращались в их полную собственность. Вокруг этой идеи Гракха разразилась ожесточенная борьба, поскольку ее реализация противоречила интересам многих оптиматов и поэтому встретила сильное противодействие со стороны сената. В результате закон все-таки удалось принять, но ценой смещения (все-народным голосованием) второго трибуна Октавия, наложившего на закон Гракха вето. Недовольство знати было столь сильным, что во время выборов трибунов на следующий год (134 до н. э.), ею были организованы крупные беспорядки, в результате которых Тиберий Гракх был убит.

Через 10 лет, несмотря на сопротивление знати, народным трибуном был избран брат Тиберия Гракха Гай Гракх. Он избирался трибуном 2 года подряд и за это время предложил целый ряд законопроектов. Два из них были направлены на ограничение власти сената, которому принадлежало право распределять провинции между состоявшими в должности консулами и преторами, и он пользовался им для усиления своего влияния. *Lex de provinciis consularibus* Гракха обязывала сенат определять заранее, до избрания новых консулов, те провинции, куда он предполагал их послать. *Lex judiciaria* выдвигал против сената новую капиталистическую аристократию, предоставив судебную власть в процессах против провинциальных магистратов всадникам вместо сенаторов. Другой ряд законов имел целью помочь римскому демосу. Сюда относится аграрный закон, о котором не сохранилось никаких сведений, и закон *de re militari*, сокращавший срок военной службы и устанавливавший выдачу солдатам амуниции за счет казны. Другими законами были законы *lex frumentaria*, предоставлявший римским гражданам возможность покупать хлеб в общественных магазинах за полцены; *lex viaria* — закон о строительстве дорог, реализация которого предоставила в руки Гракха как строителя громадные денежные средства и давала ему возможность осуществлять вдоль новых дорог его аграрный закон и создавать новые поселения римских граждан в Италии. Далее шел закон о выведении 12 римских колоний в провинции и закон о предоставлении союзникам права римского гражданства. Против двух последних законов с ожесточением выступила сенатская партия. Довольно длительная борьба закончилась тем, что Гай Гракх не был избран трибуном в очередной раз, начались очередные беспорядки, Гракх бежал из Рима и приказал своему рабу убить себя.

⁵² *Δῆμοι* (греч. *demoi*, от греч. *demos* — народ) — название наименьших административных ячеек (сельских общин и городских округов) в Аттике (после 508 г. до н. э.). По ним указывалось место рождения гражданина (демотикон).

Tribus — *триба* (от лат. tres — три) — в Древнем Риме все граждане делились по родовому признаку на три трибы: рамны, тации и луцеры. Позже трибы образовывались по территориальному признаку: в V в. до н. э. имелись 4 городские и 16 провинциальных триб, в 241 г. до н. э. насчитывалось уже 35 триб.

⁵³ *Киммеры* (лат. Kimbri) — германские племена, впервые появившиеся в Восточных Альпах в 113 г. (пришли с Северного моря). Одерживая победу за победой над римскими войсками, проникли в Испанию, там соединились с родственными им тевтонами и вместе с ними достигли Италии; в 101 г. до н. э. были разбиты римским полководцем Гаем Марием при Верцеллах.

Тевтоны (лат. Teutones) — германские племена; в 110 г. до н. э. вторглись в Галлию; соединившись с кимврами, вторглись в римские владения, в 102 г. до н. э. разбиты Марием при Аквах Секстийских. Позднее тевтонами иногда называли германцев вообще.

⁵⁴ *Клиенты* — (лат. ед. ч. cliens — букв. послушный) — в Древнем Риме отдельные лица или целые общины, отдававшиеся под покровительство патрона; получали родовое имя патрона, земельные наделы, неся сельскохозяйственные и военные повинности в пользу патрона (но не следует путать клиентов с плебеями.) Происхождение класса спорно: это либо получившие свободу рабы, либо добровольно ушедшие в зависимость свободные жители Лациума.

Клиентела (лат. clientela, от cliens) — форма социальной зависимости, характерная для ранней стадии рабовладельческого строя в Италии (VI—III вв. до н. э.). Выражалась в персональном или коллективном подчинении клиентов главе рода или большой семье, которому клиент был обязан прежде всего сельскохозяйственными повинностями с наделной земли и военной службой. Клиентами становились либо чужеродные, а позднее иноплеменники, попавшие в зависимость в результате завоевания, либо младшие сородичи. У знаменитых римских полководцев в клиентелах пребывали целые завоеванные ими народы.

⁵⁵ *Клерухии* — см. выше комментарий 62 главе 4.

⁵⁶ *Клеон* — (ум. в 422 г. до н. э.) — афинский вождь радикального крыла демократической группировки. Сторонник активизации военных действий против Спарты во время Пелопонесской войны. Погиб в битве со спартацами под Амфиполем.

⁵⁷ *Метеки* (греч. переселенцы) — лично свободные люди, переселившиеся в какой-либо греческий полис и не имеющие в нем гражданских прав. За право на жительство, на занятие ремеслом или торговлей метеки обязаны были платить особый налог — метойкион. Среди метеков были богатые купцы и владельцы ремесленных мастерских.

⁵⁸ *...битва при Куртре в 1302 г...* — Куртре (Кортрейк) (франц. Courtrai, голл. Kortrijk) — главный город провинции Верхняя Фландрия (Бельгия) на реке Лис (Lys). 11 июля 1302 г. в битве при этом городе пешее ополчение Фландрии разгромило французскую рыцарскую конницу (так называемая «битва шпор»), что положило начало возрождению пехоты в Западной Европе.

⁵⁹ *...городские войны гвельфов и гибеллинов...* — гвельфы (от рода Вельфов) и гибеллины (от названия замка Штауфенов Вейблинген) — политические направления в Италии XII—XV вв., возникшие в связи с борьбой за господство в Италии между «Священной Римской империей» и папством. Гвельфы, поддерживавшие пап (папа был номинальным главой партии), в основном выражали интересы пополанов, а гибеллины, сторонни-

ки императора, — интересы нобилей. Однако в ходе борьбы ориентация нередко менялась: пополены переходили в лагерь гибеллинов, нобили — гвельфов. С XIV в. во Флоренции и ряде других городов гвельфы разделились на черных («партия» нобилей) и белых («партия» богатых горожан). Вражда между гвельфами и гибеллинами продолжалась с XII по XIV вв. и сопровождалась ожесточенными гражданскими войнами в Италии.

⁶⁰ *Вильгельм Завоеватель* — Вильгельм I Завоеватель (William the Conqueror) (ок. 1027—1087) — английский король (с 1066), герцог Нормандии (с 1035). В 1066 г. высадился в Англии и разбил при Гастингсе войско англосаксонского короля Гарольда II. Однако взять штурмом или измором Лондон у Вильгельма не было ни сил, ни времени: он предпочел испытанную тактику и опустошил окрестности города, нагоняя страх на жителей, которые и пришли к Вильгельму с изъявлением покорности. Был созван витенагемот, который признал законность прав его на престол.

⁶¹ *Красс* (Crassus) (ок. 115 — 53 до н. э.) — римский полководец; сторонник Суллы (нажился на казнях и конфискациях во время проскрипций Суллы). В 71 г. до н. э. подавил восстание Спартака. В 60 г. до н. э., вместе с Цезарем и Помпеем, входил в 1-й триумvirат.

⁶² *Всадники* (греч. hippéis, от hippos — конь; лат. equites, от equus — конь) — в ряде античных государств (Афинах, Риме, Фессалии и др.) наряду с аристократией — привилегированное сословие с высоким имущественным цензом; к всадникам принадлежали землевладельцы, военные, ростовщики, крупные торговцы и др.

В Риме, первоначально, в царскую эпоху (до 510 г. до н. э.) и в ранне-республиканский период — сражавшаяся верхом патрицианская знать. Впоследствии, в связи с образованием в Риме нобилитета в III в. до н. э. всадники превратились во второе после сенаторов сословие с имущественным цензом 400 тыс. сестерциев, развившееся позднее в римскую денежную аристократию.

⁶³ *Литургия* (греч. leiturgia) — государственно-денежная повинность богатых граждан и метеков в древнегреческих полисах (например, содержание участников гимнастических состязаний — гимнасиархия, или оплата хоров, выступавших на празднике Диониса — хорегия); чрезвычайной литургией считалась триерархия — снаряжение военного корабля (триеры) триеры. В Древнем Риме литургии соответствовала мунера. Литургия была распространена и в других государствах Древнего мира.

⁶⁴ *Остроирование* (франц. остроі — пожалование) — дарование, пожалование монархом каких-либо прав, привилегий, например, конституции.

⁶⁵ *Восстание коммунерос* — коммунеросы — революционная партия испанских городов, в 1520 г. организовавшая восстание против господства иностранцев. В 1521 г. повстанцы были разбиты дворянским ополчением.

⁶⁶ *Суд гелиастов* — гелиэя (греч. heliaia) — в Древних Афинах один из высших органов власти, выполнявший в том числе и судебные функции; с V в. до н. э. рассматривал как частные, так и государственные дела, контролировал деятельность высших должностных лиц, утверждал законы, принятые народным собранием. Гелиэя состояла из 6 тыс. человек; гелиасты были выборными (по жребию), причем гелиастом мог быть любой афинский гражданин, не моложе 30 лет, с безупречной репутацией. Заслушав тяжущиеся стороны, суд выносил приговор путем тайного голосования без дебатов. Решения гелиэи были безапелляционными. Подобные народные суды ценились в Афинах как высшее проявление демократии.

Суд кади (араб.; турк. и перс. — кази) — в мусульманских странах судья, единолично осуществляющий судопроизводство на основе шари-

ата. Институт кади был ликвидирован в XX в. в тех странах, где был упразднен шариатский суд.

⁶⁷ *Цицерон* (Сисго) Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель. Сторонник республиканского строя. Из сочинений сохранились 58 судебных и политических речей, 19 трактатов по риторике, политике, философии и более 800 писем. Сочинения Цицерона — источник сведений об эпохе гражданских войн в Риме.

⁶⁸ *Претор* — в Древнем Риме первоначально высшее должностное лицо, затем с 367 (или 366) г. до н. э. младший коллега консула. С 242 г. до н. э. избирались 2 претора: один для ведения судебных дел между римскими гражданами, другой — между гражданами и чужеземцами.

Judex — судьи, назначаемые претором из числа кандидатов (*лат.*).

⁶⁹ *Рецепция римского права* — усвоение в средние века странами Западной Европы римского права.

Рецепция (*лат.* *гесертю* — принятие, прием) — а) заимствование и приспособление данным обществом социологических и культурных форм, возникших в другой стране или в другую эпоху; б) осуществляемое рецепторами восприятие и преобразование энергии раздражителей в нервное возбуждение (*физиол.*).

⁷⁰ *Меркантилизм* (*франц.* *mercantilisme*, *итал.* *mercante* — торговец) — экономическое учение и экономическая политика, отражавшие интересы торговой буржуазии в периоды разложения феодализма и становления капитализма (XV—XVIII вв.). Меркантилисты исходили из положения, что источником богатства является сфера обращения, а не сфера производства, богатство же отождествляли с денежным капиталом; они считали, что благосостояние государства зависит от возможно большего скопления в стране денег (золота и серебра), и добивались преобладания вывоза товаров за границу над ввозом их в страну. Подробнее см. у Вебера в данной книге на стр. 311—315.

⁷¹ *Сигизмунд* — Сигизмунд I (*лат.* *Sigismundus*, *венг.* *Zsigmond*, *чеш.* *Zikmund*) (1368—1437) — с 1410 г. император «Священной Римской империи» в 1387—1437 гг. — король Венгрии, а также король Чехии; вместе с римским папой возглавлял борьбу европейской феодальной реакции против гуситов.

⁷² *Людвиг Богатый Баварский* — см. выше, прим. 27 к гл. 3.

⁷³ *Тироль* (Tirol) — земля (административно-территориальная единица) в Западной части Австрии, в Альпах. Административный центр — город Инсбрук, расположенный на реке Инн.

⁷⁴ *Смит* (Smith) Адам (1723—1790) — шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической буржуазной политэкономии, автор «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776). Разработал важнейшие категории трудовой теории стоимости. Трактовал прибыль как вычет из продукта труда рабочих. Ошибочно считал, что стоимость товара складывается из доходов, которые приносят капитал, земля и труд. Впервые провел деление буржуазного общества на классы наемных рабочих, капиталистов и земельных собственников.

⁷⁵ *Ричард II* (Richard) (1367—1400) — английский король в 1337—1399 гг., последний из династии Плантагенетов. Первоначально управление страной при нем осуществлял совет феодальной знати. Установление единоличного правления Ричарда II (в 1397 г.) вызвало мятеж феодалов и его низложение.

⁷⁶ *Акт о мореплавании 1651 г.* — см. выше, прим. 19 к гл. 4.

⁷⁷ *Епископ Лауд* (Laud) — архиепископ Кентерберийский, родился в Ридинге в 1573 г., фаворит и первый министр Карла I, казнен в 1645 г. формально по обвинению в государственной измене; в действительности же — за преследования всех неконформистских сект.

⁷⁸ *Долгий Парламент* — был созван в Англии королем Карлом I в 1640 г.; фактически стал законодательным органом начавшейся Английской буржуазной революции XVII в. Разогнан Кромвелем в 1653 г.

⁷⁹ *Диссентеры* (англ. dissenters от лат. dissentire — быть несогласным), иначе неконформисты — распространенное в XVI—XVII вв. в Англии название лиц, не согласных с вероучением и культом господствующей англиканской церкви; в узком смысле слова — английские протестанты, не признающие англиканской церкви (пресвитериане, индепенденты, методисты, баптисты, квакеры и др.).

Кобден (Cobden) Ричард (1804—1865) — английский политический деятель, идеолог промышленной буржуазии, поборник свободы торговли (один из лидеров фритредеров в Великобритании), фабрикант и представитель Торговой палаты в Манчестере; с 1839 г. — во главе Лиги против хлебных пошлин (Anti-comlaw-league); с 1841 г. — член палаты общин, содействовал отмене Навигационного акта, призывал к разоружению и учреждению международного третейского суда.

Брайт (Bright) Джон (1811—1889) — английский политический деятель, знаменитый оратор, борец за отмену хлебных пошлин, фритредер, друг Кобдена; с 1843 г. — член парламента, в 1868—1870, 1873—1874 и 1880—1882 — министр в кабинетах Гладстона; разошелся с Гладстоном в 1882 г. по ирландскому вопросу (перешел к унионистам).

Фритредеры (манчестерцы) — участники движения английской промышленной буржуазии (возникло в Манчестере) за свободу торговли.

Фритредерство (от англ. free trade — свободная торговля) — направление в экономической теории и политике промышленной буржуазии, основное требование которого — требование свободы торговли и невмешательства государства в частнопредпринимательскую деятельность. Возникло в Великобритании в последней трети XVIII в.

⁸⁰ *Кули* (тамил., букв. — заработки) — название низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих в Китае (до 1949 г.), Индии и ряде других стран. Чаще всего это носильщики, грузчики, возчики, чернорабочие.

⁹⁸ *Коммунерос* — принадлежащие к общине (лат.).

⁸¹ *Кортес* (Cortes) Эрнан (1485—1547) — испанский конкистадор. В 1504—1519 гг. служил на Кубе. В 1519—1521 гг. Возглавил завоевательный поход в Мексику, приведший к установлению там испанского господства. В 1522—1528 гг. губернатор, в 1529—1540 гг. генерал-капитан Новой Испании (Мексики). В 1524 г. в поисках морского перехода из Тихого океана в Атлантический пересек Центральную Америку.

Писарро (Pizarro) Франсиско (между 1470 и 1475—1541) — испанский авантюрист, конкистадор, родился в Трухильо, участвовал в захвате Панама, с помощью своих братьев Гонсалеса и Эрнандо во главе отряда в 130 человек (правда потом этот отряд получил подкрепление в 600 человек) в 1531—1534 гг. покорил разграбил и уничтожил государство инков — Тауантинсуйу; основал город Лиму, в котором и был убит сторонниками своего соперника конкистадора Альмагро.

⁸² *Раджпуты* — арийское племя, населяющее Раджпутану и соседние с ней области. Происходят от древнеиндийской касты воинов.

Раджпутана (Rajputana) — историческая область, занимавшая в прошлом северную часть современной Индии и северо-восточную часть современного Пакистана между реками Инд и Джамна.

⁸³ **Ариане** — арианство — течение в христианстве в IV—VI вв. Его зачинатель — священник Арий (умер в 336 г.) из города Александрия. Ариане не принимали один из основных догматов официальной христианской церкви о единосущности Бога-отца и Бога-сына (Христа); по учению Ария, Христос как творение Бога-отца — существо, ниже него стоящее. Было осуждено как ересь Никейским (в 325 г.) и Константинопольским (в 381 г.) вселенскими соборами.

⁸⁴ **Исайя** — *евр.*, пророк времен Озии, Иоафама, Ахаза, Езекии; книга Исайи в Библии содержит большей частью пророчества о судьбе еврейского и других народов.

⁸⁵ **Евхаристия** (*греч.* eucharistia) — то же самое, что и причастие — одно из главных таинств в христианской церкви всех направлений и конфессий. Согласно христианскому вероучению, причащающиеся верующие приобщаются к Христу вкушая во время литургии хлеб и вино, в которых воплощены его тело и кровь.

⁸⁶ **Эзра** (Эзра) — еврейский священник; в 458 г. до н. э. вывел из вавилонского плена вторую партию иудейских изгнанников в Палестину и восстановил иерусалимский храмовый культ. О нем повествуется в библейской книге «Эзра».

⁸⁷ **Ханаан** — древнее название территории Палестины, Сирии и Финикии.

Иегова — искаженная форма имени бога Яхве в иудаизме.

Яхве — одно из священнейших имен бога в Ветхом Завете; включает в себе понятие вечности и совершенства; по Библии, именно под этим именем бог впервые открылся Моисею.

⁸⁸ **Лао-цзы** — полупопулярный древнекитайский философ, автор древнекитайского трактата «Лао-цзы» (древнее название «Дао дэ цзин» — IV—III вв. до н. э.), канонического сочинения даосизма.

Дао цзин («Книга о дао») — первая часть трактата «Дао дэ цзин» (или «Лао-цзы»), приписываемого Лао-цзы.

⁸⁹ **Гностики** — гностицизм (от *греч.* gnostikos — познающий) — религиозное движение и религиозно-философское учение поздней античности (начало н. э.), вылившееся в ряд раннехристианских ересей. Гностицизм притязал на знание особого таинственного смысла Библии, часто противоположного прямому; оказал влияние на средневековые ереси и неортодоксальную мистику нового времени. Расцвет гностицизма имел место во II в.; в III в. возникло примыкающее к гностицизму манихейство.

⁹⁰ **Скарабей** — скарабей (*Atuchus sacer*) — род жуков-навозников длиной до 4 см. Обитают в Средиземноморье. В Древнем Египте скарабей священный почитался как одна из форм солнечного божества. Его скульптурные фигурки (из камня или глазированной глины) служили амулетами, печатями и украшениями.

⁹¹ **Тибет** — район Центральной Азии в пределах Тибетского нагорья. В административном отношении территория Тибета разделена между Тибетским автономным районом и соседними провинциями Китая.

Лхаса — город в Китае в долине реки Джичу (бассейн Брахмапутры) на Тибетском нагорье. Административный центр Тибетского автономного района Китая. Основана в VII в. тибетским царем Сронцзангамбо. Религиозный центр ламаизма с резиденцией далай-ламы.

⁹² *Инвеститура* (от лат. investio — облачаю) — в средние века в Западной Европе юридический акт введения вассала во владение феодалом. Инвеститура духовных лиц, кроме этой светской инвеституры, включала также утверждение епископа, аббата в духовном сане (духовная инвеститура). В XI—XII вв. происходила борьба между императорами «Священной Римской империи» (осуществлявшими с Оттона I инвеституру епископов и аббатов) и римскими папами, претендовавшими на это право, конец которой положил Вормсский конкордат 1122 г.: император отказывался в пользу римского папы от духовной инвеституры; в Германии (но не в Италии и Бургундии) императору обеспечивалось право участия в избрании епископа.

⁹³ *Францисканцы* («минориты», «fratres minores» — «меньшие братья») — члены первого нищенствующего монашеского ордена, основанного в Италии в 1207—1209 г. Франциском Ассизским. Назывались также «серафимовыми» или «серыми братьями». Проповедовали совершенную бедность, строгое послушание папе, проповедь, уход за телесно и духовно больными. Были соперниками, а во многих догматических вопросах и противниками доминиканцев. Как духовники государей XIII—XVII вв. пользовались большим влиянием в светских делах, пока не были вытеснены иезуитами. Наряду с доминиканцами ведали инквизицией. Из среды францисканцев выделилось особое братство капуцинов, учрежденное в 1525 г. С 1619 г. капуцины находятся под начальством собственного независимого генерала. Еще одним орденом святого Франциска является женский орден клариссинок; следующим — *орден терциариев*, основанный для светских людей обоего пола.

Терциарии — миряне, живущие по правилам духовного ордена, приспособленным к светской жизни, и рассматриваемые поэтому как принадлежащие к ордену.

⁹⁴ *Эпитимия* — *епитимья* (от греч. epitimon — наказание) — в христианстве церковное наказание в виде поста, длительных молитв и т. п. налагается исповедующим священником.

⁹⁵ *Франк* (Franks) *Себастьян* (1499—1542 или 1543) — немецкий гуманист, философ и историк. Идеолог передовой части бюргерства. Во «Всемирной хронике» и других сочинениях выступал против католической церкви, тирании князей.

⁹⁶ *Баптисты* (от греч. baptizo — окунаю, крещу водой) — разновидность протестантизма, возникшая в начале XVII в. Баптисты упростили культовую и церковную организацию; крещение совершают над взрослыми; наибольшим влиянием пользуются в США.

Методисты — протестантская церковь; возникла в XVIII в., отделившись от англиканской церкви и требуя последовательного, методичного соблюдения религиозных предписаний; пользуется наибольшим влиянием в США и Великобритании. Методисты проповедуют религиозное смирение, терпение.

⁹⁷ *Коперник* (Copernik, Copernicus) Николай (1473—1543) — польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира. Совершил переворот в естествознании, отказавшись от принятого в течение многих веков учения о центральном положении Земли. Свое учение изложил в сочинении «Об обращении небесных сфер» (1543 г.), запрещенном католической церковью с 1616 по 1828 гг.

Меланхтон (Melanchton) Филипп (1497—1560) — немецкий протестантский богослов и педагог, сподвижник Мартина Лютера. Составитель Аугс-

бургского исповедания (1530 г.), представляющего собой изложение основ лютеранства.

⁹⁸ *Мандевиль* (Mandeville) Бернард де (1670—1733) — английский философ-материалист, деист; врач. По происхождению француз. Главное произведение Мандевилля — «Басня о пчелах», первоначально вышедшее анонимно в 1705 г. в Лондоне в виде стихотворного памфлета под заглавием «Ропшущий улей, или Плуты становятся добродетельными». В 1714 г. «Басня» была переиздана («The fable of the bees, or, Private vices public benefits»). В 1723 г. она вышла с новыми комментариями и дополнением. Сочинение Мандевилля получило широкое распространение в XVIII в., вокруг него разгорелась острая борьба. В «Басне» Мандевиль выступает с острой социальной сатирой на современное ему общество, в котором пороки являются движущей силой развития.

ГОРОД

I

Понятие города и его категории

¹ *Ойкос* — см. выше, прим. 1 к Предварительным теоретическим замечаниям «Истории хозяйства».

² «*Княжеские города*» — города, основанные на территории, на которую распространялась суверенная власть титулованных властителей (герцогов, графов, епископов), в Германии входивших в сословие «князей».

³ *Арнем* (Arnhem) — главный город нидерландской провинции Гелдерланд.

⁴ ...«*commenda*» и «*societas maris*» средиземноморских стран... — См. выше, прим. 2 к Введению и прим. 13 к гл. 3 «Истории хозяйства».

⁵ *Левант* — см. выше, прим. 20 к гл. 4 «Истории хозяйства».

⁶ *Альменда* — см. выше, прим. 5 к гл. 1 «Истории хозяйства».

⁷ ...*херсонесское владение Мильтиада*... — Имеется в виду Мильтиад (Miltiades) — сын Кипсела, афинский аристократ, основавший, при поддержке Писистрата, афинскую колонию на полуострове Херсонес. Победитель Олимпийских игр (ок. 560 г. до н. э.) в состязаниях колесниц.

⁸ *Гримальди* — знатный род в Генуе, члены которого были богатейшими финансистами; упоминается с XI в.

⁹ ...*Экбатаны и Персеполис*... — *Экбатаны* — древнегреческое название города Хамадана, одного из древнейших городов Ирана. *Персеполис* (Персеполь) — город в Древнем Иране, одна из столиц Ахменидов.

¹⁰ *Так называемые города Генриха I*... — имеются в виду бургы Генриха I Птицелова (876—936) — первого немецкого короля из Саксонского дома. Правление его прошло в напряженной военной деятельности, под давлением грозившей со всех сторон опасности. Создав укрепленные убежища в марках, которые угрожали венграм, и хорошую конницу, обеспеченную большими ленами, он прекратил платить венграм дань и нанес им, когда те вторглись в пределы государства, поражение при Риаде. Генрих создал организованное по феодальному войско и построил укрепления, защищающие страну. Содержание укреплений в пригодном состоянии и обеспечение гарнизонами ложились на свободные крестьянские деревни: каждый десятый из их населения становился воином, ос-

тальные девять содержали его своим трудом. Эти укрепления — бурги — явились колыбелью многих германских городов.

¹¹ *Мейтленд*, Фредерик Уильям (1850—1906) — английский историк-медиевист, исследователь истории права, манора и города в Англии; связывал происхождение городов и городского населения с развитием крепостей (бургов). Эта теория происхождения городов получила название «гарнизонной».

¹² *...времен песни Деборы...* — речь идет об одном из древнейших (ок. 1200 г. до н. э.) памятников еврейского эпоса «Песнь Деборы» (Суд. 5), пророчицы и судьи в библейской мифологии, возглавившей завоевание древнееврейскими племенами Палестины.

¹³ *...в Западной Индии во времена Вед, в Иране... во времена древнейших Гат, во время политического распада в Северной Индии...* — Время возникновения *Вед* — памятников древнеиндийской литературы (Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа) — относят к концу II — началу I тысячелетия до н. э.

Гаты — самая священная часть «Авесты», ее автором считается Заратустра. На основании лингвистического анализа время написания Гат определяют XII—X вв. до н. э.

Под *политическим распадом Северной Индии*, видимо, подразумевается борьба за власть внутри одного из самых могущественных царских родов Северной Индии — Куру, происшедшего от легендарного Бхараты, что явилось сюжетной основой «Махабхараты». Эти события относят к первой половине I тысячелетия до н. э.

¹⁴ *...старый кшатрий...* — *Кшатрии* (санскр. кшатрия, от кшатра — господство, власть) — члены второй по статусу варны (сословий) в Древней Индии, образовавшейся из военно-племенной аристократии. Кшатрии не признавали свое второе место в иерархии и боролись с брахманами за верховенство в обществе.

¹⁵ *...во времена династии Тутмоса...* — имеется в виду XVIII династия (1580—1392 до н. э.) периода Нового царства (см. выше, прим. 10 к Предварительным теоретическим замечаниям «Истории хозяйства») Древнего Египта. В этой династии было три фараона, носивших имя Тутмоса: Тутмос I (1538—1525), Тутмос II (1525—1503) и Тутмос III (1503—1491).

¹⁶ *Авимелех* (евр. abimclckh, «отец мой царь») — видимо, имеется в виду царь Герара (город филистимлян), персонаж легенд об Аврааме и Сарре и об Исааке и Ревекке (Быт. 20; 26). Существует мнение, что слово Авимелех употреблялось древнееврейскими повествователями в качестве наследственного титула герарских властителей (также как тюркский «атабек» или персидский «падишах»).

¹⁷ *...сыгравшая важную роль в Пелопонесскую войну Декелея...* — во время Декелейской войны, последнего периода Пелопонесской войны, Декелея была оккупирована спартанцами, которые отсюда угрожали Афинам. См. также выше, прим. 9 к гл. 2 «Истории хозяйства».

¹⁸ *Белов* (Below) Георг (1858—1927) — немецкий историк, в работах которого большое место занимают исследования, посвященные вопросу о происхождении городского строя. Белов стремился опровергнуть пространственную распространенность сеньории. Рядом общих соображений он доказывал, что рядом с сеньорией продолжал существовать значительный контингент свободного крестьянства. По его мнению, город — самоуправляющаяся община, сочленство в которой обусловлено определенным количеством земельной собственности; поселение этой общины ук-

реплено (Burg=крепость); в ней есть рынок; она привелигирована в военном и финансовом отношении и составляет самостоятельный судебный округ; наконец, от сельской общины город отличается развитостью органов управления.

¹⁹ *Министерялы* — см. выше, прим. 77 к гл. 1 «Истории хозяйства».

²⁰ *Пникс* — холм в западной части Афин, на котором вплоть до IV в. до н. э. собиралось народное собрание.

²¹ *Агора* (греч. рыночная площадь) — во времена Гомера — народное, судебное или военное собрание свободных граждан. Позднее агорой стала называться площадь для проведения собраний, игравшая роль центра городской общественной жизни.

²² *...comitium и Марсово поле стояли рядом с экономическим fori. Comitium* — комиций (лат.). Чаще употребляется во множественном числе — *комиции* (от лат. co(m)ire — собираться) — народные собрания в Римской республике. Старейшей формой таких собраний был куриатский комиций, во главе которого стоял консул; затем Сервием Туллием был учрежден центуриатский комиций, охватывавший всех граждан, имевших право носить оружие; позднее его сменил трибутский комиций под председательством трибунов и эдилов.

Марсово поле (Campus Martius) — низменность между Тибром, Пинцием, Капитолием и Квириналом, где проходили народные собрания — центуриатные комиции — спортивные соревнования и военные смотры.

Fori — форум (лат.) — центр политической и культурной жизни римского города (площадь для народного собрания, отправления правосудия, местонахождение наиболее значительного храма). Наиболее известным был Римский форум.

²³ *Kasbah* — казбах (от араб. casbah или kasbah) — цитадель правителя в мусульманских странах.

²⁴ *Primus inter pares* — первый среди равных (лат.).

²⁵ *...института дождей...* — см. выше, прим. 2 к гл. 3 «Истории хозяйства».

²⁶ *...не были «городскими общинами» или только отчасти отвечали этим требованиям.* — В Китае, Японии и Индии вовсе не существовало города как автономной корпорации с населением из бюргеров как носителей определенных сословных привилегий. Были гильдии, профессиональные объединения (Япония), чиновничьи, сословные организации (Китай), касты (Индия), но не автономные общины.

²⁷ *...при Меровингах и Каролингах.* — см. выше, прим. 10 и 58 к гл. 1 «Истории хозяйства».

²⁸ *...до бюрократизации при Александре III...* — В царствование Александра III (1881—1894) восторжествовали охранительные и реакционные тенденции, началась переделка преобразований 1860-х годов. Первым проявлением явились правила о сельских рабочих, изданные 12 июня 1886 г. Еще раньше в видах распространения административной опеки над крестьянами изданы были правила о крестьянских семейных разделах 12 марта 1886 г. Произошли коренные преобразования административного устройства крестьян и весьма существенная переделка положения о земских учреждениях 1864 г. В том же духе было выдержано и положение 12 июля 1889 г. о земских начальниках, обложенных сильной и произвольной властью и над отдельными крестьянами, и над органами крестьянского самоуправления и суда. При пересмотре земского положения уничтожена была та степень самостоятельности и независимости от бюрократической власти земских учреждений, которая по закону

1864 г. обеспечивалась им в качестве «учреждений общественных», не входивших в общий строй бюрократических установлений. По положению 1890 г. земские управы введены были в строй местных государственных установлений, а земские собрания подчинены в своей деятельности строгому контролю губернаторов. С другой стороны, всесословный строй земских учреждений заменен строем чисто сословным, с сильным преобладанием дворянского землевладельческого элемента.

²⁹ *В Египте времен Среднего царства...* — см. выше, прим. 10 к Введению «Истории хозяйства».

³⁰ *...в таблицах Тель эль Амарны...* — см. выше, прим. 1 к гл. 3 «Истории хозяйства».

³¹ *Монеты времен сам Зор, сам Картехдесчош в Тире и Карфагене...* — финикийские монеты датируются не ранее IV в. до н. э. Тир основан на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. Карфаген — в качестве колонии Тира — в IX—VIII вв. до н. э.

³² *Иудея (греч. Iudaea)* — с IV в. до н. э. арамейско-греческо-римское наименование южной части Палестины, область обитания колена Иудина — одного из 12 колен еврейского народа. Царь Давид объединил ее с областями обитания других еврейских колен. По окончании вавилонского плена (538 до н. э.) новая Иудея охватывала лишь те области, которые принадлежали коленам Иудину и Вениаминову, однако постепенно расширилась. В начале I в. н. э. входила как часть в провинцию Сирия; ею правил римский прокуратор. С 70 г. н. э. — самостоятельная римская провинция. В 135 г. император Адриан дал ей наименование Syria Palestina; впоследствии стала именоваться просто Палестиной.

³³ *Клавдии* — древнеримский патрицианский род, давший Риму немало государственных и военных деятелей. Старейшие представители рода, в частности Аппий Клавдий, слыли образцами добродетели.

³⁴ *Авимелех, Иеффай, Давид* — ветхозаветные военачальники, возвысившиеся в результате военных побед и получившие царскую власть или власти судьи (Иеффай) (I—III Цар.; Суд. 8, 31—35; 9, 1—57; 11, 1—40).

³⁵ *...ведущих свое происхождение от Али, хасанидских и других знатных родов...* — имеется в виду Али ибн Аби Талиб (?—661), четвертый и последний из «праведных халифов» (656—661), двоюродный брат пророка Магомета, муж его дочери Фатимы, отец Хасана и Хосейна, от которых вели свое происхождение некоторые династии. От Хосейна — Табаристанские Алиды, создавшие государство в Прикаспийском крае (864 г. — X в.) и Фатимиды, основавшие могущественный египетский шиитский халифат (909—1171). Из потомков старшего сына Али Хасана одна ветвь основала в Йемене династию зейдитско-шиитских имамов Рассидов (893—1300) с их продолжением — династией имамов Сана; другая — в Марокко создала государство Идрисидов (788—985).

Многочисленные потомки Алидов живут в настоящее время во всех мусульманских странах. Они обладают преимущественным правом носить зеленую чалму и называться сейидами или шерифами.

³⁶ *...кто-либо когда-либо был «шерифом»...* — *Шериф* (шариф) (араб. благородный) — почетное прозвище потомков Магомета, составлявших в средние века один из слоев аристократии мусульманских государств. В более узком смысле — потомки внука пророка Хасана. См. также предыдущее примечание.

³⁷ *Харун ар-Рашид* (Гарун аль-Рашид) (763 или 766—809) — багдадский халиф (с 786) из династии Аббасидов. При нем в Халифате достигли значительного развития сельское хозяйство, ремесла, торговля.

³⁸ ...шафиитский... — *Шафииты* — последователи религиозно-правовой школы Абу Абдаллаха аш-Шафии, одного из четырех мазбахов, признанных и поныне во всем мусульманском мире. В IX—X вв. Мекка и Медина стали шафиитскими центрами.

³⁹ ...борьбе Тулунидов и Саффаринов... — *Тулуниды* — династия в Египте в 868—905 гг. Основатель — наместник Аббасидов в Египте Ахмед ибн Тулун, при котором Египет стал фактически независимым от Аббасидов. Династия Тулунидов подчинила себе также Сирию и Палестину.

Саффарины — династия правителей в Восточном Иране (861—900). Основатель династии — Якуб ибн Ляйс по прозвищу Саффар (медник). После 900 г. владения Саффаринов перешли под власть Саманидов.

⁴⁰ ...курейшитских родов... — племя курейш составляло основное население Мекки, а сам Мухаммед происходил из рода хашим, принадлежащего к племени курейш.

⁴¹ *Синойкосный полис* — см. выше, прим. 39 к гл. 4 «Истории хозяйства».

⁴² ...«Ника» — восстание при Юстиниане... — мощное восстание «Ника» (греч. *nika!* — цирковой клич «побеждай!») — народное восстание в Константинополе в 532 г., организованное цирковыми партиями венетов («голубых») и прасинов («зеленых»), направленное против притеснения властей и захватнической политики Юстиниана. Жестоко подавлена полководцем Юстиниана Велизарием. *Юстиниан* — см. выше, прим. 54 к гл. 1 «Истории хозяйства».

⁴³ ...янычар и «сипахов»... — *Янычары* (тур. *уеңісегі*, букв. — новое войско) — регулярная турецкая пехота, состоявшая на жаловании государственной казны. Первоначально комплектовалась из пленных юношей, позже путем насильственного набора мальчиков из христианского населения. Янычары считались рабами султана, жили в казармах, питались из общего котла, служившего символом янычарского корпуса. Им запрещалось жениться и заниматься хозяйством.

Сипахи (спахии, спаги) (тур. *sipahi*) — в Османской империи общее название военных ленников, получавших от султана земельные пожалования и обязанных нести военную службу, выступая в поход с определенным числом содержащихся за их счет всадников. В XV—XVI вв. составляли важнейшую часть турецких военных сил.

⁴⁴ ...религиозными организациями улемов и дервишей... — *Улемы* (уламы) (араб. ученые) — сословие мусульманских богословов и законоведов: имама, факихи, муфтии, кади и т. д.

Дервиши (перс. бедняк, нищий) — одно из распространенных названий членов суфийских братств, возникших уже в IX в., но получивших широкое распространение лишь с XII в.

II

Западный город

¹ ...спор Алидов с городской общиной из-за «садов Фадака», бывший, между прочим, экономическим поводом отпадения ши'а... — *Ши'а* — группа приверженцев, партия (араб.). В ходе борьбы за власть между потомками пророка Магомета образовалась политическая группировка, которая выступала в защиту прав Али (см. выше прим. 36 к гл. 1) и его потомков (Алидов) на верховную власть — имамат. Потерпев поражение, шиит-

ское движение в середине VIII в. трансформировалось в религиозное течение в исламе — шиизм.

Фадак — земледельческий оазис в Северном Хиджасе недалеко от Хайбара. В настоящее время не существует. Население Фадака составляли иудеи, которые выращивали зерновые и финиковую пальму. Оазис приобрел известность заключенным с мусульманами договором о капитуляции, в котором Магомет сформулировал свое частное решение по вопросу о доходах с земель Фадака. После кончины Магомета его дочь Фатима выступила с притязаниями на доходы с Фадака. Халиф Абу Бакр возразил ей, сославшись на хадис Магомета, что у него нет наследников и все им оставленное является собственностью общины. Хотя иск Фатимы был отклонен, раздоры сторон о статусе Фадака не утихали на протяжении двухсот лет. В шиитской среде возникло мнение, что земли Фадака составляют наследственную собственность семьи Пророка. В зависимости от политической ситуации притязания Алидов то признавались, то отвергались верховной властью.

² ...эзогамической и эндофратрической принадлежности к роду... — см. выше, прим. 35 к гл. 1 «Истории хозяйства».

³ **Пританей** (греч. общинный дом, толос — круглое здание) — место пребывания пританов и исполняющих в течение одного дня должность председателя (эпистата пританов), который хранил афинскую государственную печать и ключ от государственной казны и архива. Пританы сообщали обедали в пританеи и поддерживали священный огонь в очаге. Обед в пританеи считался и для афинянина, и для иностранца высокой почестью. См. также ниже, примеч. 11 к этой главе.

⁴ **Фратрия** — см. выше, прим. 46 и 51 к гл. 1 «Истории хозяйства».

⁵ ...апостолом Павлом в его «Послании к галатам»... — см. выше, прим. 42 к гл. 4 «Истории хозяйства».

⁶ ...как сказано в немецком переводе «Хелианда», свой *Hantgemal*... — «Хелианд» (Heliand) («Спаситель») — саксонская поэма первой половины IX в., наряду с религиозными мотивами (изложение Нового завета) содержит сведения о социальном строе и социальных идеалах.

Хантгемал (Hantgemal) — родовое владение (и знак, указывающий на принадлежность к определенному роду).

⁷ ...восстановлении Иерусалимского полиса Ездрой и Неемией... — См.: Ветхий завет, Книга Неемии. См. также. выше, прим. 40 и 86 к гл. 4 «Истории хозяйства».

⁸ ...курии (фратрии) и трибы (филы)... — см. выше, прим. 46 к гл. 1 «Истории хозяйства».

Триба — см. выше, прим. 53 в гл. 4 «Истории хозяйства».

⁹ **Шеффены** — см. выше, прим. 86 к гл. 1 «Истории хозяйства».

¹⁰ **Метеки** — см. выше, прим. 57 к гл. 4 «Истории хозяйства».

¹¹ ...общие выборы пританов... — 500 членов афинского совета избирали по жребию сроком на 1 месяц в качестве пританов (председателей) 50 булевтов (членов совета) одной из фил для исполнения текущих обязанностей: созыв и ведение народного собрания, подготовка заключений, ведение переговоров, подсчет суточных, прием послов. После отчетного доклада пританию (греч. исполнение обязанностей председателя) принимала на себя следующая фила, так что в течение 10 месяцев афинского календарного года каждая фила исполняла пританию на протяжении одного месяца. Остальные 450 булевтов заседали в булевтерии (совете) по мере надобности.

¹² *Хачек указывает...* — по-видимому, имеется в виду Юлий Хачек (Гатчек) (Hatschek) — немецкий ученый, государствовед.

¹³ *Эдуард I* (Edward) Плантагенет (1239—1307) — английский король с 1272 г. При нем окончательно сложилась практика созыва парламента, присоединен Уэльс.

¹⁴ *Universitas civium* — сообщество горожан (городская община) (лат.).

¹⁵ *Бейерле* (Beyerle) Конрад (1872—1933) — немецкий историк права и политический деятель научное значение имеет публикация Бейерле баварских средневековых документов, в том числе «Баварской правды» с источниковедческим введением, в котором он предложил новую теорию ее происхождения; основное утверждение — решающая роль церкви в ее создании.

¹⁶ *...отношения к каждому субъекту права как к «участнику судебного собрания»...* — по германскому (франкскому) праву каждый свободный человек имел право и обязанность участвовать в судебном процессе.

¹⁷ *Гогенштауфены* — см. выше, прим. 53 к гл. 2 «Истории хозяйства».

¹⁸ *...апроприация власти...* — см. выше, прим. 23 к гл. 2 «Истории хозяйства».

¹⁹ *Клиентела* — см. выше, прим. 54 к гл. 4 «Истории хозяйства».

²⁰ *Салическая, или Франконская династия германских королей и императоров «Священной Римской империи» правила с 1024 по 1125 гг.* (Конрад II, Генрих III, Генрих IV, Генрих V).

²¹ *Эдуард II* (Edward) Плантагенет (1284—1327) — английский король (с 1307), находившийся в постоянном конфликте с баронами.

²² *Бертольд Церингенский* — имеется в виду Бертольд III, принадлежавший к ветви герцогов Церингенских, властителей целого «государства» в Швабии. Фрейбург (в Брейсгау) был основан его братом Конрадом в 1120 г.; право Фрейбурга оказало большое влияние на развитие городского права в Германии. Бертольд III подтвердил данные городу привилегии.

²³ *Фридрих II* — см. выше, прим. 13 к Предварительным теоретическим замечаниям «Истории хозяйства».

²⁴ *...по предположению Гегеля...* — имеется в виду Карл Гегель (Gegel) (1813—1901) — сын великого философа, немецкий историк, автор трудов по истории немецких и итальянских городов. См. его работу «Города и гильдии германских народов в средние века» («Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter, Bd. 1—2, 1891»).

²⁵ *...из отношений между Хлодвигом и его войском.* — Хлодвиг I (Chlodwig) (465/466—511) — король салических франков (см. прим. 13 к гл. 1 «Истории хозяйства») (с 481) из династии Меровингов. М. Вебер имеет в виду известный рассказ из хроник Григория Турского. После взятия города Суассон при дележе добычи, захваченной в одной из церквей, король Хлодвиг I попросил отдать ему ценную чашу удивительной величины и красоты, чтобы вернуть ее церкви. Но среди воинов были живы еще воспоминания о временах, когда король стоял лишь немного выше своих дружинников и был обязан делить с ними добычу по жребию. Вот почему один из воинов разрубил секирой чашу со словами: «Ничего из этого не получишь, кроме того, что полагается тебе по жребию». Король смолчал, но через год на сборе войска при осмотре оружия заявил, что оружие этого воина содержится в беспорядке, вырвал у него секиру, бросил на землю и разрубил ему голову, сказав: «Так ты поступил с чашею в Суассоне». Остальным же приказал расходиться по домам, «внушив тем большой к себе страх».

III

Родовой город в средние века и в древности

¹ *Аккламация* (от лат. *acclamatio* — крик, восклицание) — принятие или отклонение собранием какого-либо предложения без подсчета голосов, на основе реакции участников собрания, выражаемой возгласами, репликами и т. д.

² *Popolo* — простые люди, чернь (ит.). На самом деле пополаны представляли влиятельные и имущие слои городского населения.

³ *Савонарола* (*Savonarola*) Джироламо (1452—1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру.

⁴ *Apotiori* — преимущественно, главным образом (лат.).

⁵ *Адриан* — см. выше, прим. 50 к гл. 2 «Истории хозяйства».

⁶ *Dux* — см. выше, прим. 2 к гл. 3 «Истории хозяйства».

⁷ *Defensores* — защитники, дефензоры (лат.). *Дефензор* (лат. *defensor civitatis*) — управляющий процессами в городе или в корпорации. Должность дефензоров (сначала в Иллирии) создал Валентиниан I для защиты плебеев от злоупотреблений властью имущих.

⁸ ...*притязаниями дожа на создание «частной церкви»*. — Право частной церкви — право светских лиц (королей, крупных феодалов) основывать и приобретать церкви и монастыри и пользоваться их владениями и доходами. Появилось во Франкском государстве в эпоху Меровингов, при Карле Великом было официально признано церковью.

⁹ *Вальдрада* — принцесса немецкого происхождения, дочь Гуго, маркиза Тосканы.

¹⁰ ...*последнему кандяианцу*... — из знатного рода Кандиано происходили пять дождей Венеции (IX—X вв.). Пьетро IV Кандиано, женатый на Вальдраде, был убит во время народных волнений в 976 г. Последним дожем из рода Кандиано был его брат Витале, умерший в 979 г.

¹¹ ...*принципа судебного собрания, проникшего и сюда под франкским влиянием*... — см. выше, прим. 16 к предыдущей главе.

¹² *Риальто* — см. выше, прим. 62 к гл. 1 «Истории хозяйства».

¹³ ...*капитуляции закончили дело*... — избирательные капитуляции в Венеции устанавливали новый порядок избрания дожа во изменение конституции Венеции, ограничив его власть в пользу олигархии (XIII в.).

¹⁴ *Хрисовул императора Алексея*... — имеется в виду Алексей I Комнин (ок. 1048—1118) — византийский император (с 1081). Теснимый вторгшимся в пределы империи норманнами, Алексей заключил невыгодный мир с сельджуками и союз с императором «Священной Римской империи» Генрихом IV и Венецией, предоставив последней широкие торговые привилегии.

Хрисовул (греч. *chrysobullon*, букв. — золотая печать) — торжественная грамота византийского императора; в такой форме публиковались законы, государственные договоры с иностранными державами, важнейшие императорские пожалования.

¹⁵ *Восточная империя* — имеется в виду Византийская империя...

¹⁶ ...*знаменитых «трех восьмых» Латинской империи*... — 4-й Крестовый поход (1202—1204), организованный по инициативе римского папы Иннокентия III, был направлен (главным образом усилиями венецианского купечества) против Византии, на части территории которой после захвата крестоносцами Константинополя была создана Латинская импе-

рия (1204—1261). Наибольшие выгоды от завоевания Византии получила Венеция, захватившая три восьмых ее владений — важнейшие береговые пункты в Южной и Восточной Греции, предместья Константинополя (Галату), остров Крит и ряд островов архипелага.

¹⁷ *Quarta pars et dimidia* — четвертая часть и (ее) половина (лат.).

¹⁸ Дандоло (Dandolo) Энрико (ок. 1108—1205) — венецианский дож с 1192 г. Добился изменения направления 4-го крестового похода (в Византию вместо Египта), участвовал в 1204 г. в разграблении Константинополя и создании Латинской империи.

¹⁹ *Placita* — заседания (в том числе судебные) (лат.).

²⁰ ...созданной для разбора одного заговора... — имеется в виду заговор Байамонте Тьеполе в 1310 г.; для следствия по нему и был создан Совет Десяти, целью которого была охрана безопасности государства.

²¹ ...римском репетундном процессе. — Репетундный процесс в Древнем Риме возбуждался в случае вымогательства (взяток) должностными лицами с населения провинций или городов. Виновные карались приговором к возврату взятых денег (от простого до 4-кратного возмещения) или изгнанием и запрещением занимать магистратуры.

²² ...на почве спора об инвеституре. — см. выше, прим. 92 к гл. 4 «Истории хозяйства».

²³ ...партий гвельфов и гибеллинов... — см. выше, прим. 59 к гл. 4 «Истории хозяйства».

²⁴ ...Вильгельм Завоеватель... после победы при Гастингсе... — см. выше, прим. 60 к гл. 4 «Истории хозяйства».

²⁵ *Portreeve* — управляющий, здесь — глава магистрата города (англ.).

²⁶ Стефан Блуасский или Этьен де Блуа (1105—1154) — король Англии (с 1135), правление которого характеризуется феодальными смутами и борьбой различных претендентов за престол.

²⁷ Тюдоры (Tudor) — королевская династия в Англии в 1485—1603 гг. Правила: Генрих VII, Генрих VIII, Эдуард VI, Мария I, Елизавета I.

²⁸ *Gratia emendi et vendendi* — дарование права покупать и продавать (лат.).

²⁹ Медиатизированные города — в Германии города, подчиненные князьям и другим крупным властителям и лишь через их посредство — императору.

³⁰ Джентри — нетитулованное, но имеющее собственный герб дворянство в Англии, в отличие от крупной феодальной знати (nobility); важная часть так называемого нового дворянства.

³¹ Генрих I (Henry) (1068—1135) — английский король (с 1100), младший сын Вильгельма I Завоевателя.

³² ...королем Иоанном... — см. выше, прим. 58 к гл. 2 «Истории хозяйства».

³³ *Alderman* — олдерман, глава гильдии (англ.).

³⁴ *Conjuraciones fori* — должностные лица, принесшие клятву (лат.).

³⁵ Микенская культура — культура материковой Греции и островов Эгейского моря (эгейская культура) в эпоху развитого бронзового века (вторая половина II тысячелетия до н. э.), называемая также культурой позднеэлладского периода. Название происходит от ее центра — города Микены, располагавшегося в северной части Арголиды (Пелопонесс). Наряду с городами, характеризовавшимися высоким уровнем ремесленного производства и роскошными строениями (Микены, Тиринф, Пилос), существовали небольшие поселения, которые не пострадали во вре-

мя дорийского переселения примерно в XII в. до н. э. и подчинились им. Города были разрушены.

³⁶ *...Исмар назван «полисом»... киконов — Киконы — фракийский народ, фигурирующий в греческих преданиях. К ним раньше всего прибыл Одиссей на обратном пути из Трои; он разграбил их город Исмар (Ismaros), а киконы напали на корабли Одиссея и его спутников, так что с каждого корабля Одиссей потерял по шесть гребцов.*

³⁷ *У феаков знать претендует на право привлекать население к участию в расходах на подношения гостям. — Феаки (греч. Φαίακες) — в греческой мифологии обитатели сказочного острова Схерия. Отличаясь гостеприимством и исключительным мастерством в кораблевождении, феаки считают свои долги отправлять на родину мореходов, попавшим с ним в результате кораблекрушения. Одиссей, заброшенный на остров бурей, встречает там радушный прием (Одиссея, VII, 139—328) и получает дорогие подарки (XIII, 4—15). Именно на этот эпизод ссылается здесь М. Вебер.*

³⁸ *Терсит (Ферсит) (Θερσίτης) — в греческой мифологии незнатный воин, участвующий в Троянской войне на стороне ахейцев, враг Ахилла и Одиссея. На собрании войска под Троей Терсит набрасывается с оскорблениями на Агамемнона, обвиняя его в том, что он несправедливо захватывает большую часть добычи. За это Одиссей жестоко избивает Терсита (Илиада, II, 212—270). В выступлении Терсита отразилась попытка простых воинов защитить свои права от посягательств знати.*

³⁹ *Kleros — см. выше, прим. 50 к гл. 4 «Истории хозяйства».*

⁴⁰ *Агон — борьба, состязание (лат.). Отличительная черта греческого быта — неудержимое стремление к любым состязаниям почти во всех сферах общественной жизни. Главную роль играли спортивные (гимнастические), художественные (поэтические и музыкальные) и конные соревнования. Агоном или агонистикой называлось просто стремление к спортивным успехам, в отличие от атлетики, профессионального спорта, которые начиная с V—IV вв. до н. э. все в большей степени стали определять характер крупных спортивных состязаний.*

⁴¹ *Дезидемония — страх перед богами (греч.). К воздействовавшей на человеческую жизнь власти богов в античности относились с почтительным страхом. У греков уже с IV в. до н. э. люди при всех случайностях руководствовались богобоязненной позицией, усилившейся культовыми обрядами и суеверными обычаями.*

⁴² *Гоплиты — см. выше, прим. 115 к гл. 1 «Истории хозяйства».*

⁴³ *...во многих городах Эллады, Этрурии, Лациума... — Эллада — первоначально местность в южной части Фессалии на северо-востоке Греции (см. «Илиаду» Гомера), впоследствии — вся Греция.*

Этрурия — местность в Средней Италии между Тибром и горами севернее Арно, территориально не совсем совпадает с современной Тосканой.

Лациум, или Лаций — древняя область в Центральной Италии, сравнительно поздно заселенная латинянами (археологические раскопки поселений позволяют отнести их к первой половине I тысячелетия до н. э.).

⁴⁴ *Хеттское царство — государство в Малой Азии в XVIII — нач. XII вв. до н. э., основной соперник Египта в борьбе за господство в Передней Азии. Ок. 1200 г. до н. э. погигло в результате вторжения «народов моря».*

⁴⁵ *Лидийское царство — государство на западе Малой Азии, возникшее в начале VII в. до н. э. после распада Фригийского царства (695 до н. э.). В 547 г. до н. э. Лидия была завоевана персами.*

⁴⁶ *Дорийское вторжение* — распространенное название последней фазы переселения народов, которое начиная с XIV в. до н. э. охватило бассейн Средиземного моря, достигло Центральной Европы и Передней Азии. Следует ли говорить о постепенном проникновении дорийских племен или о вооруженном захвате этих территорий, однозначного ответа нет. Неясен также вопрос о непосредственном пути вторжения. К 900 г. до н. э. Пелопонесс, остров Крит, южные острова Эгейского моря и юг Малой Азии были заселены дорийцами.

⁴⁷ *...до времен Александра и самнитских войн...* — имеется в виду Александр Македонский (356—323 до н. э.).

Самнитские войны — три кровопролитные войны (343—341, 327—304, 298—290 до н. э.), в которых самнитские племена были разгромлены римлянами.

⁴⁸ *...случай в Аквилее, описанный Готейном, и в Алессандрии при ее основании...* — Готейн (Gothein) Эберхард (1853—1923) — немецкий историк, работы которого посвящены главным образом вопросам социально-политической, экономической, а также религиозной и культурной истории Германии XV—XVII вв.

Аквилея — город в стране венецов; в 181 г. до н. э. римлянами здесь была основана колония.

Алессандрия — город в Северной Италии, в области Пьемонт на реке Танаро. Основан в 1168 г. как военная крепость.

⁴⁹ *Asioi* — горожане, граждане (*др. греч.*).

⁵⁰ *Curia=coviria* — слово курия (совокупность родов) равнозначно обозначению объединению сообщества мужчин.

⁵¹ *...по драконовским законам...* — свод законов афинского законодателя Дракона (Драконта), составленный им в 621 г. до н. э. (первая кодификация афинского права). По этим законам отменялось право родовой аристократии на кровную месть, карательные функции были переданы ареопагу, был ограничен произвол судебных приговоров. В целях охраны частной собственности знати законы Дракона содержали тяжкие наказания за нарушение законов о собственности (например, смертную казнь за кражу зерна, овощей и пр.). Во избежание народных волнений уголовное законодательство Дракона было смягчено Солоном в 594 г. до н. э.

⁵² *...так происходило при разделении Родоса...* — *Родос* (*греч.* Rhodos — остров роз) — большой плодородный остров у юго-западного побережья Малой Азии, с XIV в. до н. э. занятый ахейцами. Они были ок. 1000 г. до н. э. вытеснены дорийцами, поделившими территорию острова между тремя городами — Линдом, Ялисом и Камиром, которые вместе с Галикарнасом, Книдом и Косом составили так называемый дорийский Гексаполис (Союз шести городов).

⁵⁸ *Амфиктиония*, или амфиктионов союз (*греч.* amphiktionos — живущий в другом полушарии) — название союза греческих племен, живших по соседству со святилищем общего высшего божества и объединявшихся для его защиты. Спорные вопросы, возникавшие между членами союза, улаживались третейским судом. Наиболее известными Амфиктиониями были Дельфийский и Делосский союзы.

⁵⁴ *Эргастерия* — см. выше, прим. 2 к гл. 2 «Истории хозяйства».

⁵⁵ *Gentes minores* — патрицианские роды из плебеев (*лат.*).

⁵⁶ *Диакрии* (Διάκριος) — одно из трех политических течений в Аттике в VI в. до н. э., поддерживавшее Писистрата (см. примеч.). Геродот называл их гиперакриями (горцами).

⁵⁷ *Гесиод* (VIII—VII вв. до н. э.) — первый исторически достоверно установленный древнегреческий поэт, автор поэм «Теогония» («Происхождение богов») и «Труды и дни». Его отец был выходцем из Кимы (Малая Азия) и переселился в Аскру (Беотия), где вел жизнь крестьянина, занимаясь пастушеством.

⁵⁸ ...подобном захребетникам (*Muntmannen*) Средневековья... — см. выше, прим. 85 к гл. 1 «Истории хозяйства».

⁵⁹ ...в Израиле до времени пленения... — т. е. до 586 г. до н. э., когда Иерусалим был взят вавилонским царем Навуходоносором II и часть евреев была насильственно уведена в Вавилонию.

⁶⁰ ...военная «сотня» германцев... — деление древних германцев на «сотни» было достаточно условно и значительно колебалось по численности. Такое деление было обусловлено необходимостью отправлять в походы определенное число вооруженных воинов.

⁶¹ *Interrex* — верховный правитель государства во время междуцарствия (в Риме) (*лат.*).

⁶² *Моммзен* — см. выше, прим. 49 к гл. 4 «Истории хозяйства».

⁶³ *Навкрария* — см. выше, прим. 18 к гл. 2 «Истории хозяйства».

⁶⁴ *Ареопаг* (*греч.* холм Арея) — холм в Афинах, место заседаний древнего судилища того же названия, происхождение которого относится к мифическому периоду. Суд, заседавший на ареопаге, отправлял уголовное судопроизводство. Солон в 594 г. до н. э. ввел в его состав бывших архонтов. Ареопаг наблюдал за исполнением законов, мог привлекать к ответственности должностных лиц и протестовать против решений совета и народных собраний. По закону Эфиальта в 462 г. до н. э. ареопаг потерял все права, кроме уголовного суда. При Адриане в 130 г. н. э. ареопаг был вновь восстановлен в правах как верховный правящий орган, однако деятельность его уже не имела большого значения.

⁶⁵ *Лелантская война* (VIII — сер. VII вв. до н. э.) — длительная война за плодородную Лелантскую равнину между городами Халкидой и Эретрией (остров Эвбея). Поддержка воюющих городов разными группировками греческих городов придала борьбе общегреческий характер. На стороне Халкиды выступили Самос, Коринф, Фессалия и Фракия, на стороне Эретрии — Милет и Мегары. Война завершилась победой Халкиды.

⁶⁶ ...города перизков... — Перизки (*греч.* живущие вокруг) — порабощенная спартанцами группа лаконского населения, которая хотя и сохранила личную свободу, все же на протяжении всей истории Спарты не принимала участия в Народном собрании и управлении государством. Города перизков — покоренные спартанцами приморские и пограничные города Лаконии.

⁶⁷ *Гармост* (*греч.* распорядитель) — первоначально, должностное лицо, назначаемое Спартой для надзора в перизкских поселках. Во время Пелопонесской войны гармостами назывались командиры частей, сформированных из перизков и илотов. Во время спартанской оккупации союзных и непокоренных городов гармосты были начальниками гарнизонов, поддерживали местных сторонников Спарты (как правило, олигархов) в противовес местной демократии.

⁶⁸ *Terra-ferma* — земли на материке, здесь — зависимые от Венеции владения (*ит.*).

⁶⁹ *Scioperati* — неработающие, лодыри (*итал.*).

⁷⁰ *Эдуард III* (*Edward*) (1312—1377) Плантагенет — английский король (с 1327). При нем началась Столетняя война с Францией (1337—1453). Издал первые Статуты о рабочих.

⁷¹ *Linen armourers* — ткачи холста для нужд войска (староангл.).

⁷² *Merchant tailors* — купцы-ткачи (англ.).

⁷³ *Arti di Calimala* (вероятно от греч. κάλος — прекрасный и μάλλος — шерсть) — цех Калимала (итал.) — цех суконщиков, занимавшийся переработкой грубого сукна в тонкое, один из старейших цехов Флоренции, игравший большую роль в ее политической жизни.

⁷⁴ «*Auri sacra fames*» — «проклятая страсть к золоту» (лат.). Выражение принадлежит Вергилию («Энеида», III, 57): «К чему не склоняешь ты смертные души, / К злату проклятая страсть!» (пер. В. Брюсова).

⁷⁵ «*Ordinamenti della giustizia*» — «Правовые уложения» (итал.).

⁷⁶ *Макиавелли* (Machiavelli) Никколо (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, историк, писатель. См. его «Историю Флоренции»:

⁷⁷ ...в римском смысле «*homo novus*»... — первоначально в среде римского нобилитета презрительное название каждого выходца из сословия всадников, первым в своей семье занявшего должность консула и соответственно сумевшего подняться до правящих слоев. Позднее вообще всякий выскочка. Известнейшим «новым человеком» был Цицерон.

IV

Плебейский город

¹ *Abrogent statutis omnibus et semper ultima intelligantur* — они упраздняли все статуты, и их решение понималось всегда как последнее и окончательное (лат.).

² ...после восстания чомпи... — *Чомпи* (ит. ciompi) — чесальщики шерсти и другие работники мануфактур Флоренции XIV в., в 1378 г. подняли восстание, к которому примкнули мелкие ремесленники. Добивались повышения заработной платы, участия в управлении государством (впервые в европейской истории). Создали свое правительство во главе с Микеле ди Ландо, позднее предавшим повстанцев. Восстание было подавлено.

³ ...слои странствующих подмастерьев. — Подробнее см. в работе «История хозяйства», стр. 143—144.

⁴ *Медици* — см. выше, прим. 3 к Введению «Истории хозяйства».

⁵ ...развитие в античности демоса и плебса... — *Демос* (греч. demos — народ) — в Древней Греции население области, а также общность полноправных граждан государства. Понятие «демос» обозначает также народ в узком смысле слова как противопоставление аристократам. После 508 г. до н. э. в Атике словом «демос» стали называть наименьшие административные ячейки — сельские общины, городские округа.

Плебс — в Древнем Риме вся масса римского народа, противопоставляемая патрициям. Позже понятие «плебса» распространилось на низшие слои народа. Как в Риме, так и в других городах сохранялись различия между плебсом и привилегированными слоями населения. В позднеантичный период законодательство различало городской и сельский плебс.

⁶ ...как полагает Э. Мейер, эдилы... — Мейер (Meuser) Эдуард (1855—1930) — немецкий историк древности, профессор в Лейпциге и Берлине, автор «Истории древности» в 5-ти т. (1884—1902).

Эдилы (от лат. aedes — храм) — городские магистраты. Наиболее известны римские магистраты. Первоначально, начиная с 491 г. до н. э., эдилы были помощниками народных трибунов. Законами, изданными в

367 г. до н. э., в период правления Лициния и Секстия, к ним были добавлены два эдила, избиравшиеся из патрициев. В их обязанность входили надзор за строительством, состоянием улиц, храмов и рынков, а также раздача хлеба, проведение общественных игр и охрана государственной казны. В императорскую эпоху эдилы постепенно утратили свое значение.

⁷ *Sacro sanctus* — святое святых, неприкосновенный (лат.).

⁸ *Ауспиция* (лат. *auspicia* — наблюдение за полетом птиц) — в Древнем Риме гадания по полету птиц и другие «божественным знамениям» (по крику животных, различным явлениям на небе и т. д.) с целью узнать волю богов. Право ауспиции принадлежало магистратам. Совершались они перед началом какого-либо важного государственного акта в течение одного дня на том месте, где акт должен совершиться. Магистрат ночью в молчании садился на магистратское кресло в специальной палатке, произносил ряд формул и условий и ждал знамений.

⁹ *...без суда и следствия сбрасывать с Тарпейской скалы* — Тарпея (лат. *Tarpeia*) — по преданию, дочь Спурия Тарпея, оборонявшего Римскую крепость от сабиан. Желая получить украшения сабинских воинов или из-за любви к их царю Титу Тацию открыла ворота крепости. Сабинские воины выполнили свое обещание подарить ей то, что они носили на левой руке, т. е. золотые браслеты, но, выполняя обещание, забросали Тарпею щитами, которые тоже носили на левой руке. Ее именем была названа Тарпейская скала, с которой впоследствии сбрасывали преступников.

¹⁰ *Интерцессия* — см. выше, прим. 46 к гл. 4 «Истории хозяйства».

¹¹ *Lex Hortensia* (закон Гортензия — лат.) — *Гортензий* (*Hortensius*) Квинт — римский государственный деятель, в 287 г. до н. э. — диктатор. Убедил удалившихся на холм Яникул плебеев возвратиться в город, проведя закон о том, что решения плебса по трибам (плебисцит) ставятся наравне с постановлениями центуриатных комиций законами (*leges*), благодаря чему народные трибуны получили законодательную инициативу. Этим окончилось внутривластное развитие ранней Республики (борьба сословий).

¹² *Гракхи* — см. выше, прим. 51 к гл. 4 «Истории хозяйства».

¹³ *Принцепс* (лат. *princeps* — первый) — во времена римской республики наименование сенаторов, значившихся первыми в списке сената и первыми подававших голос (например, Сципиона, Помпея), во времена Империи — титул императора. Название «принцепс» не имело государственно-правового значения. Власть императора базировалась прежде всего на его трибунской власти (*tribunicia potestas*), сообщавшей ему полномочия и привилегии народного трибуна. Принцепс являлся проконсулом Империи, что делало его главой над всеми императорскими провинциями; он был главнокомандующим всего римского войска.

¹⁴ *Эфоры* — см. выше, прим. 43 к гл. 4 «Истории хозяйства».

¹⁵ *Герусия* (греч. *gerusia* — совет геронтов) — совет старейшин, высший государственный орган в Спарте. Состоял из 30 геронтов (включая обоих царей), зажиточных спартиатов, избираемых пожизненно (возраст избираемого должен был быть не менее 60 лет). Герусии, созываемые эфорами, готовили решения народных собраний, составляли решения по важнейшим государственным делам и уголовным процессам.

¹⁶ *...после первой Мессенской войны...* — Во второй половине VIII в. до н. э. в результате 1-й Мессенской войны спартамцам удалось захватить территорию Мессении и поработить ее население (илоты). Жестокая эксплуатация мессенцев, часть из которых переселилась за пределы роди-

ны, вызвала в VII в. до н. э. восстание илотов против спартанцев, известное под названием 2-й Мессенской войны. Мессенцы под руководством Аристомена вступили в союз с Аргосом и Аркадией и, несмотря на военное превосходство спартанцев, нанесли им ряд поражений. Только после взятия мессенской крепости Хира восстание было подавлено.

¹⁷ *Эсимнет* (греч. начальник) — судья, наделенный чрезвычайными полномочиями для урегулирования внутренних волнений в греческих городах в VI в. до н. э. (Питтак в Мителене, Харонд в Катане и др.). В некоторых городах (Мегира, Милет, Наксос и др.) эсимнетами назывались также эпонимные чиновники.

¹⁸ *Ecclesia* — экклесия, народное собрание (греч.). В Древней Греции в экклесии все свободные и полноправные граждане имели право голоса. В ходе демократизации рабовладельческого общества расширились политические права экклесии: выборность должностных лиц, контроль за исполнением ими своих обязанностей, решения о войне и мире, высшая законодательная власть, компетенция в отношении государственных процессов и право высылки. Теоретически экклесия обладала верховной властью, однако на практике реализация демократии была затруднена не только из-за олигархического устройства, но и ограниченного числа граждан — участников экклесии.

¹⁹ *...законом Эфиальта... — Эфиальт* (Ephialtes) — афинский политический деятель, стоявший на стороне афинского демоса. В 462 г. до н. э. провел реформу государственной власти, согласно которой ареопаг как орган аристократии был лишен своих политических функций (права утверждать рекомендованные народным собранием законы и судить за преступления должностных лиц). Защита конституции была поручена Совету пятисот, народному собранию и народному суду. После убийства Эфиальта в 461 г. до н. э. начатые им демократические реформы продолжил Перикл.

²⁰ *Демагоги* (греч. вожди народа) — политические деятели (прежде всего в Афинах), действовавшие в интересах народа. Их влияние в политической и хозяйственной жизни общества основывалось не на богатстве или служебном положении, а лишь на их ораторских способностях (например, Перикл).

²¹ *...времен Перикла... — Перикл* (ок. 495—429 до н. э.) — крупнейший из афинских государственных деятелей, происходил из аристократического рода. Получил огромное влияние в Афинах. После смерти Эфиальта (см. выше, прим. 19 к этой главе) продолжил начатые тем реформы. По его инициативе присяжные и члены совета получали ежедневную плату за службу, граждане — деньги на театральные представления. После того, как Кимона подвергли остракизму (461 до н. э.), Перикл стал играть первую роль в афинской политике. После победы над Спартой, он упрочил положение Афин внутри морского союза настолько, что они могли выводить клерухии (поселения афинских граждан) на территории союзников, а сам Афинский морской союз превратился в морскую державу, в которой афинские граждане должны были не только пользоваться преимуществами, но и активно участвовать в ее управлении. Политическая власть Перикла формально была основана на должности стратега, которую он занимал после 443 г. до н. э. 15 раз, но в действительности он был главой государства.

²² *Маккавей Иуда* — вождь восстания в Иудее (166—160 до н. э.) против Селевкидов, вспыхнувшего в ответ на религиозные преследования иудеев Антиохом IV, был убит в 160 г. до н. э. в сражении. Принадлежал

к династии первосвященников и правителей Иудеи (династия Хасмонеев), называемой по его имени также Маковеями.

²³ *Писистрат* (ок. 600—528 до н. э.) — афинский тиран с 561—560 г. до н. э. (с перерывами), который провел ряд реформ в интересах земледельцев и торгово-ремесленных слоев. В борьбе против аристократии раздавал часть конфискованной земли мелким крестьянам.

²⁴ *Харонд* — законодатель родом из Катаны, в конце VI в. до н. э. составивший законы для халкидских колоний на Сицилии и Южной Италии, в первую очередь для своего родного города и Регия. Слава Харонда как законодателя уступала славе Солона и Дракона.

Солон — см. выше, прим. 116 к гл. 1 «Истории хозяйства».

²⁵ *...культ Диониса...* — В честь Диониса в Аттике праздновались Дионисии, Ленеи, Анфестерии. Апогеем празднеств были фаллические процессии. Почитательницы Диониса менады, называемые также вакханками, прославляли его в оргиастическом культе. Несмотря на то, что культ Диониса преследовался его противниками (Ликург, Пенфей), он распространился до Индии.

²⁶ *...при изгнании Писистратидов.* — *Писистратиды* — потомки тирана Писистрата (см. выше, прим. 23 к этой главе). Сыновья Гиппий и Гиппарх были наследниками тиранической власти отца (с 528 г. до н. э.) в Афинах. Гиппий продолжил умеренную политику Писистрата, но после убийства его младшего брата Гиппарха (514 до н. э.) перешел к политике насилия. Под давлением Алкмеонидов спартанцы изгнали его вместе с братьями и сыновьями в 510 г. до н. э.

²⁷ *...тимократическому... уравнению сословных прав...* — Тимократия (др. греч. τμοκρατία) — государственный строй, дающий гражданам политические права в зависимости от размеров их имущества; особая форма олигархии. Практика деления граждан по имущественному цензу, определявшему размеры денежных платежей, воинскую повинность и, в конечном счете, политические права, относится к последним десятилетиям VII в. до н. э.

²⁸ *К тирании стремились полководцы вроде Алкивиада и Лисандра.* — *Алкивиад* — см. выше, прим. 11 к гл. 2 «Истории хозяйства». *Лисандр* (?—395 до н. э.) — спартанский полководец, после осады в 405—404 г. до н. э. взявший Афины и с помощью олигархов (Тирания Тридцати) ликвидировавший там демократическое устройство.

²⁹ *...итальянская синьория...* — см. выше, прим. 122 к гл. 1 «Истории хозяйства».

³⁰ *...Висконти в Милане, Скалигеры в Вероне и Эсте в Мантуе...* — *Висконти* (Visconti) — знатный род ломбардских феодалов (известен с конца X в.); в 1277—1447 гг. — тираны Милана.

Скалигеры (делла Скала) (Scaligeri, Della Scala) — итальянский феодальный род, правивший в Вероне с 60-х годов XIII в. по 1387 г., когда Верону захватили правители Милана Висконти.

Эсте (д'Эсте) (d'Este) — итальянский феодальный род, выступавший во главе гвельфов Северной Италии, правивший в Ферраре с 1184 по 1597 гг. По-видимому, у Вебера здесь ошибка. Мантуя была первоначально (с 1272) синьорией Бонакользи, а с 1328 г. должность наследственного генерального капитана захватил род Гонзага, которому и принадлежала власть в Мантуе фактически до 1708 г.

³¹ *...подчинения Флоренции испанскими войсками...* — видимо, имеется в виду возвращение господства рода Медичи во Флоренцию с помощью испанских войск в 1512 г.

³² *Леопольд Тосканский* — имеется в виду великий герцог Тосканский Леопольд (1747—1792) из Габсбургско-Лотарингской династии, с 1790 г. — император «Священной Римской империи».

³³ *...двум итальянским городам...* — имеются в виду Венеция и Генуя.

³⁴ *Стюарты* — см. выше, прим. 84 к гл. 3 «Истории хозяйства».

³⁵ *Kingdom of influence* — здесь — влиятельные круги (англ.).

³⁶ *«Quo warranto»* — «На каком основании» (вульг. лат.) — полное название материалов начинается словами: «Судебные расследования, на каком основании...» феодальные собственники пользовались иммунитетными правами. Подобные расследования короли Англии стали производить с 1278 г. на основании Глостерского статута в достаточно широком объеме; предпринимались такие расследования и позже. В более широком понимании — расследование, в частности, и основания городских привилегий.

³⁷ *Яков II (James) Стюарт* (1633—1701) — английский король в 1685—1688 гг. Пытался восстановить абсолютизм и католическую церковь. Низложен в ходе государственного переворота.

³⁸ *Тайный совет* возник при королях Англии в XIV в.; особое влияние приобрел при Тюдорах.

³⁹ *...во Франции при Филиппе Августе...* — Филипп II (Philippe) Август (1165—1223) — французский король (с 1285) из династии Капетингов. Успешно проводил политику централизации государства (значительно расширил королевский домен, преобразовал в нем управление; ограничил самостоятельность феодальной знати).

⁴⁰ *В эпоху... Людовиков...* — видимо, имеется в виду период с 1610 по 1793 гг., когда королями Франции были Людовики (с XIII по XVII) из династии Бурбонов.

⁴¹ *...со времен Мазарини...* — Мазарини Джулио (1602—1661) — кардинал (с 1641), первый министр Франции (с 1643). Добился политической гегемонии Франции в Европе.

⁴² *...монополистические обладатели банна.* — см. выше, прим. 91 к гл. 1 «Истории хозяйства».

⁴³ *...меркантилистской торговой политики...* — подробнее см. в «Истории хозяйства», стр. 314—317.

⁴⁴ *...диссентеры не принадлежали согласно Тест-акту к господствующей городской корпорации...* — *Тест-акт* — имеется в виду закон 1673 г. в Англии, запрещавший католикам занимать государственные должности. *Диссентеры* — см. выше, прим. 79 к гл. 4 «Истории хозяйства».

⁴⁵ *Светские братья* — светские лица, входящие в церковную общину и практикующие духовные упражнения; были особенно распространены в городах позднего средневековья; институт светских братьев способствовал формированию церковных приходов.

⁴⁶ *Вакуфы* — см. выше, прим. 114 к гл. 1 «Истории хозяйства».

⁴⁷ *Фогты* (нем. Vogt, от позднелат. vocatus — защитник, доверенный) — во Франкском государстве Каролингов, а затем в средневековой Германии и Франции светское должностное лицо церковного учреждения, осуществлявшее на его территории судебную, полицейскую и фискальную функции. С ослаблением королевской власти фогты приобрели значительную самостоятельность, их должность давала им право на получение части дохода с церковного владения. В церковных вотчинах, возникших на праве «частной церкви» (см. выше, прим. 8 к гл. 3), фогты обычно происходили из рода основателя церкви (монастыря) и рассматривали свою долж-

ность как наследственную. Наряду с церковным фогством в Германии распространилось «защитное», или земское, фогство. Свободные крестьянские общины отдавались под судебную-административную власть феодалов, которые со временем втягивали население в феодальную зависимость.

V

Античная и средневековая демократия

¹ *Poor white trash* — бедный белый сброд (англ.).

² *Катилина* Луций Сергий (108—62 до н. э.) — римский патриций, претор в 68 г. до н. э.; потерпев несколько раз неудачу на консульских выборах, организовал заговор с целью овладения единоличной властью. После неудачи Катилина бежал из Рима, собрал войско и погиб в бою.

³ *Диоклетиан* — см. выше, прим. 71 к гл. 1 «Истории хозяйства».

⁴ *Эрехтейон* — см. выше, прим. 20 к гл. 2 «Истории хозяйства».

⁵ *Демиурги* — см. выше, прим. 7 к Введению «Истории хозяйства».

⁶ *...левитами Израиля.* — *Левиты* — служители религиозного культа у древних евреев; по преданию, потомки «колена» Леви (одно из племен, входивших в иудейско-израильский племенной союз).

⁷ *...времена Пунических войн...* — см. выше, прим. 10 к гл. 3 «Истории хозяйства».

⁸ *...во времена сословных компромиссов — Клицфена, а в Риме — децемвиры...* — см. выше, прим. 117 к гл. 1 «Истории хозяйства». *Децемвиры* (лат. *decemviri* — десять мужей) — члены коллегии из 10 должностных лиц или жрецов.

⁹ *...лондонским liveries...* — см. выше, прим. 37 к гл. 3 «Истории хозяйства».

¹⁰ *Демосфен* — см. выше, прим. 7 к гл. 2 «Истории хозяйства».

¹¹ *Yeomanry* — йоменри — крестьянское сословие в Англии в XIV—XVIII вв. Термин обозначает крестьян, ведших прежде всего самостоятельное хозяйство и обладавших «собственной» землей — наследственным держанием (в отличие от арендатора).

¹² *...реформы Гракхов...* — см. выше, прим. 51 к гл. 4 «Истории хозяйства».

¹³ *Сисситии* (греч. *syssitia* — совместная трапеза) — на Крите в Спарте совместное времяпровождение, включающее общие трапезы мужчин (полноправных граждан), санкционируемые государством. В Спарте сисситии назывались также фидитии (от греч. *phideisthai* — экономить). Спартиаты были обязаны делать одинаковый взнос за продукты, поставляемые для сисситии.

¹⁴ *Двенадцать таблиц* — см. выше, прим. 119 к гл. 1 «Истории хозяйства».

¹⁵ *...поражения при Коронее...* — *Короней* — город в Беотии, где в 447 г. до н. э. беотийцы победили афинян.

¹⁶ *Applicatio* — присоединение (например, клиента к патрону) (лат.).

¹⁷ *...в 134 г. до Р. Х. Сципион... призвал в войско своих клиентов...* — по видимому, имеется в виду война в Нуманции (см. в тексте стр. 483).

Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185—129 до н. э.) — римский полководец. В 146 г. до н. э. захватил и разрушил Карфаген, завершив 3-ю Пуническую войну. Римское предание изображает Сципиона ревностным поклонником эллинской культуры, приверженцем староримских нравов.

¹⁸ *Аппий Клавдий Слепой* — римский государственный деятель, цензор в 312 г. до н. э., консул в 307 и 296 гг., претор в 295 г., с 292 по 285 гг. — диктатор. Аппий Клавдий реформами ликвидировал некоторые привилегии патрициев и расширил права плебеев; ввел в сенат вольноотпущенников и зачислил в трибы безземельных граждан; его также считают основателем юриспруденции.

¹⁹ *...культура Августа как защитника мира...* — император Октавиан Август завершил гражданские войны, начавшиеся после смерти Цезаря и принес на территорию Римской империи мир. В произведениях литературы и искусства этой эпохи господствовала политическая тенденция — восхваление «римского мира» («*раха Романа*»), установленного и охраняемого Августом. См. также выше, прим. 120 к гл. 1 «Истории хозяйства».

²⁰ *Фукидид* (ок. 460—400 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории» в 8-ми кн.

²¹ *Павсаний* — древнегреческий историк II в. до н. э., автор «Описания Эллады».

²² *...аттический институт антидосиса...* (греч. ἀντιδοσις — обмен имуществом) — в Афинах существовало право, по которому гражданин, привлеченный к какой-либо литургии, мог предложить другому, более богатому и не привлеченному к литургии, обменяться имуществом. Последний должен был или согласиться на обмен или принять на себя литургию.

²³ *...аттическим клерухам...* — см. выше, прим. 50 к гл. 4 «Истории хозяйства».

²⁴ *...гражданское ополчение ломбардских бюргеров против Фридриха I...* — имеется в виду битва при Леньяно (1176), когда города Ломбардской лиги, заключившие союз с папой, нанесли поражение войскам Фридриха, а сам он был ранен.

Фридрих I — см. выше, примеч. 55 к гл. 2 «Истории хозяйства».

²⁵ *...государство Дионисия...* — имеется в виду государство тирана Сиракуз (с 406 до н. э.) Дионисия I Старшего (ок. 432—367 до н. э.), именуемое Сицилийской державой. После 341 г. начались столкновения между отдельными городами и единство Сицилийской державы было разрушено.

²⁶ *...Аттический союз...* — имеется в виду первый Афинский морской союз, образованный в 478—477 г. до н. э. Основной целью союза было продолжение войны с Персией освобождение греческих городов, лежащих в Малой Азии. Верховная власть принадлежала Афинам. Главный руководящий орган — союзный совет — располагался на острове Делос (отсюда также название Делосский союз), здесь же находилась союзная казна. Лишь наиболее крупные члены союза — острова Хиос, Лесбос, Самос, первоначально Наксос и Фасос — представляли для участия в оперативных союзных действиях военные корабли. Другие участвующие в союзе города ограничивались денежным взносом (форосом) и, таким образом, полностью зависели от Афин. В 454 г. до н. э. союз охватывал 208 добровольных и вынужденных членов, чьи интересы он успешно защищал, развивая торговлю и обеспечивая надежность ее коммуникаций. По этой причине основу союза составляло купечество и ремесленники. С заключением так называемого Каллиева мира в 449 г. основная цель союза была достигнута.

²⁷ *Пелопонесский и Беотийский союзы...* — *Пелопонесский союз* — старейшая греческая симмахия (греч. συμμαχία — боевой союз) во главе со Спартой, основанная ок. 550 г. до н. э. Первоначально Спарта заключила договор с Тегеей, затем отдельные договора с другими государствами Пелопонесса, кроме Ахайи и Аргоса. В Совете союза каждый союзный полис

обладал одним голосом, но Спарта имела большое влияние на голосование. В случае войны каждый член союза выставлял 2/3 своей военной силы, но верховное командование принадлежало спартамцам. Для морских сражений приморские города поставляли корабли, остальные — деньги. Во главе союза стоял спартанский наварх. Союзные налоги не взимались, союзной казны также не было. После поражения Спарты в войне с Фивами (371 до н. э.) союз распался и в 365 г. до н. э. был распущен.

Беотийский союз — имеется в виду возникшее в VI в. до н. э. объединение беотийских городов во главе с Фивами — крупнейшим городом Беотии.

²⁸ *...поражение афинского демоса...* — имеется в виду поражение Афин в Пелопонесской войне.

²⁹ *...вплоть до Валленштейна...* — см. выше, прим. 68 к гл. 1 «Истории хозяйства».

³⁰ *Остракизм* (греч. ostrakismos) — голосование посредством подсчета голосов на черепках (ostraka); введено в Афинах в конце VI в. до н. э.

³¹ *Катон Старший* — см. выше, прим. 93 к гл. 1 «Истории хозяйства».

³² *Ксенофонт* (ок. 430 — 355/354 до н. э.) — древнегреческий писатель и историк, автор «Греческой истории» в 7-ми кн.

³³ *...во время войны в Нуманции.* — Имеется в виду иберийский город в Кастилии (Испания), центр сопротивления местных племен римской экспансии. В 133 г. до н. э. Сципион Младший разбил повстанцев и после 9-месячной осады разрушил Нуманцию.

³⁴ *Нерон* — см. выше, прим. 55 к гл. 3 «Истории хозяйства».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август Октавиан — 106, 128, 476
Авимелех — 347, 356, 435
Агамемнон — 404
Адриан — 389
Александр Великий
(Македонский) — 106, 228, 290,
291, 295, 407
Александр I — 114
Александр II — 114
Александр III — 352
Алексей I Комнин — 391
Али ибн Али Талиб — 357
Алиды — 365
Алкивиад — 133, 436, 483
Альбукерк — 234
Альфонс X — 192
Анна Стюарт — 280
Апхий Клавдий — 474, 475
Аполлон — 460, 461
Аркарит — 170
Ауэры — 414
Ахилл — 404, 405
Аччайоли — 242
Бакхиады — 414
Бейерле — 373, 379
Белла Дж. делла — 423
Белов Г. фон — 347
Бертольд III Церингенский — 383
Борис Годунов — 97
Брайт — 317
Брольо д'Айяно — 424
Брун Рудольф — 420
Будда — 326
Бюхер К. — 15
Ваал — 52, 324
Вальдрада — 389
Варрон — 91, 198
Валленштейн — 74, 481
Веласкес — 171
Вельзеры — 214, 216
Веспуччи А. — 192
Вильгельм Завоеватель — 302, 397
Вильгельм Оранский — 247
Винчи Леонардо да — 284
Висконти, род — 437
Витте — 40
Габсбурги — 189, 261, 262
Гама Васко да — 234
Ганауэр — 396
Гарун-ар-Рашид — 357
Гегель — 384
Гектор — 404
Генрих I Норманнский — 400
Генрих I Птицелов — 346
Генрих II — 177
Георг I — 281
Гесиод — 412, 477
Геродот — 120
Гладстон — 105
Гогенштауфены — 177, 299, 375
Гомер — 45, 191, 349, 406, 413
Готейн — 407
Гракхи — 298, 303, 428, 465, 466
Григорий IX, папа — 252
Гримальди — 341, 456
Давид — 356
Дандоло — 391, 393
Данте — 134
Дебора — 346
Демосфен — 130, 195, 464
Демотиониды — 409
Диоклетиан — 75, 104, 458
Дионис — 434
Дионисий I — 480
Дориа А. — 191
Езра — 324, 369
Екатерина II — 77
Елизавета I Тюдор — 155, 178, 205,
280
Зальцер Э. — 426, 437
Заратустра — 52
Зомбарт В. — 274, 282, 294, 318, 323
Игиби — 213
Иегова (Яхве) — 325
Иефай — 356
Иоанн (Джон) Безземельный —
178, 400
Иосиф II — 110, 111

- Исайя — 323
Кальвин — 253
Каракалла — 231
Карл I — 178
Карл II — 107
Карл V — 273, 305
Карл VI — 109
Карл VIII — 53
Карл Великий — 80, 154, 232, 312
Карл Мартелл — 76
Карл-Фридрих — 106
Каролинги — 29, 32, 64, 128, 132, 145, 171, 230, 310, 350, 442
Картрайт — 276
Катадаха, род — 355
Катилина — 457
Катон Старший — 89, 196, 482
Клавдии, род — 354, 465, 483, 484
Клавдий Салмазий — 251
Клеон — 298
Климент Александрийский — 248
Клисфен — 104, 436, 463, 464, 469
Кобден — 315
Колумелла — 89
Кольбер — 166, 314
Конрад III — 175
Константин Великий — 231
Коперник — 329
Кортес Ф. — 319
Красс — 301
Крейсханк — 362
Кромвель О. — 244
Ксенофонт — 483
Лампрехт К. — 42
Лавелэ — 43
Лао-цзы — 326
Лексис — 233
Ленель — 388
Леопольд I — 108, 258
Леопольд Тосканский — 440
Либих Ю. — 278
Ливия — 126
Линч — 216, 427
Лисандр — 436
Лисий — 129
Ло Дж. — 261—264
Лоуд, епископ — 313
Людовик Богатый — 204, 311
Людовик XIV — 245, 262
Лютер М. — 148, 329
Магомед — 354, 356
Магон — 89
Мазарини — 447
Маймонид — 248
Макиавелли — 416
Маккавей Иуда — 435
Мандевилль — 330
Мария Терезия — 96, 107—109, 230
Марк Аврелий
Маркс К. — 41, 82, 158, 264, 316
Медичи, род — 13, 212, 240, 425
Мейер Э. — 427, 436, 474
Мейтленд Ф. У. — 344, 346
Мейтцен — 32, 33
Меланхтон — 329
Ментор — 402
Меркурий — 460
Меровинги — 67, 229, 230, 350
Мильтиад — 339, 409, 456, 482
Моммзен — 296, 411
Мориц Оранский
Магомед — 51
Наполеон Бонапарт — 113, 264
Неемия — 289, 322, 367
Нерон — 231, 484
Нибелунги — 224
Никий — 176, 478
Николай I — 114
Ньютон И. — 235, 237
Одиссей — 404
Павел, апостол — 293, 366
Павсаний — 477
Патрокл — 405
Паттерсон — 317
Перикл — 433, 459, 466, 475, 477
Перуцци — 242, 243
Петр, апостол — 293, 366
Петр I Великий — 77, 97
Пиль Р. — 96
Писарро — 321
Писистрат — 435
Писистратиды — 436
Платон — 288, 406
Плиний младший — 133, 176
Пост — 364
Приам — 404
Птолеми — 54, 73, 241, 305
Ратген — 345
Ричард II — 315
Родбертус — 73, 134
Роже I — 178
Савонарола — 388
Салическая династия — 468
Саффариды — 358
Сигизмунд I — 312
Сицендорфы — 167
Скалигеры, род — 437
Смит А. — 313
Собеер — 235
Солон — 435

- Стевин Симон — 254
Стефан Блуасский — 397
Столыпин — 38, 40, 116
Стюарты — 246, 256, 262, 315—317, 330, 444
Сципион Младший
Африканский — 473
Сюлли — 271
Тацит — 38, 120, 206
Телемах — 405
Терсит — 405
Туган-Барановский М. И. — 160
Тулуниды — 358
Турн и Таксис — 271
Тутмос — 347
Тюдоры — 398, 400, 444, 445
Фердинанд I — 235
Филипп II Август — 446, 468
Фома Аквинский — 288
Франк Себастьян — 329
Франсуа I — 168
Фридрих I Барбаросса — 177, 312, 480
Фридрих Великий — 22, 109, 111, 112, 309
Фридрих Вильгельм I
Прусский — 98
Фридрих Вильгельм III
Прусский — 111
Фридрих II Штауфен — 262, 312, 383
Фуггеры — 154, 214, 216, 244
Фукидид — 477
Фюстель де Куланж — 79
Хаммурапи — 241
Харонд — 435
Хачек — 372
Хлодвиг — 386
Христос Иисус (Назарянин) — 63, 325, 368
Хюргроньес С. — 357
Цезарь — 28, 38, 69, 231, 303, 482
Цицерон — 307, 428
Цинь, династия — 104
Штейн — 112
Ши-хуан-ди — 104
Штауфены — 290, 395
Штрак — 474
Эдуард I Плантагенет — 372
Эдуард II Плантагенет — 382, 417, 468
Эдуард III Плантагенет — 417
Эней — 404
Эсте, род — 437
Эфиальт — 432
Юстиниан I — 64, 73, 193, 305, 357
Яков II Стюарт — 445

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австрия — 11, 97, 98, 100, 108—110, 117, 169, 201
Азия — 45, 85, 159, 189, 225, 256, 273, 292, 293, 336, 351, 364, 365, 367, 370, 373, 385, 410, 412
Азия Восточная — 57, 228, 230, 361, 460
Азия Передняя — 72, 189, 227, 230, 292, 303, 351, 353, 360, 361, 385
Айблингский край — 32
Аквилея — 407
Аквитания — 81
Александрия — 192, 359, 485
Алессандрия — 407
Аллахабад — 354
Альпы — 65, 83, 360, 442, 452
Америка — 49, 56, 93, 94, 271, 319, 329
Америка Южная — 76, 91, 95, 235
Амстердам — 169, 236
Англия — 83, 90, 91, 92, 95, 96, 99, 101, 107, 109, 112, 115—117, 142—144, 151, 154—157, 162, 166, 168, 169, 177, 178, 197, 205, 210, 211, 215, 218, 220, 221, 235, 237, 246, 247, 262, 263, 265, 267, 271, 273—278, 280, 281, 283, 285, 302, 309, 313, 315—317, 346—348, 372, 379—382, 387, 398—402, 433, 443—445, 447, 449, 453
Аннаберг — 169
Антиохия — 366
Аравия — 204
Аргос — 476
Арнем — 339
Аттика — 299, 411
Аугсбург — 169, 199
Афины — 62, 105, 131, 194, 299, 343, 345, 362, 369, 404, 408, 414, 430, 432—434, 455, 458—460, 464—466, 469, 470, 476—478, 480
Африка — 10, 11, 91, 126, 173, 188, 190, 225, 232, 273—275, 365
Бавария — 32, 34, 89, 98, 102, 108
Баден — 32, 34, 36, 108
Базель — 384
Балтийское море — 191
Банат — 34
Барселона — 245
Белоруссия — 38, 101
Бельгия — 32
Бенгалия — 274
Берген — 32
Берлин — 340
Берн — 467
Бохум — 339
Болонья — 421
Брабант — 32
Бразилия — 46
Брешия — 422
Бургонь — 261
Бухара — 139
Вавилон — 52, 73, 79, 322, 350, 386, 411, 435
Вавилония — 199, 213, 228, 230, 239—242, 251, 285
Валькенрид — 179
Везер — 26, 32, 33
Веймар
Великороссия — 38
Венгрия — 109, 110, 178
Венеция — 71, 189, 197—199, 203, 207, 213, 219, 236, 271, 290, 293, 294, 312, 319, 328, 349, 388—392, 394, 397, 410, 413, 419, 438, 441, 454, 457, 479
Верона — 421, 437
Вест-Индия — 273
Вестфалия — 33, 89, 98
Византия — 116, 290, 293, 338, 389, 391
Висбаден — 289, 339
Висла — 101
Вифлеем — 368
Восток — 33, 49, 52, 63, 65, 69, 72, 74—76, 98, 159, 190, 199, 203, 205, 210, 211, 213, 214, 216, 224, 232, 283, 286, 287, 292—294, 311, 321, 322, 327, 389—391, 415, 460, 471

- Восток Ближний — 105, 129, 352
 Восток Дальний — 360
 Восточная империя — см. Византия
 Вюртемберг — 32, 34, 89
 Гаарлем — 169
 Галиция — 109, 113
 Галлия — 69
 Галь — 169
 Гамбург — 236
 Ганг — 347
 Ганновер — 98
 Гастингс — 397
 Генуя — 71, 197, 198, 202, 219, 243—245, 254, 257, 319, 374, 376, 414, 438, 479
 Германия — 26, 29, 31, 32, 35—37, 44, 82, 84, 86, 88, 97—100, 102, 108, 115—117, 127, 137, 142, 144, 150, 154—157, 162, 169, 177, 178, 188, 206, 208, 210, 214, 216, 218, 220, 221, 232, 233, 235, 237, 238, 271, 272, 278, 294, 297, 320, 335, 345—347, 355, 363, 372, 379, 381, 383, 384, 414, 420, 426, 433, 443, 451, 454, 464
 Гессен — 26
 Гибралтар — 192
 Голландия — 32, 263, 379, 411
 Гольштинское графство — 100
 Гослар — 177, 179
 Греция (см. также Древняя Греция) — 60, 63, 106, 133, 238, 241, 346, 403, 410, 435, 436, 459, 464
 Даль-Эльф — 32
 Дания — 109
 Данциг — 221
 Декелея — 347, 407, 409
 Дельфы — 410, 455
 Дерби — 277
 Дервент — 277
 Дитмаршен — 83
 Древний Китай (см. также Китай) — 346
 Древняя Греция (см. также Греция) — 345, 434, 459
 Дунай — 32
 Дюссельдорф — 340
 Европа — 45, 85, 88, 93, 104, 117, 143, 159, 163, 171, 174, 189, 191, 206, 211, 213, 230, 234, 235, 248, 266, 276, 279, 282, 283, 287, 289—293, 301, 306, 308, 310, 316, 318—321, 324, 328, 329, 345, 363, 385, 391, 467
 Европа Восточная — 173, 211
 Европа Западная — 75, 104, 133, 162, 185, 215, 250, 436, 441, 446
 Европа Северная — 134, 253, 347, 363, 364, 366, 446, 452, 456, 470
 Европа Центральная — 115, 293, 363, 366, 445, 447, 456
 Европа Южная — 147, 205, 293, 364
 Евфрат — 72, 356
 Египет — 11, 51, 53, 64, 66, 71—73, 79, 120, 138, 173, 175, 193, 203, 224, 239, 241, 292, 305, 327, 346, 349, 351, 355, 357, 385, 404, 477, 484
 Заала — 25
 Зальцах — 201
 Запад — 65, 72, 76—78, 147, 157, 158, 162, 167, 192, 203, 211, 213, 217, 219, 228, 230, 236, 248, 251, 257, 282, 286, 287, 289—292, 303, 307, 311, 351, 360, 367, 370, 375, 386, 389, 390, 393, 396, 397, 458, 461
 Золинген — 150
 Иглау — 259
 Идрия — 262
 Иерусалим — 52, 291, 369, 435
 Изаар — 200
 Израиль — 288, 341, 346, 347, 352, 353, 355, 371, 373, 412, 435, 460
 Иллер — 32
 Индийский архипелаг — 56
 Индийский океан — 225
 Индия — 43, 52, 57, 63, 74, 105, 126, 127, 137, 138, 147, 158—160, 172, 175, 187, 191, 202, 213, 214, 218, 219, 228, 234, 239, 248—250, 264, 283, 285, 287, 290—293, 303, 310, 311, 318, 319, 321, 325, 326, 346—348, 351—354, 361, 364, 365, 371, 385, 386, 408
 Индокитай — 226
 Инн — 201
 Иордания — 345
 Иран — 346
 Ирландия — 37, 38, 57, 95, 116
 Исмар — 405
 Испания — 116, 171, 192, 273, 282, 319
 Итака — 404
 Италия — 69, 87, 88, 106, 133, 142, 148, 151, 153, 164, 171, 201, 210, 213—216, 220, 276, 277, 290, 294, 313, 347, 375, 378, 379, 381, 388, 389, 393, 395, 398, 399, 402, 414, 416, 421, 428, 436, 438, 439, 443, 444, 460, 461, 471, 479

- Иудея — 355
Йена — 112
Калифорния — 238
Камерун — 71
Кампанья — 28, 95
Кантон — 218, 248, 311
Капуя — 228
Карфаген — 91, 193, 223, 228, 355, 436, 481
Кёльн — 134, 163, 221, 312, 341, 370, 374, 375, 379, 381, 383, 399
Кемптен, аббатство — 35
Кипр — 243, 404
Кирена — 349, 406
Китай (см. также *Древний Китай*) — 42, 43, 57, 63, 64, 66, 72, 74, 104, 128, 137—139, 147, 158—160, 172, 191, 213, 214, 217—219, 228, 229, 236, 239, 243, 248, 249, 264, 265, 282, 283, 285, 287, 289, 290, 292, 303, 306, 307, 309—311, 318—322, 325, 326, 345, 351, 353, 354, 365, 371, 385, 386
Константинополь — 359, 485
Корея — 311
Коринф — 414
Коронея — 470
Крайна — 262
Кроация — 34
Куллоден — 37, 95
Куртр — 301
Лаврион — 175
Латинская империя — 391
Лациум — 406
Левант — 273, 340
Лех — 32
Ливерпуль — 450
Лидия — 228, 406, 461
Лимбург — 185
Лоди — 421, 437
Ломбардия — 199
Лондон — 151, 185, 203, 217, 266, 278, 281, 340, 397, 398, 400, 416, 417, 445
Лорш, монастырь — 29
Луизиана — 264, 265
Лукка — 421
Лхаса — 328
Льеж — 278
Любек — 197
Люнебург — 272
Магдебург — 169, 379, 383
Майнц — 149
Малая Азия — 434
Мантуя — 437
Манчестер — 450
Марк — 99
Мекка — 356—358, 365, 375, 394, 419
Мекленбург — 99, 100, 102
Мексика — 235
Мемель — 101
Месопотамия — 72, 73, 190, 288, 292, 346, 351, 355, 364, 368, 435
Мессина — 192
Миддлсекс — 400
Микены — 403, 406
Милан — 376, 421, 437
Милет — 460
Миссисипи — 264, 269
Миссури — 226
Миттенвальд — 200
Моравия — 109
Москва — 42, 338, 458
Мур — 201
Мюнстер — 421
Мюнхен — 32
Неаполь — 53
Неймарк — 163
Нигер — 226
Нидерланды — 156, 169
Нижний Новгород — 211
Нил — 72
Новая Англия — 93
Новгород — 211, 415
Норвегия — 32, 83, 205
Нуманция — 483
Ньюкасл — 171, 185
Нюрнберг — 169, 236
Нючван — 218
Одер — 345
Ост-Индия — 264, 265
Остия — 192
Павия — 421, 440
Палестина — 364
Париж — 154, 168, 340
Парма — 437
Пекин — 139, 283, 289, 338
Пергам — 483
Персеполис — 345
Персия — 105
Перуджа — 424, 425
Пиза — 202, 422
Познань — 113
Польша — 99, 101, 102, 108, 113, 115, 121, 325, 335, 370, 452
Померания — 100, 102
Понт — 458
Португалия — 176
Прибалтийская область — 421

- Прованс — 341, 456
 Пруссия — 36, 100, 102, 108, 109, 111—113, 116, 117, 238
 Пфальц Верхний — 89
 Пьяченца — 437
 Раммельсберг — 177, 179
 Ревель — 197
 Регенбург — 26, 396, 414
 Рейн — 98, 201, 232, 312
 Риальто — 71, 236, 293, 390, 392
 Рим — 53, 66, 69, 75, 95, 105, 106, 132, 133, 193, 194, 228, 231, 239—241, 250, 297—299, 303, 305, 307, 343, 348, 356, 370, 379, 390, 395, 405, 406, 408—414, 417, 422, 427, 430—432, 435, 436, 457, 459—466, 469, 470, 472, 473—475, 477, 478, 482, 483, 486
 Римская империя — 79, 104, 106, 480
 Римская республика — 399, 458, 484
 Родос — 409
 Россия — 39, 42, 83, 96, 97, 101, 108, 114, 116, 132, 133, 147, 159, 160, 205, 211, 221, 226, 316, 335, 336, 347, 352, 361, 362, 381, 474, 476
 Саар — 185
 Саксония — 169
 Саламин — 175
 Северное море — 83, 191
 Сен-Готард — 199
 Сент-Этьен — 168
 Сербия — 34
 Сибирь — 97
 Сиена — 348, 359, 366, 421
 Силезия — 99, 100, 102, 109, 113, 116, 130, 362
 Синай — 175
 Сиракузы — 434
 Сирия — 324, 347, 351, 355
 Сицилийское королевство — 441
 Сицилия — 65, 85, 178, 262, 345, 434, 436, 441, 477
 Скандинавия — 32, 221
 Соединенные Штаты, ((Северо)Американский Союз) — 18, 91, 92
 Спарта — 68, 345, 406, 408, 429, 469, 476, 483, 485
 Средиземное море — 105, 191, 198, 319, 337, 356
 Средиземноморье — 396
 Стаффордшир — 277
 Страсбург — 384, 426
 Тель эль Амарна — 355
 Теос — 407
 Тибет — 328
 Тигр — 72
 Тир — 355
 Тиринф — 403
 Тироль — 83, 109, 313
 Тирренское море — 436
 Тоскана — 440
 Троя — 404
 Турция — 105
 Украина — 38, 42
 Утрехт — 169
 Фивы — 476
 Финикия — 351, 355, 364
 Фландрия — 32, 151, 154, 210, 257, 443
 Флоренция — 106, 154, 164, 202, 215, 216, 233, 296, 297, 319, 414, 417, 438, 453, 480
 Фонтебло — 168
 Франкфурт — 210, 449
 Франция — 32, 35, 84, 86, 88, 102, 107—109, 115—117, 142, 144, 151, 154—157, 168, 178, 202, 218, 233, 237, 238, 261, 262, 264—266, 275, 282, 283, 308, 316, 320, 322, 380, 426, 438, 443, 445—447, 449
 Фрейбург — 383, 402
 Фрисландия — 83
 Фульдский монастырь — 81
 Ханаан — 325, 346
 Цвиккау — 278
 Цюрих — 169, 420
 Чехия — 109, 130, 169
 Шампань — 154, 209—211
 Шанхай — 218
 Шварцвальд — 201
 Швейцария — 83, 201, 443
 Швеция — 32, 205, 415
 Шлезвиг-Гольштиния — 29
 Шотландия — 37, 95, 116
 Штирия — 259
 Экбатаны — 345
 Эллада — 406, 407, 435, 458, 470, 478, 482, 484
 Эльба — 25, 32, 33, 99, 100, 345
 Эпидамн — 415
 Эссен — 339
 Этрурия — 406, 485
 Южный океан — 50, 58, 70, 266
 Ютландия — 32
 Ява — 225, 226
 Япония — 73, 76, 77, 105, 230, 289, 311, 325, 345, 352—354

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА	5
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	7
Глава первая ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО, РОД, ДЕРЕВ- НЯ И ПОМЕСТЬЕ (АГРАРНЫЙ СТРОЙ)	25
Глава вторая ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ГОРНОЕ ДЕЛО, ДО НАСТУПЛЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕ- СКОГО РАЗВИТИЯ	119
Глава третья ТОВАРНОЕ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ	186
Глава четвертая ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА	254
ГОРОД	333
I. ПОНЯТИЕ ГОРОДА И ЕГО КАТЕГОРИИ	335
II. ЗАПАДНЫЙ ГОРОД	360
III. РОДОВОЙ ГОРОД В СРЕДНИЕ ВЕКА И В ДРЕВНОСТИ	387
IV. ПЛЕБЕЙСКИЙ ГОРОД	420
V. АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ	456
КОММЕНТАРИИ	489
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	568
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	571

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Макс Вебер
ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА
ГОРОД

Редакторы *Г. Э. Кучков и Н. Д. Саркитов*
Оформление *Н. Д. Саркитова*
Верстка *А. Н. Саркитова*
Корректор *В. Е. Климанов*

По вопросам реализации звонить: 113-31-31.
Региональным оптовым книготорговым организациям
обращаться по адресу:
111402, г. Москва, Вешняковская ул., 6-3-92.

Подписано в печать 12.03.00. Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетна
Гарнитура SchoolDL. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 3000 экз. Заказ № 751

Издательство «КАНОН-пресс-Ц»,
113054, г. Москва, Стремянный пер., д. 31/1.
Серия ЛР № 066291

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в ППП типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

ISBN 5-93354-007-2

9 7 8 5 9 3 3 5 4 0 0 7 6